

Писатель и мыслитель, литературный критик и публицист, деятель евразийского движения
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧХЕИДЗЕ

(1897–1974) – яркая фигура русской
Праги 1920–1970-х годов. Его судьба прочертила
впечатляющую траекторию: Кавказ – Крым –
Константинополь – Болгария – Чехословакия –
лагерная Сибирь – снова Чехословакия...

Личный опыт жизни и мысли претворялся
в горниле творчества. Сердечная отзывчивость,
тонкая наблюдательность, стремление понять
современность и увидеть будущие горизонты
истории, духовная собранность, внутренняя
чистота, взыскание абсолюта –
характерные черты Чхеидзе-писателя.

В его художественном творчестве
неразрывно соединились две главные темы:
Кавказ и эмиграция. Земля предков
и судьбы русских изгнанников.
Кавказ – как сердце России-Евразии,
самобытный мультикультурный мир,
средоточие нравственных ценностей
и традиций, передающихся из поколения
в поколение на протяжении многих
веков. Эмиграция – как феномен русской
послеоктябрьской жизни, который должен
быть осмыслен во всей его многоликости
и глубине, увиден через
«труды и дни» тех, кто проходит
свой путь в изгнании в надежде
на возрождение России, а значит,
и на свое возвращение в родные края.

Книга «ПУТНИК С ВОСТОКА» представляет
читателю малую прозу Чхеидзе 1920–1930-х годов:
повести, рассказы, очерки, избранное
литературно-критическое и публицистическое
наследие писателя, некоторые письма.

Константин
Чхеидзе

ПУТНИК С ВОСТОКА

Константин
Чхеидзе
ПУТНИК
С ВОСТОКА

**ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ МУЗЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
(Чешская Республика)**

**СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
при Национальной библиотеке Чешской Республики**

**МУЗЕЙ-БИБЛИОТЕКА Н.Ф. ФЕДОРОВА
при Центральной детской библиотеке № 124 ЦБС «Черемушки»**

K. Zeyde

КОНСТАНТИН
ЧХЕИЦЗЕ

ПУТНИК
С ВОСТОКА

ПРОЗА
ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
ПУБЛИЦИСТИКА
ПИСЬМА

МОСКВА
КНИЖНИЦА · РУССКИЙ ПУТЬ
2011

УДК 82
ББК 84(2 Рос)6
Ч-97

ISBN 978-5-903081-14-1
ISBN 978-5-85887-419-5

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
выражает глубокую благодарность
дочери писателя *Марии Чхеидзе*
за любезное разрешение на публикацию этой книги

Составление, вступительная статья,
подготовка текста, комментарии *А.Г. Гачевой*

Художник *О.В. Комарова*

Чхеидзе, К.А.
Ч-97 Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Константин Чхеидзе ; [сост., вступ. ст., подготовка текста и коммент. А.Г. Гачевой]. М. : Книжница : Русский путь, 2011. — 536 с. : ил.

ISBN 978-5-903081-14-1
ISBN 978-5-85887-419-5

Книга представляет читателю избранное литературно-художественное и публицистическое наследие писателя, мыслителя, деятеля евразийского движения Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974). Впервые собрана его малая проза 1920–1930-х гг. (повести, рассказы, очерки), статьи по литературным и социально-философским вопросам, избранные письма. Чхеидзе, судьба которого прочертила впечатляющую траекторию: Кавказ — Крым — Константинополь — Болгария — Чехословакия, рисует «труды и дни» русских изгнанников, размышляет об «отцах» и «детях» эмиграции, о путях русской литературы и путях истории. В книге воспроизводятся уникальные фотографии из архива семьи Чхеидзе, архивных фондов и личных собраний Российской Федерации и Чешской Республики.

Издание снабжено вступительной статьей, знакомящей с жизнью и творчеством писателя, и научным комментарием.

УДК 82
ББК 84(2 Рос)6

- © Чхеидзе К.А. (наследники), 2011
- © Вацек Й., Карабанов П., Копршинова А., Магидова М., Чхеидзе М., иллюстрации, 2011
- © Гачева А.Г., составление, вступительная статья, комментарии, 2011
- © Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2011

ПУТНИК С ВОСТОКА НА ЧЕШСКОЙ ЗЕМЛЕ

«Путник с Востока» — так назвал Константин Чхеидзе четвертый роман из семи, созданных им в изгнании. Он писал его в Праге в 1941 г., на двадцать первом году своей эмигрантской жизни. Через судьбу главного героя Алеши, имя которого отсылало к «Братьям Карамазовым», роману, глубоко поразившему его еще в юности, писатель, философ, публицист рассказывал о Кавказе, о тех людях, с которыми сводила его судьба, прочерчивал изменчивую ее траекторию, столь знакомую тем, кто, подобно ему, прошел все этапы белой трагедии: Константинополь — Болгария — Чехия¹. Неразрывно сплетал в символическом заглавии романа план автобиографический и план историко-философский, ставя своего *путника* в ряд тех «искателей Града», что на протяжении веков шли по пространству земли в чаянии всеразрешающей правды.

Увы, роман, писавшийся на огромном напряжении сил, так и не увидел света. Цензура оккупированной Чехословакии не пропустила его. А спустя четыре года, когда в Прагу вошли советские войска, Чхеидзе был арестован органами СМЕРШ, и начался крестный путь на Восток, но не на благоденственный Кавказ, а в сибирские лагеря. И лишь в 1955-м судьба возвратила его в Прагу, почти повторив для писателя, приближавшегося к порогу шестидесятилетия, траекторию юности.

Чехословакия, давшая братский приют 30 тысячам русских эмигрантов, была для Чхеидзе его «домом в изгнании»². И как писатель он в большей степени стал явлением чешской литературы. Впрочем, за годы пражской жизни сей «путник с Востока» так и не начал писать по-чешски. Все его произведения писались по-русски, сначала от руки, потом на старенькой машинке, верно служившей ему многие годы, и лишь затем переводились на чешский язык. Во многом именно благодаря Чхеидзе в сознание чешских читателей вошел образ Кавказа — во всей его многогранности, исторической, духовной, культурной. В 1930-е гг., вдохновляемый миссией духовного посредничества между чешской и русской культурами, талантливый критик и эссеист активно знакомил читателей чешских газет и журналов («Venkov», «Akce kulturní, sociální, politická», «Rozhledy po literatuře a umění», «Elán»,

---

¹ См.: К.А. Чхеидзе — С. Погорецкой. 6 апреля 1941 // Литературный архив Музея национальной письменности (Чешская Республика). Фонд С. Погорецкой. 79/65. Далее письма Чхеидзе С. Погорецкой цитируются по этому источнику.

² Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008.

«Brázda», «Ruch filosofický», «Literární noviny» и др.³) с русской философией и литературой, рассказывал о классиках «золотого века» (А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском) и о современных писателях (А.М. Горьком, В.В. Хлебникове, В.В. Маяковском, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернаке и др.), о «московском Сократе» Н.Ф. Федорове, писал о советской и эмигрантской литературе... Отечественному историку литературы эта сторона его деятельности практически неизвестна.

Историки пореволюционных течений русского зарубежья знают Чхеидзе как одного из деятелей пражского евразийства⁴, хотя целостное исследование его роли в евразийском движении конца 1920-х — начала 1930-х гг. еще ждет умного и энергичного ученого, не боящегося «архивной» пыли. Специалисты по творчеству Н.Ф. Федорова пишут о нем как об одном из последователей «Философии общего дела», создателе архивного собрания «Fedoroviana Pragensia», представляющего собой ценный источник для изучения влияния идей «московского Сократа» на духовные искания эмигрантов первой волны⁵. Но все это лишь отдельные грани творческого облика Константина Чхеидзе, ипостаси, тускнеющие в оторванности друг от друга и лучащиеся богатством красок только тогда, когда оказываются соединенными неслиянно и нераздельно, являя «великую тайну» и неисчерпаемость личности.

В книге, которую читатель держит в руках, сделана попытка хотя бы на шаг приблизиться к этой тайне, представить творчество К.А. Чхеидзе в его многогранности, в многоголосии жанров (очерк, рассказ, повесть, статья, заметка, эссе, письмо и т.д.), в сплетении тем и мотивов, перетекающих из прозы в публицистику и из публицистики в прозу, одушевляющих общественную активность писателя и одновременно звучащих в статьях о литературе. Пока эти связи могут быть намечены только пунктирно. В небольшой том не вместить наследия сорока пяти творческих лет (1919–1945, 1955–1974). Да и вернуть художественное наследие К.А. Чхеидзе русскому читателю во всей полноте представляется невозможным, ибо русские тексты большинства его романов утрачены.

Впрочем, вопреки трезвому рассудку, нашептывающему, что рукописи все же горят, хочется написать: *представляется пока невозможным и еще не*

³ См. библиографию статей К.А. Чхеидзе в чешской периодике, составленную Й. Вацком: *Zirající do slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzinského knížete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách*. Praha, 2002. P. 93–116.

⁴ См.: *Гачева А.Г.* Неизвестные страницы евразийства. К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // *Вопросы философии*. 2005. № 9. С. 147–167; *Макаров В.Г.* Евразийство; К.А. Чхеидзе // *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009. С. 142–149, 613–616.

⁵ См.: *Hagemeister M.* Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 430–435; Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 836–848; *Гачева А.Г.* Fedoroviana Pragensia. Вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение // *Slavia: časopis po slovansku filologii*. Roč. 80. 2011. № 2–3. S. 233–248.

*разысканы, ибо вера в реальность чуда неотменима в душе человека. Не зря же утверждал Лермонтов, любимый поэт Чхеидзе, в стихотворении, которое Константин Александрович часто цитировал: «Когда б в покорности незна-
нья / Нас жить Создатель осудил, / Неисполнимые желанья / Он в нашу душу
б не вложил...»*

ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ. Годы Гражданской войны

Русский по матери, грузин по отцу, Константин Чхеидзе родился 19 сентября 1897 г. в Моздоке, где его предки, ставшие в XVIII в. русскими подданными, получили земли от правительства Екатерины I. Аристократический род князей Чхеидзе верой и правдой служил Государству Российскому, не роняя чести фамильного герба, изображавшего меч, брошенный на чашу весов. Отец, Александр Чхеидзе, в юные годы добровольцем ушел на Русско-турецкую войну и участвовал в боях под Шипкой. Первым в семье он женился не на грузинке, а на девушке из русской семьи. Дочь полковника, незнатная и небогатая, обладала замечательной красотой и добрым, отзывчивым сердцем.

В семье Чхеидзе было шестеро детей. Пять девочек и Константин, единственный сын, «продолжатель рода». От отца он унаследовал независимость и твердость характера, от матери — чувствительность, доброту, живой и подвижный ум. Родителей и сестер он очень любил, хотя отец умер рано, когда мальчику исполнилось только пять лет. Любил и бабушку Анну, мать отца, несмотря на ее властный и своенравный характер. Не одобрявшая выбор сына, женившегося не на равне, она искренне была привязана к внуку.

С детства Константина Чхеидзе чрезвычайно интересует мир вокруг него: и ближний, домашний, с семейными традициями, реликвиями, родовыми преданиями, и городской, открывавший мальчику новые впечатления. Моздок в начале XX в. насчитывал всего 3–4 тысячи человек населения, но этнографически и культурно был разнообразен необычайно. «В городе жили грузины-православные и грузины-католики, армяне-грегориане и армяне-католики, были осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши, немцы, казаки, украинцы, евреи, персы. Никаких национальных или религиозных предубеждений среди нас, мальчиков <...> не было. Мы вместе играли, вместе купались, ловили в Тереке рыбу, ходили в сады лакомиться фруктами, виноградом, на бахчи — арбузами. Эта этнографическая пестрота, религиозное разнообразие принималось нами как нечто данное, само собой понятное. Также и сословные различия стирались между нами — это

был подлинный “демократизм”⁶. Да, не даром говорил Христос: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18:3). Детская открытость и любовь к людям, вне зависимости от их веры и национальности, будут свойственны Константину Александровичу Чхеидзе всю жизнь. Выросший в двуконфессиональной семье (отец был католиком, а мать — православной), с детства посещавший и католический костел, который был построен в Моздоке его предками, и православный храм, куда мальчика часто водила мать, а потом много общавшийся с горцами-мусульманами, он с чрезвычайным уважением относился к религиям мира, и Бог в его романах, к которому взывают с надеждой и упованием то старец-мусульманин, то бесстрашный воин, то офицер-христианин, есть единый, Предвечный Бог, милосердный к людям и миру, одаряющий человека великим даром любви, зовущий его к вечной правде и вечной жизни.

Моздок, Моздок... С каким юношеским увлечением описывал уже немолодой Константин Александрович шумные ярмарки, устраивавшиеся в городе под праздник Успения Пресвятой Богородицы! Тогда «продавалось и покупалось все: лошади, коровы, овцы, козы, буйволы, ослы, домашняя птица, кожа, шерсть и все изделия из кожи и шерсти. В наскоро сколоченных магазинах предлагались ткани, начиная с шелковых и кончая копейным ситцем. Тут — железоскобяной товар, рядом двуколки, возы, фазтоны. Дагестанские чеканщики привозили свои художественные вещицы из серебра. Украинцы продавали глиняную посуду, охотники всех народностей — меха. Лежали высокие горы арбузов, стояли возы, доверху наполненные виноградом. Фрукты отдавались чуть не даром» (*Воспоминания*, 24). Но сердце, бывшее бурным, почти языческим восторгом при виде всего этого немислимого изобилия, запечатлевалось в себе и другое — толпы богомольцев, шедших поклониться Богородичной чудотворной иконе, находившейся в соборном храме Моздока. Мать распоряжалась выставлять перед домом, где жило семейство Чхеидзе, большие чаны с водой. И дворянские дети сами подавали воду паломникам, в большинстве своем людям бедным, простым, — да что там говорить: просто нищим, больным и убогим. Всех, кто в том нуждался, кормили. Самым обнищавшим раздавали одежду, снабжали их продуктами и деньгами. Как чутко, мудро, воспитующе был этот жест матери, учившей сво-

⁶ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли: [Воспоминания] // Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд К.А. Чхеидзе. 6/71. С. 22. Машинопись с авторской правкой. Далее ссылки на этот источник даются в скобках после цитаты под условным названием «Воспоминания» и с указанием номера машинописной страницы. В настоящее время воспоминания К.А. Чхеидзе готовятся к изданию Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына и Литературным архивом Музея национальной письменности. Глава о русской Праге опубликована М. Магидовой: *Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии*. Praha, 2011. С. 29–215.

их детей — неважно, что они знатного рода, — оказывать помощь всякому человеку, как бы ни был он мал и ничтожен, ведь в образе этих страждущих, отверженных, попавших в беду и приходит к людям Спаситель. Симпатию и интерес к простым людям Константин Чхеидзе будет испытывать с самого детства: их разговоры — без светской изнуряющей болтовни, без отвлеченного и такого бесплодного умствования, — рассказанные ими истории, иногда совершенно фантастические и тем не менее истинно увлекательные, спустя многие годы найдут свое отражение на страницах его рассказов, повестей и романов.

Впечатлительность натуры соединялась в Константине с мальчишеской удалью. Вместе со сверстниками он ездил верхом, ловит рыбу, ходит в дальние походы, легко перенося трудности и лишения, совершает свои маленькие подвиги, вселяющие в него чувство гордости: мало кто из молодежи решался переплыть бурный Терек, а он решился и переплыл. А еще однажды спас двух друзей, едва научившихся плавать и легкомысленно полезших в воду в опасном месте.

Мир человеческий во всей его многоликости — этнокультурной, религиозной, психологической — входил в душу ребенка, сплетаясь с миром природы. Первозданная красота Кавказа, воспетая Пушкиным и Лермонтовым, завораживала, наполняла сердце восторгом, возвышала ум и психею. Этот высокий строй мысли и чувства не был утрачен Константином Александровичем даже в самые трудные и страшные годы.

С детства его особенно влекли к себе горы. «Величественная красота горных вершин вселяла уверенность в том, что мир, в котором существует такое неизъяснимое великолепие, не может не быть прекрасным» (*Воспоминания*, 36). Кавказские пейзажи навсегда останутся в его памяти как эталон красоты. Ими он будет верить впечатления от европейских ландшафтов, их не раз будет описывать в своих книгах. К ним будет улетать воображением и в лемносских палатках, и в болгарских рудниках, и в тесной комнатке в пригороде Праги.

Впрочем, русско-грузинский мальчик не только наблюдает, запечатлевая в уме и сердце образы человеческого и природного мира. Он еще и стремится ответить на вопрос: «почему», «понять мир, людей и самого себя» (*Воспоминания*, 37). Его волнуют причины самых разных явлений — от взаимной непохожести национальных физиономий, верований, укладов жизни до событий в политике, ведь отзвуки первой русской революции докатились и до Моздока. Он хочет найти причины превратности жизни — еще в раннем детстве Константин почувствовал ее на судьбе собственного рода: умирали близкие, покончил с собой кузен Арсений, был убит в результате то ли злого умысла, то ли несчастного случая кузен Симеон. В поиске ответа мальчик бродит по фамильному дому, всматриваясь в портреты отца и деда, трогает

отцовские вещи — «янтарные мундштуки, оружие, портсигар», как будто просит помочь. «Но портреты и вещи хранили торжественное молчание» (*Воспоминания*, 19).

В одиннадцать лет Чхеидзе уезжает из родного дома. Его судьба предопределена — в отцовском роду все были военными; фамильная шашка, на протяжении поколений переходившая от отца к сыну, уже ждала своего наследника. «Я должен был стать военным, служить в кавалерии, в Северском, Нижегородском или Тверском драгунском полку», — напишет он в мемуарах (*Воспоминания*, 29).

Полтавский кадетский корпус, в который поступил Чхеидзе в 1908 г., носил имя Петра Великого. «Просторные классы, широкие коридоры, залы, увешанные портретами императоров во весь рост, красивая церковь внутри здания, большая столовая в нижнем этаже со сводчатыми потолками» (*Воспоминания*, 39), а еще спальные, гимнастический зал, библиотека. Преподавание было поставлено хорошо: общему образованию уделялось не меньше внимания, чем военной подготовке будущих офицеров. В учебной программе корпуса были физика, математика, география, иностранные языки, музыка, литература, история, наконец, Закон Божий, который вел отец Сергей Четвериков, в будущем — известный деятель эмиграции, один из духовных столпов Русского студенческого христианского движения.

Еще в родном Моздоке Константин Чхеидзе пристрастился к чтению — в доме одного из братьев отца было прекрасное собрание книг — несколько тысяч томов. В кадетском корпусе увлечение книгой стало постоянным и прочным. Чхеидзе был назначен заведующим библиотекой. Читать начал запоем, да так, что запустил все предметы и провалился на ближайших экзаменах. Впрочем, оценки он быстро исправил и к окончанию корпуса был в десятке лучших учеников.

В фундаментальной библиотеке корпуса, куда допускали немногих, он читает русских классиков: Достоевского, Толстого, Горького. «Историю моего сознания, — напишет позднее, — можно разделить на две части: до знакомства с Достоевским и после знакомства с ним» (*Воспоминания*, 46). Свои впечатления обсуждает с Асланбеком Шериповым, будущим деятелем революционного движения на Кавказе, а пока — кадетом, учившимся на класс младше Чхеидзе. Асланбек, гордый чеченский юноша, не менее Константина взволнован чтением Достоевского, но его чувства ближе к ненависти, чем к любви: он презирает Раскольникова и Дмитрия Карамазова, его отталкивают нервические образы героинь и лишь «Записки из Мертвого дома» вызывают симпатию — за сочувственное изображение дагестанцев. «Записки из Мертвого дома» близки и Чхеидзе. Позднее он напишет этюд о сходстве дагестанца Али с Алешей Карамазовым.

Именно в корпусе впервые берется он за перо. Сначала — по учебной нужде (характерны названия его работ: «Рыцари средних веков», «Смысл танцев»), а затем и по зову сердца. В пятом классе вместе с одноклассником В. Короленко, племянником знаменитого писателя, издает журнал «Огонек». Потом затевает новый журнал, носивший название «Сигма», — основной темой было «стремление к объединению. Кого и чего — оставалось не вполне ясным и его творцу» (*Воспоминания*, 57).

Славный Петровский полтавский кадетский корпус Чхеидзе оканчивает в мае 1916 г. А с октября начинаются занятия в Тверском кавалерийском училище. Здесь он сразу становится одним из первых учеников. Не только талант писателя пробуждается в юноше, но и талант кавалериста. Отец посадил Константина на лошадь, когда тому было 4 года. Занятия верховой ездой мальчик полюбил с детства. И в корпусе, следуя семейной традиции, увлеченно оттачивал мастерство конника, вдохновляясь в своих занятиях не только примерами жизни, но и образами литературы: описаниями гусар и гусарской жизни в произведениях Лермонтова, Дениса Давыдова, Льва Толстого.

И в кадетском корпусе, и в кавалерийском училище будущим офицерам внушали неписанный завет: «Армия вне политики». Но внешние события развивались так, что политические ветра доносились и до училищных стен. 2 марта 1917 г., в день отречения Николая II, в городе вспыхнули беспорядки. Озверевшая толпа растерзала губернатора, осадила здание временного комитета. Представители Временного правительства обратились за помощью к юнкерам. Молодые корнеты до поздней ночи патрулировали город, стремясь удержать обезумевших, пьяных вином и кровью людей от новых насилий. Не высокий, не романтический — «изнаночный», искаженный злобой лик революции предстал им тогда. Позднее Чхеидзе будет писать, что эти ненависть и насилие были лишь одной, частичной правдой, что была и другая, высокая правда социального переворота, питавшаяся верой в возможность справедливого, братского устройства людей на земле. Но всегда будет жить в нем понимание, рожденное и личным опытом, и прикосновением к духовному опыту русской классики, что цель никогда не оправдывает средства, что если нет братских чувств в сердцах человеческих, никакой социальной гармонии создать нельзя: неизбежно взорвется она изнутри под натиском темных энергий ненависти и розни.

После Февральской революции Тверское училище, присягнувшее Временному правительству без энтузиазма, но спокойно и твердо, следуя новым веяниям, перешло на самоуправление. Власть в нем теперь принадлежала Корнетскому комитету. Комитет, председателем которого являлся Чхеидзе, был символом училищных традиций, стабильности и внутреннего порядка. Константина избрали и членом губкома, но царившая на за-

седаниях атмосфера: неразбериха, крики с мест, перебранки ораторов, — неприятно поразила его, привыкшего к военной четкости и дисциплине, а когда он узнал, что принимаемые резолюции заранее готовятся рабочим центром, находящимся под влиянием большевиков, это известие отбило у молодого корнета всякую охоту участвовать в подобного рода играх управленческой власти.

На Пасху 1917 г. Чхеидзе отправился к семье на Кавказ. И тут произошла встреча, определившая его судьбу не только на ближайшие годы — в сущности, на всю жизнь. Он оказался в одном поезде с Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, в будущем — организатором антибольшевистского восстания в Кабарде, легендарным деятелем Гражданской войны на Кавказе, а в ту пору — офицером Кабардинского конного полка. После разговора с Заурбеком неясное намерение служить именно в этом полку стало твердым решением. И спустя полгода, 25 октября 1917-го, в день Октябрьского переворота, пустившего историю России совсем по новому руслу, молодой офицер Константин Чхеидзе прибыл в Нальчик, где в это время дислоцировался Кабардинский полк.

Он служил в третьей сотне под началом Заурбека, ставшего и его начальником, и старшим другом. Вместе с ним принял участие в смелой операции в Пятигорске: третья сотня в составе 54 человек сумела предотвратить большевистское восстание в городе. Когда в Кабарде установилась советская власть и рядовые и офицеры полка были распущены по домам, Чхеидзе не прерывал общения с командиром — часто разговаривали они по душам: о революции и ее смысле, об идейном и духовном кризисе, постигшем страну в предреволюционные годы и углубляющемся в современности, о судьбах народов Кавказа и их взаимоотношениях с Россией. В одну из таких бесед Константин признался, что хотел бы получить высшее образование, стать психиатром, но не практиком, а теоретиком в этой области. Где учиться? Возможно, в Киеве, Одессе, а лучше всего в Тбилиси: «Если бы попал в Тбилисский университет, тем самым возвратился бы в страну своих отцов; а это тоже мое давнее желание...

— Интересно, — сказал Заурбек. — Ты, оказывается, мечтатель... Университет! Хорошо задумано» (*Воспоминания*, 228).

Мечты об университете в это разорванное, кровавое время так и остались мечтами. Вскоре вспыхнуло восстание на Тереке, Заурбек образовал военный отряд и партию «Свободная Кабарда», и Чхеидзе стал его личным адъютантом и секретарем. Так будущий писатель оказался в Белом движении и должен был разделить его судьбу до конца.

Об эпохе Гражданской войны он напишет потом немало страниц. Ей будут посвящены повесть «Моменты» (1927) и главы книги «Страна Прометей» (1930), романы «Глядящий на Солнце» (1935) и «Навстречу буре» (1940),

исторический очерк «Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков и Гражданская война в Кабарде» (1937), обширная глава мемуаров «События, встречи, мысли» (1967–1971). Смысл произошедшего со страной и людьми будет осмыслять в публицистических статьях, письмах, записях из дневника. Навсегда запечатлеются в его памяти картины разоренных сел, пленные солдаты-красноармейцы, оторванные от земли, от семей, с землистыми, потухшими, безнадежными лицами. И жестокий, кровавый бой кабардинцев с кабардинцами возле одного из селений, в котором один кабардинец резал руки другому, а третий тщетно пытался разнять детей единого народа, забывших заветы предков. Чхеидзе рисует «бестиальный лик гражданской войны», когда рушились моральные устои, срывались покровы культуры и обнажался лик зверя, таящийся в глубинах естества человека. И он же говорит о массовых случаях «великодушия, героизма, самопожертвования, святости» (*Воспоминания*, 255), готовности «положить душу свою за друзей». Он видит высокий идеализм, живший в душах тех, кто стоял по разные стороны баррикад. Понимает, что у каждой из сторон была своя — дробная, частичная — правда, за которую ее защитники готовы были идти на смерть. Трагедия же состояла в том, что ни одна сторона не была способна возвысить эту частную правду до правды целостной и абсолютной, способной примирить идейные антагонизмы, синтетически вместить в себя — в претворенном, избавленном от разделяющих крайностей виде — правды отдельных личностей, слоев, классов, народов.

27 августа 1919 г. в боях под Царицыном погиб Заурбек. Чхеидзе сам вывез тело друга с поля сражения. По его собственному признанию, с этого момента на протяжении трех лет он жил «по инерции» — слишком крепка была их духовная связь. Что касается военной службы, то после гибели Заурбека Чхеидзе стал адъютантом правителя Кабарды князя Тембота Бековича-Черкасского — по настойчивой личной просьбе последнего. А зимой 1919–1920 гг. начался разгром Белого Юга. В феврале 1920 г. остатки кабардинских войск прибыли в Нальчик. Впереди были прощание с родиной — как оказалось, навеки — и тяжелый, изматывающий переход через Владикавказ и Дарьяльское ущелье в Грузию. 4 марта длинная «колонна — всадники, пулеметные тачанки, артиллерия, подводы с женщинами, стариками, ранеными и детьми — двинулась, растянувшись на несколько верст, из города. Город сразу опустел, онемел, окаменел. На горизонте сверкали на фоне пронзительно голубого неба величавые гребни гор. Горы стояли здесь в неприступном, торжественном, замкнутом в себе молчании на заре веков» (*Воспоминания*, 310).

Образ этих гор, молчаливых свидетелей тысячелетней истории человечества, ее взлетов и падений, святости и безобразия, уносил в своем сердце в изгнание Константин Чхеидзе.

Эмиграция. Мир Евразийства. Философия и публицистика

Душети, Мцхети, Гори, Поты. Переправа на кораблях в Феодосию. Врангелевский Крым, напоминавший за краткое время своего существования «древний Карфаген, уже осознавший свою неизбежную грядущую гибель» (*Воспоминания*, 319). Бои на Перекопе. Разгром армии Врангеля. В первых числах ноября 1920 г. десятки судов с военными и беженцами отчаливают от родных берегов. В романе «Без гнезд» (1944–1945), который так и не увидит света, Чхеидзе подробно опишет последний акт «белой трагедии» — изнурительное плавание по Черному морю. Казалось, сама природа отвернулась тогда от русских изгнанников. В пути штормило, пассажиры переполненных судов страдали от тесноты, недостатка воды и пищи, многие мучились морской болезнью. Но главное — в душах беженцев царили уныние, тоска, страх неизвестности, а белые воины испытывали горечь и стыд — за то, что не отстояли Россию. Позднее в повести «Моменты» Чхеидзе выведет русского офицера Николая Зарина, одушевленного идеей спасти царскую семью, «их жизнь и через это жизнь России»⁷. С риском для жизни пробирается он в Екатеринбургскую губернию, но усилия его тщетны: царская семья расстреляна, а сам герой попадает в руки красных, отдающих его крестьянам на самоуд. Работая батраком на полях — идет уборка хлеба, дороги каждые руки, и старик, судья и сторож пленника, оставляет его в живых, — в один из отчаянных, горьких моментов Николай молит у Бога конца: «...я уйду к НИМ, к убитым, к которым прийти опоздал... смерть, смерть даруй ми, Господи!...»⁸

В Константинополе, а затем в Галлиполи и на Лемносе, куда были отправлены прибывшие в Турцию войска, к чувствам горечи и стыда присовокупляется унижение. Палатки, бараки, скудный паек (кусочек хлеба, перловка, старые мясные консервы), сырые дрова — такова была помощь союзников, за которых на фронтах Первой мировой проливали кровь русские солдаты и офицеры.

Лемносское сиденье закончилось в октябре 1921 г. После краткого пребывания в Константинополе Чхеидзе попадает в Болгарию, согласившуюся временно принять часть русских войск. Князь, офицер становится чернорабочим. Четырнадцать профессий переменял он за два неполных года: «Копал землю под виноградники, работал на постройке школы, церкви, плотины, был грузчиком на вокзале, валил лес под Шипкой, пилил и колол дрова всякому, кто наймет, прессовал сено на примитивном механизме с ручными рычагами, <...> месил ногами глину, одно время “преуспевал” на веревочной фабрике, обжигал кирпичи и т.д.» (*Воспоминания*, 378). Не на фронтах Граж-

⁷ Чхеидзе К.А. Моменты // РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 7.

данской войны, не в лемносских палатках — именно здесь, под палящим балканским солнцем, по-настоящему мужает его характер. Потом в очерке «Снимки и думы» (1925), повести «Голые люди» (1930), романе «Путник с Востока» (1941) он опишет эти «труды и дни». Интересуясь у переводчицы Софии Погорецкой впечатлением от болгарских глав «Путника...», не без гордости скажет: «Мало кто из писателей описывал работу, сам испытав ее. Толстой работал по своей воле — он не в счет. А так — кто же? Джек Лондон, Марк Твен, кажется — Кнут Гамсун?»⁹ «Из русских (особенно советских) писателей кое-кто прошел горькую школу нужды и работы: М. Горький, Горбатов, Федин... Но большинство из них по происхождению своему принадлежат к “трудящимся”. Тогда как Ваш покорный слуга начинал жизнь белоручкой»¹⁰.

В начале августа 1923 г. он получает письмо от одной из сестер. Она в Чехословакии, в Брно. Только что потеряла ребенка. Зовет к себе: «Приезжай хотя бы на месяц» (*Воспоминания*, 391). Кружным путем Чхеидзе добирается до Австрии и там нелегально переходит границу Чехословакии. Страны, с которой будет связана вся его дальнейшая жизнь.

«Русская акция» президента Чехословакии Т.Г. Масарика, не только выдающегося государственного деятеля, но и блестящего ученого-слависта, открыла возможность для эмигрантской молодежи, прежде всего военной, получить в этой стране высшее образование. Свои двери для студентов открыли чешские вузы, в Праге были созданы Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русский педагогический институт, Русский народный университет и др. В 1922 г. был образован Русский юридический факультет. Состоявший под протекторатом Карлова университета, крупнейшего университета Чехословакии, факультет собрал в своих стенах выдающихся деятелей русской гуманитарной науки. Здесь работали П.И. Новгородцев и П.Б. Струве, Н.О. Лосский и о. Сергей Булгаков, Г.В. Вернадский и Г.В. Флоровский, А.А. Кизеветтер и И.И. Лапшин, Н.Н. Алексеев и П.Н. Савицкий. Помимо преподавания юридических дисциплин в программу факультета было включено широкое изучение философии, логики, психологии, истории. На факультете царил творческая атмосфера, работали спецсеминары, кружки, объединения.

9 октября 1923 г. К.А. Чхеидзе подает на имя декана Русского юридического факультета проф. П.И. Новгородцева прошение о приеме в число студентов¹¹. Прошение удовлетворено, и выпускник Полтавского кадетского корпуса (именно этот диплом дал ему право на высшее образование), «адью-

⁹ К.А. Чхеидзе — С. Погорецкой. 1 июня 1941.

¹⁰ К.А. Чхеидзе — С. Погорецкой. 5–6 июня 1941.

¹¹ Личное дело К.А. Чхеидзе // ГАРФ. Ф. 5765 (Русский юридический факультет в Праге). Оп. 2. Д. 1037. Л. 44.

тант его превосходительства», двумя годами ранее сменивший ружье и шашку на лопату, тачку, пилу, меняет школу жизни на школу знания.

Характерной чертой природы Чхеидзе всегда была страстность. Он не теплохладен — стремителен, горяч, обжигающ. Но сильная воля в конце концов сдерживает бурлящий поток, направляя его в русло дела и творчества. В письмах О.Н. Сетницкой, дочери философа Н.А. Сетницкого, писатель признавался, как в юности увлекался азартными играми: «Но однажды проиграл в один “присест” больше 20 тысяч, которые приготовил, чтобы купить новую лошадь. С той поры “дал зарок” и не играл»¹². В Константинополе и на Лемносе — от неприкаянности, безнадежности, отсутствия цели существования — вместе с сотоварищами мог искать забвения в вине, «в зрелом возрасте приучился “запоем” работать»¹³. Таким же «запоем» в 1923–1928 гг. он учился. Помимо занятий на факультете вечерами по вторникам, средам и субботам посещал лекции Русского народного университета¹⁴. Выпускные экзамены сдал отлично, дипломную работу на тему «Опыт анализа социальных норм» защитил блестяще и был рекомендован к оставлению при факультете для подготовки к профессорскому званию.

В представлении, поданном в дирекцию факультета 23 октября 1928 г., профессор А.Н. Фатеев, научный руководитель К.А. Чхеидзе, писал: «К.А. Чхеидзе, с первого года своего поступления на факультет, обратил на себя мое внимание. До окончания курса выделялся своею любовью и преданностью науке, способностью не только к критическому овладению ею, но самостоятельностью мысли, даром обобщения. Имя его неизменно в годовых отчетах факультета о научной работе многих семинаров. Он сделал 22 доклада, работая в областях, какие могли быть в помощь его занятиям в общей теории права.

Пятилетнее научное общение (как и его дипломное сочинение “Опыт анализа социальных норм”) дает мне полную уверенность, что он может продолжать научную деятельность на широком академическом поприще»¹⁵.

Перечень двадцати двух докладов, упомянутых в представлении, сохранился в личном деле К.А. Чхеидзе. Вот только некоторые названия, демонстрирующие спектр интересов и занятий будущего писателя: «Новгородское вече»¹⁶, «Степенная книга и ее историко-политическая философия», «Сперанский и его место в развитии русского права», «Теория двух состояний

¹² К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 12 декабря 1973 // Московский архив А.К. Горского и Н.А. Сетницкого. Собрание Ю.Р. Берковского. Далее письма К.А. Чхеидзе О.Н. Сетницкой цитируются по этому источнику.

¹³ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 3 марта 1968.

¹⁴ См.: Личное дело К.А. Чхеидзе. Л. 47–48.

¹⁵ Там же. Л. 58.

¹⁶ Текст доклада, подготовленного К.А. Чхеидзе весной 1924 г. в рамках семинара знаменитого историка, исследователя русских летописей М.В. Шахматова, ныне хранится в: ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 4. Д. 55.

А.П. Шапова», «Общество и индивид (с экономической точки зрения)», «Индивидуализм, коллективизм и соборность», «К познанию России», «Россия и Америка», «Лига Наций и государства-материки»¹⁷.

Три последние темы — плод интереса Чхеидзе к философии евразийства. Еще в Болгарии он познакомился с программным сборником «Исход к Востоку» (1921), где четверо молодых философов — Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский — выдвинули идею своеобразия России как особого историко-географического и этнокультурного единства — Евразии, склад и судьба которой иные, чем у европейского и азиатского регионов. Выступая против европоцентризма, они подчеркивали: Россия — самобытный духовно-культурный мир, который должен развиваться по собственным, внутренне ему присущим законам, руководствуясь исконными началами духа народного.

Прага в 1920-е гг. была одним из центров евразийского движения. На Русском юридическом факультете преподавали ведущие его деятели. Чхеидзе судьба свела буквально со всеми. Он занимался в семинаре Г.В. Вернадского по русской истории, в семинаре Г.В. Флоровского по истории философии, изучал государственное право у Н.Н. Алексеева и «россиеведение» у П.Н. Савицкого¹⁸. Но параллельно научным штудиям шел поиск мировоззренческих опор и ориентиров. «Страстное желание понять, осмыслить пережитое, впитать опыт и знания тех “больших” и “мудрых”, которые шли впереди потока жизни и, казалось, руководили им; заглянуть в сокровенную сущность разыгравшихся (и разыгрывавшихся) в России и мире событий, уразуметь их причины и следствия, а может быть, и предугадать их конечные меты — вот вехи, определявшие пути начального периода моей жизни в Праге», — писал позднее Чхеидзе (*Воспоминания*, 394а). В евразийстве он надеялся обрести то всеобъемлющее мировоззрение, которое могло бы дать подлинные, а не мнимые ориентиры людям, прошедшим сквозь ужас гражданской братоубийственной бойни, искал идеал, способный по-настоящему одушевить историческое и социальное делание.

Вступив в движение в 1924 г., Чхеидзе нашел в нем и оправдание глубокой, все его существо захватившей любви одновременно и к русской культуре, и к культуре Кавказа. Образ Кавказа в его творчестве философски осмыслен, подан сквозь призму евразийских идей. Считая «проблему Восток — Запад» «основной осью, вокруг которой вращается вся мировая история», начиная с похода греков на Трою и завоеваний Александра Македонского, Чхеидзе рассматривает современность как «очередную фазу развития все той же единой

¹⁷ Личное дело К.А. Чхеидзе. Л. 59–60. Некоторые доклады: «Теория двух состояний А.П. Шапова», «Лига Наций и государства-материки» — Чхеидзе превратит в статьи и опубликует в евразийских изданиях.

¹⁸ См.: Несколько комментированных дат о К.А. Чхеидзе // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

мировой темы»: «Арена действия — расширилась до размеров всего Старого Света. Буквально весь мир — Россия, Европа, Индия, Китай, Япония и Америка — вовлечены в эту стремительно развертывающуюся трагедию. В центре событий — Россия, с ее срединным географическим положением; с ее двойственной полуевропейской, активной, отвечающей на вопрос “как?” и полуазиатской, созерцательной, отвечающей на вопрос “для чего?” душой... Одним из важнейших участников описываемой трагедии является Кавказ. Кавказ, в своих пределах и на свой манер, переживал и переживает все ту же мировую трагедию. С незапамятных времен греки (западники!) во главе с Ясоном искали в наших местах Золотое Руно. Так же с незапамятных времен у нас известны восточные влияния: огнепоклонников, солнцепоклонников, последователей Заратустры и т.д. Миф о Прометее вовсе не случайно связан с Кавказом. Кавказ, удивительно сочетающий в себе цветущие долины, жители которых мгновенно перенимают все завоевания культуры, с мрачными теснинами, где возможно встретить не только средневековье, но подчас и пещерный период, — Кавказ как бы заключает в себе все времена и все письменна, оставшиеся от веков. Поэтому кавказцу легче, чем кому другому, понять и воспринять дух разных веков. Переезжая из современного города, расположенного на железной дороге, в горный аул, куда ведет вьючная тропа, — он за несколько часов проделывает путь нескольких веков. Кавказ — музей мировой истории. В нем находятся древние скрижали, содержание которых еще предстоит разобрать... И быть может, именно Кавказу предназначена великая судьба приблизиться к нахождению того синтеза Запада-Востока, о котором у нас идет речь»¹⁹.

Да, именно синтез Запада и Востока искал в эмигрантской Праге Константин Александрович Чхеидзе, грузин по отцу, русский по матери, выросший в многонациональном Моздоке. А еще — путь на Кавказ, который пролегал для него теперь не через военное противостояние большевистской власти, оказавшейся на поверку более национальной, чем то казалось ее оппонентам, сумевшей создать в исторических границах бывшей Российской империи мощную геополитическую державу и даже расширить эти границы, а через духовное перерождение ее изнутри. Евразийская система идей и должна была, по мысли Чхеидзе, стать основой этого перерождения, создать новый, целостный базис общественного и государственного строительства.

Любовь к России и Кавказу явилась в конечном итоге главной причиной того, что Чхеидзе, подававший, с точки зрения профессоров, большие надежды как ученый, так и не выбрал научную карьеру в Праге, предпочтя ей место члена редколлегии газеты «Евразия» в парижском приго-

¹⁹ Чхеидзе К.А. «Моя тема — Кавказ» // Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 259–260.

роде Кламар²⁰. Газета, выходявшая в 1928–1929 гг., задумывалась как главный периодический орган движения. В редколлегию вошли члены парижской евразийской группы П.П. Сувчинский, Д.П. Святополк-Мирский, Л.П. Карсавин, С.Я. Эфрон и др. Они были представителями левого крыла

²⁰ Впрочем, поначалу Константин Александрович все же пытался сочетать научную и общественную карьеру. Объясняя в письме проф. А.Н. Фатееву от 14 (27) сентября 1928 г. причины своего отъезда из Чехословакии, он писал: «Еще в период, когда я сдавал государственные экзамены и, следовательно, исход экзаменов был неизвестным, — мне было сделано предложение редактировать газету-журнал, учреждаемый в Париже. Я принял это предложение.

После сдачи экзаменов, из беседы с Вами, я узнал о возможности оставления меня при университете. Это известие было для меня радостным, придающим бодрость и энергию. — За время пребывания на факультете я успел сродниться с русской правовой и философской науками и представлять себе отрыв от них было очень тяжело.

Покорнейше прошу Вас, Аркадий Николаевич, сообщить мне о моих возможностях в отношении факультета. Но независимо от этого вопроса и во всяком случае позволяю себе затруднить Вас просьбой указать мне перечень литературы, — той литературы, которая помогла бы мне совершенствоваться на пути к знанию» (ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1037. Л. 61). По ходатайству А.Н. Фатеева, несмотря на то что К.А. Чхеидзе находился в другом государстве, руководство факультета все же решило оставить его при кафедре государственного права (см. письмо декана факультета А.А. Вилкова К.А. Чхеидзе от 24 октября 1928 г. // Там же. Л. 63). Поскольку Чхеидзе должен был получать зарплату в редакции газеты «Евразия», оставлен при факультете он был без стипендии, что и сыграло в конечном итоге главную роль в прекращении его научной карьеры. После Кламарского раскола Чхеидзе, занявший сторону П.Н. Савицкого, вышел из редколлегии, утратив, таким образом, средства к существованию. Вернувшись в Прагу, он перебивался случайными заработками и, соответственно, не мог полноценно готовиться к магистерским экзаменам. Годовой отчет о литературе, прочитанной за год, он составил не по требуемой форме, а в виде краткого обзора в письме А.Н. Фатееву (К.А. Чхеидзе — А.Н. Фатееву. 28 сентября 1929 // Там же. Л. 64–68), и только доброе отношение научного руководителя, передавшего текст письма руководству факультета и сделавшего к нему приписку: «Г<осподин> К.А. Чхеидзе находится в столь тяжелых материальных условиях, что сделанное им представляется достаточным. В следующий срок он представит отчет в официальной форме. Его занятия признаю удовлетворительными» (Там же. Л. 68), защитило его от отчисления. О том, в каких «тисках» находился магистрант в конце 1920-х гг., красноречиво свидетельствует его письмо секретарю юридического факультета проф. П.П. Остроумову, написанное в ответ на приглашение принять участие в торжественном обеде по случаю чествования профессоров Е.В. Спекторского, М.А. Циммермана и И.И. Маркова:

«Дорогой Петр Петрович!

Прошу передать глубокоуважаемому мною А.А. Вилкову сердечную благодарность за приглашение участвовать в проводах пр.пр. Циммермана и Маркова и приветствии пр. Спекторского. Полное отсутствие не только «лишней копейки», но даже просто «свободной копейки» заставляет меня отказаться от мысли быть в обществе людей, которых уважаю и люблю. От души желаю участникам собрания во главе с А.А. всяческого благополучия и веселого времяпрепровождения.

Искренне преданный Вам,

К. Чхеидзе.

9–X–1929» (Там же. Л. 69).

движения, выступавшего за поворот лицом к СССР. Пражская евразийская группа во главе с П.Н. Савицким стояла на правых позициях, критикуя настроения парижан. Что касается К.А. Чхеидзе, то он ко второй половине 1920-х гг. становится опорой П.Н. Савицкого, с которым его теперь связывает не только товарищество по движению, но и искренняя, сердечная дружба. Лучшей кандидатуры для отстаивания своей позиции в редакции «Евразии» Савицкий найти просто не мог.

В августе 1928 г. Константин Александрович «впервые вдохнул парижский воздух, насыщенный историческими воспоминаниями, увидел парижское небо, на которое глядели бесчисленные любимые персонажи В. Гюго, О. Бальзака, Г. Флобера» (*Воспоминания*, 427). Едва пожав руки будущим коллегам, он бросился «осматривать Нотр Дам де Пари», «где венчались на царство вереницы Людовиков, где Наполеон сам воздел на себя императорскую корону, где испытывал адские муки Клод Фролло и где гнезился дух Квазимодо. Но дань поэзии <...> заняла только первый день. А на второй Париж стал уже “рабочим местом” и окружили довольно жесткие условия журналистских занятий.

Прежде всего выяснилось, что парижские евразийцы народ совсем иного закала и профиля, нежели пражские. В Праге — прежде всего *дело*, во всем ясность, некоторый “дух Спарты”, спайка и дисциплина. У “парижан” чувствовалось своего рода сибаритство, имели значение аперитивы, обильный завтрак — в полдень, еще более обильный обед вместо ужина» (*Воспоминания*, 427). Разница жизненных стилей дополнилась разницей идеологических установок: «Дело сводилось к определению евразийства в системе современных русских идеологических течений. Принадлежим ли мы больше к эмигрантскому миру или советскому? И в чем? И в какой степени? И где проходит водораздел? И что считать “абсолютным аксиоматическим фондом”, а что “тактическими утверждениями”? — Почва довольно деликатная, зыбкая» (*Воспоминания*, 429).

С самого начала у Чхеидзе не сложились отношения с П.П. Сувчинским, в руках которого фактически находилось издание «Евразии». «Вылощенный барин с аристократическими манерами» (*Воспоминания*, 429) раздражал бывшего офицера, не раз смотревшего в лицо смерти и не понаслышке знавшего, что такое черный, поденный, копеечный труд. Настораживало Чхеидзе и стремление Сувчинского «дать русскую трактовку марксизма» (*Воспоминания*, 430) — он опасался растворения евразийства в марксизме, утраты движением собственного творческого лица.

Споры в редакции «Евразии» начались еще до выхода в свет первого номера. Слева выступали П.П. Сувчинский, Д.П. Святополк-Мирский, С.Я. Эфрон, справа — Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, К.А. Чхеидзе. Первоначально правые евразийцы стремились улаживать разногласия, не доводя дело до разрыва: как

вспоминал Чхеидзе, призрак раскола особенно устрашал Савицкого. И сам Чхеидзе, несмотря на то что настроен был гораздо непримиримее, предпочитал успокаивать членов пражской группы, уверяя, что евразийская линия усилиями правых выправляется, и довольно успешно: «Те взгляды, которые я условно обозначаю нашими, возобладали»²¹, — пишет он в Прагу за неделю до появления первого номера газеты: «...понятно, если бы боролись *два тезиса* <...> то, конечно, был бы уже не *кризис* движения, а *раскол* в движении. Но в том-то и дело, что (как я уже подробно описывал в предыдущем письме) берется *тот же тезис* и только *толкуется* иначе»²². Однако уже спустя месяц тон его сообщений меняется: «Относительно благополучия всех четырех номеров — не могу с вами согласиться. Благополучие это чисто внешнее. По существу же в некоторых статьях есть вещи не только не совместимые с евраз<ийств>ом, но, т<ак> с<казать>, ликвидирующие его. На мой взгляд, тенденция “Евразии” есть пересмотр марксизма; причем такой пересмотр, который не противопоставляет его автору марксизму, но сопоставляет автора пересмотра и учение Маркса (выражаясь научно — это ревизионизм и имманентная критика). Своих оценок не скрываю ни от кого, начиная с коллег по редакции. — Впрочем, человеку свойственно ошибаться. Возможно, я ошибаюсь. Но — в данном случае — *не один я* ошибаюсь...

<...> Я думаю, что в фальшивое положение попал не один я, а все те, кто выдавал авансы звонкой евразийской монетой, а расплачиваться пытается фальшивками. В данный момент, поскольку “Евразия” является официозом движения и в то же время отнюдь не выражает сущности движения; а все движение на это не протестует — все его участники находятся в одинаково фальшивом положении. Разница лишь в том, что на мне лежит несколько большая ответственность. Но именно поэтому в течение трех месяцев я, не переставая, указываю на фальшивость и опасность создавшегося положения. Разумеется, такое положение без конца продолжаться не может. И я думаю, что в течение ближайших недель будут поставлены точки над *i*»²³.

Точки над «*i*» вскоре, действительно, оказались поставлены. В седьмом номере «Евразии» было напечатано открытое письмо Н.С. Трубецкого, заявлявшего о выходе из евразийской организации, затем состоялось публичное выступление правых евразийцев, во время которого было заявлено об «отпадении» парижской группы, вышла в свет брошюра «О газете “Евразия” (Газета “Евразия” не есть евразийский орган)» (Париж, 1929) за подписью П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексева, В.Н. Ильина... Чхеидзе последовательно и убежденно выступает на стороне правых. Он входит в редколлегию «Евразийского сборника» (Париж, 1929), определившего

²¹ К.А. Чхеидзе — Л.В. Копецкому и А.В. Усачеву, 15 ноября 1928 // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 1д. Л. 6.

²² Там же.

²³ К.А. Чхеидзе — членам пражской евразийской группы // Там же. Л. 1об.-2.

платформу постклармарского евразийства, печатает здесь статью «Евразийство и ВКП (б)», посвященную проблеме смены коммунистического правящего отбора с его оскопленной, атеистической идеологией евразийским правящим отбором, способным предложить народу, ищущему Божией правды, идею целостную и религиозно укорененную.

В 1929 г. Чхеидзе возвращается в Прагу. Евразийство по-прежнему занимает одно из центральных мест в его мысли и жизни. Он активно работает в Пражской евразийской группе, входит в ЦК организации, состоит в редколлегии основных евразийских изданий. Ведет постоянную переписку с парижскими, брюссельскими, эстонскими, литовскими евразийцами, духовно поддерживая деятельность евразийских групп в лимитрофах, инициирует выпуск в Нарве в 1933 г. евразийского сборника «Новая эпоха. Идеократия. Политика-Экономика. Обзоры». Составляет и редактирует «Евразийские тетради» (1934–1936), регулярно посылает материалы для брюссельского «Евразийца».

Уже в конце 1920-х гг. он отчетливо понимает: евразийское движение не способно плодотворно развиваться в отрыве от других пореволюционных течений, тех, что подобно евразийцам не отвергали русскую революцию, не перечеркивали с негодованием опыт социального и государственного строительства Советской России, а стремились духовно преобразить его изнутри. Среди этих течений были «сменовеховцы» (Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, Ю.Н. Потехин, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрицев-Пушкин, С.С. Чахотин), первыми провозгласившие: «Появление Третьей России — наша общая задача»; «новоградцы» (Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.А. Степун), выдвинувшие концепцию «Нового Града», построенного «из старых камней, но по новому плану» — на основе активного христианского делания во всех сферах жизни, экономической, социальной, культурной, и демократического общественного уклада; «третьероссы» (П.С. Боранецкий), призывавшие создать новое общественное устройство, ориентируясь на многомиллионные массы крестьянства и на новое пророческое мирозерцание; а еще «национал-максималисты», «младороссы» и прочая, прочая, прочая. Становление этих течений в 1920-х — начале 1930-х гг. протекало в напряженной идейной полемике не только с представителями правого (монархического) и левого (коммунистического) лагеря, но и друг с другом. Чхеидзе же хорошо понимал: идейная разобщенность и действия в одиночку лишь ослабляют духовное влияние эмиграции, сводя деятельность течений к межпартийным разборкам и усиливая их оторванность от жизни страны. Поиск «нового синтеза», проектирование новых общественных форм, альтернативных и западной либерально-буржуазной модели развития, и атеистической, классовой идеологии, господствовавшей в Советской России, по его убеждению, должны развиваться в широком сотрудничестве всех пореволюци-

онников. Необходим подлинный «собор сил» эмиграции, тех сил, которые нацелены не на конфронтацию с Советской Россией, а на плодотворное, восполняющее взаимодействие двух частей единой нации, волею исторических судеб оказавшейся расколотой надвое. Одушевленный этой идеей, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Чхеидзе вступает в переписку с ведущими деятелями пореволюционных течений: Н.В. Устряловым, П.С. Боранецким, Ю.А. Ширинским-Шихматовым и др.²⁴, налаживая мосты духовных и творческих контактов, закладывая основы возможного и действительного сотрудничества.

Евразийская деятельность Чхеидзе отнюдь не ограничивалась организационной сферой. Во второе евразийское десятилетие он выступает как идеолог, стремясь дать движению, обессиленному кламарским расколом, новый творческий импульс, вывести евразийскую концепцию, которая на первых этапах своей истории мыслила себя обращенной лишь к части народов земли, тех, что живут на пространстве России-Евразии, на уровень общечеловеческого мировоззрения. Он призывает к оплодотворению евразийства ценностями русской религиозной философии с ее идеями богочеловечества, активного христианства, истории как «работы спасения». И прежде всего идеями Н.Ф. Федорова, мыслителя, сбросившего в духовную почву России семена идей поистине вселенского, космического масштаба. Интерес к этим идеям в русском зарубежье был весьма осязаемым. «Многие неясно чувствовали, — вспоминал позднее публицист В.С. Варшавский, — что, может быть, именно в “Общем деле” Федорова была намечена та новая “соравная коммунизму” идея, которую искала эмиграция»²⁵.

Представление о человеке как существе, ответственном за бытие, соратнике Творца, призванном к «восстановлению мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»²⁶; идея преодоления смерти, разумно-творческой регуляции природы, заступающей место безоглядной и бессовестной эксплуатации ресурсов земли; этика родства и братства, идеал соборного единства рода людского — эти идеи по-настоящему захватили Чхеидзе, искавшего не половинчатых, компромиссных, а полных и предельных ответов на вопрос «о человеке, его смертности и бессмертии», о смысле исторического и культурного делания. Вслед за Федоровым и его современниками Ф.М. Достоевским и В.С. Соловьевым он заговорит о необходимости более глубокого, *совершеннолетнего* понимания христианства как «религии преображения земли, неба и всякой твари», освящающей этой высокой це-

²⁴ Переписка К.А. Чхеидзе и П.С. Боранецкого частично опубликована: Диаспора. Вып. VII. М., 2005. С. 437–487. Переписку с Ю.А. Ширинским-Шихматовым см.: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 751–753. Переписка К.А. Чхеидзе и Н.В. Устрялова готовится мною к печати.

²⁵ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Париж, 1956. С. 260.

²⁶ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 401.

лью все грани цивилизации и культуры, о том, что идеал обожения должен одушевлять не только каждую отдельную личность, но и социум в целом. Не раз будет он повторять, что человек — «содеятель и соработник Бога»²⁷ в осуществлении конечных Его обетований: преодоления смерти, воскрешения умерших, преображения нынешнего несовершенного, смертного строя бытия в совершенный и бессмертный.

С идеями Федорова Чхеидзе соприкоснулся еще в кламарский период. Поначалу он был против них явно предубежден (в немалой степени потому, что параллельно Федоровым весьма интересовался П.П. Сувчинский, которого правые евразийцы особенно винили в кламарском кризисе), однако предубеждение рассеялось достаточно быстро — как под влиянием непосредственного знакомства с трудами мыслителя, так и в результате завязавшейся переписки с последователем федоровских идей философом Н.А. Сетницким, автором книги «О конечном идеале» (1932)²⁸, жившим и работавшим в то время в Харбине. Переписка между ними длится более шести лет. С востока евразийского материка, из города на Сунгари, летят письма в сердце Европы, в город на Влтаве, а в ответ направляются листки, заполненные то резким, стремительным почерком, то убористым шрифтом машинки, с неизменной припиской «Ваш К.»²⁹. Разделенные огромным расстоянием встречаются в пространстве христианского Логоса. Родство мыслей, чувств, идеалов духовно поддерживает и укрепляет обоих. А вспыхивающие порой споры помогают оттачивать мысль.

Став убежденным сторонником федоровских идей, Чхеидзе стремится проводить их в среде русской эмиграции, помогает распространению в Европе посвященных Федорову харбинских изданий³⁰. В выступлениях на Евразийском семинаре, в статьях, многочисленных письмах членам движения настаивает на синтезе евразийства, одушевленного пафосом исторического делания, и построений Федорова, дающих этому деланию высшую религиозную цель. В русской и чешской периодике печатает статьи о философе

²⁷ Из выступления К.А. Чхеидзе на евразийском совещании в Праге в июле 1934 г. (Протокол совещания наличных в Праге членов Президиума ЦК с представителями Пражской ЕА группы (по сокращенной записи) // Евразийские тетради. Прага, 1934. № 4. С. 29).

²⁸ Эта книга, представляющая собой развернутое теоретическое исследование проблемы идеала, принципов и основ идеалотворчества, оказала большое влияние на формирование историко-философских взглядов Чхеидзе, его понимание путей развития русской мысли и литературы.

²⁹ Переписка Н.А. Сетницкого и К.А. Чхеидзе частично опубликована: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 382–450.

³⁰ См. подробнее: Гачева А.Г. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 337–344, 350–351. Публикацию материалов см.: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. СПб., 2008. С. 683–771, 796–797.

всеобщего дела, делает большой доклад в Русском философском обществе в Праге на тему «Организация жизни по Н.Ф. Федорову», подчеркивая, что «московский Сократ» «осознал с небывалой ясностью долг человечества — всецелую организацию жизни на всех путях человеческого творчества»³¹, призывая к сотрудничеству религию и науку, философию и искусство.

В апреле 1933 г. по инициативе К.А. Чхеидзе в Национальном музее в Праге было основано отделение «Fedoroviana Pragensia», главной задачей которого являлся «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»³², а в мае 1934 г. писатель устраивает в музее выставку, посвященную 30-летию со дня смерти мыслителя. Ее резонанс в русской и чешской среде был велик. Вместо планируемых двух недель выставка проработала почти месяц, до 23 июня 1934 г., вызвав к себе интерес и получив сочувственные отклики в чешской прессе. Выступая на открытии выставки, Чхеидзе назвал философа всеобщего дела выразителем духа славянства и одновременно подчеркнул универсальный, всечеловеческий характер его идей: «Сердце учения Ник. Фед. Федорова состоит в объединении человечества на путях творчества и любви. Его любовь универсальна. Она обгоняет века, устремляясь к “конечному идеалу”. Она преодолевает время, восстанавливая в сознании человечества его долг в отношении ушедших поколений»³³.

В учении Федорова Чхеидзе особенно интересовала идея совершенного общества, общества «по типу Троицы», в котором личности, подобно Божественным ипостасям, связаны неслиянно и нераздельно, пребывают в неразрывном, родственном, питаемом любовью единстве. Вот как комментировал философ-евразиец эту ключевую идею мыслителя, прямо связанную с главным постулатом «активного христианства» — необходимостью обращения догмата в заповедь: «Образ пресвятой Троицы — это не “абстрактное” представление, а величайший закон действия. Человечество должно усиливаться к тому, чтобы устроить (организовать) свою жизнь по образу и подобию пресв. Троицы. Для Федорова (как и для всех христиан) фраза о *образе и подобии* не пустая фраза, а наоборот — обязывающее откровение и неизбежная заповедь делания. По Федорову — пресв. Троица есть нераздельный и неслиянный союз совершенных Личностей. Этот божественный Союз раскрыт человечеству не на “поглядение”, а на уподобление: сущность проективизма

³¹ Чхеидзе К.А. Краткая стенограмма доклада К.А. Чхеидзе «Организация жизни по Н.Ф. Федорову» в Русском философском обществе в Праге с прениями // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 763.

³² Проект официального обращения Чехословацкого национального музея об открытии фонда Fedoroviana Pragensia // Литературный архив Музея национальной письменности. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.37. См. также публикацию: Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 836–848.

³³ Речь К.А. Чхеидзе на открытии выставки к 30-летию со дня смерти Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 843.

(в данном случае) состоит в утверждении, что *человечество должно принять Образ пресв. Троицы за образец собственного своего устройства*³⁴.

Подобный акцент на теме идеального строя жизни в писаниях Чхеидзе вполне понятен; более того — он свойственен буквально всем представителям пореволюционных течений 1920–1930-х гг. Все они стремились найти действительную, убеждающую альтернативу идеалу социалистического «земного рая» и в своем поиске новых идеалов и новых совершенных форм общежития не раз вступали на духовную территорию христианства и не раз обращались к Федорову (Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, В.Н. Ильин и др.), видя в его «Философии общего дела» то всеобъемлющее, поистине планетарно-космическое понимание назначения человека в мире, которое только и могло бы по-настоящему удовлетворить современную им эпоху с ее динамизмом, с ее жаждой вселенского делания и доселе невиданной технической мощью. «Организация материи, организация духа, организация Космоса — это все идеи, волнующие самый воздух, которым мы дышим»³⁵.

Чхеидзе прямо использует идеи Федорова в разработке ключевой для евразийства проблемы идеократии. Вопрос об идее-правительнице, а значит, об идеале, одушевляющем бытие державного целого, переводится им из области социально-политической в сферу онтологии и антропологии, возводится к вопросу о сущности жизни, о смысле явления в мир сознающего, чувствующего существа. Философ исходит из того понимания жизни, которое было выдвинуто в религиозной и естественнонаучной ветвях русского космизма (у Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, Н.А. Умова и В.И. Вернадского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского): жизнь для него есть борьба с энтропией, противодействие силам дезорганизации и распада. «Борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия»³⁶, и во главе ее стоит человек, «высшая и конечная форма жизни»³⁷, порожденная творческим усилением эволюции. Человек — «организационный центр вселенной», и заповедь «обладания землей», данная ему в Книге Бытия, есть завет возделывать и преобразовать эту землю, требование его «соучастия в обожении мира»³⁸. В такой онтологической и антропологической перспективе социальная организация человечества мыслится первой ступенькой к организации бытия в целом. Государственная форма объединения становится объединением для регуляции. Развивая евразийскую концепцию государств-материков (Россия-Евразия, Европа, Северо-Американские соединенные штаты с их активной

³⁴ Чхеидзе К.А. Записка о философии Н.Ф. Федорова // Евразийские тетради. Прага, 1934. № 4. С. 32. (Републиковано: Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. 2. С. 689–692).

³⁵ Там же.

³⁶ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Новая эпоха. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933. С. 15.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ Там же. С. 16, 17.

экспансией на Американском континенте, Япония, стремящаяся вобрать в себя Корею, Маньчжурию, а затем и Китай), Чхеидзе видит их задачу в том, чтобы явить в своей исторической жизни «прообраз грядущего объединения человечества»³⁹, будущего общепланетарного единства.

Идеократическое устройство социума является, таким образом, требованием самой эволюции. Но ни одна из доселе существовавших идеократий еще не сумела, по мысли Чхеидзе, вместить в себя представление о человеке как соратнике Творца, способном «организовать и преобразовать Космос»⁴⁰. Это, подчеркивал он, касается и двух главных идеократических систем современности — коммунизма и фашизма: обе они основаны на идеалах дробных, ущербных, не ставящих задачи онтологического восхождения мира и человека, пытаются создать идеальный строй с непрображенными, смертными, одолеваемыми самостью людьми, проповедуют селекционный подход (неважно — расовый или классовый), полагают в свою основу насилие... Между тем истинная, совершенная идеократия может быть построена только на целостном, активно-христианском идеале, идеале обожения, победы над смертью, благого вселенского творчества⁴¹. Как мы уже отмечали, этот целостный, богочеловеческий идеал Чхеидзе находил в «Философии общего дела». И именно поэтому не уставал говорить о необходимости «соразвития и взаимопроникновения» евразийства, выдвинувшего задачу общественного устройства на идеократических началах, и федоровской концепции «совершенной идеократии»⁴², призывая к принятию этой концепции и других пореволюционников.

В христианском ключе осмысляет Чхеидзе и важную для посткламарского евразийства идею «идеократического интернационала». Объединение государств-материков и населяющих их больших и малых народов мыслится философом как путь к всеземному единству, открывающему новую творческую эру истории. Чхеидзе переосмысляет ключевое понятие евразийской мысли — «месторазвитие», расширяя его до планетарных масштабов: «месторазвитием» должен стать «весь земной шар, а субъектом истории — все человечество»⁴³.

³⁹ Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии. С. 20.

⁴⁰ Чхеидзе К.А. Проблема идеократии // Вселенское Дело. Вып. 2. Рига (Харбин), 1934. С. 59.

⁴¹ Различение целостной, совершенной идеократии и идеократии дробной К.А. Чхеидзе выстраивал, прямо опираясь на уже упомянутую книгу Н.А. Сетницкого «О конечном идеале», где как раз и были сформулированы понятия целостного идеала, предполагающего полноту счастья и всеобщность спасения, и идеалов частичных, дефектных, дробных.

⁴² Чхеидзе К.А. Ответ на письмо Н.А. Макшеева // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2.

⁴³ Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 109.

ЧХЕИДЗЕ — ПИСАТЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

В литературные круги русской Праги Чхеидзе вошел уже в первые месяцы своего пребывания в Чехословакии. Что, впрочем, неудивительно. Пражская студенческая среда была очень творческой. Общественный деятель и писатель Н.А. Антипов, окончивший Русский юридический факультет годом раньше Чхеидзе, в статье «Пражское житье» увлеченно описывал бытовую и духовную атмосферу жизни русского студенчества, знаменитые общежития «Худобинец», коридорные стены которого были увешаны плакатами и афишами множества студенческих «кружков, обществ, землячеств»⁴⁴, и «Свободарна» (его обитатели создали свой студенческий оркестр, организовывали самодеятельные концерты, спектакли, устраивали лекции и собеседования, праздники и елки для детей). «Атмосфера творческих усилий» (*Воспоминания*, 396) была разлита повсюду. Рядом с нашедшими приют в Праге известными прозаиками и поэтами, Вас. И. Немировичем-Данченко, В.А. Амфитеатовым-Кадашевским, Е.Н. Чириковым (его, в отличие от Немировича-Данченко, Чхеидзе не жаловал и знакомства с ним не искал), М.И. Цветаевой и др., выросла молодая поросль. «Плодотворно работал “Скит поэтов” (руководил А.Л. Бем), нерегулярно собирались участники кружка прозаиков “Далиборка”» (*Воспоминания*, 399).

Собрания «Далиборки» (1924–1933), возглавляемой писателем и литературным критиком П.А. Кожевниковым, у Чхеидзе вызывали симпатию. На заседаниях «Скита» (1922–1940) он тоже бывал, но атмосфера «скитников», их «цеховые» замашки не удовлетворяли его: «Если “Скит поэтов” слегка кичился, то “Далиборка”, наоборот, стремилась к нарочитой скромности, конкретности» (*Воспоминания*, 398). Никаких «кружковых лозунгов», никакой собственной «школы», главное: «помочь молодому автору найти самого себя и свой жанр»⁴⁵.

В 1925 г., когда К.А. Чхеидзе вступает в Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии, он уже четко знает: его призвание — литература.

Есть писатели, начинающие с поэзии и потом переходящие к прозе. Вспомним имена И.С. Тургенева, А.Н. Толстого... Что касается Чхеидзе, то он, судя по шутливому признанию в письме О.Н. Сетницкой, стихи писал всего «один раз в жизни, на пари», дабы утереть нос некоему поэту-графоману, хваставшему своей гениальностью. За час написал несколько стишков «такого же “качества”», тот, будучи редактором журнала, два из них напечатал, тем дело и кончилось⁴⁶.

⁴⁴ *Ан-пов Н.* [Н.А. Антипов]. Пражское житье // *Годы*. 1928. № 6. С. 6.

⁴⁵ *Русские в Праге. 1918–1928* / Ред.-сост. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 138. Подробнее о литературных кружках Русской Праги см.: *Белошевская Л.* Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит». Прага. 1922–1940: Антология. Биографии. Документы. М., 2006. С. 6–31.

⁴⁶ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 17 января 1966.

Одно из этих стихотворений разыскано⁴⁷. Оно появилось в журнале «Казачий сполох» в 1925 г. Неточные рифмы, неуклюжие — намеренно неуклюжие — метафоры (надо же было посрамить приятеля, уверенного, что подобного рода стихи — по меньшей мере шедевры), чересчур выпяченный слог. Но в стихотворении есть свой ритм, своя динамика, а сквозь огрехи слова и образа пробивается искренняя, честная, мужественная интонация. Она-то в конечном итоге и рождает в душе читателя то волнение, без которого любое, даже формально «безупречное» стихотворение — только набор рифмованных строчек.

Ты же — ты!

Тебе — кресту житейской бури,
Тебе — облитому волной,
Тебе — исполненному горя,
Тебе — разбитому грозой;

Тебе — блуждающему скорбно,
Тебе — мишени града мук,
Тебе — взмятенному тревогой,
Тебе — изогнутому в лук —

Я говорю:

Оставь раздумье!

Я говорю:

Долой тоску!

Я говорю:

Гори желаньем!

Я говорю:

Дерзай! дерзай!

Пусть жизнь цвела в кровавой бане,
Пусть увядал твой цвет в грязи,
Ты жив! ты молод! ты же — ты!
Дерзай! зажги свои мечты!⁴⁸

«Ты же — ты!» Формула самосознания, самоотчета. В первые пражские годы Чхеидзе действительно *собирал себя*. После кровавой бани Гражданской войны и трагедии Крыма... После константинопольского и лемносского

⁴⁷ [Bystrov V., Vacek J.] Bibliografie dosud zjištěného literárního díla Konstantina Čcheidzeho // Zírající do slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzínského knížete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách. S. 93.

⁴⁸ Казачий сполох. 1925. № 6–7. С. 35. Подпись: «Ж».

сидения, унижающе-стыдного, исполненного убивающей безнадежности... После двух лет болгарской, почти что каторжной лямки... Средоточием внутреннего собрания, *вертикализации* духа, огранки души стало слово. Силу и священность этого логосно-сердечного орудия, данного из всех живых существ лишь человеку, Константин Чхеидзе всегда ощущал. Ничто так не было ему чуждо, как *болтовня*, бессмысленная, ни к чему не обязывающая, как легковесное, пустое *плетенье словес*... И малые формы, с которыми входит он в литературу: очерк, рассказ, микропроза, — от этого ответственного отношения к слову, сознания его связи со Словом, Которым все «начало быть» (Ин 1:3). Он не позволяет себе переводить драгоценный дар на пространные «пробы пера», расточать его попусту. Он внимателен к каждому слову, вводимому в текст, к его звучанию и значению, и делает все, чтобы не потерялось оно в ряду других слов, но явило во всей полноте свою силу и красоту.

Чхеидзе начинал не как поэт или прозаик, для которого реальность, художественно претворенная, оказывается истиннее достоверной, но голой действительности. Он начинал как журналист, обращенный к жизни во всем ее «реализме», как мыслитель-публицист, стремящийся понять смысл современных событий, ответить на вопрос, что происходит с Россией, с миром, с человеком. В краткой автобиографии, написанной в 1931 г. для Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, он упоминал, что еще в годы Гражданской войны «эпизодически сотрудничал в газетах: “Кабардинец” (1919 и 1920 г.) и “Южный курьер” (1920 г.)», а с Лемноса посылал «корреспонденции в различн-ые газеты», не зная, впрочем, какие из них попали в печать⁴⁹. И на страницы пражской эмигрантской печати Константин Чхеидзе вышел с взволнованной, страстной, зовущей к делу и творчеству публицистикой. Он включается в спор о путях возрождения России, об отцах и детях эмиграции, об их духовных ориентирах. Первые статьи, опубликованные в № 1 и 2–3 журнала «Казачий сполох» за 1924 г., представляют собой пламенные обращения автора к его создателям и идеологам. Чхеидзе призывает новый журнал быть «выразителем настроений молодого поколения»⁵⁰, его исканий, его веры. Он выступает против отвлеченного умствования, собственного, по его мысли, «отцам» эмиграции, против попыток устроить русскую жизнь согласно теоретическим схемам — слишком часто «преклонение перед карточно-программными домиками» оборачивается разрушением «зданий, созданных “беспрограммными” усилиями сотен и сотен поколений; созданных историей и жизнью»⁵¹. Чхеидзе подчеркивает, что поколение, к которому принадлежит он сам, стремится идти не от теории, а от жизни,

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2724. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 2.

⁵⁰ К. [К.А. Чхеидзе]. Казачьему сполоху // Казачий сполох. 1924. № 1. С. 21.

⁵¹ *Конст. Ал.* [К.А. Чхеидзе]. Казачьему сполоху // Там же. № 2–3. С. 14.

внимательно прислушивается к биению ее пульса. Оно стремится изучать Россию во всей полноте и, не претендуя на то, чтобы в два-три месяца переродить страну на новых началах, готово к труду самовоспитания, к долгой и кропотливой работе, к деланию, основанному на союзе любви и творчества.

Представители старшего поколения эмиграции (П.Н. Милюков, П.Б. Струве, Ф.А. Степун и др.) упрекали молодых в узости духовного горизонта, в скептицизме и практицизме. Действительно, в статьях «детей» звучали ноты, «снижающие» не только политический пафос, который наполнял речи кадетских лидеров, но и тот всечеловеческий пафос, который одушевлял религиозных мыслителей зарубежья. В одной из программных статей 1928 г. Н.В. Быстров, будущий создатель Клуба «Второе поколение», подчеркивал, что они, «дети», не желают «спасать человечество» и строить «рай на земле», что они не переоценивают историю, в историческое созидание не верят и пока им «до человечества мало дела»: «Правильно и понятно, что на первое место поставлена первая ценность: домик, в окнах которого герань и белые занавески. В этом домике — семья, над ним — Бог, а стоит он в России»⁵². И хотя в заявлении Быстрова, помимо сознательной эпатажности, чувствовались и ностальгия, и взыскание твердой почвы, К.А. Чхеидзе никогда бы под ним не подписался. Выступая против отвлеченной теории, заставляющей живую жизнь, он в то же время искал той всепримиряющей, высшей идеи, которая смогла бы выправить историю, повернуть ее на Божеские, созидательные пути. Этим пафосом исторического делания было близко ему евразийство, в лице своих идеологов стоявшее, если можно так выразиться, посередине между «отцами» и «детьми» эмиграции. В нем обретал он исковое сочетание мысли, жизни и дела, масштабности духа с конкретностью повседневной работы.

Сознательно и твердо дистанцируется Чхеидзе от классовых, партийных оценок: какой бы эта партийность и классовость ни была, она неизбежно сужает духовный и мыслительный горизонт, мешает видеть явления жизни в их полноте. В 1925 г. в журнале «Кавказский горец» писатель помещает очерк об Асланбеке Шерипове, одном из лидеров большевистского движения на Кавказе. И уже в первых строках признается, что его не интересует «Аслан-Бек революции», «Аслан-Бек — митингов, речей, политики»⁵³. Чхеидзе пишет о другом Асланбеке — юноше, которого когда-то встретил в стенах Полтавского кадетского корпуса, с которым читал и переживал Достоевского, который — втайне от учителей и учеников — знакомил его со своими стихами.

Толчком к написанию очерка о Шерипове явилась публикация в первом номере журнала «Кавказский горец» сказания «Абрек Геха», принадлежаще-

⁵² Н. Б. [Н. Быстров.] Лицо поколения // Годы. 1928. № 6. С. 20.

⁵³ *Конст. Ал.* [К.А. Чхеидзе]. Аслан-Бек Шерипов // Кавказский горец. 1925. № 2–3. С. 59. В очерке фамилия «Шерипов» дана в огласовке «Ширипов».

го перу самого Асланбека. Чхеидзе прочел его как своего рода исповедь, крик души автора. Легендарный разбойник, не смирившийся с властью русских на земле его предков, смело восставший на врагов и погибший в результате предательства, походил на Асланбека не внешней судьбой (хотя, быть может, именно о такой ослепительной, отважной судьбе мечтал в долгие ночные часы воспитанник кадетского корпуса), но всем своим внутренним складом. Независимое, гордое и в то же время ранимое сердце нес он в себе. Не любя русских, отвращаясь от однокашников, жаждал понимания и сочувствия.

Соотнося образ смелого горца с личностью самого Асланбека, Чхеидзе демонстрирует в характере будущего кадета ту нестираемую закваску национального, не учитывая которую нельзя понять движущие причины индивидуальных и коллективных поступков, те — лишь на первый, скользкий взгляд — алогичные повороты судьбы, которые порой так поражают историков. Позднее в воспоминаниях он прямо объяснит, почему бывший кадет, бесконечно любивший свой край, влился в ряды большевиков — Шерипов надеялся, что революция разрушит империю, угнетавшую народы Кавказа, приведя или к полной их независимости, или к сосуществованию в составе федерации с другими равноправными национальностями. Не марксистско-ленинское учение, но зов родины, голос предков повелевали горскому юноше в годы революции и Гражданской войны.

Национальное в обрисовке характера Асланбека Шерипова сплетается со *всечеловеческим* — в том самом смысле, которое вкладывал в это понятие столь нелюбимый им Достоевский. Как в портрете гордого абрека Гехи, совершившего многие подвиги, но страдающего от одиночества, не знавшего страха смерти, но исполненного «тоски по человеку», отчетливо различимы черты героя, столь знакомого по литературе романтизма, так и в личности Асланбека отмечает Чхеидзе эти универсальные романтические черты. Асланбек отчетливо напоминает то мятущихся героев Байрона, то персонажей лермонтовских поэм. «Всегда медлительный, молчаливый и грустный»⁵⁴, он таит в груди всепожирающий пламень. Как Мцыри, томится и мечтает о воле. Ему тесно и душно в сковывающей обстановке кадетского корпуса, и всеми силами души рвется он из этой клетки, жаждет свободы и подвигов. Правда, в отличие от героя знаменитой поэмы Асланбек озлоблен на мир и людей. «И с этой мыслью я засну / И никого не прокляну» — последние слова Мцыри, отчетливо соотнесенные с христианской идеей любви и смирения, не для него. Угрюмостью и одиночеством он близок Демону и внутренне настаивает на своей отверженности, пусть даже в корпусе и не проводят различий между русскими и учащимися других национальностей.

Соотнесенность частного и общего, местного и универсального, органическая включенность текущего в контекст всемирной истории и культуры в

⁵⁴ *Конст. Ал.* [К.А. Чхеидзе]. Аслан-Бек Шерипов. С. 60.

очерке Чхеидзе проявляется даже в мелких деталях. «Клянусь тебе Аллахом, я предпочел бы быть сейчас пастухом, чем зубрить французские глаголы или дежурить по классу...»⁵⁵ — так выражает Шерипов свое желание вырваться из чужих, постылых краев, и эта фраза заставляет вспомнить знаменитый ответ тени Ахилла хитроумному Одиссею: «Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле, / Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, / Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый». А еще чеченский мальчик, не любящий русских и боготворящий Шамиля, оказывается сродни «русским мальчикам» Достоевского, для которых главное — «мысль разрешить», найти «высшую идею существования», способную озарить ум, чувство, волю, собрать «внутреннего человека», дать прочную опору делу и творчеству.

Впрочем, образы самих русских мальчиков герою очерка совсем не по душе. Слишком мягкотелы, слишком расхлябаны они на взгляд гордого горца. Так обозначается грань, которая разделяет Константина Чхеидзе с его любовью к русской культуре и молодого чеченца-националиста, эту культуру отвергающего. Потому и романтизм, столь многолико проявлявший себя в разных национальных мирах, у Асланбека Шерипова носит мрачный оттенок, оборачивается гордынным бунтом. И не случайно волнует воображение мятежного юноши образ скованного Прометей; вместе с изнывающим в цепях античным героем он тоскует, мечется, гневно кричит, посылает проклятия, «но не мольбы»⁵⁶. Увы, отдавшись бунту и обособлению, он обречен — как герой его сказания мужественный абрек Геха.

Внимание к документалистике, обозначившееся в очерке об Асланбеке Шерипове, проявилось и в дневниковой прозе «Снимки и думы», напечатанной в начале 1926 г. в журнале «Годы»⁵⁷. В ее основе записки Чхеидзе, которые он вел на Балканах. Полтора месяца — с 6 июня по 22 июля 1923 г. — фиксирует рука автора и одновременно героя то, что происходит с ним и людьми вокруг него. «Мне доставляет огромное удовольствие быть фотографом жизни»⁵⁸, — признается он в дневнике. Но делая словесные «снимки с натуры», запечатлевая текущую жизнь, писатель одновременно стремится осмыслить и понять происходящее, и тогда к «снимкам» присоединяются «думы», бытовые зарисовки перемежаются размышлениями, более того, сами зарисовки строятся так, чтобы явить скрытую авторскую мысль.

Перед читателем разворачивается трудный быт русских эмигрантов в Болгарии: лишенные родины, выброшенные из своих социальных страт, фактически выпавшие из времени и истории, они вынуждены выживать в чужой стране, хватаясь за любую, самую черную работу, ту, которой чурают-

⁵⁵ *Конст. Ал.* [К.А. Чхеидзе]. Аслан-Бек Шерипов.

⁵⁶ Там же. С. 63.

⁵⁷ *Кн. Чхеидзе.* Снимки и думы // Годы. 1926. № 1 (23). С. 8–13; № 2 (24). С. 12–16.

⁵⁸ *Кн. Чхеидзе.* Снимки и думы // Годы. 1926. № 2 (24). С. 13.

ся даже болгарские бедняки. С каждым днем все сильнее затягивает инерция. «Нет духовной жизни, нет хорошо волнующих интересов»⁵⁹. Жизнь редуцируется до поддержания элементарного физического существования: «Работаем, спим, едим и относим в овраг переваренную пищу. Вот и весь круг занятий»⁶⁰. Где-то в столице бурлят события — в Софии государственный переворот, а в горах, где автор вместе с несколькими товарищами работает на постройке плотины, все так же тихо и равнодушно.

Бессмыслица, отсутствие надежд на будущее, тоскливое изживание каждого дня — и в долине, где живут те, кто сумел устроиться чуть прочнее и благополучнее. Один проводит день в ожидании сначала завтрака, потом обеда и ужина, а если «мучает бессонница», то позволяет себе плотно закусить перед сном; и сознательно отодвигает от себя все вопросы о смысле подобного существования. Другой, напротив, то и дело задает себе эти вопросы и мучится сознанием бесцельности происходящего. Третий топит все сомнения в вине и вдохновенно произносит «гимн Алкоголю».

Чхеидзе-писателя более всего интересуют люди: не внешняя обстановка, не исторические обстоятельства, а именно люди. «Какими они вышли из революции?»⁶¹ В чем смысл совершившейся с ними метаморфозы? И где найти ту подлинную опору, которая поможет удержаться висющим над пропастью, укрепит волю тех, кто еще надеется на благой, счастливый исход? Для самого автора этой опорой становится вера в возрождение родины — не на материалистических, а на христианских путях. И в свете этой веры даже самая горькая и беспросветная доля, постигшая офицеров и солдат Белой армии, видится жертвой, принесенной на алтарь грядущей России.

Вслед за дневниковой прозой в печати появляется «Повесть о Дине»⁶². Документальное повествование уступает место художественному, правда факта — правде литературного вымысла, подчиняясь главному заданию — понять смысл исторической эпохи, в которой проходят свой путь автор и его современники, найти нравственную точку опоры, обозначить линии внутреннего роста и собирания личности. Жизненный девиз: «Порыв не терпит перерыва», провозглашаемый главным героем Батыр-Бекком кабардейшау, — введен автором не только в качестве удачной психологической краски. Он обращен к читателю — к его уму и сердцу, к эмигрантским братьям, так часто теряющим себя от бессилия побороть обстоятельства и стыдливо плывущим по течению.

Философ Николай Федоров, идею которого тремя годами спустя так увлекут молодого писателя, называл искусство попыткой мнимого воскрешения: оно движется стремлением вернуть утраченное, протестом против безжалостной «реки времен», несущей «в пропасть забвенья» лица, собы-

⁵⁹ Кн. Чхеидзе. Снимки и думы // Годы. 1926. № 1(23). С. 9.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. № 2(24). С. 13.

⁶² Чхеидзе К., кн. Повесть о Дине // Своими путями. 1926. № 12–13 (июнь). С. 21–24.

тия, судьбы. По физической необходимости укладывая умершего в землю, по нравственной — человек восстанавливает его в виде памятника, оживляет образ умершего в камне или на полотне. Словесное искусство — та же воскресительная работа, начиная от погребальных тренов, положивших начало лирике, заканчивая биографиями, воспроизводящими личность в ее динамике, так, как раскрывается она во времени и в истории. И даже в литературных персонажах прозреваем мы реальные прототипы, возводим их образы к людям, жившим в ту или иную эпоху, предкам или современникам автора: пусть не во всей полноте, пусть лишь отдельными чертами характера, поведения, мысли и чувства, но запечатлены в них навечно те, кого уже нет на земле.

С начальных своих шагов на поприще литературы Чхеидзе чувствует правду такого понимания искусства слова. «Повесть о Дине» и напечатанный затем в журнале «Годы» рассказ «Вавочка»⁶³ построены как извлечения из записок друга, погибшего на фронтах Гражданской войны. Чхеидзе называет его Батыр-Бекон, но в облике героя, дерзкого и бесстрашного, сочетающего в себе «мощность, и властность, и редкую одаренность кипучей <...> натуры»⁶⁴, угадываются черты Заурбека Даутокова-Серебрякова, с гибелью которого он смириться так и не смог.

«Повесть о Дине» и болгарские заметки «Снимки и думы», вышедшие в один год, обозначат две главные темы молодого писателя: Кавказ и эмиграция. Земля предков и судьбы русских изгнанников. Обе темы будут развиваться, то сплетаясь, то идя параллельно, до 1945 г., когда арест, выбросивший Чхеидзе и из текущей жизни, и из литературы, жестко перечеркнет это органическое, взаимопитающее развитие.

Повести, рассказы, очерки об эмиграции рисуют портреты тех, кому нет места в большой истории: она оперирует крупными событиями, ценит лишь великие имена, легко стирая в безвестную пыль просто живущего человека, — если и остается там его след, то только в безликой статистической цифре. Герои Чхеидзе — обыкновенные люди. И сам автор-повествователь — не на горделивых котурнах, а на смиренной земле, шагает по ней вместе со своими героями. Он — с ними, он — один из них. Один из тех, кто не понаслышке знает черный поденный труд, кто, получив счастливую возможность учиться, заполняет лекционные аудитории и библиотеки, кто утром едет в переполненном трамвае на работу и возвращается домой поздним вечером. Просто ему еще дан дар художественного слова, позволяющий обобщать впечатления повседневности, придавать текущему качеству вечности.

На страницах художественной и документальной прозы Чхеидзе встречаем мы множество лиц. Одни образы выписаны тщательно и подробно, дру-

⁶³ Чхеидзе К. Вавочка // Годы. 1926. № 3 (25). С. 3–6.

⁶⁴ Чхеидзе К., кн. Повесть о Дине. С. 21.

гие даны в моментальном наброске, третьи представлены в каком-то одном, но впечатляющем ракурсе... В изображении присутствуют и приглушенный трагизм, и светлый лиризм, и тонкий юмор. Вот старый полковник на пару с вахмистром таскает на носилках тяжелые камни. Повествователь, работающий бок о бок с ними, советует вытянуть руки: так легче нести, чем на согнутых, — и тут выясняется, что полковник не может этого сделать: он инвалид, рука перебита («Снимки и думы»). Вот Серж, в прошлом бравый гусар и знак женских сердец, «картава на чистейший парижский фасон», провозглашает намерение выйти из «дворянского сословия» и присоединиться к пролетариям. Ах, какая романтика! «Подумай (он прищурил глаз, привыкший к моноклю): там, в небесах, прекрасная синева, сияющее солнце. А здесь, внизу, я. Мои волосы развеваются ветром, могучая грудь дышит глубоко, геркулесовские мышцы напряжены...»⁶⁵ Несколько дней готовится герой к путешествию в Павел-Баню, где его ждет работа на постройке новой церкви: собирает праздничный костюм, «запас белья, одеяло, подушку»⁶⁶, игнорируя советы автора, уже побывавшего в трудовой шкуре, позаботиться о рабочей одежде и обуви. Наконец на рассвете он торжественно выступает из города. И что же? Через несколько часов герой уже не может идти: ноги стерты в кровь, боевое настроение резко падает, и верный друг вынужден посадить его на осла, чтобы хоть как-то довести до места назначения.

А вот молодая женщина в старом, потертом пальтишке едет в переполненном трамвае, бережно прижимая к груди пакет с покупкой из дорогого магазина. Во всем ее облике видна отчаянная борьба с бедностью — тем удивительнее этот пакет, который она держит в руках. Автор пытается прочесть. «Синими буквами на белой с красным тесемке» написано: «Лучшая детская мука». Возбуждавший недоумение контраст исполняется глубокого смысла, то, что воспринималось как диссонанс, предстает гармонией, прекраснейшей из всех гармоний: «Кто бы она ни была, — сказал я себе, — она — мать»⁶⁷.

Перед этой жертвенностью материнства, извечной, как мир, возрождающей и стремящей его вперед вопреки всем катаклизмам бытия и истории, Чхеидзе будет преклоняться всегда. Ее воспевает он и в одной из последних своих кавказских легенд «Сказание о Мириам-амазонке» (1971). «Синеокая девушка с золотистой косой»⁶⁸, поднявшая на руках осиротевшего ребенка, отдавшая ему свое сердце, перекликается через время с молодой матерью-эмигранткой из далеких двадцатых годов.

⁶⁵ Чхеидзе К.А. Из болгарского дневника // Новая Искра. 1937. 1 марта. №. 44 (308). С. 3.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Чхеидзе К. В трамвае // Русско-чешская будущность. 1929. № 4. С. 13.

⁶⁸ Чхеидзе К.А. Сказание о Мириам-амазонке // Чхеидзе К.А. Крылья над бездной. Роман-сказ. Кавказская проза. Нальчик, 2010. С. 264.

Многие знакомые по русской классике темы в эмигрантской прозе Чхеидзе звучат иначе. Жизнь изменилась — изменилось и видение этой жизни. Вот повесть, опубликованная в 1930 г. в журнале «Москва». Любовный треугольник: он — она и еще раз он. Перед лицом смерти, не героической, в упоении боя, а леденяще будничной: от голода, холода и болезни — не до возвышенных мечтаний и бурных страстей. Соединенные нуждой пытаются выжить втроем. Мужчины работают, женщина ведет дом, старый дом, пустующий еще со времен Русско-турецкой войны, и ждет ребенка. «Голые люди» — так назовет Чхеидзе эту повесть, рисуящую три отдельные судьбы из миллионов судеб русских изгнанников, утративших родину, почву, родимый дом, привычные социальные роли, выброшенных на пространства земли, где у них только один выбор: умереть, увлекая в свою смерть и малую, еще нерожденную жизнь, или выжить вопреки внешней неустроенности, зыбкости эмигрантского существования.

Просто жить — для литературы XIX в. это никогда не было высшей ценностью. Как жить и для чего — вот что волновало писателей и общественных деятелей, видевших в литературе совестную инстанцию нации. Правда, бывало, что высокие рассуждения о долге и назначении человека оставались лишь рассуждениями, а жизнь шла своим обыденным чередом. Бывало и так, что высокие идеи отодвигали в тень саму жизнь, служить которой были они предназначены, и она никла и стыдливо ступсывалась, не будучи в силах соперничать с гладкой, математически выверенной теорией. Для Чхеидзе вопрос о смысле не менее важен, но он никогда не ставит его впереди жизни. Более того, понимает, что для эмиграции, существующей не в благополучных пределах Государства Российского, а в полном смысле слова «на осколке Вселенной» (образ, принадлежащий харбинскому поэту Арсению Несмелову), вопрос о смысле, в сущности, и является вопросом о жизни. Выбор жизни, а не медленного угасания в чужом краю есть выбор смысла, а не бессмыслицы, это выбор делания, творчества, роста, а значит, в конечном итоге, глубоко нравственный выбор.

«Жить, жить, жить — без конца...» — в финале очерка «Лемносские встречи» бросает эти слова в звездные пространства есаул с говорящим именем Иван Могутов. Но эта декларация — совсем не эгонистическое «Живи в свое пузо» или пассивно-трусливое «Живи как живется»⁶⁹. Близятся роды жены подхорунжего Алшевского — и образ женщины, стоящей на пороге таинства появления новой жизни, сплетается в сердце Могутова с образом России, которая тоже на пороге — но чего? — смерти или рождения? «Этой еще не время рожать, — повторил он про себя. — А той, великой, которой пели

⁶⁹ Обе формулы принадлежат Ф.М. Достоевскому: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 51; Т. 9. Л., 1974. С. 303.

многая лета: время умирать или рожать? вечная память или многая лета?»⁷⁰ Воля к жизни, звучащая в трижды повторенном императиве — «Жить, жить, жить», утверждает не только личное избрание героя, но и волю к возрождению России.

В повести «Моменты», созданной в тот же год, что и очерк «Лемносские встречи», тема возрождения и преображения России — центральная и главная тема. По ходу действия автор подводит читателя к мысли о том, что спасение России придет не через борьбу и насилие (путь гражданской войны и интервенции), а через духовно-нравственную умопрему, через покаяние, которое родится в глубинах народной души. Терпит крах попытка Николая Зарина спасти царскую семью, которая для него — символ России, внешними, военными средствами. Герой не становится *героем, подвиг*, о котором он так мечтал, не совершен. Дальнейшие жизненные мытарства бывшего офицера идут бок о бок с мытарствами души и ума, с поисками ответа на вопрос: в чем истинный путь? И вот, испытав и позор красного плена, и работу батраком на полях, и радость свободы (старик-крестьянин не убил — отпустил его со словами «Я те не судья»), и горечь сомнений, которые предательски нашептал ему в болезненных грезах странный, полуфантастический человек, одно из бесчисленных воплощений «страшного и умного духа, духа самоуничтожения и небытия»⁷¹ («Посмотрите: мир прекрасно себе существует без *них* и без *России*»⁷²), в финале повести Зарин переживает своего рода внутреннее озарение. Толчком к метанойе героя становится письмо, полученное митрополитом, у которого духовно окормляется Николай. В письме разворачивается картина просветленной, прозревшей России: и той, что ныне томится под игом большевиков, и той, что блуждает в рассеянии. «Верим и уповаем: провозсияет слава Господня по всей Вселенной чрез радостнотворные подвиги воскресающей нашей страны»⁷³. Не военные, но нравственные, духовные *подвиги* должен взять на себя ее народ, и именно в них — залог подлинного преображения.

Мысль о том, что спасение России — не в революциях, ополчающихся на саму идею жизни, равно как не во внешних, инициированных государством реформах, а в нравственном состоянии и поведении личностей, из которых слагается ее национальное тело, ложится в основу очерка «Как живут и работают...» (1928). Для Чхеидзе «плоть России — это мы сами», ее спасение или погибель зависит буквально от каждого. «Волей к жизни и волей к труду

⁷⁰ *Констал* [К.А. Чхеидзе]. Лемносские встречи // Казачий путь. 1927. № 18 (111). 27 ноября. С. 16–17.

⁷¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 229.

⁷² *Чхеидзе К.А.* Моменты // РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 19.

⁷³ Там же. Л. 24.

спасется Россия. Экзамен на жизнь выдерживает тот, кто хочет — кто необходимо волит: жить, жить, жить... и волит трудиться»⁷⁴.

Снова появляется знакомый по очерку «Лемносские встречи» императив: «Жить». Жить — значит противостоять небытию, жить — значит спасти себя и Россию, жить — значит трудиться, а труд — не разрушителен, как война, он созидает, творит новое, космизует мир, окружающий человека.

Очерк «Как живут и работают...» рисует «труды и дни» русских студентов в Болгарии. Днем — зеркальщик, сапожник, грузчик, маляр, вечером — студент Софийского университета — такие метаморфозы русских мальчиков наблюдает писатель. И все настойчивее крепнет в нем убеждение: они сильны именно этой спайкой мысли и жизни, учения и труда. «Радостнотворная» воля к жизни преодолела отчаяние, уныние, страх перед будущим.

Тема эмиграции — в прозе Чхеидзе это срез современности. Для русских изгнанников обрублены корни с прошлым, а предания приютившей их земли еще не стали своими. Жизнь движется в колее настоящего, подчиняясь принципу: «Довлеет дневи злоба его» (Мф 6:34). Иначе организована кавказская проза. Здесь две главные темы — прошлое (традиция) и современность: в их силовом поле и ткется сюжет, рождаются образы, живут и дышат идеи.

В начале 1920-х гг. в Европе оказалось много выходцев с Кавказа. Кавказская диаспора идейно и политически не была однородной, в ней сталкивались и соперничали различные точки зрения на будущее горских народов: от планов федеративного устройства в составе обновленной державы с предоставлением широких возможностей экономического, духовного, культурного развития для каждой национальности до тенденций крайнего сепаратизма, лозунгов отделения Северного Кавказа от Советской России. С одной стороны выступал известный политический и общественный деятель и публицист Ахмед Цаликов, председатель Союза горцев Кавказа, создатель журнала «Кавказский горец» (1924–1925), призывавший «народолобиво настроенную горскую интеллигенцию»⁷⁵ соединиться не для борьбы за власть, а для совместной духовной и культурной работы. В 1925 г. он стал создателем при Институте изучения России Общества кавказоведения, которое занималось «изучением природы, населения, быта, культуры, экономики и политической жизни Кавказа»⁷⁶, регулярно устраивало научные доклады как для эмигрантской диаспоры, так и для чешской публики. К.А. Чхеидзе была близка объединительная позиция Цаликова. Он принял живое участие

⁷⁴ *Констал* [К.А. Чхеидзе]. Как живут и работают... // Годы. 1928. № 6 (28). С. 9.

⁷⁵ От редакции // *Кавказский горец*. 1924. № 1. С. 2.

⁷⁶ Фонды русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. С. 196.

в работе общества, а позднее, уже в 1930-е гг. неизменно читал лекции по истории и культуре Кабарды в Русском народном университете в Праге⁷⁷.

Иную, радикальную точку зрения занимал кн. Эльмурза Бекович-Черкасский, для которого учеба на естественном факультете Карлова университета и изучение кавказской флоры и фауны шли рука об руку с политической активностью. Сторонник радикального отделения северокавказских народов от российской державы, он не признавал значения русской культуры для просвещения Кавказа (один из тезисов Цаликова) и последовательно отстаивал необходимость не прорусской, а проевропейской ориентации. Почему, спрашивал он, за просвещением горцу непременно надо направляться в Москву, а не в Вену, Берлин и Рим? «Западно-европейская цивилизация, кажется, более реальная и практичная, чем русская, которая часто обременена излишним инвентарем. Тем более, что для получения образования в Европе не требуется никакого религиозного мандата»⁷⁸.

В 1928 г., уже уехав в Париж, Эльмурза Бекович-Черкасский начнет издавать журнал «Горцы Кавказа». Не устывая подчеркивать, что, выйдя из-под власти России имперской, горцы подпали под власть России советской, главный идеолог журнала потребует национальной независимости уже не только для кавказских народов, но и для других национальностей бывшей Российской империи и теперешнего СССР: «Да будет нам позволено напомнить русским, что действительное счастье Россия найдет внутри своих естественных национальных границ, а не на Украине, Кавказе и в Туркестане»⁷⁹.

Подобный подход к вопросу о будущем России и Кавказа категорически не принимался Чхеидзе. Кавказ для него неотделим от России. Но не пассивно, не на правах «материала» входит он в державное целое. Чхеидзе близка выдвинутая философом Л.П. Карсавиным идея симфонической личности. На ее основе и интерпретирует он проблему национального. Как звуки в симфонии слагаются в гармоничное единство, в созвучие, а не какофонию, так и личности в составе народа, сохраняя каждая свою уникальность, должны быть связаны союзом согласия и любви. В свою очередь и наднациональное образование представляет собой не стандартизованную массу, в которой стираются черты различия между национальными физиономиями, а такую же симфоническую, соборную личность. В симфонии наций и культур, звучащей на пространстве России-Евразии, нераздельно и неслиянно соединяются малые и большие народности, неся в общую духовную копилку свой индивидуальный творческий опыт. А в будущем и человечество должно осознать себя соборным единством народов земли, и это единство, чтобы быть

⁷⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 6.

⁷⁸ Эльмурза. Открытое письмо Н.А. Бигаеву // Кавказский горец. 1924. № 2–3. С. 91.

⁷⁹ Одиннадцатое мая // Горцы Кавказа. 1929. № 5–6. С. 2.

действительно нерушимым, должно держаться пониманием абсолютной ценности и необходимости *каждого* своего звена.

Неповторимость духовного и культурного облика народов Кавказа, уникальность их опыта рисует Чхеидзе в своей кавказской прозе — начиная с рассказов и очерков 1920-х гг., с первой книги «Страна Прометея», вышедшей в 1932 г. в русском Шанхае, а в 1933 г. в Праге в переводе на чешский язык, до романов 1930-х — 1940-х гг. Любовно описывая уклад жизни горцев, традиции их быта и поведения, он не ставит себе узко этнографической цели. Его задача в другом — воспроизвести целостный образ мира и человека, как слагается он в этой точке планеты. Чхеидзе-писатель наблюдателен, меток и точен, но каждая конкретная деталь у него логосна, не эмпирична; каждый словесный рисунок (от внешности горцев до домашнего убранства), каждая картина природы (будь то солнечное утро в горах, древняя пещера, извилистая горная дорога, мост через горный поток или неповторимый нальчикский воздух) наполнены глубоким смыслом, невидимыми нитями связаны с целым, несут на себе его отблеск.

Кавказ для Чхеидзе — не только особый этнокультурный мир. Это средоточие нравственных ценностей, передающихся из поколения в поколение на протяжении многих веков. Писатель стремится осмыслить духовный опыт Кавказа на фоне опыта современной Европы — усталой, разобщенной, живущей одним днем, противопоставить патриархальные традиции горских народов с их культом предков, почитанием старших, родственно-семейной любовью либерально-эгалитарной цивилизации, миру, не помнящему родства и забывшему о братстве. Во введении к книге «Страна Прометея» появляются образы дикого и культурного поля. На диком — тесня и уничтожая друг друга, прут из земли злаки и сорняки: выживают сильные, наглые, приспособленные, утонченным и скромным шанса не остается; на культурном — «нет и следов ... дикой борьбы и ... отвратительного торжества сильнейшего (и наихудшего)»⁸⁰, здесь каждому растению дано достаточно света, влаги, тепла. Читатель уже ждет привычного сравнения мира необразованных, темных горцев с диким, невозделанным полем, а цивилизованной, просвещенной Европы — с культивируемой человеком землей. Но нет, Чхеидзе разбивает стереотипы: диким полем, где идет безжалостная борьба за жизнь и место под солнцем, оказывается у него цивилизация Запада, эгоистическая, атомарная, не желающая знать о любви, загнавшая человека в каменные лабиринты городов, в душные клетки квартир, где ему остается только умереть незнанию и одиноко. А возделанной ойкуменой, где человек живет в гармонии с миром и Богом, с собой и другими людьми, предстает «сокровище земли», «страна Прометея» — Кавказ.

⁸⁰ Чхеидзе К.А. Страна Прометея // Чхеидзе К.А. Страна Прометея. С. 35.

Чхеидзе отчетливо сознает душеобразовательное, жизнехранительное значение традиции. Ее разрушение чревато кризисом сердца и разума, искажением нравственного строя личности, распадом межчеловеческих связей. Для европейского жителя, превыше всего ценящего время, деньги и молодость, естественно садиться в трамвай, не думая, что по краям дороги плетутся те, кому быстрота и удобство передвижения не по карману: беременные женщины, старики и старухи. Нет нужды, что эти старухи когда-то были прекрасны и молоды и носили в своем чреве «будущий век». Они сделали свое дело и теперь могут спокойно отправляться на перегной. Но стоит перенестись на «дикий Кавказ» — и является прозревшему сердцу вся внутренняя неправда, весь позор подобного отношения. Всего две «картинки» рисует Чхеидзе. Молодежь, спешащая на танцы, уступает подводу старикам. Односельчане в самый разгар полевых работ безвозмездно убирают поле вдовы, а потом наказывают мельнику обмолотить ее зерно в первую очередь. «Непростительные глупости» для расчетливого буржуазного мира, живущего по железной формуле «товар — деньги — товар»...

Кавказ для Чхеидзе — не только этический, но и эстетический эталон. Писатель сравнивает запыленное, почерневшее небо Европы, на котором почти не видно звезд, — и высокое, бездонное небо Кавказа. И в душе рождается поэтический гимн этой нерукотворной, божественной красоте, несущей в себе первозданную красоту мироздания: «Укажите мне на земном шаре места красивее и обаятельнее Кавказа?! Где есть такое сочетание мощности, величия и чистоты? — У нас иное солнце, иной месяц, иные звезды... А наше небо! Разве есть где-нибудь такое, вселяющее в душу великий, ничем не утолимый восторг, небо, как небо Кавказа? Оно прекраснее всего самого прекрасного, что есть в мире. И если кто-нибудь захочет возвеличить и прославить на веки веков чью-либо красоту, пусть только скажет: это прекрасно, как прекрасно небо, гордо вздымающееся над Эльборусом... Высшей меры прекрасного не существует»⁸¹.

Человек индустриальной цивилизации, отгородившийся от природы бездушной техникой, утрачивает то живое восчувствие мира, любовно-сердечное касание к нему, которое органически присуще патриархальным народам и составляет суть подлинного отношения человека к бытию. Земля горцев хранит его в себе как священный завет. Тем внимательнее Чхеидзе, заброшенный из родного Кавказа в самое сердце Европы, к быту землепашца и скотовода, в основе которого — отношение доброго хозяина, а не вора и разбойника, безответственно расточающего ресурсы земли и поганяющего отданный ему на доброе попечение Божий сад. А еще писатель стремится запечатлеть на страницах «Страны Прометея» образы живых носителей традиции, хранителей наследия предков. Это благословенный летами Тенгиз Суншев

⁸¹ Чхеидзе К.А. Моя тема — Кавказ. С. 261.

из селения Безенги, вместивший в свой жизненный срок весь девятнадцатый век и коснувшийся — на начале и излете жизни — еще двух столетий. Старейшина Биберд, ведущий у огня неторопливый рассказ о людях прошедших времен: каждая история — поучительная притча тем, кто только вступает в жизнь, дабы хранили они свое сердце от зла, корысти, несправедного приобретения. Подобно высоким деревьям, вознесшим свои кроны к солнцу и свету, выделяются старцы на фоне своих горских собратьев; самой своей судьбой учат действовать и жить по правде, несут в себе подлинный кодекс чести, благородство ума, красоту и величие сердца.

Описывая мир Кавказа начала XX в., Чхеидзе показывает, что этот мир — при всей богатой его самобытности — мир, привитый к черенку русской культуры. Тем самым снимаются споры о том, где искать этому миру основ просвещения. Эти основы уже даны Кавказу Россией. Более того — через Россию соприкоснулась молодая горская поросль и с миром европейской культуры. Вот друг Чхеидзе Никита К., влюбленный в Байрона, Лермонтова и Шекспира. Не в Вене, Париже или Риме открыл он для себя шедевры всемирной литературы, а в Моздоке, находящемся в границах Российской державы, — открыл через русский язык и русскую книгу. И не только уроки просвещения, но и нравственные уроки обретаются во взаимодействии мира горцев с русским миром. В начале книги «Страна Прометея» Чхеидзе повествует о судьбе русской девушки Насти, полюбившей кабардинца Хуссейна и ушедшей за ним в аул. «Родственники Хуссейна сначала приняли Настю не очень дружелюбно. Однако впоследствии ее кроткая привязанность к мужу, ее старания всем и каждому сделать добро снижали ей всеобщую любовь»⁸². Горячность сердца, жертвенность, всеотдачность — лучшие черты характера русской женщины раскрывает писатель в образе своей героини.

Первая часть книги «Страна Прометея» — «Горы и горцы» — та духовная планка, по отношению к которой будет рассматривать Чхеидзе Кавказ периода революции и Гражданской войны. Он ставит эту планку перед своими современниками, пережившими исторический апокалипсис, дабы вновь забили в их душах, ожесточенных кровью и смертью, заглушенные источники добра и правды. «Быть плохим, злобным, жестоким — нетрудно, — позднее напишет он в воспоминаниях. — Трудно быть добрым и великодушным» (Воспоминания, 11).

Вторая часть «Страны Прометея» посвящена Заурбеку Даутокову-Серебрякову. Впервые Чхеидзе обратился к образу человека, о котором на Кавказе «слагались героические песни и повествовались легенды»⁸³, в рассказах «Повесть о Дине» и «Вавочка», но там образ Заурбека был транс-

⁸² Чхеидзе К.А. Страна Прометея. С. 61.

⁸³ Там же. С. 142.

формирован в образ Батыр-Бека кабардейшауо. Здесь же перед нами роман-биография. Автор следует по стопам своего героя: от детских и юношеских лет, обнаруживших в Заурбеке и смелость, и неукротимый нрав, и музыкальный талант, и душевную прямогу, и пылкость сердца, до зрелости, укрупнившей мужественные черты его характера, но и заставившей пройти через испытание властью, гордыней, жестокостью; от первого — бескровного — триумфа, когда юный Заурбек объездил неукротимого племенного жеребца Бuzдыгана, через победы и поражения, поражения и победы, многие из которых были оплачены кровью, до того последнего августовского дня, когда, развернув тридцать конников против пятисот красных кавалеристов, он взял в свои руки знамя и не договорил последних, вдохновляющих в атаку слов. Восхищение и любовь к командиру, под началом которого Чхеидзе прошел практически всю Гражданскую, задает эмоциональный тон повествования. Но эти чувства не слепы. Чхеидзе знает и другого Заурбека — хладнокровно отдающего приказы о казни: да, он казнит врагов и считает себя правым, но эта правда одной стороны не закрывает от автора целостной Божеской правды, которую несут в себе горы, молчаливые созерцатели братоубийственной розни людей, и которая в момент расправы над комиссаром Видяиным исторгает из уст женщины в черном, похожей на монахиню, пронзительный крик: «Нельзя!.. Нельзя убивать... Бог не позволяет убивать... А!»⁸⁴

Образ вечных гор — свидетелей и судей живущих — вместе с образом неба, «такого радостного и голубого», как будто «оно создано для молитвы»⁸⁵, переводит повествование о Гражданской войне в высший, религиозно-этический план, упирает его в вопрос о той подлинной цели существования, которую испокон веков ищет человек на земле, принимая за эту единственную и последнюю цель идейные фантомы и миражи и проливая за них свою и чужую кровь. «Неужели мужчина создан для пролития крови, а женщина для наполнения того бассейна, который именуется человечеством? Кто на это ответит?»⁸⁶ Этим вопрошанием и светлой, ностальгической нотой — нотой тоски по «Стране Прометей», «алмазной короне» мира, завершается первая кавказская книга Чхеидзе.

Выход «Страны Прометей» на чешском языке стал культурным событием. В чешской печати появились яркие рецензии, высоко оценивавшие книгу⁸⁷, было напечатано большое интервью в «Обзрениях литературы и искусства»: с Чхеидзе беседовал главный редактор журнала, доктор Милослав Новотный⁸⁸.

⁸⁴ Чхеидзе К.А. Страна Прометей. С. 174.

⁸⁵ Там же. С. 172.

⁸⁶ Там же. С. 242.

⁸⁷ См. библиографию отзывов о жизни и творчестве К. Чхеидзе, составленную Й. Вацехом (Zřající do slunce. S. 117).

⁸⁸ Rozhledy po literatufě a umění. 1933. № 1. S. 1–2.

Русская эмигрантская печать на книгу реагировала меньше, чем того хотелось Чхеидзе. Во многом причиной этого была принадлежность Константина Александровича к евразийству. Такие крупные эмигрантские газеты, как «Возрождение» и «Последние новости», которым писатель послал «Страну Прометея», предпочли о ней умолчать. «Я не ищу причин этого молчания, — писал Чхеидзе, — потому что знаю их. Причины в том, что похвалить книгу — по мнению делающих погоду критиков — значит как-то и автора приподнять, а этого делать нельзя, ведь автор (страшно сказать!) евразиец. Выругать тоже нельзя, так как и брань может привлечь к книге внимание. Но внимание к книге — в значительной части внимание к автору — а это-то и вредно!»⁸⁹

Парижская пресса предпочла молчание, в пражской появился лишь один отзыв, два отзыва вышли в Шанхае, по одному в Харбине и Варшаве, но все рецензенты писали о книге взволнованно и горячо. Поэт и писатель Лев Гомолицкий, откликнувшийся большой рецензией в газете «Молва», так характеризовал «Страну Прометея»:

«Есть темы, которые делают писателя. Такова тема книги Чхеидзе. Она сама подсказывает ему величественные образы, строгую простоту языка.

И из простого воспоминания, “человеческого документа” книга Чхеидзе превращается в эпическую поэму»⁹⁰.

Внимание к творчеству Чхеидзе проявил литературный критик и публицист Д.В. Философов. Осенью 1933 г. он выступил с проектом создания Литературной академии русского зарубежья. Известного деятеля Серебряного века особенно волновали судьбы молодых эмигрантских писателей, тех, кто начали свой творческий путь уже за пределами России. Именно эти писатели, в числе которых Философов называл Чхеидзе, по его мысли, «таят в себе много неиспользованных сил и могли бы обогатить нашу литературу, если бы встретили должную поддержку, как материальную, так и моральную»⁹¹.

Считая необходимым собирать сведения о новых лицах в эмигрантской литературе, Философов обратился к писателям с просьбой прислать материалы о своей жизни и деятельности. Одной из первых автобиографий, напечатанных в газете «Молва» в рубрике «Эмигрантские писатели о себе», стала автобиография Константина Чхеидзе⁹².

⁸⁹ К.А. Чхеидзе — Л. Гомолицкому. 16 июня 1933 // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

⁹⁰ Гомолицкий Л. Страна Прометея // Молва. 11 июня 1933. № 132. С. 4.

⁹¹ Философов Д.В. Проект литературной академии Русского зарубежья // Молва. 19 ноября 1933. № 266 (489). С. 3.

⁹² Эмигрантские писатели о себе. С. Шаршун, К. Чхеидзе // Молва. 23–25 декабря 1933. № 294 (517). С. 3. Републиковано: Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. С. 214–215.

В предисловии к рубрике Д.В. Философов продолжил свои размышления о молодой эмигрантской поросли, подчеркивая, что принадлежащим к ней писателям труднее всего пробиться в литературу — неизмеримо труднее, чем их собратьям в дореволюционной России, где существовало множество толстых и тонких журналов, газет и литературных сборников, печатавших молодежь. Эмигрантская печать скупа и тенденциозна, и далеко не все таланты получают в ней шанс стать известными или хотя бы просто заявить о себе⁹³.

С трудностью печатания в зарубежье Константин Чхеидзе сталкивался постоянно. Перед этими трудностями даже отсутствие рецензий (вещь важная, особенно для начинающего литератора) отходило на задний план. В одних печатных органах брали лишь отдельные фрагменты крупных вещей, другие, в силу той или иной политической установки, не очень жаловали писателя-евразийца. И тогда Чхеидзе приходит к решению, которое будет стоить ему места в литературе русского зарубежья. Постепенно он перестает пробиваться со своими художественными произведениями в эмигрантскую прессу и все больше начинает печататься в чешских изданиях. Когда в 1935 и 1940 годах в чешском переводе выйдут в свет два крупных романа писателя — «Глядящий на Солнце» и «Навстречу буре», объединенные темой революции и Гражданской войны на Кавказе, отзывы на них появятся лишь в чешской прессе. Эмиграции эти вещи, представлявшие собой крупные явления исторической прозы 1930-х гг., останутся неизвестны.

Еще с моздокской юности интерес к истории Кавказа тесно сплетался у Константина Чхеидзе с интересом к кавказскому фольклору. С середины 1930-х гг., стремясь глубже и объемнее познакомиться чешского читателя с родным ему миром, передать славянским братьям частичку любви к земле своих предков, он начинает обрабатывать кавказские легенды и сказки, помещая их в газетах «Венков» и «Пражски новини». По-русски удалось напечатать лишь две сказки и две легенды — в 1936 г. в Вильно в газете «Новая Искра»⁹⁴, которой руководил журналист Д.Д. Бохан, член литовской евразийской группы, высоко ценивший литературное и публицистическое дарование своего пражского собрата.

«Со сказок началось человеческое самосознание и сознание окружающего мира», — так на излете лет напишет Чхеидзе своей московской корреспондентке О.Н. Сетницкой⁹⁵. В легендах и сказках, как и в книге «Страна Прометей», писатель несет своим современникам мудрое наследие поколе-

⁹³ *Философов Д.В.* Две автобиографии // Молва. 23–25 декабря 1933. № 294 (517). С. 2.

⁹⁴ «Кто всех сильнее?»; «Сказание об Амиране»; «Орлиная скала»; «Судьба» // Новая Искра. 1936. № 68, 72–74, 96, 97. Републиковано: Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. С. 238–263.

⁹⁵ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 17 декабря 1972.

ний, опыт предков, обращенный к потомкам, завещанный будущему. В них видит отзвуки древнего синкретического мироощущения, когда религиозное сознание не было отделено от культуры, но составляло с нею одно, когда обе они; и культура, и религия, возделывали, преображали и дикую природу, и невозделанную почву человеческих душ. В 1938 г. в статье «Борьба между образами и за образ» он назовет обращение к фольклору в искусстве XX в. и, в частности, в советском искусстве 1930-х гг. началом возвращения — но уже на новом творческом и духовном витке — к этому исконному единству, «началом поворота к искусству и образам религиозной культуры, создавшей фольклор»⁹⁶, а значит, к обретению утраченной цельности мысли и жизни, основа которой — сознание неразрывной связи человека с тем, что выше него, что влечет его к совершенству.

Сказки и легенды, напечатанные в газете «Новая Искра», объединены двумя главными темами: темой человека и темой судьбы. Обе вечны, как мир, и обе — всегда современны. Что есть человек, каково его задание в мире, на что обратить ему силу, брызжущую через край? Такие вопросы рождает легенда об Амиране, «грузинском Прометее». Крестник Господень, «пресветлый» Амиран особо отмечен Богом. Вместе с названными братьями Усупом и Бадри он одолевает злого дэви, погубившего богатыря Цамцуну, черного дракона, пожирающего свои жертвы. Но сознание своей силы защитит разум героя, кажется ему, что нет предела его могуществу. Не понимает гордец Амиран, что исток его силы — не в нем самом, но в Том, Кто есть начало всякой силы и всякой жизни. И вот взбунтовавшийся богатырь бросает злой вызов небу, страж и защитник жизни от зла и безобразия готов покуситься на самый строй мира: рвет с корнем деревья, опрокидывает храмы Господни, разрушает высокие башни, сами звезды готов сорвать с небесного свода. Наконец, он вызывает на поединок самого Сына Божия, Того, Кто крестил его в колыбели. И — не может сдвинуть ни на вершок Господень посох, воткнутый в землю, ибо, пустив корни, обвил тот ими и землю, и всю Вселенную (символический образ Силы Божией, обнимающей и держащей мир). Образно-символическим языком сказания передает Чхеидзе мысль, бившуюся в сердцах писателей и философов XIX в.: Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, — и пророчески завещанную ими веку двадцатому: автономный, гордый, самостный человек, действующий в мире по своему собственному, своевольному, а то и злому хотению, — колосс на глиняных ногах, его сила призрачна, эфемерна, только в благом, вдохновенном союзе с высшей Божественной волей способен он творить дела.

⁹⁶ Чхеидзе К.А. Борьба между образами и за образ // Поток Евразии. Таллинн, 1938. С. 69.

В книге «Страна Прометей», повествуя о последних днях Заурбека, Чхеидзе называл его «человеком судьбы». Судьба вела героя, когда «в присутствии тысячной толпы» читал он в громадном зале стихотворение «Сон» — воззвание к кабардинскому народу, когда поднимал своих соплеменников на борьбу с большевизмом, когда дважды брал Нальчик и кровавым вихрем обрушивался на Балкарию, горную Осетию, Малую Кабарду. Судьба вела его и в последнем неравном бою, подарив ему смерть с улыбкой на устах. Теперь в кавказских сказках судьба ведет охотника к высокой башне, где находит он прекрасную Дали, что мучится родами, давая жизнь богатырю Амирану. Судьба приводит царевича Левана, заблудившегося во время охоты, к хижине святого старца, а затем к дому бедного пастуха, в котором живет его суженая. Судьба толкает Амирана на поиски красавицы Камари, борьба за которую принесет смерть его названным братьям и скорбь самому герою. Перед судьбой оказывается бессильным Степной наездник: сраженный горем, он рыдает над телом умершего сына.

Судьба — рок и судьба — Провидение. Такие два лика судьбы предстают в легендах и сказках Чхеидзе. Столкновение с судьбой-роком дает прозрение богатырю Балкаруку: не силы, на которую всегда найдется большая сила, но знания ищет теперь герой, той мудрости, которая поможет ему познать, а значит, и преодолеть «Закон Судьбы», закон страдающего, смертного мира. Но при встрече человека с Судьбой-Провидением не борьбы, но доверия ждет она от него. И пусть поначалу, движимый своеволием, он противится предначертанному и не опознает в том, что совершается с ним, мудрой руки Творца мира, как царевич Леван, пытающийся избежать своей доли, которая кажется ему горькой и стыдной, — но когда настает просветление и становится ясно: все, что случилось, было преддверием великой радости, из уст его исторгаются слова благодарности и любви к Тому, Кто не оставил его на земных тернистых путях, направил к свету и счастью.

Тема судьбы не случайно так волнует Чхеидзе. Он хочет понять, какими путями ведет она русских изгнанников, что уготовано им и России. Удастся ли ей «воскреснуть и восстать», или «обморок духовный» продлится еще много десятилетий? А за вопросом о России и судьбах ее расколотого на части народа встает другой — всеобъемлющий и главный вопрос: о мире и грядущих судьбах его, о том, какими путями идет история и какими должна она идти, чтобы стать полем соработничества Божественных и человеческих сил, какого ответа ждет Провидение от человека? Все это вопросы, рожденные прикосновением к русской религиозно-философской традиции. Вопросы, нудящие к ответу, к поиску абсолютных ориентиров, того «конечного идеала», без которого жизнь человека на земле обесценена и обессмыслена.

Ответы писатель ищет в русской религиозной философии и философии Федорова. Высокий строй мысли и жизни «московского Сократа» — под-

вижника, аскета, пророка — вдохновляет Чхеидзе на создание нового романа «Пророк в отечестве». Работа над ним начинается осенью 1934 г. и длится с перерывами всю вторую половину 1930-х гг. С января 1941 г. роман в переводе Софии Погорецкой, переводившей большинство художественных и философско-публицистических произведений Чхеидзе, начинает печататься в газете «Národní listy», но уже в апреле издание газеты приостановлено немецкими оккупационными властями, и публикация остается незавершенной.

Делясь замыслом этого, очень дорогого ему романа с Н.А. Сетницким, Чхеидзе писал: «Мой главный герой — организатор “Общества Спасения”, причем всеобщего, в обстановке Праги, в условиях сего дня. Он действует на стыке чехов и русских. По происхождению чех, по культуре русский, по духу христианин. <...> Это будет (в романе) пророк, изобретатель в области духа, аскет, ученый, мудрец и несчастный, хотя и полный огня вдохновения. Люди его не примут и не пойдут за ним. Но эта развязка не помешает (я думаю) показать своего героя во весь рост»⁹⁷.

В образе главного героя романа «Пророк в отечестве» скрестились черты Федорова и друга Чхеидзе, талантливого музыканта и оригинального мыслителя Вацлава Вагнера, в 1930-е гг. глубоко интересовавшегося «Философией общего дела». Чех по крови, много лет живший в России, он был органически привит и к русской, и к чешской культуре. Это соединение в лице одной личности двух национальных традиций, в глубине своей принадлежавших одному целому — духовному миру славянства, для Чхеидзе имело глубокий символический смысл. Много сделавший для русско-чешского культурного и мировоззренческого диалога, для взаимодействия чехов и русских, в новом романе он поднимает и этот диалог, и это взаимодействие на уровень всемирных, вселенских задач. Действие романа, где ставятся привычные для русской литературной и религиозно-философской традиции «последние вопросы» существования, перенесено в Прагу. И идея преодоления смерти, высказанная русским мыслителем, звучит из уст представителя чешского народа. Впрочем, сам Федоров как-то писал, что «мечта дать благополучие не всему лишь живущему, но <и> всем умершим, страданиями доведенным до смерти», эта «глубоко нравственная», «сердобольная мечта» есть мечта не только русская, но и «славянская»⁹⁸. Чхеидзе этих слов Федорова знать не мог, но, в сущности, именно их смысл выражает он в своем романе.

Рассказ о «Стране Прометей» Чхеидзе заканчивал гимном Праге: «Город, подобный древнему венцу, вылитому искусной рукой Того же, Кто

⁹⁷ К.А. Чхеидзе — Н.А. Сетницкому. 22 сентября 1934 // Литературный архив Музея национальной письменности. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27.

⁹⁸ Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. IV. М., 1999. С. 150, 151.

сотворил Страну Прометея...»⁹⁹ В книге «Пророк в отечестве» описывал великолепие чешской столицы, неповторимый облик города, являющий собой настоящую архитектурную симфонию, его обаяние и загадочность. Особое место в наследии Чхеидзе занимают очерки «Оравские впечатления» и микропроза, посвященная Чехии. Благодарно, сердечно, любовно описывает он маленькую славянскую страну, приютившую среди многих тысяч русских изгнанников и его самого. В Чехии нет того антагонизма природы и культуры, который налицо в других странах Европы. Естественное и рукотворное здесь органично сплетаются и рождаются друг с другом. До глубины сердца волнует писателя красота чешской природы и красота Праги, прелесть старинных замков, холмов и равнин. Вбирая в себя эту красоту, автор стремится передать свои чувства читателю. В его мини-текстах о Чехии присутствуют и «снимки» с натуры, моментные зарисовки пражских улиц, состояний природы, перекликающихся с состояниями души человека («Вечер»), и вдохновенные эссе о памятниках архитектуры («Орава»), и исполненные лиризма, а подчас и доброго юмора сценки из повседневности («На улицах Праги») ¹⁰⁰.

Пишет Чхеидзе и о чешской литературе. Рецензирует выходящие книги. Пытается понять, чем дышит и живет современный литератор в Чехословакии. А параллельно — размышляет о России, прошлой и современной, и пропускает эти размышления сквозь призму литературы.

В двадцатые годы он смотрит на советскую литературу еще «с того берега», глазами человека «одной стороны», одной — белой — правды. Отсюда — тенденциозная оценка «Тихого Дона» в рецензии, помещенной в журнале «Казачий сполох» (1929. № 18–20). Но постепенно, преодолевая «галлиполийскую» узость, Чхеидзе начинает внимательнее всматриваться в литературу Советской России. Он прочерчивает линии ее взаимодействия с русской классикой и видит это взаимодействие не столько в формальной, сколько в содержательной, *идеалотворческой* стороне литературы: и в веке девятнадцатом, и в веке двадцатом идет напряженное искание «конечного идеала», идеала целостного, всеразрешающего, и осуществляется оно через слово.

Одним из первых в эмиграции Чхеидзе почувствовал тот преобразовательный, космический пафос советской литературы 1920-х — 1930-х гг., о котором уже в наши дни столько будут писать исследователи. Чаение «третьей революции духа», выводящей к преображению бытия и человека, Константин Александрович находил и у пролетарских поэтов, и у В. Хлебникова, и у В. Маяковского ¹⁰¹. Продолжая труд Д.П. Святополка-Мирского

⁹⁹ Чхеидзе К.А. Страна Прометея. С. 242.

¹⁰⁰ Чхеидзе К.А. На улицах Праги // Россия и славянство. 1929. 25 мая. № 26. С. 7.

¹⁰¹ См.: Чхеидзе К.А. Велимир Хлебников (к десятилетию со дня смерти, 28–VI–1922); Комментарий к Маяковскому // Чхеидзе К.А. На литературные темы. Прага, 1933. С. 1–24.

и П.Н. Савицкого, рассматривавших русскую литературу сквозь призму евразийских идей, он попытался взглянуть на литературный процесс с точки зрения своей концепции совершенной идеократии. Литература Советской России стремится к выработке «образа окончательного, идеального состояния человечества»¹⁰² — и хотя под неизбежным прессом большевицкой идеологии эти искания облекаются порой в редуцированные, а иногда и прямо искаженные формы, «возникающий — и уже возникший — период русской литературы» Чхеидзе называет «идеократическим»¹⁰³.

В 1932 г. вместе с филологом Л.В. Копецким Чхеидзе создает при Русском народном университете в Праге Кружок по изучению современной русской литературы. Как уточняет Чхеидзе в письме В.Ф. Булгакову, под определением «современной» имеется в виду не только то, что пишется сейчас, но «то, что сейчас переживается»¹⁰⁴. Именно эту точку зрения разовьет писатель в докладе «О современной русской литературе», прочитанном на открытии кружка 20 декабря 1932 г.; в нем представит и свою концепцию литературы как сферы творчества идеала.

За семь лет существования кружка на его собраниях выступали А.Л. Бем («О Маяковском»), П.Н. Савицкий («Географический ландшафт в новой русской литературе»), В.Ф. Булгаков, сделавший доклад на тему «Толстой сегодня», В.Д. Белый с сообщением «Казачка в песнях и литературе», Я.М. Висковатая («Русские отзвуки в современной польской литературе»)¹⁰⁵ и др. Организаторы приглашали артистов, которые в конце заседания читали стихи или прозу. Отдельные заседания целиком были посвящены авторским читкам произведений. Так, А. Воеводин прочел свое «Окно в небо», казачий писатель П.Г. Ергушов — повесть «Казачки и горцы» (явно сказанся выбор Чхеидзе), В.Ф. Булгаков — свою пьесу «Эдгар По»¹⁰⁶. В кружке, помимо русских эмигрантов, принимали участие и представители чешской гуманитарной интеллигенции, которые участвовали в прениях, выступали с докладами¹⁰⁷. Были организованы заседания, посвященные идейно-художественным параллелям в творчестве отдельных писателей, в том числе русских и чехов. К примеру, 24 марта 1934 г. А.А. Шаповалов прочел доклад на тему «А. Блок и О. Бржезина»¹⁰⁸. Отдельное заседание было отведено карпаторусской литературе, и на нем обсуждалась книга Е. Недзель-

¹⁰² Чхеидзе К.А. О современной русской литературе // Там же. С. XVII.

¹⁰³ Там же. С. XIX.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 1211. Л. 24.

¹⁰⁵ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции: В 2 т. Т. 2. Прага, 2001. С. 169, 177, 184, 223, 321, 469.

¹⁰⁶ Там же. С. 457, 474, 496.

¹⁰⁷ Так, чешский филолог Я. Калоускова 21 апреля 1934 г. сделала в кружке доклад «А. Белый» (Там же. С. 257).

¹⁰⁸ Там же. С. 253.

ского «Очерк карпаторусской литературы» (Ужгород, 1932), посвященная этому феномену¹⁰⁹.

Сам Чхеидзе прочел на заседаниях кружка целый ряд докладов, начиная со вступительного доклада, открывшего работу кружка, и заканчивая докладом «Знатные люди в изображении советской литературы», представленным 27 октября 1937 г.¹¹⁰ Параллельно свои мысли о литературе он излагал на различных гуманитарных собраниях, во множестве проходивших в Праге, Брно и других городах. В мае 1935 г. читал вводную лекцию к диспуту «О правде и кривде русской культуры» в Русском народном университете в Праге, а 2 декабря того же года в собрании Союза русских студентов в Брно сделал доклад о советской литературе¹¹¹.

«На литературные темы» К.А. Чхеидзе говорит не только в литературных кружках. Он поднимает их в лекциях и на заседаниях философских и исторических семинаров, проходивших в 1930-е гг. под эгидой Русского народного (с 1933-го — Русского свободного) университета. Видя в советской литературе зеркало современной русской жизни, которая им, эмигрантам, доступна только извне, только на расстоянии, выступает на семинарах политических и экономических. Так, 13 марта 1935 г. на семинаре «Новое в политической жизни» делает доклад «Политический элемент в современной советской литературе», а 11 января и 9 декабря 1937 г. на семинаре «Новое в экономической жизни» поднимает темы «Сельскохозяйственная коллективизация в отражении советской литературы» и «Ведущие люди советского хозяйства (по литературным данным)»¹¹². Сквозь призму литературы рассматривает актуальную для эмансипированного XX в. «женскую» тему: 19 апреля 1932 г. делает вводный доклад в дискуссию «Женщина в советской жизни и литературе»¹¹³.

В 1937 г. В.Ф. Булгаков привлекает его к делу подготовки словаря эмигрантских писателей. Проект, начатый в 1933 г. Союзом русских писателей и журналистов в Польше и его секретарем Л.Н. Гомолицким, продолжился в Праге. В.Ф. Булгаков, возглавлявший Русский культурно-исторический музей, под эгидой которого шла работа, привлек к ней К.А. Чхеидзе¹¹⁴. Константин Александрович дополняет списки писателей, рассылает и обрабатывает анкеты, ведет картотеку, редактирует готовые материалы. Наследник философии Федорова, он одушевлен идеей своеобразного словесного

¹⁰⁹ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции. С. 258.

¹¹⁰ Там же. С. 162, 443.

¹¹¹ Там же. С. 315, 342.

¹¹² Там же. С. 403, 452.

¹¹³ Там же. С. 123.

¹¹⁴ Переписку В.Ф. Булгакова и К.А. Чхеидзе по поводу подготовки «Словаря...» см.: ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 7, 9; РГАЛИ. Ф. 226. Оп. 1. Ед. хр. 1211; Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд В.Ф. Булгакова. 123/48.

«музея» эмиграции. Для тех, кто живет и работает, словарь, по его убеждению, будет моральной подкрепой, для тех, кто уже ушел, пройдя положенный век, подобно Вас. И. Немировичу-Данченко, или не вынеся условий эмигрантского существования, как поэт и беллетрист Б. Буткевич, — священным синодиком.

Жизнь течет своим чередом. А горизонт сначала медленно, потом все стремительнее затягивает черная мгла. В октябре 1938 г. в результате инспирированного Германией Мюнхенского соглашения Чехословакия теряет треть своей территории, 15 марта 1939 г. в Прагу вступают гитлеровские войска, 1 сентября начинается Вторая мировая война.

Война. Творчество как сопротивление

Русская эмиграция по-разному реагировала на начало европейской войны и на последовавшее двумя годами спустя вторжение гитлеровских войск в пределы России. Некоторые представители правых кругов эмиграции радовались успехам Гитлера, надеясь, что фашистское наступление уничтожит ненавистную власть большевиков. Другие — как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева) — духовно восставали против фашизма, несущего миру ложную, оскотленную веру, корежащего образ Божий в человеке, и видели в совершающемся «суд над историей»¹¹⁵. Многие эмигранты уходили в движение Сопротивления и гибли в концлагерях.

Были и те, кто оказывал кровавой вакханалии войны тихое сопротивление, единственно возможное для них в силу внешних обстоятельств. Такое сопротивление явил И.А. Бунин — больной, страдающий от голода и холода, он писал «Темные аллеи» — книгу рассказов о любви, противопоставляя скрежещущему, жестокому времени образы чувства, лежащего в основе жизни.

Как и Бунин, Чхеидзе обрел свою форму «тихого сопротивления» в творчестве. В 1941–1945 гг. он написал четыре романа. Сначала «Путника с Востока» (1941), потом роман-сказ «Крылья над бездной» (1941–1942) и «Невесту гор» (1943) и, наконец, роман «Без гнезд» (1944–1945).

Романы «Путник с Востока» и «Без гнезд» автобиографичны, что характерно для творческой манеры Чхеидзе. Создавая их, он особенно беспокоился о впечатлении, которое произведут его герои, — ведь за ними вставали живые лица, те, с кем сводила Чхеидзе судьба на Кавказе, в Константинополе, на Лемносе, в Праге. Неоднократно спрашивал он Софию Погорецкую, переводчицу и старшего друга, какими показались ей Алеша

¹¹⁵ Мочульский К. Идея социального христианства в русской философии // Православное дело. Вып. 1. Париж, 1939. С. 61.

и его возлюбленная Лариса («Путник с Востока»), понравились или нет его описания Кавказа, Константинополя, Праги. Извинялся за спады тона в повествовании и пытался определить сущность своего стиля: «Мне кажется, было бы невозможно для читателя, как и для писателя, вести непрерывно высочайшую ноту: это нельзя выдержать. Снижения и, так сказать, простая проза — необходимы, как для распространения наилучшего аромата все-таки необходим прежде всего наиобыкновеннейший воздух. <...> Потому-то (я думаю) высшие проявления лирики всегда кратки: “По небу полуночи ангел летел...” или “Тучки небесные, вечные странники” и т.д. Если напряжение слишком долго и бесплаузно — оно как-то перестает действовать... Понятно, у Толстого или Достоевского это нечто совсем другое. Первый — гениальный живописец, второй — еще гениальнейший испытатель души. Но я, раб Божий, просто человек, которого судьба наградила жестокой способностью глубоко чувствовать людей, вещи, события и отчасти даром порассказать об этих переживаниях. Моя область — чувства и уподобления. Я — так я хочу думать о себе — человек Востока, но — как известно — Восток спит и сны видит. Вот и мои вещи — тоже как сны»¹¹⁶.

Не сном, но притчей, подобной евангельским учительным притчам, стал роман «Крылья над бездной». Чхеидзе работал над ним с подлинным вдохновением. Из реальности озверения и убийства уходил в мир легенды, в область дней давно минувших, обретая там и нравственные идеалы, и уроки настоящему.

Внешний и внутренний сюжет своей книги спустя десятилетия он так обозначит в письме О.Н. Сетницкой: «Тема — жизнь горцев в XVIII веке, борьба феодалов, протесты народа. Конечно, и романтическая струя. Но основной тон — восприятие жизни как мелькания крыльев над бездной»¹¹⁷. Образ крыльев, простертых над пропастью, — символ хрупкости бытия и одновременно внутренней силы его, побеждающей хаос и смерть.

Чхеидзе наблюдает современность — и все больше вопросов рождается в его душе. Чем чревато преступление заповедей, данных человеку Творцом? К чему влечет нарушение традиции, которая совсем не пуста: за внешней, выношенной веками формой стоит глубина содержания. В мудрости веков ищет писатель ответа. Еще в «Стране Прометей» из уст старца Биберда прозвучала учительная история двух братьев — Ибрагима и Тау-Султана: младший преступил закон старшинства, обманом завладел новорожденным ребенком. Ничего хорошего не вышло из его жадной лжи. Господь наказал поправшего заветы предков, пренебрегшего мудростью поколений — поставил лицом к лицу с циничными нарушителями этой мудрости, обманщика

¹¹⁶ К.А. Чхеидзе — С. Погорелкой. 24 июня 1941.

¹¹⁷ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 12 января 1969.

сделал жертвой обмана. Жеребенка украли — и тогда вспомнил Ибрагим «о брате Тау-Султане, которого так несправедливо обидел». С черным лицом уходит он из селения: «Лишающий себя братьев не может рассчитывать на друзей»¹¹⁸.

В романе «Крылья над бездной» трудная история Орсундаха, «горного гнезда, что лежит выше полета орлиного, выше облаков грозовых, среди гранитных скал, ледников и лесов»¹¹⁹, начинается с того же человеческого своеволия, ставящего себя выше правды Господней, запечатленной в отчет обычая. Два друга, два воина вступают в селение. Гордый, нетерпеливый Кадай за должное принимает почести, предназначенные для Леуана, ибо тому принадлежит старшинство. Отгоняет от себя голос совести, не рассеивает заблуждения горцев. Но не во благо служит почет, оказанный по ошибке. Гордыню сердца Кадая и потомков Кадаевых питает он. Рознь и вражду разжигает в селении. Малое зло разрастается, роковые несчастья поражают аул Орсундах.

Два нравственных выбора рисует Чхеидзе в образах Кадая и Леуана. Два нравственных выбора, стоящих и перед отдельным человеком, и перед человечеством как целокупностью. Выбор самости и своеволия, эгоизма, от которого грубеет сердце, власти, основанной на силе и страхе. И выбор служения Богу и людям, выбор ответственности, совести и любви. Башни, которые строят герои в селении, обретают символический смысл. Одна — в центре аула — манифест злой гордыни, поставлена «во имя свое». Вторая — на холме у въезда в селение — образ благодарения, архитектурная молитва Ворцу, это «башня-защитница», «неприступный ключ к родным очагам»¹²⁰.

Голос правды Божией звучит в романе «Крылья над бездной» устами старца Эльдара. Благословенный летами, одаренный разумением истины вещей, раскрывший свое сердце Богу и миру, Эльдар напоминает библейских патриархов. Высшая мудрость дана убеленному сединами горцу. Уже не видят глаза, слабеет и ссыхается тело, но дух его светел и душа полна любовью к миру, который держит в своей руке Тот, Кем сотворены и земля, и небо, и бессмертные горы, и цветы, и травы, и человек.

Образ Эльдара собирателен, но и конкретен. «В ранней молодости я любил бывать в самых глухих местах в горах, в Балкарии, — признавался К.А. Чхеидзе О.Н. Сетницкой. — Там довелось прожить некоторое время вблизи действительно старца-патриарха, ему было 124 года. Ростом два метра и несколько сантиметров и почти не сгорбленный. У него был сын двадцати лет, точная копия отца. Отца звали Тенгиз, сына Маштай. Так вот

¹¹⁸ Чхеидзе К.А. Страна Прометей. С. 111.

¹¹⁹ Чхеидзе К.А. Крылья над бездной // Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. С. 48.

¹²⁰ Там же. С. 56.

высказывания Тенгиза, их “мелодию” я и попытался передать в этой своей книжке»¹²¹.

Тенгиз, Тенгиз Суншев... «...Я не встречал человека, которого поставил бы не говорю — выше Тенгиза, <...> но рядом с Тенгизом. А пришлось мне встречать многих и многих: ученых, великих князей, полководцев, писателей и других людей, которых иногда называют великими. Пусть называют»¹²², — писал Чхеидзе в книге «Страна Прометей». И снова — теперь уже в романе «Крылья над бездной» — оживает навсегда вошедшее в его душу восхищение Тенгизом, этим «чудом Балкарии»¹²³. Герой «Страны Прометей» выходит из исторического повествования в пространство предания. Старец Тенгиз становится старцем Эльдаром.

Как мы помним, в своих литературно-критических штудиях Чхеидзе определял литературу как искание идеала, стремление «оправдать мир и жизнь в нем»¹²⁴, дать им перспективу благого, богочеловеческого развития. Позднее он не раз углублял и оттачивал эту мысль, настаивая на проективности художественного образа, на том, что образ обладает способностью заражать и преображать, вести за собой человека. Тем серьезнее ответственность художника — и тем напряженнее на высших взлетах русской словесности стремление создать образ «положительно-прекрасного человека», героя, подражание которому стало бы преображением¹²⁵.

В литературе XIX в. таким героем был Алеша Карамазов. В творчестве Чхеидзе — юноша Агелик из Леуанова рода. В нем неразрывны внешняя и внутренняя красота, благородство черт лица, походки, манеры держаться — и благородство духа, души и ума. Он справедлив и милосерден, храбр и великодушен, мужественен, но обладает чутким, сострадающим сердцем. Не на своевольную, гордынную мощь, подобно владыке Темиру, наследнику рода Кадаевых, опирается Агелик, но на заветы предков, на голос совести, на чистое сердце. И потому именно ему дано восстановить мир в Орсундахе, нарушенный давней враждой, и соединить оба семейства, природнившись — через древний обряд (вот она, спасительная сила традиции!) — с родом Кадаевых.

Как послушник, принимая монашество, получает новое имя, так Агелик, пройдя через «второе рождение», становится Эльдаром — в честь названного отца. Когда-то Гизо, побратим Инала, кровного родителя юноши, убитого наследниками Кадая, назвал его Агеликом по имени «героя-мстителя древних горских сказаний». Но не мстителем, умиротворителем стал Агелик-Эльдар в Орсундахе. Воспринял он в сердце мудрое слово

¹²¹ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 12 января 1969.

¹²² Чхеидзе К.А. Страна Прометей. С. 76.

¹²³ Там же. С. 78.

¹²⁴ Чхеидзе К.А. О современной русской литературе. С. III.

¹²⁵ См.: Чхеидзе К.А. Борьба между образами и за образ. С. 50, 57, 61.

Хассана, старого пастыря: «Не обычай создает человека, а сам человек — горское племя, вот кто хозяин закона. Что было доброго в прошлом, пусть не умирает вовеки: зла перенимать не надо»¹²⁶. Зрячим и мудрым, умеющим отделять добро от зла идет по жизни герой. Не велениям кровной мести, не древнему «око — за око» — заповедям любви и согласия внемлет его чуткое сердце.

В светлой юности — Агелик, Эльдар — в старости, убеленной сединами. Таков путь героя Чхеидзе. Стремительный, бурный рассвет и медленный, величаво-прекрасный закат. Между ними — долгая жизнь, благословенная трудами, счастьем любви, добрым потомством. Как праотец Авраам, через которого Господь установил завет свой с людьми, умирает, «насыщенный днями» (Быт. 25:8), так приближается к скорбному финалу Эльдар — тихо, просветленно, не ропща на свой удел, на быстротечность жизни, сколько бы лет она ни вмещала: «Есть мера всему на земле. Есть мера и веку людскому»¹²⁷.

Хотя Чхеидзе стихов не писал, поэтическое начало в нем было всегда. Оно проявляло себя в образности его кавказской прозы: «Стране Прометеев», рассказах, сказках, легендах. Поэтичность творческой манеры шла от кавказских корней, от кабардинского и балкарского, грузинского и осетинского фольклора. Питалась она и восточной поэзией, с которой Константин Александрович был хорошо знаком. Низами, Саади, Руми, Хафиз, сливающие поэзию с философией, — его учителя в слове и образе. Как и европейские и русские классики, вдохновлявшиеся миром Востока: Гете, Байрон, Пушкин, Лермонтов... В прозе об эмиграции Чхеидзе ориентирован на реалистический стиль повествования, более сдержан, скуп на эпитеты, хотя и сюда долетают вдохновенные ветры, гуляющие по пространствам его кавказской прозы. На этих пространствах писатель дышит полной творческой грудью. Богатая палитра метафорической, образно-символической речи щедро дарит свои краски, текст являет собой настоящую симфонию цвета, слова и образа.

Роман кончается просветленной и чистой нотой, из уст старца Эльдара исходит благословение бытию и милосердному Творцу бытия, наделившему этот мир красотой и любовью: «В ясный полдень люблю я выйти на ниву, сесть на выступ скалы и думать, мечтать о былом. Видения прошлого улаживают душу мою. Видения эти подобны туману цвета весеннего неба. Порою лицо промелькнет дорогое. Порою голос услышу, голос, похожий на скрипку кобуз. Вздохнет старое сердце. Хочет забиться — сил не находит. Какая-то странная влага сочится из глаз потускневших. Некое эхо, как стон, грудь бередит... Тогда собрав последние силы, я поднима-

¹²⁶ Чхеидзе К.А. Крылья над бездной. С. 110.

¹²⁷ Там же. С. 212.

юсь, иду и иду. Я достигаю высокого берега. Внизу бушует река, вокруг бесконечный простор. Я слушаю сердцем святое молчание гор. Я молюсь Единому Богу. Я смотрю на реку, вижу волну уходящую. Я поднимаю взор к небесам, я замечаю летящую птицу. Ее крылья простерты над бездной. Тогда я говорю:

— Боже, мир Твой подобен волне, освещенной игривым лучом. Мир Твой — над бездной парящие крылья...»¹²⁸

Годы мытарств. Возвращение. ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В 1945-м в Прагу вступили советские войска. Для одних это было освобождением, для других — началом тюремных мытарств. Чхеидзе оказался среди последних. 1 июня он был арестован, обвинен в борьбе против советской власти во время Гражданской войны, участии в «антисоветском движении «евразийцев»» и публикации «антисоветских статей» в зарубежной печати¹²⁹. Вместе с П.Н. Савицким, лидером евразийского движения 1930-х гг., его вывезли в Советский Союз, держали в Лефортово и Бутырках, а в октябре 1945-го вынесли приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей¹³⁰.

Жена Чхеидзе, славистка Маркета Сикорова (они поженились в 1936-м), писала И.В. Сталину, прося помиловать мужа. Свое письмо она начала грузинской поговоркой: «Человек человеку может быть лекарством, а может съесть сердце, как ржавчина ест железо!»¹³¹ Ходатайство действия не возымело. А потом и ее самой коснулись мытарства: лишение работы, выселение из Праги. Вместе с маленькой дочерью Марией Маркета поселилась в городке Роуднице-над-Лабем. Доктор наук, умная, тонкая, образованная, знавшая иностранные языки, она была вынуждена работать дворником, чтобы прокормить себя и ребенка. Работала с улыбкой, с гордо поднятой головой. Это тоже было свое «тихое» сопротивление¹³².

Первые шесть лет Чхеидзе провел в Сиблаге, оставшийся срок — в Озерлаге¹³³. Вернулся в Прагу в мае 1955-го. На фотографии, сделанной по возвращении, — осунувшееся, худое лицо. Но глаза смотрят сосредоточенно и волево. Он должен восстановить не только себя. Он должен спасти жену и

¹²⁸ Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. С. 212.

¹²⁹ Цит. по: Макаров В., Репников А. Хранитель «Федоровского очага». Князь Чхеидзе глазами чекистов // Родина. 2008. № 11. С. 94.

¹³⁰ Цит. по: Там же.

¹³¹ М. Сикорова-Чхеидзе — И.В. Сталину. 4 сентября 1946 // Там же. С. 96.

¹³² См.: Чхеидзе М. Кадры из старого фильма // Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: Роман-сказ. Кавказская проза. С. 266–271.

¹³³ Bystrov V. Život a dílo Konstantina Čcheidzeho // Zírající do slunce... S. 53.

дочь. Он не может допустить, чтобы его Маркета и дальше мучилась с тяжелой метлой.

Жизнь налаживалась трудно и медленно. Работа для насущного хлеба отнимала все время. На писательский труд сил почти не оставалось.

И тем не менее Чхеидзе пытается вернуться в литературу. Проводит ревизию сохранившихся рукописей и уже через год после того, как его нога снова вступила на чешскую землю, предлагает перевод романа «Крылья над бездной» одному из пражских издательств — увы, безрезультатно¹³⁴. Не опуская руки, начинает готовить к печати сборник сказок и легенд «Орлиная скала». Вошедшие в него тексты были написаны еще до войны, София Погорецкая в 1939–1941 гг. их перевела, но издать сборник тогда не удалось. Теперь же, с огромным трудом, сквозь редакторские препоны и рогатки Чхеидзе продвигает дело к изданию.

Сборник вышел в 1957 г. в издательстве «Детская книга». Чхеидзе не подписал его своим именем, предпочел псевдоним «Аль-Костан». Не очень хотелось ему, уже состоявшемуся писателю, после больших довоенных романов выступить перед читателями с маленьким сборничком. Но в то же время — и это оправдывало смену писательского имени — псевдоним был памятной данью Кавказу и предкам. «Костан — это мое имя, как оно произносится в Кабарде. А. Л. — начальные буквы имени моего отца (Александр)», — так пояснил свой выбор Чхеидзе в письме Вацлаву Каплицкому¹³⁵.

Символичным было и заглавие сборника. «Орлиная скала» — так назвал Чхеидзе легенду о неприступной скале, высшейся вблизи Казбека. Хранит она возвышенную и трагическую историю: о царе орле, в последний день своего царствия мужественно ринувшемся на скалу, дабы облагородить ее кровью согласно обычаю предков; о новом молодом царе, принесшем в орлиную стаю ребенка и отказавшемся проливать кровь того, кто поставлен Творцом мира «царем над всей природой»; и о том, как, потеряв в один день двух властелинов, навсегда расстались орлы с Орлиной скалой, «свидетельницей их несчастий»¹³⁶.

Многие сказки и легенды, вошедшие в сборник, писателю помнились с детства, и он, по его собственному признанию, «только переработал основной мотив»¹³⁷. Дагестанские сказки пришли из сборников XIX в., получив новую

¹³⁴ См. письмо К.А. Чхеидзе В. Каплицкому от 2 августа 1956 // Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд В. Каплицкого. 27/A/12–95/76. Далее письма К.А. Чхеидзе В. Каплицкому цитируются по этому источнику. Приношу глубокую благодарность М. Чхеидзе, ознакомившей меня с цифровыми копиями переписки К.А. Чхеидзе и В. Каплицкого.

¹³⁵ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому, 5 июня 1970.

¹³⁶ Чхеидзе К.А. Орлиная скала // Чхеидзе К.А. Крылья над бездной: роман-сказ. Кавказская проза. С. 257.

¹³⁷ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 1 июля 1973.

обработку. Особая история произошла с персидскими сказками: «Красавицы-проказницы», «Волшебный перстень», «Унижение шаха Аббаса». В письме О.Н. Сетницкой К.А. Чхеидзе излагал ее так: «В годы моего “курортного отдыха” (так называл Чхеидзе свое пребывание в сталинских лагерях. — А. Г.) года два у меня напарником был полуперс, полутаджик. Звали его Ала-Мурад и “отдыхал” он за контрабанду, вообще за “черные” дела. По-русски говорил он бойко, но страшно комично и в его лексиконе блатной язык и сквернословие составляли более 90%. <...> Так вот этот самый Ала-Мурад был со мной в дружбе и в минуты “перекура” рассказывал разные были, небылици и сказки. От меня тоже требовал, чтобы я его знакомил с кавказским фольклором»¹³⁸. Вошла в сборник и сказка «Мудрый Орцхо», представлявшая собой «семейное предание семьи Мальсаговых из Ингушетии». Познакомил Чхеидзе с этим преданием красный партизан, писатель Орцхо Мальсагов, «названный так в честь своего отдаленного предка»¹³⁹: воевавшие в Гражданскую по разные стороны баррикад, они оказались в 1950-х на одних нарах в сибирском лагере.

Над сказками Чхеидзе будет работать и после выхода сборника. В сущности, это был единственный жанр, с которым мог выйти в печать в социалистической Чехословакии бывший белый офицер и заключенный сталинских лагерей. Впрочем, сказки он любил и, как уже говорилось выше, считал формой народного самосознания. А еще — мечтой о предельном и невозможном, которую затем пытается осуществить человеческий разум: «Сказки — это тоже “заказ”. К примеру, ковер-самолет, живая вода, победа над смертью», недаром «на вопрос одного собеседника — что надо делать, чтобы быть великим ученым, Ал. Эйнштейн ответил: читать сказки»¹⁴⁰.

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы, —

эти строки из лермонтовского стихотворения «Бородино» передают то внутреннее настроение, с которым обращался Чхеидзе в своих легендах и сказках к устному наследию предков, шедшему из глубин источной, мифологической памяти. «Они вопрошали — и находили ответы. Они спрашивали себя, погружаясь в глубины своего сознания, для чего они существуют, каково назначение рода человеческого — и давали ответы. <...> В отличие от нашего сознания — исковерканного скепсисом и рационализмом — их сознание отличается бесстрашием и — для нас недосяжимой — верой»¹⁴¹.

¹³⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 1 июля 1973.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 17 декабря 1972.

¹⁴¹ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 5 июня 1962.

В 1968 г. в Праге выйдет маленькая книжечка «Волшебный перстень. Избранные сказки и легенды». Тогда же Константин Александрович попытается выпустить — увы, безрезультатно — в чешской «Детской книге» второе издание «Орлиной скалы». Русский вариант сборника он предлагает «Детской книге» в Москве, однако издательство дает на рукопись отрицательную рецензию. Просветом в череде издательских неудач стал выход в 1971 г. в словацком издательстве «Молодые годы» романа «Невеста гор», представлявшего собой обработку кавказской легенды о девушке, бросившейся со скалы, — единственная из крупных вещей Чхеидзе, напечатанная после лагеря.

А между тем в рукописях лежали и недопечатанный «Пророк в отечестве», и «Крылья над бездной» — вещи, которым писатель придавал особое значение в своем наследии. Ибо они более всего отвечали тому пониманию творчества, которое не раз формулировал он в статьях и письмах 1930–1970-х гг.: быть словом об идеале, вести «к самосознанию человечеством своего истинного назначения»¹⁴².

К обеим вещам Чхеидзе возвращается в последнее десятилетие жизни. К «Крыльям над бездной» — в 1968 г., к «Пророку в отечестве» — в 1973-м.

«Крылья над бездной» он отдает в издательство «Праце». Внутренняя рецензия, написанная А. Плудеком, весьма благоприятна. К тому же книгу высоко оценил чешский писатель Вацлав Каплицкий¹⁴³, с которым Чхеидзе близко общался и состоял в переписке по возвращении в Прагу. «Ваш отзыв произвел на меня глубочайшее впечатление, — писал Чхеидзе Каплицкому. — После стольких лет ожиданий наконец промелькнул какой-то проблеск — появилась какая-то надежда, что “Крылья над бездной” выйдут из “бездны небытия”»¹⁴⁴.

С энтузиазмом воспринял Константин Александрович предложение Каплицкого снабдить книгу поясняющим введением и кратким словарем кавказских реалий и выражений. «Словарь, — писал он своему чешскому корреспонденту, — мог бы составить доктор Вацлав Черны, он работает в Ориентальном уставе¹⁴⁵, прекрасно знает Кавказ. Знаком он и с моими книгами»¹⁴⁶.

Но надеждам Чхеидзе не суждено было сбыться. Книгу без всякого движения продержали в издательстве почти три года, пока автор сам не забрал

¹⁴² К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 13 февраля 1958.

¹⁴³ «Вашу рукопись я уже прочел и искренне Вас поздравляю. Это лучшая книга, которую я читал у Вас» (В. Каплицкий — К. Чхеидзе. 24 апреля 1969 // Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд К.А. Чхеидзе. 92/71). Далее письма В. Каплицкого К.А. Чхеидзе цитируются по этому источнику.

¹⁴⁴ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 28 апреля 1969.

¹⁴⁵ Ориентальный устав — Институт востоковедения.

¹⁴⁶ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 28 апреля 1969.

ее. Попытки пристроить в другие издательства — то «Чехословацкий писатель», то «Молодые годы», где печатался роман «Невеста гор», — тоже потерпели провал.

Причины, по которым издательства отклоняли роман, были прозрачны. После подавления Пражской весны 1968 г. и августовского вступления в Прагу советских войск в стране изменился политический климат. С каждым годом атмосфера становилась все тяжелее. В истории Темира, утверждающего свою власть в Орсундахе насилием и жестокостью, цепкий цензурный взгляд, натасканный на ловлю крамолы, видел опасные аллюзии на сталинское правление в СССР, а свободолюбивый Агелик, твердо защищающий аул от тирании безжалостного властителя, и вовсе был неуместен на страницах новой социалистической литературы.

И все же Чхеидзе не позволяет себе досадовать и роптать. Та мудрость предков, вера в Судьбу-Провидение, которую рисовал он в своих кавказских легендах, по-прежнему ведет его вперед, и он готов идти к цели даже по каменистым путям. «...В общем судьба (или Бог) были милостивы ко мне, — размышляет Чхеидзе в одном из писем Каплицкому. — Подумайте, сколько пришлось пережить, перенести. Я бывал в самых невероятных ситуациях и — хотя это удивительно — вышел из них с “целой кожей”»¹⁴⁷.

И действительно, судьба дала ему силы на последний творческий подвиг. С конца 1967-го по август 1971 г. по заказу чешского Литературного фонда Константин Александрович работает над «Воспоминаниями». Название «События, встречи, мысли» переключается с названием одного из первых очерков писателя «Снимки и думы». Переключка совсем не случайная. В «Воспоминаниях» тот же принцип письма, что и в болгарских записках: образ мира сливается с мыслью о нем. На шестистах машинописных страницах — «не календарный двадцатый век»: дореволюционный Кавказ и Россия, Гражданская война, эмиграция, Вторая мировая, арест, Лубянка, советский лагерь... «Ставлю себе первейшую задачу дать независимое, правдивое, пусть личное, описание нашей необыкновенной эпохи»¹⁴⁸, — пишет Чхеидзе О.Н. Сетницкой, горячо поддерживавшей его начинание.

Как и в художественной прозе, в воспоминаниях Чхеидзе соединяет две темы, стоявшие в его творчестве рядом, — Кавказ и эмиграция. Обе — пропущены сквозь личный опыт, обе — пеплом Клааса стучатся в сердце. Появляется и третья тема, которую он не мог примерить к себе ни в 1930-е, ни в начале 1940-х гг., — тема лагеря. Свидетельство Чхеидзе о ГУЛаге по силе эмоционального воздействия, по своей исторической правде, по смысловой

¹⁴⁷ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 28 февраля 1970. Ср. в другом письме: «Как я уже писал, отношусь фаталистически к судьбе книги “Крылья над бездной”. Не я первый и не я последний, кто “страдает от ситуации”» (К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 5 июля 1970).

¹⁴⁸ К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 28 июня 1968.

глубине не уступает «Архипелагу ГУЛаг» Солженицына и «Колымским рассказам» Варлама Шаламова.

Чешский писатель Вацлав Каплицкий сравнивал лагерные картины воспоминаний Чхеидзе с «Записками из Мертвого дома»¹⁴⁹. Сходство это заключалось не во внешнем совпадении места действия, но в самих принципах изображения. «Сибирский лагерь. Я встречался там с настоящими дьяволами, палачами, садистами. Однако, за редкими исключениями, и среди преступников находились люди, в которых жило нечто человеческое. Надо было лишь найти “мост” к этому человеческому»¹⁵⁰. Это стремление «при полном реализме найти в человеке человека»¹⁵¹, ставшее основой художественного метода Достоевского, свойственно и лагерным свидетельствам Константина Чхеидзе.

Последние десять лет жизни К.А. Чхеидзе были посвящены и другому главному делу. *Fedoroviana Pragensia*... Фонд, основанный еще в 1933 г. при доброжелательном участии директора Народного музея, историка и библиографа Йозефа Вольфа и заведующего отделом рукописей и архивных материалов, литературоведа Милослава Новотного, теперь вместе с Литературным архивом Народного музея перекочевал в Музей национальной письменности, в знаменитый Страговский монастырь, высший над старой Прагой. Чхеидзе неустанно заботился о своем детище, по мере сил и возможностей пополняя его новыми материалами. В 1965 г. Константин Александровича разыскала приехавшая в Прагу старшая дочь Н.А. Сетницкого Ольга Николаевна Сетницкая. С этого момента завязалась их переписка, продолжавшаяся до самой смерти Чхеидзе. О.Н. Сетницкая регулярно посылала писателю газетные и журнальные материалы, книги и сборники, вышедшие в Советской России, в которых так или иначе упоминалось о Федорове, статьи и заметки по проблемам геронтологии и иммортологии, и все это он передавал в Литературный архив, мечтая сделать Пражскую Федоровиану целостным, синтетическим собранием, отражающим основные направления изучения наследия Федорова в России, Европе, Америке. С радостью поддерживал молодых историков литературы и философии как в Чехии, так и за рубежом, которые интересовались взглядами Федорова и писали о нем.

Чхеидзе мечтал о целостной разработке архива. Весной 1974 г., уже страдая от тяжелой болезни, он обратился к Чешскому литературному фонду с просьбой о выделении стипендии на разработку материалов архива, посвященного мыслителю, идеи которого, по мысли Чхеидзе, рассчитаны «не на десятилетия — на века»¹⁵². И до самой смерти продолжал писательский труд.

¹⁴⁹ В. Каплицкий — К.А. Чхеидзе. 16 декабря 1970.

¹⁵⁰ К.А. Чхеидзе — В. Каплицкому. 4 октября 1970.

¹⁵¹ *Достоевский Ф.М.* Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 65.

¹⁵² К.А. Чхеидзе — О.Н. Сетницкой. 31 августа 1965.

Анастасия Гачева

Переделявал «Пророка в отечестве», написал статью о своем друге, чешском писателе Йозефе Кнапе для сборника его памяти.

29 июля 1974 г. К.А. Чхеидзе скончался. Его прах покоится на маленьком чешском кладбище в Ровднице над Лабем.

«Не будем проклинать изгнание», — писал Владимир Набоков. Константин Чхеидзе мог бы повторить эти слова. Духовная и творческая его зрелость пришла на эмигрантские годы. И писателем он стал именно на чешской земле, которая дала ему кров и приютила себе. Кавказ, Россия и Чехия символически соединились в судьбе «Путника с Востока», одного из тех искателей, которому, по Достоевскому, «необходимо именно всемирное счастье», ибо «дешевле он не примирится»¹⁵³.

Анастасия Гачева

---

¹⁵³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 137.

**ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ**

ПОВЕСТЬ О ДИНЕ

После его смерти, когда прибывший за телом родственник перебирал вещи и по обычаю горцев часть из них раздаривал друзьям покойного, — я получил отделанное металлом оголовье, нагайку и (по настойчивой своей просьбе) две клеенчатые записные книжки.

Впоследствии золотом на стали чеканное оголовье, вместе с конем моим Догужом (что значит Волк), попало в неизвестные руки, промышлявшие делом нечистым в обозе отступавших войск; нагайку я сам закинул в море Черное, на черном пути в изгнание; и только две небольшие тетрадки постоянно кочевали со мной, разделяя всесветный бродяжнический мой путь.

В минуты, когда мелкая дребедень повседневной жизни, жизни неправдоподобной и лишенной какого-то главного своего внутреннего ядра, загонит человека внутрь себя, в берлогу одинокой души, — я перебираю осторожно уже истрепанные походами и руками листы.

Я ищу и нахожу в них те милые сердцу контрасты, переходы, взрывы и страсти, которыми полон Кавказ и которых так мало на этом разнообразном Западе... И когда — порою — в минуты откровенного сожаления о прошлом я расскажу невзначай один-другой эпизод из «той» жизни или набросаю черты былых (не бывших!) людей, — я вижу, как загораются глаза собеседника, как просыпаются в нем заглушенные в изгнании чувства: гордости, силы, воли к победе и сознание человеческого своего достоинства...

Но все чаще заглядываю я в две потрепанные походами, временем и руками тетради и все больше лохматятся их странички — даже до подобия тряпкам.

Вот и решил я, пораздумав над записями: еще год-два — и сойдут на нет дорогие строки. Не переписать ли их содержание наново, своими руками? И взялся было за это дело с первой страницы. Но тут, в процессе работы, я увидел, что если не по страницам, а по темам вести переписку, то как раз и получатся повести, рассказы и краткие эпизоды из своеобразного прошлого моего покойного друга. Тогда принялся я, по теме судя, сводить в одно разные места записей Батыр-Бека. И получились у меня две повести, ряд эскизов и два-три небольших рассказа¹.

Вот первая —

ПОВЕСТЬ О ДУНЕ

Что касается покойного моего друга Батыр-Бека, то в нем каждый видел и мощь, и властность, и редкую одаренность кипучей его натуры. Был он строптив и замкнут и превыше всего дерзание ценил в человеке. Сам же дерзал как бы уже по привычке.

На цветном листке, отделяющем белую стопку линованной бумаги от клеенчатой обложки, написано четко:

«Мои девизы:

Дорогу сильным!

В ногу — ни с кем, никогда!

Порыв не терпит перерыва!»

Повесть же моя начинается с такой записи: «Только что отправил письмо одной овдовевшей жене. Я написал ей так: “Молитесь о душе Генриха S. Его тело погребено в ограде Д-го костела. На кресте полная надпись. У ксендза документы и деньги. Не проклиняйте русских. Он пал жертвой роковой ошибки”.

Убийца Генриха S. — я. Я с полусотней вел разведку. На нас вынеслась группа всадников с криками в беспорядке. Оказалось, сдаются — славяне. Но поздно узнали: двоих не стало.

У Генриха не кобыла, а мечта, видение. Красива, как древняя легенда Кавказа. Норов, как у сверженной королевы... Взял себе: моя добыча: я убил Генриха S.»

«Мухтар (вестовой Батыр-Бека) нашел у кобылы под челкой медальон с надписью: Диана. Я сказал Мухтару: ее зовут Диана. Но он переделал в Дина... Пусть будет Дина... Ее аллюры достойны ее прекрасных ножек».

«Браво! Я все больше и больше увлекаюсь борьбой с этой злобно-капризной австриячкой. Ее настойчивое бешенство равняется моему жестокому хладнокровию. Есть восхитительные моменты в нашем единоборстве: кто кого переломит!.. С кокетством избалованной примадонны Дина позволяет себя убирать, вкусно и деликатно принимает овес и сено. Охотно несет Мухтара — без седла — на водопой и любит купаться. Но едва дело доходит до седла — это шайтан, это водопад, а не лошадь. Она отбивается от седла, как весталка от ласки.

Первоначально думал: не больны ли у нее почки? Но ветеринар уверяет, что более здорового организма и желать нельзя. Тем лучше.

Поседланная, она беспрерывно дает “свечки”, бьет задом и, что в особенности меня бесит, — кусает. Конники говорят — “бойся переда женщины и зада лошади”. И от того и от другого уберечься можно. Но эта проклятая гибкая шея (проклятая и очаровательная), но эта звериная хитрость и хватка зубами?!

Не хлестать же Динины глаза?»

«Этот идиот Абу-Бекир имел наглость явиться ко мне — Батыр-Беку Кабардейшауо — с советами! Он (!) советует (!!) мне (!!!) действовать с Диной лаской! — Видали вы его?»

Между двумя — предыдущей и последующей — записями большой перерыв. Не менее полугода. Полгода длилась молчаливая упорная борьба. Весь полк интересовался и следил за ходом событий. И хотя опасался задавать вопросы самому Батыр-Беку, узнавал через вестовых и ординарцев о всяких переменах. С любопытством, носящим оттенок злорадства, шептались, что ротмистр Кабардейшауо истрепал вторую нагайку, но с Диной все-таки не совладал; что попытка его случить Дину с командирским Барсом кончилась позорным бравого текинца отступлением перед свирепым протестом своенравной австриячки; и что непоколебимый в решениях своих Батыр-Бек готовит Дину к предстоящим скачкам. К дивизионным скачкам Дикой (Туземной конной) дивизии. О них говорится в следующей записи:

«Есть безумное счастье в победе. В поражении есть неутолимый стыд и яростная, пришибленная и тем более гневная злоба. — Сегодняшний день всю жизнь будет стоять передо мной. Сегодня я победитель и побежденный сегодня я...

Она прекрасных благородных кровей. Ее карьер — это полет звезды, это смерч, это дьяволов бег. Я готов вырвать свое сердце и сердцем Батыр-Бека наградить Дину. И убить, убить готов я за строптивую гордую непокорность...

Я пришел к старту первым. Оставил других на много корпусов. В сравнении с ходом Дины ход ее “соперницы” Алмазной — собачья рысь и ничего больше... Мы неслись вдохновенно, властно; мы слились в одно — стремительное, победное. Знала же она, что мы, мы победили?!

Я впервые за эти мучительные месяцы отдал повод. Я наклонился к ее уху и нежно, и гордо, и любовно шептал ей: “Дина, Динуся!..” И эта стерва обернулась и куснула меня в лицо. Она вырвала левый ус... Прокляв призы, я дал плетей и помчался в лес, в поле, в багряное пространство.

С десяток верст гнал я окаянную кобылу и хлестал ее тело, голову, ноги... В овраге за лесом она начала спотыкаться. Это усилило мою ярость; я хотел запалить, загнать, исковеркать подлую тварь. Она стала припадать на передние ноги — и мое бешенство подсказало мысль: прикончить ее... — здесь — в углу — в овраге — пулей — уничтожить ее.

Я соскочил с седла и, держа поводья, хлестнул ее остатком плети. В темноте ночи я видел, как дрогнули ее глаза. Но дернуть головой уже не было силы... Я вынул “наган”, взвел курок и — нет! я не убил Дину...

...Она искалечила меня не меньше, а больше, чем я ее. В темноте оврага я рыдал над Диной и над самим собой... И потом шагом повел ее в поводу домой.

Приказал Мухтару бросить все и жить для одной Дины. А из сотни вызвал всадника и поставил у дверей с приказанием никого не впускать. Я болен. Я болен Диной.

Что это — тень Генриха, что ли?!»

Батыр-Бек взял отпуск и уехал в Кабарду. Конечно, он не мог показаться людям с выбритыми усами. Я думаю, что если бы полковой командир отказал в отпуске, он бы поднял вопрос о переводе. В самом деле: насмешливой улыбке не прикажешь. А на такую улыбку Батыр-Бек ответил бы кровью. Это ясно.

Батыр-Бек уехал, но долго еще говорили в полку и дивизии о романе ротмистра К. с австриячкой.

Не стану приводить тщательно составленных регулярных записей моего друга за длинный ряд месяцев, в период которых он настойчивым личным уходом добивался расположения Дины.

Могу себе представить, как эlegantный Батыр-Бек собственноручно замывает хвост и чешет гриву или выгребает навоз из конюшни!

За эти месяцы российские революции — февральская и октябрьская — докатились до Кавказа, и здесь поднялись волны обратного направления. Батыр-Беку не понадобилось возвращаться в полк: полка не было.

В осень 1918 года он пишет о своем желании выехать из района «красных» и присоединиться к «белым». Потом стоит:

«Я воюю с 1912 года. Персы, курды, немцы, австрийцы — вот мой путь². Сейчас новый враг: красные — большевики. Меж тем убивать уже надоело.

Долго отсрочивал свой побег к белым. Но большевики сами ускорили мое решение: они вздумали реквизировать оружие и Дину³ — Дину, мою привязанность, мою радость.

И вот я здесь, в П*⁴, командую повстанцами. Идет война на взаимное уничтожение. Внешний враг забыт. Прекрасно. Наши силы растут: кто кого?.. Россия... где она?»

«Преглупая рана: меня ранили в мизинец левой ноги. Но пуля задела и нежную кожу Дины. Бедная Дина. Я так боюсь за нее. Она ласковая и верная. Она любит бой и загорается, когда говорят пушки».

«Дина убита».

Вот последняя запись о Дине: «Дина убита»... Я помню этот палящий августовский полдень⁵. Развернутая лава⁶ неслась на окопы противника. Впереди отчетливым силуэтом, в кирпичного цвета черкеске — Батыр-Бек. Он ведет полк в атаку. Огненно-рыжая Дина распласталась над землей, и ее аристократические ноги упруго перебирают пространство... Я вижу запрокинутый за батырбековские плечи бинокль, не шевелящийся и при таком аллюре. Я слышу несущиеся, какие-то рваные крики; стрекот пулеметов и хлопанье винтовочных выстрелов, которыми всадники стараются воодушевить самих себя, стреляя стоя в седле.

Но вот смятение. Волна лавы дрогнула. Вот повернул центр, потом фланги — уже все несется обратно. А вслед им поднимаются зелено-серые цепи, и кричат, и залпами провожают бегущих, и землистые лица со ртами, застывшими в крике, — идут на нас. Между уходящей лавой и горловым ревом расстояние все растет. А между ними корчатся в своей крови раненые. И ближе к цепям — группа: вытянувшаяся на жаркой пыльной земле Дина и над нею склоненный Батыр-Бек; рядом, на коне, верный Мухтар: он не оставит своего командира.

А над цепями и лавой, над полем, пылью и кровью, стоит высокое солнце. Солнце с великим безучастием выпаривало здесь разливы Волги и сушило потную спину пахаря, а теперь превращает лужицы крови в медно-темные пятна.

Лава исчезает. Лава принесет в резерв панику, разнеся весть: убит командир, убит Батыр-Бек... Но — убита Дина.

Мухтар забыл дисциплину, забыл адыге-хябзе*, не соблюдает почтения к старшим. Некогда соблюдать почтение к старшим! Он трясет плечо командира и только кричит: «Шехо, шехо! Нако, Батыр-Беч! Аллахими-хатырка»**...

---

* Кабардинские обычаи.

** Скорее, скорее! Бежим, Батыр-Бек, ради Бога!

И под визжащее пение пуль вывозит добрый мухтаровский конь двух молчаливых всадников: в седле — Мухтар, на крупе — Батыр-Бек; некогда, некогда соблюдать адыге-хябзе...

«Хамы! Поганая пуля, пущенная подлой рукой, сразила мою единственную подругу. Вы убили мою благородную Дину. К моей ненависти к вашим красным идеям вы прибавили личную ненависть и месть. Берегитесь! Через мою месть вы узнаете, кто я.

Батыр-Бек Кабардейшауо».

На большом белом листе написал он эти фразы. И прибил собранными Мухтаром пулями на дорожный столб.

Мне грустно прикасаться пером к бумаге, чтобы написать последние слова.

С того боя, в котором мы показали свой тыл, мы, как говорят в коннице, «потеряли сердце». Мы встречались с противником лишь для того, чтобы уступить и уйти. Наш полк редел, и таяли давно неполные сотни. Батыр-Бек искусно руководил арьергардными боями, всегда впереди всех, словно в поисках смерти.

С того боя, в котором он потерял Дину, прошло не более двух недель⁷. Каждое утро начиналось артиллерийской дуэлью; к полудню происходил встречный бой, и к вечеру мы отходили на новые позиции...

В день ясный, в такой именно день, которого ждут съехавшиеся на минераловодские курорты любители веселой жизни, природы и пикников — когда полуденное солнце встало над головой, с полей приволжских ушла к престолу Сущего душа Батыр-Бека.

Осколок гранаты — очень похожий на осколок метеора, которым, быть может, любовалась именно в этот самый момент минераловодская публика, — остановил биение батырбековского сердца.

Рыдающий Мухтар отвел меня в сторону от его тела!

«Валлаги-азим!» — сказал он, — это жена Генриха вымолила у Злого Духа все несчастья Батыр-Бека!...»

Не знаю: прав ли Мухтар?

Тут конец Батыр-Бека, тут конец повести о Дине.

⁷ Клянусь Богом!

ВАВОЧКА

(Вторая повесть, из записей

Батыр-Бека Кабардейшауо извлеченная*)

«Завтра я оставляю дом свой. Вернусь ли? — начинается большая война... В комнате рядом быстро скользят чьи-то шелестящие чувяки^{**}. Это — мать. Она собирает мои вещи и — верно — плачет над ними. Какой уже раз я выезжаю из дому? — и плачет мать?..

Помню японскую войну. Провожали отца. Никто не смел встретить заплаканными глазами его сосредоточенный на какой-то мысли взгляд. А мать — притихшая — в углу, в боязни: как бы не зарыдать...

Отец умер, не увидел нас офицерами. Через три года после его смерти старший брат прямо с училищного ленчика^{***} поехал в Персию. Там — «неофициальная» война. В минувшую осень и я присоединился к нему. Скоро третий из нас — Хасан-Бий — выйдет в полк. Все трое будем на фронтах¹. Жаль — на разных, в разных частях... А мать — мать будет молиться, плакать; будет приглашать Эль-Мурзу или кого-нибудь еще из грамотных аталыков^{****} и диктовать длинные, как ее несedeющие волосы, любовью освященные письма...

Кажется — мне грустно. Дурной знак».

«Последняя ночь в своем доме... Я раздумываю: брать ли на фронт Вавочкину фотографию? — Мы снялись вместе, в Кисловодске... Лучше не брать: быть может, убьют, и тогда жадные на “открытия” глаза начнут рыться в вещах; увидят нас, быть может, найдутся общие знакомые... Всегда так бывает. А я дал слово тайны.

...Нет, оставлю карточку дома...

Смотрю на Вавочку и вижу весь наш короткий роман. С его началом у меня связано дурное чувство... Я возвращался ущельем с коша^{*****} за Старым Абуковским. Был полдень. Оставив у дороги стреноженного коня, спустился к воде, чтобы сделать намаз. Молясь, слышу стук кованых копыт и скрежет железных шин о камни: кто-то едет, из городских. Слышу — остановились. Слышу — прегнусный сюсюкающий голос:

---

* Первая, «Повесть о Дине», напечатана в № 12–13 «Своими путями».

** Обувь.

*** Ленчик — седло.

**** Молочный брат.

***** Загон для скота.

— Фифочка, смотри — черкес молится! Шарман, не-с-па?²

Потом тронулись дальше...

Есть ли что-нибудь на свете паскуднее такого любопытства? Мои руки сводила судорога желая пугнуть этого шарманщика парой пуль.

Под самым Абуково нагнал линейку. На ней дама и кучер. А близ дороги по пригорку прыгает долговязый тип в страшно-спортивном виде, с двустволкой в руках и головой, задранной в небо: там парил орел. Увидел меня, бросил двустволку в росную траву — шляпа! — вопит: “Берикет-берсын, берикет-берсын”, мсье черкес!..”

“Берикет-берсын” спутал с “хошь-гельды”³.

“...Вот видите, я обещал сестре убить орла — савэ-ву³ — у нее коллекция... вот видите, а я боюсь, не попаду и орел улетит...” и так далее: просит меня исполнить его обещание. Хорош гусь. Но — я взглянул на даму. (Тут несколько строчек зачеркнуто.) ...Есть такие взгляды... Дама была Вавочкой.

У меня маузер с прикладом. Прицел 4. Выстрел — орел упал. Эта фигура трепенулась всем своим трехаршинным скелетом, кинувшись поднимать орла. Но Батыр-Бек не из тех, которые уступают. Которые уступают честь заслужить улыбку. Мой кабардинец обскакал длинноногого спортсмена. На скаку я ухватил крыло. И со всею возможной картинностью положил орла у кончиков вавочкиных туфель, которые выглядывали из-под пледа.

Улыбка досталась мне».

«Я испытываю какой-то внутренний протест, когда сталкиваюсь в жизни с так называемым “осмысливанием душевных переживаний”. И вообще все так называемые “искания начал” полагаю величайшей дерзостью. Как смеет человек блудить мыслию и словом о том, что неизвестно от века?! — Такие “искания” коверкают души людей. Мужчин превращает в байгушей⁴. Из женщин делают полудев... Взять хотя бы этого недоноска Пьера — вавочкиного брата. По деликатности и духовной чуткости он не идет дальше непонимания, что глазеть на молитву постыдно. В смысле мужества он, должно быть, и сестру защитить не сумеет. А ведь — ручаюсь! — всякие “начала” изучил вдоль и поперек... Урод.

...Но сейчас думается о другом: как это бывает, когда одно сердце заставляет биться другое? Почему: Вавочка и Батыр-Бек? Не знаю. Это — ажал⁵, рок — судьба... Благодарю тебя, благословенный ажал!.. Вавочка

¹ Благодарственное восклицание.

² Восклицание приветственное, в пути.

³ Человек без рода и племени. Байгуш — ничто в моральном и бытовом отношениях.

⁴ Рок (кабард<инское> слово).

не сказала, кто она, откуда. И я не настаивал. К чему знать? — у меня осталась карточка. У нее карточка и орел. У нас обоих — на всю жизнь запечатленное счастье красивых восторгов и ласк, нежных, как цветы».

Дальше еще несколько затертых слов. Сбоку от них, как видно, позднейшая приписка:

«Я угадал: она замужем! И — за кем!»

...Узнаю Батыр-Бека: в мудро-прекрасной целомудренности слов узнаю я его. Его взгляды были тверды, как вершина Арарата. Никто и никогда не слышал слов, недостойных кабардейшау^{*}, из батырбековских уст... Эль-Мурза — младший аталык Батыр-Бека — рассказывал, что его уши и уши Хасан-Бия пострадали однажды за то, что приняли в себя развязную болтовню языков: услышал и наказал Батыр-Бек.

Он был рыцарь и воин. Пытаюсь — и не могу себе представить моего друга не в черкеске, а в «тройке»; не в папахе, а в котелке; не с оружием, а с какой-нибудь «масонской тростью» — с топориком каменщиков... — непредставима эта противоестественная смесь.

Но вот он в своей стихии: на фронте.

«За сегодняшнее дело меня представили ко второй уже награде. Собственно говоря, мой “подвиг” (как говорит полковой командир) есть просто удача. От меня лично требовалось не растеряться, да немного уменья говорить по-курдски. Впрочем, присутствие духа, уменья и удача всегда и были пьедесталами воинской славы.

Во время разведки я с девятью казаками встретили двух курдов. Начали преследовать. Дорога вела в гору. Растянулись: впереди я, за мною — цепочкой — остальные. Перед самым хребтом курды свернули; а я, надеясь на своего Урагана, бросился наперерез, прямо. Выскакиваю на гребень и вижу: внизу, под обрывом, целый табор курдов. Что было делать? — бежать? — но они на свежих конях в момент нас догнали бы и перебили... Спешиться, дать бой? — это смешно с десятью винтовками... А раздумывать некогда... Я крикнул по-курдски: “Сдавайтесь! Бросайте оружие!” — подсказал выход опешившим курдам. — Полная неожиданность моего появления, прибывающие один за другим казачьи силуэты на гребне — решили их судьбу. Мы взяли больше сорока человек, значок и пулемет. Через несколько минут, когда у собранного в кучу оружия стояли часовые, примчались первые два курда. Поздно! Не надо было бояться обрыва!”

* Трудно переводимо. Приблизительно «кабардейшау» значит «кабардинский джентльмен».

** Весь этот случай был на Турецком фронте в 1915 г.

...Грудь моя полна буйным переживанием победы. Да, порыв не терпит перерыва. И — право, я заслужил ожидаемую “клюкву”»⁴.

«По вызову приехал в штаб дивизии. Буду представляться новому начальнику дивизии. Говорят, что он очень старый и очень придирчивый. В штабе шутят: “Чем знаменит начальник N-ой дивизии?” — спрашивают друг друга; и отвечают: “Тем, что его жена может быть внучка”. Молодая генеральша поступила сестрой в “летучку”. Завтра увижу обоих».

«Моя голова в угаре хмеля и любви. Вавочка здесь... Только что, за ужином в штабном собрании, я дышал запахом ее волос... “Сестра Вавочка” — я так называл ее сегодня. За столом много пили, говорили тосты. Пили за меня. Какой-то военный корреспондент спросил мое отчество. Хочет описать “подвиг сотника Батыр-Бека Койсыновича Кабардейшау” в газетах. Я очень рад. Пусть все знают, что наша фамилия верна старым традициям. Пусть горечь материнских слез облегчится гордостью за сына... Но я — я горд восхищением моей обаятельной подруги. Она так рисует дело, будто я перевернул весь фронт...

Потом принесли кофе, ликеры, карты. Штаб хорошо живет... Ни Вавочка, ни я не играли. Мы заняли край стола и своею близостью создали особый мир, и тишина нашего мира не нарушалась звуками речи: мы писали друг другу; писали на маленьких листках этой тетрадки, на бланках штаба, на меню: о радости встречи, о любви, о памяти сердца!..

Когда разлили по бокалам Абрау-Дюрсо, Вавочка написала:

“За что выпьем?”

Я ответил экспромтом:

Так будем же, как встарь, гостями жизни пира,
Красиво будем брать от жизни ценность дней
И в поклонении бессмертному Кумиру
Умчимся вдаль, в волшебный мир теней...

За женщину, цветы, поэзию, любовь,
За смех — застольный культ — его бокалов звон,
И за влюбленных глаз влюбленный перезвон
И за безумство тех — чья горячее кровь!.. —

“за это”, — сказал я, показав последнюю строчку.

Чокнулись:

— Алла-Верды, сестра Вавочка!

⁴ [Орден] Св. Анны 4-й степени.

— Якши-Ол, милый Батыр! — выпили до дна. До дна, о, моя любовь!..

...Одно только удивляет меня: я перехватил несколько странных взглядов».

«Вавочка — жена начальника дивизии. Ничего больше не могу и не хочу писать».

«Один штабной приятель передал, что генералу чуть ли не рапортом донесли о необъяснимой и внезапной симпатии между его женой и мною. А генерал будто бы выразился, что я “наглец и молокосос, не умеющий себя держать в обществе дам”; что я “вообразил себе, что нахожусь в духане” и т.д., что, в конце концов, меня следует “осадить”. Посмотрим, кто и как сумеет “осадить” Батыр-Бека?

В столовую больше не хожу. Кончу дела — и аллюром “три креста” — в полк».

«Его Превосходительство сердится и сердится довольно глупо: оно прислало адъютанта с передачей мне выговора. За что?! — а вот, не угодно ли...

Я ехал подле команды ординарцев. Шли колонной, и шел страшнейший дождь с ветром, снегом и прочими лакомствами турецкой осени. Казаки приуныли. Вид печальный: бурки-башлыки, бурки-башлыки, а их покрывают хлопья тающего, на рахат-лукум похожего снега; а под ними усталый ропот. Остановились в версте от поселка — в ожидании: когда же наконец господа квартирьеры соблаговолят указать помещения?!

Ждем полчаса, час, полтора часа. Небо щедро посылает рахат-лукум. И даже с водой^{*}. Снег может потушить костер. Но на костре нетерпеливого гнева человеческого он превращается в нефть.

Тишина. Безудержный ветер и сдержанный “маг” разнообразят унылое ожидание... В этот момент слышу, кто-то вопит:

— Блоха! Блоха! Передать по колонне! Блоха!

А у меня вестовой Муха. Я кидаю в темноту ночи: “Муха!!!”

— Чего изволите, ваш балродь? (он стоял в двух шагах).

Я говорю раздельно и громко:

— Поезжай! — найди Блоху и познакомься.

---

* «Как можно скорее» — кавалер<ийское> выражение.

** На востоке к рахат-лукуму подают воду.

Разумеется, общий хохот. Все повеселели. Смех бодрит человека. Смех — это дрожжи в скученной массе людей: он ее поднимает...

И вот оказывается, что Блоха — вестовой Его Превосходительства! И генерал вообразил, что это я над ним издевался: выщупал⁵ через адъютанта...

К черту всю эту мелкую штабную войну — войну мышей и лягушек! К черту отсюда!»

«Вчера закончил страницу пожеланием “к черту отсюда” и как будто напророчил отъезд. Только что Муха принес из штаба предписание ехать обратно в полк. Приказал седлать на рассвете... Отъезду я очень рад. Но... как же с Вавочкой? — Какая-то осязаемая неловкость давит мою грудь. Так, просто, без слов, без свидания расстаться с ней, с Вавочкой?! — нет, это невозможно!.. Что она может сейчас думать? Она может думать, что я боюсь генеральской ревности и потому трус; или что я играл на старом чувстве и потом бросил и потому негодяй. Но фамилия Кабардейшауу никогда не знала ни трусов, ни негодяев. И не будет знать. Но наша фамилия не знала и воров... — Как бы ни хотелось мне отомстить генералу; как бы ни влекло меня прильнуть к чаше и выпить ее всю — до дна — за безумство тех, чья горячее кровь, — я говорю: предел!

Вавочка, поймете ли Вы меня?

Желание отомстить генералу за его спесивую ревность, ограбить его, отнять его жену; желание нарядным гостем вступить на пир жизни и зажечь жизнь трепетной, как пламя жаркой страстью — борются во мне с чувством презрения к дрянной низости моих желаний. Не могу и не хочу оскорблять заветы, которыми жили мой отец и дед. Да! их наставления суровы; их наказания кровавы и жестоки. Но так и должно быть. Я сказал: предел.

Вспоминаю суд и расправу покойного отца.

У нас в степях моздокских есть хутор. Последние годы жизни отец безвыездно провел там. И он был судьей на всю округу. К нему приходили разрешать споры. Отдавали в нашу кунацкую своих сыновей на воспитание. Советовались о делах... Помню, однажды наш работник Хацу украл ночью из нашего же двора девушку сироту, дочь недавно умершего чабана⁶. Отец возмутился: как так — украл с нашего двора да еще свой человек. И конец траура не подождал. — Послал погоню... Привели бедного Хацу — с невестой. Та кинулась в ноги: старая любовь! Вымаливает прощение. — Оттого, говорит, и украл меня, чтобы скорее с трауром покончить и свадьбу справить. Но отец простил лишь наполовину.

---

⁵ Пастух.

— Хацу! — сказал он. — Ты знаешь, что полагается за кражу? — За кражу руку секут, не так ли? Ты — низкий ночной вор. — Получай свое! — и кинжалом надрубил ему плечо.

— Смотри, Хацу, — добавил отец, — помни: любовь Айшет сохранила твою воровскую руку...

Так присудил отец⁶. И все считали его суд — судом правым: у нас знают, что суровость — мать благородства... И сейчас я сужу себя, свое сердце сужу я. Напряженно думаю о ней, о Вавочке; хочу ее видеть — как славу, как счастье, как Мир. Но — я сказал: предел.

Нет отца, который бы кинжалом разрубил мое плечо до сердца, и я сам...»

Следующие странички батырбековских записей представляют необыкновенное, сравнительно с другими, зрелище. Многие строчки вымараны начисто. Оставшиеся набросаны кое-как, в волнении; буквы джигитуют, как молодые кабардей-уорки⁷ на майских скачках... а почерк моего покойного друга наполнен был полновесной чеканностью букв.

...Один листик до половины занят чужим — хрупким, готически-устремленным — почерком, но об этом после.

«За шумом ветра (писал Батыр-Бек) я не расслышал и повторного стука. Постучали опять.

Равнодушно, даже с досадой сказал:

— Да-да! — войдите...

Вошла Вавочка — в бурке, в башлыке, в папахе.

— Нет, я не сяду, ни одной минуты не буду с Вами... Я пришла Вам сказать, что Вы... Вы — изверг, да! — понимаете — un monstre!⁷ Вы завтра едете на фронт? — я знаю... прощайте...

И хотела уйти... (дальше зачеркнуто)... и когда перестала плакать, я усадил ее за стол. Вот за этот стол, за которым сейчас пишу... (снова зачеркнуто)... встал с колен, показал ей последние страницы. Вавочка с недоумением начала читать. И, дочитав до Хацу, прошептала:

— Mais c'est horrible⁸... но я понимаю...

И мне показалось, будто какое-то одобрение, какая-то восхищенная согласность звучала в ее — “я понимаю”... О, она поняла все!»

Хрупким, готически-устремленным почерком Вавочка написала:

---

⁷ Кабардинские дворяне.

Константин Чхеидзе

«Пусть Вы знаете, что хотя я не знаю, можно ли молиться за магометан, но я всегда буду за Вас молиться. Моя молитва всегда с Вами, мой воин, топ hégos⁹... Вавочка поняла все».

Так перевело русское вавочкино сердце французскую вавочкину мысль... Кое-где строчки расплылись — это слезы; это — святые слезы.

АСЛАН-БЕК ШИРИПОВ

Но и закаленное сердце Гехи жаждало человеческой ласки. И в порыве тоски искал Геха товарища — друга, кто бы мог облегчить ему минуты страданий и черных дум... Искал — и не находил.
(«Кавказский горец». № 1, стр. 34)¹

Горькую истину о себе заключил в этих немногих словах покойный Аслан-Бек Ширипов...

Вообще надо сказать — вся небольшая вещица «Абрек Геха» как нельзя лучше отражает порывистую, жаждущую подвига душу ее автора.

От первого слова и до последней мысли — предчувствия: «...победитель тот, кто в жертву борьбе, на верную смерть без раздумья бросает душу и тело свое...»² Всюду трепещет и перебегает от переживания к переживанию — один мотив: мучительная жажда подвига.

Я не стану здесь говорить о Ширипове как о политическом деятеле. Да если бы и хотел об этом писать — задача была бы трудно исполнима: он не успел выявить себя до конца, не успел сформироваться в определенную политическую личность.

Аслан-Бек — митингов, речей, политики... словом, Аслан-Бек революции мне и непонятен, и неизвестен.

Но Аслан-Бек «страданий и черных дум», замкнувшийся в мучительной одинокой тревоге; Аслан-Бек страстного горения, надежд, хотений и муки — этот Аслан-Бек, как живой, и сейчас стоит около меня.

* * *

Я был старше Аслан-Бека годом или двумя, и мы встретились впервые, будучи — я в пятом, а он в четвертом классе кадетского корпуса (в Полтаве). Уроженцев Кавказа самых разных «племен и наречий» было здесь довольно много, но все мы были разбросаны по разным классам (и ротам).

Встречались сравнительно редко; главным образом на рождественских и пасхальных каникулах, так как за дальностью расстояния домой не ездили.

Однако и при таком малом общении заметна была тяга Аслан-Бека к одиночеству. Узами тесной дружбы ни с одним из нас он связан не был.

Редко присоединялся он к нашим затеям, не говоря уже о шалостях.

Какая-то скорбная дума владела им. Всегда медлительный, молчаливый и грустный — он не располагал к себе, да и не искал ничего расположения. Ему грезились бури, сдвиги, усилия; он мечтал о подвигах, в то

время как огромное большинство окружающих предавалось ежедневной «суете мирской».

Будучи одним из лучших (кажется, первым) учеников в классе, пунктуально следуя предписаниям дисциплины — он считался образцовым кадетом.

Но от всего «может уйти человек, но нельзя ему уйти от самого себя, от того разлада, тех противоречий, которые составляют существо его духа»³, и вот в отношении духа, действительно, было неблагоприятно, Аслан-Бек определенно страдал...

* * *

Наше сближение произошло на почве любви к книге. Я был заведующим библиотекой, а он — одним из усерднейших читателей ее книг. Часто в мои руки попадали книги из так называемой фундаментальной библиотеки, особенно интересные и трудно доставаемые. Читали мы их вместе.

От книги беседа переходила к Кавказу, от Кавказа — к его народам, к чеченцам в частности и, наконец, к единственному их представителю, т.е. к самому Аслан-Беку...

— Ты не можешь себе представить, — глухо говорил он, — до какой степени мне тяжело быть в этой клетке. Я ежеминутно чувствую ее прутья и мечтаю только о том, чтобы свободно вздохнуть... Клянусь тебе Аллахом, я предпочел бы быть сейчас пастухом, чем зубрить французские глаголы или дежурить по классу...

Для меня до сих пор неясно, каким образом Ширипов попал в кадетский корпус — да еще в Полтаву. Никогда ни слова не говорил он об этом.

А я — не спрашивал. Точно так же не могу дать себе отчета и в том, при каких условиях и в силу каких обстоятельств он вышел из корпуса и поступил в Грозненское реальное училище.

Религиозный до фанатизма, он стыдился исполнять обряды, так как их пришлось бы исполнять на людях. Влюбленный в величественный образ Шамиля, он чувствовал неприязнь к русским и часто бывал недоволен тем, что между русскими и «кавказцами» не только не делали разницы, но, наоборот, к нам проявлялась со стороны начальства заботливость, а со стороны местного общества — интерес.

Мне кажется, он был бы больше доволен, если бы к нему придирались или подчеркивали его не-русское происхождение.

Он хотел «доли лютого зверя и героя... так как она полна опасностей, требовала жертв, сил и борьбы»⁴.

³ П.Ив. Новгородцев³.

* * *

Однажды по одному поручению старшего класса мне надо было переговорить с кадетами младшего класса, но не со всеми сразу, а по отделениям: сперва с одним, потом с другим.

Случилось так, что когда собралось первое отделение, то в зале находилось несколько человек из второго. В их числе — Аслан-Бек.

Я предложил им выйти, и все вышли — кроме него.

— Аслан-Бек, — сказал я, подходя к нему. — Мне нужно переговорить только с первым отделением. Я должен тебя просить уйти.

— А я не желаю выходить, — ответил он.

Положение создалось неловкое; терять престиж старшего — я не мог; ссориться — не хотел. Что делать?

— Почему же ты не желаешь? — продолжал я.

— Потому что это помещение, как и все, казенное. И я имею право бывать, где хочу.

— Но ведь ты понимаешь, что я не могу сделать для тебя исключение: раз все вышли, и ты должен выйти. Тут речь не о праве...

Я убежден, что если бы кто-нибудь другой был на моем месте, кто-нибудь другой делал ему подобное предложение, то дело неминуемо кончилось бы скандалом, а быть может, даже и дракой.

Но существовавшие уже отношения, известная связь и близость, взаимно испытываемая, предотвратили столь возможное злополучие. Аслан-Бек ушел.

Но, уйдя, не вернулся, когда после переговоров с первым отделением я собрал второе (где он был).

Собрались все, кроме Ширипова, и... и я сделал уступку, как бы «не заметив» его отсутствия...

Впоследствии мы потолковали на эту тему, и Ширипов говорил, что я лишил его возможности выступить одному против всех.

— Да ведь в крайнем случае тебя бы избили, — заметил я.

— И я бы многих избил, — возразил он. И я знаю, что Аслан-Бек говорит то, что переживает.

Он хотел быть «как затравленный волк... чтобы радостно-тревожно забилось его бурнопламенное сердце»*.

* * *

На следующий год я перешел в 6-й класс, а Ширипов в 5-й. Мы были в разных ротах (и помещениях), виделись гораздо реже. Но именно поэтому-то отношения стали устойчивее, глубже.

* «Кавказский горец». № 1, стр. 35.

В библиотеке его роты произведений Достоевского не было. А я, перейдя в 6-й класс, первой же темой для реферата (по русскому языку) взял роман «Братья Карамазовы».

Ясное дело, что не только «Братья Карамазовы», но и почти все другие творения гениального писателя — чье сердце было наполнено духом пророческим — прочитывались и обсуждались нами обоими.

Он сам предложил мне кооперировать свои и мои усилия и вместе работать «Братья Карамазовы».

С тех пор прошло много лет, в течение которых я не раз возвращался к этому произведению, но неизменно и постоянно мои личные переживания как-то переплетаются с переживаниями Аслан-Бека, и я вспоминаю наши толки и споры по поводу того или иного героя, той или иной сцены.

Из нашей «кооперации» ничего не вышло. Нужно сознаться: оба мы не понимали тогда Достоевского. Но не понимали по-разному. Например, я считал, что старец Зосима — тип бытовой, хоть и устарелый. А Аслан-Бек утверждал, что он «выдуманный».

«Таких людей нет», — говорил он.

К Алеше относился он с жалостным участием, и эта жалость была обидной. Порой — он возмущал Аслан-Бека своей «уступчивостью».

Смердякова — презирал откровенно, а о Дмитрие сожалел так: «Жаль, что он не убил эту дрянью», т.е. Федора Павл<овича> Карамазова.

Из женских образов самым для него привлекательным был образ мятущейся, своевольной и гордой Настасьи Филипповны («Идиот»).

Но, в общем, Достоевский удовлетворил его не сполна. Аслан-Бек наслаждался мрачными взрывами, но требовал еще художественной скульптурности...

* * *

Я имел привычку сохранять всякие «живые документы», т.е. письма, записочки и т.п. За год шириповских записок у меня накопилось десятка полтора. Некоторые из них содержали в себе стихотворение⁵. Иногда даже не одно.

Вот что с особенным старанием скрывал он от людей... Прослыть поэтом ему — силачу, чеченцу, суровому и недоступному — казалось самооскорблением. Но, видно, натура и ее порывы сильнее даже волевого углушения. И то сказать: что тяжелее? — невыплаканные слезы муки или невылившийся восторг творчества.

А Ширипов иногда переполнялся творческим восторгом.

Основной мотив его произведений можно охарактеризовать в двух словах: скованный великан. Эта идея или, лучше, этот образ преследовал его, угнетал, вызывал гнев, но никогда жалость.

Вместе с орлом, презрительно глядящим на пищу, просовываемую сквозь прутья клетки и не принимающим ее, чтобы умереть с голоду; вместе с Прометеем, изнывающим в цепях... Аслан-Бек тосковал, метался и гневно кричал, суля грозу и смерть; посылая проклятия, но не мольбы.

Вспоминаю его посвящение Казбеку: застывший телом богатырь обладает гордым духом, страдает от сознания своего бессилия и льет слезы (реки), мечущиеся и все сметающие в своем ураганном беге...

Писал он слишком скульптурно, нагромождая образы, рассмотреть которые можно скорее издали, нежели вблизи. Писал он немного и из этого немногого лишь небольшую часть показывал мне.

С большой тревогой ожидал ответ единственного читателя и критика, т.е. мой ответ.

Прозой он почти не писал, а если писал, то только о горах, о kloкочущих реках, о живом лесе, а из людей выбирал только сильных, отважных и борющихся.

Повторяю (с его слов): кроме меня — читателей его произведений не было. Бывшие с нами в кадетском корпусе Мусса Дудоров (убит), Дудор Добриев (убит)⁶ и др. горцы-мусульмане стояли к нему ближе по природе; но литературными вопросами они интересовались мало.

И в конце концов — ни они, ни я не состояли в подлинно дружеских отношениях с Шириповым. Больше всего — он был с самим собой.

* * *

О выходе Ширипова из корпуса я узнал только по возвращении с летних вакаций. Причины ухода объяснялись разное. Сам Аслан-Бек вскорости прислал мне письмо, в котором коротко сообщил: ушел потому, что не мог больше быть.

Переписка наша через непродолжительное время заглохла.

Но мы свиделись еще раз: в 1916 году. Увидел его я очень радостным, полным жизни, веры в себя и решимости.

— Чем ты занят, что делаешь? — спросил я его.

— Многим занят, многое делаю — свое и чужое!

Он смеялся, отшучивался, но в чем заключалось его «дело», не сказал. О прошлом — почти не говорили. Посидели, поговорили и расстались — навсегда.

* * *

В начале своего очерка я обещал не касаться политических настроений и действий Ширипова. И не коснусь...

Константин Чхеидзе

Но приведу материал, относящийся к его характеристике как политического деятеля, полученный мною (в 1921 и в 1924 годах) от лиц, заслуживающих полного доверия.

В 1918 году наш (т.е. Аслан-Бека и мой) однокашник застрелял в городе Грозном. Вся власть перешла к Советам. Бежать он не успел. Как офицер попал в тюрьму... и — в список подлежащих к расстрелу.

В момент, когда он готовился к концу земного странствования — подъехал автомобиль. Вылезший оттуда Ширипов накинул на осужденного бурку, вывез его и, снабдив деньгами, отправил в безопасное место.

Другой аналогичный по своей бескорыстности и самоотверженности случай: некто М., бывший соученик Аслан-Бека, был приговорен к смертной казни.

Сестра приговоренного бросилась к чеченскому комиссару, прося спасти брата.

Он спас... Мне говорили, что он многих спасал... Многих, но не спас самого себя⁷.

Печать обреченности всегда лежала на нем. Он искал опасности, он играл неосторожно, находясь под давлением созданных еще в ранней юности грез о героических подвигах.

Аслан-Бек видел в своем народе и «великана в цепях», и друга. И он — «звал, искал»⁸...

Но нашел ли?

Прага, 29 ноября 1924

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

(опущенная глава из книги «Страна Прометей»)

Там же, на Карасу¹, я получил письмо, срочно вызывавшее меня домой, в долину. Письмо было грустное: последний из оставшихся в живых двоюродных братьев был убит². За несколько дней перед тем пришла от него телеграмма: «Получил отпуск, еду» — и вот — ожидался его гроб...

Почему не сказать о брате? — Таких, как он, — уже нет, да едва ли и будут: все меняется... Я не говорю, что хорошее уходит, а дурное приходит. Не говорю также, что уходит дурное и приходит хорошее. Нет, я говорю: одно уходит, другое приходит. И тогда, и теперь, и в будущем есть сочетание дурного и хорошего. Но каждый раз это свое особое и неповторимое сочетание...

Итак, два слова о брате. Он принадлежал к числу тех людей, которые не умеют придерживаться истины, что «угол падения равен углу отражения». У него всегда в жизни случалось так, что «угол отражения» превосходил «угол падения». Еще мальчиком (он был, кажется, в четвертом классе кадетского корпуса) он едва не сделался убийцей. А причина этому была такая.

В кадетских корпусах существует молчаливое братство дружбы и взаимопомощи. И это хорошо. Но в тех же стенах живет и порою неприятно проявляется дух «панибратства», дух какого-то нарочитого хамства, которое считается удалью. — И это ужасно дурно... Тот самый кадет, который «не выдаст» вас, который — если надо — просидит из-за вас месяц без отпуска и неделю в темном карцере, на хлебе и воде, — этот самый кадет при случае может так нагадить вам, что вы умирать будете — вспомните...

Случилось так, что в тот вечер, когда брат получил известие о смерти своей матери, кадет старшего класса придрался к нему. Кадет старшего класса был дежурным, и потому у него на поясе висел штык — символ власти. Дело шло о том, что будто бы у брата слишком короткая рубашка. Замечу, что в корпусах попеременно существуют моды то на длинные, то на короткие рубашки. В тот период мода была на короткие, но, по-видимому, кадету старшего класса не понравилась излишняя короткость рубашки моего брата. Слово за слово — поссорились. Кадет старшего класса наклонился и со всей силы обдернул рубашку брата. Брат с такой же силой толкнул его в грудь. Тогда старший кадет произнес самое гнус-

ное, неправдоподобное и растленное ругательство, которое так распространено и которое бесчестит всех русских матерей. И ругательство это ужалило скорбную душу только что осиротевшего мальчика. Он вырвал у старшего кадета штык из ножен и пырнул им в лицо. К счастью, штык попал не в глаз, а продырявил ухо. История получилась громкая. Опекун брата ездил к великому князю Константину Константиновичу³ — всеобщему кадетскому благодетелю — и выпросил разрешение перевести провинившегося кадета в другой кадетский корпус.

Однако история с ухом на всю жизнь (короткую, короткую жизнь!) повлияла на брата. Он выросстал нервным, нетерпимым... В год объявления войны он женился, а в то лето, когда я был в горах, получил первый отпуск с фронта. И вот его убили. За что убили? — Он оборонял ту землю, которую считал своей родиной. Когда-то давно Россия помогла Грузии освободиться от иноземного и иноверного ига. Россия и Грузия стали одно. Враги России стали врагами Грузии. И когда немцы напали на Россию и Россия должна была обороняться, мой брат, верный присяге, пошел на фронт. И так, он умер, защищая Россию. Тут все понятно и ясно. Но — спрашивается — чего добивались немцы? Почему они напали на Россию, от которой видели в течение своей далеко не *славной* истории одни благодетельства? Что заставило их объявить войну половине мира? Быть может, они несли в мир некоторую высокую идею, такую идею, которая жжет сердца, которая позволяет умереть с улыбкой?

Немцы — вы, пожелавшие покорить мир, что доброго хотели принести покоренному миру?

...Когда двигались, подобно грохочущей туче, войска Аллаха под зеленым знаменем пророка, то каждый воин был бойцом и проповедником. Войска Аллаха несли людям «ислам» — учение о покорности человека Богу.

Когда христиане жгли и распинали, возделывая ниву Христову, они бросали на окровавленную ниву семена учения о Богосыновстве и о божественной заповеди любви...

Религиозная война трагична, противоречива, но величественна. А чего хотели они, изобретатели обезьяны и колбасы? — Я читал книгу одного вашего человека, он рассказывает, что умирали напрасно, и раскаиваются в преступлениях своего народа. Оказывается, кроме жажды наживы, вы ничего не имели за душой. Ваши солдаты шли не на войну, а на бойню. Вам хотелось, чтобы товары с маркой «Мад ин Германна» затопили мир. Вы хотели денег, побольше денег. Но во всем низменном заключено нечто, несущее гибель и проклятие.

Вы искали денег? — теперь несколько поколений вашего народа будут платить за безумный грех отцов. Вы искали власти над всем миром, вы

распевали, одурманенные пивными парами: «Дейтшен юбер аллес»?⁴ — Вместо этого вам пришлось отдавать своих женщин в пользование черным солдатам. На берегах Рейна все нации поочередно сидели на вашей тугой и неповоротливой шее. Вы хотели заставить все народы учить ваш язык, пропитываться тем, что вы называете немецкой культурой. Вы хотели быть роскошными цветками на русском «навозе». Теперь ваши дети учат великий русский язык, мечтают когда-нибудь попасть в Россию, чтобы покормиться ее щедрым хлебом... Не о той России, которую вы же ввергли в нищету и разврат, говорю я. Я говорю о России самостоятельной, сильной и державной, которая придет «завтра»... Вы презирали славян, вы производили слово «славянин» от слова «слав», что значит «раб», но приходит — и пришло уже время, когда эти «рабы» возобладали над вами. Они возобладали потому, что сохранили в себе нечто от Бога, тогда как вы заменили Его понятием о «веществе» и силе. Да, вот, найдено слово: вы хотели быть сильными и сильными сами по себе. Но это не удалось отцам, не удастся и детям. Ваши отдаленные потомки, быть может, поймут, что «не в силе Бог, а в правде», и проклянут год, когда усатый фанфарон пробарабанил приказ убивать ради продажи изделий, несущих клеймо «мад ин Германия».

В селении Кашка-Тау, расположенном на узле дорог, ведущих в горы, и которое нельзя минут на обратном пути, я встретился случайно с Абдуллой⁵. Он направлялся в город, на базар. Переночевав у знакомых, ранним утром двинулись в направлении на Нальчик. Ночью пошел дождь, дорога не пылила. Сейчас же за околицей аула мы увидели следы шин на дороге. Горская двухколесная повозка, так называемая арба, оставляет широкий и глубокий след. А это был городской экипаж, редкий в этих местах. Любопытство наше было возбуждено. Как-то неволью, без уговора, мы подбодрили коней, они прибавили ходу. Разговаривая о том о сем (о чем угодно, кроме тех, кого мы хотели догнать), мы то и дело привставали на стременах и всматривались в даль. Наконец показался на дороге какой-то силуэт. Но это случилось не раньше полудня. Подъехав ближе, мы увидели, что это лошадь, стреноженная, без железа во рту, но поседланная, пасется. Поблизости от нее, на разостланной бурке, лицом к Востоку, молился путник. Картина этой одинокой молитвы тронула меня. Абдулла, несколько смущенный, попросил меня ехать вперед, а сам, увидавший в молящемся упрек себе, остановился сделать полуденный намаз.

...Что может быть величественнее и трогательнее молитвы сурового мужа пред лицом далекого Востока, на краю которого, по убеждению молящегося, живут все всевышние силы?.. Чтобы не нарушать покой Абдуллы, я поехал дальше, дальше, не останавливаясь, охваченный новыми чувствами. А перед мысленным взором моим вырастала фигура Абдуллы,

человека стального сложения, самоуверенного, занятого мелкими делами, связанными с хлопотами по хозяйству и управлению аулом... и вот этот человек три раза в день отрывается от всего земного и покорно расстилается на земле, поклоняясь Тому, о Котором он не смог бы и двух слов связать, но присутствие Которого осязает его простое смелое сердце. В то время я еще не читал Льва Толстого и не знал, что он думал, что будущее принадлежит религии Магомета⁶. Конечно, Толстой не имел в виду говорить, что *все* люди перейдут в магометанство. Толстой, по-видимому, хотел отметить именно эту черту магометанства, черту, воспринятую от Учения Христа, — «Будете поклоняться не на горе или в долине, а в духе и истине»⁷. Значит, всюду, где творится молитва, — там и Бог.

И еще одну особенность магометан Кавказа (да и не только Кавказа) следует упомянуть: это строгая почтительность к другим религиям. Каждый верующий в своего Бога заслуживает в глазах горца всяческого уважения. Напротив, всякий, кто глумится над чьей-либо верой, является в его глазах существом презренным и низменным. Конечно, во времена войны Креста и Полумесяца как христиане, так и магометане проявляли одинаковую жестокость и одинаковое варварство по отношению к чужим святыням. Но речь идет о нормальном отношении к тому или иному культу на Кавказе. Вспоминаю об этом, чтобы удивиться по поводу следующих фактов, наблюденных мною в Европе.

Всем известно, что со времен древних христиан изображение рыбы признается священным. А между тем вы часто можете встретить это изображение, сделанное из камней, в виде узора на уличном тротуаре, или крест. Кажется, что для христианина нет ничего святее креста. И что же? Существуют фирмы, которые избрали своим отличительным значком знак креста. При этом каждый купивший носки у этой фирмы волей-неволей попирает крест ногами, так как крест помещен под ступней... Пишу об этом и сознаю, что рискую показаться смешным. В самом деле!!! *есть ли* на что тут обращать внимание?! Ведь никто не считает, что фирма *намеренно* оскорбляет христианскую святыню! — Я не возражаю. Я не возмущаюсь или, по крайней мере, не призываю никого разделять мое возмущение. Я лишь констатирую. С другой стороны, пусть кто-либо осмелится, находясь среди магометан, посмеяться над Меккой или Пророком. — О, будьте покойны. Всегда найдется порядочный человек, позаботившийся выпустить кровь насмешнику. Пусть он рискует жизнью. Пусть потом много лет он просидит в тюрьме. Это не беда. Зато дерзкий наказан.

Или еще пример оригинального европейского благочестия. Когда состоялся знаменитый договор между Ватиканом и итальянским правительством⁸, Папа Римский «оказался в моде» (не подберу более удачного

выражения). И что же? В чем проявилась эта «мода»? Между прочим, также и в том, что на рынок были выпущены... ботинки под названием «Папа Римский». — Это, конечно, очень своеобразное обнаружение своих чувств...

Но самое поразительное было все-таки в Париже. Там в одном шикарном гастрономическом магазине перед праздником Рождества Христова был выставлен превосходно очищенный и крикливо разукрашенный поросенок. В открытой пасти он держал веточку зелени, а к его брюху была прикреплена карточка с надписью: «Сие есть тело мое, которое вы будете воспринимать»⁹. Здесь, на мой непросвещенный взгляд, оригинальность рекламы уже несколько переступила границы. Однако тысячи людей входили в этот магазин и выходили из него, нагруженные покупками, веселые предпраздничным весельем. И никто, никто не сказал хозяину поросенка ни единого, что называется, «доброе слова»... Я уж не говорю о добром «прямом действии»...

Все это указывает на разрыв между формой и содержанием европейской жизни. По форме, по названию, по внешним признакам — это христианская страна. По содержанию же это нечто иное. Что именно, я не знаю, но противоречие между «словом» (т.е. официальной религией, официальной доктриной) и «делом» (т.е. истинным содержанием мотов действий) — налицо.

А между тем Абдулла уже догонял меня тем особым «скоком», которым умеет ходить только горская лошадь. Этот «скок» не рысь и не галоп. Это совершенно особенный аллюр, когда задние ноги коня идут рысью, а передние через шаг переходят в галоп. Бурка, накинутая на плечи, съехала на сторону. Башлык развеялся ветром. Под правой рукой висел карабин дулом вниз, по-«зелимхановски». Папаха отодвинута на затылок, глаза напряженно пронизывают даль, губы сжаты каким-то неведомым внутренним волевым усилием.

— Оу, Абдулла! — приветствовал я его. И тотчас его лицо приняло то выражение, которое можно сравнить с цветком, выросшим на грубой скале. Мой конь, взволнованный горячим соседом, перешел в галоп, и мы понеслись, дыша ветерками и конским потом.

На повороте, с которого открывается вид на долину, мы увидели наконец четырехместный кабриолет, запряженный парой рослых коней. Экипаж стоял на дороге, около него возился ямщик. В тени, под группой молодой алычи, на разостланном пледе полулежала дама. А в стороне, в каком-то странном для здешних мест спортсменском костюме, перебежал молодой человек с ружьем в руках. Он смотрел вверх. Он остановился, прицелился, выстрелил. С досадой стукнул прикладом о землю, зарядил ружье и снова побежал, выискивая позицию. Вверху плавно парил

горный орел, словно не замечавший суеты молодого человека. Но орел гордился преждевременно и напрасно. На сцене появился Абдулла, не делающий промаха и на тысячу шагов. Абдулла вскинул карабин... выстрел... Абдулла в несколько скачков был около упавшего орла, не сходя с седла поднял его и медленным шагом подъехал к даме.

Знакомство состоялось так быстро, как быстр полет подстреленного орла. Это были брат и сестра, москвичи. Они осматривали горы. Теперь они едут домой, отягощенные впечатлениями. Им недоставало лишь знакомства с людьми, живущими в этих местах. И вот — такое необыкновенное знакомство... Молодые люди вынули записные книжки, фотографические аппараты, альбомы для зарисовок. В центре внимания был, конечно, Абдулла. И это тем более, что я молчал, и в конце концов они решили, что мне недоступен русский язык. Версты две-три ехали вместе, пока дорога не разделилась на проезжую для экипажей и тропинку для коней. Здесь мы сказали «салам» и обогнали спутников...

...Я знаю — есть другие страны, есть другие матери, другие идеалы. Я знаю, иногда считается более полезным внушить ребенку, что жизнь — это борьба. С кем борьба? — очевидно, с другими людьми. Следовательно, «другие люди» — это те, с кем надо бороться; следовательно, «другие люди» — это враги. И чтобы победить в борьбе, надо быть сильным. И даже не столько сильным, сколько богатым. «С деньгами (звучит мораль этого “идеализма”) ты все будешь иметь; без денег — ничего». Между тем, если представить себе первое направление и второе направление развития человека устремленными в бесконечность, то что получится? В первом случае, если даже представить, что человек раздал все, что имел, и не получил за это даже благодарности, — у него остается сознание не даром прожитой жизни и душа его найдет успокоение при воспоминании о блещущей самоцветными камнями гирлянде добрых дел. А что во втором?.. Что такое человек, живущий исключительно для себя? — Это эгоист. Чего он заслуживает? — Жалости и презрения, презрительной жалости. Точно так же, как он не помог никому, и ему в трудную минуту не удастся найти дружескую руку. И когда он уйдет из жизни, никто не пожалеет его и он не оставит ни в ком доброго воспоминания о себе... Повторяю: второе направление может вызвать жалость или презрение.

И жизнь подтверждает это... В одной стране жила семья. Она состояла из отца, матери, сына и жены сына. Состояние этой семьи приближалось к миллиону. Все, кто знал их, завидовали их богатству и благополучию. Однако дух благодати и не приблизился к этим людям. Среди них

жила вражда, причиной которой являлась молодая сноха. Старуха-мать возненавидела ее за то, что молодая принесла в дом (в виде приданого) слишком мало денег. Старуха требовала от сына развода и грозила, что половину состояния, на которое она имела право, она оставит дальним родственникам или еще кому-то, но только не сыну. Эти ее угрозы взволновали старика-отца и сына. Сыну казалось мало иметь половину миллиона; отцу казалось ужасным, что миллион будет разделен на две половины. Правда, это должно было случиться после его смерти. Но ведь всю свою жизнь он посвятил созданию *миллиона*... Миллион!!! Как это прекрасно звучит... И вот сын, отец и сноха убили старуху... Я не знаю, кого из участников этой ужасной и омерзительной драмы жалеть больше. Убитую ли старуху, которая, быть может, и не привела бы свою угрозу в исполнение? Или старика, который ради химеры, ради того, чтобы в продолжение еще несколько лет, оставшихся на его долю, называть себя «миллионером», умертвившего подругу всей своей жизни?.. Или сына, восставшего... на кого?!! — на мать. Поднявшего руку на ту, которая его родила, чтобы получить еще полмиллиона. Между тем никто еще не объяснил: какая разница между миллионером и полмиллионером? — Неужели миллионер может спать сразу на двух золотых кроватях? Или, быть может, миллион гарантирует человека от рака желудка, от скуки и кораблекрушений?.. Я понимаю, что стоит иметь на полмиллиона больше, чтобы больше сделать добра. Но ведь в случае с матереубийством «драмой Раскольниковова» и не пахло... Вероятнее всего, наибольшей жалости заслуживает сноха. Но ведь и она поддержала решение мужчин *убить*. Нет, дальше, дальше от этой возни скорпионов. В конце концов, виноватее всех убитая — мать. В своей жажде обладания деньгами, внушенной, вероятно же, матерью, сын был просто последователен и логичен до конца. Он просто принес кровавую жертву на престол того божества, которому его научили поклоняться... Другой случай, вспоминающийся как «ассоциация по контрасту», не так печален. Там было так: некто потерял портфель с 70000 франками. Эти 70000 франков не составляли *всего* богатства потерявшего, но сумма потери была все-таки ощутительна. Он поместил объявление о пропаже во всех газетах. И вот к нему на квартиру пришел железнодорожный служащий и принес портфель с деньгами. Обрадованный собственник усадил железнодорожника в кабинете и, извинившись, «вышел на минуту». И действительно, через минуту он вернулся и... попросил железнодорожника в знак искреннейшей его благодарности принять от него пару старых штанов... В этой стране живут щедрые люди...

Но возвратимся к Кавказу.

НА КУРГАНЕ

Лето. От земли и лошадей идет терпкий, бодрящий дымок. Стоим вдоль речки. Веселая, смиренная, ласковая, как стригунок, она журчит и резвится в своих извилистых берегах. Впереди — противник; над противником и нами — солнце. Солнце струится густыми потоками.

«Кавалер» расставил передние ноги, балует, пощипывая травку. Косит глазом, спрашивает: скоро? — Скоро, скоро, милый. Скоро я сяду на тебя, поскачем, победим!

Сердце молится изнутри: мне хорошо, светло, радостно. Поднимаю бинокль: где же австрийцы? — скорее бы в атаку. Стоим без дела в лаве¹, спешенные, под шрапнелью. И ждем. Чего ждать? — ждут только такие шляпы-генштабисты, как наш начальник отряда. Ведь проще: шашки вон, пики в руку, ура, атака, победа! Все ясно. А он тянет...

К командиру эскадрона подскакал ординарец. Наконец-то! — мои пальцы чуть цепенеют, когда я пробую, подтянуты ли подпруги? Сейчас услышу: са-а-ди-и-сь! Ну, «Кавалер» — держись...

Командир эскадрона машет цветной фуражкой. Он говорит: защитная — для защиты, цветная — для нападения. Может быть, один наш эскадрон пойдет в атаку?

— Шире ход, молодой, — кричит командир.

Я несусь карьером, цепляясь шпорами за полевые цветы.

— Что прикажете, г<осподин> ротмистр?

Он берет за локоть, отводит в сторону. Я слышу запахи: ремней, рома, фиалок. Свои называют его Сандро. Милый! Как он спокоен, важен. Он сейчас скажет: возьми взвод и — направление на опушку леса — марш, марш... а вдруг за лесом австрийский штаб? И с ним штандарт? А вдруг белый крестик, а вдруг?..

— Видишь ты этот лесок? — Сандро протягивает руку.

Смешной вопрос: вижу ли я? Я глаз с него не спускаю...

— Так точно, г<осподин> ротмистр.

— Из штаба приказание: вести за ним наблюдение, а полку отойти. Оставайся здесь со взводом, донесения — в штаб отряда.

...«Полку отойти»... опять, опять и опять — отойти, отойти, отойти. Готовый всплакнуть, переспрашиваю:

— Полку отойти? Атаки не будет?

Сандро пожимает плечами. Над нами разрыв шрапнели. Взвизг — в лаве движение. Кто-то упал; кого-то несут. А сзади ковыляет подстреленный конь, проминая след на траве. Я возвращаюсь ко взводу. Мечта об атаке расплывается, как то шрапнельное облачко.

— В случае чего, — догоняет меня Сандро, — отходи на Тульче... С Богом!

Протягивает руку, крепко жмет; больно, больно жмет мои пальцы. Чувствую, как он любит меня, как хочет, чтобы я вернулся.

Со взводом перехожу на новое место, за курган. За ним *ему* нас не видно. Я один лежу на вершине, смотрю. Полк лавой отходит все дальше; реже раздаются разрывы шрапнелей. Откуда *он* бьет? — должно быть, оттуда, из-за того леса. По кургану не бьют: не видит. Сколько же *его* там? — меня мучит желание узнать: кто против нас, куда идут, что хотят делать? В голове собираются фразы будущего донесения: наступает столько-то пехоты... конницы, при стольких-то орудиях; идут фланговым маршем, растянулись, не выставили заслонов... если нам произвести внезапную атаку — победа нам обеспечена... Я слышу топот многокопытной, грозной, непобедимой русской конницы. С развернутыми штандартами, с трубачами, с «*ура*» громовым и долгим она несется на растерявшегося врага... Ура, ура... Командир полка вызывает меня перед фронт[ом]: корнет Зимин! Ваше умение разобраться в обстановке, Ваша мужественная разведка дали нам победу... о подвиге корнета Зимина узнает вся Россия...

— Ваше благородие!

Старый унтер, сверхсрочный, с подстриженными усами, похожими на две соединенные концами зубные щетки; весь какой-то густой, пружинистый, как китовый ус, тянет меня за сапог.

— Что тебе?

— Ваше благородие... дозволейте подпруги отпустить.

Я вижу: он выдумал эти подпруги. Своим появлением, служебным вопросом он напоминает о службе... Боже, разлетаются мысли, словно солдаты по сигналу — «ну во все стороны, с быстротою молнии»...

— Да-да, — говорю я, — кто на очереди? Сейчас напишу.

И вместо воображаемого доношу в штаб о том, что есть: противник не обнаружен, огонь прекратился...

Писать неловко, поясная пряжка давит ребро, локти разъезжаются. Старательно вывожу буквы и делаю ошибки. Вот бы получился конверт: вместо полковнику Муравьеву — полковнику Муравью: муравей переползает строчку... Куда он ползет? Слышал ли он разрывы? И чем они ему казались? И что он думает о нас, кидающих друг в друга шрапнель?

— Дерновой! — унтер соблюдает себя, держит манеру. Знает: ихнего брата распусстить только. С ним как надо? — дисциплина и чинопочитание, чинопочитание и дисциплина.

— Дерновой! — повторяет он громче. И зловеще прибавляет:

— Повозись, повозись, я те повожусь!

— Яо! — Дерновой, в ожидании посылки, присел за лошадьми. Встрепанный, он вытянулся, развернул плечи, выкатил тревогой волнующие глаза. Дерновой, подражая старикам, говорит: «Яо»...

Он уехал, а я все смотрю, смотрю:

— Неужели никого не увижу?

Солнце перевалило на запад. Моя тень падает назад. Там, позади — восток, Родина; впереди — запад, враг. Солнце, восходя у нас, идет к ним и, опускаясь у них, шлет нам свои прощальные ласки.

В лесу сгущаются тени. Трудно разглядеть: что там в тени. Тихо. Слышны переливы ручья по камням. Изредка вздохнет лошадь; «Кавалер» с ними, внизу. Смотрю через плечо. Солдаты, держа поводья в руках, лежат на лугу. Только унтер стоит: я за австрийцами, а он за мной наблюдает. Держит в кулаке цыгарку, секретно, как на походе ночью. «Кавалер» переступает, поводит ушами: скучно ему без дела.

В стеклах бинокля показалась точка: от лесной тени оторвалась цепочка. Медленно, в рост идут; винтовки закинута: разведка.

— Кутырев, ползи-ка сюда осторожно.

Унтер придушил сапогом окурков, пополз.

— Смотри-ка, возьми бинокль... — Кутырев из вежливости приподнимает стекла к глазам, смотрит поверх ободков.

— Цепочка, Ваше благородие.

— Сюда идет?

— Должно на нас держат хронтом...

Меня охватывает знакомое, но всегда вновь острое, вновь неизъяснимое чувство: чувство боя. Я хочу всех собрать, всех повести за собой, вперед, к победе; непременно к победе — огромной, властной...

Но — мне жаль убивать.

О, если бы можно было победить без смерти: так, как побеждают на маневрах.

Тогда война была бы самым большим, самым радостным счастьем.

Но закон войны — закон крови. Кто хочет жизни, кто хочет победы — тот должен уметь отдавать свою кровь. И проливать чужую.

— Оставь коноводов, остальных веди сюда, в цепь. Кто с донесением?

Чем ближе *дело*, тем спокойнее мысли. В самом *деле* — рычаги мозга подают решение, как автомат цифру. Теперь я не пишу *муравью*, я вижу врага, я чувствую за спиною Мать.

Левобланговый моей цепи влез на гребень кургана: обнаружит раньше времени и все пропало.

— Глоба, назад, за гребень, — громко шепчу ему. Но Глоба о чем-то говорит соседу. Быть может, досказывает крутой солдатский анекдот; быть может, просит: ежели что — черкни матери... — Все равно: сейчас нет никого; есть мы и *он*, а над нами закон войны.

— Эй, ты, красавец! Повод на себя, пулей.

Австрийцы журавликами пересекают поле. Останавливаются, ощупывают каждый бугорок. В донесении я написал: дам подойти близко, открою огонь, быть может, из леса покажутся новые части. — Тогда я исполню задачу...

Только бы не остановились, подошли бы на прямой выстрел... а там — на коней — удерем... или до темноты — отстреляемся здесь...

— Передать по цепи: пока не прикажу — огня не открывать.

Я взял винтовку Кутырева. Он с коноводами внизу. В его мутно-серых, узких глазах читаю одобрение: все по уставчику, все верно, в порядке... мне приятно... А что «Кавалер»? — вытянул шею, насторожился, чует...

Он подошел.

— Слушай мою команду! — говорю в голос, внятно, внушительно: теперь пускай слышит. — Взво-од... пли!

И через секунду, когда отщелкала железная челюсть винтовки и ее утроба поглотила новую смерть, — еще:

— Пли!

Потом я кричу:

— Пачками!²

Ихняя цепь на земле. Он них несется посвистывающий над головой рой. Из леса выбегают австрийцы...

— Так, так, — вырывается у меня вместе с горячим дыханием, — сколько их? — ура!..

...Маленькое, остренькое копьцо вонзилось в левый погон, будто ожгло, чуть-чуть, не больно. Только почему-то нижняя челюсть подалась вперед и зубами втиснулась в зубы...

Моя сестра подшивала на мне, к летней рубашке, мягкий серебряный галун. Моя сестра уколола меня... моя сестра смеялась...

Но почему роса? — на зеленой траве красная роса?.. Где я слышал? Ох, это *Злая роса* — роман...³

В одной росинке — алой, как кровь — я увидел солнце. Уходящее.

Потом солнце померкло.

МОМЕНТЫ

из жизни Николая Зарина

I. СМЕРТНИК

Около крайней избы стояла толпа. Линялые рубашки прилипали к спинам, сутулые спины сходились и расходились. На завалинке, в тени, сидела старая бабка. Разжевывала хлеб, с пальца кормила ребенка; качала тощей ногой в расшнурованном, стоптанном танке. Полуголые ребятишки перестреливались горстями пыли. Солнце стояло на небе одинокое, жгучее, бесстрастное.

Комиссар поднял киргизскую о трех хвостах плеть:

— Ну, ты, шкандыбай, язва!

Его левый глаз кривил. Грязный пот стекал на веко, заливал окривевший глаз. Комиссар часто его вытирал, засаривал глубже, злился, опускал плеть. Но я бесчувственно переносил удары. Я думал:

— Я — скотина, которую гонят на убой. Так и надо. Не спас — будь проклят, погибни.

Мальчики прекратили битву. Тот, который стоял на пути, попятился, споткнулся о камень. Было видно: ему страшно и жаль меня. Мальчик в красной рубашке подбежал к нему, сильно толкнул в спину ко мне:

— Бей его! бел-гвардейца ведут! — крикнул он. Схватил горсть пыли, бросил в лицо. Я позабыл закрыть глаза.

Толпа полинявших спин разом смолкла. Повернулись бородатые седые лица. Комиссар хлестнул коня звонко, по-степному, под брюхо — въехал в толпу:

— Товарищи, граждане! Во-первых — почтение, окромя — подарок!

— Подь-ка, подь-ка, не бось! — прошамкал один старик. — Судить-то не будем, шабаш!

Все засмеялись. Я видел веселые лица. Крестьяне читали сводку побед своих партизан.

Бабка с ребенком кряхтя поднялась, протолкалась вперед. Она и ребенок одинаково удивленно — по-детски разглядывали мои ноги. Ноги были без брюк и сапог. Короткая чужая рубашка прикрывала живот: одежду поделили в степи. От стыда и пыли распухли глаза; глядя вниз, я видел черные точки на серых бугорках дороги. Точек становилось больше.

Комиссар крикнул:

— Что и как — сами решайте. А я по домам, устамши...
Сел на моего коня, уехал. Конь хромал. Конь был ранен, меня ожидала смерть.

— Ну, что ж, товаришши? — шамкающий старик подошел ко мне. — Глянь-ко-сь, и хрест на ем, а пес псом...

— Ты не суйся, Мироныч, без тебя разберем... иж суета.

Было видно, что говорит важный. Высокий мужчина в городском платье, в черном; сам черный, как цыган, отодвинул шамкающего старика. Из-за спины черного выглядывали мальчишки. Двое. Меньший из них, в красной рубашке, походил на цыганенка: должно быть, сын.

— Из чьих будешь?

Все замолчали. Резче запахло людьми и пылью.

— Зарин.

Я не узнал свой голос. Мне было все-все равно. Голову припекало солнце.

— А зовут как?

— Николай.

Ребенок заплакал. Старая бабка зашикала, унесла. Цеплялись о камни железные швы танок. Толпа раздалась, сомкнулась.

— А по батюшке? — крикнули сзади.

— А по матушке? — подхватил шамкающий старик. И снова все засмеялись.

Важный в городском платье махнул рукой. Затихли. Со стороны села подошли две женщины, заглянули, плюнули:

— Сраму-то, сраму сколько! У — выродок...

Пошли по дороге. За спиной тряслись мешки.

— Да чо его, судят, чо ль?

— Чо тянешь, борода!

— Гони его в капут, да и ладно!

Сразу закричали много. Гневно взъерошились брови, набухли жилы на лбу. Шамкающий старик поднял палку:

— Ухомáзнут ты, гада!

Важный сердито сказал:

— Капут-то капут, да в работу чей черед будет?

— Черед-от мой.

Ширококостный грузный крестьянин выступил; ткнул себя в грудь рукой. Я подумал: черед убивать? вот этот — убьет меня? — И не было чувств. Было пыльно, жарко; солнце опаляло глаза. Этот крестьянин и важный, похожий на цыгана, вошли в избу. Вскоре вышли:

— Смотри, дед, сбежит — в ответе будешь.

— Слыхали.

Взял мои плечи, круто повернул кругом, лицом к селу:

— Шагай!.. Стой, — прибавил крестьянин, — дай развяжу.

Когда плетьюми упали развязанные руки, шамкающий старик взял одну, посмотрел:

— Барчук треклятый. За те руки забить ты мало.

И ударил палкой. Сплюнул, поднес палку к лицу.

— Шагай, ты...

По селу бродили собаки. Не лаяли.

На ночь заперли в хлев. За плетеной стеной вздыхала корова. Сверху осыпался прах. Неслышно подбиралась ночь к темневшему небу. Хотелось обдумать, понять, молиться, и не было движений души. Бездумно уснул, словно погас бессильный светильник.

От этой зари, много дней, до заката работали в поле. На заре приходил старик, поднимал ногой:

— Я те вышибу панство.

Солнце видело смертника, земля ожидала меня. Тяжелели снопы в руках, тянули вниз. Шамкающий старик окликал с соседнего поля:

— Чо держишь, кормить даром его...

— Уберем хлеб, порешить завсегда можно.

Нагибался к земле, искал ответа. Земля молчала.

Иногда, голодный, усталый, не принимал еду: омерзение поднимала она. Бабка кидала ложку, звала:

— Ну-ка-ся, Кольша, хлеб-соли нашей... Ты бы, отец, — прибавляла она, обращаясь к мужу, — хошь бы ты гачи ему дал: глядеть озорно. Опеть же Аксинья.

— И этак ладно, — хмурил брови хозяин, — ешь, в работе станешь, чо в те проку?

Поправлял на винтовке ремень: с винтовкой и дома, и в поле.

...Иногда я ликовал, насыщаясь. В послеобеденный отдых лежал на спине, за копной, наблюдая небо. Сонный зной охватывал тело, ласкал ветерок. И вольно и радостно было; хотелось, заснув, проснуться собой: Зариным, корнетом.

Из-под телеги первой поднималась Аксинья, сноха. Перевяжет платок, напьется, кликнет:

— Маминька, ух да и время...

Пробежит дрожью по телу истомный голос, быстрыми струйками опалит сердце, волною окатит грудь. И почувствую вкус рта, отяжелют веки, зайдутся.

Позовет хозяин:

— Спишь, чо ли?

Выйду, не поднимаю глаза. А она, Аксинья, будто угадав, повернется и смотрит. Ярче зацветут щеки, мелькнет что-то в глазах. Усмехнется, закинет бровь, отогнет колосья серпом...

Томлением начиналась ночь, за крышей чуялось небо. Я лежал в хлеве, тяжело гудело в висках. Жаркий воздух приливал извне, приносил вечерние запахи. Беспokoйно вздыхала корова, напрягалась внутри струна. О полночь зашуршала по соломе дверь. Потянуло по низу прохладой. Темно, не видно — кто это? Но я знаю: это — Аксинья. Я осязаю ее глаза. Темные, они излучают знойные токи, сгорают в черном огне. От горения падает пепел, пепел жарко облегает глаза: точно распластались под ними крылья голубой голубки. Кажется: если прикоснуться к крыльям — металлом огненно-плавким расплывутся губы.

Шарит голой ногой по соломе Аксинья, наступает ногой на бедро:

— Здесь?

Молчу, а она стоит, не снимает ногу:

— Ты, чо-ли, Кольша?

Не дышу, не шелохнусь, не слышу. Плавлюсь от огня ее ноги. Постояла минутку, вздохнула:

— Тятя прислал наведать... Прощай.

А утром не глядит, робеет. Будто обернулась пеленою стыда: не засмеется, не молвит. Тянет меня к ней, так бы вот взял за плечи, повернул, засмотрелся, как блещут, сгорая, крылья голубой голубки. И страшно мне за себя: смертник... Но колдует, поет полуденная земля, дышит; звучно скользит по колосьям серп. Звенит пчела, золотыми серпами играет над полевым цветком.

С работы вернулись раньше. Старуха заглянула в коровник, позвала Аксинью:

— Чай ночью телиться будет; воды бы надо.

Под навесом стоял казан. Принес дрова, солому, затопил.

Вечерами старуха выносила чашку с квасом и луком в окрошку. В этот вечер принесла Аксинья. Поставила чашку, на ломте протянула масло:

— Тятя сказал: гачи даст. Слышь ты?

— Слышу.

Хочу — не могу взглянуть. Сколько дней привыкал к нагоде, будто привык, и вдруг окатило стыдом:

— Уйди, Аксинья.

Протяжно мычала корова. Под казаном трепетало пламя; едкий дым не давал дышать.

— Тятины, глянь, не придутся — Илькины дам. Ильку ваши угнали. А был дюжий, как ты...

Ближе опустились звезды, из синевы обласкали землю. Жарко горел костер, жарче горела грудь.

Лег на солому, слышал: щелкнул запор. Хозяин зевнул, сказал:

— Ты, мать, ежесть чо, тово...

За плетеной стеной туго вздыхала корова. Долго хлопотала старуха, светила огонь, бормотала про Бога и черта.

Перешло за полночь: откричал дальний петух. Похолодели открытые ноги. Звонкая, не прилиwała к ушам кровь. Подумал: нет, не придет. Но вот заговорили около избы. Кто-то вышел: прихлопнула дверь. Кто-то идет, кто-то — она, Аксинья. Вошла в коровник, подняла фонарь, поцокала языком, сказала: «Страсти...» Лязгнул о замок ключ: Аксинья!

Загорелась под спиной солома; кипящий казан взвился, упал, дохнул варом: не услышал — вошла, босая, только разом охватила, замерла. Не говорит, не дышит — только слышу: клокочет в груди, точно рвутся там беззвучные струны:

— Жданный...

Внизу, около пояса, заскребли когтями; царапая, вскарабкались по спине, прокусили над старой раной плечо. От конца к концу заколебалось сердце. Невыносимая боль растянула, распяла. Собрался железный ком, и ком не умещался во мне; ком искал выхода, бился, подступал к зубам: заскрежетали зубы.

Сильно харкнул, сотрясся телом, и на шею пала тяжелая густота. За стеной мучительно застонала корова. Вопль протяжный, гневный, страшный остановился в ушах:

— Уйди... — прохрипел грудью.

От сустава к суставу, по всему телу, извиваясь, пробежала судорога. Отяжелел, обмяк, забылся. Слабая боль вязко обложила виски. Наклонился на бок, услышал, как падает кровь. Все было в слабом дрожании: и тело, и мысль, и мир. Истошно мычала корова.

Аксинья размахнулась, штанина хлестнула глаза. Дрогнула дверь, не успела войти ночь, не закатилась звезда. Подземнее, глуше редела корова, мир утонул в ее вопле, умолк.

Утром хозяин показал на рубашку, спросил:

— Чо то?

Я сказал:

— Кровь.

— Откель?

Я показал открытую рану, добавил:

— Из горла.

— Ранитый?

Смолчал. Втроем они сели в телегу. Старик прислонил винтовку к передку:

— Айда-те!

Поехали шагом. Я — впереди.

Раскалялось мутное небо. Остановился на хлебах ветер. Пыль лежала безвольно. Трава поникла. Не поднимались ввысь птицы. Пахла бочонком и жестью теплая с дурманом вода. Не двигалось солнце. Больно впились острые концы снопов. Не глядела Аксинья, кричала:

— Глянь-ка, тятя: в гачах не хотит работать...

Быстро вязали снопы, ставили копны. На меже, у дороги, не в меру высокий подсолнух бросал одинокую тень. Его опавшие листья сварились в жаре. На слабой вянущей шее обвисло колебалась маковка, уродливо малая. И был он весь — зыбью своей, вянущей шеей, бессильной головкой — подобен смертнику в тугой петле.

Разом потемнело небо, обломилось, черным краем пало на землю. Загрохотала темнота, забилась; огненным хлестом поразила нивы.

Хозяин с бабами укрылись под телегой. Я остался один в поле — под громом — в буре: один с собою.

В небе собрались все жернова мира и ринулись в пропасть: дрогнуло небо, оборвалось, полетела земля. Задрожал подсолнух, подсеся, окунулась маковка в придорожную пыль. Трупом вялым протянулся, как смертник, сорвавший петлю.

— Кольша, ляжь, убьет громом...

...Убьет. Пусть убьет гром, не вы. Пусть убьет, я уйду к *НИМ*, к убитым, к которым прийти опоздал...¹ Убьет... надежда на что-то, какая-то смутная радость, беспокойство наполнили душу. Я пал лицом в жнитье, рыдание перервало вздох; в тоскливом трепете, в вопле обратился к Богу: молю дать конец, знамение конца: не могу, силы покидают меня и душа задушается... Все во мне устремилось к Нему. Простирая руки, молил об одном: смерть, смерть даруй ми, Господи!.. и вижу: среди несущихся туч, сквозь буревую тьму — узкий блистающий путь. И сверху Свет во Свете. Там преломляется луч, плавким серебром заливает небо. Над обломившейся чернотой, под крышей неба — блещит и сияет и сверкает до боли в глазах...

Вечером старик пришел в хлев, сел на треногий чурбан:

— Ты, Николай, не из наших: видать, не простой. А, гышь, был на старом фронте, значит с сыном страдали — вместе... Давеча, как Илья-пророк загудел, вспомнил своего Илью. Как ты молился, как солнце тебя осветило — Господня воля была... Я те не судья. Завтра воскресенье, пойдем в церковь; а там — вывезу, отпущу... бабам молчи... А я уже стар, может, Господь спасет мово Илюшу...

Сгорбился, посидел; потом с треногом ушел. Медленный звон к вечерне плыл над селом. Аксинья, смеясь, вынесла на руках теленка. Теленок доверчиво прислонил свою серьезную мордочку, словно чувствуя, что ласкают женские руки. И было в ней мягкое, женское.

Аксинья взглянула на меня, качнула подолом, отвернулась.

Я остался один. С собой.

За рощей дед сказал:

— А дале мы не в надеже...

Поклонился, вынул горбушку хлеба:

— Возьми, в дороге-то... сам знашь.

Простились... Что впереди? — лег на траву, зашуршали прелые листья. Запах земли показался близким, родным. Закрыв руками лицо, головою оперся о кочку. Лесная тишина стояла нерушимой стеной. Лежал долго. И чем дольше лежал, тем меньше хотелось встать, идти. Если бы расступилась земля и приняла меня в себя — я был бы спокоен и счастлив. Я бы знал, что это конец, что страдание и люди — все позади, ушло... что никто и никогда не вспомнит меня, не потревожит, не оскорбит, не убьет.

Если бы, думал я, если бы вся жизнь состояла в тишине и мире. Если бы были только: земля и я. Как бы мы жили спокойно, тихо.

Как славно встать на заре, увидеть восходящее солнце. Протянуть к нему руки, запеть, обнять его первый луч. Вокруг — трава и лес, и никого — ни души. Один я и солнце. И не было б скучно. О — нет, нет, ни секунды. Взошло бы солнце, согрелась земля. Лег бы на спину и глядел, глядел без конца на белый бег табунов неба. К вечеру нашел бы курган и лег и вперил глаза в закат. Долго и нежно угасало бы солнце, спокойно наступила ночь. И ночью я был бы снова один, один со звездами... Если бы такая жизнь: без плоти, без жажды, без боли — без страданий, без дум...

«Почему, почему, — твердил я, — почему этого нет, когда я так желаю этого и когда я знаю, что это возможно и хорошо? Что и кто мешает мне жить так, как я хочу и, как мне кажется, нужно жить, чтобы жизнь была хороша? Что и кто мешал мне до сих пор? — оглянулся на прошлую жизнь. Когда впервые я узнал, что именно та жизнь хороша, которую я сейчас хочу? Тогда ли, когда поступал в корпус, или при окончании его? — нет, тогда были другие заботы, другие желания...

Заботы, желания — повторил я — заботы и желания! Ведь они всегда были, всю жизнь я заботился и желал. И то, чего я сейчас хочу, — есть освобождение от забот и желаний. Я не хочу, чтобы для меня светило солнце и шумела листва: они живут сами, независимо; независимо хочу жить и я. Мне приятно, что они есть, но если их не будет, я не буду их

желать. Я ничего не буду желать, ни о чем заботиться. Буду весь в тишине и мире. И это бытие, это растворение в тишине и мире не есть желание; это есть состояние, всякий выход из которого будет желанием...

Да, это так: без желаний будут мир и тишина.

Как случилось, что я к этому пришел? Ведь то, чего я хочу, есть смерть? я хочу смерти? — снова мне все стало неясно. Что такое жизнь и смерть? Может быть, то, чего я хочу, есть жизнь, а может быть, смерть? Ведь мир и тишину я все-таки хочу! И это тоже желание, хотя и другое... Нет, ничего не понимаю. Знаю лишь, что в каждую минуту говорю честно. Но что говорю, чего желаю и что есть мое желание — это мне непонятно».

Я улыбнулся:

Мой одноклассник, кадет, во время экзамена развалился и положил ногу на парту. Офицер-воспитатель проходил мимо, увидел через стекло, постучал, поманил пальцем:

— Мужиком себя держите! — сказал он, вызвав кадета в коридор.

— Я не мужик, — отпарировал кадет.

— *Мужиком себя держите!* — подчеркнуто повторил воспитатель.

— Я не мужик, а дворянин, г<осподин> капитан.

— Я не говорю, что Вы мужик.

— Вы говорите то, из чего *выходит*, что я мужик, — настаивал на своем кадет.

Воспитатель предложил ему обдумать свои слова под арестом и в отыскании истины обещал помощь директора корпуса...²

Так и я: если и не смерть, то *выходит*, что то, чего я хочу, — смерти подобно?.. Значит, смерть — благо? — но тогда зачем я ехал сюда, зачем стремился спасти от этого блага *их*?

Я думал, что моя жизнь оставлена мне для того, чтобы спасти *их* жизнь и через это жизнь России. Теперь выходит, что я поступал неверно: надо радоваться, что все погибло...

Нет, так проще всего выбрать сучок покрепче... но разве это тишина и мир? — я видел смерть — я знаю: она — последнее, жесточайшее из страданий...

...Но и жизнь страдание?

Вскочил, схватился за голову:

— Боже мой! Боже мой! — в голос воскликнул я. — Где же истина, где правильный путь?

Глухо пробежал голос по лесу, застрял в чаще. Деревья молчали, по небу шли облака. Ничего не изменилось: все шло так, как должно идти в это время года, летом, после полудня. Мне стало смешно и горько:

— Вот факт, вот истина: я хочу есть, — сказал я, — будь что будет, пойду искать своих.

Выбрался на дорогу, не скрываясь, прямо под солнцем пошел на восток. Окопы местами пересекали дорогу. В стороне гукали пушки. Ветер приносил запах гари.

Но вокруг все было так, как должно быть летом, после полудня.

II. На пути

Я на борту японского парохода. Идем с Дальнего Востока в Суэц, а там — в Европу. Остановились в индийском порту, берем уголь. На пароходе несколько человек русских. Один из них, журналист Голосов, сидит рядом со мной.

Все мы, русские, будто избегаем друг друга, друг друга стыдимся. Иногда соберутся трое-четверо: тихо, вполголоса заговорят. До шепота снижают речь, не хотят выдавать, что говорят по-русски. Напрасна забота: костюм открывает, кто мы... Соберутся, пошепчут, помолчат — и вдруг — вознесется молитвой русская песня: зазвенит, простершись, над миром.

Грустно мне, грустно. Повторяю часто, неустанно: Господи! Изведи из темницы душу мою. К чему таить? — я жалею себя, жалею за то, что живу без *них*, без России.

При отъезде, близ трапа, женщина, похожая на суфражистку Панкхерст³, подарила мне Новый Завет. С горьким упреком пробегаю страницы. Читаю псалмы Давида, и мне кажется — не о старом Израиле, а об Израиле Новом — о русских — возрыдал и стонет Давид:

«Восстань, что спишь, Господи! Пробудись, не отринь навсегда. Почему скрываешь Ты лицо Свое, забываешь бедствие наше и страдание наше; когда душа наша низвержена в прах, тело наше согнуто к земле?.. Ты отвергнул и постыдил нас и не ходишь в войсках наших; обращаешь нас в бегство от врага, так что неприятели наши разграбляют нас; Ты отдал нас на снедение и между народами Ты рассеял нас; Ты отдал нас на посмеяние соседям нашим, на поругание и посрамление живущим вокруг нас; сделал нас притчею у народов, предметом покивания головой для иноплеменников. Всякий день бесчестие мое предо мною, и стыд покрывает лице мое...»⁴

— Черт знает что! вот именно: ч-черт знает что!

— Что такое?

Голосов встает, бросает газету на сидение, начинает ходить. Голосов — большой, брюнет, с растрепанными густыми сальными волосами. Низкий лоб собрался в толстые складки. Старомодное пенсне в черепаховых ободках, с одним надтреснутым стеклом, не закрывает темных, гневом зажженных глаз. Над массивною нижнею челюстью выпячива-

ются разделенною грядкою крупные губы. В гневе углы их оттягиваются назад, обнажая прямые верхние зубы. Одет он в старый, бывший черным, стуртук и защитные английские бриджи. Ноги в обмотках. На ходу прилипают, шлепают обе подметки.

— Полюбуйтесь, сэра! — он очерчивает скрюченным пальцем круг на газете.

— Но я не знаю английский...

— Сэр не знает? — тем лучше для сэра!

Голосов близко подносит газету к лицу, будто желая увериться, что она издает именно тот запах, который его раздражил.

— Ведь это может случиться с вами, с кем угодно... со мной! Могли ли обратить внимание сэра на следующий факт: какие-то китайцы, черт бы их совсем побрал, избили двух белых. И когда их притянули к суду, то — как сэр полагает: чем они оправдывались?

Голосов снимает пенсне, смотрит в упор. Но у него такое лицо, возбужденно рассеянное и гневное, что я думаю, что он меня не видит. Оттянутый в углах рот выражает брезгливость:

— Сэр молчит?

— Не знаю, Алексей Ефимович, откуда я знаю?

— Они оправдывались и уверяли, что приняли битых за русских!.. Ну, знаете, это действительно: ч-черт знает что!

Опять швыряет газету, ходит мимо меня, рискуя потерять подметки. Толстые складки лба наливаются жирным блеском. Сплетенные за спиной пальцы сухо хрустят:

— Я вам, Николай Степанович, одно скажу: так дело вести нельзя. Союзнички наши заехали слишком далеко. Что они наделали хотя бы здесь, на Востоке. Знаете ли вы, голубец мой, Николай Степанович, что с начала войны и до сего дня немцы здесь находятся на положении низшей расы? Знаете ли вы, очарователь мой, сын Степанович, что мы, русские, союзнички союзничков, находимся и здесь и всюду — черт знает на каком положении? — вот вы буйной головушкой поматываете, а к чему это поведет — знать не хотите...

Действительно: я не хочу знать. Я ничего не хочу знать. Я знаю только одно простое единственное чувство. Оно зовется страданием.

Я говорю:

— Расскажите, Алексей Ефимович...

Голосов привык к тому, что я не собеседник: я слушатель. Ему надо излиться. Мне все равно. Я слушаю.

— Лига Наций! — дает вторую вспышку существующий рядом человеческий аппарат. Открывается рот, вылетают звуки. Колеблется воздух, волнами заливает ухо:

— Подумайте только — Лига Наций: мир мирови Твоему⁵ и так далее, в том же духе... — Бессмертная, как Россия, русская идея... Но, очарованный мой странник, но что же с ней натворили? Но почему в Обществе Наций нет России, Америки, Германии, Востока — да никого почти, кроме европейцев, нет?

Он уперся руками в спинку, выпятил вперед жилет. Одна пуговица висела на нитке, скучно качаясь. Голосов заслонило солнце. Я сделал движение передвинуть палубное кресло, но тот, испугавшись — уйду, — руками усадил глубже. Пуговица оборвалась, упала. Он не заметил:

— Потому нет, что они, со своим европейским национализмом, воображают, будто вожжи от мира сходятся в этой штучке... Поймите, поймите, непорочнейший сын Степанович, это воображение глухое и провинциальное! Сейчас миры соревнуют и движутся в мире, а они... От рода — к племени; от племени — к земле; от земли — к государству; от государства — к объединению государств, к образованию миров! — вот как развивается жизнь на земле... Америка — мир, Азия — мир, Ближний Восток — мир, да еще мусульманский; Океания — мир⁶, а они штучки устраивают...

— А Россия? — вырвалось у меня. Но он не слышит:

— Недавно вышла в Европе книга русского ученого. О Европе и человечестве. Конечно, и Европа — мир. Но слово он там интересное говорит: *эгоцентризм*⁷. Представьте себе: устроили саморазгром, скомпрометировали христианство, скомпрометировали белую расу и, без колебаний, продолжают видеть себя центром вселенной... воля ваша, добрый молодец, сын Степанович, а мне смешно и отвратно...

— А Россия? — повторил я живее. Его слова укололи меня, в них послышалась правда. Но Голосовым владеет мысль. Как все люди с воображением сильным и неразвитой волей, он подчиняется потоку мысли. В гневе такие люди перебирают все, взволновавшее их; выливаются страстно и чадно, чтобы, излившись, ослабеть, затихнуть:

— Знаете ли, кто сейчас лучше всех охватил положение и пользуется им? — не знаете? — так я вам скажу: япошки, друг мой, вот эти самые макаки, что нас везут... Смотрите: на войне они разжились, в войне победили, немецкие владения прикарманили, а завтра — гляди — и Тихий океан загребут. И от души им сочувствую: уж лучше пусть они, чем союзники...

— Кажется, Япония вошла в Лигу Наций? — возражаю я. — А вы говорите: Восток не входит.

Голосов вынимает огромный бледно-травяного цвета платок, вытирает лоб. Я знаю: этот платок подарили союзники:

— Япония сама себе под шумок Восток собирает. А что вошла — так почему вошла? — потому и вошла, что Америки там нет. Погодите: возьмет от Лиги что можно и плюнет, и еще свою азиатскую лигу составит.

Алексей Ефимович протирает пенсне. Глубокие красные выемки по сторонам носа придают лицу новое усталое выражение. Его голос теряет первоначальную бодрость. Он достает из кармана трубку, пачку табаку. В трубке остатки золы. Лениво шуруется по сторонам: нет ли корабельной прислуги? Убедившись, что никого нет, выстукивает трубку о каблук. Потом дует на золу, скрывая следы преступления:

— Алексей Ефимович, вы не сказали самого главного: а как же Россия?

Голосов совсем потускнел. Глубоко втягивая дым, будто глотая его, он смотрит на скользящее к горизонту солнце. Вечерние тени благообразят его, подчеркивают печальную складку рта. Когда он начинает говорить, я не узнаю изменившийся голос — я слышу печаль, торжественную, умиленную:

— Дайте вашу книгу...

Перелистывает страницы, останавливается, молчит, курит:

— Вот эти два стиха к евреям. Я разьясню их... Да, давно находятся люди, видящие в России особенный мир. Такие люди были и у нас, и всюду. Они говорят о географическом, историческом и культурном своеобразии русского мира. Но важно не только это. Гораздо важнее уразуметь дух страны и, отсюда, ее судьбу. Здесь сказано: *«поелику же дети причастны плоти и крови, то и Он так же воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть Дявола, и избавить тех, которые от страха смерти, через всю жизнь, были подвержены рабству»*⁸... Несколько последних веков жизни т<ак> н<азываемого> культурного человечества проходили в поисках выхода из этого страха смерти. Но поиски шли по таким путям, которые не могли не привести к еще более полному рабству, к торжеству смерти; к торжеству Того, Кто имеет державу смерти, т.е. Дявола... То, что вдохновляет нашу научную цивилизацию, — есть желание открыть источник жизни, чтобы потом обессмертить материю. Это — мечта всех, отпавших от Бога, и всех приводящая к одному концу: бунт, рабство — смерть. Последние годы — были ужасны. И ужаснее всех — был ужас российский. Россия умерла... Но угадываете ли вы, прозреваете ли вы, дорогой Николай Степанович, какая это смерть и к чему эта смерть? Здесь я вижу судьбу России. Судьба России в открытии главной и вечной свободы — свободы от смерти. И в новом и в вечном Благовестовании Слова...

Одним краем ушло за горизонт солнце. Скороминующий вечер угасал; таяли голубые краски, переплавлялись в фиалковый цвет. На дне темно-синей чаши золотую россыпью засияли звезды. Темный берег отодвинулся дальше — в глубину. Трубка Голосова перестала дымить. Прозвенел корабельный гонг.

— Пойдемте! — встал Алексей Ефимович, — что деется на Божием свете?

Непонятно было, к чему он относил свои слова. Но от них стало тепло. Яркий электрический свет вспыхнул внезапно. И показался лишним, грубым, ненужным. Около сходен стояла группа индусов — грузчиков угля, ожидая расчет. Молчаливые, усталые, прикрытые обрывками цветных тряпок, они изредка перекидывались короткими свирельными звуками. Сзади набежал топот босых ног. Два молодых японца, в костюмах служащих кухни, несли большой чан, на палке, продетой в ушки. Высокий индус заглянул в чан, тронул плечо японца, быстро заговорил. Японец отмахнулся, прикрикнул.

— О чем они? — спросил я.

— Трудно сказать: как будто этот длинный попросил рис, а японец отказал.

Японцы приподняли чан, за борт упала густая белая масса. Шумя, шлепнула воду.

— Неужели голод заставляет просить объедки?

— Милый мой, и я вас спрошу: неужели вы не слышали классической фразы о голодающих индусах? — Ну, повернем.

— Нет — погодите минуту...

Я принес галеты:

— Возьмите... rpenèz... или как сказать, Алексей Ефимович?

Высокий индус наклонился ко мне, выгнул шею. Всмотрелся, потом, словно задетая, но не срубленная клинком лоза, выпрямился, ликующим жестом воткнул палец в грудь:

— Русски!

Общим движением приблизились, окружили, заговорили индусы. Старик, с лицом крестьянина из Новороссии, но темнее и суше; в бороде, в желтом тюрбане сказал по-английски. Голосов кивнул головой:

— Пойдемте, добродеющий Николай Степанович... Вас бы не в Николая, а в Алексия, человека Божия, крестить надо было.

— Что говорит старик?

— Уверяет, будто развезут галеты по домам, да еще родственникам по кусочку подарят. — Это все в память вашего подвига...

— Русски... кхарашо... libert⁹ — слышалось вдогонку.

Голосов молчит. Молчу и я; и тепло и тихо волнуется грудь. О чем-то хочу сказать; о себе, об индусах, России — но знаю: лучше молчать.

На палубе пустынно, тихо. Якорь поднимут ночью, до ночи пассажиры сошли на берег. Только русские остались на борту, поют, коротают час; песнею привлекают внимание желтых матросов: обнажаются длинные зубы «на предмет покивания головой».

Вдоль и вверх несутся широкие звуки, достигают неба. В небе совершался парад.

Все небо, до глубины и края, заняли голубые доломаны сумских гусар; тесно, плечо к плечу, выстроились они; золотое шитье — звездою — блеснет на груди, растает... За ними, ниже, вытянули длинный ряд царскосельские кроваво-алые гвардейцы; немного их, но привлекается взор дивной красотой пылающего огневого сукна... Дальше и ближе, разомкнутой лавой, мчатся украинцы; легкие, как облака, телесно-розовые, словно облако в последнем луче опочившего солнца, они мчатся [на]встречу тому, кто ожидаем парадом.

Над синим береговым лесом цесаревной юной плавно поднялась луна. Замерло небо, побледнел парад, отцвел, застыдил. Выше и выше, одна без свиты восходит цесаревна вселенной. Никто не окружает ее, не соревнует единственной ее красоте. Умолкла всякая тварь, притаилась земля, смирились волны, небо не стало дышать: весь мир глядит на нее и поклоняется ей в восторге — творит молитву.

Затихнет и новой стрелой взовьется ладная песнь, плавно поднимается к небу. А в небе — стоит Цесаревна.

— Цесаревна... — медленно произношу я. И это слово воздымает иные чувства и мысли: стальная пружина — сильно и властно развернулась кольцом, твердо укрепилась в горле.

Внезапный холодный порыв скользнул по щеке, тронул корабельные снасти. Я оглянулся: неслышно, но грозно и жутко набегала на небо тьма. Была она вся как туча александрийских черных гусар — гусар смерти в атаке. Черные гривы коней взвились ураганом. Черные трубы сверкали мгновенно, бросали черные звуки — и звуков не было слышно. Трепетным золотом разбежались звезды, и вот — не осталось ни одной звезды у ног Цесаревны.

Я видел: умирала луна, злопобежденная тьмой.

Тьма победила небо, запретила земле и морю; ослепила глаза — из тьмы зываю:

— Господи — изведи из темницы душу мою...¹⁰

III. Он

Нестерпимо голодный, я выбрал глухой переулочек, остановился около пестрых афиш. Вынул из кармана хлеб. Редкие прохожие стучали за спиной по тротуару. Издалека неслось гроыхание трамваев, цоканье тяжелых подков.

Курчавый мальчик, с перевязкой через плечо, поддерживающей его короткие штанишки, катался мимо меня на двухколесной узкой дощечке. Не рассчитав, он сбился на мостовую, упал. Я обернулся помочь, но мальчик поднялся, свистнул, покатил дальше.

— Как легко и просто, — подумал я. — Я — был таким. А теперь?..

Страхнул крошки, вздохнул: надо идти. Идти, искать работу бездомному, голодному человеку. О, жизнь... Жизнь? жизнь? переспросил я себя. Усмехнулся: *там*, думал я, я, и умирая, жил; а здесь — живу, умирая. Какой смысл? Для чего и кто это так устроил?

Часто и сильно застучали в стекло. Против меня, через улицу, за окном — горели люстры. Там стоял человек; я видел, как корчилось его лицо в смехе; растягивались, перемещались зеленые тени.

— Он надо мной смеется, он видел, как я жевал хлеб, — подумал я. — Проклятие всему и всем: за все, что я вынес, Ты посылаешь эту муку?

Быстрым шагом я повернул за угол, попал в большое движение. Люди, автомобили, трамваи обгоняли меня, неслись навстречу. Уличная суэта отражалась в зеркальных витринах. Между автомобилями и шляпками проглянула моя фигура.

Остановился. Крикливо, бездарно, но с издевкой неприкрытой и наглой зевало витринное чрево. Груды мяса — всех видов, бутылки — всех красок, фрукты, сыры, консервы — все вопило о том, как жирно и тупо радуется обладание ими. Хотелось обонять, коснуться, куснуть. Напряглись нервы.

По нервам ударил стук: на углу остановилась пара. Безногий, слепой, обожженный сидел на колесном кресле. В руках рыдала гармония: кто-то оставил ему руки, чтобы плакать. Другой — прислонился к стене, приладил скрипку. К деревяшке правой руки примкнул он смычок — и полилась песнь. Она пела простое, единственное чувство: она пела страдание.

Огромный, пламенный, весь в рубцах и зазубринах гвоздь каждым звуком — как молотом — вгонялся внутрь. Разрывалась грудь, мертвело от боли горло. А пламенный гвоздь входил все глубже, забирал выше и вот — прободал темя. Горячая кровь хлестнула глаза: бить, бить, коверкать все, что есть; все, что Ты сотворил — Ты, Ты — Ты делал, Ты виноват во всем...

Шатаясь, подошел к витрине:

— Плюнуть и бить — не хочу, отвергаю все деяния мысли Твоей.

Бледный лоб отразился над сыром. Бледный лоб приблизился рядом с ним. Заблелдела рука. Бледный лоб качнулся, замерещил, удвоился: стало два лба.

— Проклинаю...

На плечо опустилась сухая костистая рука:

— Недурно устроено, что?

Я обернулся. Высокий, узкий, чуть склоненный вперед, улыбающийся — это был тот, смеявшийся в нетрепетном пламени люстры. Гладко выбритый, обтянутый модным костюмом, он весь казался выточенным и отполированным рукой искусного мастера. И его близость ощущалась близостью гладких поверхностей полированных граней.

— Вон в те сады, — сказал он, — посидим, пообщаемся.

Он говорил таким тоном, будто мы давно порешили встретиться и говорить; и будто то, о чем мы будем говорить, известно и интересно нам обоим. Подошли к скамье, опустились:

— Прекрасное местечко... угодно? — он держал в руке сигару, толстую, длинную, как хвост черной собаки. Я покачал головой.

— Ах дурашка, дурашка! Ну зачем злиться, кого-то в чем-то обвинять... Ведь сами во всем виноваты, сознайтесь...

Перед скамьями на песчаной площадке играли дети. Малышка лет четырех, в бледно-сиреневом платьице, пышном, как осыпающаяся роза, сама похожая на лепесток, — выдумала свою игру. Она становилась на колени, вытягивала ручки на песке, отворачивала головку. С лицом, застывшим в улыбке, к ней приближался карапуз, семена толстыми кривыми ногами. Подойдя к девочке, он поднимал руки и лишь только собирался их опустить — поймать, — как маленькая шалунья вскакивала и легким лепестком перелетала на новое место. И снова начиналась игра.

Девочка подбежала к скамье — спряталась. Медленно, враскачку, карапуз подошел к ней. Но его руки остались вытянутыми вперед. Узкие от смеха глазенки округлились, остановились. Углы рта концами месяца упали вниз.

— А-а-а... — закричал мальчик.

Девочка быстро вскочила, взглянула на скамью, на нас и, закрывая, как курица крыльями, своими пухлыми руками мальчика и снова бежа, — скрылась на противоположном конце, среди детских колясок и няней. Около нас сделалось пусто.

— Ни в чем я не виноват, — тихо сказал я. — Зачем вы смеялись?

— Да, да, да, да; конечно, конечно! — он заторопился, будто испугавшись, что я обижусь или уйду. Пальцы, державшие сигару, затрепетали. Это были длинные, сухие, без мяса, обтянутые кожей суставчатые пальцы. Загибы острых ногтей казались твердыми, отточенными, янтарными:

— Ни в чем не виноваты, абсолютно! Виноваты те, что мозги выкручивают. Мозг всегда виноват. А вы — искренно, я знаю... Искренно, но... напрасно. В самом деле — что за идея: лучшие годы, лучшие и невозвратимые — заметьте это: *невозвратимые*... А для кого, во имя чего?

— Вы же знаете: спасти *их* хотел... — Для России.

Было мучительно объяснять *ему*: «Сам лучше меня все знает, — думал я, — и лезет. Ведь не поможет».

— Спасать! — Радуйтесь, дурашка, и веселитесь, что номер не прошел. Ведь по-настоящему, для пользы дела, для укрепления основ *их* дважды следовало бы пристрелить! Да не так, как то, тайком, в углу, а всенародно, на плахе, обстановку сочинить, вот как... О результатах, о будущем подумайте — сюда глядеть надо: в корень.

Он повернулся ко мне всей грудью. Осторожным подкрадывающимся жестом взял снизу мой подбородок, приподнял лицо. Я чувствовал жесткость и холод каждого его пальца отдельно. *Он* смотрел в мои глаза своими холодными, без блеска, темно-зелеными глазами. Нервные ноздри раздувались и падали. На желчных белках проступили красные жилки, похожие на условные змейки рек топографической карты:

— Слушайте и рассуждайте: вы *их* спасли...

Дрожащий мизинец вонзился в мою щеку:

— Позорная жизнь, дрязги, погибшее царство, погубленное царство!.. а впереди? — знаете, чем иные принцессы занимаются?..

— Не смей! — я схватил *его* руку.

— Слушайте и рассуждайте! — грозно перебил *он*, оторвал руку. — Второе...

Второй палец — прямой, ледяной, острый — впился в меня:

— Второе: *они* погибли. Вчера погибли, сегодня о *них* молятся, а завтра — завтра объявят мучениками, угодниками, святыми! Ясна перспектива? Тут основа такая положена — на столетия... А вы там: «виноват — не виноват» — дурашка...

В вершины деревьев окунулся ветер. Побежали волны по листьям. Крохотная остроносая птичка разноцветным камнем спорхнула вниз, прыгнула раз, другой и поднялась ввысь, к небу. Два толстых господина, в котелках, с палками, с нависшими животами, заняли место рядом. *Он* опустил свои руки на колени, обернулся к ним. Оба господина откинули назад котелки, застучали палками о землю, заговорили. *Он* направил на них два острых холодных клинка своих глаз. Оба господина встали, взяли под руки, ушли...

— Но лучше всего то, — раздумчиво и плавно продолжал *он*, — что и Ленина, пожалуй, в святцы запишут. Крестятся на мавзолей и свечи ставят уже теперь, слышали?.. А на днях один мой приятель, такой же вот мечтатель, как вы, со слезами жаловался: его племянницу *Владеленой* нарекли. Красиво звучит: *Влад-е-лен, Влад-е-лена*. Войдет в моду: ясно, как день... только не сердитесь... Чего ж сердиться, таков уж народ — диалектический. Не переделаешь...

К вечеру дети ушли. Площадка затихла. От конических горок песка по земле потянулись скучные, безвольные тени. Какой-то ребенок оставил

на песке игрушечного голого человечка. И он лежал, одинокий, затерянный, забытый, на холодеющей потемневшей земле. Голый человек в голом поле. Такой же, как я. Должно быть, и ему так же зябко и пусто, как мне, и кажется ему мир пустым и мертвым. Две слезы стекли по щекам, соединились под нижней губой.

— Не переделаешь... — повторило во мне внутреннее эхо.

— А между тем, — оживился *он*, — посмотрите: мир прекрасно себе существует без *них* и без России: слушайте! — И *он* загорелся. Рука, схватившая мою руку, была в огневице. За длинными, загнутыми вверх ресницами мерцали зеленоватые светлячки:

— Мир прекрасно себе существует!.. Хотите? Кем вы хотите быть? Чем обладать? Я вам найду такую дорогу, поведу к такому счастью, что вы ослепнете, захлебнетесь!.. Вы любите лошадь? — извольте. Я вам достану коня. Нездешнего, безумного коня. Вы будете первым спортсменом в мире — это больше, чем быть царем или папой! Сотни тысяч людей сбегутся глядеть на победу. Вы — соберете миллионы! Не будет равного вашему коню, не будет никто знаменитее вас... Золото, любовь, слава, обладание изумительнейшим чудом вселенной... Слушайте, разве есть счастье выше?! — слушайте, слушайте...

Я услышал звонкий горделивый топот. Блестящий белый конь, гигантского роста, с головой нежной и грозной, с ногами, выкованными из мечты, — вздыбился передо мной. Легкий атласный хвост роскошным султаном отделялся от крупа. По высокой ровной спине пролегла узкая темная лента. Могучее дыхание тонких круглых ноздрей обдавало жаром. Я вспомнил Короля коней, Белого Мустанга прерий, о котором плакал и молился в детстве.

— Вот он! Хочешь?

Я встал. Дрожащие колени подгибались. В груди вспыхивало, потухало и вновь разгоралось нестерпимое пламя. Я хотел сказать и не мог. Поднял руку, приблизился. Белый Конь опустил на все четыре высоких, словно перламутром отделанных, копыта. На нем появилось седло.

— Садись, садись, садись... — свистящим шепотом звучало над ухом. Казалось, оба они — и Конь, и *он* — горят, извергают пламя, опаляют спину и грудь.

— Садись...

Я взялся за стремя. «Господи, благослови», — сказал я и перекрестился. Белый Конь отпрянул и, безумный, пышущий жаром, вздыбился. На его широкой груди зачернел страшный знак — невиданное, не чистое тавро. Заостренные уши опустились, выросли, замохнатились, стали ушами черного козла.

— Сатана! — крикнул чужой сорвавшийся голос. Конь задрожал, расплылся черною тучей. Из тучи вылезла козлиная морда, разинула зев и засмеялась человеческим смехом.

Похолодело омертвевшее тело. Смерть, смерть, смерть — стучали в висках жилки.

Кто-то сзади ударил тяжелой палкой по коленам. Они подкосились: упал. Под лбом я ощутил гладкий холодок — это был человек-игрушка. Одним плечом я зацепил куст, и куст ожил, затрясся. Из него вышел голос — настойчивый, гневный...

Я поднял голову. Дальний фонарь отразился в бесчисленных глазах мундира. Стальной блеск уколол зрачки.

— Где он? — спросил я.

— Гдэ, гдэ, — повторил мундир, — рус!

И прибавил непонятные фразы. Махнул коротким черным хвостом. Удалился.

С головой горячей, наполненной тысячью колоколов, я пошел по аллее к выходу.

Что там забыто? — спрашивал я себя всю дорогу. И подойдя к ограде, за которой жил, вспомнил: «Ах, зачем я оставил его одного, там, на песке...»

IV. ПОСЛЕ СМЕРТИ

Владыка обходил больницу, останавливался около русских, благословлял, раздавал подарки. Никто не говорил ему, где лежат русские. По каким-то особым чертам, внутренним чувством, он безошибочно узнавал своих. Владыка иногда объяснял:

— У всех у вас, бедные мои страдальцы, в глазах есть что-то такое...

А что — не говорил.

В первый раз он, подойдя ко мне, положил руку на лоб и утвердительно кивнул головой:

— Ну, сыне мой, с тобою у нас будут разговоры...

Благословил, приложил к губам крест, отошел. Но то, что Владыка без слов как будто угадал смуту души моей, озарило меня и привело к надежде... «Он знает, он научит, укажет», — думалось мне в долгие часы одиноких мечтаний: «Зачем же не идет, ведь знает, какая здесь тоска, *какая тоска* гложет мое сердце».

Потом Владыка пришел под вечер:

— Спросил врача; говорит: скоро и встанешь, и выйти сможешь... Потерпи, сыне, успеешь...

Большая, чуть дряблая, теплая старческая рука опустилась на сердце. Редкие серебристо-русые волосы свисли на плечи, вперед. Тихо, чтобы никто не слышал, добавил:

— Успеешь покаяться.

В открытом окне виднелись медленные, стерегущие небесную ширь облака. Молодые листья деревьев, принимая друг к другу, нежно трепетали на зыби ветра, шептались о неведомых тайнах. Снизу, от клумбы, вился еле слышный сладкий аромат. Я подумал: «Это нарциссы... и там, и там скоро зацветут нарциссы, и там расцветет весна...» Иная весна пригрезилась мне: фронт, ранение, госпиталь, царственные Сестры и их Мать, омывающие мою кровь.

Усилием воли перестал думать.

Владыка откинулся на спинку стула, глядел в окно. Его взор, неподвижный, бесстрастный, уходил куда-то ввысь; выше деревьев, выше облаков... Куда? — куда?

«Как хорошо, — думалось мне, — что он такой старенький, что от него струится любимый с детства запах ладана; и что он не спрашивает, кто я, откуда, а сам узнает, *какой я*... “Успеешь покаяться” — так просто и легко сказал “ты”; и откуда он знает, что мне надо каяться?..»

— Прости. Пора... — Владыка поднялся. — Встанешь, сам зайдешь, скоро не буду. Мир ти...

Глаза у него прозрачные, светло-серые, голубые; в грядках: будто отсеянный голубой песок, нежный, атласный, всколебленный ветром. Нависли густые брови; строгим, в меру чинным, спокойным устроят чело. А в глазах — прозрачных — голубая глубина. И из нее исходит свет добрый.

Прошло много дней. Хоронили мужа высоких исканий, озарений духа. Мужественный, он пытал Истину бесстрашно; был жрецом и воином Истины. Крылатая его мысль возносилась к Богу, и ему было дано закончить подвиг испытания своего проникновением в тайну, свидетельствуя:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога¹¹, —

— заключил он свое последнее слово к людям... Отпели певчие. Заговорили надгробные речи. Тяжело и трудно раздавались они над прахом, тяжело и трудно рыдали в рядах. Отошел последний сказавший. Приблизилась к гробу странные черные фраки. Вдруг из рядов вышел старец. Больной, тревожный, он видом был близок смерти. Ветер развеивал с прожелтью седую бороду. Сухие пряди волос волновались над бледным

лбом. Под сотнями расширенных страданием глаз приблизился к гробу. Черные фракы замерли у краев...

— Т-ты... — вынеслось вздохом из груди старца. Он поднял руку к горлу, оттянул тугой шерстяной шарф. Обнажилась исхудавшая шея: изнуренная, жалкая, мертвая, как у распинаемого Христа:

— К тебе... — И рыдания загородили слово. Он пал на гроб, и возопил, и заплакал, и замолился в голос. Склонились к земле ряды. Стало тихо, как в гробе. Стоявший впереди певчий закрылся платком. А крайний отвернул лицо, и было видно, как сжимается и разжимается его челюсть, сотрясенная плачем. Комья земли осыпались в могилу, неслышно падая на дно. Там, на дне — возляжет прах человека.

От свежевзрытой земли шел сыроватый земляной дух. Свежевзрытая земля казалась *той* — первосозданной землей... и казалось: из земли был сотворен человек.

Владыка взошел на доски, пересекавшие угловатую тьму могилы:

— Возлюбленные о Христе!.. — звонким, тягучим, металлу подобным голосом, звеня струной каждого звука, обратился он... И был он весь, осветленный весенним солнцем, в печальных одеждах, в дыму кадильном — подобен древнему иерарху Царь-Града:

— Не праздников праздник, не Воскресение празднуем мы ныне. Но купно совершаем торжественное торжество. Се предается человек земли, из нея же бысть сотворен. Се пред Богом всесильным предстает ныне человек и суд страшный последний ожидает. Плачем и рыданием провожаете вы, возлюбленные, новопреставленного сего раба; тоскою и стоном окружили прах. Но радуется и веселится душа его, уведавшая своего Творца, и чает обетования Божия... Истинно глаголет апостол: не воскреснет, аще не умрет¹². Да не будем, возлюбленные, рабами Дявола, да не одолеет вас страх смертный. Но возблагодарим Создавшего нас, и да уповаем на неизреченную милость Его, пославшего человеки в мир, их же воскрешающего по успении. Благословение Божие почует на вас, возлюбленные о Христе. Аминь.

...Вместе с Владыкой — Владыка простил и разрешил меня после моей болезни, и вскоре приблизил к себе — я вернулся домой. Владычный служка — веснушчатый, кроткий, безгласный юнец, которого возлюбил Владыка «за смиренность», приготавливал вечерний чай: в передней шумела горелка. И были эти первые звуки мира после погребального чина не-приятными духу, чужими.

Владыка махнул рукой:

— Погаси...

Прошел к себе, опустил в молчании на кресло. Наступила странная тишина. Безгласный служка приблизился к нему, сделал метание. На во-

прошающем белом его лице крупно рдели веснушки; собранные в горсть белые руки потянулись ввысь:

— Владыко, благослови...

Владыка обнял его голову, прижал к груди. Тихие слезы упали на рыжеватую голову служки, исчезли:

— Всех призовет Господь, все ответим Ему, — прошептал Владыка. Он поцеловал служку, благословил, отпустил:

— Иди, чадо милое, займись своим чаем...

Я подошел к столу. Два письма, одно — толстое, с незнакомыми марками, Владыке, другое — из Франции — мне, лежали поверх газет¹³.

— Что там, Николушка, письма?

Владыка распечатал письмо, начал читать, заволновался, передал мне:

— Читай, Николушка, отсюда... что-то глаза мои...

Он прикрыл рукою глаза:

«...И еще сообщил нам прибывший в монастырь наш ходок из России, — читал я в голос, — что, как и при земном бытии блаженные памяти Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, так и в нашей скороминующей прелести бытия не оскудевает благодать Божия на Церкви Российской. Еще до успения Святейшего Тихона утвердился обычай перед лицом Господа и церковных людей в храмах московских от людей и чина духовного покаяние в грехах Господу Богу приносить. Сердечными очима чистоту покаяния прозрев, Патриарх грехи разрешал и на исповедничества подвиг благословлял. Иных же, от рода лукавого, отвергал. Ныне же подъяется подвигоположение сие во всей земле. Матеролюбно воздвигаются храмы, и древние не опустевают. Во одоление греха, чистотою и иночеством, и мучением за Христа, и благодарным терпением воспламеняются: в нужде и узах, в темницах; самовольною нищетою и странствием, и богомудростным претворения юродством, и бездомствием во отечестве Бога славят и иными подвигами паче песка умножишася и никто же может счесть их. Слышим, что и в чужеземствии, в рассеянии сущие богоутвержденно Крест свой несут. И радуемся, и свидетельствуем: сопогребенная Христу отчизна с Ним же совоскресает. Душетленное неверие мимоидоша, новая же возвещается. В светлопобедительном сиянии Церкви Православной зрим свершение пророчеств о русской земле. Верим и уповаем: провоссияет слава Господня по всей Вселенной чрез радостнотворные подвиги воскресающей нашей страны. Велика благодать Господня, и кто доволен изглаголати силы Ея?»...

Владыка тронул мою руку, остановил:

— Погоди...

Он сидел в обычном своем положении, откинувшись, вытянув усталые больные ноги; обеими руками придерживал на груди крест. От окна

тянулась узкая наклонная полоса — свет близкого к земле солнца. Тихо светился крест, улыбался Владыка, всматриваясь в даль, открытую только ему.

— Погоди, дай подумать...

Я отошел. Второе письмо было мне, от Голосова. Он писал из Парижа, называл меня по-старому «сыном-Степановичем», «добрым молодцем» и еще иначе, по-своему. «Наслышан также, — писал он, — о подвигах Ваших и одобряю всемерно настроения Вашей души. Да, правда, что “инок спасет Россию”¹⁴. Но не одни иноки нужны Ей; нужны гражданские львы и воинствующие патриоты. Я собираюсь...»¹⁵

Позади глухо стукнуло об пол: Владыка опустился перед киотом:

— Тайну, тайну... тайну смерти приоткрываешь Ты, Господи... — шептал он, простирая руки. В темном углу теплилась лампада, освещая иконы. За дверью дребезжали стаканы, падала горячая струя чая. Я хотел выйти, не мешать молитве, но никакая сила не могла сдвинуть меня. Что-то незнакомое и сладкое поднимало грудь, и в груди зачалось неведомое, невыразимое брожение. «Откуда *это* и что *это*?» — теснилось в мыслях, и мысли не отвечали, не приходили слова, ибо и нет слов, чтобы выразить *это*. Незнакомое, но не чужое, свое, всегда бывшее и разлитое всюду — трепетало и рвалось... «Господи, что же *это* такое?» — повторял я, изумленный. И никто не отвечал мне, и уже не было нужды в ответе: я сам узнал, что *это* и есть то, в чем жизнь; что, родившись, не умирает.

Владыка, долго не поднимавший голову от пола, простер руки. Часто крестясь, припадая к земле и поднимаясь, он запел хвалебную песнь:

— Хвалите Имя Господне, хвалите рабы Господа...¹⁶

То, что возникло во мне, толкнуло меня сильно и безболезненно, поставило на колени рядом... «Да, хвалите, хвалите; хвалите за все; хвалите за жизнь и за смерть, ибо жизнь есть смерть и воскресение... хвалите...»

— Алли-лу-ия... — повторял позади служка. Тонкие, слабые и милые в своей слабости, будто издалека идущие, вносил он высокие ноты. И казалось, что это не рядом поет мальчик; не тот, которого можно увидеть, обернувшись, — но достигает хваление тех, кто там — в просторах степей; и тех, кто там — в просторах небес.

— Благословен Господь от Сиона, живой во Иерусалиме...¹⁷

Живый, т.е. живущий, распинаемый и воскресающий... И вся Она со-распялась, чтобы воскреснуть: Голосов говорил правду...

И Она, и все, и они — все прошедшее впереди...

— Алли-лу-ия —

воспевалось от земли к небесам¹⁸.

ЛЕМНОССКИЕ ВСТРЕЧИ

Хмурое небо вело атаку на море. Накоплялись густые, хмурые тучи и, извергая дождь, кидались на волны. Волны сердито взметали пену, угрожая безвидным небесам. Если бы поставить человека между морем и небом, он бы не угадал, где что: все было бешено-мрачно, жутко-пустынно, страшно.

Среди волн выступали очертания острова. Формы его напоминали человеческое сердце. На острове в белых домах-палатках ютились люди. Это были белые изгнанники...

* * *

Перед палаткой, на склоне размякшей горы, в ямке, обложенной плоскими камнями, тлел огонь. На огне никак не вскипало ведро: варили чай.

— Станица, а станица, — сказал кашевар, обращаясь к палатке, вход в которую был задернут от моросившего дождя пологом:

— Хворостники бы, а?

— А что, потухает?

— Тухнет!

В палатке заговорили. Никому не охота идти под дождем собирать колючий кустарник. Но чай — отрада человека. Пospорили, нарядили двух казаков. Поплелись в гору две склоненные фигуры.

В палатке, головами к центральному столбу, ногами к стенкам, по радиусу, веером расположились ее обитатели. Тонкая соломенная прослойка оберегала тела от земли. Шинели служили одеялами; а у иных одеяла шинелями.

Подушек не было ни одной. Обходились свертками белья или какого-нибудь тряпья.

Старый казак Фотей Игнатъевич приспособил вместо подушки бидон: в бидоне из Константинополя на Лемнос воду привез: верил слухам, что на Лемносе воды нет.

Воду, как приехал, вылил; а бидон пригодился — подушка. — Рядом с Игнатъевичем лежал фельдшер Гаврилов, больной в жару. Он — то бредил, то смеялся.

— Да сколько же нас здесь? — спрашивал он.

— Двенадцать, — степенно отвечал дед.

— Ишь, понаперло, на другой бок не повернешься... и откель они берутся? — полегли, как черва... а червонная краля да шестерка крестей... крестов-то! — всё летчики...

Гаврилóв ходил на тот конец лагеря к хуторцам в карты играть. Припустил дождь; забежал Гаврилóв на кладбище (англичан там много лежит, больше авиаторов: кресты из пропеллеров¹), думал обождать. А дождь ждать не любит. Прибежал к себе весь мокрый — до лампасов вода дошла, потемнели. Игнатъич ему говорил:

— Скидай все, в адамовском виде на койку ложись!

Не послушал: высохнет, дескать, — вот и высохло.

С того боку от фельдшера место пустое: хозяина нету — где-то гуляет.

В ожидании чая перекидывались скучными фразами: о том, что поедается народ тифом и поносом; о вшах, которым нынче раздолье; о том, как хорошо было бы удрать к Кемалю; будто уже сформировал Кемаль казачьи сотни; и будто казаки пугают «греков-пиндосов» пулеметами на тачанках².

Голоса гасли, и гуще нависала тьма. По натянутому полотну барабанили капли; скрипели веревки под ветром.

— Слышь ты, у кубанцóв, говорят, еще хуже нашего; у них, говорят, хтой-то шинель на хлеб променял...

— А я сам видал, как у французов в отбросах рыбы головы, да апельсинные корки собирали: одно слово — голодает народ...

Какой-то самодельный лагерный стихотворец на мотив «Ты Кубань, ты наша родина» придумал новые слова:

Ты Лемнос, ты наша каторга,

Иностранная тюрьма...

Эти слова затянул было чурбатый урядник и остановился.

— Чего ж ты, играй, не бойся.

— Не запомнил.

От костра закричал кашевар:

— Чайку, чайку кому?

Бодро загремели жестяными кружками — ручная поделка из консервных банок; засветили огонек: свеча нашлась у деда; деды народ домовитый, запасливый.

Чубатый урядник принес три кружки, дымящиеся черным паром, вынул откуда-то галеты, сахар.

— Отец дьякон, ваше благородие, чаюху пить, — обратился он к двум с головами укрытым фигурам. Разом встrepенулись ноги в обмотках и танках, упала на колени шинель: поднялся о. дьякон Геннадий Глубоководский:

— Чаюху? — радостным басом переспросил дьякон. — Велелепное же и благоутробное дело. Вставай, есаул!

— Вставай, ваше благородие, — поддержал урядник.

Но есаул не поднимался:

— Да я не сплю.

— А не спишь, так вставай, простынет.

Вернулись посланные за колючкой. Подкинули в огонь, поставили другое ведро. Смачно тянули горячую влагу, обжигали о жечь губы.

Палатка быстро нагрелась. Ветер налегал, колыхал густой воздух, но уют от свечи и чая не разрушался ветром.

Дед Игнатъич расправил усы, провел рукой по благообразной староверческой бороде, истово перекрестился двуперстием, подул на кипяток, хотел отпить, но опустил кружку.

— А где есаул Иван Филипыч Могутов?

— В штаб, должно, пошел; новостей принесет, — отозвался урядник.

В тишине звучно стучал частый дождь, резче толкался ветер. Издалека доносился странный звук: будто крик, или стон, или смех. И оттого, что этот звук силился перекричать ночной ветер, и обрывался, и замирал, оттого, что ожидавшееся всеми как нечто необходимое и должное — чаепитие — уже наступило и прошло, — от всего этого стало печально и пусто. Медленно, со вздохом и пусканьем сквозь усы воздуха, пил чай Игнатъев; и всем надоело слушать его нескончаемое смакованье; всем хотелось оборвать его звуки, сказать что-нибудь вроде: «Да брось ты надуваться этим кишкомоем!» — ...всем хотелось разойтись, не видеть хоть минуту друг друга; хоть минуту побыть самому, без помехи подумать о себе, о доме, о Боге... Но остров, похожий на человеческое сердце, окружен волнами морскими — никуда не уйдешь. И сжималось в тоске человеческое сердце, окруженное людьми и морем...

За палаткой послышалось четкое мерное топотанье. Раз — раз — раз... раскидывали грязную жижу чьи-то твердые смелые шаги. За десятки сажен можно угадать, что такой поступью может ходить только сильный человек, с решительной, бодрой душой.

— Есаул, есаул! — закричал урядник.

— Чайку Ивану Филипычу, — засуетился дед и бросился к выходу за вторым ведром.

— Гряди, гряди, Иоанне! — рыком звериным разразился дьякон. Всё в палатке пришло в движение. Фельдшер Гаврилóв приподнялся на локте.

Согнувшись вдвое, роняя с фуражки дождевые капли, в палатку вошел есаул Могутов. Он был не только высокого — невероятного роста. Самая большая английская шинель казалась на нем курткой.

Пламя свечи отразилось в больших темных глазах; между его чистыми, крупными зубами, казалось, застрял и струился смех.

Кашевар втащил в палатку новое ведро:

— Давно готов, тебя, Филипыч, ожидали.

Дьякон схватил Могутова за полу шинели:

— Давай тютюн³; тютюн вар?

— Есть тютюн и эк-мек⁴, и чай, и сахар, и даже газеты.

— Мно... — начал было многолетие дьякон и поперхнулся пачкой табаку, которую Могутов втиснул ему в рот.

Дед Игнатъич стащил с есаула шинель и повесил ее на гвоздь, вбитый в столб. На есаульские плечи накинул кожаную безрукавку. Чубатый урядник приладил дедовский бидон вместо стола, поставил на него чай. Улыбались усатые лица; все двенадцать жильцов сгрудились в палатке. Есаул Кабатенков начал расспросы:

— Говори, есаул, что в штабе слышать?

Могутов допил кружку:

— Что слышать? В штабе ничего не слышать, а вот газеты из Константинополя привезли, одну — немецкую — с собой захватил. Интересные дела делаются, ребята. Везде жизнь, только вот мы тут вшей кормим, французские харчи жрем... Эх, был разговор, да разговором и окончился, слышали? — с Галлиполи хотели на Константинополь наступать, вот бы дали пить европейским друзьям!..⁵ Ну, да не о том речь.

Иван Могутов недаром вызывал любовь и притягивал внимание. Находившиеся с ним люди не знали уныния и скуки. В любой момент и на любую тему он мог говорить часами. Окружающим казалось, что он знает все и что нет такого вопроса или дела, которым бы не занимался гибкий ум есаула.

Быстрый поток мыслей раздражался потоком слов. Не надо было просить его говорить, надо было лишь слушать.

— О чем же речь? — спросил о. Геннадий, протягивая Могутову готовую папиросу.

Могутов прикурил о свечу:

— Бери, кто курит. Ты, брат дьякон, не мне одному предлагай...

— Так вот, немцы пишат, французские власти на Рейне потребовали, чтобы для солдат оккупационной армии были открыты публичные дома. Видали вы их?

Дед Игнатъич только головой покрутил.

— Живут они там недурно, не так, как мы: во дворцах и отелях. Один дядя приказал истратить полтора миллиона марок, только чтобы отремонтировать себе дворец в Кобленце... Да, братцы, не так живут, как наш комкор — в дырявой халупе.

— А могёт быть, немцы и брешут, — неожиданно отозвался молчавший до сих пор фельдшер, — не всякому слуху верь.

— Ну, ну, ты бы, клистир, молчал, — обиделся за Могутова кашевар. Но Могутов кистью руки остановил его:

— Конечно, могут и прибрехать. Но главное не в том; главное в том, что союзники живут, как хотят, а нас к свиньям под хвост посылают. Главное, Гаврилов, видишь в чем: еще когда заключали в Париже мир⁶, французские министры считали, что заключенный мир есть способ продолжения войны. И на самом деле так и было: большая война кончилась, а малые продолжались, и сейчас идут. Вот тебе Рейн — войска союзников сидят на немецкой земле⁷; в Силезии и Померании — опять же союзники; делят: что Германии, а что Польше отдать⁸; ну, а как союзники через греков с Кемалем воюют⁹, это ты и сам знаешь. Вот теперь и понимай: а мы-то что? Союзники мы или нет? — Конечно, когда мы дрались с коммунистами, так мы прежде всего за Россию дрались...

— И за Дон, — поправил Кабатенков.

— Дон не Россия, что ли, ты, голова?! — Но вместе с тем, — продолжал Могутов, — мы делали общее, общесоюзническое дело. Коммунистам немцы помогали, значит, мы и с ними дрались. Теперь и считай: на Рейне — союзники, в Силезии — союзники, в Турции — союзники. А как до России дошло — баста. Спина к спине и дружба врозь. Что б им было вместо своих черных негров, «араб-алжир», «араб-тунис» и других красавцев нас бы на Рейн послать? — вот ты и сообрази: когда в союзе, а когда нет.

— Предивное же и пренеобыкновенное глаголешь, — пробасил дьякон.

Порыв ветра опять донес чей-то заунывный стон, не то смех — не разобрать было. Дождь перестал. Догорала свеча. Плотный дым с запахом селитры проедал глаза.

— Умирает кто-нибудь там? — спросил Могутов.

— Рожает, — нехотя возразил фельдшер.

— Чья такая?

— Подхорунжего Алшевского жена... гундоровца.

— Нет, ты вот чево скажи, Иван Филипыч! Ты, Иван Филипыч, вот чего объясни, — раскачивался дед, — ты с другого боку зайди... что б это было, скажи, ежели бы французы, али там англичан какой, али другой кто, у нас на Дону али где бы то ни было в России спасенья, скажем, искал. Ты, Иван Филипыч, с этого боку зайди...

Слова Игнатъича произвели впечатление. Игнатъич неспроста тянул да выматывал. Могутов привскочил:

— Да уж никаких Лемносов Россия бы не устроила, за это будь покоен. Во-первых, их разместили бы в столицах и лучших городах. Во-

вторых, если бы правительство не приняло их войска в нашу армию, общество устроило бы их так, что они и родину свою позабыли. В-третьих, в любом городе, в любой станице приняли бы их лучше лучшего: и поили, и кормили... Да что считать? Что и сравнивать? Почувствуй, братцы, звучит-то как могутно: *Россия!*

— Стой! — завопил дьякон. Он наклонил голову, взмахнул локтями. Мелькнула рубашка в прорехе мундира. И когда замолкли изумленные обитатели палатки, он, балансируя локтями как ворон, осевший на гибкую ветвь, хватил:

— Благоденственное и мир-ное житие... здравие же и спасение... и во всем благое поспешение, на враги же победу и одоление... подаждь, Господи, страждущей Родине нашей и сохрани ю на многая лета...

— Мно-огая лета... — трижды нечеловеческими голосами, голосами, которые только раз в жизни звучат так неистово-мощно и грозно, пропели «Многая лета». Могутов приказал уряднику:

— Пойди, доложи командиру, что у нас шумели. Скажи: не пьяные, а так, мол, по случаю.

Старый Игнатъич с лукавой усмешкой выжидал, когда утомонятся. Потом начал тихо и важно, с полным убеждением, что его будут слушать и слушать с удовольствием:

— Видишь ты, Иван Филиппович, когда это, знаешь, мы с турками за болгар воевали¹⁰, так турок этих по России, видишь ты, в каретах провозили. А наш брат — раненый, скажем, и подводе рад... Так вот оно и выходит: всяк мне мил, а себя забыл. Ты, Иван Филипыч, у нас, выходит, атаман, голова. Вот и рассуди: всегда, то-ись, этак будет?

Могутов молча кивал головой за каждой фразой деда. Ему казалось, что он слышит себя, свои мысли. И отвечая, он отвечал не столько деду, сколько тому, что давно наболело в нем, просилось наружу:

— Был у нас в России писатель, Лев Толстой, слышал, должно? У него один солдат описан, Платон Каратаев. Этот солдат как-то сказал: «России и лету союзу нету». Не думаю, чтобы случайно он это сказал. В то время, как и теперь, Россия в больших делах участвовала, силы много положила. А вышло так, что никакой особой выгоды не нашла... В то время был у царя советник, писал он царю: не надо России с другими державами иных связей иметь, кроме торговых...¹¹ Похоже, Игнатъич, наше время на тогдашнее, а чем все кончится — там знают... — Он показал на небо.

Свеча начала мигать. Уставший за день кашевар заснул на чьей-то вытянутой ноге. Фельдшер давно не слушал, решив, по-видимому, что говорят о пустом и что до карт дело не дойдет. Есаул Кабатенков сился порою вставить свое слово. Но или разговор считал не совсем достой-

ным своего участия, или не находил слов. Позевывал дьякон, обеими пальтернями разглаживая волосы и бороду. Чувствовалась ночь, чувствовалась заранее предугретенная ломкая прохлада. Чубатый урядник вернулся в палатку:

— Командир сказал: ничего, — доложил он. — Слышь, Гаврилов, тебя к Алшевским зовут, доктор там.

— Там? — ну и ладно, — не пошевелился фельдшер.

— Рожает она, иди!

— Я сам больной, мне доктора надо.

Игнатъич посмотрел на него, хотел что-то сказать, махнул рукой, смолчал. Стал собирать посуду, прилаживать на ночь бидон.

— Пойдешь ты али нет? — урядник все еще стоял у входа.

— Не пойду.

— Нет, ты пойдешь, — спокойно заметил Могутов.

Фельдшер с ненавистью, как смотрят маленькие люди на больших, скопился на есаула:

— Вы мне не начальство.

— Долго будешь болтать? — Могутов положил локти на колени, в упор посмотрел на Гаврилова. — Вставай, одевайся, живо!

В груди фельдшера засвистела змея и ожгла ядом. Заныло от злобы сердце. Если бы у него была бомба, он кинул бы ее в есаула и взорвал и его, и деда, и урядника, и черта, и дьявола, и себя — только бы не идти, настоять на своем.

— Не пойду, — взвизгнул он, как удушенный.

Могутов взял его за шиворот и за брюки. Поднял на воздух. От скопления бешенства и злобы Гаврилов не мог ничего из себя выжать и только хрипел.

Есаул вынес его наружу, остановился около лужи:

— Что хочешь, чтоб я тебя окунул в нее и отпустил в палатку, или сухим пойдешь к больной?

Фельдшер молчал. Могутов опустил его ниже:

— Пойдешь?

— Пустите, — мрачно попросил Гаврилов. Короткие его ноги загнулись вверх, застыли в виде ижицы. Руки упирались в лужу. Всею фигурой — скрюченной и жалкой — он напоминал скорпиона перед костром.

— Пойдешь?

— Ну, иду... чего мучаете, я сам больной...

Подле палатки, где жили Алшевские, стоял и курил доктор. Не поздоровавшись, он быстро затараторил:

— *Этой* еще не время рожать, но в лазарете все забито... совершенно убежден: тревога ложная... но наблюдение, наблюдение!

Иван Филиппович прикурил от докторской папиросы, повернул назад, к себе.

Ветер стих, в холодном небе выступили звезды. Не хотелось идти в палатку, дышать теснотой и чадом. Остановился, закинул голову:

— *Этой* еще не время рожать, — повторил он про себя. — А *той*, великой, которой пели многая лета: время умирать или рожать? вечная память или многая лета?

Холодок ночи растянул суставы. С усилием выпрямил тело, стал на носки, руки в кулаках устремил к звездам. И почувствовал такую силу, такую победительную свежесть, что сами собою полетели к звездам слова:

— Жить, жить, жить — без конца...

СНИМКИ И ДУМЫ

Всякое сознательное действие имеет некоторую цель.

Какую цель преследую я, выпуская свои заметки за 1923 год? — Я хочу познакомить эмигрантскую общественность с чертами и условиями быта русского офицерства на Балканах.

Автор «Снимков и дум» — один из *не очень многих*. Но и «немногие» — *есть*. Они живут, преодолевая жизнь сегодняшнего дня.

Тема моего изложения — характеристика «немногих» и окружающей их среды.

Не раз при редактировании заметок поднималась рука, чтобы вычеркнуть то и другое место. Но — нет! Пусть все будет так, как думалось, как переживалось назад два года. Трудно вычеркнуть кровь. И хоть видишь ошибки, но видишь также, что эти *ошибки* могли быть только *там*, только в *то* время, при *тех* условиях.

Автор

7/20 июля 1925 года

Прага

6 июня. Не вел свои записки по многим причинам. Тут все: отсутствие денег, времени, желаниа... Сейчас нахожусь на Балканах. Работаю на «бараке», т.е. состою рабочим на постройке каменной плотины.

В день своего Ангела зашел к К-ву, в его типографию. Когда-то собирался поступить к нему учиться этому делу. А знакомство свел из любопытства: он и его семья — оккультисты. Удивительно много в Болгарии разнообразных сект. Не то религиозные, не то антирелигиозные. Одним словом «искательские» — что-то ищут. Заинтересовался спросить — давно ли у них такое сектантство. Оказывается, приблизительно с годов освобождения от турецкого ига... Странное совпадение: в эти же годы болгарская церковь разошлась с греческой. Впрочем, совпадение ли это?.. Эту тетрадку мне презентовал старик. Карандаш взял у Л-го — забыл купить. Значит, все «орудия производства» налицо. Можно начинать.

10 июня. Прошлый раз свисток на работу помешал продлить беседу с собой. А потом мешал дождь и ветер.

Вчера вечером сошел вниз, в долину, к селу — за продуктами. Их не оказалось. Объяснение: в Софии переворот. Его произвели Военная Лига, «блокеры» и националисты. Блокерами называются объединившиеся противники правящей партии — земледельцев дружбашей¹. Первый результат переворота — всюду остановлено движение поездов. Говорят — так будет еще несколько дней.

Сегодня, в воскресенье, с утра почти вся наша рабочая группа была в селе. Пришлось бегать по «дукьянам» (лавкам) и частным домам в поисках продуктов. Пока цены не поднялись. И вообще нельзя сказать, что столичные события здесь отразились. Спросил у одного знакомого болгарина, как он думает о происшедшем. Он засмеялся, взял предложенную мною сигару, закурил, помотал головой и наконец сказал, что сейчас и он, и весь народ («всички хора») думают об уборке хлеба.

В «кафене»² и «дюкьянах» народу очень мало. Обычно же в воскресный день они набиты. Все предпочитают сидеть по домам. Интересно знать, в чем лежит объяснение этому факту? В политической предусмотрительности? Или в инстинктивном движении человеческого «я», т.е. в том движении человеческого нутра, которое в минуту опасности загоняло наших пещерных предков в каменные берлоги?

Мне вся эта картина напомнила 1918–1920 годы. Тогда тоже шушукались по углам. Занимали «нейтральное» положение и «выжидали» исхода. Белые били красных, красные били белых. «Нейтральные» думали о хлебе и о «шкуре». Теперь у них отобрали хлеб и отодрали шкуру.

Здесь, в с. Д*, я уже недели три. Работаю 10 часов в день за 55 лева. За вычетом необходимых расходов «в кассе» остается 30–35 лева в день. Мои коллеги по работе — преимущественно константинопольские беженцы. С 20-го года они жили в Конст<антинопо>ле и только недавно переехали сюда... Один из них, инженер-механик Б., привез с собой на работу жену и ребенка. Эта семья живет в палатке. Все же остальные — под навесом. Навес сделан из ветвей, земли и соломы. Называется он «кулибой». Разница между палаткой и «кулибой» в том, что во время дождя в палатку попадают редкие и чистые капли; а в «кулибу» стекают грязные потоки. В жару — одинаково душно и там, и здесь.

Среди нас, рабочих, есть один генерал, один действительный статский советник. Штаб и обер-офицеры, кадровые и «химические» — в счет не идут. Все это мелкая сошка в сравнении с первыми двумя китами. «Химическими» офицерами называются те, которым при производстве дали не металлические погоны, а просто провели три полоски химическим карандашом на плечах... Впрочем, по знаниям наш действительный статский советник недалеко уехал от «химических» прапорщиков.

Как-то его спросили, что значит *статский* советник. Он объяснил, что это значит «штатский», в противоположность «военный». И очень удивился, когда ему сказали, что «статский» происходит от слова «Staat», что значит — государство. И что поэтому он — государственный советник... Бывает.

Сегодня отдых. Воскресенье проходит в тщательно соблюдаемом безделье. Мало кто моет белье. Еще меньше смысла чинить белье или одежду: пот, скалы и дождь — все равно размочалят... Оживление только около «кухни». «Кухня» — ведро на костре. Сегодня обед с мясом. В селе накупили мяса, сыр, яйца и пр<очую> ерунду, ради которой живем. Когда осознаешь последнюю мысль — становится не по себе. Начинаешь копаться в себе и обнаруживаешь премерзкую перемену в психике. В течение моей рабочей карьеры — я все больше приближаюсь к идеалу «хозяйственного расчета». Т.е. становлюсь мелким, жадным и расчетливым. И глупым. Оно и понятно почему... Нет духовной жизни, нет хорошо волнующих интересов. Почти нет переживаний, непосредственно не относящихся к животу. И хотя я почти не устаю и не испытываю голода даже перед обедом, все же условия жизни не располагают ни к чему иному, кроме физического отдыха и физического насыщения.

Работаем, спим, едим и относим в овраг переваренную пищу. Вот и весь круг занятий. Ни писем, ни газет, ни слухов до нашего ущелья не доходит. Исключение — вчера и сегодня. Но это — экстраординарные дни. Обычно же привлекает внимание чей-нибудь ушиб на работе, недоваренная пища в котле, кровавый след в овраге. Значит, кто-нибудь переутомился: «дрыщет кровью».

Слышал как-то разговор между «действительным» и пожилым казаком из нашей группы. («Действительному» уже много лет, и он почти всех нас называет на «ты»). Он здоров в работе. Отдых проводит в воспоминаниях о красивой жене, пережитых похабных приключениях и в пении модных романсов.)

— Ну, что, станица! (начал «действительный») Как думаешь, русских бить будут?

— А чиво их бить-то?

— Да ведь переворот!

— Ну?!

— Да ведь бьют нас при всех переворотах или не бьют?

— Бывало и били.

— Ну, значит и теперь бить будут. Бежим что ли?

— Могим и побегать. Только — не стоит.

— Что ж так?

— И здесь ладно. Работа есть, хлеб есть. Что тебе надо?

Разговор продолжается бесконечно. Вяло, скучно... Ни того, ни другого переворот не трогает, не волнует, не поражает. Оба они хорошо «натренированы» и живут всегда «налегке».

11 июня. В нашей «кулибе» вообще мало говорят. Народ большею частью к работе не привычный. Устают и быстро засыпают. О России вспоминают редко. Главные темы — личные или семейные невзгоды.

Вот и я о себе скажу. О своей невзгоде. (Какое странное слово — «невзгода». Вероятно, сродни «неудобный»?) Еще в мае в г. С. поступил на пивной завод, в кочегарку. В первый же день работы на подъем ноги упал раскаленный уголь и пропек чуть не до кости. «Надницу»³ кое-как доработал. Наутро пришлось взять расчет. До сих пор ранка не зажила. Не было времени лечить. Сейчас перевязал ногу и в ожидании обеда лежу под черешней. Лежу, как и работаю, в нижнем белье, несмотря на присутствие дамы. Э! какие могут быть дамы на Балканах?

Из ущелья дует ветер. Солнце умеряет его злость. Однако погода может измениться ежечасно. И наверное, изменится...

Я помню странное соотношение между погодой и делами людскими в России. Особенно это было заметно на фронте: как наступаем — так непременно ветер в лицо. Как переход — так дождь, грязь... Фронт... наш надзиратель говорит, что где-то образовался фронт. Неужели и в Болгарии будет гражданская война?

Тут меня перебил гимназист Митя. Митя — тоже рабочий. Предлагает выпить чаю, пока сварится обед. Не хочу. Кстати, о гимназистах. Их здесь двое. Манерой речи они почему-то напоминают мне «офицерику» из андреевской пьесы «Дни нашей жизни». Именно то место, где он говорит: «А у нас в полку говорят, что Бога нет»⁴. И гимназисты всегда начинают с того же конца: «А у нас в гимназии»... Я спросил однажды у одного из них: «А что, как у вас в гимназии говорят — есть Бог или нет?» Он ответил, что этим вопросом у них мало интересуются.

— А вы, гимназисты, верите в возрождение России? — продолжал выпрашивать я. И получил встречный вопрос:

— А для *кого* же мы учимся?

12 июня. Вот наш день. Встаем около 5-ти часов утра. До 6-ти успеваем «с верхом» налиться чаем. С 6-ти до 12-ти работаем. Шесть часов подряд — сие не есть шутка. Между 12-ю и 2-мя — обед и отдых. С 2-х до 6-ти снова работа. Потом ужин и сон.

Пишу в послеобеденное время. Все нутро забито фасолью. На обед и ужин каждый день фасоль. Болгары говорят: «боб и пак боб». Или: «боб... ..» (Прибавляют в рифму русское ругательство. Очень доволь-

ны, смеются.) Живем «бобом». Работаем «на бобах». И жизнь-то наша — тоже ведь вся «на бобах»... и «бобовая».

Я все же не могу ограничить себя одним бобом. Покупаю сыр или яйца. Большинство же — «печелят пари» (трудно переводимое болгарское выражение. Приблизительно это значит «зашибать деньги»). Иногда — в ущерб самому себе). Считают, что невыгодно есть больше, чем на столько-то лева. Экономия глупая и ненадежная. На работе человек та же машина: требует топливо и смазку. Но — не смею никого осуждать. Среди нас есть и старики, и семейные, и инвалиды. Для них «черный день» не постоянная угроза, а обычное времяпрепровождение... Есть и такие, что от утомления впадают в безразличие и тяготятся сойти в долину за продуктами.

О перевороте слухов не прибавилось. Но как будто где-то бьют орудия... Где-то схватка? — А здесь, в ущельи: река, камень, ветер, недоваренный боб, молот, лом, кирка, порох, взрывы скал, кулиба и желудок. Вот и все. Если бы тень какого-либо «сионского мудреца» забрела случайно в нашу дыру да посмотрела бы, как «мы живем, чтобы есть», — то она наверное решила: эти гои готовы... ибо их жизнь ограничена желаниями тела и требованиями желудка.

15 июня. Снова о бобах. Все мы, по взаимному уговору, должны отбывать поварскую повинность. Дежурный по кухне за 2 часа до обеда освобождается от работы, чтобы следить за огнем и т.д. И так как варить все-таки легче, чем бить и катать камни, то некоторые выказывают тягу к кухне. В особенности генерал (он уже старый) и еще один, не знаю кто такой (полубольной человек). А другие, более похожие на работников, уступают им свою очередь кулинарничать.

Сегодня шел дождь и заливал огонь. Боб не сварился. Драма. Все ругались. Ругали погоду и повара: «Чего же вы раньше не пошли к огню?», «Эх вы! тетеря... шляпа» и пр. Какой-то казак заступился:

— Ну! чиво там гавкать! — Сырой! — ну и сырой. Садись, што ли? Бяри, ребятеж, ложки!

Но недовольные не унимались: какого черта будем жрать сырой боб; и так животы болят! Ставь ведро на огонь! Станови обратно!

В такого рода скандалах (их немало) старшие участия не принимают. К ним и обратился казак-заступник за помощью.

— Смотри, ваше превосходительство! Вы послушайте, чиво говорят! Фасоль, видишь, яму сырой! А как вшей на пароходе жрали, так небось забыл, а?

— Кого жрали? — вмешался я.

— Известно — вшей.

— Да что Вы, Степан Игнатъич, какой же толк?

— А вот, значит, был толк, коли жрали... Да чиво там вшей? — слышь, в Рассеи матеря дитёв жрут!

Я так и не выяснил: жрали вшей или нет. А боб все-таки съели в сыром виде. Ничего... Бывает и хуже: иной раз и сырого боба не хватает. Да и тот, что есть — жрем без соли. — Настолько отвратительная артельная организация. Она дурна, гл<авным> обр<азом>, потому, что нет «головы». Весною того года я работал в с. К. Все шло превосходно: был определен артельный староста, повар. Правда — все мы были из полков... Армия и беженцы — это два лица русской эмиграции. Первое — сосредоточенное, упорное, волевое. Второе — с ползучей улыбкой, растерянное, жалкое.

16 июня. Опять дождь. Премерзкая картина. Ущелье. По дну бежит черная река. Ее бег стараются преградить каменной плотиной. Для этой цели взрывают окрестные скалы. Их обломки идут на постройку. Кроме того, выворачивают огромные (60–75 килогр<аммов>) камни из земли. Ломами и руками подкатывают камни по дну реки, прямо к плотине...

Идет дождь. Сверху вода, снизу вода. Работать приходится босиком. Никакая обувь не выдержит острые камни. Нет никакого смысла и расчета одевать обувь: слишком дорогое удовольствие. А что ноги страдают — это ничего. Ноги даровые... При маленьком дожде — работа продолжается. При большом — делается перерыв. Ждем, съезившись, дрожа, 20–30 минут. Не перестанет ли? Если конца не видно — забираем инструмент и возвращаемся в кулибу, которая уже протекла. Переменной «рабочей» одежды почти ни у кого нет. А одевать чистое («выходное») — не велит расчет: испортишь — где найдешь другое. Поэтому надо терпеть, не переодеваясь в сухое платье...

Пишу все это, греясь около костра и при свете костра. Трудно писать. Очень. На минуту дождь перестал. Варим чай. Выпьем чай и ляжем спать. Но — заснем ли? Отдохнем ли?

— «Да поможет Господь Бог всем бесприютным скитальцам!»⁵

18 июня. Погода необыкновенно хороша. Воздух чист, свеж, тих и приятен. Солнце жаркое и ласковое. Слишком ласковое для работы с киркой. Работая, я думаю о другом. Мечты и думы разлетаются немного дальше откалываемого мною щебня. Мысль блудит и роскошествует «до невероятия». Как чудно ощущать природу. Жизнь вообще — чудесна. Солнце и воздух — возрождают. Яркая зелень, близость к росту и сокам Земли — бодрит и радует. Как приятно целый день бороться с природой и побеждать ее, чтобы к вечеру склониться в борьбе с нею и безмолвно отдаться ей. Истома и желание бродят пьяным хмелем. И я вспоминаю старую сказку о любви бога Ярилы и матери-сырой Земли.

.....
.....
.....

21 июня. Последний раз солнце довело меня до язычества. Что делать? — Солнце — отрада бродяги...

С нашим главным мастером произошло несчастье. Он поднимал ломом камень. Камень соскользнул и сплюснул ему ступню. Нога раздулась. Медицинских средств, конечно, никаких. Натолкли лук с солью и приложили к ране. Повязали старой сорочкой. Отнесли беднягу на станцию, чтобы отправить домой. Жаль. Прекрасный человек, чуткий, деликатный. Талантливый работник: инженер-строитель — самоучка. Я с ним был дружен. Без него станет хуже. Мне уже давно надоело болтаться в этой дыре. Пожалуй, пора взять новый курс.

22 июня. У нас надзиратели и старшие работники — болгары. Все остальные — простые рабочие — русские и один отуреченный цыган. Сегодня приходили к одному из рабочих-болгар приятели. Я присутствовал при их беседе. Оказалось, что все они единомышленники. Состоят в одной партии. Терпеть не могу партийной узости. У болгар она особенно неприятна. Большинство интеллигентных болгар (и полунинтеллигентных особенно) сначала — член партии, потом — он болгарин, потом — просто человек и лишь наконец — христианин. О христианской морали я не слышал даже от попов. Сейчас болгарин живет расчетом. Может быть, поневоле? — возможно. Они все столько же трудолюбивы, сколь и расчетливы. Может быть, именно этих свойств и именно сейчас требует от них история? — не знаю, не знаю. Знаю только, что во все времена требовалось милосердие. Опасность Болгарии заключается в отсутствии милосердия у болгар.

24 июня. Наиболее опытные работники из группы — К., Б. и я — на этих днях забастовали с целью повышения платы. Нас лишили работы. Мы перешли на другую. Новый хозяин — типичный эксплуататор и вдобавок лгун. Нанимались мы с условием не только пилить дрова, но и грузить их в вагоны для отправки. Дрова мы спилили все. А когда дело дошло до погрузки — хозяин предложил смехотворную сумму. Мы отказались. Кроме того что сумма была бесстыдно низка — мы не должны были продавать свой труд ниже нормальной цены. Иначе — вызвали бы недовольство болгарских грузчиков... Поругавшись, купили фрукты и легли в тень. И оттуда наблюдали, как наш хозяин с женой, невесткой и др<угими> домочадцами — грузили вагоны.

В настоящий момент я у себя «дома», т.е. на городской квартире. Она служит постоянной базой. Спрашивал своих, как произошел переворот здесь? — Оказывается, очень солидно, без шума и суетни. Все перемены носили деловой характер. Здешние русские отнеслись с большим вниманием к событиям. Вполне понятно, почему: армия не беженцы...

.....

Итак, Стамболийский убит⁶. А еще так недавно он бродил здесь по базарной площади. Уверял всех, что будет у власти еще много лет...

Наши газеты говорят о России мало и неинтересно.

Город, с его слухами, газетной чепухой, нелепыми галлюцинациями и брехней — ужасно меня угнетает.

26 июня? — если дата и неверная — то черт с ней. Не все ли равно: 12, или 20, или 40-ое? Важно, что не зима, а лето; не нужно дров; можно легко одеваться. Живется вообще легче. Кажется, в романе Петрушевского «Фрина» отец героини любит повторять, что «все в мире познается путем сравнения»⁷. Сравнение — жестокая штука. Для бродяги лето — рай, зима — ад.

Вчера ходил в с. К. Зашел к приятелю князю Л. Он пилит и колет дрова. Тут же, на дровяном складе, живет и лето и зиму. Его дворец, вернее, гроб наполовину врыт в землю. Крыша — покатая на две стороны. Все сделано кое-как. Но хозяин не тужит. Он — вечно юн и бодр. Спрашиваю, не скучно ли? Говорит «нет». Особенно первое время было весело: в селе каким-то образом узнали, что он — князь. Ежедневно многие любопытные приходили смотреть, как работает князь... Сейчас он не один. Есть второй работник. Тоже офицер из армии. Заговорили о прошлом.

— Перестаньте, господа! — перебил нас князь Л. — Пора наконец излечиться от этой болезни! Только и слышишь: «а помните» или «было время» и т.п. Довольно! Хватит!

— Почему не вспомнить старое? — возразил я.

— Да потому, что это болезнь. Понимаете? Воспоминание, принимающее хронический характер, есть болезнь. Мы все подвержены особой эпидемии; мы больны ассоциациями по контрасту! Что, неправда?

— Старое лучше нового. Теперешнего нового, — отозвался соратник Л. — Лучше болеть старым, чем новым!

— Э, господа, бросьте ерундить. Ведь когда мы поддаемся тоске и разочарованию, сопоставляя прошлое и настоящее, — в этот момент мы гибнем для будущего...

Кн. Л. — человек бывалый. Он имеет законченное высшее образование. Между 1907 и 1914 гг. был эмигрантом. Всю великую войну провел на

фронте. Потом перешел в Добр<овольческую> армию. В последних боях был изранен и со свежими «памятками» о войне — вновь попал за границу...

— Я всегда жил для будущего, в нем и вижу цель!

Угрюмый сотрудник опять пробурчал:

— Нельзя ли яснее?

— Нельзя, никак нельзя! Ведь это — область веры. Я верю в будущую Россию, в будущую правду; я убежден, что впереди — радость! Я верю в Россию и в Бога. Мне этого достаточно, чтобы легко жить сейчас. Я яснее сказать не могу. Да и не нужно!

* * *

Стараюсь воспроизвести весь разговор их стенографически. Кажется, нитку уловил... Долго потом еще говорили о том, что вера в красоту, добро и истину каким-то образом оплодотворяет землю.

28 июня. От кн. Л. неожиданно для себя попал в гости в малоизвестную семью Х. Пригласили они меня (они живут в далеком селе) потому, что просто соскучились по русскому человеку. Мне же вообще хотелось побывать в том селе, т<ак> к<ак>...

Провели славный вечер. Хозяева жаловались на трудную жизнь: оба работают. Кроме того, муж говорит, что скучает без книг и привычных занятий, а жена — без людей и русской церкви.

Уложили меня спать в пустой комнате на полу. Утром я обнаружил чрезвычайную заботливость с их стороны: возле меня лежали книги, папиросы и ягоды. Ожидая, когда проснутся хозяева, просмотрел книги. Ничего интересного, кроме разве того, что это были переводы японских новелл на болгарский язык. Уже одно сочетание — Япония и Болгария — наводит на размышления о все возрастающей связи между народами. Что, однако, не говорит о возрастающей дружбе.

К обеду вернулся в город. Пешком, как и туда... Прекрасный летний день. Все поет, радуется. Но заботы ни на минуту не оставляют меня. Думается сразу обо всем: о России, о родных там, о родных здесь, о самом себе. Строю проекты и сознаю свое бессилие. Как помочь?

Борьба за кусок хлеба — опротивела. Острота идеи, ради которой мы здесь, — притупилась. Яркие переживания и подъемы духа — все реже. Вот сижу, пишу. Зачем? Для чего? — должно быть, для того, чтобы не разучиться писать по-русски. Хотя и не уверен: пригодится ли еще знание русского языка? И не лучше ли его вовсе забыть?

Вокруг — люди помаленьку устраиваются. Особенно семейные. Пускают корни в местную почву, поступая на службу, открывая предприятия.

А я? — я остаюсь бродягой, перекасти-полем. Без определенных занятий и без определенных положительных знаний. Военное ремесло нынче не в моде. Русская армия на чужбине — вся работает. Или учится. Что делать?

Пока работаешь, устаешь — все-таки лучше. Ты занят делом. Ты на месте. А нерабочий день не только минус в финансовом отношении, но еще — опустошение в моральном.

Надо убираться вон из города... Пишу и сам смеюсь: шутишь, брат, от себя не удержь.

29 июня. Получил из Чехии письмо. От С.⁸ Настойчиво зовут туда. Аргументируют: «в Болгарии ты ничего не делаешь, а здесь будешь учиться»... Легко сказать: «ничего не делаешь». Как раз сегодня с 6 ч<асов> у<тра> и до заката солнца, без отдыха и без еды, в срочном порядке разгружал вагоны со «смордом». Хуже этой работы — я не знаю. Не знаю, как по-русски называется «сморд». «Сморд» — действительно сморд: сухие дубовые листья, пересыпанные пылью, очень едкие. Их употребляют при выработке кожи. Едкая пыль разъедает глаза, раздражает слизистую оболочку горла, носа; страшно грязнит тело; тело зудит... «ничего не делаешь»...

«А здесь будешь учиться». Возможно ли это? Да и как доехать? — визы нет, денег нет, костюма нет. Не все же мы Ломоносовы.

30 июня. Только что вернулся с поля. Сегодня, как и вчера, попалась случайная поденная работа. На этот раз разделявал под виноград небольшой участок земли. Только работа и задерживает меня в городе.

Со мною работает один приятель — Антон... Он — «начинающий» рабочую карьеру. Любопытно наблюдать «начинающего» заниматься физическим трудом. В противоположность распространенному мнению я убедился, что тут физическая сила особой роли не играет. Сноровка, умение расходовать силы, волевой упор, характер — вот что главное. Но это «главное» сразу не дается. Например, сегодня. Мой соратник начал очень горячо! Успех первого получаса окрылил его: мы копали землю и отмахали порядочный кусок. Потом прилегли отдохнуть. Антон вскочил и вместо отдыха начал мерить шагами все поле и обработанный кусок и вычислять, за сколько времени мы сможем (он говорил — должны) вскопать все поле. Арифметика не хитрая.

— Э! — радостно воскликнул он. — А ведь мы закончим работу в два дня! Слушай! — в полчаса мы сделали... (столько-то) кв. метров. За час сделаем столько-то. А в день мы работаем 12 часов, значит... и т.д.

— Расчет математически верен, — отозвался я.

— Верен? Вот здорово!

— Но все-таки, дай Бог через три дня, т.е. в субботу, закончить работу.

— Как же это так?

— А вот как. Давай, брат, работать, и к обеду снова проверим твои вычисления и поговорим.

...Записываю этот разговор потому, что слишком напоминает он наше недавнее самонадеянное и нерасчетливое прошлое. Точно так же, по минутному успеху, закидывали шапками японцев; брали Берлин и проливы; точно такое же настроение захватило творцов революции. Вспоминаю фразы передовицы: «Мы в четыре (или 5, 6) месяцев прошли путь, который другие народы совершали в столетия».

Или:

«За несколько месяцев Россия из самой реакционной, удушаемой жандармско-полицейским режимом страны стала самой свободной страной в мире».

Бумажные словоизвержения, бумажные мечты; бумажные и способные служить бумагой для растопки пожара, в котором сами и сгорели... Вот и неправ кн. Л. Он говорит, что мы страдаем ассоциациями по контрасту. Ан, вышло и по сходству.

Но — доскажу об Антоне. Антон к обеду определенно скиксовал. А к вечеру ему беспрерывно хотелось «посидеть — покурить». Все-таки толк из него выйдет. Человек он здоровый, хотя и зело «сырой». Натер кровавые мозоли и ругает и себя, и меня, и работу, и весь мир, и в особенности свое «проклятое положение». Тысячу раз бросал работать и снова принимался за кирку. Вычисления бросил... Ничего, толк выйдет. Научится узнавать свойства работы и самого себя.

Так и Россия. Тоже ведь — «сырая». Кровавится, падает, снова увлекается и снова разбивается. Но — верю и знаю. Россия встанет. Россия уже не та. Она остерегается метаний от радости мартовского хмеля к буйному угару октября... Да, счастлив тот, у кого тверды мозоли на руках. И у кого дух ясен и тверд.

1 июля. Ночь. Вернулся с маленькой попойки. Купили кое-чего, вышли за город, посидели, выпили, поговорили. На здешнем жаргоне это называется «устроить детский крик на лужайке».

А вышло все таким образом. Вечером, вернувшись с работы, нашел на балконе своей квартиры Л. А. Сидит хмурый. — «В чем дело?» — спрашиваю его. Машет рукой. Позвал в комнату. Сели.

— Ну, Л. А., рассказывайте. Вижу, что что-то у вас не то.

Он и рассказывает. «Тяжело, дорогой Костя! Несчастный я человек. Все меня угнетает, волнует. Что-то хочу решить и ни на что определенное решиться не могу. Проклятая эмиграция разбила меня вдребезги. Вот сегодня. С утра не умыт. Не одет. Сидел, курил, раздумывал. Так тяжело

было на душе. Вдруг увидел солнце. Понимаете? Увидел солнце, вдруг, хотя на небе с утра ни облачка. И внезапно повеяло какой-то весной, надеждой. Вероятно, у глубоко верующих людей всегда бывает такое тихое радостное состояние. Состояние веры, надежды и любви. У них — всегда, а у меня — промелькнуло на минуту. Почему? Разве я тварь, а не человек? Да, впрочем, и в самом деле сделаешься тварью при такой жизни. Возможно ли, чтобы долгие месяцы думать только о жратве, рассчитывать кусочки, урезывать и ущемлять себя во всем и всегда — и чтобы вся эта гнусь не отразилась на характере! Господи, думаю, надо же передохнуть... Вот вы, Костя, раньше меня не знали. А кто знал — считал меня и энергичным, и дельным, и веселым человеком. А сейчас? — хнычу, грущу, кисну. В этом-то, дорогой, в этом упадке жизни и заключается все проклятие, весь тихий ужас нашего положения. Таскать с собой это пакостное настроение — не хочу. Влачить жалкое существование — ненавистно. Круг замкнут. Что делать? Идешь, бредешь... Куда? Зачем? Для чего жить? Для сортира что ли?»

Мне все это легко воспроизвести в записи потому, что нередко у самого бывают такие же «настроения духа». Я хорошо понял Л. А. По опыту знаю, что словами тут не поможешь. Нужно действие. Все равно какое. Писать, читать, работать, ухаживать... Даже пить лучше, чем это состояние.

Поэтому мы и выпили.

...Заснуть все равно скоро не засну. Использую время и набросаю колорит нашего «детского крика на лужайке». Отчасти это был подлинный «крик». Только не «детский».

Л. А. все время был во грустях и то и дело спрашивал: «Куда пойдешь, кому скажешь?» С нами был еще третий собутыльник. Уже не молодой, не дурак выпить. Он принадлежит к типу людей, о которых тургеневский Шубин сказал, что «бутылка им кое-что говорит»⁹. И хотя у собутыльника нашего глотка нежная (он певчий в здешнем офицерском хоре), все-таки он порядочный «живоглот». На пятой-шестой рюмке он вдохновился и потребовал «слово». Дали. Но вместо слова он произнес гимн:

Когда толпа надежд растерзанных рыдает
И призрак прошлого на раны сыплет соль,
Когда погребло все, лишь он не покидает —
Властитель гордых дум Священный Алкоголь.

С ним невозможное так сладостно возможно,
Единым манием мечты воплощены;
Что было истиной — то тотчас станет ложно
И сны как будто явь, и явь как будто сны...

Хочет он в глаза железному закону,
В снегах творит цветы и шепчет нам «сорви»,
Бедняге нищему — шутя дарит корону
И нелюбимому — венец любви...

О, царь отверженных! О радость позабытых,
Ты, претворяющий в восторг земную боль.
Ты в зареве веков, как сфинкс на черных плитах.
Властитель гордых дум Священный Алкоголь!¹⁰

Тихий вечер, умирающий закат, тоскливая поза Л. А. — все, все соответствовало мрачному величию этого гимна. Я знаю гимн Алкоголю наизусть еще с Лемноса¹¹. А Л. А. слышал его впервые и, по-видимому, глубоко пережил его содержание. Так до самого конца Л. А. и не развесялился. «Живоглот» попробовал поднять настроение; подливал водку, шутил. Дошел в своем старании до плоскости; показал нам, что сыр с червями. «Глотай, чего там! — успокоил он. — Не те черви, что мы едим, а те, что нас поедят». Но и это не помогло. Л. А. все больше мрачнел. И, уже под градусом, изредка давал о себе знать вопросами:

«За что?»

«Кто виноват?»

«За что страдаем?»

Вопросы короткие, но глубоко режущие и не раз терзавшие и терзающие каждого из нас. Л. А.-чу 25–26 лет..

Вот я и думаю: «служайка» и «живоглотство» бедному Л. А. не помогли, а солнце вдохнуло веру. Неужели на чужбине только природа улыбается русскому человеку?

2 июля¹². Идет дождь. На работу не пошел. Мой сожитель Антон рукоплещет плесканию капель. Очень характерно: человек знает, что нужно работать, принуждать себя работать. И тяготится этой обязанностью. И когда исполнению этой обязанности помешает постороннее обстоятельство — человек бесконечно рад. «Я, дескать, не виноват»...

Л. А. нагнал на меня грусть. Действительно, чего ради мы прозябаем? — ради существования? Пронесшаяся над нами буря смысла многие краски и оставила «голового человека в голом поле». Но ведь не все же выжгла эта буря из нутра человека?

* * *

Несмотря на дождь — дома не усидел. Сходил к некоему Н., взял газеты. Все перечитал. Запишу по порядку: сначала об Н., потом о газетах.

Н. — инвалид. Правда — руки, ноги, голова и желудок у него целые, но все же он куда-то ранен. Спрашиваю его — как живет. Оказывается, недурно. Встает он в 7 часов утра и пьет чай. В 10 часов завтракает. В 12½ часов плотно обедает. Ложится спать до 3–4 ч. Проснувшись, пьет чай и ест фрукты. Или и то и другое вместе. Часов в 8 ужинает. После ужина идет прогуляться «по холодку». Возвращается и ложится спать. Здесь дилемма: если сразу заснет — то все хорошо; если «мучает бессонница», то часиков в 10–11 «слегка закусывает» и заваливается уже, так сказать, с гарантией. Г. Н. мне жаловался, что ждет не дождет сезона арбузов. То-то будет раздолье! Воображаю.

Правда, род его занятий располагает к такому благоденственному и мирному житию. Правда, я и сам часто после работы наедаюсь до того, что лежу без чувств, без движения, без мысли, в каком-то тупом оцепенении. И не мне осуждать доброго Н.!

Но! Эта ориентировка всей жизни на пищеварение, этот культ желудка — это же глумление над самим собой! К этому «знаменателю» привела эмигрантская жизнь. Что же делается «там» — «тамо далеко?»¹³

* * *

Пережевал все газеты. Заключение? — его нет. Нет ничего определенного. Жизнь себя не выявила и мысль не определилась. А чтобы мыслью определить жизнь, чтобы поставить задание и к нему стремиться — на это нас не хватает... О чем пишут? — пишут «обо всем». Есть такие отделы в газетах, где пишут обо всем. Называются они «смесь». Вот и наши газеты — тоже смесь. И препротивная... Рядом с проблемами, за то или иное решение которых потоками лилась кровь армии и нации, — идет спор и о таких приблизительно вещах, как — удирал ли Керенский в юбке или без оной? Или: пришлось Чернову¹⁴ мыть свои штаны после разгона Учредилки или не пришлось? и т.д.

Рядом с русскими вопросами стоят вопросы иностранные. Наши газеты вплетаются в иностранную жизнь, и трудно сказать, куда больше затрачивается энтузиазм газетчиков — в сторону России или в иностранную сторону.

Дальше. Одна газета ненавидит другую. Если поверить половине всего ядовитого вздора, поверить половине клеветнических наветов, которые выплевываются одной частью прессы на другую и взаимно, — то получается впечатление, что *все* пишущие и *все*, о которых пишут, суть преступники, лжецы и предатели. Газета М. М. плюет на газету N. N., а эта — на S. S. и т.д. Не остается ни одной незаплеванной газеты. И значит, все лицо русской эмигрантской общественности покрыто гнусными

плевками... Мерзкая картина. Мы не только в рассеянии сущие, но, благодаря прессе, и в блевотине обретающиеся.

3 июля. Утро было хорошее. Начали было грузить на вокзале вагоны. Но не успели и десяти кубиков (кубич<еских> метр<ов> дров) погрузить, как страшный дождина загнал домой. Пишу потому, что нечего делать...

Где-то я читал, что в древности один народ, воюя с другим, стремился его покорить не столько через поражение войск, сколько через захват национальных богов. Считалось, что раз идола-бога из вражьего стана перенесены в свой — война окончена. Ибо боги покровительствуют лишь тем, с кем они пребывают. Вся нация сосредоточивалась в идоле... Потом пришел Христос: Бог-Сын открыл людям Вселенского Бога-Отца. Прошли века. Но — изменились ли люди? Разве русские полки перед атакой не слышали возгласов священников: «С нами Бог!» и разве немецкие не противопоставляли им свое: «Gott mit uns»? — «Русский Бог» и «старый немецкий Бог» — живут, живут. И вот спрашивается: когда сильна нация? Когда она верит в *своего* Бога, в Бога *Единосущного* или никакого?

Вспоминаю новые данные по тому же вопросу.

Я сам наблюдал на Лемносе радость казаков (рядовых, офицеров, докторов, священников...) при виде литографированных *русских* икон в *греческой* часовне. В то же время эти люди проявили какое-то недоверие к туземным, греческим изображениям святых. В особенности памятно мне слова казака, который сказал буквально следующее:

— Ху...у...у... (Удивительное восклицание. Оно у казаков выражает удивление, презрение или беспечность. Смотря по обстоятельствам. Происхождение его надо искать, вероятно, у диких кочевников ю<го>-в<остока>.) Ху...у...у, это разве ж мирликиец? Николай-то наш, Чудотворный?! — да ни в жисть!

Дело шло о греческой иконе св. Николы Мирликийского. Где же тут вселенскость?.. Вселенскости нет, но зато есть вера в *своего* «мирликийца», в *своего* Бога.

6 июля. Мне доставляет огромное удовольствие быть фотографом жизни. Иногда сожалею, что взору представляются слишком узкие перспективы. И что самый взор многое объять не может. Но современные люди так значительны. Но современные события так неповторимы. Но русские на фоне не-русской жизни так своеобразны и своеобразны. Все это утверждает меня в мысли продолжать делать свои «снимки с натуры». Разумеется, чаще всего в поле моего зрения попадаю я сам. Но я — лишь один из многих. Значит, и с этой стороны «снимки» не страдают.

Больше всего меня интересуют люди. Какими они вышли из революции? — На днях встретил капитана N. Он признался мне вот в чем. После продолжительного пьянства в тылу он отправился на фронт. И с места попал в бой. В бою он потерял сознание — был и ранен и контужен. Долгое время не приходил в себя. Едва оправился от повреждений — заразился тифом. В тифу проделал путешествие от Джанкоя до Севастополя. В тифу переплыл Черное море. Где и как он очнулся — не помнит. Но говорит, что часто не доверяет себе: очнулся ли? Он говорит, что иногда ему кажется, что времени нет. Иногда — что он на том свете. Ему очень странным кажется есть, пить, работать. Но он все это делает и о своих переживаниях никому не говорит.

Должно быть, не легкая у него жизнь.

7 июля. Когда несколько часов пробудешь в обществе раскаленных кирпичей, а потом выйдешь на грязный фабричный двор — то мир открывается в полной благодатной своей красоте. Как прекрасно дышать! Дышать чистым, прохладным воздухом. Какое очарование видеть! Видеть небо, голубое небо.

Пишу мало, потому что с утра до заката работаю. Вечером освещения, кроме природного (звезды), нет. Со мной работают несколько сменовеховцев¹⁵. Надо будет к ним присмотреться.

8 июля. У сменовеховцев есть литература. Их теперь преследуют. Говорят, что будут высылать из Болгарии в Совроссию. Народ они забитый и, конечно, безыдейный. Знают, что я из армии, и держатся подалеке.

16 июля. Как-то принялся считать, сколько профессий пришлось мне переменить. Вышло — 14. Поэтому уместнее спрашивать нашего брата чернорабочего-офицера не «кем ты был», а «кем ты не был?» — легче будет отвечать.

Сейчас третий день работаю в артели болгар. Недавняя гроза смыла плотину. Мельница остановилась. Требуется починить в срочном порядке. Поэтому работаем 14 часов в сутки. Кормит нас село, недалеко отсюда лежащее. И кормит на убой. Трудно работать с битком набитыми внутренностями. А трудно удержаться от того, чтобы не объесться. Трудно потому, что соратники болгары едят заразительно и невероятно много. Обыкновенно мы поражались их умеренности в еде. Сейчас я поражаюсь их обжорству. Объясняется дело тем, что сейчас мы работаем на хозяйских харчах. И, по условию, хозяева должны давать вволю. Приблизительно столько, сколько съедим...

Сейчас я остался один из русских. А было нас трое: полковник N, вахмистр С. и я. Полковник и вахмистр — неразлучны уже много лет. Лица примечательные. Имя полковника — известно старым добровольцам. Потом, в период перехода армии от «партизанщины» к регулярному устройству — его затерли. Потом, при развале армии, когда снова потребовались не чины, не знакомства и не «выслуга лет», а знание, инициатива и смелость — он опять появился на сцене. Имел свой отряд и один из последних ушел с Юго-Востока. В эмиграции остался одиноким, гордым и искалеченным. В армии не состоит, но армия его знает; связи с нею он не теряет. Весь он наполнен восторгом мученичества. Я не удивляюсь тому, что вахмистр С. предан ему беззаветно. В такого человека можно верить. Больше того: ему можно служить. Ибо сам он всецело отдан служению идее — родине.

Мне совершенно невольно пришлось причинить ему боль. Хотелось чем-нибудь, как-нибудь выказать внимание. А вышло — дурно... Он и вахмистр таскали на носилках камни. Занятие не требует умения. Нужна выносливость и сила. Однако я обратил внимание, что полковник затрачивает лишние силы. Тем, что несет носилки на согнутых руках. Нужно (легче) нести на вытянутых... Я и говорю:

— Господин полковник! Извините, ради Бога, и не считите мое указание ничем иным, как только желанием помочь Вам. Вам легче будет, если Вы вытянете руку!

Полковник молча на меня посмотрел. Потом, уверившись в моей искренности, сказал, что он не может вытянуть руку: она перебита.

Мне было жгуче стыдно. Мне было больно.

Потом вечером я видел, как вахмистр С. закатил штаны и перевязывал ногу. От колена до ахиллесова сухожилия тянется не рана, а кровавое отсутствие мяса. Икры почти нет. Из двух голенных костей одной нет. На такой «ноге» и ходить трудно. На такой «ноге» — он работает... Я не посмел советовать им бросить работу. Но они сами в обеденный перерыв следующего дня взяли расчет и ушли. Остался я один среди болгар.

17 июля. Вчера оборвали на полуслове. Позвали пить водку (ракия) перед ужином. Водку пьем из одной бутылки все, из горлышка. У болгар имеются особые пробки с узким отверстием. С такой пробкой тяни не тяни — много не выпьешь. Специально для того и устроена, чтобы одной бутылкой отделаться от множества жаждущих глоток. Но это не только скопидомство, но и умеренность... Все-таки их бутылка не евангельские хлеба. У порядочного человека кроме разочарования не останется ничего. Ввиду того, что на сей раз водка общественная (от хозяев) — волшебную пробку сняли. Но по привычке болгары за раз много не выпивают.

Нет у них настоящего «глота» («глот» — есть глоток именно водки, а не чего иного). Иногда я шулки ради «ставлю номер». Хлебну с четверть бутылки и скромно затягиваюсь сигареткой. Они крутят головой: молча и почтительно. Желаящих подражать нет. Так сидим в кружке и пьем до еды. Болгары пьют и обмениваются впечатлениями до еды, а во время еды только челюстями работают. Не языком. Чавкание полутора десятка ртов... сие есть тоже впечатление.

Все это пишу под хмельком. Скучно одному среди «братушек»... Случайно взглянул на молодой месяц. Он мил моему сердцу. Хотя я и знаю, что ему столько же дела до меня, сколько и до лягушек. Лягушки где-то заливаются. Я уже залился. Пойду завалюсь спать.

18 июля. Черт его знает — может быть, и не 18-е вовсе, а 15-е? — ерунда! К чему эти условности? Время моего поступления на работу записано у предпринимателя, а остальное прекрасно и без календаря... Сегодня закончили работу немного раньше. Расположился подальше от любопытных глаз и пишу. Стоит жара. Едва переносимая. Не то что работать — ходить тяжело. Изнывают и привычные болгары. Из нас, рабочих, часть работает по контракту, часть вольнонаемные. Обычно первых меньше, вторых больше. Обычно первые от себя нанимают и эксплуатируют вторых. На сей раз, ввиду срочности и важности работы, картина обратная. Большинство по контракту обязано выполнить взятое обязательство. Меньшинство — и я — работает поденно. Мы можем уйти в любую минуту, как ушли полковник с вахмистром. Сегодня сбежали от жары два болгарина: дед и внук. Они работали на одних носилках, а я и Шериф на других. Шериф — не то отуреченный болгарин, не то турецкий цыган. Большой мой приятель. Он удрал из-под Одрина (Адриано-поль) от мобилизации в армию Кемала. Он — солдат-дезертир. Я — выкинутый в черн... черную неизвестность корнет русской кавалерии. Оба мы здесь чужие. Оба изгнанники. Шериф — волей, я — неволей. Тут мы друг друга понимаем без слов. Но когда начинаем разговаривать — выходит одно недоразумение. Он меня спрашивает: «Коста-бе! Зачем бегал от Русия?»¹⁶ Как ему объяснить, почему я очутился здесь? Ведь не говорить же ему о дореволюционных процессах, о процессах революционных, об идеях белой армии, о сущности борьбы белых и красных?.. Начинаю толковать. Говорю ему, что мы за религию, а «они» против. Что мы за Россию для России, чтобы Россия сама по себе жила; а «они» за то, чтобы русскими силами устроить мировой пожар, и т.д. Делаю сравнения с его, тоже многострадальной, родиной; привожу примеры. Шериф слушает, не перебивает. Но и не понимает. Утомившись, сам спрашиваю: почему он бежал? — Очень просто: надоело воевать. А он человек бедный, отку-

питья нечем. Да и работы там мало. И платят плохо. И время тревожное. А здесь — и работа, и спокойствие.

— Ну ладно (говорю ему), а как же къща, майка? (дом, мать). — Он сирота, дом у них давно полуразваленный. Еще с войны 1912 г.¹⁷, не жаль... Тут Шериф перебивает меня вопросом: Кажи, Коста, имаш ли на Русия нещо? (Скажи, Костя, имеешь ли что-нибудь в России, т.е. какое-нибудь имущество?)

— Имам нещичко! (имею кое-что).

Начинается допрос по пунктам: «къща имаш?», «земята имаш?» (дом, земля) и т.д. Шериф узнает, что я жил в своем доме, на своей земле; что у меня были два верховых коня и пр. Узнает, громко смеется, хлопает меня по плечу и говорит: «Лъжешь-бе, Коста, лъжешь!» (врешь).

Я сам смеюсь. Я не возмущен, но обескуражен. Смеющийся Шериф начинает доказывать, что если бы у него все это было, так он ни за что бы не ушел, и что поэтому я вру, что был собственником (чорбаджия). Я вижу, что Шериф действительно скорее бы умер на своей ниве, чем ушел с нее или отдал другому. А оставить *свое* и идти куда-то во имя идеи — он не в силах. Что такое идея? — а земля есть нечто общественное и несомненное. Земля родит. А что делает идея?! — так мог бы думать мой милый собеседник. А я сейчас смутно припоминаю роман Э. Золя «Земля». Там есть что-то вроде этой звериной страсти крестьян к земле. Сколько припоминаю — стремление к обладанию землей у кого-то из них приобретает патологический характер... Да это и понятно. Слишком много многими поколениями крестьян было отдано *своего* земле. Они самих себя отдают земле. Привыкают считать свое — *своим* до гроба и на веки веков. До того как уйти в землю — они всю жизнь по частям отдают себя земле. И землю живут... Шериф знает только один способ приобретения земли: как можно выстрадать землю. И один способ пользования ею: страдать над землей. А я? а мы? а крестьяне народов России?

Нет! на вопрос о *своей* земле — коммунистам расколуют «черепки» Шерифы и русские, и иностранные.

19 июля. Живя среди болгар, я даже думать начинаю по-болгарски. Правда — по поводу предметов несложных. Никакой фантазии на этом языке не переживешь. Свой язык требует своего человека... Как много между людьми разного. Разные манеры, разные слова, разные жизни. Но и общего — тоже немало. Иногда мне кажется, что правдивое в человеке — у всех одинаково. Может быть, потому, что Истина — Едина. Но лживое — чрезвычайно разнообразно. Сравнивая себя с окружающими, я вижу главную разницу между нами в том, что мы по-разному лжем. И не в одинаковом количестве лжем. Я лгу гораздо искуснее. И реже. Их

ложь — весьма очевидна, прозрачна и случается чаще. Право, не знаю: что лучше?

На эти мысли меня навел опять-таки Шериф. Сегодня мы носили не камни, а песок. Песок находится довольно далеко от места постройки плотины. Требуется его не так много, как камней. Поэтому, сделав запас, можем отдохнуть. Отдыхаем, конечно, не на глазах надзирателей, а подальше. На песочке, в тени. Лежим, курим. Я беру палочку и вывожу на поверхности песка чьи-то инициалы. Шериф спрашивает — что делаю? Объясняю: пишу. Новый вопрос: что пишешь? говорю ему: пишу твое имя Ш-е-р-и-ф-ъ. А ты умеешь (спрашиваю уже я его) писать свое имя? — нет, не умеет. Хочешь, научу? — да, хочет... Ну, вот — смотри, учись. Крупно и четко вывожу на песке: *Шериф*. Он очень рад. Заставляю его взять палочку и на фут ниже скопировать написанное. Шериф скалит зубы, изгибается, боится — как будто на льду пьяный деньги рассыпанные собирает. Результат поразительно неудачный. Шериф злится на себя, а меня стесняется. Но — время уже идти. Дружно беремся за лопаты. Насыпаем песок. Несем. Сбрасываем. Возвращаемся. Снова пишу *Шериф* большими печатными буквами. Снова неудача. Так повторяется несколько раз. Наконец, он швыряет палку-карандаш, топчет ногами буквы и злобно говорит «вятьр ра́бота!» (буквально это значит «работа на ветер», лучше перевести: «гиблое, нестоящее дело»). Я смеюсь... Потом, успокоившись, Шериф интересуется: долго ли я учился? Я в учебных заведениях провел 9 лет. Сообщаю ему эту цифру. Он ужасается: «Так долго? — а для чего?» — Чтобы быть офицером. «Ты офицер?» — Офицер. Шериф смотрит лукаво и недоверчиво; недоверчиво тянет: «Все вы, русские, себя офицерами называете!» Молчание. Потом, с большим, дружелюбным чувством произносит: «Вот ты 9 лет учился, офицер; а я никогда не учился и не офицер, а мы вместе одну “таргу” (носилки) таскаем!.. Слушай, лучше бы ты не учился, а в своем доме хозяйничал! Тогда я бы у тебя работником был!.. А так — что же? — все твое учение — тоже “вятьр ра́бота!”»...

Шериф — человек трогательный, непосредственный, открытый. Много в нем напоминает мне горцев Кавказа. Но шерифова непонятливость — прямо чудовищна. Никакими доводами его не убедишь, что образование имеет ценность, пусть относительную. Ему важны абсолютные, неопровержимые данные: в «таргу» мы впрягаемся оба. Он — впереди, без всякого образования; я — позади, с 9-летним образованием. Или наоборот: я впереди, он позади. Не все ли равно? — песок насыпается ровной горкой и тяжесть на обоих концах одинакова... Шериф соболезнующе смотрит на меня. «Неужели (думаю я) все это действительно “вятьр ра́бота”?» Но я не хочу показать свои настроения. Смотрю в упор

и строго внушаю ему: «Ты ничего тут не смыслишь! Понимаешь?»... На самом же деле — мне грустновато. Но «официально» — я возмущен, я обозлен... Шериф смущен моей контратакой. У него покорный вид провинившегося младшего — перед старшим. Но я-то вижу, что он считает свои доводы непобедимыми, а себя — на высоте положения.

Так неужели разница в том, что он — не умеет владеть собой и скрывать себя, а я — умею? Только в том? И неужели 9 лет — «вятьер работа»?

Откинув к черту вопросы, виснувшие над всеми нами, офицерами-рабочими, — запишу другое. Когда мы обедали — к нашей обедающей группе подошел какой-то болгарин. Предложили место, ложку. Отказался: сыт. Началась беседа по пустякам. Через некоторое время с другой стороны появился «стражар»¹⁸ с винтовкой. Стал поодаль, в тени, закурил. Первый господин посидел еще 3–4 минуты, попрощался и с милой улыбкой исчез в кустах. Тотчас же стражар подошел к нам, присоединился к котлу. Заговорили, но тоже о пустяках... В конце обеда (очень обильного) старшего мастера «поврештало» (вырвало). Раздался смех, шутки. Среди шуток чаще всего слышалось: «испугался». Спросил у соседа: кого испугался бай-майсторе? Оказалось, что первый господин, скрывшийся в кустах, — знаменитый местный разбойник Стоян Караджов.

Жаль, не рассмотрел здешнего Савицкого¹⁹.

20 июля. Бывает так — заснешь с какой-то невыясненной мыслью. Спишь плохо — мозг перетряхивает хлам воспоминаний. Проснешься — мысль поймана. Все время ждал свободной минуты записать «пойманную» ассоциацию... Все вспоминал — на кого я был вчера похож, когда говорил Шерифу: «Ничего не смыслишь, молчи!» — и вспомнил. — На о. Ивана из «Сына Человеческого» Л. Андреева. О. Иван перед вставшим страшным вопросом, смутившись, говорит диакону: «Молчи, молчи»...

Ну, это так, между прочим.

Интереснее — разговор с коммунистом. Председатель местного отделения болгарской компартии. Он — хороший, деятельный работник. Но еще больше энергии тратит на политиканство. Когда говорит — загорается, дрожит. Начал с ругни. Ругает «фашистскую банду, захватившую власть». Уверяет, что весь народ только и ждет уборки хлеба, чтобы произвести новый переворот. С этого чаемого переворота — начнется новая эра жизни на Балканах. Весь полуостров с помощью III Интернационала (Сов<етская> Россия?) скинет «империалистические правительства» и объединится в федерацию. Конечно, инициатива будет исходить из Болгарии и Болгария будет центром балканских государств и этапом

между Балканами и Москвой. Все это предполагается сделать в близком будущем... Задаю вопрос: уверен ли он, что *вся* Болгария, *все* Балканы хотят федерироваться и вводить коммунизм? Он смеется: конечно, нет! Напротив, большинство против. Но это большинство — глупые люди, не понимающие своего счастья... Да что далеко ходить? — вот у них в селе всего несколько коммунистов. Вот они — настоящие люди. А все остальные — так, что-то такое, вроде материала для пролетарской культуры... Они нас боятся (это хорошо), но и других боятся (это дурно). Боятся даже попа. В церковь ходят, попу подарки делают; а когда поп на праздниках по домам ходит — принимают, угощают, одаривают... Вообще — трусы. Не верят, а боятся и попа ублажают. А вот он — он не трус — он не верит, поэтому и в церковь не ходит, и семью туда не пускает, и к себе попа не пускает. Он как-то выгнал попа из своего дома, а вслед ему и иконы выбросил...

...Моему собеседнику приятно поговорить с т<ак> ск<азать> интеллигентным человеком, хвастнуть широтой взгляда. Ну, а мне — любопытно понаблюдать... как всегда... Продолжаю беседовать: так значит — говорю я ему — у вас в селе очень страшный поп. Из-за него и в церковь ходят, и иконы из дому не выбрасывают и т.д. Да... должно быть, это не поп, а прямо Стамболийский!.. А что (спрашиваю), у вас во *всех* селах тоже такие строгие попы? — Мой коммунист недаром все-таки председатель. Вывертывается: нет, попы не все страшные, но зато все жулики и обманщики. Болтают темному народу про Бога, да про Христа — а народ верит. Как же можно верить в то, чего нет?! А Его нет?! — осведомился я у представителя Ш Интернационала на Балканах. Тот вскинул на меня искренно-изумленные глаза: эй! джаным! (эй! малый! или эй! душа моя!), и, видимо, моя интеллигентность рухнула в его глазах. Эй, джаным! Какой там Бог?! Что, этот старый «човек» — Бог? — нет, это картина; это стена и краски. А Христос — человек, рожденный женщиной. Служил «сирромахам» (сирым, убогим) и вел пропаганду против богатых... Нигде Христос не говорит: «стройте из камней и дерева церкви в тысячу метров высотой», а Сам церкви хотел разрушать... Председатель находит, что баня, например, гораздо полезнее для народа, чем церковь, и т.д. Я его спросил, имеет ли он понятие о том, что такое Церковь Христова? Что Она не руками творится? — Вопрос, разумеется, безнадежный: нет, не знает, знать не желает и вообще не желает слушать про «такиви игрушки на децата» (такие детские игрушки). Но вот на другой мой вопрос — кем он хочет быть, когда его планы осуществляются — ответ получился определенный. Он с немногими однопартийцами будет управлять селом. Кроме того, сейчас он «водничар» (мельник) у хозяина, а тогда мельница будет кооперирована и он сам станет во главе кооперации... Да, место

теплое. Мельница богатая, главное богатство во всей округе. Да, Коминтерн знает, что делает. Дела его идут весьма успешно. И если Россия не станет Россией — то ее мощью будут приведены к одному знаменателю не только Балканы, а и Европа и... Даже здесь, в этой балканской глуши, чувствуется острота русского вопроса. Но разрешается русский вопрос и разрешится — в России и Россией. *Ибо вопрос этот заключается, в конце концов, в том, кто победит: Тихон²⁰ или Троцкий? Христианин или материалист?*

21 июля. Работа закончилась. Утром еще взял расчет и пришел сюда на станцию Д-а. Дует ветер. Блещет молния. Идет гроза с дождем. Придется проводить ночь не в объятиях земли, а на заплеванном полу какого-нибудь дукьяна. Уже почти темно. Молния в Балканах — восхитительно-красива: оранжево-алого цвета...

Чтобы не терять рабочий день — думаю завтра наняться на погрузку вагонов; потом сбежать в с. В. узнать о работе и на ходу забежать в с. Д. получить письма. А воскресенье думаю провести в К., в городе.

22 июля. Вероятно, около 4-х часов утра. Лежу на полу духана у Абрама. Загнала вчерашняя гроза. Пол, как я предчувствовал, грязный, заплеванный. Проснулся слишком рано...

Плохо рано просыпаться! Кто рано проснется и увидит солнце — и пойдет к нему — тот погибнет. Тот погибнет, но своею гибелью заставит других проснуться. — Так и наша армия. Она — погибла. Но если бы не она — Россия спала бы до сего дня. Мы протестовали против насилия и деспотии в принципе. Мы — разбудили Россию и себя. Мы — жертвы. Но на нашей крови встанет будущее.

То, что я говорю — не сон. О, нет. Прекрасно вижу плевки вчерашних посетителей духана. Я — в «реальной» обстановке. Я сам плюю на «вчера» и на «сегодня». Я — верю в «завтра». Живу им...

Внимайте! День прекрасный, юный
Придет на смену страшной тьме!
Встречайте «завтра»! Откройте очи!
Я вижу «завтра» — верьте мне!²¹

Чьи это стихи? — не помню. Но это и неважно. Кто-то написал. Кто-то запомнил. Нас — минимум двое. Двое! — не один? О, это страшно много!²²

ИЗ БОЛГАРСКОГО ДНЕВНИКА

Август. Селение, в котором я нахожусь, называется Павел-Баня. Говорят — здесь имеются какие-то целебные источники. Не знаю. Я вместе с моим долговязым другом Сержем¹ пришел сюда не для курортных забав, а чтобы наняться на постройку новой церкви.

Сейчас я сижу около костра, жар которого заменяет и отопление, и освещение. Ночи здесь прохладны. Время от времени я вытаскиваю из золы чудно пахнущую картошку. Ах, как вкусна только что испеченная картофелина, посыпанная крупной солью и перцем!.. И когда душа моя наполняется умирительным, даже поэтическим вдохновением, вызванным черными тенями ночи, далекими звездами, украшающими Божий храм вселенной, огнем костра и картошкой, — я вынимаю из сумки ракию и пью ее медленно, с наслаждением. Какое великое счастье иметь около себя звезды, костер и ракию. Разве не созданы они из пламени?

Но, впрочем, я хочу записать сегодняшние происшествия с Сержем. Он лежит сейчас на левом боку, подстелив под себя старую шинель и прикрывшись каким-то барахлом. Быть может, ему снится недавнее прошлое? — гусарский полк, в котором он служил во время мировой и гражданской войны, любимая женщина с белоснежным бюстом и волосами нежнее мечты? — Еще месяц назад мон шер ами², Серж (как я шутя его называю) любил поразить воображение болгарских и турецких дам городка К. моноклем на муаровой ленте и серебряными шпорами, звеневшими увлекательно и мелодично. Днем он преподавал французский язык девицам и юнакам, а вечерами сидел в дюкане, попивая кофе и вино... Эх, не выдержало кавалерийское сердце. Одно неосторожное объяснение — и шер ами Серж, с моноклем, муаровой лентой и шпорами очутился в положении нашего брата, офицера-чернорабочего. Кто же в самом деле пригласит «развратника» учить деликатному языку, на котором изъяснялись Людовик Солнце, маркиза Помпадур и другие, столь же блистательные особы?*

Мой Серж явился ко мне, старому дровосеку, каменщику, грузчику, кочегару и т.д., и т.д., и, картавя на чистейший парижский фасон, общил:

— Готово. Выхожу из дворянского сословия и присоединяюсь к пролетариям. Пур этр бель, иль фо суффрир. Вив ле травай³.

— В чем дело? — лаконично спросил я. И выслушав объяснение, предложил идти со мной в Павел-Баню.

Серж готовился к этому путешествию несколько дней. Глядя на него, я и смеялся, и негодовал. Он непременно хотел взять с собой праздничный костюм («ведь есть же там хорошенькие!»), повседневное платье, запас белья, одеяло, подушку и Бог знает, что еще. А вместе с тем у него не было ни подходящей для работы обуви, ни шляпы.

— Тиен!⁴ Я буду работать без шляпы! Это даже шикарнее!.. Подумай (он прищурил глаз, привыкший к моноклю): там, в небесах, прекрасная синева, сияющее солнце. А здесь, внизу, я. Мои волосы развеваются ветром, могучая грудь дышит глубоко, геркулесовские мышцы напряжены. Мимо постройки проезжает элегантный экипаж. Там сидит дама бальзаковского возраста, этаким сочным «бальзачок». Она поднимает к глазам лорнет и спрашивает...

— Кто сей идиот, который ходит без шляпы и сейчас свалится от солнечного удара? — резко перебиваю я.

Тогда Серж решает выпросить разноцветный платок у своей знакомой русской дамы пианистки, в которую он влюблен вот уже более двух недель. «Это будет мой талисман!» — восклицает он. На талисман я соглашаюсь. Второй вопрос — обувь. У Сержа две пары кавалерийских сапог: более старая и менее старая. Тратить деньги на покупку рабочих ботинок ему жалко.

— Почему нельзя работать в сапогах? — недоумевает он. — Я проездил в них несколько десятков тысяч километров. Они великолепно сидят на ноге, посмотри!

Он вытягивает длинную, поджарую, настоящую кавалерийскую ногу. Я люблюсь ею, но сапоги все-таки вызывают мой протест:

— Пойми, дурак, что твои ноги сварятся в собственном соку. Ведь голенище держит ногу, как клещами.

— Ну, так я отрежу голенище.

Эту идею я принимаю... И вот вчера вечером мы собрались у его дамы сердца, пианистки. Серж не удержался, принес бутылку коньяку, лимоны и сахарный песок. Выпили. Через каждые три слова он повторял: «Пур этр бель» и «Вив ле травай!» Сегодня утром на рассвете (идти до Павел-Баня около 30 километров) мы выступили в поход. В своем цветном платке, длинных парусиновых брюках (взятых напрокат от одного полковника-маляра) и обрезанных сапогах Серж выглядел, как чучело. Оказалось — сапоги спадали с ног на ходу — Серж подвязал их какими-то ленточками.

— Э биен аллон!⁵ — бодро произнес Серж и зашагал, как журавль. За его спиной болтался увесистый выюк. «Там — только самое необходимое для поручика кавалерии», — успокоительно заявил он.

На пятом километре «поручик кавалерии» стал прихрамывать. Ноги покрылись большими водянистыми пузырями. К полудню мы кое-как добрались до корчмы, стоявшей посередине дороги. Мозоли мон шер ами Сержа налились уже кровью. После привала у корчмы он шел в одних носках, ступая по каменистому шоссе, как гусь по льду. Прохожие «братушки» удивлялись и цокали языками. Знаменитые сапоги, проделавшие десятки тысяч километров, он нес в левой руке, правой опирался на палку. Через каждые десять минут бедняга останавливался, вздыхал, вернее ревел, подобно раздраженному медведю.

Но самое интересное приключение нас ожидало недалеко от Павел-Бани. Серж лег прямо на придорожную пыль и прохрипел:

— Не могу...

— Мэ, мон шер... Пур этр белль⁶, не ты ли это проповедовал за коньяком?

Но моя шутка не подбодрила его, он молчал. На счастье, в село возвращалась какая-то сердобольная старушка-болгарка с ослом. Наверное, она подумала, что великан Серж — больной, желающий получить исцеление от местных источников. Кое-как я со старушкой усадили поручика кавалерии на многострадательную спину ослика и таким образом закончили свое путешествие. Верхом на осле мой милый Серж выглядел далеко не торжественно. Отказавшись от ужина и не моясь, он разложил у костра свою постель и заснул, как убитый... А я?

Я слушаю загадочную музыку ночного молчания, я пеку картошку, пью маленькими глотками жгучую сливовицу и пишу. Боже мой, Боже! Разве меня занимает работа, приключения Сержа? или сам Серж? или хотя бы моя собственная судьба? — Нет, меня занимает только мерцание пламени и мерцание звезд, звезд, о которых в одной украинской песне поется, что они — «Божьи очи посередь ночи».

КАК ЖИВУТ И РАБОТАЮТ...

Пусть государство «особый организм», организм «особого порядка» — оно все же организм. Оно живет. Как живущее, имеет оно начало и конец; претерпевает болезни роста, дряхлую старческую слабость, великолепный задор весенних лет. И у государства есть своя душа, свои порывы, бури, припадки страстей, неразумные зигзаги судьбы и волевой — стрелоподобный — полет... Как у человека.

...Отвлечемся от повествований историков. Посмотрим зрячими глазами на то, что происходило и происходит. Не станем спорить: свободная ли республика рождается в революционных муках и идет на смену монархическому «самовладству» или — во всемирном масштабе — испепеляются демократические покровы, столь долго и столь стыдливо прикрывавшие подлинную зверски прекрасную наготу чудовища Левиафана?

Сосредоточимся на главном: великая страна впала в беспамятство и учинила саморазгром. Учиненный саморазгром поразил волю к жизни и волю к труду. А когда отходит жизнь, немедленно вступает в ее пределы молчаливая владычица смерть.

Эти годы Россия ходила и ходит по грани. В сущности: что такое сейчас Россия? — Это территория, которую обкарнали на Западе и которая распространилась на Востоке. Это население, т.е. каждый из нас, где бы он ни был, — борющееся за территорию и за право на жизнь. И это — власть — государство — в ее нынешнем богопротивном и человеконенавистном безобразии, с которой мы боремся: и во имя сохранения территории, и во имя самосохранения, и — наконец — во имя лучшей власти, лучшего государства.

Плоть России — это мы сами. Она зацветет полнокровно и победительно, если каждый из нас, сущих ли «в море далече»¹, или «там — на России»², или здесь, в такой близости от родной краски на карте, что смешно и жалко думать о «не могу» и «нельзя», когда задумчиво и невозбранно водишь пальцем поверх извилистых змеевидных границ.

Волей к жизни и волей к труду спасется Россия. Экзамен на жизнь выдерживает тот, кто хочет — кто неистребимо волит: жить, жить, жить... и волит трудиться. А «экзаменационный зал» велик; без преувеличения: весь мир так обернулся (или мы все такой стороной обернулись к миру?),

что поистине на любом его «участке» для каждого русского образовался «фронт».

Вот я расскажу сейчас, как ведется борьба на одном из «участков» «Балканского фронта». В каких формах проявляется там воля к жизни и, значит, к труду^{*}.

Автобиография одного зеркальщика. Указательный палец моей правой руки, который спокойно обнимает холодную остроту точно оттраненого стекла, понадобился мне впервые на 6-м году жизни, когда я выменял старый перочинный нож на рогатку. Отлично хорошее дело бить по воробьям дробью. Глаз научается измерять пространство (Вы же знаете, какую роль играет глазомер в науке *побеждать* бессмертного А.В. Суворова?), рука обретает гибкость и твердость. За сим многие годы походил указательный мой перст на пятнистого гада: школьные годы — из класса в класс «без задержки», как пулемет. Только след оставался не алый, но черный — чернильный.

Впрочем, о том, что есть пулемет и каковы его свойства и назначения, познал я несколько позже. — Вот, господа, кстати, о «необратимости колеса судьбы». Шутка ли: я был на четвертом курсе Императорского Московского университета, я приближался к моменту, когда, как говорится, человек становится «на обе ноги». И вместо этого целых пять лет — с пятнадцатого по двадцатый — выстоял я на «одной ноге» — другая «в могиле»: без передышки на фронтах болтался.

Спрашивается: сколько тысяч раз под «мягким нажимом мякоти второго сустава указательного пальца правой руки» вздрагивал железною дрожью спуск? — Пять лет, пять лет, господа: три — великой, два — гражданской!..

Ну, и вот обратимость судьбы (или колеса? — как я сказал?): ныне я процветаю, гм, того-этого, на втором курсе, того-этого, Софийского университета. Не засчитали братушки московские семестры... И снова чернилит палец, и снова похож на пятнистого гада; однако иначе. Чтобы «спечелить парите»^{**} на ученье — шлифую зеркала. Дело тонкое, а пальцу работа.

Ништо бе³, поживаем!

Студент II курса, участник гражданской войны, инвалид, сапожник. Последнее можно было и не писать: ясно, что это сапожник (по-

* Последующие замечания отнюдь не составляют подлинных «биографий» лиц, к кот<орым> они приложены. Замечания составлены на основании личного «болгарского опыта» и личного знакомства с условиями тамошней жизни и психологией тамошних эмигрантов из России. К.

** Скопить деньги.

болгарски обуцарь), а не макаронщик и не часовых дел мастер. Лицо у него улыбочное — будто он поет про себя старинный романс старинных гостиных «Глядя на луч пурпурного заката» и смеется несоответствию этих слов и обстановки, с которой обычно связываются эти слова, с тем, что окружает его сейчас. Бывает иногда так: вдруг привяжется мысль или мотив, совершенно без всякого основания, помимо желания, вопреки чувству. Думаешь, скажем, о том, как бы поспеть с заказом и самому деньги получить, и земляка не подвести: у земляка ведь только и запаса, что вот эти вот танки, а ему «сутриньта карать»^{*} надо. А тут вдруг залезет в голову луч «пурпурного заката» и хоть ты что — не выкинешь. И так проходит минута, другая, третья. Будто и тянешь дратву, а она ни с места. И на молоток смотришь — последний шип вколотить — и не видишь молотка; не видишь, а лежит он у тебя на коленях...

Хотя в данном случае, по-видимому, правильнее говорить *о колене* — обратите внимание на печальных свидетелей — наследство героического прошлого, — что выглядывают из-за спины инвалида. Они подпирают его при ходьбе, они каждый его шаг отмечают звонким поцелуем камня. Не забыть, не уйти, не оставить... И они, как думы, не оставляют человека.

И быть может, в самом деле *это* случилось, когда вонзался в вечеряющее небо последний луч закатного солнца? Быть может, *это* было так:

Угасали грохоты пушек, медленно оседала пыль. Лениво стрекотал пулемет — без задора и цели — в темнеющее пространство, вслед уходящим цепям. Цепи шли в рост. Шли в рост, потому что вышли из боя. Уже начинались шутки. Кто-то вытер запотевший лоб, отстегнул фляжку, повернулся лицом к противнику, учтиво сказал: «Ваше здоровье!» — и вдруг кто-то упал: шальная пуля в колено.

Вот этот кто-то сидит перед «обуцарским» столом, тянет дратву. Без сомнения, дратва и университет «инвалидируют его инвалидность». Он — в строю. Он — воля к жизни, воля к труду... Приветствуйте его, читатель; вдумайтесь в улыбку человека, спина которого опирается на костыли, руки тянут дратву, а мысль — перебиваемая воспоминаниями грустного прошлого — устремляется к лучшему будущему. И во имя этого будущего сосредоточивается на очередной трудности изучаемого в университете предмета.

Несколько корректных сообщений о взглядах на жизнь и человеческую деятельность представителя частной фирмы «Bussing» и студента II курса сэра N.N. Первое условие хорошего тона — безупречная, но и холодная в то же время вежливость к вещам и людям. Вещи, по природе

* Завтра с утра работать...

своей, стремятся к порядку. Достаточно их однажды распланировать, и они будут служить вам безотказно и покорно. Людская же природа неопрятна и беспорядочна. Само по себе необходимы постоянные, повторные усилия, чтобы держать людей в норме.

По всей вероятности (стоит ли углубляться: действительно ли это так? — и какое это имеет значение), революция произошла на почве беспорядочной неопрятности или неопрятной беспорядочности; что — одно и то же. Невозможно без внутреннего противления представлять себе кровавую возню и шумливую грязь революции. Невозможно не радоваться тому, что все это осталось позади; что ты находишься в системе размеренно-упорядоченной жизни и тебя окружают чистые, удобные вещи.

Болгары употребляют слово «ред»^{*}. Довольно хорошее слово; оно может привиться серьезному человеку. «Ред» — это почти система. Система же, как правило, должна соблюдаться во всем: время — службе; время — учению; время — обществу. Надобно ли добавлять: *приличному* обществу?

Вернуться в Россию можно будет лишь в том случае, если там всё и все станут на свои места. Тогда приложить знания и способности, приобретенные и развитые здесь, в этом — в общем — довольно милом, благоустроенном и, во всяком случае, более терпимом, чем нынешняя Россия, «далеко».

Это все, что я могу вам пока сообщить... Извините, мне надобно сверить лежащие передо мной проспекты.

Mes compliments[†].

Представитель русских рабочих «българского тютюнева влагалища», б<ывший> студент Московского коммерческого института, участник великой и гражданской войн, ныне студент III курса. Тютюн значит табак. Влагалище значит склад. Рабочий значит рабочий. Студент значит студент. Участник двух войн. Пройдет много лет, и люди перестанут понимать, что такое война, что такое для человека опыт двух войн. Перестанут понимать и вновь захотят войны. Но что до меня — я сказал: «стига!»^{**} Стига для Родины, стига для меня, стига для всех. Повоевали, поразгромили. И хватит. Пора взяться за ум; без труда не будет жизни, — во имя мирной жизни я исповедую труд.

То обстоятельство, что я — по старой «корниловской» привычке — ношу «адский» пробор и сохраняю военную выправку, вовсе не должно вселять недоверие к моим словам о труде и мире. Именно я,

^{*} Порядок.

^{**} Довольно.

ударник-корниловец, без ложного стыда, но и без всяких американо-вильсоновских сантиментов говорю:

— Да здравствует мирный труд!

— Да процветает знание!

— Да живет жизнь! —

здесь и там. Главное — там... Но — свободный труд, свободное знание, свободная жизнь.

Присутствие надзирателя-братушки не делает мой труд подневольным. Он исполняет свое дело и я свое. Мы оба против тех, кто, заложив «руцете в джобовете», распевает «да живей, живей труда!»* Мы друг друга понимаем.

Но вот если бы место очкастого братушки занял какой-нибудь «орел» из чеки, я не задумался бы вспомнить о том, что

Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет...⁵

Я бы открыл дыхание такому «орлу», и — будьте покойны — он бы у меня «эвакуирнулся» куда следует «в два счета».

Р. С. К сожалению, оклик надзирателя «карай нататък»** прекратил нашу беседу.

Учение о путях (мастера-маляра вагонных мастерских, студента I курса).

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.
И все мы выйдем на дорогу,
Чтобы пожить, чтобы кутнуть,
Чтоб промотать без сожаленья
Остаток юношеских лет
И в назиданье поколеньям
Сказать: я был лихой корнет! —

Именно этих принципов придерживался покорнейший Ваш слуга, до того самого момента, пока не сделалось ему грустно и пусто. А грустно и пусто сделалось мне в пути: Феодосия — Царь-Город. Впервые за сознательную жизнь я тогда усомнился: подлинно ли для этого мы «выходим на дорогу»?

Вот: Россия — позади; неизвестное — впереди. «Остаток юношеских лет» еще имеется. Употребить ли его на доказательства для грядущих поколений, что я, в самом деле, был лихой корнет? Или же надо после себя оставить иное назиданье?

* «Заложив руки в карманы, поет: да здравствует труд!» — из болгарских юмористических куплетов против коммунистов.

** Работай дальше!

Признаться, некоторое время я колебался между монастырем и иностранным легионом. А между тем жизнь двигалась своими путями: как-то незаметно и само собою стал я сначала «надничаром»*, затем и постоянным служащим вагонных мастерских. К настоящему моменту я проделал путь «от путей к мастерским» — первоначально работал на подъездных путях: шпалы менял, щебень поправлял, траву полыл и т.д. Как-то незаметно и естественно втянулся в работу, стал думать о повышении — серьезнее она сделала меня.

К концу второго года попробовал помалярничать.

«Ами хубаво! — воскликнул бай-майсторе. — Зачем не искашь да правишь тази работа? — Ще будешь голям майстор-бе!»** Ну, я посмеялся сначала: что за радость быть «мальчиком» при мастере-маляре? — с «мальчика» начинать мне, участнику великой Галицийской битвы и разгрома конницы Жлобы?⁶ — а потом смирился. Вот я и сам сделался «бай-майсторе»...***

Скажу вам по секрету: такие же мысли (дескать, поздно уже! из лет вышел!) одолевали меня перед подачей прошения в университет. Ну как, в самом деле, становиться в ряд со вчерашними гимназистами и — что много обиднее — гимназистками?! Действительно, ведь зигзаг получается: от кавалерии к малярству, от малярства к студенчеству?..

Но — лиха беда начало. — Это первая истина, вытекающая из моего повествования о себе.

В новом положении, для достижения новых целей человек находит в себе новые силы — второе мое резюме.

И — порыв не терпит перерыва — мое заключительное слово.

...Да, да! сам смеюсь, говоря себе: «студент I курса, пер-р-вого...» И — ничего, порыв не терпит перерыва: учусь и малюю, малюю и учусь.

* * *

Тема «русские студенты в Болгарии» — неисчерпаема. Но она лишь часть более обширной темы: русские эмигранты в Болгарии; точно так же, как эта последняя — лишь крупинка новой, исследованию еще не подвергавшейся, но, безусловно, мирового значения темы: русские за рубежом.

О русских за рубежом, об их неповторимом в своем своеобразии быте (который ведь сложился уже за десять лет изгнания), об их политических устремлениях, религиозных чувствах и т.д., и т.д. — до бесконеч-

* Поденный рабочий.

** «Но ведь это отлично!.. почему не хочешь стать на эту работу? Из тебя выйдет большой мастер!»

*** Частица «бай» — почтительная замена слова «господин».

ности, — можно писать и писать. Но сейчас мы сосредоточились на том важнейшем, что известно о мире в плане зримого и осязаемого: на воле к жизни.

Она — могущая, светлопобедительная, бессмертная — вывела нас из небытия; ею — радостно-творной, неутомимо-жадной — мы движемся и есмы...

Сравните два групповых снимка:

— русские работают на «земляном карьере»

— русские занимаются в библиотеке.

Ведь и та и другая «шестерица» — люди одной природы, «из одного теста». Переоденьте или, вернее, оденьте тех, что находятся в потогонном обществе кирки и лопаты, посадите их в библиотеку — и уже не найдете на них «максимогорьковского» налета. В библиотеке они будут «на месте» и заняты «своим делом». Но и обратно: руки, держащие сейчас книги, не дрогнут и не опустятся, если судьба поведет их обладателей к топору и стамеске.

Но сила не в том, что их кто-то оденет или поведет; сила в том, что они сами *облекаются в новые одежды*, сами идут по пути, направляющемуся от повышения к повышению, всегда и только вверх...

Группа рабочих и группа студентов чрезвычайно символичны в своем сопоставлении; ничего характернее и ярче придумать нельзя. — Это два существенных этапа судьбы большинства из нас.

Рабочий и студент — два основных типа активно живущей русской эмиграции. Соединение обеих профессий в одном лице — рабочий-студент — это и есть то наиболее жизнеспособное, что может выставить, что уже выставила эмиграция, ибо рабочий-студент идет в ее авангарде.

Факт этот в высшей степени отраден.

Россия, повторяем, спасется волею к жизни и волей к труду.

...Возрадуемся же духом, просматривая с внимательной учтивостью присланные из Болгарии снимки, и воздадим должное волевому напряжению тех, кого видят глаза наши.

Они на добром и верном пути.

Они — испытываемая и подлинная плоть России.

Прага, 1928

ГОЛЫЕ ЛЮДИ

«Всюду жизнь», картина Ярошенко¹

Аля, Василий и Федор жили в старом доме, пустовавшем со времен Русско-турецкой войны, пока не закинула далекая буря потомков освободителей на болгарскую землю. Они усмехнулись в ответ, когда услышали, что дом не занимают ни наследники, ни город, потому что вырезали когда-то турецкие янычары население этого дома². Аля постоянно обитала в базе (базой называл дом Василий). Мужчины летние месяцы рубили лес на Балканах, к зиме возвращались в базу. Зимние заработки были ничтожны и редки: кололи у горожан дрова, с цыганами ссорились, хлеб у них отбивали — цыгане испокон веку в здешних местах дровосеки.

В эту осень, перед окончанием рабочего сезона, Василий неудачно махнул топором, поранил ногу³. Спросили оба расчет. Хозяин отпустил без крика: не надо платить наградных. Наградные получали дотерпевшие балканскую каторгу до срока: не спился, и стволом не зашибло, и благополучно протащил по краю обрыва железной цепью бревно, метров на десять... Высок, могуч и строен балканский строевой лес. Некогда развевались в нем победные знамена под золотым двуглавым орлом; горластые трубы кидали горному эху степные напевы. Василий и Федор сходили в долину без песен.

Аля и Федор сидели у постели Василия. Курили. Василий, затягиваясь, морщил белесые брови, присасывался выпяченными губами к изжеванному мундштуку. Пеплом засорял подушку, одеяло; окурки швырял в камин, сохранивший копоть огня прежних владельцев. Окурки пролетали мимо, Василий отмечал это коротким: «Ах, майка му...» и закуривал новую папиросу. Аля и Федор аккуратно стряхивали пепел в коробок от консервов, поставленный на чурбан, поближе к больному. Говорили о том, что в виду предстоящих в недалеком будущем родов Али и неожиданной болезни Василия расходы увеличиваются, а денег заработано мало. Василий предложил занять у турка Али-бея, табакоторговца и владетеля образцового чифлика*, с которым он почти другарь. Федор ответил, что в долг легче брать, чем отдавать, что долги они всегда успеют сделать, а пока, на оставшееся до родов время, он поедет в город, где

* Имение, экономия.

идут большие постройки, и там подработает монету. Аля не хотела отпустить Федора, но и должать — да еще Али-бею! — считала опасным. Турок вызывал в ней смутную неприязнь.

— Когда ждешь? — в сотый раз спросил Федор. И в сотый раз Аля загорелась от плечей и шеи. Ее лицо имело детское беспомощное выражение, когда она развела кистями рук, не отнимая их от живота. — Доктор определил на конец октября. Но, может, раньше и позже... — Василию не терпелось вставить: «Доктора врут, ты сама должна чувствовать», — но он только подумал это и не сказал, потому что решил не касаться ничего, связанного с родами.

— Тогда прямой смысл ехать. Завтра же и поеду... — Федор притушил сигарету, взглянул на Алю. Отвернувшись от окна, она мяла отпоровшуюся оборку передника. Василий старательно прицелился в камин, промахнулся, плюнул вдогонку окурку: «Ах, майка му...»⁴ Медленно выползавшие из камина тени темнили углы и стены: был вечер.

Василий и Аля поженились в эпоху, когда все делалось под аккомпанемент шрапнели и потому невесело, непрочно и безобразно. Спешили жить. Но на первой же остановке, в тылу, а потом за границей они поняли, что друг другу чужие. Разошлись же они в вопросе о детях. Василий не хотел плодить нищих: «Давая ребенку жизнь, — объяснял он, — мы должны обеспечить его, воспитать, поставить на рельсы. Ничего этого сделать сейчас нельзя. Я и говорю, я — “пас”». Аля не спорила с мужем, поступала так, как он хотел, но внутренне с ним не соглашалась. Сокровенная, только одной ей слышная жизнь ее бедер зывала и требовала материнства. И грудь ее, стесненная томлением, будто жаловалась, что нет того, ради которого цветут и зреют ее грозди, бродит и волнуется заключенное в них вино.

По требованию Василия она несколько раз искусственно избегала рожать. Принимаемые меры иногда запаздывали, и Аля долго и жестоко страдала. Последний раз она, согласившись на убийство трехмесячного ребенка, едва не умерла. Выйдя из больницы, повела мужа в церковь — отслужила молебен, а после молебна, в темном углу, у старинной, византийского письма Богородицы, плача навзрыд, поклялась, что никогда, никогда не зачнет от него.

Федор уехал. Первые дни невольного своего безделья Василий испытывал радость ничегонеделания, покоя. Но по мере того как восстанавливались силы утомленного тела, он искал деятельности: не находил и

томился. Василий пробовал читать, но чтение показалось ему слишком медленным занятием. Перелистав две-три книги, закинул их под кровать, оправдываясь мнением какого-то умного человека:

— Один умный человек сказал: книги пишут голодные жулики, а читают сытые идиоты...

— Аля, дай бумагу и конверты, попробую кому-нибудь написать.

Но письмо не удавалось.

«Дорогой и милый Семен Иванович!» —

писал он. У Василия не было ни одного знакомого Семена Ивановича.

«У меня болит нога. Чего и тебе желаю. Страшная скучища. Хочу пойти погулять, а нельзя. А тебе гулять тоже нельзя. А почему, я знаю, а не скажу».

Дальше не шло. Оставшуюся бумагу Василий исчиркал замысловатым росчерком:

«Бывший помещик

Бывший штабс-капитан

Бывший человек

Василий Илларионович

Разморевич».

Вечером, выходя за покупками, Аля спросила о письме.

— Все равно никто не ответит, — нахмурился Василий, — ну их к чертовой бабушке...

Аля ни жалела мужа, ни возмущалась им: не замечала его, даже помогая в тех случаях, когда помогают больным. Аля была поглощена таинственными переменами жизни своего тела, которое она ставила сейчас выше себя, выше всего на свете. Все, требуемое домом от хозяйки, она делала по привычке: утром, наскоро пополоскавшись, кое-как подоткнув длинные волосы под косынку, бежала на базар, в пекарню, к соседке за молоком. Возвращалась, бралась за веник, переходила, напевая, из комнаты в комнату; разводила в очаге огонь, готовила пищу. Все это делала споро, точно и вполне безучастно.

После обеда уходила в свою комнату и здесь оживала. Со дня клятвы перед иконой Богородицы ее комната запиралась днем и ночью. Ключ пристегивала к подвязке у чулка. Василий много раз безуспешно пытался отнять или выкрасть старинный ключ, украшенный полустертой резьбой. Однажды он сделал восковой слепок и заказал новый ключ. Но это была напрасная трата: Аля не забывала оставлять свой ключ в замочной скважине. Борьба кончилась, когда Василий решил «послать Алю ко всем чертям и перейти на *меню*». По этому случаю он вспомнил другого умного человека, называвшего жену домашним обедом, достаточно пресным, и предпочитавшего ему ресторанное разнообразие меню:

— Каждый день — даже шампанское надоедает, — добавлял Василий. Он снялся с женщиной-борцом — чемпионом Европы и Америки, и повесил фотографию над постелью в нарочно склеенной рамке. Аля, убирая комнату, не забывала стряхнуть пыль с траурной рамки... Развода Василий не давал по соображениям принципиальным.

Окна Алиной комнаты, глядевшие в сад, были заграждены железными прутьями — память старотурецких гаремных обычаев. Здесь, в прохладной тишине и одиночестве, начинала она свой день неспешным туалетом. Раздевшись, Аля подходила к овальному зеркалу в тяжелой серебряной раме и долго, долго рассматривала свое лицо, грудь, плечи и живот. Ей казалось поразительным и чудесным то, что она может сложить руки на животе и держать их так, не в воздухе, не на весу, а на теплом упругом теле. Ее пальцы, почерненные солнцем и кухней, выглядели несоразмерно тонкими и странно чужими на вздувшемся белом животе, пересеченном голубыми венами. Аля осторожно проводила ладонью по одной груди и затем по другой; и радостно улыбалась себе, ощущая упругий трепет сосцов, похожих на весенние почки, готовые — вот-вот — раскрыться и украсить мир невиданной красоты цветами.

Покончив с умыванием и причесыванием, Аля мастерила из старых, настоящего полотна, простынь крошечные распашонки, рубашечки, чепцы и прочие незатейливые предметы, значительность которых измеряется тем, что из веков в века они остаются одинаково простыми и неизбежными для всех рождающихся, будь то королева или прачка. Каждую вещичку она обшивала голубой каемкой, слышала, будто Богородицын цвет голубой.

Так проходил ее день. Порою его неторопливое течение нарушал внезапный толчок изнутри. Аля, с бровями, сведенными болью, невольно вытягивалась, откидывала грудь, впивалась пальцами в недошитую пеленку, или край стола, или что другое, попавшее под руку, едва сдерживая крик. А ее губы, оттянутые страхом концами вниз, приподнимались и озарялись улыбкой. Когда толчок утихал, Аля вспоминала институт, и дно заветной шкатулки, и открытку с «Рождеством Христовым», и желтый клубочек, и маленький ключик, и проклеванную скорлупу-темницу.

Однажды Василий возмутился. Он не в силах терпеть. Он готов расколотить свой череп тем самым топором, из-за которого страдает. Пусть Аля сегодня же пойдет к этому жулику Али-бею и тащит сюда его идиотские коробочки для сигарет «Прогресс». Он, Василий Иванович Разморевич, бывший... и прочая, и прочая, а ныне благородный пролетарий,

согласен за 5 скотинок* поштучно клеить анафемские коробки для сигарет первого, второго и третьего сорта, из коих он предпочитает третий...

— Брось ты разговорчики в пользу бедных китайцев: Али-бей и не думает смотреть на тебя, как слон на булку. Среди турок тоже встречаются люди, могущие понять, что ты сейчас неспособна...

На следующий день Аля была в конторе Али-бея. Толстомясыый любезник, в городском платье, но в феске, увидав Алю, захлопнул счетную книгу с витиеватыми арабскими письменами на обложке, вприпрыжку подскочил к ней. Он был какой-то трясучий: щеки, живот и зад при каждом движении подпрыгивали у него одновременно, напоминая джаз-банд.

— Добре дошла, какво искаш, Аля-ханум? ** Я слышал, Василь-эфенди заболел, не хочешь ли у меня работать?

Турок маскировал взволнованное любопытство, мелькавшее в глазах, усиленной любезностью вопросов. В нем боролись чисто азиатское преклонение перед женщиной, несущей бремя, и острое желание близости пышнотелой белой ханум. Намерение Василия привело его в шумный восторг:

— Ами, браво бе! *** Я всегда говорил, что Василь-эфенди работающий руснак! ⁵ Он и большой хочет работать. Ва-Алла!

Он запаковал картон, цветную бумагу и этикетки трех образцов с надписью «Прогресс», тютюнпродавница на Али-бей Папаз-Оглы⁶, Розова Долина» и, не допуская возражений, вышел вместе с Алей. По пути остановился перед кондитерской, подарил Алю взглядом доброго волшебника:

— Чакай малко, сега! ****

Вынес нарядную коробку конфет, держа ее обеими руками. Коробка и живот мешали Али-бею видеть ступени. Он повернулся боком, и Аля увидела, что трясущиеся части его тела трясутся впопад.

...Нет, Али-бей не обижался. Али-бей терпелив и снисходителен. Пусть Аля отказалась попробовать душистый «турецкий мед» — рахат лукум — он принес этот мед больному. Пусть ушла и щелкнула ключом, и оставила его скучать у постели больного: ведь он именно и хотел посвятить трудолюбивого руснака в тайны искусства клейки коробочек для сигарет «Прогресс»... Али-бей подождет! Али-бей нашел дорогу в старый дом, где когда-то похозяйничали неукротимые его предки, а теперь поселилась звезда, упавшая с далекого северного неба... И он добродушно улыбался, поигрывая тройной цепочкой, болтавшейся на выпуклом

* Собственно, стотинка. Стотинка = 1/100 лева. Русские называли стотинку «скотинка».

** Привет, чего желаешь?

*** Одобрительное восклицание.

**** Подожди немного, сейчас!

жилете, как конская сбруя, и вспоминал древнюю восточную поговорку: «Куда сердце, туда и ноги».

Рабочий день Федора начинался в шесть и кончался в восемь. Вставал в пять, ложился в девять. Жил в только что из небытия возникшем предместье с не в меру звонким именем «Малкийт Париж». Маленький Париж состоял из сотни-другой участков, разбитых на глинистом поле — местами заросшем колочками и чертополохом. Не было ни улиц, ни даже проезжих дорог. Редкие возы, подвозившие деревянный строительный материал и черепицу, шли целиной. Участки соединял капризный узор тропинок. В дождь Маленький Париж стоял в сплошном болоте, крайне опасном испещрявшими его и невидимыми под водой ямами: парижане брали глину для саманных кирпичей неподалеку от возводимых зданий. В жару — эта пустынная безводная равнина пылала ошеломляющим зноем. Земля трескалась и раздавалась. Иная трещина черной змеей проползала стену и фундамент, уходила в землю посреди дома.

Дом, где поселился Федор, делился передней на две половины. Левую, уже отстроенную, т.е. имевшую пол, потолок, окна и двери, занимали хозяева. В правой обитал Федор. Его половина была засорена обломками самана⁷, стружками, там и сям разлитой известью. Вдоль стен лежали ряды черепицы. Спал он на земле, еще сохранившей местами пучки высохшей травы, на соломе, застланной поредевшим одеялом — подарок благородных иностранцев. Накрывался шинелью добротного старороссийского солдатского сукна, про которую Василий спрашивал не иначе, как: «Где твоя выдавшая виды?..» Подушку заменял вещевого мешок, до отказа набитый бельем и прочей нехитрой дробностью офицера-чернорабочего. Саквояж с выходным платьем хранился на половине хозяев.

Четырнадцать часов в сутки Федор замешивал известь с песком, носил эту смесь по крику мастеров-каменщиков: «*Киречь*» — вверх, на второй и третий этаж, осторожно перебирая ногами зыбучие доски мостиков. В полдень, по слову старшего мастера: «Айда, направим малка почивка»^{*}, он шел вместе с другими поденщиками в ближайшую корчму обедать. Рабочие, к которым принадлежал Федор (они назывались надничарами), в большинстве прибыли сюда, в болеющий строительной лихорадкой город, из далеких безработных мест. Их поведение в городе подчинялось всемогущему закону: «*Спечелить пари*»^{**}. Федор вольно и невольно усваивал манеры, образ жизни и отчасти психологию надничар, чем постоянно вызывал одобрение с их стороны. Как и они, он начинал день куском хлеба с сыром, запивал завтрак водой, а потом скрашивал его убогую непрехотливость преувеличенно бодрым восклицанием:

^{*} Немного отдохнем.

^{**} Заработать деньги, хотя бы с ущербом для здоровья.

— Иа, да залушим по една сигара!*

Заодно с ними он шел в ближайшую корчму, потому что она кормила дешевле других. Корчма эта состояла из наспех сложенной печи, защищенной от дождя и ветра нетесаными досками, сбитыми вкривь и вкось; столов с рядами параллельно вытянутых скамей. Столы и скамьи, сделанные из таких же шершавых досок, что и навес над кухней, мало отличались друг от друга: столами служили две сколоченные доски, положенные на столбики повыше, а скамьями — одна доска, положенная на столбики пониже. Пять-шесть босых потрепанных мальчигов разносили «пачу»** в каменной посуде, не мывшейся, по-видимому, с основания корчмы. Федор принимал эту посуду за горшки для цветов.

Такого рода корчмы вырастали с быстротою гриба в местах большого скопления рабочих.

Надничары брали на обед «едну пачу», «еден лябче»*** и гроздь винограда. Пача подавалась без вилок: ели ее пальцами, отламывали ломти хлеба и действовали ими как ложкой и вилкой. Оставшийся по краям и на дне посуды хлебный мякиш, пропитанный жиром, собирали кончиком языка.

— Ами, много хубаво е!**** — смеясь, отодвигали прочь отэмалированную посуду соседи. Федор во всем поступал так, как они, исключая операции с языком.

Остаток отдыха надничары проводили в тени, под стеной. Ели виноград, курили, переобували обувь, говорили о заработках. В час приходил бай-майстор (старший). Он был местный, ему приносили домашний обед в маленьких изящно сделанных казанчиках****. Федор мечтал, что когда-нибудь Аля принесет ему обед в таких казанчиках... Начинаясь вторая половина «надницы», продолжавшаяся на час больше первой. К концу дня рабочие все чаще поглядывали на солнце. Украдкой, чтобы не заметил бай-майстор, спрашивали время у имевших часы. Это напоминало Федору школу, где научили его читать, писать и считать, но не дали ни одного урока, о котором он вспомнил бы в жизни. Федор нагреб полную лопату кирпича и шлепнул его в ведро:

— Вот он, университет...

...Иной раз под вечер, когда стрелка часов как бы нарочно застревает на каждой минутной черточке, казалось Федору, что образование, получаемое среди надничар, превышает силы. Казалось, что ведра, которые он нес по бесконечным переходам, вот-вот упадут вместе с руками, а ноги, свитые обручами слабости и безволия, промахнутся и он упадет с

* Выкурим по сигаре!

** Вываренное мясо.

*** Хлеб.

**** Но это прекрасно!

***** Кастрюльки из металла.

высоты на землю, загрязненную осколками кирпича. Он останавливался, опускал ведра, задумчиво разглядывал руки, высушенные известью и ветром; затягивал пояс на проделанную недавно новую дыру, возился с развязавшейся обмоткой. Тело плохо повиновалось ему. Тело кричало о смертельной усталости и тянуло в покой, равный смертному.

«Шаг вправо, головой вниз — и свершена работа»... очень просто», — говорил себе Федор. Но минутная остановка уже освежала его силы, и он снова впрягался в хомут работы, шел дальше и для собственного воодушевления насвистывал надничарскую песню:

— Не искам да работя**.

— Bravo-бе, — кричал ему встречный рабочий, с трудом поворачивая голову. В снаряде для переноски кирпичей, оттягивающем плечи, с выкаченными, напряженными, налитыми кровью глазами, он выглядел быком в ярме. — Хорошо свистишь наши песни, bravo, руснак!

Федор отвечал ему веселым, ничего не значащим, но пригодным ко всем случаям жизни «Айда-бе» и глядел вслед, качая головой:

— Ну, это почище ведер, пожалуй...

Так, с быстротой человека в ярме, несущего кирпичи на верхний этаж, — проползали рабочие дни. В субботу после полудня получали расчет: деньги... Суббота и воскресенье были также тяжелыми днями, хотя по-иному. Обычно он чувствовал себя надничаром. Ни одеждой, ни распорядком дня не отличался от других рабочих. В часы отдыха он не был тем, чем сделала его жизнь; ни тем, кем он хотел быть в жизни. Он был никем и ничем: голым человеком. Он это знал, и это знание было невыносимо.

Федор жил в «Париже» потому, что здесь сдавались углы для ночлега за низкую плату. Ему казалось естественным, входящим в ритм трудовой недели, прийти сюда вечером, облиться водой, выспаться и утром, едва проснувшись, уйти. Но провести полтора дня на соломе, среди хлама и мусора, он не мог. С утра воскресенья, одев чистое платье, он уходил в город. Федор не знал, есть ли у него городские знакомые, и не хотел знать, не искал новых знакомств, потому что душа его была полна тем, что имела.

В осенний воскресный день Федор сидел на дальней скамье городского сада с записной книжкой в руках и под нарядные звуки невидимого за деревьями оркестра подсчитывал заработок. Он выписал приятный глазу итог на отдельную страницу и задумался, глядя на него, о количестве замешанных и перенесенных ведер. Хорошее настроение, вызванное созерцанием итога, искало действий. Пронеслась мысль о терпком болгарском

* Конечно дело!

** Не хочу работать!

вине, потом о пиве: пиво дешевле. «Нет, — сказал он, — кабаки без меня торгуют, эти деньги пойдут Але». Однако на скамье не сиделось. Он колебался между кинематографом и чашкой кофе, когда оркестр грянул во всю свою медно-барабанную мочь: «Волга, Волга». Тотчас изо всех концов сада отозвались Волге добровольные певцы, певшие с увлечением.

— Завоевание! — усмехнулся Федор и зашагал к веранде, расположенной против оркестра. Взял кофе.

Углубленный в рассматривание карикатур «Балканского Папагала»*, где изображались противники всемогущего Стамболийского**, он не заметил господина примечательного вида, присевшего рядом. Господин этот, одетый в военную куртку болгарского покроя, но с явно российским носом и необыкновенно закрученным маслянистым чубом, приблизился к столу крадучись — будто подползал к опасной позиции. Осторожно усевшись, откинулся на спинку стула и, наблюдая, не замечает ли Федор, поманил лакея. Сильным нажимом руки он согнул подошедшего парнишку в прямой угол, приблизил ухо:

— Винка и два стакана, — опасливым шепотом прошептал чуб, тыча двумя пальцами в нос лакею и скашивая глаз на соседа.

— Какво искате?*** — недовольно переспросил лакей: ему не нравились приемы старого военного.

— Какво искате?! — подхватил чубатый. — Винка давай, н-н-не п-п-панимаешь?! — Лакей шарахнулся в сторону. За соседним столиком привстали. Вдали показались плывучие плечи господина в крахмальной манишке. Федор повернулся и встретил сердитый и смеющийся взгляд:

— Хууу-у — ну и тетеря же ты! А я на него гляжу, а он — ну, хоть бы ну! — Это был Илья Харитоныч, донской есаул, знакомый по Балканам. Теперь он служил старшим музыкантом в гарнизонном оркестре.

Обрадованный есаул перешел от вина к сливовице. К немалому изумлению соседей, он пил сладкую жгучую водку винными стаканами.

К полуночи веранда опустела. Паренек с полотенцем двигался медленнее, скучно посматривая на гулящего есаула.

— Нуткась, братушка, — остановил его есаул, — добеги до чорбаджия****, скажи ему, что, дескать, Илья Харитоныч играть желает: ду-ду-ду, — показал Илья Харитоныч руками и губами. Он скинул военную куртку, повесил ее на спинку стула. Под стулом лежал ящик с корнетом.

Когда Илья Харитоныч переиграл свои песни про Тихий Дон и вороного коня, Федор попросил у него инструмент... «А ты умеешь дудить? — не доверял есаул. — Брось баловать, давай песню зашумим...»

* Папагал — попугай.

** Быв<ший> диктатор Болгарии.

*** Что желаете?

**** Хозяин.

Федор обкусал губы так, чтобы придать им пухлость и гибкость, и, набрав полную грудь воздуха, выдул первый высокий и смелый звук. Он не играл давно и не мог вспомнить ни одной музыкальной вещи, которую знал бы до конца. Согретая вином кровь шумела в голове и будто под-сказывала именно те обрывки мелодий и именно в таком чередовании, что выпевалась красивая и звучная песня. Все, что жило в нем, не находя выражения в словах, он посылал прямо из груди, от сердца в притихшую ночь. Корнет уносил Федора за пределы веранды, сада... ему казалось, что звуки золотыми стрелами перелетают небо и падают сквозь стреху старого дома к изголовью Али.

Есаул слушал, пригорюнившись к ладони, — как играют задумчивые казачки песни старого Дона.

— Такого корнетиста мы и за глаза купим, — оценил Илья Харитоныч. — Да ты, брат, дурак! Чего ж ты, мудрила-мученик, ведра таскаешь?

Федор улыбнулся распухшими красными губами, не отвечал, пил вино. По его телу струилась усталость, подобная той, какую он нес в себе, расставаясь с Алей. А есаул, теребя чуб, описывал привольную жизнь музыканта. Жизнь, не сулящую богатств, но дающую угол и каждодневную сытость:

— Чаевые я не считаю, — убеждал Илья Харитоныч, — магарычи там, и все такое. Это своим порядком... И с размаху опускал руки на плечо задумчивого и грустного Федора.

Федор ходил на главную почту за письмами до востребования по субботам, после расчета. В эту субботу он получил два закрытых письма вместо открытки от Али. Первое было от Василия:

«Дорогой Федор, вчера я встал в первый раз. Нога уже зажила, а работать нельзя. Встал я и пошел в управу. Ты знаешь, надо брать разрешение на дом. А братушки сказали: айда, руснаки, т.е. нельзя. Хорошо, что Али-бей давно зовет в чифлик за коровами смотреть и другая работа. На одного и на Алю. Тебе лучше оставаться там. А вещи твои в конторе у Али-бея»...

Аля писала длинно, сбивчиво, с повторениями, — как пишут молчаливые люди. По ее письму выходило, будто Василий переезжает к Али-бею, отказался в управе от старого дома. Аля не жаловалась, не звала. Только в уголке письма написала, что «уже скоро»...

Али-бей часто бывал в старом доме, приносил груши, сливы, арбузы по мере того, как получал их возами из чифлика. Втроем они садились

в комнате Василия за стол, сбитый из макаронных ящиков. Вокруг стола стояли неуклюжие чурбаны, свидетели профессии обитателей.

Али-бей садился на чурбан, покрытый мешком с соломой. Его грудь едва доставала края стола. Он приподнимался, когда резал арбуз или предлагал Але сигару. Под напором алибеева живота гнулись слабосильные макаронные ножки. Аля скрывала улыбку: это чурбан Федора; Федор до пояса возвышался над столом.

Однажды Али-бей подъехал на шарабана с желтыми ободьями и красными спицами. Аля и Василий подбежали к окнам: за три года впервые около их дома остановился экипаж. Али-бей не торопился слезать. Знал, что мужчина его веса выгоднее выглядит кучером собственной пары коней, чем утолщенным продолжением чурбана.

— Добре дошел! — кричал Василий, выставив за окно костыль и взмахивая им как салютуют саблей.

Али-бей коснулся ладонью фески, глядя на Алю. Он рассказал, что приехал прямо из чифлика с большим делом. Вчера он рассчитал работника, смотревшего за коровами, пойманного в краже. Али-бей напоминает друзьям свои давнишние просьбы погостить в имени. Теперь он просит о милости: помогите вести хозяйство!

Любезно смеясь, турок добавил, что, конечно, они сойдутся в цене с Василь-эфенди.

— А что касается Али-ханум... — Али-бей закинул глаза: Слава Аллаху! Он понимает ее тревогу! — Аллах благословил его двумя женами и пятью детьми. Пусть Аля-ханум знает: этот ничтожный, хотя и удобный шарабан всегда к ее услугам. До города нет и часа езды.

Чифлик Али-бея можно было угадать издали по кипарисам, уходящим в синее небо. Величавая красота этих могучих свечей, веками зеленеющих перед престолом Господним, не успокоила взволнованного Федора. Увидев чифлик, он свернул к нему с шоссе, покрытого известковой пылью, напрямик, через сжатую ниву. Острые черенки колосьев сухо скользили по голенищам сапог, напоминали боевое поле, цепь, визги и свисты пуль. Беспокойная мысль Федора нашла это сравнение после того, как рука инстинктивно потянулась к рукояти нагана. «Чем не боевая задача?» — проговорил он вслух, как всегда в минуты волнения.

Раскрытые настежь ворота позволяли видеть обширный, чисто выметенный двор, усадьбу типа швейцарских домиков, а по сторонам и против нее мелкие постройки, выглядевшие старше усадьбы. Пегая собачонка, повиная гостеприимным хвостом, подбежала к нему, но, узнав чужого,

залаяла, кинулась прочь. Со всех концов двора, высоко вскидывая лапы, сбежались овчарки. Федора окружило кольцо зубов и лая.

— Гей! — крикнул сердитый голос. — Ким сэн?*

Али-бей приближался прыгучими шагами, разворачивая на ходу колена и цепляя землю носками турецких туфель без каблуков. «А ноги у него иксом», — заметил Федор.

— Ким сэн? — озлобленно повторил Али-бей. Вопреки обычаю, он не поздоровался, не хотел узнавать. Федор почувствовал, что исход его дела зависит от первого шага на враждебной земле.

— Здравствуйте, господин Али-бей, — сказал он по-русски, чеканя каждый слог, — будьте добры, усмирите собак.

Откинув полы кожаной куртки, сохранившей следы споротых погон, опустил руку в карман, между телом и револьвером. Подоткнул револьвер так, чтобы его выпуклые очертания говорили без слов. Он сделал железный намек: не угрожал — так не угрожает игрок, разложивший козырную масть по зеленому полю битвы.

— Не пойму, о чем говоришь, — ответил турок: резким движением перекинул феску со лба на затылок, — кэт!** — замахнулся на свору, — ничего не слышно за лаем!

«Восток понимает угрозу и лесть», — подумал Федор. Он подошел к Али-бею и протянул руку:

— Послушай меня, эфенди! Клянусь, твоя благородная душа понимает меня! Ты знаешь, чего я жду от благородного сына твоего почтенного отца!

— Ва-Алла! — воскликнул турок, растроганный почтительным руснаком с неприятной вещью в кармане. — Делай, что хочешь, клянусь магометовым глазом.

Он зажал руку Федора горячими потными ладонями: иди свободно...

Сегодня ночью Аля видела во сне кровь. Она пекла огромный пирог из пышного вязкого теста. Аля раскатала верхний слой пирога, которым покрывается начинка, осторожно продела под него руку и опустила так, чтобы края его совпали с краями нижнего слоя. Потом взяла широкий круглый нож, каким режут турки халву, и провела им два раза, чтобы дать воздуху доступ во внутренность пирога. Надрезала она слегка, но образовавшиеся отверстия начали быстро расти. Аля бросила нож. Схватила расползавшиеся концы теста, пытаясь их соединить, склеить. Но концы выскальзывали из рук. Испуганная Аля мяла пирог со всех сторон. А он распухал, пучился горой и потом беззвучно лопнул и залил кровью ее лицо и грудь.

* Кто ты?

** Прочь!

Проснувшись, Аля подумала: видеть кровь — встретить родного. Одевшись, вышла в сад. В саду лежали длинные тени: там, за деревьями поднималось неспешное осеннее солнце. Дорожки были устланы опавшими желтыми листьями. Аля медленно шла золотой тропой, между кустами хризантем, к солнцу. Колеблемые утренним ветерком хризантемы казались ей разноцветными облачками, плывущими по желто-зеленому небу. В минувшую ночь на ее любимом золотисто-алом кусте распустился новый цветок. Аля наклонилась, чтобы вдохнуть едва уловимый тонкий аромат, но не могла дотронуться. Она сделала большой шаг, приблизилась к себе цветок, поцеловала кружевные лепестки. Колочая режущая судорога свела ее ноги, Аля упала на клумбу, лицом вниз.

Когда боль утихла, она, не поднимаясь с земли, сорвала золотистый цветок. Первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь поредевшие ветви, осветили ее, лежащую среди цветов, с золотой хризантемой, прижатой к губам. Алю наполнили радость и страх — два чувства, создающие торжественность, — она знала, что то, чего она ожидала и боялась, произойдет сегодня.

Аля ходила по комнате, укладывая чемодан и раздумывая, кому бы сказать, что сегодня понадобится шарабан. Правильнее — думала она — сказать Василию. Но легче турку. Когда постучали в дверь, она решила сказать первому, кто войдет.

Федор не хотел брать экипаж Али-бея — в соседнем селе много подвод, можно нанять, — но уступил, когда, поцеловав лоб, Аля сказала ему о своем ожидании. Он нашел Али-бея на птичьем дворе. Али-бей сидел на корточках и кормил петухов и кур кукурузой, вываренной в красном перце. По-видимому, это занятие целиком увлекало его. Задыхаясь смехом, он говорил что-то по-турецки, указывая на дерущихся птиц стоявшей подле него старухе. Старуха — тетка и домоправительница Али-бея — отвечала неодобрительно, будто выговаривала алибеево легкомыслие, но не уходила и тоже смотрела.

— Йа, глядай, Тодоре-бе! — обрадовался Али-бей новому зрителю. — Посмотри, ради Аллаха, как этот черный петух кидается на свой гарем! Ба-Алла! они разнесут мой чифлик!

Между припадками неудержимого смеха он крикнул работнику запрягать и снова подбросил своему любимцу горсть разбухших от варки, пропитанных перечным соком зерен. Кукуруза обжигала нутро, горячила петушиную кровь, и петух, забывая осеннюю смирность природы, с громким победным кличем седлал кур.

Приход Федора смутил алибееву тетку. Пробормотав нечто о лысине и немалых годах, она удалилась, позванивая связкой ключей — символ власти над домом.

— Нет, — сказал Али-бей, переведя блестящие глаза с петуха на Федора, — этого башибузука я [не] променяю на табун коней. Посмотри, какой он черт! Когда мой черняк в настроении, ни один петух не смеет подойти к курам. Клянусь глазом пророка, я его не зарежу до самой смерти...

Мысль о Василии мешала Федору понять Али-бея, хотя он и чувствовал в словах его неприятный оттенок.

— Василь, Ва-асиль, — протянул Али-бей, не прибавляя: «эфенди», — он там. — Показал на одну из построек. Это был сеновал. Василий стоял спиной к входу, с вилами в руках: перекидывал сваленное на землю сено на чердак. Вилась душная ароматная пыль, просеченная солнцем. Василий не повернулся на голос.

— Василий! — громче повторил Федор. Тот молча продолжал работать. Потрескивало, шуршало сено, железными зубьями звенели вилы.

— Василий, — обратился Федор к потной спине с приставшими к ней стебельками и репеем, — мы с Алей уезжаем. Прощай, я тебе напишу.

Хотел добавить: «А вещи твои в чифлике Али-бея». Но сдержался.

Прага, 1929

СПОСОБ

В ресторане «У трех тополей» сидела за кружкой пива небольшая компания друзей. Настроение создалось интимное: говорили о женщинах.

Молодой человек, с глазами задумчивыми и яркими — в полутьме ресторана его глаза казались зеркальными струйками, затемненными грустью, — рассказывал не спеша, выбирая фразы...

— Я улучил момент, когда ее кавалер отошел и она осталась одна. Из танцевального зала клубами вырывался какой-то необыкновенно однообразный утомительный мотив. Утомительный и как-то странно действующий. Я, помню, подумал, что в звуках саксофона есть масса чего-то невероятно чувственного...

Мимо порхали парочки, а она все ходила вдоль стен и сжимала руки. Наверное, она не думала об ушедшем собеседнике, а о ком-то или о чем-то другом. Она ни разу не посмотрела вокруг, все ее внимание было сосредоточено на смуглых нервных руках с блестящими, длинными, отточенными ногтями.

Вы знаете, господа, один немалый писатель сказал, что самое страшное у женщины — ноги. Конечно, это так. Но руки... Не знаю, как вы, но, на мой взгляд, ноги — это удар молотом: может зашибить, может совсем пришибить, может и промахнуться. Не всегда же мы находимся в состоянии атаки. А руки... О, это оружие тоньше и вернее. Заметьте, есть женщины, обладающие красивыми ногами, но — часто — руки их не имеют ни лица, ни страсти. А вот покажите мне женщину с красивыми руками и без ног?! Такого сочетания не встречал...

Красивые руки — это рапиры, которыми прокалывают ваши глаза без промаха. Ну а у этой были и руки, и ноги, и еще волосы. И что за волосы. Клянусь «первым днем творенья»¹ и улыбкой Джиоконды: ее волосы обладали самостоятельной жизнью. Она двигалась тихо, и воздух был почти недвижим. Но пряди ее волос тысячью крыльев обвевали ее и придавали ее лицу какое-то совершенно фантастическое выражение. Право, оно казалось одновременно и загорелым — смуглым, и бледным; и радостным, и больным. Порой на лице ее играло оживленное любопытство — она словно прислушивалась к чему-то внутреннему; а через мгновение — набегала какая-то вот именно неприступная грусть. Такие перемены создавали глаза и губы. Ее губы, бледно-розовые, с золотистым

пушком, улыбались то весело, то печально. Я с десяти шагов видел, как кончики ее губ, словно месяц в руках забавляющегося над гоголевским кумом черта, опрокидывались то вверх, то вниз...

Я сто раз хотел подойти и не решался, не мог подобрать предлога. Подойти и сказать: «позвольте пригласить Вас на вальс» значило бы раз и навсегда разбить очарование. Тут надо было что-то такое, чего никогда не было и не будет. Каждое настоящее чувство берет истоки в неведомых нам самим тайниках нашей души и протекает каждый раз своим необыкновенным путем.

Я шел за ней в трех шагах. Перед тем как ей поворачивать обратно (мы ходили по коридору, в концах которого, во всю стену, висели зеркала), я отходил в сторону, пропускал ее и снова шел за ней. Так мы отмеривали уже не первый километр. Замечала ли она? — не знаю!.. вот спросите этого джентльмена (он указал на продавца пива, озабоченного внутренним состоянием своего носа; продавец быстро выдернул палец и отвернулся) — спросите-ка его: как он не знает, так и я...

Вся компания оглянулась на продавца, кое-кто засмеялся. Сидевший рядом с рассказчиком высокий брюнет с подбородком, рассеченным продольной ямкой, нетерпеливо поторопил:

— Ну, ну?!.

Продавец пива собрался было по-хозяйски окрикнуть, но раздумал и наклонился над газетой.

...И вот, когда мы опять подошли к зеркалу, она остановилась, и так неожиданно, что остановился и я, не успев отойти. Я посмотрел в зеркало и в зеркале — заметьте это — в зеркале встретил ее глаза. Тут мне все стало ясным. Конечно — и эти губы, и эти волосы, и эти глаза — вся она — это была она, колдунья Мережковского, Кассандра!

— Вы — Кассандра, — сказал я. Сказал не ей, но ее отражению в зеркале, потом обошел ее (она еще неподвижно смотрела в зеркало) и, став между нею и зеркалом, так, прямо в глаза, и повторил ей:

— Да, Вы — Кассандра. Знаете ли Вы, что Вы — Кассандра?

Она перевела глаза от зеркала на меня, и в них я не увидел ни испуга, ни удивления.

— Вы так думаете?..

Она казалась не более взволнованной, чем если бы мы обсуждали в академической обстановке преимущества новой орфографии. Обращенный ее вниманием, я стал рассказывать длинную и не лишенную лирических отступлений повесть о ней самой. Я познакомил ее с Кассандрой греческой, трагической сестрой прекрасной Елены; и с Кассандрой — колдуньей из «Воскресших богов»². Я изобразил ей, какая она притягательная, необыкновенная и таинственная...

— Ну-ну, весь взъерошенный, — заволновался раздвоенный подбородок, — ну и что, было у вас дело? Вышло или нет?

Рассказчик с видимым трудом подавил в себе какие-то острые слова — ножи, не ответил.

— Да чего-о-о там, — обиделся подбородок, — все равно одно к одному приходит. А этак что же — обижаться? Этак «вроде Володи»³ получается.

Он засмеялся, но никто ему не вторил. Рассказчик, потупив глаза, старательно раздавливал нерастаявший сахар в чашке остывшего кофе. Подбородок храбро запрокинул голову, словно пил водку, с размаху опустил кружку, по краям которой сбегала пивная пена:

— Пиво, — крикнул он весело и утвердительно, словно подарил заказом, — а способ твой (он похлопал задумчивые глаза по плечу) *хорошо!* Надо будет испробовать...

У него был вид именинника, которому только что пропели «многая лета».

— Так ты, говоришь, подошел и крикнул: Ксюша!.. (не то — как ее «вроде Володи» звали-то?)... Ксюша, дескать, здравствуй!.. а она этак «вроде Володи» — отвечает...

Компания смеялась. Смеялся и рассказчик. Но внутри себя он ощущал какую-то неприятно скрученную хрупкую пружинку, составляющую не последнюю деталь механизма души, и только что — через этот самый смех — потерпевшую ущерб.

Не прошло и десятка дней, как задумчивый молодой человек встретился с подбородком. Подбородок тащил огромный желтый чемодан. Он занимался комиссией книг. Говорили, что этот неходкий товар раскупался у него с поразительной быстротой. Подбородок хвастал, что к своим клиентам применяет тысячу и один способ воздействия, изобретенный Че-кой.

— Ну-н-у... — насмешливо и злобно протянул подбородок, — ну и научил! вот так с Аленой огурец.

И не теряя времени на вступление, изложение и заключение, бросил в атаку на задумчивые глаза весь свой запас предпоследних и последних слов...

— Иду это я по Набережной. Чемодан пустой, все распродаю, настроение на ять. Смотр-ю-ю (звук «ю» выходил у него со свистом, и это делало его «ю» противным. Его «ю» вызывало демонстрацию со стороны органов слуха, зрения и обоняния) — идет. Ничего себе сюжетец, сытенькая. Коленки видать и все такое. Поясок, конечно, где полагается, — ходит...

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ

Я этак, скондибобером, к ней. Мурочка-мамурочка, говорю, ты ли это? — я про тебя в книжках читал. А она — шарах от меня. В руках у нее зонт. Треснет, думаю. Но — ничего, думаю, — вперед, больше поэзии... Говорю ей: — а я Вас сегодня ночью во сне целовал. Хотите — пойдем, я расскажу?.. А она, «вроде Володи», от меня и от меня. Я уже было чемодан на скамейку поставил, подождите, говорю, присядем, поболтаем... Ну, и ушла. Ни слова не сказала — вот тебе и способ...

Молодой человек с задумчивыми глазами слушал и не слушал. Он думал о другом — о том, что тысячи путей ведут к одной цели, и хотел узнать — какой путь правдивее и лучше.

Прага, 1929

В ТРАМВАЕ

В осенний хмурый, продрогший вечер я возвращался домой после утомительной целодневной работы. В эти часы весь рабочий люд Праги, подобно мошкаре, слетается к синим созвездиям трамвайных остановок и в усталом молчании расплывается по окраинам затихающей столицы.

Я стоял в проходе трамвая и думал, что вот — эти несколько десятков мужчин, женщин, подростков и стариков так же, как и я, недовольны толчеей и теснотой; что и они пять минут назад с наслаждением оставили работу, легко вздохнули, почувствовали голод, усталость, желание поскорее добраться к себе на квартиру, вымыться, поесть, отдохнуть, пораздумать о смысле и цели всего этого движения, которое их окружает и которое они же и создают...

Мне показалось, что при мысли о цели они, ничего не ответив себе, снова вздохнут и взгляд их упадет на часы; они покачают головой и скажут: «О, уже поздно!.. надо скорее спать, а завтра...»

Завтра они сядут в обратный трамвай, и он привезет их к той самой остановке, на которой они сели сегодня.

Раздумывая таким образом, я переводил глаза с одного лица на другое, стремясь прочесть в них подтверждение или отрицание тех мыслей, которые теснились в моей голове, словно люди в вечернем трамвае.

Пока я смотрел, кто-то подошел и стал подле меня. Я слышал с трудом сдерживаемое прерывистое дыхание: человек, оказавшийся моим соседом, должно быть, быстро бежал. Потом, когда на повороте волна воздуха пронизала трамвай из открытых дверей, до меня донесся чуть слышный запах элегантных (должно быть, очень дорогих) духов. Мне хотелось посмотреть, кто это, но мы все — едущие — были прижаты друг к другу теснее, чем пальцы в кулаке.

У Хотьковых Садов¹ часть публики вышла, и тут, незаметно повернувшись, я увидел: рядом со мной стояла девушка или очень молодая дама. Костюм ее представлял собою противоречивую смесь богатства и крайней бедности, настолько крайней, что уже нельзя было бы установить, где тут кончается бедность и начинается нищета... Ее пальто, некрасивого покроя, цвета какого-то мертвенного желто-зеленого, сидело кое-как. Не по моде длинное, оно было к тому же грязным: словно она не снимала пальто во время какой-то неопрятной работы. Ее шляпа — простая, чер-

ная, похожая на шлем, с трудом сдерживала темные густые волосы, выбивавшиеся там и здесь. Прядь волос не уместилась под шляпой, упала на плечо и слилась с мехом горжетки. Именно от этого меха и исходил тонкий аромат духов...

Откуда у нее может быть такой мех? — Купила?.. Нет, скорее, продала пальто, соответствовавшее меху... А мех? Не успела продать? или никто не купил?.. — Этого я не знал.

Трамвай продолжал гудеть, звенеть, останавливаться, продвигаться; люди входили, выходили; проводник прощелкивал билеты, а я все рассматривал незнакомку.

В ее ботинках опять-таки была смесь красоты и убожества. Легкие лаковые ботинки чрезвычайно изящно облегли высокий подъем ступни; но лак давно потрескался, каблуки скривились и сбились; одна застежка держалась на грубой железной пуговице, другая была приколата английской булавкой...

— Да, конечно, она находится в переходе от богатства к бедности, никак не обратно, — подумал я... Но причина? причина?..

Моя соседка неотступно смотрела в окно и, видимо, не замечала никого и ничего, кроме названий мелькавших станций. Вагон шел быстро. Сильно качало. Одной рукой она придерживала покупки, другой ухватилась за ремень, свешивавшийся с потолка. Я пригляделся к руке, державшей ремень... Что-то в высшей степени жалкое, хрупкое и милое прочитал я в выражении этой руки. Ее пальцы — тонкие, длинные, гибкие — казалось, были созданы для игры на арфе. Такими пальцами можно было бы нежно перебирать лепестки розы; настолько нежно, что ни один не увял бы... Но кожа пальцев с внутренней стороны была груба, нечиста, шершава. Временами она опускала руку, давая ей отдых, а потом снова бралась за ремень. В один такой момент я заметил на безымянном пальце перстень, золотой, с тремя камнями: в середине бриллиант, по краям темно-алые рубины. Такие перстни дарят обыкновенно невестам.

В другой руке она держала покупку, небрежно завернутую в обрывок газеты. То был завернут кусок хлеба, небольшой кусок, четвертушка и притом едва ли сегодняшней выпечки. Локтем этой же руки она прижимала к телу еще какой-то сверток. И хотя он находился в полной безопасности, она время от времени озабоченно посматривала на него и прижимала еще плотнее. Этот сверток был перевязан разноцветной тесемкой с надписями. Только очень богатые магазины позволяют себе роскошь рекламироваться на столь малоприметных предметах... Во что бы то ни стало мне захотелось узнать: что же это такое она купила в дорогом магазине?

Константин Чхеидзе

Я сел на освободившееся около нее место; сел только для того, чтобы прочесть. Сидеть пришлось бы недолго: на следующей остановке выходить... И вот я прочел: синие буквы на белой с красным тесемке: pejlerši détska moučka*.

— Кто бы она ни была, — сказал я себе, — она — мать.

.....

И удивительное дело! — выходя из вагона, я чувствовал какую-то легкость, какое-то не то удовлетворение, не то спокойствие. Что-то такое мне стало ясным; что-то такое (что именно? — не знаю) получило определенность и смысл...

Освещенный трамвай скрылся за поворотом, а я еще долго смотрел на немигающий свет синих созвездий и думал о промелькнувшей встрече.

---

* Лучшая детская мука.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

(глава из романа)

Кто подумает, что речь идет о женских глазах, — ошибется. Глаза, о которых я говорю, принадлежат мужчине. Глаза, о которых я говорю, умеют быть строгими, но — тень печали никогда не посещает их. И — может быть — в этом их недостаток: в нашем мире, сотканном из страдания и радости, нехорошо быть без печали. Которая иногда — прозрачная дымка, скрадывающая несовершенство, иногда — облако, уносящее нас в иную страну, где все нежнее и лучше... В *его* глазах я никогда не видел печали.

Но они умеют гореть! Они умеют вдохновляться и вдохновлять. Когда подходит минута — они загораются голубым огнем. И пусть правы говорящие: этот голубой огонь не воспламеняет... Да, не воспламеняет — освещает, пронизывает и достигает глубин недостижимых... В голубых глазах скрыта сила: упорная, гибкая, тихая, страшная... О, не надо ожидать молний. Никто не дожидется грозы и бури от этих прозрачно-голубых глаз. Но... они и не заплачут.

Однажды (это случилось на второй или третий год нашего знакомства) я спросил о царе и тайне. Я спросил о том, что нашептывал Петр Степанович Верховенский задумчиво шагавшему Ставрогину¹.

— Слушайте, — сказал я, — Савва, слушайте... Я знаю одного юношу. Я его нашел в Болгарии. Это так было... Меня послали в Софию отвезти казенный пакет; я приехал ночью. Куда идти? В гостиницу я боялся, в пакете были важные сообщения; если бы он попал в ненадлежащие руки, пахло бы кровью... Знакомых нет. Что делать?.. На счастье, какой-то братушка показал мне русское общежитие. Клянусь Вам, я такого ада еще не видел!..

Вы бывали в паровозных трюмах, когда бежали из Крыма, вспоминаете? Ну, так я вам скажу, что паровозный трюм — это просто салон сравнительно с тем общежитием.

Ад! Грязный, вонючий ад, насквозь вшивый, мокрый сверху, мокрый снизу, и, кажется, еще клопы там водились; хотя я не понимаю, что могли делать клопы в такой бедности, при температуре ниже нуля... И вот вхожу я. На нарах люди. В проходах опять-таки люди. В дальнем углу топится железная печь, дым от которой сразу въелся в глаза. Но все-таки там, около печки, было теплее. Я щедро угощал папиросами направо и налево, и

мне позволили занять уголок поближе к огню. Слева от меня сидел юноша, почти мальчик, лицо которого поразило меня. Слушайте, слушайте же, Савва! Это было лицо монгола, но царственного монгола! Я никогда не видел такой чистоты, такого благородства линий. Казалось — тысячелетняя порода отражалась в этих своеобразных линиях монгольского лица... Я подумал: как попал сюда этот азийский принц?.. И словно сосед подслушал мои мысли. Он повернулся к монголу, положил ему руку на плечо и назвал его *князем*... «Послушай, князь, — сказал сосед, — почему ты не куришь?» Тот покраснел и потупился. Было ясно, что он покраснел потому, что он — князь и находится в такой трущобе; и потому еще, что ему хотелось курить, но курить было нечего, и он стеснялся попросить и показать свою бедность — бедность монгольского принца... Я не мог не заинтересоваться им. Добродушно извиняясь в невнимании, словно мы сидели в гостиной какой-нибудь графини фон-ден-Остен-Дризен-Сакен, я протянул ему портсигар. О, если бы Вы видели его глаза в этот момент! Ведь, казалось бы, пустяк. Ну что такое папироса? да что папироса? что такое бедность? что такое гордость? благородство?.. что такое жизнь, наконец?! Ведь вы знаете, Савва, мы все, прошедшие огонь и воду гражданской войны, мы все немножко скептики и анархисты... Но в этой улыбке я увидел непоколебимое сознание собственного величия, не достоинства — заметьте! — а именно величия!.. Он взял папиросу, и так мы стали друзьями. Я с ним говорил в эту ночь и потом следующий день, до самого поезда.

Так вот, Савва, я говорю Вам... Мы сделаем из него царя и тайну! Он — чистейший потомок Чингисхана! Мы спрячем его где-нибудь в Вене или Будапеште, подальше от наших со-оттичей. Мы воспитаем из него родоначальника династии...² Поверьте, лучшего не найдем... И подумайте, как возвысится наша работа — ведь мы будем не на себя работать! мы будем работать на юношу, который почти не существует; он — тайна. Он — воплощение идеи. Он — он и есть сама идея...

А тем временем всюду распространится весть, что объявился евразийский царь, начнутся догадки, поиски, волнения... Династия Романовых заявит свои права и протесты; демократы, вроде Миллюкова, будут опровергать и беситься; революционеры а ля Керенский займут какую-нибудь выгодную позицию, чтобы при случае не промахнуться... Коммунисты выделят особый отдел для «разыскания и ликвидации»... А наш монгольский царевич будет молчать, и мы, его создатели, его опекуны, его родители, если на то пошло, — и мы также будем молчать... И молчание это сделает в тысячу раз больше, чем самая отчаянная пропаганда... Что вы скажете на это, Савва? Савва, скажите же, что вы думаете о моем плане?..

Но Савва молчал. Но молчал он не потому, что не мог ничего ответить, — напротив, он молчал потому, что ответить имел слишком многое. Лишь потом, при расставании, когда в прощальном рукопожатии колебались кисти рук, Савва сказал:

— Нет, друг мой; нет, продумайте этот вопрос... эту *проблему*, — поторопился прибавить он (он всегда иностранным словом объяснял русское)... зачем же, в сущности, нам создавать идею-правителя?.. Надо создавать идею-правительницу...³

— Но, позвольте, Савва, — возразил я, — ведь у каждой идеи должны быть носители, выразители... я не знаю, как их назвать!

— Друг мой, Вы правильно выразились: должны быть носители; не носитель, а носители... И потом, Вы же сами правильно определили. Появится особый отдел, который займется розыском и ликвидацией...

Но я не успокоился. Я принадлежу к тем, которые «вкладывают в раны персты»; я добивался ответа на вопрос *как?!* Савва молчал. Потом произошла история с «Бюро»⁴, и молчать было уже нельзя.

Хорошо помню этот день. Это случилось весной. Русская библиотека, в которой я сидел, помещалась на чердаке. Она открывала десятки окон навстречу золотому ливню, падающему из невидимой огненной хляби небесной. На библиотечном полу, не вызывая ничьего удивления, лежали золотые рамы. Молоденькая девушка, с лицом ярким, как олеандр, смеющаяся собственной обворожительности, положила перед собою какую-то толстенную книгу, но каждому, кто на нее смотрел, было ясно, что для нее книга — это только так, между прочим; а главное в том, что весна, что ей нет еще двадцати лет, и что яркое солнце смеется ей прямо в глаза; и ее глаза смеются прямо в непереносные глаза солнца...

Господин, обладающий медленной походкой и понурыми плечами, принес пачку свежих газет. Он видел, что жадные взоры газетолобцев следят за каждым поворотом его руки, насаживающей газету на рамку. Но он не торопился. Куда спешить?.. — долголетняя близость к книгам научила его неторопливо мудрости и равнодушию к крупному шрифту газет, обещающему сенсацию.

Я как сейчас вижу перед собой этот номер, в котором с жестокой несомненностью сообщалось о провале. Я только отчетливо помню, что солнце перестало играть и девушка перестала смеяться. По-видимому, набежала туча.

«Бюро»... «евразийцы»... «провал»... «провокация»... «список расстрелянных»... «поездки в Москву»... «признания провокатора, агента

ГПУ»... Это было слишком. Так почему же молчит Савва? Где же он?.. а может быть, он ничего не знает?

— Послушайте, дорогуша, что за «бюро»? Ведь вы евразиец? — что за «бюро»?

— Че-пу-ха! Че-пу-ха! — смеюсь я, — очередная газетная утка. Интересно, в чьих зубах мы завязли на этот раз... Ну, прощайте, надо бежать. Не верьте газетам. Газеты врут.

А в голове одна мысль: «Боже мой, что же случилось? Что с Борей, что с Семен Николаевичем?..»⁵

Там, около стола, где надо при входе и выходе предъявлять «карточку», стоят знакомые. Вероятно, они уже знают; читали газеты. Надо держаться спокойно и весело: ровно ничего не произошло; никаких провокаций; очередная газетная сенсация, одна из тех дешевых сенсаций, которые дорого обходятся тем, кто «там»!..

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Пожалуйста, скажите этому типу, что Вы знаете меня, что я честный человек, а не такой жмот и арап, как он...

Все это страстным шепотом: в читальне нельзя разговаривать громко.

— Что случилось? о чем говорите? как дела?

— Да какие наши дела? Мы ведь лжесвидетельством занимаемся. Вот этот арап (жест в сторону собеседника) получил от шефа деньги на двоих и зажал у себя. Говорит, что будто бы на прошлой неделе я у него зажал... врет, собака!

— А у вас и шеф есть? — больше всего меня поразило, что у них есть шеф.

— А как же, ведь у нас международная организация. Шеф на разных языках говорит... Да вы не подумайте, что мы кому-нибудь зло приносим. Вот на днях давали показание в пользу одной дамы. У нее двое детей и муж — пьяница, с девками шляется. Так что? Грех ей помочь?

У говорившего от возмущения, что я могу не оправдать его благотворительную деятельность в «международной организации», на широком лысом лбу выступил пот...

Мимо! мимо! надо спешить. На вокзал. Черт возьми, забыл, когда уходит поезд?..

Промелькнули вторая и третья остановка; Савва живет на четвертой. Нужно прийти совершенно спокойным: потому что — что же?! — паникер я, что ли? я?! — паникер?!.

Знакомые сени — и справа, и слева, и впереди, позади — стоят, лежат — громоздятся книги, книги и книги. Даже запах книг. Дверь направо. Стучу. Приближается стук шаркающих туфель. Савва. Входим в

комнату, две стены которой из стекла. Много воздуха и света. Кажется — здесь застыла строгая тишина. Сразу от входа — полки. Заставленные книгами. Весь пол закидан брошюрами, оттисками, корректурами, листовками и прочей снедью печатной. На тяжелом низком столе разложены только что изданные «Скифы и гунны»⁶.

Я замечаю китайские письмена, хочу спросить о чем-то, что назойливой ассоциацией пронизывает мыслительный хаос в голове. Но передо мной изогнутые брови над голубыми глазами — глаза спрашивают.

— Савва, Бепут делает признание⁷.

— Какой Бепут? — Ударин?

... Да... Бепут... да, Ударин...

В горле возникла и застряла горячая волна, которую я не мог выдохнуть и не мог вдохнуть... Мне хотелось кричать, злобно и остервенело, спросить его — как он смеет так спокойно относиться к провалу; мои руки сами собою сжимались в кулаки, но...

— Купили газету? — спросил Савва: два голубых луча, как две руки, легли на мои плечи, успокоили, даже, кажется, усадили в кресло. Я неторопливо развернул газету и, покачивая правой ногой так, как покачивают гусары, разговаривая о женщинах или лошадях, закурил папироску.

Савва быстро проглядел газету, отложил в сторону, подумал; потом снова прочитал что-то и, не глядя на меня, сказал:

— Да, мой друг, это провал. Не наш только провал, но и наш в том числе. Я думаю, что ни Борю, ни Семена Николаевича мы больше не увидим...

— Расстреляны?

— Вероятно, *будут* расстреляны.

Голос Саввы приподнят и нервен более, чем всегда. Глядя в угол, барабана по столу тонкими бледными пальцами, сказал:

— Я с самого начала был против посылки людей «туда»⁸. В нынешнюю стадию революции это ни к чему... и знаете, на чем основано всеобщее желание, всеобщее стремление протолкнуть людей «туда»? — Вы думаете, ими движет горячий патриотизм? или какое-то особое умение бороться с коммунистами? или бесстрашие?.. Нет, нет и нет! Тут все от начала до конца основано на подражании. Обратите внимание — во главе существующих политических партий стоят «знакомые все лица»!!! Эти лица суть пережитки старого режима. Они учились бороться с самодержавием; они действовали в период, когда революция была популярна... и теперь переносят свой «революционный опыт» в совершенно иную обстановку... Недостаток творческого воображения — вот что лежит в основе действий этих людей... Нет, Вы вдумайтесь в положение...

Они отсюда, из-за границы, хотят убедить Россию в том, что коммунизм плох, да и марксизм не годится... но что, спрашивается, они дают взамен?

Учения (*доктрины* — поспешил объяснить Савва слово «учения» словом «доктрины»), которые были до революции, которые были *сметены* революцией; учения, которые вместе с марксизмом *вели* к революции, — теперь явно не состоятельны. А между тем — именно этим оружием сражаются заграничные вожди с коммунизмом! И они хотят победить!.. Нет и нет. Наши евразийские методы должны быть совершенно иными. Мы создаем новую идеологию; и мы должны суметь провести ее, распространить ее, сделать ее всеобщей — я хочу сказать: *популярной*... И верьте мне, друг мой, кровь этих несчастных не на Вас, и не на мне, а на тех, кто работает старыми, негодными методами, под знаменами старых, отживших свой век негодных идей...

Савва был в одном из тех припадков, при которых у него рождались наиболее смелые и удачные мысли. Мне всегда казалось, что он излишне академичен; что в его манере взбираться на вершины отвлеченности есть какое-то отсутствие живой связи с действительностью. Но в минуты, когда его пронзительно-голубые глаза светлели и расширялись, когда его рот — тонкий и нежный розовый рот — слегка приоткрывался, чтобы набрать воздух в легкие, — в эти минуты он горел звездным: мерцающим, холодным, но судьбоносным огнем... И мне чудилось: в том, что слова его судьбоносны, заключена сила Саввы...

— Теперь (говорил Савва) поднимется крик о провокации. Как раз те, кто ратовал за сотрудничество с «Бюро», и будут теперь обвинять всех, кроме себя. Я думаю, что на нас, евразийцах, постараются отыграться и правые, и левые, и всякие иные. Я Вам всячески хочу подчеркнуть, милый друг, что в «Бюро» участвовали почти все видные эмигрантские группировки. И Боже мой! как я умолял, настаивал — не давать ни одного человека... И не потому, что подозревал провокацию. Провокация — это зло, которое всегда надо принимать в расчет. Нет! Я утверждаю, что сейчас польза, которую приносит человек, отправляющийся туда, не стоит риска жизнью работника! А ведь едут наиболее смелые, энергичные... Те, что заседают в Париже, те не поедут. Итак, мой друг, провокации нам бояться нечего.

Помните ли то, что говорил Толстой? Помните ли его выражение, что смысл искусства в том, чтобы *заражать* чувствами и переживаниями?⁹ Теперь представьте себе предреволюционную обстановку. Бывало, что и люди, призванные бороться с революцией, *заражались* ее идеями и переходили на сторону революционеров. Это случалось потому, что в России всюду, от дворцов до хижин, широкой волной развивалось недовольство.

В итоге взаимных провокаций между полицией и революцией революция спровоцировала полицию...

Вы теперь понимаете, о чем я говорю! Мы должны создать идею, равную коммунистической по силе и размаху; и превосходящую ее по внутренней правдивости и глубине. Там, где предреволюционные теории были разбиты торжествующим коммунизмом — там начинается наша победа. Поймите, поймите же наконец, что борьба с коммунизмом обречена на успех до тех пор, пока не будет создано нечто сильнее, чем коммунизм; нечто такое, что увлекло бы сердца и умы в ином, лучшем направлении...

Савва поднялся, прошелся по комнате, остановился у окна. Я не видел его лица.

— Что мы должны делать? — мы должны творить. Мы должны создать прогивоядие, достаточно сильное, чтобы одолеть марксизм. И мы должны вдохнуть новую силу, новую жизнь в ослабевшее тело нашей страны...

— Слушайте! (он неожиданно повернулся ко мне и протянул руки) — я вижу новую, преображенную Россию. Я вижу необозримые пространства, соединенные тысячью стальных жил — железных и шоссейных дорог. По этим дорогам движутся транспорты; кубанская пшеница перебрасывается к Неве, московская мануфактура идет к Китаю, встречая на пути сибирское золото, масло и пушнину. Я вижу Волгу, соединенную с Доном, и на берегах этих рек я вижу людей и товары из Персии, Индии и Египта. Россия является мне безбрежным континентом-океаном; она океан, на берегах которого расположены Европа и Азия... Десятки и сотни тысяч самолетов кружатся над моей страной, везут ей богатства со всех концов света и вывозят то, чем богата Россия. Передо мной открываются привольные русские города, и в них, рядом с храмами, полными света и радости, высятся школы, и над входами в школы написано: закон жизни — Любовь. Представьте, представьте, какая это мощь, когда сила веры соединена с силой знания! Россия призвана найти это соединение (этот *синтез* — добавил он как бы в скобках). Россия сделает это умом и волей и верой своих лучших людей. Россия, которую расценивают сейчас варварской нищей страной, преодолеет все препятствия и первой выйдет на путь вселенского преображения! Это будет, будет так... я... я...

Савва остановился. Его руки, с самого начала вытянутые вперед, оставались в том же неестественном, неудобном положении. Его рот, как-то вдруг сразу побледневший, чуть-чуть вздрагивал. А широко открытые глаза были устремлены на меня и словно продолжали оборвавшуюся речь...

Я не уверен, но показалось мне, что в глубине голубых глаз остановилась слезинка.

ВЕЧЕР

Пражский этюд

Нежные голубые руки опускали солнце на дно далекой клубящейся тьмы. Солнце было большое, усталое, но бесконечно ласковое и милостивое.

Казалось — оно не хочет покидать мир. Но голубые руки — такие любящие, мягкие — настойчиво уводили солнце.

Казалось, они черпали синь и заливали ею великолепный путь царя небес.

Наверху, у края неба, синие плащи все падали, падали на хрустально-золотые мечи. И постепенно мечи блекли А внизу — у реки — безмолвный и величавый распростерся вечер. Он был как воин ночи, сраженный тысячью звездных стрел.

Река, облеченная темным пологом, на котором трепетали языки пламени — звездные узоры, — проплывала медлительной ладьей. Беззвучная, она послушно огибала берега, скользила под арками мостов, окутанных таинственной дымкой.

Я стоял на том мосту, на древнем мосту¹, обладающем несравнимой силой — остановив, приковать к себе. Игра света и тени причудливо изменяла очертания статуй. Статуи жили, жили. Они шевелили руками, пронзали руками вечерний простор: взывали к неведомым силам. И — чудилось — отвечали река и небо и созвучно сливались в ответе. Мелодия вечера делалась внятной, мелодия вечера незримой струей вливалась в душу. И пела душа.

И вот — на миг — разомкнулись на западе синие руки и обнажили солнце. Золотым вихрем помчались лучи. Дары солнца летели, летели. Я видел копья и стрелы, самоцветные камни, ожерелья, мечи и кольчуги. Я стоял в золотом потоке.

Я стоял пораженный. Вокруг — все было призрачно-легким, все колебалось. Чувства замолкли.

И вот — увидел: от неба плавно опустилась корона и осенила Мать, с головой, склоненной над Телом. И Мать облеклась солнцем.

И вечер угас...

НА УЛИЦАХ ПРАГИ

Зарисовки

Ледовы мужи — так называются святые Панкрац, Сервац и Бонифац, память которых приходится на середину мая. Издавна замечено, что в эти три дня зима возобновляет свою власть над природой. Редкий год ледовы мужи опаздывают явиться, и тогда по всей Праге идут разговоры. Только и слышно: Панкрац, Сервац, Бонифац... ац... ац... ац.

Вот около школы группа детишек. И они озабочены неприходом ледовых мужей. Наморщены брови, глаза округлены и чуть-чуть выкачаны. — Как же это? — в минувшем году (а ребята только и помнят минувший год, но велика сила традиций!), в минувшем году ледовы мужи пришли вовремя («пріишли в час»). А теперь их нет и нет... Может быть, кухарка ледовых мужей — Жофие — та, что приходит вслед за ними «топить печь» и приносит тепло, — может быть, она ошиблась? Может ли быть, что она затопила печь ранее положенных ей от века времен?! — И слышатся споры и видятся брызги жестикулирующих маленьких рук. Особенно взволнованы «жабы» — самые микроскопические из школьниц, чуть повыше ранцев. Они спорят от всего сердца. Спорят в школе, на улице. Переносят спор домой, в высшую инстанцию — к маминьке.

А маминька, оставив плиту, стоит на балконе и спорит о тех же ледовых мужах с соседкой.

* * *

Не купили. — Оживленная улица. Треск и гам. Двери шикарного мехового магазина. Выходят двое. Она — с улыбкой, от язвительной силы которой увядает мир и майский ландыш пахнет скисшей капустой. Он — опавшее тесто; автомобильная шина, лопнувшая безнадежно, непоправимо. На его лице также маячит улыбка. Но, Боже! — печаль сорока тысяч мучеников ничто в сравнении с печалью этой улыбки:

— Но послушай! Но ведь могла бы ты еще куда-нибудь зайти? Не везде же ведь...

— Куда-нибудь, куда-нибудь! — Иди с кем хочешь куда-нибудь.

— Милая, но ведь ты сама же хотела посмотреть именно здесь.

— Хотела, хотела! Про Христа Пана, просим те, не мучь мне!¹

* * *

Бабушка. — Зелены трг². Базар. Хлопотливо снуют хозяйки. Вихрастый мальчуган неотступно и в то же время задумчиво преследующий материнскую юбку, при всех ее непредвиденных задержках и поворотах, звонко «хрупают» моченый огурец. Большие лотки с горами свежих продуктов окружены гирляндами голов, спин и мощных задов.

В стороне, на углу улицы, вытекающей из базарного моря, остановилась старушка. Она сложила у своих ног веревочные сетки, наполненные, как невода, рыбой. Глаза ее устремлены прямо в рот «хрупающему» мальчугану. Но они ничего не видят. Морщинами ее лица владеет величайшая забота. А губы шепчут:

- Зеленина — две корунки двадцать...
- Пул-кила маса — осум корун...
- А цо еште? — О, Уежуш Мариа!³

* * *

Дедка-любезник. — Молодая пани выскочила на улицу, заслышав призывный крик зеленщика. Дедка-зеленщик сидел на возу и кричал, а подруга тускнеющих дней его шла по тротуару, звонила в те двери, которые не спешили встречать продавцов. Так они разделили труд.

Молодая пани в небрежной утренней прическе грациозно склонилась над возом:

- Что хорошего имеете? (цо магэ доброго?)

Дедка покосился неодобрительно — что это за разглядывание? — Недоверие фирме? — Но ничего не сказал: уж больно хорош изгиб ее пленительной шеи; уж больно напоминает полураспущенный жгут ее волос — золотой звездный ком, павший на землю.

Дедка не противился самому строгому перебору овощей, при котором изящные пальчики в поисках изъяна бесцеремонно впивались в крутые кочаны капусты; а глаза — такие пламенно-голубые глаза — подозрительно шурились, испытывая свежесть похваливаемого дедкой шпината, — но даже помогал молодой пани выбрать лучшее.

Подумать только! Ведь этим дедка признавал, что у него есть и худший товар!

Купив, что надо, молодая пани побежала за деньгами. И вернулась, держа в руках ломоть хлеба, усыпанный солью. Пока дедка медленно отсчитывал сдачу, поминутно поднимая глаза и бродя ими там и сям, молодая пани кормила коня. Внезапно конь резко мотнул мордой.

— Ах, ох, ох! — вскричала молодая пани, хватаясь рукой за упавший на плечо звездный жгут, — я думала, он откусит прическу!

— О! — возопил дедка, — то была бы моя великая радость! Я бы взял вашу золотую косу вот так и целовал, целовал бы ее вот так... вот так...

Молодая пани кокетливо опустила кисти маленьких рук на пышные бедра и, укоризненно покачивая головой, протянула:

— Дедко... дедко... дедко... Ай-яй!

Подруга тускнеющих дедкиных дней не принимала во всем этом деле никакого участия.

Воз двинулся дальше.

* * *

На детской площадке. — Когда солнце, вся площадка цветет детьми. За три аллеи слышно: они здесь. Приятно посидеть в их обществе, поглядеть на игры, послушать песенки, загадки, нравоучения. Чешские дети чрезвычайно нравоучительны.

С самыми маленькими, которые еще ни «бе», ни «ме» не умеют, беседуют няни. А у тех, что побольше, — свои беседы. И какие значительные, поучительные! Говорят о полетах птиц, о работе жучков, о муравьином королевстве, о том, как растет трава, и в чем, собственно, заключается роль домового (домовой — кашпарек).

Иная песенка сопровождается наивной, быть может, но выразительной и осмысленной пластикой. Вот спрашивает девочка у чижика:

Чижечку, чижечку,
Птачку маличкий,
Вишь ли пак чижечку
Як сеем мак?⁴

И показывает, как надо сеять мак.

А потом вместе с мальчиком-чижом они припевают:

Так, так, так,
Так, так, так,
Сеем мак...

Мак посеян. Теперь надо показать, как он растет (дети садятся на корточки и затем медленно поднимаются во весь рост и руки вверх закидывают). Наконец, приходит пора резать мак:

Чижечку, чижечку,
Птачку маличкий,
Вишь ли пак чижечку
Як ржежем мак?

Константин Чхеидзе

. . . . .

Так, так, так,
Ржежем мак...

Вообще, как это ни удивительно — в детских песенках городских садов часто слышны полевые мотивы. Быть может, их заносят сюда поколения «венковских»⁵ нянюшек (из деревни)?

...Одна нянюшка, столь, как говорится, «сытенная», что у непривычного человека получается впечатление каких-то перепластованных округлостей и ничего более, — сказывала засыпающему ребенку:

Жито, жито, житечко,
Кто те буде сити (сеять)?
Муй милый есть далеко
Мусим про ней ити
(Должна за ним пойти).

. . . . .

Жито, жито, житечко,
Кто те буде косить?
Муй милый есть далеко,
Мусим смутек (печаль) носить...

Разве не видно, что нянюшка из деревни? Разве не в полях гуляют ее мысли под тихое дыхание городского ребенка?

* * *

Ах, хорошо, хорошо на полях. И в степях хорошо... И еще лучше в горах. В родных, родных горах.

ОРАВА

От Кралован¹ поезд пробегает коротенький туннель — символическую границу Оравы, — и путешественник оказывается во владениях величаво-спокойного Хоча². Линия дороги следует прихотливым изгибам реки. Какое богатство лесов, какое разнообразие горных вершин! Бесконечное повторение панорамы гор и лесов; но этот будто бы одинаковый вид таит в себе (для любящего глаза) множество прелестных узоров. Дивная прохлада воздуха, пронизанного лучами солнца, охватывает вас, вселяется в грудь, принуждает ее дышать высоко и гордо. А там, над застывшими белыми и пышными, как розы, облаками, раскинулся синий сад оравского неба.

Но вот поезд оставлен — его равномерное гремящее замирает за поворотом, в долине. Сейчас же за станцией, среди тучных, созревших, но еще не скошенных полей, поблизости от ярко-зеленого гая, на берегах прозрачной чистой реки — вас окружает и пленит небывалая, ни с чем не сравнимая тишина. Есть нечто покоряющее в невозмутимой тишине оравского края. Она внушает благоговение пред храмом природы, настраивает невидимые, но осязаемые здесь, как нигде, струны души на молитвенный лад.

И вдруг глаза ваши встречают видение — легендарный сон, воплощенный в камне: на крутой скале, которая властно и непобедимо вздымается в небо, покоится главное чудо Оравы — замок. Десятки раз я останавливался здесь, околдованный его мощью и красотой. О, кто же был этот гений, создавший тебя, молчаливый властелин Оравы? Кто первый нашел в душе своей бессмертное озарение, что именно здесь нужно построить могучую славу края? Невозможно представить себе большую гармоничность между природой и созданием человеческих рук: Оравский замок естественно вырастает из скалы — своего подножия, — являясь продолжением и увенчанием ее. Перед лицом этой совершенной гармонии природы и людского труда споры о соотношении природы и искусства кажутся беспредметными, ничтожными. Становится очевидным, что искусство не отменяет природы и не подражает ей. Искусство дополняет природу и преображает ее в целях достижения совершенства.

Долгими часами любитесь восхищенный зритель монументальным трехъярусным строением. Лучи вечернего солнца тихо ласкают вековые

Константин Чхеидзе

башни, озаряют сложные изломы крепостных стен. На фоне темнеющего неба Оравский замок кажется живым существом, задумчивым и печальным, душа которого скрыта в недоступных тайниках. Да, наверное, люди неспособны выпытать у старых камней таинственную правду о подземельях и ходах. Но они есть, и в их мглистой глубине таится некая загадка, полная возвышенной романтики.

...С колокольни, белеющей среди густо-зеленых вершин деревьев, спорхнул первый звон. Ясный и как бы пронзающий грудь острием холодка, он еще увеличивает меланхолическую красоту вечера под бастионами замка. Вся долина Оравы призывается к молитве. Тихо шелестят яворы и тополя, а ели и сосны замерли, устремив очи к небесам. Вода в реке боится нарушить молитвенное успокоение громким всплеском волны. Птицы умолкли. Во всем мире царствует благоухающая оравская ночь, такая мирная, такая нежная и женственная, как близость родного сердца. А там, в небе, над кровлей главной башни замка засиял серп молодого месяца, и в мерцании его лучей струится череда призраков Оравской долины.

**ЛИТЕРАТУРНО-
КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ**

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Трудно решить, что ярче представлено в современной русской литературе: творчество, искание смысла (следовательно, цели — идеала) творчества?

Петр-преобразователь оттолкнул ведущий корабль русской флотилии от берега «целостного идеала» Московской эпохи. Ладьи дворянства и интеллигенции отчалили вслед. Но основная масса народа двинулась значительно позже. Не в 1825-м году (декабристы-одиночки) и даже не в 1861-м (хотя этот год — единственный приближающийся по своему значению к 1917-му).

— 1917.

Конец XIX и вся пройденная треть XX-го века — сплошной геологический переворот, продолжающийся по сей час.

Ищется «новый берег». Точнее — и шире — «новая земля и новое небо». Ищется то, во что будут верить по-ко-ле-ни-я. Верить и по вере своей строить свою жизнь.

Русская литература раскрыла (а русская жизнь приняла) обе бездны:

— мрака, небытия, нигилизма («Мира Твоего не приемлю», ср.: «Мы все взорвем...»¹),

— света, жизни, радости («Я хочу, я жажду в сию минуту целовать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой другой»... ср.: «Мы солнце новое зажжем»²).

Русские в России находятся в обстановке деспотической. Всех, от Политбюро до рабфака, связала устаревшая, идейно и жизненно вредительская догма марксизма. В этой-то всеобщности нелепицы и заключается сегодняшняя боль, могущая ежеминутно обернуться неслыханною возможностью.

Кто (говоря вопросительно) готов идейно к такой перемене?

...Русские же вне России поставлены в неповторимо благоприятные условия: абсолютной идейной свободы. Это обязывает вдвойне: за *них* и за себя.

Понять и свободно выразить: чем живет, куда стремится Великая Страна... Какая захватывающая, высокая задача.

Я сознаю скромность сил автора этого сборника.

Я остановился на В. Хлебникове («Его голова работала круглые сутки» — В. Маяковский³) как выразителе творческой струи нашего времени... и на В. Маяковском — столь же многоликом и сложном, поразительном и жалком (когда разменивался и кривил душой), как эпохе революции и строительства. Маяковский никогда не уставал искать смысла: жизни, мира, человека. Вероятно, он был двоевером: когда стрелял в сердце — допускал, что «большелобый химик» или кто (Кто?) другой воззовет его, Вл. Вл. Маяковского, к новой жизни (см. «Прошение на имя» — поэма «Про это», 1923); допускал, что пуля — конец.

Маяковский — показательный этап, но лишь этап в движении кораблей России к новой земле.

Где лежит путь к ней?

В терминах моря: Где карта плавания? Компас? Кого признать кормчим?.. Если это неоткрытая земля: где Колумб?

Первая из приведенных здесь статей дает опыт историко-философской концепции, могущей подвести к отысканию основных струй.

Все три статьи в их совокупности отражают напряженность искания и сложность картины духовной жизни современной России-Евразии⁴, в ее недавнем прошлом, в ее настоящем и в ее устремлении в будущее.

О современной русской литературе

(исправленная стенографическая запись лекции,
прочитанной на открытии Кружка по изучению
современной русской литературы,
20-ХII-32, в Праге)⁵

Нарубеже XIX и XX столетий русская литература, русский художественно-изобразительный и творчески-мыслительный порыв достиг некоторой высочайшей высоты. Три имени, как три вершины, отчетливо и рельефно стоят на рубеже, и чем дальше отходим мы от них, тем явственнее обозначается их подлинная великость. Достоевский, В. Соловьев, Толстой. Их можно было бы и не называть, до того очевидно: о ком идет речь. Что дали они России и миру? — В разных пластах и различными способами они открыли и обнаружили некоторый идеальный образ человеческого общежития и наметили идеальный образ — «проект» — человека, каким он *должен* быть.

Русская литература «от начала» чревата исканиями идеалов, которые бы отличались истинностью и обладали свойством оправдать мир

и жизнь в нем; оправдать страдание и «*все и вся*» *образовать* — в соответствии с найденным идеальным образом («образцом»).

Путь к идеальному образу и оправдание им всего сущего (через воплощение идеала в сущем) проходил через великую трагедию и искус — для Достоевского и Толстого это был в буквальном смысле слова крестный путь. Прежде чем «принять мир», они сперва отвергли его. Следы пережитой трагедии, как брызги крови, рассеяны в их произведениях. Из множества относящихся к теме произведений остановимся лишь на двух: «Сон смешного человека» и «Исповедь». В сущности, *обе* эти вещи — *исповедь*. И вместе, проповедь обретенной истины... В чем их смысл? — В том, что *этот* мир гадок, мерзок, отвратителен. И сам человек — оскорбительно низок, презрен. Мир и человек достойны уничтожения. И вот — «смешной человек» — Достоевский, как и Толстой — спешат разделаться с жизнью, через самоистребление. Но в последний момент их руки останавливаются, они возвращаются к жизни, принимают ее; потому что они нашли истину, способную оправдать мир и человека и указать им их истинное предназначение и путь к осуществлению этого предназначения. «Ведь если раз узнал Истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она — Истина и другой нет и не может быть...» «Сон мой (продолжает Достоевский) возвестил мне новую великую обновленную жизнь...» «Я видел Истину — настаивает он дальше, — я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием для людей...»⁶

Для читателя ясно, что Достоевский говорит о некотором «конечном идеале» — о идеальном состоянии, стремиться прийти к которому должны люди. «Как устроить *рай* — я не знаю; ну, а все-таки буду проповедывать». Не следует преуменьшать революционного радикализма этих слов-призывов. Сам Достоевский, этот безудержный фанатик психологического эксперимента, утверждает, что чаемое им преобразование жизни, людей и мира может произойти «сразу»: «...А между тем как это просто: в один бы день, *в один бы час* — все бы сразу устроилось». Здесь слышен полет некоторой исступленной, выстраданной кровью мечты; здесь слышна великая любовь к жизни, к миру, к нашей многогрешной и многолюбимой земле... «Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставил, на которой остались брызги крови моей... Я хочу, я жажду в сию минуту целовать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой другой...»⁷

В преобразовании, точнее в вере, что эту землю и этих людей должно и можно преобразовать в лучшую землю и лучших людей, находит Л. Толстой утес, который помогает ему принять жизнь, не уходить в небытие.

«Истина была то, что жизнь есть бессмыслица» — «ничего нет впереди, кроме страданий и смерти» — «и ничего не останется, кроме смрада и червей». Таково настроение до кризиса и в момент кризиса. «Обманывать себя нечего. Все — суета. Счастлив тот, кто не родился. Смерть лучше жизни. Надо избавиться от нее...» Все помнят, как Л.Н. Толстой искал одиночества и боялся его; как он прятал от себя веревку, не ходил с ружьем на охоту. Но вот произошел перелом. Выход найден. Он — в соединении с Богом: «соединение с Богом — *рай*, смысл, не уничтожаемый смертью...» Толстой находит «рай»; и рай удерживает его в жизни. «Где жизнь — там *вера*, с тех пор как есть человечество, дает возможность жить...» «*Вера есть знание смысла человеческой жизни*, вследствие которой человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни»⁸.

Вл. Соловьев исходит из признания человека «деятелем мирового процесса»⁹. В тех своих произведениях, которые посвящены вопросам, занимающим сейчас наше внимание («Красота в природе»; «Общий смысл искусства»; «Оправдание добра» и др.), он выступает в качестве проповедника и зиждителя конечного общественного идеала и указывает пути к нему, т.е. по праву занимает место рядом с Достоевским и Толстым. Для Соловьева — «искусство — дело важное и назидательное», особенно в смысле вдохновенного *пророчества о должном*. «Необходима творческая сила для изображения совершенного человека или идеального общества»¹⁰. Но созданные таким образом идеалы отнюдь не должны оставаться в мире представлений, независимыми от жизненной действительности и без преобразующего воздействия на нее. — «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы?»¹¹

Комментируя эти замечательные строки, о. С. Булгаков (в статье «Загадочный мыслитель») приходит к такому выводу: «Для меня впервые только после знакомства с идеями Федорова стало понятно, что значит основная идея соловьевской эстетики»¹².

Сейчас уже установлено, кого именно имел в виду В. Соловьев, когда говорил в статье «Общий смысл искусства» *об «иных оптимистах»*¹³, — он подразумевал Н.Ф. Федорова — «загадочного мыслителя», идеи которого оказали воздействие на всех троих разбираемых авторов. Н.Ф. Федоров призывал к творчески-преобразовательному воздействию на мир; и прямыми и полными словами учил — как приступить к этому делу и как его завершить.

Но обратимся от идеалов к исторической действительности. Следовало ожидать, что начнется как бы восхождение от жизни сущей к жизни

должной. Ведь необходимо вспомнить всегдашнюю великую черту русской жизни — неистребимую тоску по идеалу и неодолимую тягу к осуществлению того, что признано идеалом, образом, образцом.

Однако известно, что начало XX в. не только не принесло восхождения, но наоборот — произошли сползания, упадок. Начавшееся было движение в смысле сближения действительности и идеалов — круто оборвалось. Наступила эпоха, промежуточная между двумя революциями, эпоха пестрая, но изобилующая скорее темными, нежели светлыми тонами.

Без сомнения, это не иллюзия и не «формальный момент», а зримая и очевидная связь глубоко внутрь уходящих настроений писателей, окрепших (без сговора) эти годы так: А. Блок — «рожденные в года глухие...», у него же — «испепеляющие годы»¹⁴. Фон-Визин называет свое замечательное произведение «В смутные годы»¹⁵. Но может быть сильнее всех чувствовал несвершенность (неосуществленность) этих годов Андрей Белый. Он говорил в стихотворении «Отчаяние» (1908 г.) о мучительных годах. Он отнимал у народа надежду на будущее («Не надейся, рассейся, мой бедный народ»); он заклинал свою страну — чтобы она исчезла («Исчезни в пространстве, исчезни, Россия, Россия моя»).

...Трудно подавить настойчиво возникающую ассоциацию — вот какую. Вспоминается стихотворение *современного* поэта, посвященное тем же «годам»:

Наши годы — не сковать покоем,
В наши годы — только бурям петь.
В наши годы — есть что-то такое
Вечное,
Могучее,
Живое,
Что никак не может умереть¹⁶.

Примитивная форма этого стихотворения не должна закрывать от нас рвущуюся энергию его содержания... Многозначительное наблюдение: предреволюционный период исторической духоты, с его всепроникающим смертобожничеством¹⁷; и своеобразное «откровение в грозе и буре»¹⁸ — утверждение *вечной жизни*. Какая разница в ощущении основного, что есть в жизни, т.е. самой жизни.

Каковы характернейшие черты эпохи, предшествующей революции? — Декаданс в поэзии; салонное богоискательство с пряно-сексуальным уклоном у некоторых искателей; уход в быт и личную жизнь в революционной среде. Представляется невероятным: как после величественной трагедии, которую пережили (в своей личной жизни и

в своих литературных героях) Достоевский, Толстой и Соловьев — как могли Андреев, Арцыбашев, Куприн и другие властвовать над душами и умами целого поколения? — Но они писали и властвовали. — Вспомним такие яркие фигуры (того времени), как фигура Артемия Артемьевича Хорвата (Фон-Визин. «В смутные годы») и арцыбашевского Саннина. Кто эти люди? — Это прежде всего стопроцентные эгоисты; оба они наделены большим личным обаянием — громадной силой сексуального воздействия. Хорват — более породистый и утонченный; он — эгоцентрист с идеологией. Хорват, как образ, невольно влечет к себе; ему хочется подражать; хотя нет сомнений в том, что личное общение с Хорватом не принесет ничего, кроме недоумения: чего так пыжится человек? А Саннин — этот гораздо скотинистее. Он живет в свое удовольствие. Что ему «сны смешных людей» или «Исповеди»? — В автобиографии Маяковского рассказывается, что в полицейских участках и тюрьмах «начальство» держало роман о Саннине для развлечения арестованных молодых революционеров¹⁹. Смысл сообщения ясен: «начальство» добивалось переключения революционной энергии на сексуальные изыски. З. Фрейд определил бы это как задачу массового «замещения объекта».

Тогдашний герой, Саннин, шел навстречу солнцу, а солнце — по словам Арцыбашева — шло навстречу ему.

Но несправедливо было бы замалчивать, что в ту эпоху лучи отнюдь не саннинского солнца зажглись и сверкали на чистых холодноватых кристаллах поэзии Гумилева — этого поэта будущего; а рядом с ним, совсем ни на кого не похожие, уже раскладывали, нарочито бренча поэтическими инструментами, свои первые плавильные костры русские футуристы. Да, это были именно костры, на которых с дерзким глумлением сжигались привычные старые ценности (иногда бесценные в прямом, иногда в переносном смысле). И вместе — делались пробные выплавки нового неведомого металла, того, из которого впоследствии отлит колокол, отзвонивший отходную старой и возвестивший миру о наступлении новой эры в жизни России.

Итак — мы приблизились к революции. Начиная с декабристов (и даже ранее) русское общество, русская интеллигенция — вся, сплошь — предчувствовала и ожидала революцию. Известная часть общества и интеллигенции подготавливала, «делала» революцию. Другая часть — боролась с ней. И все-таки для многих революция разразилась неожиданно. Для многих — не для всех. Можно привести большое количество оправдавшихся предсказаний прихода революции. Напомню самые поразительные по ясновидению. В 1912 году В. Хлебников отчетливо видел уже, что «в 1917 году произойдет падение Государства Российского»²⁰. Почти одновременно с ним В. Маяковский в поэме «Облако в штанах» пишет:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год.

Маяковский ошибся на один год.

Что происходит с литературой в эпоху первых лет революции? — Она, в полном соответствии с жизнью, представляет собою хаос. Но это творческий, творящий и глаголющий хаос. Эти годы наполнили литературу неизъяснимым волнением. Горячка, бред — творческая горячка, пророческий бред — тех лет напоминают до известной степени вдохновение гения, переходящее в безумие. У Магомета и Достоевского были такие страшные и божественные моменты. Они потрясли весь душевный и телесный строй. Они грозили самому существованию, жизни этих организмов. И в их результате приходило яснейшее провидение, плодотворное и плодоносное.

В эти годы А. Блок пишет «Двенадцать» — поэму катастрофических перепластований, в которой царят: хаос, метель, кровь, бандиты, солдаты и Христос. Гумилев символизирует все вокруг творящееся в «Заблудившемся трамвае». Андрей Белый откровенно (от «Откровение») пророчествует о России — «Мессия грядущего дня»²¹. Есенин создает «Инонию» — богоборческую, бунтовщическую и богоискательскую поэму, значение которой еще не раскрыто. А Вл. Маяковский — он дает вещи, и в родстве своем составляющие поистине «религию революции».

...Необходимо вслушаться в невнятный рокот стихий. Необходимо понять, о чем поет и воет «зашевелившийся хаос» — русская «метель» (метель — образ, который не сходит со страниц раннего Пильняка и часто встречается у других писателей). Ведь в припадках падучей, в бреде Магомет и Достоевский находили самые замечательные мысли свои. *Эти* мгновения — самые трагические, драгоценные, судьбоносные. Они делятся доли секунд у человека; чрезвычайно короткий — трудно установимый срок у народа. Но их свет — самый яркий и ослепительный. И его надо уметь уловить призмой критики.

Вслед за «метелью» наступает угнетающе-мрачный, даже свирепый период советской литературы. Из безвидного хаоса начинают проступать лики. Но это зверские лики. В литературе геройствует пильняковский «человековолк». «Все — звери» — утверждают персонажи Вс. Иванова («Бронепоезд», «Партизаны»). В самом деле, не люди, но зверолоды действуют в те времена — в жизни и на страницах литературных произведений. «Звериный стиль» всюду преобладает, и наиболее законченное и высокопоэтическое завершение свое он находит в рассказе Б. Пильняка

«Целая жизнь». Здесь опозитизирована жизнь хищных птиц (ср. «Туатамур» Л. Леонова).

Однако люди — люди. Рядом со звериным стилем появляется человеческий. Очень часто эти стили переплетаются, идут рядом. В «Конармии» Бабеля, в ранних вещах Артема Веселого («Страна Родная», «Россия, кровью умытая») человеческое явно неотделимо от звериного. Давно прошедшая схематика Мережковского торжествовала. Но по мере того как жизнь отдалялась от окровавленных памятников недавнего прошлого — сознание поворачивалось в другую сторону, писательский глаз улавливал иные черты, и сердце литературы научалось распознавать иные чувства. Одновременно вспыхивают два новых луча в литературе, которые, подобно прожекторам в ночи, ищут, на чем укрепиться, и находят искомое в *героическом* и *романтическом*. Зачинается своеобразное явление: советского романтизма. В стихах и прозе звучат новые, их можно назвать возвышенными, мотивы. «Баллады» Н. Тихонова, «Гренада» М. Светлова, «Разгром» Фадеева, «Чапаев» Фурманова... — вот образцы новых веяний. Тут (как и у Веселого и Либединского²²) встречаются лица, которые невозможно сравнить ни с какими другими, ранее бывшими в русской литературе. Живут и действуют как бы первозданные люди. История начинается как бы сначала. Социологически это вполне закономерно. На колоссально расширенную арену истории вышли новые социальные слои. Это — по преимуществу *трудовые* слои. Коллективизм, социальность, культ труда, торжественное осознание себя хозяевами жизни — вот то нарождающееся и новое, что приходит с новыми людьми. Радость жизни: непосредственная, простая и победительная. Радость труда — творческого усилия — столь же простого и естественного, как дыхание.

Велимир Хлебников предвосхитил пришествие новых людей, обуреваемых новыми настроениями, в поэме «Ладомир»:

Это шествуют творяне,
Заменивши «Д» на «Т»,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.

Приход «творян» — это есть начало того периода, который принято называть «строительством» и в котором, собственно говоря, СССР еще находится. Имеются признаки, что в жизни СССР приближаются какие-то рубежи. Это и неизбежно, так как там явно обозначились «ножницы» между живым потоком жизни, устремленным к еще не ясным, но несо-

мненно животворящим, высоким целям, — и всемертвующей догмой марксизма — «диамата», чужеземного изобретения середины прошлого века.

«Строительство» благоприятствовало возникновению обильной, нередко высокого качества литературной продукции. Несколько схематизируя, можно различить два главных пути литературы нынешнего периода: *изобразительный*, где по преимуществу отображается действительная жизнь во всем ее то жутком, то величественном разнообразии; и *преобразовательный*, где также уделяется много внимания и места *данной* обстановке, *реально* существующим людям; но центр тяжести этого рода произведений не в *данном*, а в *за-данном*. Тут ищутся и начерчиваются идеальные образы — «образцы» — человека и общества; не какие они есть, но какими они должны стать. Многозначительное явление. Оно неожиданно напоминает о забытых было временах, столь определительных в истории русской литературы.

В иных произведениях сопряжены оба направления; и вовсе нет нужды припиливать к тому или иному произведению тот или этот ярлычок; значение ярлыка — методологическое, не больше того.

В обоих случаях имеются свои срывы и свои совершенства. И эти последние войдут в общую сокровищницу отечественной словесности. К срывам, и гнусным срывам, надо отнести, например, большую часть продукции гражданина Малашкина (в особенности «Луну с правой стороны», где изображен комсомольский быт)²³. Но к изобразительному направлению относятся также леоновские «Барсуки» и «Вор» — вещи, в доброкачественности которых сомнения не возникают. Значительная часть написанного Б. Пильняком, П. Романовым прилежит сюда же. Так называемые «попутчики» только тем и занимались, что тщились «объективно изобразить» жизнь и людей советской Страны.

Несколько слов об объективности. Объективность, как понятие, выработанное философией, вещь спорная, и не будем ее касаться. Что же до объективности в литературном произведении — этом сгущенном самовыражении творящего субъекта — автора, — то здесь она просто недостижима. Можно и должно говорить о правдивости произведения; о возвышающем или принижающем действии его на человека и общество. Но ведь уже фактом выбора определенной социальной среды, определенных героев — наперед обнаруживается то, что именуется тенденцией произведения и в чем заключается его лицо. Можно даже сказать, что чем ярче одарение автора, тем его тенденциозная субъективность сильнее, потому что глубже впечатляет. Борьба с так понимаемой тенденцией или осуждать ее как таковую не нужно и бесполезно. Зато — имеет несравненное значение борьба за *ту* или *иную* тенденцию. Ибо — это надо понять — здесь идет борьба за образ, за идеал.

То, что данное произведение *заражает* (по слову Л. Толстого²⁴) читателя, — глубокими корнями связано с мирозерцательными установками данной эпохи, народа, социальной среды. Отсюда — величайшее *идеократическое* значение художественной литературы.

Если оглядеть всю послепушкинскую литературу с развиваемой здесь *преобразовательной* точки зрения, не окажется ли, что тяга к созданию положительного идеала постоянно властвует в ней и — может быть — составляет даже ее главное звено? — Мнение, будто русская литература богата лишь отрицательными образами — близоруко и неосновательно. Не всегда удавались попытки создания положительных героев (Гоголь, Гончаров, Чернышевский). Но неужели бесконечное количество привлекательных, самоотверженных и добрых людей, которых мы встречаем у Лермонтова, Аксакова, Тургенева, Лескова, Достоевского, Толстого, не дает перевеса чаше, наполненной утверждением, что за последний век литература дала не мало, но много положительных типов. Правда, необходима оговорка. Эти так называемые «положительные герои» взяты преимущественно из среды провинциальных помещиков, беднейшего духовенства, иногда — администрации («Несмертельный Голован»); основная масса положительных типов не дворяне и не интеллигенты. Они — «простые» люди, крестьяне или батраки. И только то обстоятельство, что на физиономию критиков, «делавших погоду» русской литературы последних десятилетий, были насажены европейско-интеллигентские очки, объясняет нам, почему утвердилось мнение, будто бы богатейшая в мире литература — русская — не имеет положительных героев.

Этими критиками (их эпигоны и сейчас встречаются по обе стороны рубежа) было «просмотрено», «проморгано» небольшое явление. То, что от Пушкина и до наших дней центральным действующим лицом русской литературы всегда выступал и выступает основной субъект истории России — т.е. русский народ. И чем «народнее» творчество писателя, тем обильнее выставляемое им количество «простонародных героев» (ср. Толстого, Лескова). И так как народ издавна нудился к образу *праведника*, человека *правильной* жизни, то не удивительно, а, наоборот, закономерно, что наиболее «народные» писатели (Толстой, Леонов, частью Достоевский) постоянно трудились над этой же темой. А наиболее «интеллигентные» писатели (как Чехов или Арцыбашев) просто не ощущали великой тяги, вековечной тоски по идеалу, разлитой в Стране Родной.

Поэтому-то обнаруженная выше *преобразовательная* черта современной русской литературы (особенно ее пролетарского крыла) глубочайшим образом роднит ее с лучшими традициями минувшего времени. Заветы наших великих мастеров-духовидцев обретают новое выражение. Совершенно очевидно, что для *преобразования* необходим образ, идеал,

подражая которому надо устраивать общую жизнь и самого себя. Вот почему самой важной, ответственной и благодарной задачей художественной литературы нашего времени и является создание положительных идеалов, в которых нуждается Страна.

Кем же представлено изучаемое направление? Откладывая подробную характеристику отдельных авторов на будущее, бегло перечислю несколько имен и заглавий, всем — впрочем — известных. Тут Гладков с его «Цементом» (проблема участия в общем труде, проблема правильно поставленной семьи, еще другие проблемы, связанные, главным образом, с городским бытом); Панферов с его «Брусками» (проблемы устройства жизни в деревне). Сюда же относится Караваева («Лесозавод»), писательница не бог весть какого дарования, но с большой вдумчивостью относящаяся к своей задаче и ясно уловившая требования эпохи. «Ф. Клепшев» Слонимского — еще одна иллюстрация развиваемой идеи²⁵. — Объединяющей чертой этих романов является необычайная близость к жизни, кровная связь с самыми, казалось бы, будничными интересами. И вместе с тем — непреклонное желание пересоздать жизнь и людей, преобразовать их — в пределе: *преобразить*.

Нужно ли подчеркивать, что пути к пересозданию прокладываются неумело; что испытываемое авторами политическое давление со стороны компартии уродует их вещи; что выставляемые за *идеальные* образы отнюдь не идеальны и т.д.? — Все это верно (хотя тоже не всегда). Но эти неизбежные промахи и грехи первых шагов на новых путях, в новой обстановке не должны затушевывать основного: шаги делаются в правильном направлении. А это самое важное...

Многие современные произведения находятся вне намеченной разделительной линии или приближаются к ней с обеих сторон. Так, «Зависть» Олещи трудно отнести к какой-либо определенной категории (и от этого несколько не умаляется художественная ценность незаурядного романа Олещи), произведения Огнева («Костя Рябцев» и др.)²⁶ отчасти показывают школьную среду, какой она есть; отчасти подсказывают — какой она должна стать.

В стороне от рассмотренных магистралей современной литературы пролагают себе более спокойные и, может быть, более бесспорные (в смысле оценок) русла, так сказать, *боковые течения*. Часть их носит определенно исторический оттенок (Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара», Ал. Толстой «Петр I», М. Алданов «Трилогия»); другая часть строится из ранее собранного и теперь дописываемого материала (М. Горький «Жизнь Клина Самгина», И. Бунин «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь», Г. Гребенщикова «Чураевы», А. Ремизов). Своеобразные места в литературе нашего времени занимают Д. Мережковский,

М. Цветаева. Но они всегда шли «своими путями». Где-то в стороне от всех путей подвизаются футуристы (Д. Бурлюк и др.), до сих пор твердящие свои «аз-буки»... и потому оторвавшиеся от жизни. Эта группа как будто нарочно оставлена историей для показательности проделанного литературой пути. — Ведь самое яркое, живое из всех рассмотренных направлений — преобразовательное — какой-то своей стороной связано с футуризмом. Но оно динамично, оно меньше всего склонно стоять на месте, его цель — будущее.

Во имя будущего переделывается, «переформировывается» настоящее. Но что такое само будущее? — С точки зрения открытых Кантом форм сознания (пространство, время) — это нечто, находящееся в одной плоскости с субъектом, обладающим сознанием, т.е. человеком. И потому тот, кто (по Канту) стремится к будущему или действует во имя будущего, тот, так сказать, барахтается в мире иллюзий, изменчивом ареальном мире, не сдвигаясь с места. — О таком ли будущем говорит русская литература, русская жизнь?

Нет. Философская подоснова изучаемого явления базируется не на иллюзиях, не на категориях времени и не на *миро-созерцательных* устоях вообще. Она укоренена в вере, что этот мир, *наш* мир — реален. Что он пластичен. И что человек призван не к созерцанию мира, но к действию в нем. — Поэтому то «будущее» в понимании философии русской литературы лежит отнюдь не в кантовской плоскости; оно и не «вперед» — как это представляет себе обывательское сознание. «Будущее», о котором идет речь, есть искомый образ окончательного идеального состояния человечества. И только отблесками сияния этого (вне времени) лежащего образа оправданы и освящены все частичные приближения к нему, намеченные у старых и новых авторов. Наиболее полную разработку «конечного идеала» в русской философии (может быть, и мировой) дал уже упоминавшийся мною Н.Ф. Федоров. Беспреданно растущий и углубляющийся интерес к его «Философии Общего Дела», какой наблюдается последнее время по обе стороны рубежа русской общественности; изучение его идей в связи с идеями Достоевского, Соловьева и Толстого²⁷ — все это дает еще новое основание утверждать, что русская литература пронизана исканиями высшего образа-идеала; точно так же, как русская жизнь, во всем ее трагическом ужасе и великолепии, наполнена страстным хотением совершенства.

Не будем страшиться громких слов. Наша эпоха необычайна. Принесенные жертвы, нечеловеческие страдания, уже пройденные и предстоящие, только и могут быть оправданы чем-то настолько большим и светлым, больше и светлее чего уже не бывает. Если прав тот, кто написал: «истинно сильный человек метит по крайней мере на целое тысячелетие

вперед» (С.А. Андреевский²⁸) — то что же сказать о могучей Стране, так страшно содрогаящейся в муках рождения нового Слова? — Не должно ли это Слово быть о такой мете, которая окажется в состоянии открыть человечеству Путь, Истину и Жизнь?..

Без сомнения, и в современной русской литературе сказывается тот общий закон, что чем драгоценнее добываемое вещество, тем больше отрабатывается шлаку, тем больше отбрасывается использованного материала. Отыскание идеала-образа, способного завершить и оправдать революцию, — трудный процесс, труднейший, чем добывание радия. Утверждаю: такое добывание в современной русской литературе идет — оно составляет его отличительную черту. И это дает основание назвать возникающий — и уже возникший — период русской литературы *идеократическим*.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

(К десятилетию со дня смерти, 28-VI-1932)²⁹

23 октября 1915 года В. Хлебников записал в своем дневнике: «Маяковский назвал меня королем русской поэзии»³⁰. — В записках Татьяны Вечорки (знакомой Хлебникова) есть сообщение, что замечательный русский поэт и мыслитель Вячеслав *Иванов* однажды сказал Хлебникову: «Вы — ангел»³¹. Советский критик Н. Степанов (издавший вместе с Ю. Тыняновым Собрание сочинений В. Хлебникова³²) в статье «Творчество Хлебникова» приводит единогласные отзывы Д. Бурлюка, В. Иванова, О. Мандельштама и М. Кузмина о *гениальности* Велимира Хлебникова³³.

А между тем только сейчас, по прошествии 10 лет со дня смерти поэта, его имя начинает приобретать некоторую известность вне узкого круга литераторов и специалистов; и его творчество лишь теперь вызывает внимание исследователей, углубляющихся в хлебниковское наследие.

Николай Степанов объясняет столь поздно приходящую популярность Хлебникова тем, что до сих пор «творчество Хлебникова рассматривалось как лаборатория современной поэзии, а не как самая поэзия. До сих пор он был заслонен лесами футуризма; признанные и более доступные поэты занимают центральное место в глазах читателя и критика»³⁴.

Но позднее признание Х<лебнико>ва объясняется не только *недоступностью* его Музы, его стиля и вообще трудностью распознавания черт его писательского *лица*. Роковую роль сыграли некоторые свойства характера и судьбы самого поэта — его крайняя неприспособленность к жизни, его непостижимая неудачливость.

«...Он ходил лунатично и некрепко, — говорит Т. Вечорка, — видно — все равно, куда идти»³⁵.

Современник Х<лебнико>ва, известный библиофил В.Н. Т<укалевск>ий³⁶ рассказывает, что в предвоенные годы в Петрограде на Невском «люди пальцем показывали» на двух чудаков. Один из них ходил босой и в железных веригах — это был Христа ради юродивый. Другим был Велимир Хлебников. О последнем можно сказать, что он и был юродивым, если и не «ради Христа», то ради Поэзии, ради творений в области Слова.

О наружности и образе жизни Х<лебнико>ва сохранилось много воспоминаний, иногда анекдотического свойства.

«...Он был нелеп, но скульптурен. Высокий, с громадной головой, в рыжеватых запущенных волосах», «с глазами неестественной голубизны» (Т. Вечорка)³⁷.

В 1921 г. Х<лебнико>в неожиданно для всех появился в Пятигорске. Советский писатель Д. Козлов увидел его, сидящего в «позе и облике Христа с картины Крамского», «в рваной солдатской шинели, на босых ногах опорки, в белье, но без костюма»³⁸. Он пришел в Пятигорск, умирая от голода, болезней, собственной нелепицы и неумения «устроиться».

Королю русской поэзии и «ангелу» выхлопотали место ночного сторожа в *Доме Печорина* (в Пятигорске) и этим спасли его — правда, ненадолго — от гибели. В этот период жизни Х<лебни>ков написал о себе:

Мне мало надо.
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака...

По единогласному отзыву всех, лично знавших Х<лебнико>ва, ему невозможно было доверить никакую сколько-нибудь ответственную работу. Как говорится — он «ничего не умел делать». Он умел только созерцать, чувствовать эпоху и... писать гениальные вещи, далеко не всегда понятные окружающим.

Когда в 1920 году вместе с Красной армией Хлебников побывал в Персии, его там сразу оценили, признав в нем *дервиша*, т.е. человека не

от мира сего — и уже по одному этому заслуживающего всяческого уважения и даже поклонения. Но в эпоху революции, в стране пролетарской диктатуры он, так сказать, «естественно» окончил свои дни, замученный застарелыми болезнями, голодом; умерев не в постели, а на голых досках, не в одежде, а в лохмотьях.

Однако такой конец был (как это ни звучит жестоко) *в стиле* всей жизни Велимира Хлебникова. Он «знать ничего не хотел», кроме своего творчества; постоянно носил с собою громадную книгу, писал в нее каждый раз, как являлась потребность в писании. А в остальное время — делал то, что ему нравилось делать каждый данный момент... «Однажды ехал Хлебников куда-то по железной дороге. Ночью на маленькой станции выглянул в окно. Увидел у реки костер и возле него темные силуэты. Понравилось. Он немедленно вылез из вагона и присоединился к рыбакам. Вещи уехали, а в карманах было мало денег, но несколько тетрадок. И когда пошел дождь и костер стал тухнуть — Хлебников бросил в него свои рукописи, чтобы подольше “было хорошо”».

Два дня он рыбачил, а по ночам глядел в небо.

Потом это ему все надоело, и он отправился дальше»³⁹.

Можно ли быть чиновником при таких вкусах?

Между тем Хлебников был, несомненно, одним из наиболее разносторонне одаренных и образованных русских писателей последних лет. С раннего детства он попал в благоприятную обстановку как в смысле жизненных условий, так и в отношении первоначальной ориентировки в области знания. Он родился 28 октября 1885 года в Астраханской губ., в с. Тундудове⁴⁰. Отец — образованный, культурный человек — привил ему любовь к естественным наукам. Мать, одаренная живая женщина, историчка по специальности, развила в нем природную его склонность и любовь к истории, литературе, искусствам. С 1906 года Хлебников занимался науками на математическом, позже физико-математическом отделениях Казанского университета. В особенности увлекался зоологией. В 1909 году, после некоторого перерыва в учебе, в связи с арестом за участие в студенческих беспорядках, Хлебников поступает на факультет восточных языков (Москва), а затем переходит на славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

Литературная деятельность Хлебникова началась с 1908 года, когда он сблизился с журналом «Аполлон», а также с будущими футуристами: Каменским и Бурлюками. Между 1910 и 1915 гг. Хлебников жил в Петрограде, Москве, Харькове, Астрахани, много учился, работал. Уже в эти годы «Хлебников стал в *центре* нового литературного движения, но никогда себя не выдвигал»⁴¹. С ним работали (кроме Бурлюков и Каменского) еще Крученых и Маяковский.

Призвание Хлебникова на военную службу (1916 г.) поставило его в невыносимое положение. Характерны жалобы поэта, относящиеся к тому времени: «шаги, приказания, убийство моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий», «благодаря ругани, однообразной и тяжелой, во мне умирает чувство языка»⁴².

Ритм и чувство — вот что защищает в себе этот «солдат» по недоразумению.

Но Хлебников не был трусом. Сохранились свидетельства, что во время уличных боев он спокойно появлялся в самых жарких местах — быть может, по любознательности?..

Революция, ее зверские, неукротимые порывы увлекали его. Он вслушивался в темный говор безумствовавших стихий и — пророчествовал.

21-го апреля 1917 года, т.е. задолго до октябрьского переворота, внесшего мотивы интернационализма и мессианизма в грозную мелодию русской революции, — Хлебников написал поэму «Манифест председателей земного шара», выдержки из которой приводим:

Только мы, свернув ваши три года войны
В один завиток грозной трубы,
Поем и кричим, поем и кричим,
Пьяные прелестью той истины,
Что Правительство Земного Шара
Уже существует:
Оно — Мы,
Только мы нацепили на свои лбы
Дикие венки правителей земного шара...

и т.д.

В конце:

Итак, боевая перчатка
Трех слов: Правительство Земного Шара
Брошена.

Помимо того что в этой поэме содержится призыв всему миру и призыв к России *строить Новое* (ср. «Да творится воля Земного Шара» и др. «угие» места), — здесь автор с поразительной точностью зрения вперед предугадал многое из того, что составило содержание последовавших революционных лет. По этому поводу нельзя не вспомнить, что в 1912 году Хлебников опубликовал книжку, в которой, на основании изобретенных им математических методов истолкования всемирной

истории, предсказал «падение Российского Государства в 1917 году»⁴³. К математическим («пифагорейским») звучаниям хлебниковских произведений мы еще вернемся.

Во время Гражданской войны (1918–1920 гг.) он живет в Харькове, Ростове-на-Дону и других городах Юга: голодает, болеет, творит. За эти годы перенес два тифа, две тюрьмы (сидел и у белых, и у красных); бродяжничал без документов и пристанища. С приходом Красной армии на Кавказ, через посредство старых московских друзей, служивших в печатных органах Армии, Хлебников нашел было применение своим способностям. В 1921 г. работал в отделе печати в Баку, потом в Персии, еще позже в Пятигорске. Неприспособленность к жизни и неудачи и тут преследовали поэта. В конце 1921 г. он устремился в Москву — хотел и надеялся опубликовать свои вещи. Но чего мог добиться созерцатель-*дервиш* в голодной революционной Москве тогдашних лет? По настоянию друзей Велимир Хлебников, больной и измученный, переехал из «красной столицы» в деревню Санталово Новгородской губернии, как тогда выражались — «на подножный корм». Тут его и застигла смерть 28 июня 1922 года.

Настоящее, т.е. последовательное и объективное, изучение Хлебникова начинается только теперь. Вышедшее в 1930 году Собрание произведений поэта (под редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова)⁴⁴ впервые дает возможность систематического обзора почти *всего* Хлебникова. Говорим «почти», потому что вовсе не исключено появление новых вещей, в свое время небрежно оброненных где-либо «Велимиром» на его скитальческом пути.

Даже и до сих пор находятся критики, пожимающие плечами, когда слышат слова: «советская литература», «футуризм», «Маяковский», «Хлебников»... — «Сумасшествие какое-то. *Ничего не понимаю*», — восклицают они с сакраментальной усмешкой. Но восклицают так не догадываются, что убийственное «ничего не понимаю» уже давно обратило свое палящее острие против самих «непонимающих».

Главное обвинение, предъявляемое выразителям новой эпохи, состоит в том, что они пишут невразумительно и трудно; что их язык не похож на язык Пушкина и Толстого. На Хлебникова — этого изобретателя и конструктора «заумного языка» — этого бесстрашного экспериментатора в области словотворчества — сыпется особенно обильный град обвинений и насмешек. Между тем именно у Велимира Хлебникова мы находим поэтические и прозаические вещи такого внутреннего напряжения и стилистического совершенства, которые поистине заслуживают наиме-

нования *классических*. К таким образцам современной поэзии и прозы надо отнести «Настоящее», «Ночной обыск», «Шаман и Венера», «Девий Бог», «Охотник Уса-Гали», «Николай» и многое другое. Ограничимся приведением только двух отрывков, они дадут первоначальное впечатление о методе письма Велимира Хлебникова.

«Охотник Уса-Гали»: «Уса-Гали воспитывал соколов, охотился, а при случае занимался разбоем. Если его уличали, он добродушно спрашивал: “а разве нельзя? — думал можно”. Увидев спящего жаворонка в степи, Уса-Гали ползет к нему и прижимает его за хвост к земле; птица просыпается в плену. Орел сидит на стогу. Гали подкрадывается к стогу с длинной петлей. Орел зорко смотрит на волосяной обруч. Полный подозрений, он подымается на ноги, готовый улететь, но уж висит, ударяя черными крыльями, хлопая ими и крича. Уса-Гали выбегает из-под стога и за веревку тянет бедного князя воздуха, черного пленника с железными когтями; его крылья в размахе достигают сажени. Гордый, он едет по степи. Орел долго будет жить в плену, разделяя пищу с овчарками. Раз, во время погони, целая вереница всадников окружила его. Гали напрасно рыскал на своем коне в середине облавы. Что же он делает? Он повернул коня и поскакал к одному из всадников. Тот нерешительно ставит коня боком. Гали свистнул плетью, и добрый конь, оглушенный страшным ударом в лоб, упал на колени. Уса-Гали ускакал. Это был лихой удар, вызвавший конский обморок. В степи долго помнили лопнувшую подпругу на оглушенном коне и примятого всадника...» (этот рассказ занимает три страницы, помещен в IV томе)⁴⁵.

«Шаман и Венера»:

.....
Шамана встреча и Венеры
Была так кратка и ясна;
Она вошла во вход пещеры,
Порывом радости весна.
В ее глазах светла отвага
И страсти гордый гневный зной:
Она пред ним стояла нага,
Блестя роскошной пеленой.
.....
И вот уж утро прокричали
На елях бледные дрозды.
Полна сомнений и печали,
Она на смутный лик звезды
Взирала робко и порой

О чем-то тихо лепетала,
Про что-то тихо напевала.

Бледнело небо и светало.
Всходило солнце. За горой
О чем-то роща лепетала.
От сна природа пробудилась,
Младой зари подняв персты.
Венера точно застыдилась
Своей полнотной красоты.
.....

Если бы Х<лебнико>в писал *только такие* вещи, он быстро приобрел бы всеобщее признание и популярность. Но этот «Ломоносов сегодняшней русской литературы» (выражение В. Шкловского)⁴⁶ был скорее подобен Леонардо да Винчи: он ничем достигнутым не удовлетворялся и весь был во власти новых поисков, новых испытаний, новых находений. О размахе и глубине этих творческих опытов Х<лебнико>ва можно судить уже по тому, что такие мастера стиха, как Маяковский, Асеев, Пастернак, в значительной степени воспитались на Хлебникове и выросли из него. «Маяковский, — пишет Н. Степанов, — пользуется результатом достижений Х<лебнико>ва, не используя его принципов. Он “монополизирует” лишь *один* из ритмических (и рифмических) приемов Хлебникова и возводит его в свой основной и однообразный принцип»⁴⁷.

Спросим: кто не знает Маяковского с его прославленным методом разорванного стиха? Спросим также: а кто *знает* Хлебникова, для которого *этот* метод был лишь одним из многих других, которыми он пользовался как «король поэзии»?

Сила этого странного и далеко еще не объясненного поэта — в погруженности в стихию языка, в стихию слова и через это — в стихию мира. Недаром он ценил в Уитмене способность «быть космическим психоприемником»⁴⁸. Способностью впитывать в себя токи, идущие извне, от любого внешнего объекта или события; «заряжаться» ими (как заряжается электрическая батарея) и потом отзываться на них путем словесного оформления своих вчувствований и вживаний — этой гениальной способностью в высшей мере обладал сам Велимир Хлебников.

Работая над словом, он был техником, инженером, философом, ученым и поэтом — одновременно. В нем сочетались элементы детскости, первоначальной языческой свежести «незнания» с элементами мудрого и углубленного «знания» вещей, мира. Этот «мудрый ребенок» (Н. Сте-

панов)⁴⁹, подобно пифагорейцам и мистикам всех веков, находился *во власти чисел*. Выразал ее так:

.....
Походы мрачные пехот
Копьем убийство короля,
Послушны числам, как заход,
Дождь звезд и синие поля.
Года войны, ковры чуме,
Сложил и вычел я в уме.
И уважение к числу
Растет, ручьи веда к руслу.
(из «Гибель Атлантиды»)

Однако вопреки самому себе и своей вере в непреложность мировых явлений, он был революционером во всем, к чему прикасался. Революционером и творцом новых ценностей. *О творчестве слов* Хл<ебник>ов говорит так: «Когда я замечал, что старые строки вдруг тускнели, когда сокрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова...» «Ощувив, как они (старые слова) стали пустотой, понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным “я” на разумное небо»⁵⁰. При дальнейшем углублении в природу слова как такового («самовитого слова») Хлебников ставит проблему: *что есть человеческое слово?* — в разрешении этой проблемы он обнаруживает ученость и фантастичность своих взглядов в мере, не превышающей ту, какая была у Бэкона Веруламского, Жюль Верна или автора «Борьбы миров» Уэллса. «Будучи непревзойденным специалистом в теории звуков, он строит свою поэзию на законах шума звуков» (Д. Козлов)⁵¹. Он ищет первоначальные элементы слова, как химики и физики ищут простейшие («неразложимые») частицы материи, т.е. *атомы*.

Так он «хочет найти путь к мировому заумному языку»^{*}.

«Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех *славянских слов* одно в другое — свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово, вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак, за которым стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из *единиц* азбуки, — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку»⁵². Таков тезис и путь поэта. Он видит в слове две стороны: слово как функцию быта, средство общения; и *чистое* слово — его вне-

* Ошибочно было бы смешивать поиски Хлебникова с известными опытами построения «международного эсперанто». Хлебников так относится к эсперантистам, как «умное делание» мистиков к столоверчению спиритов.

утилитарное бытие и самостоятельный ноуменальный смысл. (Интересно отношение Хл<ебнико>ва к славянским языкам и славянству вообще: он пришел к мысли о мировом языке через изучение славянских; а идея азиатских связей славянской культуры послужила основной канвой для его большой эпопеи «Дети Выдры».)

«Художники мира... — восклицает Хлебников, — пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода» (стр. 14, вып. VI, «Неизданный Хлебников», Москва, 1928–30 гг.)⁵³.

Он сделал много попыток проникнуть в тайны «мирового заумного языка» и поведать о них людям. С попытками этими будет считаться каждый философ языка. Их разбор является самостоятельной темой, и мы обойдем ее здесь.

Рискуя быть непонятым и осмеянным (в действительности, он и был непонят и осмеян), Велимир Хл<ебник>ов создавал все новые и новые формы словотворчества, поистине уподобляясь химику в его лабораторных опытах. К примеру — от корня «люб» он произвел 400–450 новых словообразований. Как во всяком опыте, многое тут неудачно, но вся «заготовка» в целом поразительна в смысле освещения природы этого корня с самых неожиданных сторон (стр. 317, 318, том IV Собр<ания> произв<едений>)⁵⁴.

Обилие словесных богатств Хл<ебнико>ва В. Каменский выразил так: «Гений Хлебникова настолько безбрежен в своем разливе слово-океана, что нам, стоящим у берега его творчества, вполне достаточно и тех прибойных волн, которые заставляют нас преклоняться перед раскинутым величием словопостижения»⁵⁵. Сам обладатель и творец «слово-океана» Велимир Хл<ебник>ов однажды подсчитал те «языковые слои», которыми он пользуется. Их оказалось двадцать:

1. Число-слово.
2. Заумный язык.
3. Словотворчество.
4. Разложение слова.
5. Звукопись.
6. Иностранные слова (гл<авным> о<бразом> азиатские).
7. Даль.
8. Жестокие слова.
9. Нежно-сладкие.
10. Новое созвучие.
11. Цели — созвучия.
12. Вывихи слова.
13. Перевертни.

14. Народные слова.
15. Общеславянские слова.
16. Звездный язык.
17. Вращение слова.
18. Бурный язык.
19. Безумные слова.
20. Тайный язык⁵⁶.

«Будущий историк» литературы скажет, наверное, что Хлебников, как чрезвычайно одаренный и оригинальный писатель, не уместается в рамки современных ему направлений; что он взял от символистов их углубленность и мирозерцательные тайны, от акмеистов — любовь к вещам, природе и человеку, от футуристов — смелость исканий и «технизм словесного мастерства»... что, переработав все эти элементы, он дал нечто свое и таким образом занял одно из передовых и значительнейших мест в современной ему русской литературе... и, говоря так, «будущий историк» будет в общем прав. Но правота эта — не полная и слишком формальная. Не в том дело, что Хлебникову удался синтез окружавших его направлений; и не в том даже, что он сделал прорыв в будущее и первым вошел в него. Имя Велимира Хлебникова важно потому, что его носитель *во временном* улавливал *вечное*; и в раскатах бушеваний эпохи сумел расслышать и передать другим самую радостную и звонко-счастливую песню мира — песню о непрестанном обновлении через неиссякаемое творчество.

Суть Хлебникова в том, что он — творец.

И в этом — его «качество вечности».

Прага
Май 1932

Комментарий к Маяковскому⁵⁷

Маяковский — «крикогубый Заратустра сегодняшнего дня» — «предтеча революции» — «тринадцатый апостол в самом обыкновенном Евангелии»⁵⁸ — как он сам себя называл — был, есть и навсегда останется глубоким и многосмысленным символом религиозных исканий русской революции. Уже в 1920 году крупнейший идеолог национал-большевизма, профессор Н.В. Устрялов (журнал «Окно», декабрь 1920 г.) отождествлял «Религию революции» и «Владимира Маяковского». — «Наиболее ценным аутентическим документом великой русской рево-

люции, — писал он, — пока является, несомненно, творчество В. Маяковского...» «Вглядываясь в сборник “Все”, мы сразу чувствуем, что основной определяющий мотив творчества поэта русской революции — мотив религиозный...» «Он увлечен в каком-то адском танце бунта, и бунтарские крылья эпохи подбрасывают его с удесятеренной силой — сквозь небо вперед».

Но — «великий бунт этот подергивается непрестанной судорогой, изломом, неизбежным надрывом и вечно преодолеваемой болью»⁵⁹.

Через десяток лет, уже после смерти Маяковского, констатирование «изначальной слитности поэзии М<аяковского>го с темой революции» и погружение его в религиозные искания — получают новое и расширенное толкование в статье Романа Якобсона (см. сборник «Смерть Маяковского», 1931)*. Р. Якобсон указывает на неразрывность революционного и религиозного мотивов в творениях М<аяковского>го.

...«Поэт — искупительная жертва во имя грядущего подлинного все-ленского воскресения» (тема «Войны и мира»).

...«Сны М<аяковского>го о будущем, — продолжает Р. Якобсон, — его гимн человекобожеству, богоборчество “тринадцатого апостола”, его этическое неприятие Бога — все это куда ближе вчерашнему дню русской литературы, чем дежурному официальному безбожию. Не с катехизисом Ярославского** связана вера М<аяковского>го в личное бессмертие. Его видение грядущего воскрешения мертвых во плоти конвергентно материалистической концепции Федорова» (стр. 24).

Уже в этих немногих словах намечена внутренняя эволюция поэта и сущность его настроений. Чем больше развивался Маяковский — «апостол», тем дальше уходил он от «бунта» как такового и углублялся в проблемы жизни, смерти, бессмертия и воскресения. Кажется странным и неправдоподобным, чтобы «пролетарский поэт», сказавший о себе:

Я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек...⁶²

чтобы он хотя бы в самой малой степени мог быть уподоблен, скажем, Достоевскому, которого «всю жизнь Бог мучил»⁶³, или Федорову, создавшему понимание Христианства как учения об Общем Деле, состоящем в воскрешении мертвых.

* «О поколении, растратившем поэтов»⁶⁰.

** Ярославский — глава воинствующих безбожников⁶¹.

Между тем достаточно дать себе труд внимательно прислушаться к М<аяковско>му, чтобы признать за ним значение не только религиозно-встревоженного писателя, но и более того: проповедника или пророка некоторой серьезной и впечатляющей религиозной системы. Знакомство с *этой* системой важно само по себе. Но оно приобретает сугубую важность, если согласиться с мыслью о символическом значении М<аяковско>го для революционной эпохи. Литературное или историческое явление тем символичнее, чем максимальнее выражает собою специфику современности. В этой максимальной его связи со своим временем и принадлежностью всем временам.

В М<аяковск>ом прежде всего поражает обилие терминов и образов, взятых из религиозного (иногда — прямо церковного) обихода. Профессор А. Селищев в известной книге «Язык революционной эпохи» (Москва, 1928 г.) обратил внимание на частую употребляемость в коммунистической среде целого ряда «церковнославянизмов». В особенности часто из уст «строителей социализма» можно услышать такие слова, как «голгофа», «апостол», «Евангелие коммунизма», «каинова печать», «распни» и т.д. (стр. 62–68). Но едва ли кто из писателей-современников имеет в своем словаре и поэтической памяти такой запас церковнославянизмов и образов, взятых из Ветхого и Нового Заветов, и так настойчиво (порою — назойливо) ими оперирует, как это делал М<аяковски>й. На нескольких страничках поэмы «Облако в штанах» непрерывное повторение слов и образов, взятых из области религии или церковной истории, — «златоуст», «проповедь», «Заратустра», «молитва», «терновый венец», «голгофа», «Спаситель», «Богоматерь», «Варавва», «апостол» и пр., и пр. (стр. 92–100. «Избранный М<аяковски>й», изд. «Накануне», 1923 г.)⁶⁴.

В полном соответствии с высоким облачением находится существенная внутренняя погруженность поэта в религиозные искания. При этом, как и во всем облике М<аяковско>го, поражает заостренность и безудержность его отношения к теме. Только редкий из персонажей Достоевского (как, например, Кириллов в «Бесах») решался на такое сближение своего «я» со «святой святых» каждой религии — как это делает М<аяковск>ий. Кириллов говорит: «Если Бога нет, я — бог»⁶⁵. Маяковский отзывается:

Мы сами Христос,
Мы сами Спаситель...⁶⁶

Лучшие вещи М<аяковско>го («Облако в штанах», «Человек», «Пятый интернационал», «Баня», «Клоп», «Про это» и др.) упираются в так называемые «вечные проблемы» и осмысляют их в очень своеобразной манере. В этих вещах видна попытка дать *связный* ответ на роковые во-

просы, что и дает основание рассматривать взгляды М<аяковско>го как религиозную систему.

В поэме «Человек» расположение, наименование и содержание глав внушают читателю мысль о совершенно определенной тенденции. «Рождение М<аяковско>го», «Страсти М<аяковско>го»*, «Вознесение М<аяковско>го», «М<аяковск>ий в небе», «Возвращение М<аяковско>го». Что это такое? — Это пародия. Но это не только пародия. В этой поэме (как и в других) под маской «паясничества и кощунства» (выражение Устрялова)⁶⁷, в сущности, производится «Подражание Христу» — как у Фомы Кемпийского... Маяковский как будто *примеривает*: как выглядит смерть? как выглядит бессмертие? Он ежеминутно может отречься от *серьезности* этих своих «примерок». Он, в действительности, и отрекается и густо пересыпает свои поэмы отвратительным мусором того цинического нигилизма, который является до сих пор модным «молодечеством» в известной части советского общества. Однако после появления «Пятого интернационала» и «Про это» — никто не может обманываться относительно истинного характера упомянутых «примерок» — они делались не из шутовства, а всерьез.

Анализ «Клопа» (состояние анабиоза и возвращение к жизни), «Бани» («машина времени»), «через преодоление времени будет завоевано бессмертие», — думал М<аяковск>ий, см. стр. 24 статьи Р. Якобсона) и особенно поэмы «Про это» — согласно убеждает в том, что М<аяковск>ий с большим страданием бился над загадкой, заключенной в коротком слове: *смерть*. «Требование победы над смертью владело Маяковским (Р. Якобсон, стр. 25). С этим требованием Маяковский неизбежно должен был столкнуться, следуя логике своих исканий.

«Пока внутренне не преодолена смерть, — нет прекрасного праздника блаженства» (Устрялов)⁶⁸; и нет религии — добавим мы со своей стороны. Без разгадки и преодоления явления смерти — нет блаженства и нет религии. Это — очевидно. Но вот кардинальный вопрос: обрел ли Маяковский «прекрасный праздник блаженства»? Нашел ли удовлетворение в своей религии? — В этом можно глубоко сомневаться. Но несомненно, он шел по этому пути, и наша задача — проследить его путь.

Уже в ранних вещах М<аяковско>го чувствуется безмерная тяга к самоутверждению, причем самоутверждению на веки веков. Он жаждет вечности, бессмертия — прямого, буквального, телесного, такого же, какого чаяли Достоевский и Вл. Соловьев.

«...Воскресение будет реальное, личное... пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, засыплется, победится побежденною смертью, и они воскреснут не аллегорически, а действительно, лично, реально, в те-

* *Страсти* — мучения, страдания. Здесь пародия на страсти Христа.

лах (конечно, не в теперешних телах)... мы здесь, т.е. я и С. ... (Вл. С. Соловьев. — К. Ч.) верим в Воскресение буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле» (из письма Достоевского Петерсону от 24 марта 1878 г., см.: «Русский Архив», т. 1, стр. 403, 1904 год, Москва)⁶⁹.

Но Достоевский не указывает: Бог или человек (или Бог и человек) произведут воскрешение. Маяковский говорит определенное:

Мой стих
    трудо
                громаду лет прорвет
и явится
    весомо,
                грубо,
                        зримо,
Как в наши дни
    вошел водопровод,
                сработанный
                        еще рабами Рима...
                                (том IX, Полн. собр. соч.)⁷⁰

В «Пятом интернационале» мысль о вечном бытии, достигаемом *через труд* и усилие, которое «похоже даже на самоусовершенствование йога» (стр. 238, «Избранный Маяковский»), получает ясность и конкретность: сначала совершенствующийся поднимается «на вершок», потом он «лес перерос», еще позже «голова уже — разве что одному Ивану Великому — ровесница». А когда он «выпрямляется во весь рост» — «тут уж начинаются дела так называемые небесные». Тут «сразу видишь вещь из прошедшего в грядущее» (проблема времени. — К. Ч.); «мысль — вещественней, чем ножка рояльная». В небесах слышится музыка сфер: «мажорно мира жернов басит».

Но наиболее законченное выражение религиозных идей находится в поэме «Про это». — Про что — про это? — спрашивает сам Маяковский на первой странице. И отвечает:

Эта тема истемнила в темень
Колотись — велела — строчками лбов.
Имя
    этой
        теме
                .....
                        (т.е. любовь. — К. Ч.).

Вот пункт, к которому сходятся многочисленные лучи главных творений Маяковского. «*Воскреси...*» (стр. 105) — вот громовой исступленный вопль «крикогубого Заратустры».

В жизнь сию,
сей
мир
верил,
верую...
(стр. 104).

В какую *жизнь*? — В жизнь бесконечную и безначальную, т.е. вне-временную, «когда ничего не режут времени ножи» («Пятый интернационал»). Только такую жизнь требует М<аяковск>ий, только такая жизнь способна победить смерть и создать «прекрасный праздник блаженства».

Теперь настоящее лицо «тринадцатого апостола» выступило с достаточной ясностью.

Остается добавить несколько разрозненных замечаний относительно *корней* мировоззрения певца «религии революции».

Каждый исторический деятель, будь то поэт или политик, вырастает в определенном идейном климате, складывающемся, грубо говоря, из двух элементов: того, что данный деятель приемлет и развивает, и того, с чем он борется и что отвергает. Пушкин боролся с псевдоклассицизмом и утверждал подлинный русский классицизм XIX века. Достоевский отталкивался от атеистического социализма и строил православное царство, проникнутое служением Русскому Богу. — Маяковский «дрался» с декадансом и реакцией и утверждал «бунт». Был ли он одинок в своей борьбе? — Роман Якобсон правильно и метко подчеркивает близость М<аяковско>-го «вчерашнему дню русской литературы». Но к какому именно течению «вчерашнего дня»? — Ведь, казалось бы, футуризм, в котором воспитался М<аяковск>ий, отвергал *весь* «вчерашний день», целиком?

Сейчас, когда мы достаточно далеки от того времени, образовалась некоторая историческая перспектива, и «вчерашний день» русской культуры рисуется в ином виде — не в том, каким он воспринимался современниками. Сейчас ясно различимы два плана русской предреволюционной жизни: план охранительный, причудливо связанный с декадансом; и план революционный, связанный с бунтом в широком понимании этого слова. И подобно тому, как к первому должны быть отнесены литераторы, философы, политики, объединенные общим *преобладающим* стремлени-

ем «удержать» рвущуюся стихию; так ко второму плану принадлежат все те, у кого *преобладающим* стремлением было «двинуться» вместе со стихией. Без этой перспективы непонятно отделение, так сказать, *мнимых* радикалов (как Арцыбашев, Л. Андреев, Куприн и др.) и соединение их с непохожими на них Мережковским или Буниным — от *настоящих радикалов*, в числе которых оказались опять-таки трудно соединимые А. Блок и В. Маяковский, А. Белый и М. Горький, В. Брюсов, В. Хлебников и мн<огие> др<угие>. Эта же перспектива объясняет причину перехода ряда религиозных писателей прямо в лагерь коммунистов (как Иона Брихничев, Ал. Введенский⁷²) или в ближайшее соседство с ними: «бездна тянет бездну», — сказал Н. Лесков⁷³; социально-политический радикализм оказался неодолимо притягательным для радикализма религиозного.

Как кажется, именно в этом потоке «вчерашнего дня» и находился М<аяковск>ий; во всяком случае — здесь лежат корни его мировоззрения. Не настаивая на безошибочности, можно, напр<имер>, предположить, что к идее «мастерской человеческих воскрешений» он пришел под влиянием учения Н.Ф. Федорова и федоровцев. В 1913–14 гг., по случаю десятилетия со дня смерти Н.Ф. Федорова, вышел сборник «Вселенское Дело» (Одесса, 1914 г.)⁷⁴, в котором приняли участие В. Брюсов, Л. Столица, И. Брихничев, А. Горностаев⁷⁵ и др. Нетрудно допустить, что тогда же или позже этот сборник попал в руки М<аяковско>го. — Основные идеи «Вселенского Дела» — борьба со смертью, научная постановка этой борьбы, опыты анабиоза, проблема времени в связи с проблемой бессмертия, восстановление истинного смысла учения Христа Спасителя (Спасителя от чего? — от смерти, во имя вечной жизни, отвечают федоровцы) — во многом повторена в произведениях Маяковского...

Маяковский борется со смертью? — Но об этом сказано во «Вселенском Деле»: «Дело борьбы со смертью есть дело общее — дело всего человечества»⁷⁶. Маяковский направляет свое «Прошение» на имя ученого, на имя химика; Маяковский заявляет:

Я стать хочу
в ряды Эдисонов
.....
в ряды Эйнштейнов...^{77?}

Но особенность федоровского учения в том и состоит, что оно соединяет веру с знанием, религию с наукой и в прогрессе науки видит избавление от власти природы и смерти. Как раз В. Брюсов, которого Маяков-

ский, несомненно, знал, написал во «Вселенском Деле» статью «О смерти, воскресении и воскрешении». «Все эти вопросы, — писал Брюсов (стр. 49–50), — научные, область знания не только университетского»⁷⁸.

Маяковский в «Клопе» замораживает и потом возвращает к жизни своего героя? — Но об этом писал П. Бахметьев: «Если бы анабиозу удалось подвергнуть человека, то это открыло бы нам широчайшие горизонты... Можно сказать, что тогда проблема бессмертия была бы решена, по крайней мере для известных условий» (стр. 101)⁷⁹. И там же далее мы читаем об опыте проф. Р. Пикте, который объектом замораживания избрал самого себя⁸⁰.

Наконец, проблема времени. Но не Эйнштейн, а автор Апокалипсиса первый постиг связь между временем и смертью, вне-временностью и бессмертием. И хотя (как об этом пишет Р. Якобсон, стр. 25) изыскания Эйнштейна, несомненно, могли произвести впечатление на Маяковского и подвинуть его к проблемам этого порядка; однако же столь же несомненно более раннее знакомство М^{аяковского} с сущностью этой проблемы, запечатленной в бессмертных строках Достоевского: «Вы стали верить в будущую вечную жизнь?» (см. «Бесъ»). — «Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет. Это очень там верно, отчетливо и точно. Когда человек счастья достигнет, времени больше не будет, потому что не надо»⁸¹. Отчетливо и точно.

Со всем тем трудно, да и не нужно настаивать на *прямой и непосредственной* зависимости Маяковского от Н.Ф. Федорова и его идей. Множество черт великолепной самобытной неподдельной оригинальности, светящихся, подобно драгоценным камням, на всем протяжении поэтического пути Маяковского, говорят нам о возможности совпадения его идей с идеями Федорова. Ведь и то следует сказать, что Маяковский воспитывался не вне русского идейного климата, но в самой его гуще. Много из того, что схвачено его чутким ухом и выражено его сильной лирой — принадлежит всем и никому. Чем шире и вместимее его дарование, чем ярче и независимее его собственное субъективно-преобразующее «я», тем, естественно, выше должно расценивать его «апостолическое» значение для истины, взыскуемой религиозными исканиями русской революции*.

Прага
Сентябрь, 1932

* Через несколько месяцев после написания этой статьи я получил совершенно определенные сведения, указывающие на личную близость В. Маяковского к некоторым федоровцам-москвичам и на ведение ими многократных бесед на «федоровские темы»⁸².

Жизнь — «игра» и жизнь — «факт» в книге Я.Я. Паулика⁸³

(«Техника флирта». Прага, 1932)*

Двойственность нашего времени очевидна. Так же двойственна натура современного человека. Мы стоим на каком-то великом историческом распутии. Призрачные огни уходящей эпохи, то вспыхивая — то потухая, смешиваются в сознании современного человека с первыми проблесками возникающей эпохи. Где истина? Где действительность? Где критерий действительности? Может быть, действительности вообще нет, а есть только мираж, сон, обманчивая игра огней? Но если действительность *есть*, то как ее распознать? Как на ней утвердиться? — Все эти вопросы, столь типичные для современного сознания, нашли свое яркое и очень интересное выражение в книге Я.Я. Паулика «Техника флирта». — Название книги вовсе не соответствует ее содержанию. Собственно флирт и собственно «техника» являются лишь частью, одной из деталей некоторой большей темы — темы о сущности любви, о взаимоотношениях полов, о смысле и фундаменте жизни.

При рассмотрении всех этих важнейших проблем, волнующих наиболее чуткую часть европейского общества, автор идет не одним, а двумя и, может быть, даже тремя путями. Первый путь — тот, который больше всех бросается в глаза: это путь скепсиса, порою переходящего в меланхолический цинизм. Здесь сосредоточены сомнения души, уставшей вопрошать и утверждать. Тут перед нами бледное, истощенное лицо «человека иллюзий», освещенное искусственным светом ночных притонов — тех именно притонов, в которых «один раз в неделю сходятся мужчины прожить три часа в атмосфере банальной роскоши, цинических капризов и игры в любовь, при которой никто не бывает обманут, в атмосфере уродливого и насладительного взаимного согласия» (стр. 37). Второй путь — это тот, где автор делает попытку освободиться от притягательной силы фальшивых огней; где он пробует утвердиться на примитивах, на «простых фактах»; где он декретирует, что «любовь есть биологический факт» (стр. 57) и, в противовес изящному снобу Кальдерону, цитирует ультра-«реалистического» советского Фридлянда⁸⁵... Наконец, есть еще третий путь — самый глубокий, самый интимный, спрятанный под маской тончайшего нигилизма и под напускным «биологизмом». Это третье (*настоящее*) лицо всматривается и ищет; хочет прорвать паутину декадентских условностей современности, хочет приподнять «био-

* Настоящая статья печатается по техническим причинам теперь же, а не в подготовляемом к печати сборнике, посвященном современной чешской литературе⁸⁴.

логию» на некоторую высшую ступень, но — пока что — страдает «в ночном одиночестве» и ясновидении опьянения» (стр. 123).

Попробуем проследить — как развиваются эти пути.

Посреди первых веселых, игриво-легкомысленных страниц — вдруг попадают слова, как будто прозвучавшие «из другого мира». Они сказаны мимоходом — весьма возможно, без всякого умысла (в этом последнем случае они приобрели бы еще большую показательность). Но их мрачное звучание как-то вдруг меняет перспективу беспечности и настораживает внимательное ухо. Вот эти слова: «Заход солнца, этот великий символ смерти и всеобщего конца» (стр. 25). — «Техника флирта» и «всеобщий конец» — какое странное сочетание! Читатель начинает прислушиваться: не вплетается ли в звуки навязчивого мотива из ночного дансинга какой-то иной, не шаблонный, не заражающий своим бессилием мотив? — Ведь осознание грозящей гибели — начало спасения... Если автор прав, что «наши глаза — окна, а сердце — зеркало» (стр. 71), то как в *его* зеркале-сердце отражается жизнь? В самом ли деле он думает то, что говорит? Понимает ли он сам — к какому концу ведут настроения, царствующие на тех страницах, где поэтизируется условно названный нами «первым» путь?..

«И в своем вечернем виде входят те, кто утром шли на работу энергичные и полные оптимизма, которые возвращаются равнодушные и усталые. Смягченный табачным дымом искусственный свет, который преломляется стеклянными кристаллами в радужные краски, окрашивает на несколько часов действительность в цвета великолепия и фантастичности» (стр. 80). — Да, тут проглядывает сознание, что *самообман* чужд автору. У него хватает силы довести «первый путь» до конца, который всегда неизбежен: как в логическом, так и в чисто жизненном отношении... Переход от подлинной жизни к иллюзорной — отнимает жизненные силы, иссушает человеческую душу. Она начинает тяготиться жизнью, уходит от нее. Уходит в бездумное веселье и жажду абсолютного покоя. Этой истощенной душе хочется, чтобы джаз играл «новые песни скачущей веселости и абсолютного отдыха» (стр. 104). Вокруг — нет ничего твердого, ясного, верного, в чем можно было бы НЕ сомневаться. «Человеческий дух... каждый день имеет другие глаза... он провозглашает вечером за правду то, что еще утром было ложью» (стр. 110). «Вопрос о порядке на письменном столе менее спорен, чем проблема порядка в обществе, и проблема моральной организации вселенной допускает много объяснений, из которых ни одно не может считаться вполне удовлетворительным» (стр. 111). «Точность наших мер и весов, даже самых усовершенствованных, только относительная...» (стр. 108). Признанием всеобщей относительности сделан предпоследний шаг. Чтобы закончить «Первый

путь», надо сделать *последний* шаг. И он сделан: «Мы проникаем в глубочайшее основание вещи, к последней действительности, к тому, что делает вещи ими самими, пропускаем изменчивую действительность сквозь фильтр строгого анализа, и то, что нам остается, есть материя, представление, слово, *ничего*» (стр. 112). Итак, слово *ничего* сказано. Его надо было ожидать: нет релятивизма, который не оканчивался бы нигилизмом (Горгий⁸⁶, современник Сократа, и нынешние «релятивисты по убеждению» должны прийти к этому роковому выводу: нигиль эст — nihil est⁸⁷).

Именно тут, в *этом* пункте и ни в каком другом, надобно искать объяснения всему «первому пути». Не потому, что любви нет, а есть только флирт и «заинтересованность полового чувства» (стр. 27) — *поэтому и вообще ничего нет*. А наоборот: так как *ничего нет*, то и любви нет, а есть только забава, игра, фальшь и самообман. Переход от признания жизни игрой к ее отрицанию возможен, но *не* неизбежен. Но провозглашение горгиевского «нигиль эст — nihil est» *неизбежно* влечет за собой признание за жизнью значения обмана, фальши, игры. «По учению Горгия — всякое представление индивида ложно, ибо, так как сущего вовсе нет, то и всякое представление есть представление о не-сущем, а такое представление есть заблуждение, есть ложь» (см. любой курс философии).

Достойно быть отмеченным, что непосредственно вслед за возвещением «nihil» (стр. 112) *немедленно* следует признание в том, что жизнь — игра. «Мы играем (стр. 113), потому что нельзя наверное сказать, что жизнь, о которой мы не знаем ничего существенного, эта деятельность без окончательного смысла и ясной цели, является серьезным занятием».

Когда сделано это открытие, когда нащупан и извлечен корень настроения играть — теперь уже сравнительно легко распознать отдельные черты лица «человека иллюзий». Теперь понятно, почему «флирт» предпочитается «любви», ведь флирт — тоже игра: «игра напряженная, вдохновенная... где все сказано, все предполагается и все-таки *нет ничего ясного*, так как правда и ложь *смешаны* так, что их *невозможно различить*» (стр. 13). Человек иллюзий, погруженный в *этот* мир, полный условностей и фальши, совершенно естественно (если это слово тут у места) воспринимает жизнь как театр. Его мечта — «быть автором, режиссером и артистом одновременно», «быть принципалом театра марионеток» (стр. 18). Вполне логично, что героями искусственно созданной, построенной на опьяняющей условности жизни являются те, кто дальше других отошел от настоящей жизни и любви; кто живет *поддельными*, фальшивыми страстями, а не подлинными, т. е. «бар-дама» и «Дон Жуан в миниатюре» (стр. 35–44). Разве то, что называется «художественной правдой произведения», в данном случае произведения Я.Я. Паулика, не говорит нам, что каждый, кто погружается в атмосферу бара, в той или

иной мере уподобляется «Дон Жуану в миниатюре» и что каждая, кто, отказываясь от любви, становится «партнеркой» в флирте, приобретает сходство с бар-дамой? Да, именно это говорит художественная правда «Техники флирта» — независимо от воли творца этой книги.

Но если это так, то почему же выставляется требование: «снимите шляпы, мужчины... достаточно плохая женщина лучше, чем достаточно хороший мужчина» (стр. 50). Эта фраза, столь же неожиданная, как в свое время было неожиданно упоминание о «всеобщем конце», является одним из тех чрезвычайно немногочисленных намеков, разбросанных по всей книге, в которых, как кажется, проглядывает истинное («третье») лицо автора. Но сейчас выставление этого этического требования нужно рассматривать как внутренний отказ автора от признания жизни — игрой. Жизнь — больше, серьезнее, глубже, трагичнее. Что такое жизнь? Что такое та живая любовь, которая не заглядывает в бар?

В главах «Девушка и женщина» и «Сверчок семейного очага» делается переход от «игры» к «жизни», от иллюзий и сновидений к фактам; к природе, «как она есть». Удивительно ли, что этот переход делается резко, радикально, без компромиссов? — Внутренняя диалектика двух рядом поставленных утверждений: «границы флирта и любви в высшей степени неопределенны» (стр. 28) и «любовь есть биологический факт» (стр. 57), понятна, естественна и очевидна. Маятник качнулся в сторону признания любви — флиртом, игрой; но игра ведет к «нигилю эст» и «всеобщему концу». Отсюда возникает новое качание маятника — в сторону, противоположную от всяких фальшей и иллюзий, — ближе к фактам и природе. Сюда привлечен З. Фрейд, здесь обосновывается некий непоколебимый примитив — что может быть примитивнее инстинкта самосохранения и продолжения рода? А раз так, то «любовь в своем ядре не была и не есть ничем иным, как биологическим явлением, одной из форм тяги к бытию» (стр. 52). «Любовь есть простая биологическая действительность» (стр. 53) — одна из «слепых и мудрых природных сил» (стр. 53).

Однако верно ли это, что любовь и жизнь есть «простые», «биологические» факты? — Включение человека в общеприродный процесс, как увидим далее, отнюдь не удовлетворяет автора. В нем еще силен дух, выразившийся в фразе о «всех объяснениях, из которых ни одно не может быть серьезно признаваемо за вполне удовлетворительное» (стр. 111). Так что — *биологическое* объяснение, при всем его подкупающем примитивизме, не оказывается удовлетворительным. — В самом деле, ведь есть много оснований утверждать, что любовь, истинная человеческая любовь, о которой еще во времена Соломона сказано было: «сильна как смерть», любовь — не только не является фактом биологическим (жизненно-животным), но, наоборот, является чем-то анти-

биологическим (анти-жизненным и анти-животным). Присмотримся к истинному характеру природных отношений, к которым мы апеллируем. Простейший биологический случай — «любовь» между растениями. Здесь оплодотворение (через опыление) происходит почти механически; никаких индивидуальных притяжений или отталкиваний наблюдению невозможно. У животных, особенно высших, имеются намеки на проявление индивидуального взаимо-притяжения. Люди, хорошо знакомые, напр<имер>, с коневодством, знают о существовании, так сказать, симпатий и антипатий между отдельными самцами и самками. Но едва мы переходим к людям — здесь перед нами необозримое множество всевозможных индивидуальностей, и вывести относительно них какой-либо «закон природы» едва ли представляется возможным. Во всяком случае, *факт*, что очень часто люди жертвуют чисто биологическими интересами (половой близости и продолжения рода) ради духовно-культурных, т.е. ради взаимной любви, — находится в кричащем противоречии с определением любви как «простого биологического явления». В мире растительном и животном любовь и биология, по общему правилу, находятся друг с другом в полном согласии. Но в области человеческих отношений любовь, с точки зрения собственно биологической, сплошь и рядом занимает позицию вполне анти-биологическую. Чем развитее данная индивидуальность, тем более в ее жизни порядок животно-биологический подчинен порядку духовно-культурному. Но бóльшей индивидуальности характера всегда соответствует бóльшая степень интеллектуальной *пробужденности*; пробужденность же никак не согласима со «слепыми и мудрыми» (? — К. Ч.) силами природы... Ведь еще О. Уайльд отметил, что наибольший враг природы — рассудок⁸⁸.

Но «Руссо был неправ» (стр. 88–92). Целую главу Я.Я. Паулик посвящает блестящему опровержению... биологизма. «Руссо был неправ. Не только потому, что не видел, что человек — куда бы они ни шел — всюду несет с собою самого себя, свою предприимчивость, воинственность, борьбу, грех и смерть... Но и потому, что мир, который мы выстроили из железа и камня, любим больше, чем что-либо иное» (стр. 91–92).

Поэзии «травы» Я.Я. Паулик противопоставляет «поэзию электрического освещения» и городского шума. Но что такое электричество? — Природа? — Да, но совсем в другом (не в «простом», не в «биологическом») смысле. Если это и природа, то *преобразенная*, окультуренная природа. Это природа подчиненная, включенная в некоторую иерархию. Если в основе это «слепая» сила, то она стала «мудрой» и способной создавать поэзию лишь подчиненная людскому гению.

Итак, и второй путь — «биологический» — не приводит к желанным результатам. Этот примитив оказался ложным; его основание недоста-

точно прочным, оно не выдерживает напора критической мысли. Между тем — «какая-то замечательная правда, какая-то достойная веры и важная весть» (стр. 123) почему-то *необходимы* для успокоения ищущего человеческого духа. Где причины этому беспокойству? Где выход этому волнению? — Задавая эти вопросы, мы вплотную приближаемся к тому глубоко скрытому чувству, движением которого написаны следующие заключительные слова всей книги: «Кто, однако, поручится за то, что в ночном одиночестве или в ясновидении опьянения тот или другой из этих легкомысленных людей не грызет концы пальцев в бешеной боли, что какая-то замечательная правда, какая-то достойная веры и важная весть, которая ему, Бог знает почему, совершенно необходима, — для него закрыта и вполне недоступна?» (стр. 123). Эти слова о «бешеной боли», о великом страдании бросают новый свет на многие прикровенные, как бы заgrimированные места книги. Ретроспективный взгляд угадывает боль и сожаление там, где на поверхности скользит улыбка; и в ином, будто невзначай сказанном «может быть» («снад»⁸⁹) — находит богатый материал для заключений... «Мы отучились представлять границы между великим и малым? *Может быть*» (стр. 97). *Может быть!* Какое это многозначительное «может быть». Или еще фраза: «Этика современного человека не ищет опоры в бесконечности» (с. 104). Не тут ли начинается «бешеная боль»? Ведь мир «*конечный*» — как уже выяснено — не дает удовлетворения...

Но идти в своих предположениях дальше этих констатирований мы не имеем оснований.

Прага
Сентябрь 1932

ПУШКИН

Как выразился один современный поэт: «Рождение гения — не обязанность, но счастье народа»¹. Великое счастье осенило Россию и весь мир, когда в самом конце XVIII века родился удивительный, сияющий, прозрачно-чистый и полный божественного благозвучия — поэтический гений, Пушкин. Его творчество подобно бессмертному солнцу: оно освещает отдаленнейшие эпохи в прошлом, с поразительной ясностью показывает лица современников, а отдельные лучи его заглядывают из настоящего в будущее, прославляя свободу, человечность и милосердие («милость к падшим»²). Солнце пушкинского творчества озаряет великие исторические фигуры, русские (Петр I, Екатерина II, Борис Годунов) и иностранные (Карл XII), в его лучах легко узнаются Испания, Кавказ, Украина, оренбургские степи, гробницы Древнего Рима, равнины и горы Дуная.

Пушкин был наиболее ярким представителем русского общества начала XIX века, с его утонченной светскостью, любовью ко всему иностранному, особенно французскому, с его преувеличенным поклонением «блеску». Вместе с тем он обладал даром понимания своего собственного народа, который рассматривался высшим обществом как толпа рабов; он умел проникать в душу других народов, переноситься в другие эпохи. Его «Скупой рыцарь», Дон Жуан, Моцарт и Сальери словно воскресали, окруженные обстановкой своей эпохи, своих нравов и воззрений. Его русские образы — Бориса Годунова, инока Пимена, Лжедмитрия, бояр, воинов и т.д. — переносят читателя в начало XVII века на Руси и заставляют читателя правдиво переживать чувства людей, живших триста лет назад. Поэмы «Медный всадник» и «Полтава» лучше десятков томов исторических исследований повествуют об эпохе Петра I с ее величием и ужасом. Тут мало сказать, что Пушкин изучил образ Петра, понял гетмана Мазепу, Кочубея, Карла XII Шведского и других действующих лиц; что он собрал деятельнейшие черточки петровского времени и т.д. Властно и с неотразимым ясновидением Пушкин изображает галерею исторических деятелей, обнажает их душу, говорит на их языке. Он достигает гипнотического влияния на читателя, внушая ему впечатление живых образов далекого прошлого. Историческая повесть «Капитанская дочка» опять-таки является прежде всего полноценным эпическим

«документом»). Параллельное чтение «Капитанской дочки» и «Истории пугачевского бунта» показывает, что Пушкин обладал в одинаковой степени даром художественного повествователя и ученого историка. И невозможно определить, кому принадлежит пальма первенства: великому ли художнику, давшему живые образы Пугачева, старика коменданта крепости, его жены, дочери, молодого офицера Гринева, императрицы Екатерины... или мудрости государственного человека, размышляющего над ходом исторических событий? В «Песнях западных славян» встречается та же основная черта пушкинского гения — перевоплощение в иную душу, восстановление духа иной эпохи.

Пушкин соединяет в себе гениальность поэта с образованностью ученого. Прежде чем творить — он изучает. Ему прекрасно известна французская, английская и немецкая литература. Он роется в исторических архивах, собирает народные песни и сказки, как настоящий этнограф. Но — «никакой догме, никакому литературному стилю не давал он покорить себя до конца. В его глазах все парнасские секты были равны. Без предубеждения подходил он к каждому стилю и брал все, что считал ценным»^{*}. Как поэт, он проделал путь Буало, Шекспира, Гете и Байрона, не подражая им, а как бы сопутствуя в развитии их дарований. Буало имел скорее формальное значение. Так сказать, «шекспировская трагедия» Пушкина — «Борис Годунов» — изображает характерно русские лица в характерно русских условиях Смутного времени (XVII в.). Шекспир только показал путь, но по пути этому Пушкин пошел самостоятельно. Гетевский Фауст вызвал в Пушкине желание заняться темой «прометеизма», человеческого величия и человеческой жертвы. Пушкинское решение Фауста не только не зависит от Гете (Пушкин видел 1-ю лишь часть «Фауста» Гете), но обнаруживает глубину его собственного религиозного сознания. У Пушкина Фауст, переступая через жертву — Маргариту, — терпит катастрофу^{**}. Чаще всего в литературе говорится о байронических увлечениях Пушкина. Герой поэмы «Цыганы» — Алеко — несет на себе черты байроновского самоотчуждения от людей, «байроновского конфликта». Но сейчас же Пушкин вносит своеобразную поправку в байроновский сюжет. Цыгане говорят Алеко: «Оставь нас, гордый человек!» Одним единым словом «гордый» Пушкин определяет всю суть «байронизма», осуждает его и одновременно возделывает почву для дальнейших исканий русской литературы в этой области. Рядом с изображением «лишнего человека» (как Рудин Тургенева) в русской литературе идет и осуждение его гордости (Раскольников, Иван Карамазов у Достоевского). В исторической перспективе Алеко (и его вариант Германн, «Пико-

^{*} П. Сакулин. Русская литература. М., 1929³.

^{**} А.Л. Бем. Мировое значение Пушкина. Приложение. [С.]193⁴.

вая дама») оказался *долговечнее* Евгения Онегина. Евгений Онегин, при всей яркости и тонкости его изображения, все-таки тип преходящий. Он светский человек начала XIX стол<етия>. Лермонтовский Печорин лишь отчасти возрождает Онегина и замещает его.

В центре поэмы «Евгений Онегин» стоит не герой, а героиня — Татьяна. Достоевский в своей замечательной «Пушкинской речи» (1880 г.) возвеличил этот обаятельный образ, указал на его единичность (рядом с Татьяной может быть поставлена только Лиза из «Дворянского гнезда» Тургенева), осветил возвышенное благородство и самоотверженность Татьяны. Поднял ее на пьедестал героинства и святости⁵.

В том, что Пушкин жил в эпоху величайшего культурного влияния Европы на Россию и преодолел это влияние. В том, что он первый создал своеобразные типы русской литературы и создал их с недостижимым мастерством. В том, наконец, что он познал, полюбил и вознес свой русский народ, хотя народ и был в рабском состоянии, — Достоевский усматривал величайшее и пророческое значение Пушкина. Почти весь XIX век русское общество недостаточно оценивало Пушкина, ибо еще не доросло до его настоящей оценки. В глазах многих Некрасов стоял «выше Пушкина». Лишь некоторые современники (как Жуковский) способны были возвыситься до понимания истинных размеров того, кто занял сейчас царственное место среди корифеев русской культуры. Гоголь и Лермонтов, сами отмеченные Божиим благословением, проводили гения в могилу с гневом и скорбью.

Гоголь, в своей студии о русской поэзии, коронует Пушкина венцом бессмертия⁶. Полное раскрытие начинается с речи Достоевского, пылкого борца и проповедника русской идеи. Достоевский говорил о все-ленском смысле явления Пушкина и видел в нем пророческий символ русской культуры.

Русская революция, которая началась с отрицания всех исторических ценностей вообще, не сразу повернулась к Пушкину. Только теперь, когда внутри самой революции происходит переоценка всех ценностей, Пушкин возвращается на по праву принадлежащее ему царственное место. Гений Пушкина приобретает в наши дни значение трубы архангела, возвещающей воскресение из мертвых. Культ наиболее народного, наиболее всемирного поэта — залог возрождения русской культурной традиции.

О КАЧЕСТВАХ КАРАМАЗОВСКОЙ ДУШИ

Произведения Д<остоевско>го, являющиеся воплощениями его творческих порывов, скорее могут быть пережиты читателем, нежели сознательно поняты. Подлинной и полной рационализации они не поддаются, благодаря чему ни одно из существующих в литературе мнений по поводу того или иного из созданий Д<остоевско>го не может притязать на абсолютную достоверность. В частности, роман «Братья Карамазовы» иногда рассматривается как произведение незаконченное. Сторонники такого взгляда подкрепляют свое мнение ссылками на слова самого Д<остоевско>го, в которых он высказывал желание впоследствии дать образ праведника-мирянина Алеши в низинах и гуще мирской суеты; а также на некоторые элементы романа, требующие (по их мнению) дальнейшего развития и развязки...¹ Имея в виду выявить внутреннюю завершенность названного романа, я хочу предварить изложение своего взгляда несколькими замечаниями относительно возможных приемов творчества вообще. Упущение из виду разнообразия этих возможностей и составляет, по-видимому, основу для толкования «Братьев Карамазовых» как произведения незаконченного. — Д<остоевск>ий мог идти двумя путями. Он мог задумать одну драму и разместить ее в нескольких произведениях, которые в совокупности составляли бы некоторое неразделимое, так сказать, органическое единство. В таком возможном случае «Бр<атя> Кар<амазо>вы» явились бы одним из актов какой-то огромной драмы. Или же его творческая активность требовала нескольких самостоятельных драм, вылившихся в нескольких самостоятельных произведениях. Между этими произведениями могут быть усматриваемы живые связующие нити, в них могут действовать одни и те же персонажи и т.д., что, однако, отнюдь не исключает внутреннюю завершенность и самостоятельность каждого отдельного произведения. Несомненными зримыми нитями связаны романы «Бесы» — «Подросток» — «Братья Карамазовы». Но никто не делает отсюда заключения, будто «Бесы» и «Подросток» вещи незавершенные. Точно так же желание Д<остоевско>го написать самостоятельную драму жизни *одного* Алексея — не делает историю *трех* братьев Карамазовых произведением незаконченным, а драму карамазовской души — незавершенной... В настоящем опыте, по необходимости кратком, предполагается найти и связать концы и начала самостоятельной, законченной драмы братьев Карамазовых и этим обо-

снова взгляд на этот роман как на произведение вполне цельное и не требующее продолжения. Личная интуиция, составляющая тканый остов развиваемых положений, — обуславливает их субъективность. Поэтому весь очерк представляет собою лишь одно из возможных уразумений сущности данного произведения. И я вижу себя в необходимости вновь повторить, что и мое мнение, в числе прочих, не может претендовать на полную достоверность.

Рассматриваемый роман называется «Братья Карамазовы». И это наименование дано ему его создателем, конечно, не случайно. Братья — и есть центральные узлы, вокруг которых группируются другие персонажи; вокруг них развиваются события, и самими братьями события двигаются и создаются. Братья и события связаны между собою самым тесным образом. И если, с одной стороны, тончайшие нюансы события требовали наличия всех трех братьев и были бы невозможны в отсутствие хотя бы одного из них, то с другой — только разнокачественная дисгармоничность характеров опять-таки всех братьев и обуславливала совершение событий именно так, как они происходили. Здесь было бы уместно пересмотреть с развиваемой точки зрения сцену в монастыре, в келье старца Зосимы, как особенно яркий пример взаимосвязанности личностей — братьев и узлов драмы — событий. Из этой сцены, как, впрочем, и из всего романа — вытекает коренной вопрос величайшего произведения нашего писателя. Этот вопрос, при всей своей глубине и сложности, формулируется весьма просто, а именно: что, в сущности говоря, есть общего, семейного — между Димитрием, Иваном и Алексеем? или еще проще: *почему братья Карамазовы — братья?*.. Сколько мне известно, поставленный вопрос не подвергался в русской литературе обсуждению, а между тем можно думать, что он-то (или, вернее, ответ на него) лежит в основе всей книги и является одновременно ключом к уразумению сущности всего произведения.

Мы напрасно стали бы искать требуемые ответы, прикладывая мерки теории наследственности или в иных материалистических и порою переходящих в тенденциозную односторонность теориях. Для всех, серьезно относящихся к гению Достоевского, ясно уже а priori, что подобная мерка ему не по плечу. Материя и материалистические воззрения вообще, а теория наследственности в особенности — занимают в мирозерцании Достоевского совершенно *особое* место и имеют совершенно *особое* значение, что видно уже в более раннем его произведении — «Бесах». В «Бесах» между отцом и сыном Верховенскими есть что-то общее, семейное. Но вряд ли возможно вскрыть существо этого

«общего» методами теории наследственности. Здесь же — между распущенным Димитрием, злостным аскетом Иваном и целомудренным и мудро-прекрасным лучистым Алешей — пролегают непроходимые пропасти. Они делают невозможными и безнадежными всякие попытки разрешить вопрос об их родстве с точки зрения плоти². Нам остается богатая область духовных сущностей, к исследованию которой и перейдем.

Духовно самым бедным, точнее, менее одаренным и менее выраженным — является старший брат Димитрий. Он — человек очень искренний, непосредственный и примитивный. Про Димитрия можно сказать, что он не ведает, что творит; в его душе в потенциальном состоянии даны и добрые, и злые начала. Димитрий способен насильно, через деньги, заставить невинную девушку переступить порог его холостяцкой квартиры, а потом поклониться ее чистоте в ноги. Способен он также отодрать за мочальную бороденку жалкого бедняка и вместе отдать свою жизнь за честь... за честь, как он ее своеобразно понимал. И совершенно не случайным является то обстоятельство, что на Димитрия падает тень обвинения в отцеубийстве: в действительности — он *не* убил, но — он *мог бы* убить. Вот в этой двойственности, в этом потенциальном (а частью и, т<ак> ск<азать>, в кинетическом) состоянии добра и зла — заключается духовное существо старшего из братьев Карамазовых Димитрия. Средний брат — злоумный и жестокий; губящий свою душу в тоске; с склонностью к любоначалию, с мертвенно-холодным равнодушием и любопытством — перемежающимися с опалениями сатанинских мистерий — Иван — вполне определившееся злое начало. «Прелестные мечтания» владеют его помыслами; воинствующий атеизм влечет его в бездну отчаяния и духовного одиночества и — одичавший, холодный и унылый — он идет к Сатане и сам становится сыном проклятия. У Ивана почти нет личных действий: он — брезглив. Он — убийца в перчатках. Но зато главное действие, хотя и не есть дело его злых рук, зато есть дело его злой мысли и воли. Если материальный факт отцеубийства всецело относим за счет Смердякова, то злая идея этого акта и воля к его совершению — принадлежат жизнененавистнику Ивану. Иван тоскливо любопытствует в жизни, жизнь не приемлет и ненавидит ее. Ненавидит он и прекрасное проявление жизни — своего брата Алешу. Ненависть Ивана объясняется тем, что он не верит, а Алеша верит; он страдает, а Алеша радуется; Иван кошмарно общается с Дьяволом; Алеша чистым сердцем своим отдается Богу³. Словом, Иван — это злой самомучительный Дух; Дух Тьмы. Алеша — Дух Светлый, радующийся о Господе... блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят⁴.

Так выявляют себя качества карамазовской души.

Однако в плане Д<остоевско>го, который мы стараемся уяснить, входит в строгой и стройной зависимости от развития отмеченных качеств — указание и на их крайнее выражение. Мы находим предельную завершенность этих качеств в лице Смердякова и старца Зосимы... Нужно глубоко вчувствоваться во взаимозависимость Ивана и Смердякова, с одной стороны, и, как их антипод, Алеши и старца Зосимы — с другой. Здесь именно мы усматриваем глубины творчества Д<остоевско>го, которые создают ему славу мистика и (по моему мнению) религиозного реалиста... В связи Ивана и Смердякова, а также Алексея и Зосимы важна каждая деталь. В сущности, тут даже нет деталей, ибо *все* буквально, каждый штрих, каждый момент исполнены трагического величия и божественной красоты.

Ивана со Смердяковым связывает прежде всего плотская связь, т.е. родство по крови. Алеша и Зосима — по плоти — люди чужие. Отмеченная соотносительность играет великую роль. Смердяков, плотский брат Ивана, встречается с ним и под его непосредственным влиянием формируется в определенный образ; в смысле активного зла — Смердяков прямое порождение Ивана. В то же время Алеша, столь близкий и столь родной старцу Зосиме, Алеша — *подлинный*, но духовный сын старца. Таковы порождения или, иначе говоря, *начала* противоположных начал: одно — по плоти, другое — в Духе. Столь же знаменательны и их *концы*. — Развившееся до предельного своего выражения Зло обращается на себя и само себя уничтожает. Линия развития зла начинается в Димитрии (который *мог* бы убить одним качеством своей души); идет через Ивана, который *убил* злым умыслом и, наконец, находит свое завершение в Смердякове, который убил своего отца всем своим существом («словом, делом и помышлением»). Обездушенная во грехах плоть кинулась в злобном неистовом ослеплении на самое себя. Это видно из того, что Смердяков не только отцеубийца, но и самоубийца. В последнем акте, в акте самоубийства Смердякова скрыт некий смысл, а способ умерщвления носит символический характер. И смысл и символ отражают представления Д<остоевско>го о конце злого начала в мире. Смердяков — такой же сын проклятия, как и Иуда из Кариота. Как мы видим, эти представления отвечают общему облику великого писателя и совпадают с его общим мирозерцанием религиозного реалиста. Таким же религиозным реалистом определяет себя Д<остоевск>ий в повествовании о Зосиме и Алеше. И эта линия, линия Добра, как и Зла, проходит от Димитрия. Хотя — и не столь ясным образом: история благочестивого старца, пока он был еще офицером, — до странности напоминающая жизнь офицера — Димитрия, позволяет думать, что Зосима до покаяния и Димитрий до тюрьмы — суть подобные лица.

Через покаяние и духовное делание лучшая сторона Митиной души — совершенствуется. Отсюда Алеша — духовный сын Зосимы и имеющий жизнь вечную. И вот почему: в противоположность плотскому родству и самоуничтожению зла — духовное сыновство, духовное родство вообще — не имеет конца: оно вечно, как вечен рождающий его Дух. Последняя мысль религиозной философии Достоевского вытекает из того, что с успением старца Зосимы — остается Алеша, его духовный сын, который в свою очередь уже имеет своих детей и братьев в Духе, в лице многочисленных мальчиков — учеников. В указании на безначальность и бесконечность царства Духа, на Его обновление, непрерывность и воскресение, заключается другая сторона романа «Братья Карамазовы».

Все доселе сказанное, как думается, в достаточной мере определяет и «связывает» концы и начала рассматриваемого произведения и тем доказует его полную и подлинную завершенность... История братьев Карамазовых — и есть история падения и совершенствования карамазовской души. Взаимно связанное со-существование трех носителей одной души — является необходимым условием драмы, развитие которой мы попытались прочувствовать и изобразить. — Димитрий, Иван и Алексей — три лица или три качества одного целого, и это целое — карамазовская душа. Она — мятется и падает, и поднимается, и не находит себя — в Димитрии; она — отдается дьяволу, поклоняется ему и гибнет сама от себя — в Иване; и она же на пути совершенствования, чистоты и любви — идет к Богу и вечно пребывает с Ним, и является Его отражением на земле — в Алеше.

...И кажется, что если Димитрий в молитвенном порыве неустанно произносит: «Ей, Господи! Царю! Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего» (т.е. брата Ивана), то Ивану подошла бы другая часть молитвы Ефрема Сирина: «дух праздности, уныния, любоначальия и празднословия не даждь ми»... И Алеша стоит на пути, на коем «дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви»⁵ — почил на его светлом образе и сделал его вечным и как будто единственным во всей русской литературе последних лет образом, чьи черты не искажены бесовским беснованием, но светятся в тихом молитвенном восторге... Алеша весь в бесконечной действенной любви, в житнетворческом подвиге, в радости о Господе... — Молятся, и молятся по-разному, три качества одной души: роман «Братья Карамазовы» заключает в себе историю карамазовской души — души человеческой — в ее мерзости и подвиге.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Страстная, мучительная напряженность, чувствуемая в каждом вздохе этого гениального творения, заставляет думать, что, в сущности, здесь мы имеем дело с внутренним миром самого творца, Достоевского. И поскольку великий писатель сам является частью и отражением народной стихии и души своего народа — постольку мы вправе думать, что в борениях и мерзости, в страдании и молитве, в смерти и воскресении — символически изображенных в романе, — незримо живет многомятежная и двуликая стихия русская и душа русского народа.

ДЕНОНОЩЬ

(«Немотствует дневная ночь»¹. Блок)

Вечер. Ночь. Рассвет.

Поэма вечерних угасаний. Поэма тревожной ночи. Поэма сумеречного утра.

— Чехов. Блок. Гумилев.

*

Дыханье сумрака — оно томит меня!² — Чехов.

Черный сон тяготеет внутри... — Блок³.

Мне грезится корабль...⁴ — Гумилев.

*

Взволнованная душа Блока знала безвольную чеховскую тоску; окрылялась радостью утра — как у Гумилева. Слово — плоть Духа — слово Блока несет чеховскую тень; стремится, как гумилевский луч.

Блок чеховский:

Все призрак — все горе — все ложь!⁵

И еще:

Здесь меж небом и землею

Живет угрюмая тоска...⁶

Блок прозревал, что «юноша веселый в грядущем скажет» о нем:

Простим угрюмство — разве это

Сокрытый двигатель его?⁷

Буревестник! — «сокрытыми двигателями» его были: заклинание, колдовство, пророчество.

*

Чехов бес-счастливый. Потому что не умеет верить. Не может верить. Нету сил верить. Он — вечер. Бессильный. Угасающий.

¹ Стих <отворение> Гумилева. Все остальные — неотмеченные — Блока.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет внутри.
Мой конец предначертанный близок...⁸

Его герои — тоскуют. Не знают надежд. Нету сил надеяться:

О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
— Незнавшие весны — тоскуют над собой⁹.

«Незнавшие весны». Вот формула чеховских... не героев! — *Умиравших*. Умирают от скуки, от бестолковщины; оттого, что осень и вечер... Вдруг — внезапно — как черная молния — Черный Монах:

Из сумрака зари — неведомые лики
(И вечности далекие огни)¹⁰.

Но Монах — эпизод. Монах — пусть страшное — но чудо. А чудес не бывает. Чудес и не нужно. Чудеса — невыносимы...

Я никогда не мечтал о чуде,
И вы успокойтесь и забудьте про него...¹¹

Забудьте потому, что:

День, как день — ведь решена задача:
*Все умрут*¹².

Вот формула чеховской... не стихии! — у смерти есть стихия? — чеховского «дыхания сумерками»: все умрут...

— «Дыханье сумрака — оно *томит* меня»...
— «Смерть невозможна без *томленья*»...¹³

Блок о себе:

...Я соблюдаю полутьню...¹⁴

— Не соблюдал. «Сгущал краски». Прозревал — рвал тени. Осиявался. В нем — чеховский несчастный вечер. Свои — единственные — блоковские — взволнованные сны («Черный сон тяготеет внутри»). И преодоление сна — и тогда благовест. Благовест мечты. Победный. Перезвонный. Перезвонный — с Гумилевым.

и чаял воскресенья:

...не миновать Господня лета
благоприятного — и нам²¹.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли...²²

Непереносный восторг. Посмертный. Возможно ли это для человеческого сердца? — Вопль сердца (и предсказание?):

— Я пролью всю жизнь в последний крик!²³

---

* Если «последний крик» — «Двенадцать»? — Христос? Христос не случаен. (Случаен — П.П. Сувчинский²⁴.)

В «беспокойных песнях» Блока («беспокойные песни мои»²⁵) Христос является не раз... чувствуя (и предсказывая), что ему —

Все равно не хватит силы,
Дотащиться до конца...²⁶

Блок утверждает:

Но величий неких тайна
Мне до времени открыта...²⁷

В чем эта тайна? — о чем, о ком? — «последний крик» — о Христе, Который *вперед*. Который будет. — Ожидаемый Христос:

...Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...²⁸

В тумане, да в бурьяне,
Гляди — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста...²⁹

До утра — без солнца — пуцу мои крики (!)
Как черных птиц, навстречу Христа...³⁰ и др.

Догматический метод. Догматический метод познания взволнованной души «безумца» — «пророка»:

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка...³¹

Догматический метод в поэзии, может быть, наиболее располагает к субъективному. Но пусть торжествует субъективное в наше, без-Субъектное, несубъективное безвременье... Безвременье! — промежуток, сквозняк, провал... С [19]20—[19]21 гг. жизнь России не-субъективна. И — верю — *пока* остается ущербной.

*

Когда не верил:

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы, и я:
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех...
Тоска небытия...³²

Когда верил:

...над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая судьба³³.

Я верю: новый век взойдет
(Средь всех несчастных поколений)³⁴.

Здесь — преодоление «древних пророчеств» (своих, чужих — Чаадаев?³⁵). Здесь благовест. Победный. Перезвонный. Перезвонный с Гумилевым*.

Расплывается сумрак — я жду³⁷.

---

* Ср. Гумилев:

И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть³⁶.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Воздух полон ожиданий
Грозových надежд...³⁸

Встретим новый вихрь видений...³⁹

И новое солнце заблещет в тумане...
(Гумилев⁴⁰. Ср. Блок: «Верю в Солнце»)

Снятся сны (у Блока: «черный сон тяготеет внутри», у Гумилева: «Тревожный сон... но сон о небе ли?»⁴¹), не устает тревога:

Множатся пытки и казни
И возрастает тревога...
(Гумилев)⁴²

И война, и пожар впереди!
(Блок)⁴³

Но:

— Вижу зори вдали...
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти...
(Блок)⁴⁴

Об утре, о солнце — гумилевская молитва:

Солнце свирепое, солнце грозящее
Бога, в пространстве идущего,
Лицо сумасшедшее;
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее...⁴⁵

Мир — жилище Бога.
(Блок)⁴⁶

Константин Чхеидзе

Будет грядущее. Верю — будет Грядущий. Он вылюбит у Бога и соткет поэму жизни. Кем бы он ни был, он будет поэтом:

Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество.
(Блок)⁴⁷

Таким поэтом Блок не был. Такой — преображенный — поэт ему (и Гумилеву) предносился*.

---

* В «Преображении» Есенина⁴⁸ не-до-преодолена черная благодать времен. Не удивительно, что сам Есенин кончил «кирилловским преображением» (Кириллов — «Бесы»).

МИХ<АИЛ> ШОЛОХОВ. «ТИХИЙ ДОН»

I

Мих<аил> Шолохов. «Тихий Дон».
Роман. Ч. I, изд. Московский Рабочий.
Москва, 1928 г. стр. 1-464

Русская революция поставила перед всею Россией в целом и перед каждою составною ее частью проблему самопознания. В борениях и муках выковывается меч, рассекающий напластования эпох, стремящийся достичь тот самородный камень, на котором — как на последнем устое — крепится Россия. Мы все сейчас как-то особенно чутки к окружающему. Пытливо вглядываемся в каждое новое явление, стремимся уразуметь его внутренний, иногда невидимый, сокровенный смысл. Чего мы ищем? Что волнует нас? *Не себя* ли ищем? Не в себе ли стремимся найти опору и путь, который вывел бы нас из увалов и рытвин затянувшегося лихолетья. — *Где* еще искать спасения, если не в себе, не в глубинах опаленной, но не испепеленной, живой и хотящей жить души? В себе самих, в породившей нас стихии мы можем и должны найти последние и несомненные устои культурной и государственной жизни. Предчувствие того, что такие устои есть и что они непременно будут найдены, определяет обостренную чуткость современных исканий. Пребывающие во тьме, мы ищем света. Заблудшие, мы глядим в звездное небо, и часто не удовлетворяет нас слишком далекий и неразгаданный золотой узор. Потерявшие все, мы требовательны. Мы удовлетворимся лишь самым большим, самым светлым, радостным и великим. Измученные грехом и несчастьем «страшных лет России», мы признаем и вознесем лишь ту победу, которая взовьет Россию в могучем, небывалой красоты полете и даст необъятные просторы каждому из ее многочисленных крыл-краев.

Мы ищем прекрасного. Ищем для того, чтобы накопить, создать привольную, как берега Тихого Дона, жизнь и передать величавое ее течение тем будущим, на которых не ляжет злое тавро наших кровавых и каких-то подзолистых дней. Мы достаточно не-юны, чтобы оценить по достоинству наследие сходящих со сцены «отцов», и достаточно зрелы, чтобы подумать, что завещаем «детям»?

К разбору огромного произведения — целая эпопея! — мы хотим подойти с ответственными и ясными мыслями...

Из многих и многих донских сказаний, былин и песен Мих. Шолохов выбрал две; и обе — исполненные печали и слез.

Ой, что же ты, тихой Дон, *мутнехонек* течешь?

Ах, как мне, тиху Дону, *не мутну* течи?

Эти красивые, задушевные мотивы выбраны, конечно, не случайно. Они в унисоне со всем печальным, а местами трагическим лиризмом шолоховского романа. Первая часть объемистого романа на две трети заполнена изображением *пред-военной* жизни войска. Безрадостная, невеселая жизнь. Будто ожерелье мертвых зубов, нанизывает автор одно несчастье на другое. Вот — героиня романа Аксинья. Красивая, своевольная казачка. Ее изнасиловал отец (отца убили брат и мать), ее бьет смертным боем обманутый в первую брачную ночь муж, она сходится с Григорием Мелеховым. Мелехов бросает ее, женится (пока неудачно) на другой. Вновь сходится с Григорием. Короткое счастье. Рождается дочь. Григорий уходит на службу, потом на войну. У Аксиньи умирает дочь. Она отдается приласкавшему ее сотнику. Возвращается раненый Григорий. Хлепчет кнутом сотника и Аксинью... Жутко.

А вот и семья Мелеховых... Мелехов Прокофий привел жену из Туретчины. Показалась она станичникам колдуньей. Нападение на дом Мелехова. Терзают беременную жену. Жена умирает. А Прокофий, убивший при защите какого-то озверевшего казака, идет на каторгу. Сын Прокофия — Пантелей — он же отец Григория и Петра. Хромой. Искалечил ногу на смотру. Из двух сыновей — старший, Петро, бесцветный. Второй — Григорий, тот самый, что осрамил седины отца связью с Аксиньей. Отец проклиняет Григория. Из-за Григория его жена Наталия режет себе шею косой, пытается пронзить косой сердце, оскорбленное изменой мужа*... Уже потом, после того как Григорий вернулся и разделался с Аксиньей кнутом, она возвращает его к себе... Но к этому времени Григорий ходит хмурый и, по-видимому, в следующей части романа делается большевиком. А Наталья держит голову набок: перерезана шея... Печальной кажется Шолохову казачья жизнь! Печальной, изменчивой, безустойной, неверной, хлипкой...

И тем не менее книга берет вас на первой странице на строгую волнующую узду; да так, не ослабляя поводьев, и доводит до 464-й. Большой и богатый мастер Шолохов! Какая богатая кисть! Как точен резец! Шолохов зачаровывает мелодичными описаниями природы. Он знает «в поле

* Жена Петра Дарья характеризует себя так: «Чего греха таить? Хочется!.. Я б сейчас и старика какова-нибудь раскачала, ей-богу! Ты вздумай, ить два месяца, как Петра нету!» (Петр на войне, стр. 418).

каждую былинку и в небе каждую звезду»¹. Он ведет вас ковыльным берегом тихого Дона. И слышен плеск волны, и уловим аромат степи. Иные страницы воркуют и выются, словно голубиная стайка в небесной лазури... «В степи за хутором прозрачная тишина. За толокой, за сутулым бугром расчесывали земли плугами, свисали погоньчи, а тут — над шляхом голубая проседь низкорослой полыни, ощипанный овечьими зубами придорожный донник; горюнок, угнутый в богомольном поклоне, да звонкая стеклянная стынь холодеющего неба, перерезанная летающими нитями самоцветной паутины» (стр. 158).

«Пахла выветренная, истощенная земля прелью, солнцем. Ветер шуршал, перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев. На минуту затуманилось солнце, заслоненное курчавой спиной облака, и на степь, на хутор, на Аксиньину понурую голову, на розовую чашечку цветка на курчеватой повители упала, клубясь и уплывая, дымчатая тень» (стр. 88).

Этот язык образов не нов. Им говорил Есенин, и не один Есенин. Музыкальность и цветистость шолоховского языка имеет ту особенность, что автор без неприятных натяжек вводит чисто донские словообразования в литературный русский язык и тем обогащает его. (К примеру: рыбалить, заимище, будыль, неуправка, зоревать и мн<огие> др<угие>.) Правда, наряду с отмеченным положительным словарным материалом встречается словесный бурьян и чертополох (ругательства, коверканье языка и пр.). Но здесь Шолохов не оригинален: редкий советский писатель воздерживается от подобного — иногда легкомысленного, иногда преступного — отношения к дару Божьему, языку.

В романе находим сцены, изображенные с величайшим мастерством. К таким сценам относятся: роды Аксиньи (стр. 249), смерть казака Жаркова (стр. 431). Недостаток места лишает нас возможности привести здесь эти незабываемые, насыщенные трагическим реализмом страницы. Скажем лишь, что из современных Шолохову советских писателей превосходит его Леонид Леонов, а уступает ему Максим Горький.

Бытовая сторона станичной жизни, складывающаяся из тяжелого труда пахаря и столь же тяжелой службы воина; оригинальные типы, характеры — стариков, казачек, казаков, девушек, подростков и т.д.; невообразимые в другой — неказачьей, недонской — обстановке бытовые черты, все это наблюдается и выведено в романе с большим, зрелым искусством. Но почему же, почему нет тут чего-то специфически *своего, родного, подлинного*? Почему не радует чтение «Тихого Дона»? Почему за внешней красотой колдовского мастерства проступают неясные, быть может, но явно отталкивающие очертания какой-то иной природы, иного подхода к жизни, я бы сказал, чужого мировоззрения? В чем дело?

* * *

Шолохов большой и тонкий мастер. Будь он попроще и поглубже — даже неискушенный читатель не только почувствовал бы, но и осознал причины отталкивания и внутреннего неприятия его романа. Критик (как говаривал покойный Ю. Айзенвальд) тем отличается от рядового читателя, что он *внимательный* читатель². И вот внимательный глаз находит.

Автор описывает сборы казаков к отбыванию воинской повинности. Что говорить: нелегкое дело. Но разве сборы эти только и состоят в причитаниях опечаленных баб и ворчании отцов, озабоченных покупкой строевого коня? А где кровная казачья любовь к военному делу? Шолохову чужд и непонятен вкус к строевой конной службе, его ухо не слышит биения молодого сердца при звуке походной трубы. Но вот картины действительной службы. Вот «бравый лупоглазый вахмистр Каргин». Допустим, что он «сука» (стр. 287). Допустим, что на службе «погано» (стр. 286) и что служить «мочи нет» (стр. 287). Допустим также, что служба — вообще скучная и никчемная вещь. Но почему же из тысячи возможных сцен строевой казачьей службы выбрана одна — *тоже возможная, но почему именно эта?*

« — Ты чево, что вы тут?

— Иди скорей, — шепнул Жарков, — там... там чудо!.. Франю там затянули ребята... Расстелили...» (стр. 292).

Шолохов с жутким смакованием и с жутким же мастерством старательно выписывает картину растления Франи.

В другом месте та же тенденция. «Из четвертой сотни выехал третий взвод со взводным офицером, сотником Семеновым» (стр. 309). Надо отметить, что это *первый* случай посылки разъезда в сторону настоящего противника. И что же? Как ведет себя сотник? — Нужно ли добавлять, что, вероятно, не последний в боевом отношении сотник! Ведь это *первый* разъезд... «Поедем туда, — *нерешительно* сказал сотник, пряча бинокль и морщась, как от зубной боли...» «Улицы (брошенной деревни) пустовали... Из раскрытого окна одного дома послышался наивный бой стальных часов, звук их лопался выстрелами, и Григорий заметил, как сотник, ехавший передом, *дрогнул*, рукой *судорожно* лапнул кобуру револьвера...» Неважный сотник!!! Неважное дело служба!!! Напрасно казаки гордятся званием природного воина — ни к чему это, глупо это и даже безобразно. Вот что навязывает Шолохов подбором мастерски сделанных картинок.

Проследим еще один путь шолоховских изобразительных тенденций. Раза два-три на протяжении первой части автор приводит читателя в храм, мельком знакомит со станичным духовенством... «Два священника — о. Виссарион и благочинный о. Панкратий — дружбы с Н. Н. не

вели. Были у них давнишние счеты. Между собой и то жили неладно. Строптивый кляузник о. Панкратий умело гадил ближним, а вдовый, живший с хохлушкой экономкой о. Виссарион, от сифилиса гундосый, от природы приветливый, сторонился и не любил благочинного за непомерную гордыню и кляузный характер» (стр. 134). — Хороши штучки, эти попы!!! Но войдем вслед за Шолоховым в храм и посмотрим, послушаем его глазами, его ушами и даже... его носом! Григорий женится: «безразличие оковало Григория... глядел на струйчатые косички огней и боролся с сонной, овладевшей им одурью... Потом Григорий три раза целовал влажные, безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали выпиравшие в притвор люди» (стр. 115). Не нравится Шолохову свадебный обряд, не трогает его венчание! В церкви «воняет». — Ошибется тот, кто подумает: «Это оригинальничанье, это так, между прочим». О, нет, это *не так!* Другой пример. Митька, брат жены Григория, входит в церковь во время пасхальной службы. «Пробираясь сквозь сплошную завесу различных запахов, Митька дрожал ноздрями: валил с ног чад горящего воска, смрад разопревших бабьих тел, могильная вонь слежалых нарядов, разило мокрой обувной кожей, нафталином, выделениями говельщицких изголодавшихся желудков» (стр. 224). Вот и все, что увидел, услышал и вынюхал Митька, точнее — Мих<аил> Шолохов в храме во время пасхальной службы. Для него пасхальный храм — стояло каких-то не в меру нечистых вонючих животных. Не любит Шолохов церковь, что говорит!

И так всюду: где только касается автор того, чем живет душа, — он находит или вонь, или безобразия, или глупость... Неглупый казак Григорий попадает в лазарет, разговаривает с хохлом Гаранжой о политике. «В течение месяца, — пишет Шолохов, — после прихода Гаранжи, прахом задымились все те устои, на которых покоилось его сознание» (стр. 448). Что же такое говорил хохол? Говорил ли, что Бога нет, веровать в Светлые высшие силы нелепо? Или говорил, что человеку все позволено: убить, зарезать, осквернить святыню, плюнуть в глаза матери или отцу? Или хохол уверял, что казачество — это наймиты царя и помещиков, что надо разказачиться и быть просто человеком, забыть свои обычаи, свои песни, свой костюм, свои, наконец, молитвы? Может быть, Гаранжа опустошал не духовные, не религиозные, не моральные, не бытовые устои григорьевой души, а какие-то иные, например, устои григорьевой философии? Нет, речь идет о тех единственных устоях, которые заслуживают этого наименования и которые доступны *каждому* человеку... Так что ж за волшебник этот хохол Гаранжа? Чем «задымил он *все те устои, на которых покоилось сознание?!*» «...Панским грошам от войны прибавка, а нам на шею удавка. Чуешь? Ось! Хвабрыкант горилку пье, солдат во-

шку бье, трудно обоим... Хвабрыкант с барышом, а рабочий нагишом, так воно порядком и пластуетца... служи, казак, служи!!! Ще один хрест заробишь, гарный, дубовый... — говорил он по-хохлачи» (стр. 448).

В оценке устоев григорьевой души автор явно и неприкрыто тенденциозен. И дальнейшие разговоры хохла о том, что «треба зробить», чтобы в «кажном государстве була власть робоча», — не спасает положения. Шолохов или не знает устоев казачьей души, или не хочет их видеть...

Итак, в первой части романа Шолохова мы не только не находим тех самородных камней, устоев, искание которых составляет смысл современной пореволюционной культурной работы, но, наоборот — находим тенденцию «задымить» их. В изображении Шолохова казачья семья стоит на пути к разложению (см. семью Мелеховых), станичная жизнь перемежается драками с заезжими хохлами и пьянством. Бескультурье и одиочание какое-то! Воинская служба не только лишена интереса, но просто бессмысленна. В церкви — «воняет». Так для чего же жить?

II

Мих<аил> Шолохов. «Тихий Дон».

Роман, ч. II, изд. Московский Рабочий, 1929

Пришлось слышать мнение, что в первой части критического разбора шолоховского романа «Тихий Дон» (см. № 18 «Каз<ачьего> Сполоха») автор разбора допустил некоторую переоценку положительных сторон до-военного и до-революционного казачьего быта. Разумеется, это недоразумение. Революция в моих глазах есть не только *начало* какой-то новой эпохи (вопрос о том: *какой* именно? — в значительной степени зависит от сознательных усилий современников революции), но — одновременно — и окончание, *выветривание* эпохи, предшествовавшей революции. Иными словами, в революции есть начало положительное, *утверждающее*; и отрицательное, *отвергающее*. Что отвергающее? — Отвергающее, конечно, то, что было до революции. Защищать то, что было до революции, надобно считать делом гиблым и безнадежным. Да и не нужным. Ведь то обстоятельство, что революция (пока что) заменила до-революционное «дурное» революционным «отвратительным», еще не является основанием желать возвращения «дурного». Перед нашим поколением силою событий открылась возможность творческого отношения к *будущему*. Во имя лучшего, прекрасного, величественного будущего мы и должны стремиться к тому, чтобы оценки наши были мудрыми, а стремления высокими и возвышающими... Итак, не во имя превозне-

сения прошлого, но во имя искания идеалов будущего мы обязаны быть строги: во-первых, к самим себе, во-вторых — к явлениям окружающей жизни.

Роман Шолохова, без сомнения, представляет собою целое явление в области литературы. Отнюдь не следует умалять литературное значение этого произведения. Однако поскольку автор романа проводит идеологическую тенденцию, постольку критик и обязан вскрыть эту тенденцию и, по возможности, противопоставить ей некоторое иное «как веруешь».

Первую часть нашего разбора заключает фраза: «Так для чего же жить?» Вопрос этот обращен к Шолохову, ко второй части его романа, в которой, как и следовало ожидать, обрисованы положительные герои. Главным положительным героем выставлен коммунист Бунчук. И именно в изображении Бунчука Шолохов наименее оригинален. Бунчук прямо-таки кричаще похож на «положительных героев» Гладкова, см. его «Цемент», Фадеева, см. его «Разгром», и целой плеяды иных пролетарских писателей, бившихся и бьющихся над разрешением проблемы «положительного героя коммуниста». Задача эта, на наш взгляд, неразрешимая. И неразрешимая потому, что похожа на квадратуру круга... Что такое коммунизм? — это особый вид коллективизма, т.е. учения, отрицающего *личность*. А что такое «положительный литературный герой?» — это ярко выраженное, наделенное совершенно особыми, неповторимыми чертами *лицо*. Правда, литературная личность очень часто является *типом*, т.е. чем-то собирательным, комбинированным. Но сейчас речь идет не об этой стороне художественного творчества, а о стороне принципиально идеологической. По смыслу коммунистического учения индивидуальное *лицо* должно исчезнуть в массе, раствориться. По заданию же художественного творчества личность, герой должен выпукло выступить на общем фоне произведения. Вот почему каждый из литераторов-художников, придерживающийся коммунистических взглядов, поставлен перед неразрешимой проблемой. Выше я назвал ее квадратурой круга. В самом деле, писатель в качестве коммуниста должен показать (и доказать), что массы — все, а личность — ничто. В то же время этот же самый писатель в качестве художника не может *не* изобразить героя произведения, так как без идеи индивидуального лица нет вообще действующих лиц; их место заступают надуманные схемы, невразумительные длинноты описания, оговорки, неясная мазня и пустота.

Пролетарские писатели, как только дело доходит до изображения положительного героя коммуниста, ощущают трудность указанной проблемы и теряются в изысканиях выхода. Как говорится, «нет положения, из которого не было бы выхода». Выход найден. В чем? — в поставлении на место *лица* — *схемы лица*. У Шолохова Бунчук менее схематичен, чем,

скажем, комиссары других пролетарских романов. Однако и в истории любви Бунчука к Анне Погудко, и в зарисовке отношения Бунчука к своей матери сквозит надуманность и нарочитость. Причем следует отметить, что Шолохов не является пролетарским писателем. В этом случае он подчиняется общему духу, царящему сейчас в «стране советов». Любопытно отметить одну попытку Шолохова подчеркнуть «коллективистичность» физиономии Бунчука: когда расстреливали отряд Подтелкова, в котором находился Бунчук, и когда очередь дошла до Бунчука, *он не назвал свою фамилию*. Таким образом, он умер как «неизвестный солдат коммунистической революции». Правда, эта черта несколько сглажена тем, что еще два-три коммуниста не пожелали назвать себя. Но потому-то Шолохов и художник, а не исполнитель социального заказа, что он обладает чувством меры.

* * *

Говоря о недостатках шолоховского романа, мы имеем в виду не художественные недостатки (напротив, автор «Тихого Дона» показал исключительной красоты лирику и превосходную способность изображения внутренних движений души). Мы говорим о дурной, безрадостной, пессимистической *направленности* шолоховских писаний. Душа его романа напоминает «стену плача израильского». Душа эта скорбна, темна, растворена в мрачном смаковании того, что составляет звериное в человеке. Обратите внимание на то, что лучшие страницы романа (лучшие по силе изображения и проникновения в душу читателя) посвящены убийствам, насилию, изуверству и вообще тому, что составляет проклятие человеческой природы. Если прав Л.Н. Толстой, что цель художественного творчества состоит в том, чтобы писатель *заражал* читателя чувствами и переживаниями³, и если спросить: чем же заражает Шолохов? — то ответ получится столь же определенный, сколь и печальный: Шолохов способен заразить «звериным» в человеке. Он с особенным вниманием вычерчивает, напр<имер>, сцену убийства Чернецова (стр. 314–316); он не упускает случая подметить и со всей доступной ему художественной силой изобразить, как текла пена из рта трижды повешенного Подтелкова; как качались ноги этого же Подтелкова после того, как понадобилось подрыть землю под его ногами.

Нет надобности объяснять, что бывает в результате насыщения головы и сердца читателя подобными картинами. Теперь уже нет наивных людей, которые не понимают, что «сеять ветер — это значит пожинать бурю»; что показывать в кинематографе героев отвертки и ножа — это значит увлекать примером растленности и зла. Наконец-то в нашем сознании закрепились истина, что зло рождает зло и потому — поменьше зла.

Дело не в том, что в романе Шолохова борются «красные» и «белые». Но в том, что и те, и другие могут быть зверями, а могут — людьми. Нагромождающий в своем романе картины зверского в человеке Шолохов отнюдь не способствует умножению добра. Это-то обстоятельство и дает нам повод критически отнестись к «идеологии», к душе его произведения.

Чтобы моя мысль была яснее и нагляднее, позволю себе привести небольшую выдержку из книги Г.Д. Гребенщикова «Гонец»⁴. Тут в сжатой символической повести изображены две жизни, две души; а если угодно — и два мировоззрения... Пусть у читателя не возникают сомнения по поводу того, какое из двух нам ближе и роднее.

«...Вот жница — мать бросает плачущему ребенку пучок свежесрезанных цветов и в словах своих несет ему первое откровение о чудесном творении природы, так что удивленное дитя даже перестает плакать и на всю жизнь запоминает аромат цветов... И никакие дальнейшие грубости и оскорбления, никакие бури жизни не могут разрушить его веру в светлые начала жизни.

Почти рядом, через овраг, на полосе ячменя работает другая жница, и ее ребенок также голоден и также изнывает от жары и оводов. Чтобы забавить свое дитя, мать веревочкой привязывает около него к колесу телеги случайно найденного ястреба. Ястреб самоотверженно борется за свою свободу и колпочим взглядом неморгающих глаз смотрит на ребенка. И ребенок на всю жизнь запоминает слова матери:

— Ишь какие дьявольские желтые глазища.

Ребенок тоже перестал плакать. Он часами с изумлением смотрит на птицу. Он заражается невольным ужасом и озлоблением против птицы. К нему приходит страстное желание быть таким же смелым и бесстрашным, как эта птица, и во что бы то ни стало победить ее.

И вот начинается опасная игра...» Ребенок и птица борются... «Лицо ребенка искажается недетской злобой... Ребенок торжествует лишь тогда, когда от нескольких ударов палкой по голове птенца у него повисли крылья и закрылись желтые непокорно-огненные глаза... Напротив, на лице ребенка появилось выражение хищного торжества и недобрая улыбка первого содеянного зла...

Два мальчика стали расти... В то время, как один любил цветы и птиц и радовался облакам и синеве далеко стремящейся реки, второй с веселым озорством разорял птичьи гнезда, ловко ловил стрижей и с хищною улыбкою вывертывал им крылья, чтобы не улетели.

Прошло много лет — и они дважды встретились. На окровавленных полях Галиции... жалостливый мечтатель перевязывал раны жестокому смельчаку и под огнем вынес его к полковому околотку...

Спустя немного лет — на южном берегу Черноморья — они встретились опять, на этот раз в палатке скорого военно-полевого суда. На этот раз смерть стояла за плечами у того, любившего цветы и милосердие. Судил его друг детства — смелый и жестокий. И осудил на смерть за веру в светлое начало жизни и за явное противоречие окружающей обстановке. Но тут уж после того, как слово смерти было произнесено и обреченный рыл себе могилу — произошло одно событие. В насмешливой улыбке осужденного смельчак увидел ту спокойную, незыблемую силу, которая не знает человеческого страха. И сила эта была в жалости не к себе, но к победителю. Первый это понял победитель, так как перед твердостью бесстрашия и перед улыбкой приговоренного почувствовал себя вполне побежденным...

Впервые дрогнула рука убившего многих. Какая-то сломалась линия в углах изъеденного жестокостью рта и протянулась лучиком к прищуренному глазу.

— Смеешься? — спросил он хрипло.

— Смеюсь... — ответил тот и, жалостливо покачавши головой, добавил:

— Спешу, а то раздумаешь...

Рука с револьвером повисла, и голос с глухотою подневольного решения произнес:

— Уходи скорее...

Но осужденный не повиновался.

— Вот за это самое, — сказал он твердо. — За то, что ты сам, рискуя быть расстрелянным, потрудился только на минуту понять силу сострадания, — за это самое я желаю послужить тебе и тому лучшему, во что ты веруешь.

— Я ни во что не верую!

— Тогда я научу тебя! — И он не пожелал более помогать тем, которые знают, что такое радость, но тем, кто никогда не знал ее...»⁵

* * *

Много ли радости дает Шолохов своему читателю? Чему он может научить?

Признавая богатство собранных Шолоховым материалов о мировой войне и участии в ней казачьих частей; признавая, что автор «Тихого Дона» показал Гражданскую войну во всем ее ужасе, — мы все-таки не можем не отметить, что тенденция, проявленная Шолоховым на протяжении всего романа, значительно снижает его историческую ценность и наносит ущерб художественной стороне романа.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Его смерть не была неожиданностью ни для других, ни для него самого. Десятки лет он сознательно боролся с болезнью, со смертью, отстаивая свою жизнь. Это постоянное касание небытия, это неотвратимое глядение в слепые очи смерти — оставило глубокий отпечаток на мировоззрении Горького. И именно здесь надо искать ключ к его заветнейшим высказываниям.

Уже от природы он был испытателем, экспериментатором, доходил в этом до озорства. Одна из основных черт его психологии — мучительное и неутолимое любопытство. Одаренный поразительной интуицией и добыв многолетним самообразовательным трудом широкий кругозор, он обладал способностью заглядывать вовнутрь и вширь.

Он первый увидел бродячую Русь, тоскующую и жаждущую подвига¹. Он показал людей, обитающих «на дне», и он же потребовал, чтобы слово Человек писалось с большой буквы.

В зловещем загибши он, надрываясь, пел песни «буревестника», славословил гордого Сокола, гневно осмеивая ползучего Ужа.

Неслыханная популярность Горького — первого массового писателя России — не случайна. Он вышел из неведомых, безымянных недр народа и всегда шел с ним, никогда не отставая от него — в добром и в злом. Ему случалось колебаться в выборе путей (так, напр<имер>, в 1917 г. он не сразу примкнул к партии коммунистов-большевиков), однако направление его мысли, его действия было всегда отчетливым и ясным для всех: друзей и врагов. Не объясняется ли это его удивительным даром слышать зовы своей земли, понимать их, отвечать на них теми словами, которые оплодотворяли нередко слепое — искание масс?

Горький — деятель, безусловный и полнокровный. Здесь, по этой меже, проходит его отличие от товарищей писателей-интеллигентов, какими были, а отчасти и остались, Куприн, Бунин, Л. Андреев. Ему, в его жестоких решениях, помогли инстинктивное озорничество, некая неудержимая удаль... и — любопытство: «А что будет дальше?»

Эпоха Горького — это эпоха нарастания и драматизации революции, революции русской, исповедуемой и осуществляемой в значении некоторой религиозной идеи. Сейчас нередко замалчивается факт чрезвычайного провиденциального значения, тот факт, что для интеллигенции

и масс революция являлась своеобразной религией: с апостолами, с мифом, догматом и обрядом (культом). Революционный миф восходил, приблизительно, к декабристам; догмат заключался в отвержении «старого мира» и чаянии «нового»; а революционный культ — выражался в действии: борьбе с правительством и церковью, с освященными преданием традициями, в поднятии масс на бунт и, как высший пункт, в самопожертвовании. Русская революция может быть по достоинству понята и оценена только в аспекте религиозном. Тип идеального русского революционера весьма близок типу подвижника, почти святого: тот же аскетизм, та же преданность отдаленному, «не-реальному», а только взыскуемому «делу», те же восторженные глаза и даже запущенная растительность на голове и подбородке. А например, юноши из среды боевиков-террористов, описанные Борисом Савинковым, удивительно похожи на первомучеников христиан. Недаром воображение Б. Савинкова наполнено образами Апокалипсиса².

На этом фоне и надо всматриваться в фигуру Горького. Он — передовой боец, идейный вождь народа, вступившего на революционный путь. Он ведет, а за ним следуют. Он учит — за ним повторяют. Он, наконец, проповедует — и ему верят. Это страшно важно, гораздо важнее какого-нибудь очередного постановления Совнаркома и Це-Ка коммунистической партии. Ведь Горький — первый «инженер душ», строитель сознания «нового человека» Советского Союза.

Куда же он ведет и что проповедует?

Предоставим историкам литературы проследить идейный путь Горького в целом. Здесь же ограничимся лишь самым ярким, тем, что составляло в его мышлении наиболее заветное, затаенное, лишь изредка, как метеор, обозначавшее полет его творческого воображения.

...Горький был современником Л. Толстого. Они виделись, говорили, между ними происходили замечательные беседы. Они были объединены отрицательным отношением к «старому миру»; они оба, хотя и по-разному, возвещали, что будущую правду принесет народ. Но самое глубокое, что их притягивало друг к другу (и одновременно что лежало между ними непроходимой чертой!), было лицемерие смерти и отношение к ней.

В книжке, посвященной воспоминаниям о Толстом, Горький пишет: «Да, он велик! Я глубоко уверен, что помимо всего, о чем он говорит, есть много такого, о чем он всегда молчит. Это нечто лишь порой и намеками проскальзывало в его беседах. У него, наверное, есть мысли, которых он боится... Это нечто кажется мне чем-то вроде отрицания всех утверждений, глубочайшим и злейшим нигилизмом, который вырос на почве бесконечного, ничем не устранимого отчаяния и одиночества, вероятно, до

этого человека никем не испытанного с такою страшною ясностью... Он слишком далеко ушел от людей в некую пустыню и там с величайшим напряжением всех сил духа своего одиноко всматривается в самое главное — в смерть. Всю жизнь он боялся и ненавидел ее, всю жизнь около его души трепетал ужас: но — ему ли умирать? Почему бы природе не сделать исключения из закона своего и не дать одному из людей утраченное бессмертие, почему?»

Горький далее вспоминает: «Толстой говорил: “Если человек научился думать, то что бы он ни думал, он всегда думает о своей смерти. Так все философы. Какие же могут быть истины, если будет смерть?”» Л. Толстой, продолжает Горький, «постоянно находился пред бездонным омутом вопроса о главном», «о своей смерти». «Оставьте меня все, ибо я человек — и вот, обречен смерти»³.

Горький давно уже уразумел, что трагедия гибели старого мира, мира крайнего и завершенного индивидуализма, именно и состоит в этом беспомощном, отчаянном глядении в глаза смерти, боязни ее, преклонении перед ней. Напротив, в чудовищных, часто просто зверских, содроганиях народного тела и духа, распаленного революцией, Горький как бы различал зовы побеждающей жизни. Его «буревестники», символические и подлинные, т.е. герои его произведений и товарищи по общему делу, — смерти не боялись, они пренебрегали ею. В громовых движениях людских масс, поднятых революционной верой, он как бы расслышал новые заветы бессмертия. Но — это не толстовское бессмертие как «исключение» для «одного», а как общее правило, как этическое требование для всех, для «коллектива».

Горьковский «коллективизм» — не прихоть, не случайное обстоятельство его биографии, не жажда «успеха» — этот коллективизм с необходимостью вытекает из его мировоззрения, создает пьедестал его веры.

В своих речах (на открытии Беломорско-Балтийского канала, на Съезде советских писателей) он не переставал ссылаться на массовый трудовой коллективный опыт, трактуя его как целесообразный акт, направленный на изменение окружающей природы и самого человека. Горький борется с одиночеством, отчаянием, смертопоклонничеством или с беспомощностью перед лицом смерти — средствами оптимизма, верой в возможность и необходимость целесообразного «общего дела».

«Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа», — говорит он на Съезде. Рассказывает с воодушевлением о мифах и сказках как о затаенных мечтах человека, которые суждено ему осуществить в действительности. «Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать

по воздуху — об этом нам говорят легенды о Фазтоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказка о ковче-самолете. — Можно привести еще десятки доказательств *целесообразности* древних сказок и мифов, десятки доказательств дальнорзости, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей, возвышавшегося до таких уже современных нам гипотез, как, напр<имер>, утилизация силы вращения Земли вокруг своей оси или уничтожение полярных льдов». — «Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей... Иванушка-дурак и, наконец, *Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, черта и даже смерть*, — все это образы, в создании которых гармонически сочеталось радио и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание возможно только при непосредственном участии создателя в работе творчества действительности, в борьбе за обновление жизни... Коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами» (Правда. № 228, 1934 г.)⁴.

Здесь, в ответственной обстановке и не вызывающей сомнения форме, Горький отвечает на недоуменный вопрос Толстого: «Какие могут быть истины, если будет смерть?» — целесообразно направленный труд коллектива, вера в возможность победы над *всеми* враждебными силами, т.е. и над смертью: сказка и мифы *должны* быть осуществлены.

В этом исповедании М. Горького можно видеть не только завещанное им жизненное кредо, но и многозначительный элемент той «религии революции», которой он служил до последнего вздоха.

ЧЕЛОВЕК И БЫТ В ПОДСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Каждая эпоха, — пишет А.И. Воинова в романе «Самоцветы», — должна иметь свой драгоценный камень. Александрит — камень нашей эпохи. Он так же изменчив, как люди: днем его принимают за изумруд, вечером за аметист, а ночью за кровавый рубин. Такова теперь и вся наша психика». «Ни в чем и ни в ком нет уверенности: ни в службе, ни в жилплощади, ни в жене — один сплошной мираж!»... «Акробаты имеют большую устойчивость, чем мы». «Ах, как быстро вертится советская планета!»¹...

«Советская планета» и ее обитатели «вертятся быстро» в каком-то мире, окутаны — воспользуемся уместным русским словом — некоторой морокой, и никому — менее всех официальным «вершителям» советских судеб — не дано заглянуть в будущее и сказать — каково будет оно.

Собственно советский период русской литературы длился около 15-ти лет; начался он на рубеже двадцатых годов, когда раздавались неукротимые крики о «новом мире», когда бушевал безбрежный океан пролеткультовского воодушевления. В свое время Ленин предостерегал слишком зарывавшихся проповедников и претендентов на звание мастеров «пролетарской культуры». Ленин со свойственным ему лукавством, обманывая своих и чужих, предлагал формулу: «пролетарская культура есть высший этап культуры человечества, следовательно — хотя и преодолевает культуру предшествующую, “буржуазную” — все же вбирает ее наследие в себя»². Предостережения Ленина не вполне убедили писателей пролетариата. Вплоть до Первого съезда советских писателей (Москва, 1934 г.) в советской литературе наблюдается явное господство собственно пролетарских писателей, вдохновение которых черпалось в воле во что бы то ни стало отряхнуть прах истории и создать в основе новую, небывалую эпоху в литературе. Совершенно очевидно эти стремления были связаны с общим направлением советской политики и жизни. Известные слова Интернационала «Мы солнце старое потушим, мы солнце новое зажжем»³ были, так сказать, путеводной звездой всего развития страны в целом. Апрельский декрет 1932 года уничтожил гегемонию собственно пролетарских писателей⁴, а Съезд 1934 года определил новейший характер развития литературы в СССР. На Съезде было признано необходимым «учиться у классиков», «изучать фольклор», т.е., иными словами — на Съезде, в торжественной обстановке, произошло «поклонение

тому, что сжигалось»⁵. В последующие годы — от 1934 и до настоящего дня — замечается стремление примирить «историю и революцию», найти пути сочетания старой русской традиции с опытом, вынесенным из революции. Одним из показательных результатов попыток такого сочетания было снятие с московских сцен пасквилей Демьяна Бедного на былинных богатырей⁶. Восстановление понятия «родина», уничтожение марксистских учебников истории и замена их учебниками дореволюционными, пропаганда семьи и т.д. — все это опять-таки свидетельствует как будто о серьезном желании руководящих кругов Союза сплавить традицию с революцией. Но наряду с этими известны и противоположные показатели: разрушаются замечательные памятники древнерусского искусства и на «верхах», вопреки новым словам, маячат знакомые, стопроцентно-коммунистические — можно сказать, старые — фигуры. Не исчезли они и с литературного небосклона. Кроме того, художественная литература послесъездовского периода не дает возможности сделать какое-либо обоснованное заключение о дальнейших путях ее развития. Поэтому в предлагаемом обзоре будут рассмотрены произведения предшествовавшего Съезду периода — главным образом, конца двадцатых и начала тридцатых годов.

Как было отмечено, преобладающей чертой того времени было страстное, в некоторых отношениях титаническое (доходящее до демонического) стремление переделать существующее, исконное, в нечто совершенно новое и неслыханное. Переделке подлежало все: природа, человек, междучеловеческие отношения. «В серой рабочей куртке ходит инженер, росчерком мела на доске он изменяет течение рек, чертами каналов прорезает безводные пустыни, движением руки рассеивает тучи и перемещает огромные воздушные массы. Беспомощный маньяк в рамках капитализма, бесплодный фантазер в отрыве от масс — могущественный победитель природы, с тех пор как стал рупором класса, переделывающего мир» (Бруно Ясенский. «Человек меняет кожу»)⁷. Создаются колоссальные планы — смелые и полезные, избыточные и вредные; нередко это *лже*-планы, не только не способные пересоздать жизнь, но убивающие ее. «Я могу построить мощные заводы, организовать тресты, переливать Енисей в Байкал, рыть туннели. Словом, я могу переворачивать, как мне угодно, шестую часть мира, создавать самые несбыточные проекты, и все это может осуществиться!» («Самоцветы»)⁸. Но эти проекты далеко не всегда, точнее — лишь иногда, соответствуют нуждам народа и государства. Построили Дворец культуры, истратили полмиллиона рублей. А стоит он «в степи, в радиусе 7–8 верст от рабочих поселков». «Вот как у нас создаются планы: чья-нибудь фантазия, подкрепленная цифрами и десятком штампованных слов, — и готово! Составляются

сметы, бросаются миллионы, люди кормятся, отнюдь не думая ни о чем, обманывают самих себя и государство» («Самоцветы»)⁹.

Вся деревенская Россия живет эти годы под своего рода градобитием проектов. Проектантство исходит не из недр самой деревни, планы переделки сельского хозяйства и быта навязываются людьми, оторвавшимися от жизни крестьян или вовсе чуждыми ей. Вот портрет одного из яростных коллективизаторов, Ждаркина: «...ему казался до глупого смешным обычай прадедов целовать землю, и он, глядя на поля, почувствовал, что к “своему”, “родному” он как-то неожиданно очерствел» (Ф. Панферов. «Бруски»)¹⁰. Ждаркин рисует в своем воображении картину: «Кто это пел о сивке-бурке, вещей каурке? Кто это пел о сохе, матушке-кормилице? Соха — кормилица? Соха — пырячное чучело! Вот кормилицы — трактора... комбайны. Вот они — вежи новых городов, участки тракторной станции, шесть участков по всему району. Они стягивают к себе людей, они обносятся каменными домами, клубами, школами, они, срывающие деревеньки, тараканье царство... Эх, растащить деревеньки, растрепать лохматые улицы, как бабы треплют лен, истолочь в ступе мужицкую мечту о своем дворе, о своей сивке... истолочь и соткать новые помыслы, новые радости» («Бруски»)¹¹.

Общеизвестно, что зачинщиками «теории переделки» были коммунисты-энтузиасты. Но не этот тип людей осуществлял теорию на практике. Энтузиасты были вытеснены дельцами — людьми, умеющими говорить подходящие для «очередного отрезка времени» фразы и прочно устраиваться на более или менее высоких постах. Что касается энтузиастов-фантазеров — они превратились в так называемых охломонов. Прежде всего «охломоны» были извлечены из Красной армии (см. несколько уже устаревшую, но поучительную в этом отношении книгу Либединского «Комиссары»)¹²). А дальше — их «вычищали» из партии, «снимали» со строительства. Б. Пильняк дает красноречивую картину жизни «охломонов»:

«Товарищ Огнев разлил водку, чокнулись, безмолвно выпили.

— Теперь я буду говорить, — сказал Ожогов. — Были такие братья Райты, они решили полететь в небо, и они погибли, разбившись о землю, упав с неба. Они погибли, но люди не оставили их дела, люди уцепились за небо — и люди летают, товарищи, они летают над землею, как птицы, как орлы!.. Товарищ Ленин погиб, как братья Райты, — я был у нас в городе первым председателем исполкома. В двадцать первом году все кончилось. Настоящие коммунисты в городе только мы, и вот, нам осталось места только в подземельи. Я был здесь первым коммунистом, и я останусь им, пока жив. Наши идеи не погибнут. Какие были идеи! — теперь уже никто не помнит, товарищи, кроме нас. Мы — как братья

Райты!» Когда к охломону Ожогову приходит его племянник — тип нового партийца, дельца, — дядя спрашивает его: «Выгнали тебя из партии?» Племянник отвечает отрицательно. Тогда дядя охломон Ожогов произносит следующие, поистине пророческие слова: «Ну, не сейчас, так потом выгонят, *всех ленинцев и троцкистов выгонят!*» («Красное дерево»)¹³.

Конфликт между коммунистами первого призыва, т.е. зачастую фантазерами, и коммунистами-дельцами наблюдается и в деревне. Так, фантазер Степан Огнев организовал на селе коммуну «Бруски» из желающих в нее записаться. Впоследствии, когда была проведена коллективизация и когда крестьяне не хотели работать «на чужого дядю», организаторы колхоза решили посулить колхозникам сдельную плату: «подогнать рублем». Возмущенный в своих чувствах Степан Огнев вывесил лозунг: «Подгонка рублем — позор для коммунара!» По поводу этого лозунга один из дельцов замечает: «“Подгонка рублем — позор для коммунара”?! — Чепуха какая! На святой водице хотят людей держать, а люди в первую очередь есть просят. Да и мы (т.е. коммунисты. — К. Ч.) не прочь, чтобы они (колхозники. — К. Ч.) с рублем жили...»¹⁴

Характерной чертой описываемого периода является смесь оделяченного коммунизма с разившимся до безобразия утилитаризмом. В «Самоцветах» изображена героическая фигура Хряпина — «человека слишком цельного и монолитного, который совершенно не знал жизни». Хряпин, меняя свою старую жену, типичную интеллигентку-фантазерку от революции, на новую, заявляет: «Неважно, сколько раз человек женился или развелся, а сколько он сделал. Дело не в женах, а в работе»¹⁵. Приверженность к неупорядоченной половой жизни — черта, присущая едва ли не всем героям-коммунистам эпохи строительства. Таковы Еремин, Морозов (из «Человек меняет кожу»), таков Хряпин, таковы персонажи из «Рождение героя» Либединского¹⁶ и мн<огие> др<угие>. Жены и матери не в моде: «женщины — домашние хозяйки — самые бесправные существа, какие только имеются в нашей республике...» «Общий жаргон, каким теперь разговаривают с женщинами, ставит их почти на одну доску с проститутками» («Самоцветы»).

Естественно, что главным страдающим лицом оказываются дети. Вопрос о детях в советской жизни и литературе — большая, больная и ответственная тема. Книги Н. Огнева («Начало жизни», «Костя Рябцев» и др.), Л. Сейфуллиной «Правонарушители», Б. Горбатова «Мое поколение»¹⁷ и мн<ожество> иных дают яркую и страшную в своей яркости картину жизни беспризорных. Беспризорных не только в принятом смысле этого слова, но буквальном. «Как сыночек растет? — спрашивает коммунист Гамзюк, — наверное, с Боженькой, с папой,

с мамой и прочими белендрясами? На кой ляд нам такие сыночки!... В самом деле — «ведь у нас — производственная точка зрения» («Самоцветы»)»¹⁸.

У Н. Огнева в «Начале жизни» сделана зарисовка быта беспризорных. Ребятишки устроились на кладбище:

« — Стало быть, это и есть ваш лагерь? Ловко! Ну, рассказывайте, чего вы тут прячетесь? Тю, да у них тут и лампа! По всем правилам, значит?

Пришедший уселся на мраморную гробницу, вытащил коротенькую трубку, закурил. Около десятка парнишек окружили его со всех сторон. Тусклая лампа, коптя, освещала небольшое пространство только у стены склепа, где она висела на гвоздике; остальная часть склепа тонула в глубоком мраке.

— Здесь — совет народных подземлистов, — важно сказал Ершист. — И мы никого не боимся и живем, как хотим!»¹⁹

Увлечение «полезным» достигает такого вывиха: «Он уставился неподвижным взором в мелькавшие женские ноги. — Девочки — валюта, экспортный товар, сказал он» («Самоцветы»)»²⁰. Если это и сатира, то и она показательна.

И деревенская семья содрогнулась и сползла со своих вековечных устоев. Как рассказывает Л. Сейфуллина («Перегнутой»), еще во время войны и первых лет революции «земля зыбкая стала. Раньше у земли учились жить, она закон поставила человеку: все живое должно принести плод». Но — «деревенские бабы и девки от закона земли оторванные стали. Грех для греха, а не для деторождения приманивать начал»²¹. В вышедшей в 1932 г. книге П. Замойского «Поворот» мотив деторождения показан в следующей сцене. Приезжает в деревню пропагандистка колхозного устройства. Она обещает бабам:

« — Будет у нас крупный колхоз, вам медицинский пункт организуют, акушерку дадут.

Пожилая баба перебила ее:

— Вон ты до чего, матушка, достукалась. Акушерку! Э-ка, да мы в полях родим и то не хвораем. Я вон Ваньку живо под снопом... и не пикнула. Перевязала ему на скорую руку пупок, а сама опять за мужиком вязать. Только на полряда и отстала.

— Вот и плохо, вот и скверно. А в колхозе этого не будет. Беременной женщине дадут отпуск до родов и после родов.

— Э-ка, — опять не согласилась пожилая баба. — Ежели отпуска, кто работать будет? Ну-ка, все поднимутся родить?

Но ее успокоила молодая баба:

— Нынче, тетка Поля, не будут родить. Веретен хватает.

— А куда лучше крюком, — подхватила третья и засмеялась. — Раз ткнуть, и нет ничего. У нас, поди, какая ловкая Настя. Лучше всякой акушерки, и берет недорого... И бабы принялись охотно, совершенно не стесняясь, рассказывать, кто, как и когда делал аборт»²².

Революция, начатая во имя *человека*, его прав, его достоинства, на каждом своем шагу наступает на человека, на его достоинство и кровавится кровью человеческой. Не человек, но многочисленные «интересы» направляют строительство СССР и подсказывают соответствующие способы осуществления «интересов». Уже упомянутый Хряпин искренно недоумевает: «При чем тут человек, когда интересы государства выше всего!»²³ Воистину — человек для государства, а не государство для обещания людей.

С особенной силой «интересы» обрушились на крестьянство. Советская художественная литература с достаточной правдивостью рассказывает о трагедии села в период коллективизации. Ведь правдивость и вообще является одним из основных элементов, творящих художественную литературу. Произведения Панферова («Бруски»), Шолохова («Поднятая целина»), Замойского («Поворот»), Б. Ясенского («Человек меняет кожу» — там говорится о коллективизации отдаленного Таджикистана) заключают в себе полную картину свалившегося на крестьян несчастья. Панферов дает жуткий итог «стоимости» коллективизации: «Одни ушли, сбежали ночью, скрежеща зубами, в далекую Сибирь, в горячий Туркестан, на седой Урал; другие — просто сменили соху на топор, борону на пилу, серп на кузнечный молот; третьи — вымерли, может быть, от удара, неожиданно нанесенного; четвертые — вообще находились не у дел, сидели дома, караулили амбары, раньше времени превратясь в стариков — дедов дедунь... Лицо страны в течение двух лет неузнаваемо изменилось»²⁴. В «Поднятой целине» Шолохов описывает, как бабы избивали приезжего мастерового Давыдова, председателя колхоза. Давыдов, один из двадцатипяти тысячников, имел столь отдаленное представление о хозяйстве, что, напр<имер>, одобрил предложение вредителя и приказал вместо соломенной подстилки посыпать помещение для скота песком. Дело было зимой, скотина примерзла к собственной моче. В конце концов бабы не выдержали хозяйственных упражнений Давыдова и избили его до полусмерти. Давыдов, отплевываясь кровью, говорит: «— За вас же, сволочей! Для вас же делаем! И вы меня же убиваете... Ах, сволочи...»²⁵

За коллективизацию и снятие колоколов крестьянки избивают жену предколхоза Дарью: «Толчок был настолько силен, что Дарья не удержалась и головой врезалась в середину баб. Те, не дав ей опомниться, оттолкнули ее обратно. Оттуда, сильно ударив в грудь, снова отбро-

сили. И началась чехарда. Когда совсем обессилела и упала, били лежачую.

— Сволочи, она беременна! — крикнул ее муж, Алексей.

— По кошелке! — радостно подпрыгнула к ней баба-Юха и двинула в живот Дарье носком подшитого валенка» («Поворот»)²⁶.

Быть может, самое ужасное в произведенной коллективизации не то, что погибло и пострадало множество людей, но то, что эти гибель и страдания были напрасны: природа человека осталась неизменной. И хотя прав бл. Августин, говоря, что «лишь то прочно, что принято добровольно», прав при сопоставлении доброй воли и насилия, все же и принятое добровольно не всегда бывает прочным.

Вот — колхозник Кондрат из «Поднятой целины» (М. Шолохов): «Он давно уже не верует в Бога, а верит в коммунистическую партию, ведущую трудящихся всего мира к голубому будущему. Он свел на колхозный баз всю скотину — всю — до пера, отнес и птицу. Он за то, чтоб хлеб ел и траву топтал только тот, кто работает. Он накрепко, неотрывно прирос к советской власти. И вот не спится Кондрату по ночам. И не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к собственному добру, к собственной худобе, которой он сам добровольно лишился. Свернулась на сердце гадюка-жалость холодной тоской и скукой... Бывало прежде, весь день напролет у него занят: с утра мечет корм быкам, корове, овцам и лошади, поит их; в обеденное время опять таскает сено и солому... на ночь снова надо убрать. Да и ночью по несколько раз выходит на скотный баз проведывать... Хозяйской заботой радуется сердце... А сейчас пусто, мертво у Кондрата на базу. Не к кому выйти, порожные стоят ясли, распахнуты ворота, и даже кочетиного голоса не слышно за долгую ночь...»²⁷

Отрывок этот вскрывает сущность крестьянского хозяйства. Хозяйство коренится отнюдь не в «производственной точке зрения», хотя и не отрицает ее. Хозяйство сидит в сердце и душе земледельца. Есть оно — и «радуется сердце». Нет — и все пусто и мертво. «Уничтожение кулаков как класса» — не удалось. Не удалась переделка человека на коммунистический образец.

Коренная и роковая ошибка революции состояла в том, что ее развитие оказалось в тупике коммунизма — учения, преодоленного и экономической мыслию, и культурным развитием русского общества еще до войны. Коммунистическая революция — это извращение той идеи великой очищающей революции, которая составляла своего рода религию нескольких поколений русской интеллигенции и не только интеллигенции. Идея очистительной революции имела в своих высших взлетах безусловно религиозный характер и составляла одну из драгоценнейших *традиций* России и входящих в ее состав народов как культурного целого.

Константин Чхеидзе

Собственно говоря, стремление к высшим формам жизни, к *культуре*, и было содержанием русской революционной идеи. Поэтому приведенные в самом начале статьи соображения о сочетании традиции и революции (русской исторической традиции и последствий революции) можно толковать еще и иначе. Можно утверждать, что выход из тупика коммунизма будет найден в восстановлении в правах истинных целей, ради которых произошла *вся* революция. Только таким путем могут быть оправданы вера и дела прошлых поколений и нынешние жертвы.

Имеются ли в современной советской жизни и ее — пусть несовершенном — зеркале, литературе, намеки на подобного рода надежды? Где и в чем они? Ответ на этот важный вопрос сложен и труден.

БОРЬБА МЕЖДУ ОБРАЗАМИ И ЗА ОБРАЗ

Слово «образование» происходит от слова «образ». Совершенно ошибочно называть *образованным* человека, который обладает запасом знаний, в особенности технических знаний. Можно быть весьма ученым и не быть образованным. Потому что образованным человеком следует признавать не того, который накопил известный запас теоретических сведений и умеет применять эти сведения на практике, но такого, все мышление и поступки которого согласованы с неким образом — образом, достойным подражания и заключающим в себе критерий этический и эстетический.

Древняя литература (китайская, индийская, египетская, иудейская, греческая и всякая другая) исходила из поиска образа образов, т.е. совершенного образа, Бога. Древняя литература потому и является литературой религиозной, что она стремилась раскрыть черты образа Божества и научить людей — как надо следовать в подражании этому образу. Религия значит *связь*. Связь между Богом и человеком (как и обратно: между человеком и Богом). Религия есть установление пути от человека к Богу. Открыто или сокровенно — каждая религиозная система исходит из признания того, что в человеке заключена частица Божества. Если бы этого не было — то невозможно было бы вообще познать Бога. Иудео-христианская религия достигла в этом смысле наибольшей степени прозрения. Она учит, что человек есть образ и подобие Божие. Христианство же имеет то преимущество перед иудейством (и перед всеми иными вероисповеданиями), что оно не только свидетельствует сыновство человека Богу, но и предъявляет человеку неперемнное и вдохновляющее на подвиг требование: «Будь совершенным, как совершен Отец Небесный». Христианство показывает человеку путь, ведущий от «естественного состояния» к сверх-естественному, от образа человеческого к образу Божию. Смена образа человеческого на образ Божественный (*обожение*) составляет самую главную суть христианства. Смысл христианского делания — единичного и всечеловеческого — можно заключить в одно слово: ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

Слово «культура» значит «возделывание»: создание из простого — сложного, из примитивного — развитого, из дикого — культурного. Берется злак в естественном («диком») состоянии, переносится в условия,

благоприятные для роста и развития, подвергается заботе и попечению, выпестовывается — и тогда получается культура, культурное растение. Процесс перерождения из дикого состояния в состояние культурное может длиться десятки и сотни лет. В неопределенно далеком прошлом конь не превышал размерами козла. Чтобы создать из коня-примитива современного грузовика-ардена или английского скакуна, понадобились тысячелетия.

Принципиальной разницы между религией и культурой нет. И религия и культура возделывают, преобразовывают — преображают. Разница между религией и культурой в том, что религия возделывает только человека и при этом — возделывает в соответствии с предносящимся ей образом Божиим. А культура возделывает не только человека, но и животных, и растения, и вообще природу. Культура является по отношению к религии чем-то вторичным. Когда мы говорим: «религиозная культура» — это значит, что данная культура исходит из религии. Продуктами, произведениями религиозной культуры являются прежде всего люди. Религиозная культура образует человека, и образование это тем выше и совершеннее, чем ближе подошел «естественный человек» к подобию Божества. Наиболее образованными людьми религиозной культуры являются святые, праведники, подвижники. Они учат и ведут, им подражают, они являются этико-эстетическим образцом человеческого устроения и поведения. Разумеется, не все люди, воспитанные религиозной культурой, были добрыми и прекрасными. Но не будучи таковыми, они все-таки знали: что есть доброе и что есть прекрасное. Они обладали безусловными критериями и отличали доброе от злого. Литературные произведения, принадлежащие религиозной культуре и ею пронизанные, содержат в себе не только образы-образцы (образы праведников, мучеников и т.д.). В литературе этой встречаются и образы тиранов, убийц, мучителей, извергов, и их не мало. Однако все эти персонажи, так сказать, лишены образа и подобию Божия: они безобразные («невзрачные») и безобразные.

Исторически все виды культур вышли из религии. Религиозные культуры — единственно известная почва, из которой произросли все виды человеческого знания и умения: «вся культура и цивилизация». Поэтому так прочно держится мнение, что вне религии вообще не может быть культуры. В действительности, однако, наблюдается иная картина. В истории человечества, в частности христианских народов, бывают периоды, когда культура стремится отмежеваться от религии — занять самостоятельное и независимое от нее положение. Борьба Ренессанса с Средневековьем и есть такая попытка эмансипации культуры от религии. Ренессанс — это есть стремление освободить человеческое образование

от религиозных образцов. Ренессанс развивается под знаком гуманизма «человеческого и только человеческого». Человек Ренессанса отнюдь не отвергает критериев этических и эстетических. Что касается эстетики, то Ренессанс дает могучий толчок к ее развитию. Но критерии эстетики и этики ищутся и находятся представителями Ренессанса в самом человеке. Человек становится мерой всех вещей. Внутреннее, не всегда высказанное и — весьма вероятно — не всегда осознанное убеждение людей Ренессанса состояло в том, что человек равнодостоин Богу. Образ человеческий, так сказать, соперничает с образом Божиим. Страсть к восстановлению античных образцов проистекает из мнения, что человек может стать богом и даже уже есть бог ВНЕ религиозных требований. Человек может достигнуть совершенства, исходя из себя самого и обходя представление о Божестве. Образ человека, как такового, достаточно высок и прекрасен, чтобы заслонить и заместить образ Божий. Следовательно, в понимании Ренессанса сама культура возводится на степень религии, но такой, где образ Совершенного Бога замещается образом Совершенного Человека. Однако Ренессанс хотя и заменяет образование религиозное (с образцом Богом) образованием гуманистическим (с образцом человеком), тем не менее он еще не отвергает начисто существования Бога. Образы Ренессанса двоятся: богочеловеческое незаметно переходит в человекобожеское и обратно. Мадонна становится красивой итальянкой, а красивая итальянка — Мадонной. В виде какого-то предварения дальнейшего развития настроений гуманизма в XV веке впервые появляется карикатура. Карикатура — явление не случайное. Карикатура есть стремление (сознательное или подсознательное) к искривлению, обезображению человеческого образа. Карикатура поэтому является признаком воли к отпадению от образа Совершенного и заменой его противоположным. Освобождение образа человека от Совершенного образца чревато поворотом к анти-образцу. Интуиция Мережковского, посвятившего свою Трилогию проблематике Христа и Антихриста¹, объявляется перед нами в новом освещении. Без боязни преувеличений эту интуицию можно назвать гениальной.

Дальнейшее развитие гуманизма могло пойти или по пути преодоления человеческого и воссоединения образа человеческого с образом Совершенного, или по пути углубления эмансипации человеческого от божеского. Развитие это пошло по второму пути. Рядом с культурой религиозной нарастала культура самостоятельная. Рядом с образованием, зависимым от религиозных образцов, — образование, независимое от них. И так как творческие энергии направлялись по второму руслу, то в эпоху послеренессансную наблюдается рост гуманистической культуры. Это значило одновременно: усыхание или омертвление, во всяком слу-

чае — неподвижность религиозной культуры и бурное цветение культуры гуманистической, бывшей сперва арелигиозной, а впоследствии превратившейся в антирелигиозную. К нашему времени путь этот пройден до конца, и мы в состоянии осознать те тупики, в которые забрела эмансипированная культура.

Логика этого пути выражена в известном утверждении Достоевского: «раз Бога нет — я Бог» (Кириллов)². Но присмотримся к лицу, к образу этого человекобога. Переход от критериев религиозно-культурной этики и эстетики к критериям эмансипированной культуры, когда мерой всех вещей оказывался человек, означал переход от оценок абсолютных к оценкам относительным. В сущности, единый и единственный образ Совершенного заместился множеством относительных образов. Относительных в отношении абсолютного и в отношении друг к другу. Это означало потерю каких бы то ни было критериев вообще. Если бы возможно было воскресить создателей религиозно-культурной литературы и познакомить их с современными литературными произведениями, их суд над последними был бы, конечно, беспощадный. Они сказали бы: это настоящее, неподлинное, это — производство фальшивок.

Нельзя отрицать, что и в современной литературе (скажем, в русской литературе XIX–XX вв.) встречаются отблески Совершенного образа на образах выведенных там людей. В дальнейшем изложении мы подробнее остановимся на этих исключениях, которые, с одной стороны, доказывают присутствие религиозной традиции в русской литературе, а с другой — дают перспективу на будущее. Но в целом галерея образов современной литературы показывает развитие гуманистической традиции, и не только развитие, а и тупик, в котором эта традиция оказалась, — ее исчерпание и смерть.

Современная литература (как и вся гуманистическая культура) подошла к какому-то судьбоносному рубежу. Она начала с замещения образа Совершенного множеством несовершенных образов. Потом она создала множество относительно-этических и относительно-эстетических образов, которые окончательно вытеснили и затушевали образ Совершенного. Связь (религия) между Богом и человеком прервалась. Последние десятилетия проходят под знаком ожесточенной борьбы с малейшим намеком на попытку восстановления утраченной связи. Достоевский говорил: сердце человеческое — арена борьбы между Богом и дьяволом³. На нашем языке — борьбы между образом Божиим и дьявольским. Необходимо сделать над собою усилие, чтобы признать, что в некоторые периоды недавнего прошлого победа принадлежала второму из этих образов — воплощенному безобразию и безобразию. Поясним это примерами.

Каждый образ, высокий или низкий, соотнесенный с Совершенным или противоположным Ему, обладает образовательным свойством. Нет образов безразличных. Человеку свойственно впитывать в себя окружающие образы — будь то образы окружающих людей или образы, созданные искусством, в частности литературой. И чем ярче, сильнее, увлекательнее создан тот или иной воспринимаемый нами образ, тем сильнее его влияние на нас. Древние римляне окружали роженицу прекрасными статуями, картинами, слугами — прекрасной обстановкой, правильно предполагая, что обстановка эта благоприятно воздействует на формирование зародыша. Известен анекдот (весьма, впрочем, правдоподобный), что роженица, испугавшаяся негра, родила негрообразного ребенка. Истовые русские семьи зачинали дитя в молитве, воспитывали его, окружая образами высокого этического или эстетического уровня. Ребенку и юноше предлагалась к чтению избранная литература. А критерием избранности была соотнесенность с образами духовно-воспитательной, т.е. религиозной литературы.

Впоследствии истовые семьи не устояли. И их снес поток гуманистической литературы, несущий в непроясненных, мутных водах своих рядом с относительно-добрыми и относительно-прекрасными образами многое множество образцов подлинного безобразия. Потеряв ориентацию, мы уже не в состоянии руководствоваться никакими иными критериями, кроме «это интересно или не-интересно», «это увлекательно, дразнит нервы», а «это — скучно». Одновременно происходит катастрофическое снижение вкуса читателя. Между потребителем литературы (читателем) и производителем ее (писателем) существует отношение такое же, как на рынке между спросом и предложением. И по общему правилу спрос определяет предложение. Получился заколдованный круг. Писатель, если бы даже возмечтал, не смеет предложить образы, ориентированные на Совершенный образ, — его признают излишним чудачком, производителем скуки, отсталым и еще каким-нибудь. Но читатель, не имея перед собой возвышенных образцов (ни в жизни, ни в связанной с нею литературе) перестает чувствовать разницу между высоким и низким, добрым и злым, прекрасным и отвратительным. И более того — образы не-высокие, не-добрые, не-прекрасные получают преобладание: их легче создать и им легче подражать...

Жизнь ли подражает искусству или искусство подражает жизни? — Создал ли Лермонтов своего Печорина, глядя на себя самого и типологически близких себе офицеров-фаталистов? Или же созданный автором — Лермонтовым — Печорин породил печоринскую породу молодых россиян? — И то, и другое. Тут явное взаимодействие: Лермонтов ото-

брал печоринские черты и создал Печорина, а когда создал, подтолкнул кристаллизационный процесс формирования печоринских типов в жизни. Следовательно, образ создается на основе человеческого материала (включая сюда и творческую фантазию человека-автора), и образ способен образовывать, творить людей «по своему образцу». Тот заколдованный круг, о котором мы только что упоминали, в том и состоит, что автор не в состоянии найти «материал» для создания высокого образа; автор создает образы не-высокие. А читатели питаются ими и образуются, глядя на них.

Гуманистическое направление имеет еще одну важную черту. Авторы религиозных образов и люди, подражавшие этим образам в жизненном действии, имели перед собою неодолимо трудную задачу. От блистания образа Божия слепнут глаза человека. Чтобы стать святым, чтобы идти по праведному пути — необходимо затрачивать сверхъестественные усилия. Путь святости это и есть сверхъестественный путь. Напротив, создание образов человеческих и жизненное подражание им особых затруднений не представляют. Если современному (массовому) читателю предложить к чтению и подражанию книгу о Роланде и Тарзане — можно ли сомневаться в его выборе? И в самом деле. Для того, чтобы подражать Роланду, необходимо самоотречение, рыцарский искус, служение идеалам. А для того, чтобы подражать Тарзану, необходимо и достаточно расстаться с нижней частью туалета, раздобыть тряпицу для прикрытия срама (если это вообще необходимо)... А далее? — а далее научиться выть и яриться около обнаженной подруги — по образу и подобию зверя. Этот результат — от гуманизма к зверству — отнюдь не случайный, он вытекает из сути дела с логикой неотвратимой. Человек, конечно, не зверь. Но элементы зверского в нем есть. И человек не Бог. Но и божеские элементы заключены в его природе. Египтяне очень наглядно изображали эту двойственность человеческой природы в образе человекозверя, которому воздавались божеские почести. В известном смысле — человек понятие абстрактное. Он одновременно — «и червь и Бог»⁴. Во всяком случае человек — это порог мироздания: по сю сторону порога — зверь, а по ту — Бог. Все эти рассуждения рискуют заслужить упрек в банальности. Но — во-первых: в том-то и состоит язва современного сознания, что эта проблематика представляется ему *пошлой* (давным-давно решенной, «отыгранной игрой»). Ведь большинство из нас, принявшись к мерзости зверинца, созданного нами, в котором мы живем, отучились дышать чистым воздухом горнего. А во-вторых — подлинную правдивость и действенность этой банальности нам довелось испытать на личном опыте. Чтобы увидеть человекозверей («человековолков» — выражение Б. Пильняка), не нужно обращаться к доисторическим исследованиям;

достаточно раскрыть того же Пильняка, Вс. Иванова, И. Бабеля. Но и об этом скажем в свое время.

...От Византии Россия приобрела религию, от монголо-татар — государственность, а от романо-германского Запада — культуру, причем культуру гуманистическую. Крайне стилизуя положение дел, можно сказать, что образованность русских народных масс исходила из религии (в особенности из литургии, этого высочайшего и недостижимого совершенства, где сочетаются слова-молитвы, жесты-движения и звуки-мелодии и где нет ни грана без-образных элементов); образованность правительственных чиновников (всех разрядов!) — из переживаний и методов «татарского ига», а образованность так называемых образованных слоев населения — от гуманистической культуры Запада. Типичный русский человек XVIII века (и даже начала XIX-го, пока не победил Запад... в некоторых случаях эта типичность сохранилась и до наших дней!) — состоял, так сказать, из трех ярусов. Первый ярус — «греческая вера», православие. Этот ярус — церковный. Второй — навыки татарского управления — государство как система тягла, опеки, организация деспотизма (впрочем, неизбежного в империях континентальных). И третий — западная культурность. Один и тот же человек обладал тремя ликами: благообразным — перед лицом Бога, татарообразным (в смысле жесткости власти) — перед системой государства и гуманным обликом — перед лицом Запада. Покуда эти три яруса находились в архитектурной соразмерности, сохранялось известное равновесие. Влияние православия смягчало жестокость государственности и нейтрализовало европейский гуманизм, отдаляя его губительные последствия. Но к началу XIX века намечается преобладание гуманистического элемента. Преобладание это сказалось в том, что постепенно образы религиозной культуры замещались образами культуры гуманистической. В своем роде строгое «бытовое исповедничество» (в отношении догматического исповедничества Русь никогда не была сильна) растворялось в некоем либерально-гуманистическом сиропе. Считалось аксиомой, что влияние Запада в состоянии *изменить* существующую государственную систему, усовершенствовать ее в соответствии с европейскими образцами (которые рисовались в безмерно приукрашенном, по сравнению с действительностью, виде). И не только система, но и деятели государства должны были, по замыслу славянофилов, превратиться в какой-то синтез германо-англо-французских черт. Перед русскими литераторами европейского периода русской истории стояла нелегкая задача: разобраться в многообразии тогдашней русской жизни, вычертить образы, достойные

подражания. Если бы русская церковь не утратила своего равноценного с государством положения («московская диархия»⁵), то, быть может, первоначальное русло русской литературы пролегло бы в иных направлениях, чем это было в действительности. Но в глазах «образованных» русских людей (в том числе и писателей) рубежа XVIII–XIX вв. церковь и религия вообще представлялась явлением отсталым. Вот почему «православное царство» — «Святая Русь» сразу создала а-религиозную светскую литературу; вот почему наметилось и осуществилось трагическое расщепление Руси на «верхи» и «низь», каковое расщепление предопределило всю катастрофичность на этом этапе путей развития России.

Начнем обозрение образов русской литературы с «Войны и мира» Л. Толстого. «Война и мир» включает в себе галерею портретов русских людей того переходного периода, характеристика которого дана выше — рубеж XVIII–XIX ст<олетий>. Тут мы встречаем семью Болконских. Она состоит из мнимого вольтерьянца — старого князя — человека твердых правил, сурового к себе и другим, своеобразного самодура, но с оттенком величия. Он скорее умрет, чем изменит своим принципам. Его сын — князь Андрей — тип благородного честолюбца, он и жесток и нежен. Мечтательность сочетается в нем с верностью долгу и практичностью. Князь Андрей думает о себе, что он неверующий. На самом же деле — это возвышенная натура, не чуждая религиозных исканий. Его сестра — Марья — один из обаятельнейших образов русской литературы. Княжна Марья — христианка. Она как бы светится (свет и свят — смежные понятия), ее без колебаний можно назвать *образцом* дочери, сестры, а позже — жены и матери. Из семьи Ростовых особенно выделяются старый граф — отчасти какой-то разбросанный, неорганизованный барин, но добрый и ласковый. Его дочь Наташа — олицетворение женственности, ее достоинства велики, недостатки незаметны — можно ли не простить Наташе ее недостатки? Николай Ростов — юноша с шалостями, страстный патриот, он жаждет умереть на глазах государя, которого обожает. Впоследствии из молодого Ростова вырабатывается «добрый хозяин» — один из излюбленных толстовских типов. Замечательна фигура Пьера Безухова. Это человек, в котором сквозь сугубо европейские наслоения настойчиво пробивается самая настоящая русскость. Есть что-то лесковское в том, что этот бывший масон, рафинированный продукт школы гуманизма находит образ, заслуживающий подражания, в Платоне Каратаеве — «простом мужике». И вообще у Толстого самые лучшие образы — образы простых людей. Т.е. людей, не причастных к европогуманизму. Это черта, характерная для всего творчества Толстого... Рядом, так сказать, с благообразными людьми описаны и неблагообразные: корыстолюбцы, развратники, напр<имер>, семья Куракиных — Толстой

вообще воспринимал человека в окружении его семьи. Семья у него перее личностю. Описывая отрицательные типы, Толстой отнюдь не выдает их за образец. Это обстоятельство необходимо отметить, потому что впоследствии мы столкнемся с своего рода фальшивками, подделками — когда в виде образца для подражания появятся в литературе недостойные занять это положение.

Почти все образы, созданные Пушкиным, вымерены мерками гуманизма. На пушкинском Петре («Медный всадник») лежит печать рока, отблеск грозного величия («Полтава»). В «Арапе» Петр дан как выдающийся человек на троне. Есть у Пушкина герои — капитан Гринев, верный слуга Савельич, романтический разбойник Дубровский. Главный образ Пушкина — Евгений Онегин, человек, несомненно, «образованный», но образованный по образу и подобию парижских шалопаев и лондонских денди. Это фронт с опустошенной душой и омертвевшим сердцем. Великий и правдивый гений Пушкина ничего не убавил и не прибавил к тем Евгениям, которые были его, Пушкина, сверстниками и которые впоследствии и подготовили его гибель. В «Цыганах» дан прообраз русских «лишних людей» — Алеко всем чужой и чуждый, искатель беспредметной свободы. В «Пиковой даме» — знаменитый образ Германа, «русского Наполеона», впоследствии перевоплотившийся в Раскольникова из романа Достоевского «Преступление и наказание». Какова цена Евгения, Алеко и Германа? Эти люди не служат ни семье, ни обществу, ни государству. Они живут «на своей воле» — это не цветы, но пустоцветы. В то же время они — несомненный продукт российского гуманизма. Наиболее привлекательные, высокие пушкинские образы — Татьяна и Пимен. Но Татьяна — лицо сугубо русское, а не европо-русское, а Пимен принадлежит не гуманизму, но религиозной культуре. Именно там, где Пушкин преодолевал современность (образы Пимена, Татьяны, «Пророка»), он поднимался на наибольшую высоту. Достоевский назвал Пушкина явлением пророческим не из-за Евгения, а из-за Татьяны⁶.

Минуя Грибоедова с его сатирой «Горе от ума» (сатира, как и карикатура, — признак, указывающий на деструктивность восприятий автора, определяемую в свою очередь деструктивностью наблюдаемого им общества, — не успел гуманизм пустить в России корни, как уже появилась деструктивность) и Лермонтова с его бретером, насмешником и фаталистом Печориным, остановлюсь на Гоголе. Гоголь нашел свои «Мертвые души» на севере от Днепра. На Днепре он видел Бульбу, Остапа, казака Данилу. Гоголевский Чичиков — тип, конечно, русский. Но это особый русский тип — оборотня и самозванца, своеобразная разновидность Хлестакова. Чичиков — подлец, желающий стать благородным буржуа. А дальше. Достоевский выразился, что «мы все вышли из рукава гого-

левской шинели»⁷. Из рукава этого выползли униженные, оскорбленные, искалеченные, несчастненькие, уродцы большие и малые. Но замечательная черта: вместо того чтобы найти средства исправить всех этих людей, *образовать* их, вместо этого их стали *изображать*. Их «образы» размножаются с невиданной силой. Русские читающие массы никого, кроме калек и бесов, почти и не встречали в литературе. Отучившись читать действительно образующую религиозную литературу, массовый русский читатель (не из народа, а из интеллигенции и полуинтеллигенции) никаких других образцов, кроме изувеченных, и не видел. Образы литературы не только неспособны были *образовать* читательскую среду, но наоборот — вводили в ее сознание элементы безобразия и безобразия.

У Тургенева только «тургеневские девушки» (да и то не все) вызывают в читателе чувство восхищенного удивления, радости, сочувствия, даже любви. Тургеневская Лиза (поставленная Достоевским рядом с Татьяной) — высокий образец, этический и эстетический. И вполне естественно, что Лиза Калитина — не гуманистка, она религиозная девушка и спасается от «европейски образованного», хотя и подлинно-русского байбака Лаврецкого в монастырь. Из других типов Тургенева вспомним нигилиста Базарова и лишнего человека Рудина. И Базаровых, и Рудиных было много множество — они удержались вплоть до революции. Лаврецкий, Базаров и Рудин — все дворяне и все воспитаны гуманизмом. Тургенев совершенно определенно указывает на разложение высшего слоя русского общества — дворянства и примыкающей к нему «образованной» интеллигенции. Смысл этого разложения состоит, между прочим, в том, что дворянство — ни в бытовой жизни, ни в созданной им литературе — не в состоянии дать образцы человеческого поведения. Уже у Тургенева (особенно в «Нови») предчувствуется, что дворянство идет к бесславной гибели. С дворянством погибнет гуманистический период русской истории.

В дальнейшем (у Гончарова, Терпигорева⁸, Салтыкова, Толстого) находят подтверждения тому, что русский образованный класс, оторвавшийся от своих вероисповедных основ и пропитавшийся духом гуманистической относительности, не в силах дать подлинные образы, но, напротив, дает образцы безобразия, хилеет, разлагается и гибнет. Тут и обленившийся до маразма Обломов, и живая скверна Иудушка Головлев, тут терпигоревские чудаки и прощелыги, и даже рюрикович Облонский, тщетно успокаивающий свою совесть плохоньким каламбуром: «У меня было дело до жида и я дожидался». Быть может, положительный образ воплощен в Косте Левине? Но Костя Левин — «благоразумный» хозяин и принципиальный эгоист. Он отказывается от своей социальной функ-

ции — «отрицает земство» и говорит, что «он и есть народ». А вместе с тем — становится против народа и его воли освободить балканских славян. Впрочем, как это отмечает Достоевский в «Дневнике писателя», — Левин и все другие дворянские персонажи Толстого — уже не современность, а история⁹. Наступает новая эпоха — на сцену выступает разночинец.

Достоевский глубже других пережил и продумал проблему образа. Это он сказал о Боге и дьяволе, борющихся в сердце человека. Достоевский первый переоценил ценности и показал, к каким искажениям приводит гуманизм. Огромное большинство образов, данных Достоевским, — лики, искаженные несправедным страданием, скверной болью. Иногда это просто «бесы»: Ставрогин, Петр Верховенский, Карамазовы. Тема Достоевского — как искажается человеческий лик, отпавший от Бога; разные степени искажения: Митя, Иван, Смердяков, Ставрогин (оба последних кончают жизнь самоубийством). Чем дальше отходит человек от образа Совершенного, тем глубже погружается он в безобразия и безобразия. Противоположный образ — ИНОКА (Зосима, Паисий, отчасти Алеша). Инок — спасительный образ. Одна из любимых идей Достоевского — «красота спасет мир»¹⁰. Но, как говорит о П<авел> Флоренский, праведник — прежде всего *прекрасен*¹¹. Достоевский возобновляет традицию религиозной культуры и намечает критерии, этические и эстетические. Рядом с Достоевским может быть поставлен Лесков. Лесков сознавал, что для образования общества и народа нужны прежде всего образцы. В его произведениях находятся попытки показать такие образцы. Он находит их среди духовенства, крестьян, ремесленников, даже администраторов («Несмертельный Голован»). У Лескова, как и Достоевского, властвующая тема — образ инока и праведника (о. Савелий Туберозов, Константин Пизонский). Примечательно, что Достоевский и Лесков ищут воплощения своих высших образов среди духовенства, простонародья и сектантов: слоев населения, наименее затронутых гуманизмом.

Однако последующие поколения авторов не пошли по пути искания образов как образцов этики и эстетики. Ближайшие годы отмечены нарастанием образов противоположных. Тут чеховский интеллигент — бессильный выродок, человек без семьи, государства и религии, с трудом прячущий свое отчаяние под маской веселья — нерадостного веселья. Тут горьковские босяки — человекозвери, мечтающие о всеобщей гибели и садистически вздыхающие от лицемерия всеобщей катастрофы, т.е., в сущности, космической смерти. «Чехов и Горький, — написал в «Грядущем хаме» Мережковский, — хотели показать, что человек без Бога есть бог, а показали, что он — зверь, хуже зверя — скот, хуже скота —

труп, хуже трупа — ничто»¹². Нарочито мрачный пессимизм Андреева (от которого Толстому не страшно — и жалко, что не страшно)... Извращенное любопытство Куприна («Яма»)... Похоронная песня Бунина — «Деревня». Бунин пишет: «Проклятая страна голода, нищеты и смерти... русские мужики за тысячу лет не научились землю пахать»¹³. Даже не верится, что это писал Бунин. Амфитеатров и Арцыбашев сосредоточиваются на образах людей, одержимых сексуальными уклонами. Кто сочтет — какое количество молодых голов испортило свое воображение над этими страницами? Очень яркий образ «идеального самца» дан в романе Фонвизина «В смутные дни». Это — Артемий Хорват, силач, красавец, сверх-эгоист из принципа, сверх-развратник от избытка плотских сил. Кажется, Фонвизин с благим намерением показал своего Хорвата — как противоядие коммунистическому коллективизму. Антиподы Хорвата роятся в «Мелком бесе» Ф. Сологуба: трусливые, скверные, жалкие людишки, какие-то насекомые с оборванными крыльями. Безобразие царит. Это сказывается и в скульптуре, где уродцы Ин. Жукова¹⁴ имеют необычайный успех. Быть может, самым зловещим знамением предреволюционного времени был Л. Толстой. М. Горький называет его — гения и «великого писателя земли русской» — злейшим нигилистом¹⁵. Возможно ли это? Но взглянем на отношение Толстого к тем трем ярусам, которыми мы характеризовали русскую жизнь. Толстой отверг православие, пытаясь заменить его (и не только для себя) холодноватым рационализмом. С православием Толстой боролся, исходя из гуманизма. Но опираясь на гуманизм в отрицании православия, он одновременно глумился и над гуманизмом — над современной ему культурой, школой, образованием и пр. Нечего и говорить, что отношение Толстого к государственности было абсолютно отрицательным. Следовательно, Толстой, действительно, был нигилистом (отрицателем) всех трех «ярусов», из которых складывалась тогдашняя русская жизнь: «греческой веры», «татарской государственности» и «европейского гуманизма». Этот распад старой России выразился у Толстого с большой наглядностью в «Воскресении». Как будто в противоречие «Мертвому дому» Достоевского Толстой показывает в «Воскресении» богослужение в остроге. В трактовке Л. Толстого божественная литургия, божественная не потому только, что она — служение Божеству, но и потому, что она является совершенным произведением искусства (сочетание совершенных образов, жестов, слов и мелодии) — представлена какой-то гнусной комедией. Толстой выразил униженный дух времени — он дал карикатуру, исказил и осквернил основной и высший образовательный устой народной жизни.

В.В. Розанов, подводя итоги жизнедействию русской литературы (в «Апокалипсисе наших дней»), сказал: то был красивый цветок, содер-

жавший в себе умерщвляющий яд...¹⁶ Сейчас, когда наши чувства пережжены апокалипсическим огнем революции, мы не повторим оценки Розанова. Творческие веления жизни помогают нам различать «добро» и «зло» русской литературы. В нашей душе восстанавливаются критерии этики и эстетики, утвержденные не на гуманистической относительности, но на религиозном Абсолюте. Различающий и отбирающий подход к русской литературе открывает ее и в новом и лучшем свете. Русская литература учит бесстрашию исканий истины и любви к истине. Это все верно — но верно и то, что преобладающие образы русской литературы недавнего прошлого были негативными.

Последним словом предреволюционной русской литературы (оно же явилось первым словом революции) был футуризм. Футуризм заключал в себе отрицание отрицания. Своей нарочитой безобразностью и склонностью к хаотическому безобразию он воочию показывал, что НЕ-ЛЕПОСТЬ, не-красота, не-этичность и не-эстетичность, возобладаввшие в последние предреволюционные годы в литературе, — опровергают сами себя. И вся революция являлась отрицанием всего строя и всего *образования* старой России в целом. Революция победила — наиболее радикальная часть революционеров провозгласила необходимость полнейшего выкорчевывания остатков прошлого, т.е., следовательно, уничтожение прошлых образов-образцов-критериев и создание принципиально новых. Создана была теория пролетарской культуры, независимой от какой-либо предшествующей культуры, строящей, так сказать, на голом поле. Пролеткультура намеревалась создать новые образы, показать идеального человека коммунистического общества. Отрицая образ Совершенного, опираясь на зыбкую почву относительности (коммунисты абсолютизировали относительность), пролеткультовцы выдавали вексель, возможность уплаты по которому вызвала сомнения у более трезвой части коммунистов, в том числе у Ленина. Собственно советский период русской литературы длился от (примерно) 1920 по 1934 год. В эти полтора десятка лет пролеткультовцы играли решающую роль если не в производстве литературной продукции, то в теоретическом управлении этой продукцией и ее критике. В 1934 г. на Съезде советских писателей было провозглашено требование «учиться у классиков», изучать фольклор¹⁷ — словом, был провозглашен лозунг возврата к литературной традиции и необходимости сочетания ее с опытом революции. Этим удостоверялась несостоятельность пролеткультовской попытки: пролеткульт своих самостоятельных образов-образцов (могущих выдержать испытание этико-эстетическими критериями) не создал. Рассмотрим вкратце проделанную советской литературой работу с образовательной точки зрения.

Для характеристики советской литературы чрезвычайно важно, что в самый первоначальный период ее развития преобладающим образом в ней был образ хаоса — «Метели». Отдельные человеческие лица неразличимы. С особенной силой передано, так сказать, осязание «буревой стихии» у Блока в «Двенадцати» и у Белого в «Родине» («Рыдай, буревая стихия»). Подлинным и центральным образом книги Ар. Веселого «Россия, кровью умытая» является опять-таки кошмарный хаос. Метель властвует на страницах Б. Пильняка, Замятина и др. — Необычайно важный момент! — душа страны оказалась в расплавленном состоянии. Она находилась в экстазе. Происходит исступление и произносятся пророчества. Именно в эти мгновения совершается мистический суд Божий над всем, что живет и дышит. В состоянии экстаза душа обнажена, она беззащитна, как первозданная материя. В ней может *вообразиться* (запечатлеться) образ Совершенного или противоположный ему. Решалась судьба *духа* страны и, следовательно, ее будущего. Состояние экстаза ответственно и судьбоносно потому, что в эти неуследимые мгновения вскрывается глубинная сущность бытийствующего субъекта, одержимого этим состоянием. В состоянии экстаза Федор Павлович Карамазов видит самку, Иван Федорович — черта... Глазами А. Блока мы видим впереди «Двенадцати» — Христа, слухом Белого мы слышим, как

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины, —
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны...¹⁸

Пророческий бред властвует над творческим воображением Есенина («Новый на кобыле едет к миру Спас» — «Инония»), Маяковского («Мы — сами Христос, мы — сами Спаситель»¹⁹) и ряда других поэтов. С *образовательной* точки зрения решающим является не то — где и в ком ищется и находится образ, но то, какой образ преобладает, побеждает при состоянии экстаза. Бога можно увидеть и в камне, и в созвездии. Замечательно, что мессианские настроения охватили в эти судьбоносные, экзотические годы и эмиграцию. Эмиграция и советская поэзия говорили, конечно, на разных языках. Но говорили — «бредили» — об одном и том же. Как раз в эти-то годы и под непосредственным воздействием этих исканий и откровений «в грозе и буре» — рождается Евразийство.

Но от «светозарного сна» о образе до его конкретного видения и — тем более — воплощения лежит далекий и тернистый путь. Когда-то на заре своего существования человек в одну из минут озарения и ослепительного просветления познал, что в душе его скрыто представление о

Божестве, что душа его несет в себе искру божественного пламени. Это познание помогло ему подняться: из ползающего стать вертикальным; в звере родился человек. Советской литературе пришлось проделать (в ускоренном порядке) путь от зверя к человекообразному, чтобы потом поставить проблему образа-образца, которому должен подражать человек.

Вместе с Б. Пильняком мы не можем назвать действующих особ в произведениях советских писателей начала двадцатых годов иначе, как «человеко-волками». В «Конармии» И. Бабеля, «Партизанах» и «Броне-поезде» Вс. Иванова, «18-ом годе» Ал. Толстого, «Барсуках» Л. Леонова, «Стране родной» А. Веселого, «Голом годе» Б. Пильняка и др. мы видим не людей, но зверолодей — чудовищ, вышедших из Апокалипсиса. Вот — казак, он зажал под мышкой голову еврея и осторожно, чтобы не закапать кровью штанов, режет ему горло. Вот — солдаты, они изнасиловали женщину, выбросили ее из вагона и «шутки ради, смеха для» — «пустили ей в спину несколько свинцовых приветов». Вот — крестьяне, они тщательно переломали все кости комиссарам, закопали их по горло в землю и целым стадом испражнились на их головы... В некоторых других произведениях, относящихся к описываемому периоду, зверское смешано с героическим — но каким героическим? — Это отвага тигров и орангутангов. Лишь в редких случаях героическое трактуется как воля к служению идее, как самоотвержение, как подъем от зверя к человеку. Сюда относятся Фадеев («Разгром»), Фурманов («Чапаев»), Шолохов («Тихий Дон»), Серафимович («Железный поток»). Лучше всех героический элемент представлен в «Балладах» Н. Тихонова («Балладе о синем пакете», «Отпускном солдате», «Гвоздях»).

Попытка создания образа героя была явлением положительным. Вероятно, этот этап был столь же естественным, сколь и неизбежным — и в каменном веке сначала очеловечились герои — вожди стада. Эти герои, сами похожие на чудовищ, осознали в себе волю к власти, управлению, организации. Развитие высших способностей стало необходимым. Водительство аристократизует, облагораживает. Водительство обязывает и принуждает. Водитель, вождь у всех на виду. Если он не будет на высоте своего призвания, не будет *образцовым*, ему предстоит падение в глубину. Вот почему в нормальном состоянии верхи общества (общества древнего или нынешнего) призваны к творению образов и являются *образованными*.

От литературы требуется, чтобы она создала такие образы-образцы. Не какие-либо отвлеченные размышления, а сама жизнь, творение жизни и ее упорядочение принудили обратиться к так называемому «соцзаказу»²⁰. Отягчающим обстоятельством было то, что создаваемый образ-образец

должен был соответствовать коммунистическому представлению о человеке — продукте механической игры материальных атомов. Литературе ставилось задание: создать образец человека вне зависимости от образа Совершенного — попытка исключительно важная. Здесь наметился перелом величайшего значения.

Старая, дореволюционная русская литература, воспитанная под явлением гуманизма и лишь изредка поднимавшаяся до своих религиозно-культурных истоков, искала образ-образец через показ не-образцов. Она как бы говорила: вот — Обломов, обломовщина — таким нельзя быть. Вот — Смердяков, смердяковщина — она гнусна, отжените ее от себя. Русская литература шла путем доказательства от противного. Этот путь завел ее в тупик, где без-образие и безобразия заняло положение образца. Социалистический заказ, при всех его пороках, имел то огромное преимущество, что он искал образ-образец в его подлинности, а не в его искажении. И так как каждый из этих путей, как и все в мире, подчиняется законам логики, то можно предвидеть, что поиск подлинного образа неизбежно приведет к сосредоточению внимания на образе образов — на Совершенном образе. В момент, когда это произойдет, осуществится и пророческий бред первых революционных лет.

Образы идеальных людей (гл<авным> о<бразом> коммунистов), выведенные в эпоху соцзаказа, поражают своей ходульностью, выдуманностью, вымученностью. Это не живые люди, а некие говорящие и действующие («строющие» — ведь идет в СССР строительство) абстракции. В «Цементе» Гладкова — первая ласточка этого рода произведений, в «Соти» Леонова, его же «Скутаревском», в «Рождении героя» Либединского, производственном романе Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» и мн<огих> др<угих> даны, и при этом с малой долей правдоподобия, образы строителей социализма. Нельзя отделаться от впечатления, что эти люди прикрашены и схематизированы одновременно. Но несомненно, достоинство этих образов в том, что они заставляют мысль идти в направлении поиска лучшего образа и в том — *какие черты* этих образов оцениваются как положительные. Каковы же эти черты? — это не великосветский шарм Онегина и не его изящное ничегонеделание; это не пышное печоринское самолюбование — пусть даже и под дулом пистолета; это не идейное праздношатайство всякого рода лишних людей. Новые люди новой русской — советской — литературы — люди примитивные, крепкие, самоотверженные, творческие, во всяком случае, деятельные. Они иногда развратничают, но не по-ставрогински или карамазовски (для Карамазовых противоестественное стало естественным) и не по-санински-арцыбашевски. Они сознают, что *это* — разврат, а не «Афины» в чаду огарков. Эти люди имеют определенный этический

**К.А. Чheidze. 1930-е годы.
*Личный архив М. Чheidze***

Мздок. В центре – старый дуб, ровесник города.
Фотография П. Карбанова. 2009

Старый Нальчик. Улица Воронцовская. Начало XX века.
Архив «Издательства М. и В. Котляровых»

Село Безенги, которое К.А. Чхейдзе посетил во время своего путешествия по Кабарде и Балкарии в 1916 году. Село и его жители описаны в книге «Страна Прометей» (Шанхай, 1932). *Фотография М. Чхейдзе. 2011*

К.А. Чхейдзе. Северный Кавказ.
Конец 1910-х годов.
Личный архив М. Чхейдзе

Прага. Вид на четыре моста.
Открытка. 1930-е годы. Личный архив А. Копришиевой

Прага, ул. Владиславова, д. 7.
Здесь в середине 1920-х годов находился Русский юридический факультет.
Фотография А. Гачевой. 2008

К.А. Чheidze. Прага.
Конец 1920-х – начало 1930-х годов.
*Литературный архив
Музея национальной письменности
(Чешская Республика)*

Пражские эмигрантские журналы,
в которых в 1924–1929 годах
печатался К.А. Чheidze

Фотографии к очерку К.А. Чхеидзе «Как живут и работают...»
Годы (Прага). 1928. № 6 (28)

...На фабрике зеркал

...В сапожной мастерской

...На табачной фабрике

...В вагонных мастерских

...На земляных работах

...В библиотеке

София Погорецкая. 1920-е годы.
На обороте надпись:
«Дорогому другу и автору, князю
Константину Александровичу Чхеидзе
на добрую память, его переводчица –
друг красивых и грустных дней
работы – преданная Ханум, 7-7-1941».
*Литературный архив Музея
национальной письменности*

К.А. Чхеидзе.
Вторая половина 1930-х годов.
*Фотография М. Сикоровой-Чхеидзе.
Личный архив М. Чхеидзе*

Книги К.А. Чхеидзе, переведенные С. Погорецкой:
«Страна Прометея» (Прага, 1932), «Глядящий на солнце» (Прага, 1935),
«Навстречу буре» (Прага, 1940), «Пророк в отечестве» (Прага, 1941)

К.А. Чхеидзе. Прага.
Середина 1930-х годов.
Личный архив М. Чхеидзе

Издания русской эмиграции,
в которых печатался К.А. Чхеидзе

Рекламный проспект издательства
«Вилимек», сообщающий о выходе
в свет 33-го выпуска книжной серии
«Библиотека Вилимека»: «Девять
выдающихся романов современной
чешской, французской, русской,
итальянской литературы».
Третий снизу – портрет К.А. Чхеидзе.
Личный архив Й. Вацека

Л.Н. Гомолицкий. 1930-е годы.
*Музей литературы
им. А. Мицкевича
(Польская Республика)*

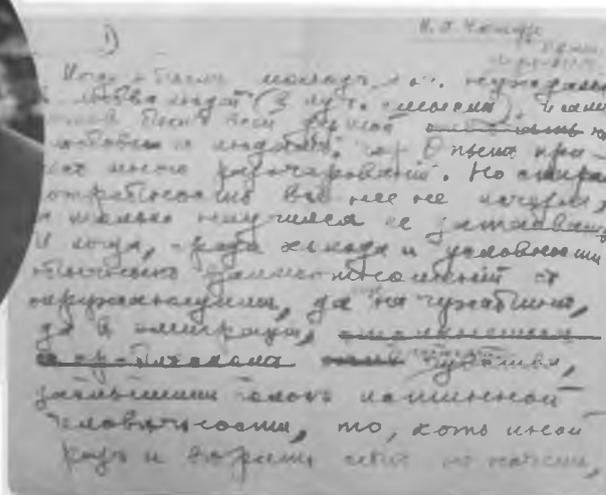
П.Н. Савицкий.
*Славянская библиотека
при Национальной библиотеке
Чешской Республики*

Л.В. Копецкий и К.А. Чхейдзе,
*создатели Кружка по изучению современной русской литературы
при Русском народном университете в Праге. 1930-е годы.*
Личное собрание М. Магидовой

В.Ф. Булгаков. 1927.
*Литературный архив
Музея национальной
письменности*

Черновик письма В.Ф. Булгакова К.А. Чheidзе. 1936.
Литературный архив Музея национальной письменности

Збраславский замок. Вторая половина 1930-х годов. Здесь в 1935–1944 годах размещался Русский культурно-исторический музей, директором которого был В.Ф. Булгаков.
Личный архив А. Копришиковой

Маркета Сикорова и Константин
Чхеидзе в год свадьбы.
Прага, вилла Николайка. 1936.
Личный архив М. Чхеидзе

Супруги Чхеидзе в Праге.
Вторая половина 1930-х годов.
Личный архив М. Чхеидзе

За пишущей машинкой. Прага, вилла Николайка. Вторая половина 1930-х годов.
Фотография М. Сикоровой-Чхеидзе.
Личный архив М. Чхеидзе

В Ужгороде. 1938.
Личный архив М. Чхеидзе

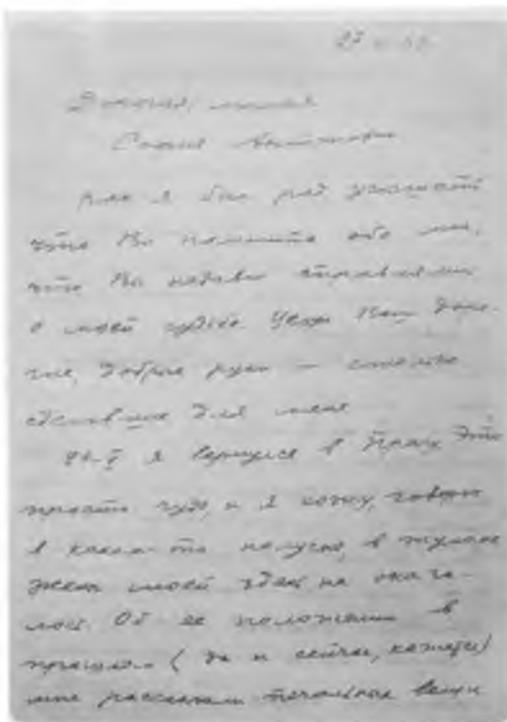

Прага. Сеноважная площадь, д. 20. В этом доме семья К.А. Чheidзе проживала в годы Второй мировой войны. Здесь 31 мая 1945 года писатель был арестован СМЕРШ.
Фотография А. Гачевой. 2008

К.А. Чheidзе
по возвращении из лагеря. 1955.
Литературный архив Музея национальной письменности

Письмо К.А. Чheidзе
С. Погорецкой по возвращении из ГУЛАГа. 27 мая 1955.
Литературный архив Музея национальной письменности

С дочерью Марией в лесу.
Роуднице-над-Лабем.
*Фотография М. Сикоровой-Чхеидзе.
Личный архив М. Чхеидзе*

С дочерью Марией. Игра в индейцев.
Роуднице-над-Лабем.
*Фотография М. Сикоровой-Чхеидзе.
Личный архив М. Чхеидзе*

Дом в Роуднице-над-Лабем, в котором с 1963 года жила семья К.А. Чхеидзе.
Фотография. 1980-е годы. Личный архив М. Чхеидзе

К.А. Чheidзе – переводчик в Торговой палате. 1971.
Одна из последних фотографий.
Личный архив М. Чheidзе

Роман К.А. Чheidзе «Невеста гор» (Братислава, 1971) и сборник сказок и легенд «Орлиная скала» (Прага, 1958), изданные под псевдонимом «Ал-Костан»

устой — вопрос в том, чтобы улучшить, поднять, усовершенствовать этот устой. Задача трудная, но осуществимая. От этики примитивной к этике облагороженной, соотнесенной с этикой высшего образа, — лежит прямой путь. Образ-образец *трудящегося уже* преодолел Обломовых, чеховских интеллигентов и горьковских босяков. образу трудящегося предстоит подняться до образа Творца. В свое время Гоголь, пытаясь в противоречие «Мертвым душам» создать души живые, сосредоточился именно на творческом мотиве человеческого поведения. Костанжогло — прежде всего добрый хозяин, деятель-творец. Гоголь исходил из интуиции, что «в творчестве человек наиболее подобен Творцу» («Мертвые души», ч. II).

Съезд советских писателей (1934 г.) подтвердил и расширил работу писателей в области поиска и создания образа*. Наряду с учебой у классиков было признано необходимым черпать материал из фольклора. «Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей... Иванушка-дурачок и, наконец, Петрушка, победивший доктора, попа, полицейского и даже смерть (говорил Горький), — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рациона и интуицию, мысль и чувство (следовательно, скажем от себя, это целостные образы, намек на образ Совершенный и приближение к нему)... Фольклору совершенно чужд пессимизм... он создан коллективом, а коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в победе над *всеми* враждебными ему силами»²³. Поворот к фольклору. Не есть ли это начало поворота к искусству и образам религиозной культуры, создавшей фольклор?

Делать какие-либо дальнейшие заключения относительно образовательных поисков и воплощений в советской литературе преждевременно. Я остановлюсь лишь на двух переживаниях, дающих, как хочется верить, проекцию на ближайшее будущее.

Одно — касается мотива творчества, другое — верования, надежды, почти религиозного исповедания. Вот эти отрывки:

«Когда я впервые сложил в типографии крепкую, не шатающуюся, словно литую строку — я словно обезумел от счастья. Я улыбался, я носил эту строку целый день на своей ладони и так лег спать... Мике-

* Советская литература тридцатых годов продолжает линию развития «соцзаказа», но делает это с большим искусством и достигает более качественных результатов. Образы, заключенные в книгах Б. Горбатова «Мое поколение», Ф. Гладкова «Энергия», Воиновой «Самоцветы», «Восток и Запад»²¹, Ф. Панферова «Бруски», М. Шолохова «Поднятая целина», Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» (Ясенский, несомненно, имитировал советских авторов, но имитировал удачно) правдоподобны и подчас привлекательны. Из молодых советских писателей наиболее привлекательные образы находим у Горбатова, Павленко, ВИЖ-Северского. Героиня последнего Лила («Лиловые маки») — девушка милосердная, самоотверженная, смелая, скромная и чистая. Она читает Пушкина и говорит о нем: «Неподражаемая правда о жизни, простота»²².

Константин Чхеидзе

ланджело, побеждая мрамор, был менее счастливым творцом, чем я» (Б. Горбатов. «Мое поколение»)²⁴.

«Вы, люди будущего, счастливые дети свободы! Знайте, что мы строили наш новый мир с большими страданиями и лишениями. Мы не только творцы, но и ассенизаторы. Мы во имя будущего человечества взяли на себя все болезни, все муки переходной эпохи. Грязь, кровь, пороки пережигаем мы в себе и собою. Самоотвержение — это то, что когда-то энтузиасты-мечтатели, римские рабы, выразили очень крепко: “воскреснет, смертью смерть поправ”» (Ф. Гладков. «Энергия»)²⁵.

— Что? Кто воскреснет?

ПУБЛИЦИСТИКА

КАЗАЧЬЕМУ СПОЛОХУ

Каждое поколение живоносность свою черпает из какой-то, ему присущей, веры в свою правду. Искание правды для всех, ярко светившее в первые месяцы русской революции, реализовалось в виде известной «Правды» советской. Ее популярность была безгранична. Ныне эта «Правда», являющаяся отражением советского слова и дела, — жесточайший укор русской интеллигенции: вот во что вылились идеалы, стремления и жертвенная любовь нескольких поколений.

Но не к злорадству зовут эти слова и не к плачу израильскому на реках Вавилонских призывают. Они требуют смелости новых исканий.

Пусть молодой журнал будет выразителем настроений молодого поколения, пусть отразит тенденции и спектры его исканий. Пусть будут промахи и падения, пусть мысль забредет в тупик и ушибется. Пусть ушибется дух, как ушиблось тело, а признанные умники пусть смеются над нашими неудачами.

Больше смелости, больше смелости — вот что нам нужно.

* * *

Вера, правда молодого поколения — уже высказывалась. И уже испытывала нападки, уколы, насмешливую иронию. Пусть будет ирония. Надо иметь храбрость говорить честно. Честное слово — индивидуально сказанное — родит правду жизни нашего поколения.

Так больше смелости, полная честность и много-много, бескрайно много, веры.

* * *

Наша вера прошла бесконечный ряд испытаний. Она закаливалась в огневом горниле боя, она крепла в эвакуациях. Наша вера светила в камерах Чеки и цвела в чадных тюрьмах. Ее плавил лемносским солнцем, закапывали в болгарских рудниках. Заглушали молотами европейских заводов, увозили за океан — в Бразильские леса.

И разве умерла наша вера? Разве исчезла?

Самой ядовитой волной, девятым валом русской бури была ненависть. Она захлестнула Россию. Когда решался вопрос быть России — Россией или «СССР», т.е. быть Ей или не быть, — ненависть решила: не быть. И легкое опьянение радостями мартовской революции — сменилось: черным угаром октябрьской ненависти.

Люди, не классы, не сословия, не социальные группы, не граждане, а просто люди возненавидели друг друга. Возненавидели какой-то безликой, беспредметной ненавистью. Озлобились на самую жизнь. На идею жизни. Именно поэтому происходили стихийные зверства, где-то на глухих станциях, хуторах, кварталах. Люди убивали людей, самих себя. Ненавистен был не буржуй или офицер, не коммунист или красноармеец — ненавистен был живой человек.

Этот момент был самым острым, критическим во всей «истории болезни» России.

Тогда Москва монополизировала власть и право на смерть. Москва монополизировала Россию. Тогда произошли великие расколы; все живое трепетало частично, а огонь жизни прекрасной единой России — угас.

Жизнеспособные части, борясь с советской Москвой, боялись призраков всякого монополизма. Маленькая действенная любовь к себе, к своему — боролась с ненавистью всероссийского масштаба, живая Россия мыслилась по частям. Так она раскололась идеологически и территориально.

Отдельные народы и народности — части России — борясь за бытие и против советского монополизма — искали собственных «парцелятивно-национальных» путей. Идея парцелятивного местного национального величия явилась живоносным стимулом в некоторый данный период антибольшевизмского движения. Ее горению многим обязан внутренний огонь, создавший белое движение. Но эта же идея и ослабила и разбила общий подъем на множество частичных, местных сопротивлений, чем облегчалась советизация всех частей России.

Переживание идеи национального величия частями России — есть брожение одной общей идеи национального величия России. Эта идея пребывала и пребывает еще как бы в рассеянии, преломляясь более или менее отлично в миллионах русских натур, в сотнях народов России.

Но такое рассеяние и раскол не долговечны. В 1917–20 гг. превальванция местного над общим являлась действительным фактором в защите своего края от московского монополизма. Последующие годы растворили местное в общем; части осознали, что только общий день рассеет общую ночь.

ПУБЛИЦИСТИКА

После великого раздела территориального и раскола идеологического — наступает новая эра, эра великого объединения под сенью действенной идеи — национального возрождения и величия России. России бесчисленного числа племен и наречий; бесконечно богатой самоцветными гениями многих народов, рождающих ныне единый могучий, всеобъемлющий, всем понятный, близкий и родной — гений любви и творчества, гений грядущей России.

* * *

Мы верили и верим, что раскол — процесс временный, преходящий. Он был вызван страхом перед ненавистью и гибелью; он завершится силой любви, силой действенной любви. Действенная любовь есть жизнь, жизнь есть творчество. И мы верим: разрушенная ненавистью — Россия возродится любовью. Расколотаая страхом — Россия найдет себя, великую, осиянную, найдет в творческом самосозидании. Мы верим в Россию. В этом правда нашего поколения. Триада символов нашей веры — Россия, Любовь и Творчество.

* * *

Триада символов нашей веры: Россия, Любовь и Творчество.

Россия — это то, что должно создаться любовью, что ею творится.

Любовь — высшее цементирующее начало, сильнейшее крови и смерти. Любовь должна и любовь только может воссоединить, оживить и поднять Россию.

Творчество — глубоко личное, но под верховным законом проходящее делание; творчеством окрыляется и осмысливается жизнь. И это окрыление — Любовь. И смысл — Россия.

* * *

Нам понятна великая ответственность, возложенная на нас событиями последних десятилетий. Эти события мы мыслим в развернутой перспективе прошлого, настоящего и будущего нашей Родины. Объяснение сегодняшнему дню мы ищем во вчерашнем. Пути и горизонты завтрашнего дня — ставятся нами в консенсуальную и необходимую зависимость с переживаемым моментом. Ценой постоянного напряжения всех духовных сил — мы преследуем уловление и уяснение всяческих реальностей.

Именно это-то последнее стремление нашего поколения и вызывает ироническую критику со стороны молодых и старых «отцов».

Впрочем, мы не дети. Во всяком случае и точнее — не их дети. Ибо: наш лозунг — строительство России во что бы то ни стало; их характернейшая черта — преклонение перед карточно-программными домиками. Кстати сказать, домиками, обладающими ядовитым свойством увлекать в своем падении здания, созданные «беспрограммными» усилиями сотен и сотен поколений; созданные историей и жизнью.

Мы не отвергаем сплеча прошлого русского народа. Прошлое — наши корни; *наши*, независимо от того, нравятся ли они нам или кажутся безобразными. Они — наши, — и мы с ними считаемся.

* * *

«Отцы» стремились всеми силами и (sic!) средствами к стабилизации русской действительности под исповедуемые ими идеи. И хотя по существу идеи различались в силу привнесения того или иного оттенка, все же может быть указан некоторый признак общий для всех; признак, объединяющий и характеризующий политико-идеологические группировки. Он заключается в подходе к разрешению поставленных и преследуемых задач. А именно: все группировки толковали о том, «какой Россия должна быть». (Для того, очевидно, чтобы заслужить их одобрение. — К.)

Наш подход иной. Мы становимся на путь к исследованию: «при каких условиях и какими способами можно исправить недочеты и недостатки русской жизни».

Конечно, наши желания уже «отцовских». Это правда: гораздо уже. Но — это ограничение своих заданий требованиями момента; экономия сил, направляемых на удовлетворение запросов текущего за счет игнорирования мечтаний о воздушных замках, — словом, эта узость — и есть одна из тех реальностей, считаться с которой нас научила жизнь.

В то время как некоторые «отцы» озабочены совершенствованием в искусстве «умственных кувырканий» по поводу и «по вопросам программы и тактики»*, — мы предпочитаем начать с ближайшего, предпочитаем заняться проверкой и подготовкой самих себя.

«Плана» у нас действительно никакого нет; определяющим же моментом нашей деятельности и наших исканий является переживание идеи самосозидания России.

* * *

Иногда нас называют консерваторами. И совершенно несправедливо. Как далеко отстоит это определение от определяемого им! Нет, мы не консерваторы; мы были бы счастливы достигнуть, заслужить неустан-

* См., напр<имер>, «Революционная Россия» № 33–34¹ и др.

ным деланием — высокое звание администраторов жизни^{*}. Хотели бы стать администраторами жизни — в самом широком, самом развернутом и непременно динамическом значении этого понятия. Служить велениям жизни; чутко прислушиваться к ее биению, запросам и требованиям; уметь разобраться в ее нуждах — моментанных и длительных; со знанием дела реагировать на каждый данный момент — вот наши задачи, наши пути.

И мы верим, что, следуя этим бегло и неполно очерченным методам, мы сумеем избежать провалов в духе современного русского *De profundis*²; не кинем отравленные ядом ненависти и разрушения лозунги октября — народам нашей Родины.

Сухой догме и отвлечением созданным рецептам социального строительства, легшим в основание «русского опыта» (1917 г. — по наши дни), мы предпочитаем путь частных и общих композиций^{**}. Единственно возможный, по нашему разумению, путь, ведущий к возведению «потрясенных основ». К исправлению изломанной, изувеченной России.

* * *

Самая же глубокая различность наших мировоззрений заключается в том, что мы отыскиваем ключ к уяснению и осознанию той или иной исторически данной картины социального бытия, исходя из законов и конвенциональных условий, характеризующих именно эту, исторически данную картину. Мы считаем, что о всякой историко-социальной данности нельзя судить иначе, как только руководствуясь вытекающими из нее самой определительными тенденциями.

Они (именующие себя «отцами»), они же базировались (и сейчас продолжают слепо держаться своей «базы») на логически стройных, теоретически завершенных, но *глубоко искусственных* схемах. Их схемы — продукт абстрагированной спекуляции. В противоположность им они верили и верят, что их теории до конца универсальны.

В то время как они с претензией на овладение «последним словом» и, что хуже, с непонятной самоуверенностью в собственном умении претворить «слово» в жизнь пресекли естественную эволюцию России, кинув ее в переживаемый ужас, мы отчетливо сознаем и глубоко переживаем «звенность» нашего поколения. Мы не претендуем на «последнее слово», не беремся в два-три месяца переродить Родину из

^{*} С удовольствием заимствую этот полный смысла и энергии, направленной на создание, термин из юриспруденции. — К.

^{**} Тоже юридический и тоже полный смысла и жизненности термин (ср. Герцен, II т., стр. 253, «composite»)³.

«полицейско-бюрократического государства» в «самую свободную республику в мире»*.

* * *

«Отцы» руководствовались в своей деятельности, по преимуществу, исходя из критерия долженствования. Явления жизни ими мыслились и оценивались, если так можно выразиться, в аспекте долженствования. Понимание же и интерпретация «должного» вообще — черпались ими главным образом из иностранных и иноверных источников. Этими-то обстоятельствами и объясняется в большой мере их растерянность и недоуменность при первом столкновении с реальной русской обстановкой. И эта растерянность и недоуменность вскрыли их туманное знание и путаное понимание последней.

Мы учитываем печальный «урок» и ставим себе непрременным долгом ни в каком случае не терять «чувство локтя» с потоком социальных феноменов и относиться с полным сознанием к факту своего пребывания в самом процессе жизни. (А не вне ее, не под нею.) Мы понимаем свою «временность», свое лишь «сегодняшнее» участие в процессе становления и развития социального бытия...

Мы готовим себя к практике; к практике по преимуществу. Черная работа нас не страшит, не отталкивает — но привлекает. «Словечки» и «направления» нас не увлекут. Ибо мы обладаем надежным критерием для их распознавания. Наш критерий — творчество. (А не разрушение, хотя бы и для того, чтобы «потом» создать.)

С еще большей резкостью мы отмечаем злую, человеконенавистническую фразенку: «в борьбе обрешь ты право свое»**.

Напротив, не в борьбе, а только в добром согласии, во взаимопомощи, в сознании взаимозависимой взаимодейтельности *всех* социальных групп, и только в этом, мы видим возможности осуществления для всех же права на достойное существование, права на самую жизнь. Т.е. видим

* См. или вспомните передовицы газет (очень многих) за апрель, май 1917 года.

** Передо мной номер «Революционной России» и «Известия» № 64 (2099) от 18-III-1924 г. «Рев<олюционная> Россия» украшена призывом: «В борьбе... и т.д.»⁴ «Известия» заключают следующ<ие> строки:

«Мы переживаем период, когда диктатура пролетариата должна уничтожить классы. Это достигается не только физической борьбой, но и по рецептам Ленина».

Вот эти рецепты:

«Диктатура пролетариата есть упорная борьба — кровавая, насильственная, но и бескровная» (?)...⁵

Диккий лозунг «борьба», зовущий к смерти и разрушению, — и там и здесь.

Разница между «Рев<олюционной> Рос<сией>» и «Известиями» та, что первая — как бы «борьба» в потенциальном состоянии. Вторая отражает динамику принципа «борьба».

Но принцип — для обоих один и тот же.

возможности осуществления тех как раз прав, кои в *принципе* отвергаются этой самой фразенкой.

* * *

Быть может, кому-нибудь покажется слишком «обывательским» такое толкование лозунгов; лозунгов, столь долго служивших спичками и мехами для раздувания мировых (и иных) пожаров.

Пожалуй, пусть расценивают и так.

Все же мы, видевшие реакцию масс на французскую прививку; испытывавшие, так сказать, динамику принципов эгалитарности, свободы и т.д., — мы позволим себе оставить за собой некоторое право на истолкование этих слов. И именно с точки зрения вызываемой ими реакции. Мы коротко знакомы с динамической стороной разбираемых лозунгов...

Нет! не в борьбе классов, состояний и народов, а в единении, в необходимой, естественной, реальной взаимозависимости их; в консенсуальной природе всякого нормального правопорядка; в равновесии экономооборота; во всем существе социального лада, — в этом, и только в этом, мы находим отправную точку к достижению мирного творческого подъема всех социальных сил.

* * *

А может быть, мы еще недостаточно развиты и не сумели, благодаря этому, разобраться в логике (конечно, правильнее было бы сказать — в *политике*) верховного плана «отцов», счастливо сочетавшем в себе и «братство» и «борьбу»?

— Может быть! Но мы и не стремимся к *такому* развитию. Такое развитие слишком казуистично, схоластично. Оно необходимо было для звания «иезуита от революции». Мы к нему не стремимся. Нами проведен резкий водораздел между «игрой ума» и явлениями жизни. И познание последних — наша цель.

* * *

При всем том мы далеки от желания заводить тяжбу с «отцами». Их словоохотливость обеспечила бы нескончаемость «судебного разбирательства». Да наконец есть области более привлекательные, нежели тяжба по иску «отцов», направленному против оскорбительной улыбки «обманутых сыновей». Нам некогда на этом останавливаться: мы учим Россию*.

---

* Т.е. изучаем. — *Ред.*

Константин Чхеидзе

Не «кондовую», не «толстозадую», не «революционную», не «много-
мятежную», не «тройку — Русь», — а настоящую, подлинную Россию.

Она нам дороже.

Подлинная Россия есть сложенное и слаженное единство, ныне ис-
коверканное и изуродованное усилиями этих и подобных им господ.

* * *

Нашим путеводным светом была и есть Россия.

Нашим критерием — Творчество.

И всеопределяющим стимулом — Любовь.

МЫСЛИ О МАРКСИЗМЕ

Учение Маркса есть завершение длительного процесса смены разнокачественных форм, регулирующих соц<иальную> жизнь людей. В процессе этом можно установить три момента. Первый относится к времени светского владычества Римского Папы. Обожествленный Папа главенствует в мире. Ему подчинены монархи и народы. Народ признает монарха — монархом (и законодателем) потому, что заместитель Бога — благословил его повелевать. Поэтому все повеления-нормы приобретают божественную благодать и мыслятся установленными Богом. Момент второй приурочивается к смене государства теократического — светско-правовым. Истина полагается не в Боге, а в праве и справедливости. То и другое познается и достигается разумом. В XVIII в. вера вытесняется разумом и богоустановительные нормы уступают место нормам правоустановительным. Дальнейший процесс рационализации подготавливает почву для веры в безусловную непогрешимость науки. Истинным (к XIX–XX вв.) признается лишь то, что научно доказано и научно обосновано. Поэтому доктрина Маркса, построенная *естественнонаучным* методом, получает широкое признание в качестве единственно истинной. «Жизнь должна строиться не на основе права, а на основе науки. Наукоустановительные нормы — они одни — могут и должны создать благоденствие и устроить социальн<ую> жизнь» — утверждает марксистское материалистическое учение.

Монизм соц<иального> бытия заключается в том, что смена различных форм хозяйства определяет и влечет за собой смену идеалов и форм общности.

Материалистическое понимание истории ставит себе задачей представить социальное развитие в целом как естественный процесс, законы которого мы в состоянии открыть. Оно различает частные законы (нормы, устанавливаемые наукой), имеющие значение для отдельных историч<еских> явлений, и основной, формальный закон. К частным законам относимы, напр<имер>, законы, внутренне присущие капиталистическому способу производства (прибавоч<ая> ценность, кризисы и т.д.). А основной закон выражает необходимую зависимость всякого общественного бытия от соц<иального> хозяйства; этот закон приложим ко всякой социальной теории. Именно на нем, как на основном,

строят свое значение и право на научную ценность — все остальные частные законы.

* * *

Из сказанного следует: сознание людей и бытие соц<иальной> жизни являются как бы функцией соц<иального> хозяйства. Интересы хозяйства доминируют над другими переживаниями индивида (класса), а глубочайшая из всех существующих проблем есть проблема хозяйственных отношений.

Так ли это? Ведь есть более глубокие проблемы и более важные отношения! С гораздо большим успехом можно утверждать, что глубочайшая и всеопределяющая проблема — есть проблема смерти. И формуле марксизма: «социальное бытие есть функция соц<иального> хозяйства» — может быть противопоставлена другая: «соц<иальное> бытие есть функция социальн<ой> смерти». Ибо конечные отношения борьбы за бытие — все равно какое: индивидуальное, родовое, социальное, национальное... космическое, наконец, — сильнее, глубже и шире, чем конечные отношения марксизма, т.е. отношения борьбы за существование. *Борьба за бытие не замыкается рамками борьбы за существование...* — когда индивид вызывает на дуэль, то, разумеется, он борется не за свое органическое существование, а за свое социальное (напр<имер>, дворянское или офицерское), юридическое, может быть, религиозное *лицо*; словом, за свое *бытийное* пребывание.

Самка, жертвующая собой в борьбе за детеныша, вопреки инстинкту самосохранения, т.е. опять-таки существования, — тем самым защищает свое родовое «я», в этом смысле свое *бытие* (как оно воспринимается ее над-органической природой).

Народ, т.е. данное в отрезе времени народонаселение, посылающий на смерть миллионы существований, борется, конечно, не за одно (или едино-) поколенное существование, а за национальное бытие...

Наконец, в мире Космоса, где сталкиваются начала космоса и хаоса, высшее значение этой борьбы заключается не в отстоянии Космоса только как данного, но и как идеи Божественной гармонии. Здесь осуществляется, скажем, не Солнечная система как таковая, но и как Верховная Единая Система, пресуществляемая (бытийствующая) не здесь только, в части мира, а во Вселенной...

Таким образом, борьба за бытие непременно сопряжена с некоторым идеальным моментом должного, который со-присутствует, даже *вне* зависимости от результатов борьбы существований. Борьба же за существование ограничена, как в идее, так и в восприятии, круговоротом бесформенных явлений.

* * *

Создатели марксизма, насквозь пропитанные угарным духом европейской цивилизации, ошеломленные ее успехами, вообразили, что европ<ейск>ая цивилизация — есть альфа и омега цивилизации всемирной; и что европ<ейск>ая культура — есть колыбель и конечное слово культуры вселенской. На этом убеждении строится вера в универсальную общезначимость создаваемых или научных норм... Все процессы — безлики, материальны, одинаковы; все, везде, всегда протекает по законам, которые познаются научным методом Маркса... Не оглядываясь назад дальше XVIII ст<олетия>, а если и оглядываясь, то меряя все исторические процессы на свою, отметающую Бога и индивидуальное «я», мерку; не вникая в сущность культур Ближн<его> Востока, индийской, китайской и т.д.; они, бегло прочитав страницы веков, с величайшим апломбом и в тогах прорицателей — дают человечеству новые скрижали... Выдавая свои шаткие построения за нормы (законы), установленные наукой, — они отменили Бога, право и правоустановительные нормы, вещая, что их наука выше всех этих рефлексов и надстроек над экономическими отношениями; что наука — это они сами... и что Бог — это равенство и ненависть в борьбе классов и пищеварение...

И конечно, успех марксизма объясняется не тем, что его выводы — «законы» — действительно общезначимы, т.е. приложимы ко всякой соц<иальной> жизни. Успех надо отнести не за счет глубины и истины этого учения, а за счет духовно-психологического момента, переживавшегося средой европейских народов в последние десятилетия... Освобожденный от тисков схоластики в эпохи Ренессанса и Реформации человеческий ум должен был дойти до конца в своем отрицании и материализации. Сама Реформация не есть богоискательский и богоотстаивательный русский раскол: Реформация не только богоискание, но и богоборчество. Слова Лютера: «Высшей ступенью веры будет вера в милосердие Того, Кто столь немногих спасает, а осуждает столь многих; вера в справедливость Того, Кто, по словам Эразма, как бы наслаждается пытками мучеников; Того, Кто заслуживает больше ненависти, чем любви... Если бы я разумом мог постигнуть, каким образом может быть милосердным и справедливым тот самый Бог, который высказывает столько гнева и злобы, — то мне не нужно было бы и веры!» (De servo arbitrio)* — эти слова ясно указывают на человеческое усилие воли к вере, борющейся негодующий человеческий разум. И в этой насильственной согласованности уже заключается в потенциальном состоянии раздвоение, предполагавшее и гонения гугенотов, и... материалистическое понимание истории, основанное естественнонаучным методом Маркса. Сказать заключительное

* «Основы морали и религии». Афр<икан> Спир.¹

слово богоборческого направления Реформации — досталось Марксу и его ближайшим ученикам. И среда охватила это «слово», поверила ему; поверила пророкам и обоготворила их, и пошла за ними, чтобы рухнуть в кровавую мешанину последних лет... Наши дни надо понимать как конец Реформации и начало новых религиозных исканий и достижений.

* * *

Марксизм — это антинациональная, собственническая и религиозная прививка. В известном смысле можно сопоставлять его с вакцинами, существующими против холеры, тифа... Введенная в организм вакцина потрясает его и обновляет к новой жизни. Вакцина марксизма, будучи по природе своей антинациональна, антирелигиозна и т.д., возводит это «анти» в квадрат и достигает обратных результатов там, где есть чему реагировать. Марксизм — кривое зеркало, заглянув в которое, человек с новым усердием начинает искать и любить привычное свое изображение, выработанное веками.

Марксисты — лучшие будители тех чувств, вытравить которые они стараются в человеке: проповедуя растворение личности в классе, нации — в интернационале, Бога — в производственных отношениях, — они достигают противоположных результатов. Т.е.: возвышение личности, довлеющей себе; очищение идеи национального величия, беспокойного и страстного искания Бога... душой, обманувшейся в истинности «конечнословия» научных выводов Маркса.

* * *

Марксизм утверждает, что гражданское или социальное сознание является продуктом производственных отношений; что мнения о том, что есть соц<иальная> справедливость — различны у отдельных классов и сословий. На базе экономических отношений формируются социальные группы, т.е. те же классы, касты... из людей, со специфической, только данному классу* присущей моралью, философией, религией. Иными словами, марксизм принял за аксиому положение, что соц<иально>-хозяйственные отношения обуславливают и создают то, что может быть названо «социальной породой» людей.

Таким образом, марксизм, как идея и научное толкование исторических процессов, есть не более как продукт производственных отношений только *данной среды* (класса), а философия маркс<изма> есть философия какой-то одной определенной «социальной породы» людей... Почему же это учение распространилось на многие народы, сословия и касты и при-

* Данной соц<иальной> группе вообще.

вилось им? Почему учение Маркса, *несмотря* на то, что оно является продуктом определенной среды, проникло во многие среды?!

Конечно, не одни производственные отношения, а вся сложная совокупность влияний (от антропологических и антропогеографических до космических включительно), весь сложный многообразный комплекс факторов — поддающихся и не поддающихся человеческому учету — образуют в своем воздействии на индивидов то, что может быть названо не «социальной породой», а «социальной природой» индивидов. Можно себе представить «классификацию» индивидов по схеме координат. И если признак «породы» заявляет свои притязания на помещение в ряде горизонталей, то с еще большим правом признак «природы» индивидов занимает свое место в ряде вертикалей. Без сделанного разграничения «породы» и «природы» было бы даже непонятно, каким образом «классовая идеология» пролетариата распространилась на все соц<иальные> группы.

* * *

Эта идеология создана ради политической программы: политическими целями оправдывается мораль и философия марксизма, а не наоборот. И если программа, т.е. теория классовой борьбы, рассчитывающая на образование социальных групп по признаку «породы» индивидов (класс, сословие...), — потерпела фиаско, то главным образом потому, что действительными началами соц<иальной> жизни являются не экономически однородные* группы людей, а какие-то иные, не фиктивные, а подлинные действительные образования. — И таковые образуются по признаку «природы» индивидов... Такие процессы, как война, революция, раскол, бунт и т.д., в странах культур молодых или не выявленных еще в некую типически-целостную завершенность (Россия, Балканы, Америка...) — обнаружили несомненную черту, что концентрация социальных сил происходит именно по указанному признаку. И если материалистические теории успели убедить многих представителей европейской научной мысли в том, что жизнь есть борьба классов, что самый «класс» — не фикция, а какое-то реально себя осуществляющее волевое единство; если, уступая такому пониманию, мы представляем себе различные «породы людей», располагающиеся по горизонталям, — то для уразумения истинного положения вещей необходимо осознать, что для действительных социальных образований необходимо контактирование индивидов, происходящее по совсем иным мотивам. То есть *не* по мотивам хозяйственного интереса. Контактное индивидов по вертикалям, о котором идет сейчас речь, происходит по мотивам гражданских переживаний, каковые и образуют и характеризуют «социальную природу» людей.

* То есть классы.

Например, существуют природные государственники-националисты; а есть интернационалисты и космополиты — «по натуре». Действительно, живет Христианская Лига, Военная Лига² и т.д. Известны также природные анархисты, антигосударственники. Как исторический пример контактирования индивидов по гражданским переживаниям — можно упомянуть братство св. Игнатия Лойолы³. Все эти образования не только не поглощаются классами, но, напротив, живут очень реальной и чрезвычайно, подчас, действенной жизнью (вне и над классами). Самое так называемое «классовое сознание» явилось *после* того, как марксова теория классовой борьбы появилась в свет. И в связи со всем изложенным позволительно задаться вопросом: *нашел ли* больше Маркс классы в соц<иальных> средах или больше *создал их*?!

* * *

Иногда представляется, что учение Маркса есть преломление мистической идеи миродержавия — сквозь угольный дым английской промышленности и страстную властолюбивую натуру самого Маркса. Дым, губивший рабочих, к которым и была по преимуществу обращена проповедь марксизма, — культивировал ненависть, культивировал идею борьбы. Маркс, пережив обстановку, создал теорию классовой борьбы во имя победы пролетариата над всем миром. Тут — улавливается некая связь между идеологией Древнего Израиля, избивающего целые народы, чтобы овладеть миром, и идеологией марксизма, благословляющей пролетариат — избранный класс! — на избивание других классов; для осуществления единой интернациональной власти, для и ради миродержавия... В найденной борьбе, по свойствам природы своей, может быть бессознательно, Маркс *должен был* возложить на кого-то печать и ореол избранничества. Отсюда — характернейшая черта: *избранным* оказался один класс — пролетариат... Широта мышления у Маркса была огромна. И он мог себе представить бесконечную перспективу борьбы и *сменяемости* классов. Но представлять так — значило бы отказаться от идеи избранничества, а этого он сделать не мог по внутренней сущности своей природы.

* * *

Учение Маркса есть материализованная (т.е. втиснутая, приложенная к определенной группе людей) идея ненависти-борьбы и предопределенного избранничества. Представители народов, каст, сословий и т.д. принимали и принимают это учение не потому, что оно научно, истинно; не потому, что сулит впереди благо и «земной рай», — а потому, что человеческой природе свойственно переживание борьбы, ненависти и разруше-

ПУБЛИЦИСТИКА

ния. У некоторых исключительных натур (вожди) к этим переживаниям присовокупляется переживание идеи миродержавия и выявляется стремление к осуществлению ее...

* * *

Учение Маркса получит особый оттенок, если сопоставить его с учением Христа и учением Будды. Насколько учение Христа есть безусловное абсолютное благо, настолько же учение Маркса есть зло. А медлительная проповедь Будды — безличная и равнодушная — между ними.

Вот что они говорят:

Учение Христа: заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга...⁴ Заповедь обращения ко всем и во имя всех. Здесь переживание действенной Любви.

Учение Будды: стократное милое роднит стократное страдание. Не любви и не ненавись никого и ничто. И не себя. Возвысься до равнодушного созерцания и переживай Нирвану.

Учение Маркса: истина рождается в конфликте. Борись со всеми и обрети в борьбе свое право. Пролетарий, избранный! уничтожь врагов, победи всех и владей миром*. Переживание ненависти, Зла.

Август 1924

---

* Видимым, животно-материальным.

ОТ «НИИЛ'Я» К «НИЧЕГОКУ»*

Статья г. Ховина помещена рядом с моей статьей и, как и моя, в дискуссионном порядке¹. Не знаю, какое впечатление произвело это соседство на г. Ховина, но на меня — настолько угнетающее, что тотчас по ознакомлении с ее содержанием я приступил к дискуссированию...

Ховинское настроение и попытки выявления «ничегокской» идеологии представляют интерес по двум причинам. Во-первых, сам г. Ховин, дающий свой, хотя и краткий, но чрезвычайно яркий матрикул, представляет собою любопытнейший материал для изучения. Во-вторых, автор заявляет (и справедливо), что он «не один на своем пути» (точнее: распутьи), что «попутчиков» у него должно быть не мало². Другими словами, существует особый *тип* людей ховинского настроения, людей — «распутников» (стоящих на распутьи). Они — тоже небезынтересны. Я и попытаюсь сделать опыт определения природы обоих.

На вопрос о происхождении г. Ховин дает обстоятельное показание: до войны и революции (пишет он) «я переживал юношеское увлечение Sturm und Drang-ом футуризма и опять-таки юношескую страсть разрушения». Как и другие футуристы, «гениальные по предчувствию» (счастливое выражение г. Ховина), он, тоже футурист, жил протестом «не только против литературных форм старой поэтики и старой эстетики, но и против господствующей морали и этики, против современной ему общественности и религии». Протест был — по дальнейшему скромному признанию «гениального предчувственника» — «вдохновенным (тоже) по предчувствию»; ибо: «через несколько лет все прекрасные убеждения и непоколебимые догмы рассыпались вдребезги и жизнь своею окровавленной кистью поставила над всем этим свое чудовищное Nihil»²...

Нигде ни одним словом г. Ховин не выражает своего сожаления по поводу «гениальных-вдохновенных» своих юношеских увлечений. Напротив, всюду чувствуется грустная, быть может, но и ласковая

---

* Ответ г. Ховину на статью в журнале «Своими путями». № 5.

** См.: «Моя история — не только моя, но и многих», стр. 32.

улыбка при воспоминании о жеребьячей юношеской страсти к разрушению. Автор, видимо, до сих пор утверждён в мысли, будто «хулиганствующая молодежь» (второе счастливое выражение г. Ховина) гениально предчувствовала *жизнь*, тогда как в сущности эта молодежь, оглуменная, грязная, ленивая и распущенная, предшествовала Хаму и *Смерти*; собственно говоря, весь футуризм с внешней стороны был нагло-откровенным хулиганствующим хамством; а с внутренней (творческой) он может быть сравним по своей безнадежности и бесплодности с вождениями скопцов... В обоих поворотах футуризм не гениальная интуиция будущего, а лишь явленный до времени авангард идущего Хама. Ибо *не жизнь* «через несколько лет рассыпала все прекрасные убеждения... мораль... религию» и все то, что юноша Ховин желает разрушить, а *хулиганствующий Хам! Хам хотел поставить над жизнью* «окровавленной кистью» чудовищное «Nihil», но жизнь преодолевает и преодолевает Хама, вооруженного «кистью» в виде марксовой догмы! Ибо жизнь создается не задором «распутников», обуреваемых «юношеской страстью к разрушению», но усилиями тех, кто творит «литературные формы... этику... общественность» и имеет религию, т.е. Бога в сердце; а не пишет на своем челе страшное Nihil...

Такова природа г. Ховина-юноши. Попробуем восстановить, на основании его же отрывочных признаний, пути ее дальнейшего развития. Несомненно, г. Ховин развивался не один, не в какой-либо исключительной самостоятельности, а в обусловленности известной средой; назовем ее семьей. Семья же, по определению Вл. Соловьева, «суть три поколения, преемственно связанные между собой рождением: деды-родители, дети-родители и дети-внуки»^{*}. Что же представляет собою г. Ховин? — деда, родителя или внука? Я берусь утверждать, что внука, и притом *последнего* внука. Моя уверенность в сказанном подкрепляется: 1) автобиографическими признаниями г. Ховина, как особи, рассматриваемой в своей единичности, и 2) идеологическими претензиями «распутников» ховинского настроения, как исторической типической данности. То и другое в достаточной мере определяется двумя словами — «Nihil» и «ничегоки»: полному отрицанию предшествовала половинчатая дряблость, а этой последней — сомнение. Г. Ховин — внук; чей именно? — краткая характеристика его «семьи» может быть представлена в следующем приблизительно виде:

* Г. Ховин говорит, что он и ему подобные стоят 10 лет на распутьи.

** «Оправдание добра», стр. 552³.

<i>Дед-родитель</i> Ст. Тр. Верховенский	<i>Отец-родитель</i> Чеховско-горьковский герой	<i>Доживающие свой век</i> <i>«распутники»</i> (внуки)
1. Вечно <i>исповедывался</i> перед кем попало.	1. <i>Выворачивание души</i> — любимая манера.	1. Начал с <i>исповеди</i> .
2. Со страхом признавался в своем (мнимом?) <i>отрицании</i> .	2. То отрицает, то <i>приемлет</i> .	2. Отрицал и <i>любуется</i> отрицанием.
3. Всегда уверял, что он с <i>молодежью</i> .	3. Необыкновенно <i>передовой</i> интеллигент.	3. «Фактически я скорее с <i>детьми</i> » (стр. 31).
4. Будучи <i>полу-профессором</i> , видит <i>дилемму</i> : или почетное положение в генеральском доме, или (угроза уйти) он — ничтожный <i>гувернер</i> .	4. Или «какой простор», или «на дно».	4. Или «синяя птица <i>эмпирей</i> », или ассенизационный <i>обоз</i> .
5. Вся (почти) жизнь <i>пошла</i> под гнетом сомнения; кричал «бежим» и <i>никуда</i> не бежал, а жил на <i>содержании</i> .	5. Вечное <i>сомнение</i> , попытки <i>искать</i> счастье, <i>страсть</i> к паразитизму.	5. «Я готов <i>радоваться</i> »... «но не <i>уверен</i> »... «И <i>все-таки</i> : во имя чего? И <i>откуда</i> тоска эта?» « <i>Пробуйте</i> — Бог в <i>помощь!</i> » (А сами-то Вы что же, г. Ховин? — <i>имеете</i> любимое дело?)

Отсутствие места не позволяет продолжить любопытное сопоставление семейных черточек. Но... не достаточно ли? Не ясно ли, что г. Ховин действительно *тип* и что он прав, когда говорит: «я не один, моя история не только моя, но и многих». Не ясно ли, что «распутничество» — явление историческое?! Явление историческое и, будем смелы мыслями, — уходящее в историю: «распутники» пережили «распутничество». Отсюда — их крайнее непонимание наших настроений и бессмысленный скепсис к нашим стремлениям.

Главная их (критиков «детей») ошибка — *коренная*, из которой протекают все дальнейшие недоразумения, — заключается в *неправомерном* сопоставлении «отцы и дети». Мне приходилось уже высказываться по данному вопросу («Казачий Сполох». № 2–3)⁴, и теперь, в развитие высказанных ранее мыслей, я яснее формулирую их сущность: совершенно неправильно кого-то называть «отцами», а кому-то насильно прищипливать ярлык «детей». Неправильно также, как это делает Евг. Недзель-

ский, утверждать, что «мы третье сословие, стоящее между “отцами” и “детьми”, и дважды обреченные пережить свою проклятую и благословенную молодость»⁵. Ибо — мы свидетели кончины последних «детей» и «внуков», *не давших следующего* поколения. «Дети и внуки» — отошли и отходят в историю. Между ними и нами — пропасть в несколько веков (1917–1925 г.)... Нет сейчас «отцов и детей», а есть «они» — «дети и внуки» предреволюционной и революционной России — и «мы»... мы, идущие своими путями к своей цели жизни: к творчеству во имя России. Они и мы — два разных мира, две разные исторические эпохи, которые уже получили свое определение, как: их — эпоха критическая и наша — органическая. Со дерзновением и верой нужно осознать, что мы не конец и не середина (среднее сословие Евг. Недзельско⁶го), а *начало!*^{*}

И если фактически мы не станем отцами, а потом дедами (посоловьевски) поколений Новой России, — то исторически и идеологически именно нам выпала доля начать (хотя бы за рубежом) новую страницу жизни России. Ее заглавные письма — Россия, творимая своими путями!^{**}

И потому просто смешно и жалко слушать лепет внука своих дедов и сына своих отцов, когда он пытается замкнуть нас в рамки дилеммы: «Если идеализм разбит вдребезги жизнью, то разве не та же участь ждет эмпиризм, как принцип отвлеченный?» «Или, — говорит далее Ховин, — идеализм, или кирки и лопаты». Впрочем, допускает и еще одну возможность (нам особенно близкую и понятную): «Или идеализм должен стать актуальным и жизнетворческим». Но допуская (и, видимо, случайно допуская) подобную возможность на стр. 32 — на следующей странице автор ограничивается сочувственным «Бог в помощь» тем, кто захотел бы отдать себя труду под знаменем идеи, а сам... а сам предпочитает 11-ый год «на своем распутии» повторять свое родовое: «Во имя чего?» и «Откуда тоска эта?»^{***} Я уже частично ответил, откуда эта тоска: она от породы и от природы. В природе «распутников» обнаруживаются целые залежи дилемм: «или — или» стало их лозунгом. И оно-то их и погубило. «Распутники» маячат между двумя признаками: или идеализм, или ассенизационный обоз. В этой двойственности (сомнение) и состоит основной принцип («или — или» есть нечто принципиальное для «распутничества») критической эпохи. У них нет творческого порыва к слиянию двух моментов, нет потенции к тому, чтобы сказать: «и — и», т.е.: *и идея и творчество — творчество во имя идеи*.

^{*} «На прошлом нужно поставить крест».

^{**} Ср.: «Своими путями» и «На путях»⁶. Евразийство выросло на утверждении: у России — свой путь. К. Ч.

^{***} См. родословную.

Призрак ассенизационного обоза неспроста маячит взору бывшего футуриста... Почему именно ассенизационный обоз, а не шахты, не мастерские и не фабрики представляются смятенному его взору?

Я взялся ставить вопросы и отвечать на них. Тут существенную помощь оказывает сам автор следующим образом: «Было (по его мнению) два мира: мир отвлеченного идеализма, эмпирей разнообразных, фигур риторических... и другой — действительности пошлой, обыденщины презираемой... мир неблагоустройства всяческого и свинства человекоподобного» (стр. 33). Тот мир, в котором создавались «литература, поэтика, мораль, этика, общественность и религия», сюда, ясное дело, не входит. Между тем был же этот мир, ведь его же отрицал, страдая футуристическим оглухом, г. Ховин? Между тем позволительно спросить: в «риторических фигурах» или в «человекоподобном свинстве» создавалась литература, общественность и религия? — г. Ховин не дает пояснений... С его «распутья» этот *третий* мир не виден... И — напрасно он убеждает нас, что его «распутье» «фактически ближе» к тем, кто «на путях» и идет «своими путями»! Позвольте маленьким аналогом точнее определить, с кем был (и в большой мере, как мы видим, остался) человек, видевший во всей России два мира: мир «эмпирей разнообразных» и «свинства человекоподобного». Именно в этих *двух* мирах томилась «мелюзга» А. Куприна: каждый вечер (рассказывает А. Куприн) приходил учитель Астреин к фельдшеру Смирнову, и начинали они пить водку с ландышевыми каплями, чтобы настроить себя на витание в мире «разнообразных эмпирей». А напившись, переходили в мир свинства «человекоподобного», т.е. учитель Астреин шел заниматься онанизмом, а фельдшер Смирнов насиловать старуху, уже доведенную его скотским отношением до безумия.

Чем это не «эмпирей» и не «свинство»?

Рассказ Куприна, по своему интуитивному видению, несомненно глубже и серьезнее футуризма: он заканчивается гибелью «героев» *во время половодья*. «Герои *двух* миров» — погибли. Погибли, конечно, не как живые существа, а как представители общественных настроений (лучше: нестроений). И эти «герои» ни в какой мере не могут быть чьими бы то ни было «отцами», ибо они — вырожденцы и «последние внуки». Последнее поколение старой интеллигенции, вчера поклонявшееся «Nihil-ю», а сегодня пытающееся утвердиться на «ничегокстве» — ничего жизненного дать не могут... да и не хотят: «Во имя чего?» — «ничегок!»

* * *

На этом заканчиваю свой дискуссионный рейд. Но, пользуясь тем, что затронутые темы волей-неволей «отражают взгляды и настроения»,

и тем, что редакция высказала пожелание получать такого рода отражения, — я прибавлю несколько слов сверх изложенного.

Г. Ховин недавно приехал из Совдепии, и поэтому его аберрация по поводу «отцов и детей» сравнительно понятна. Но упорное неумение или нежелание снять фальшивые очки и вникнуть в суть дела со стороны иных лиц, занимающихся этим вопросом, — просто надоело... Казалось бы, совершились огромные сдвиги, всюду слышишь, что каждый прожитый год стоит столетия, — и все же: «отцы и дети»!

Определение текущих идеологических процессов как борьбы «отцов и детей» не только не охватывает действительного разнообразия жизни, но и прямо не имеет смысла.

Приблизительно правильнее было бы говорить: они и мы. Они — это те, кто в прошлом прилеплялся сердцем своим к какой-либо доктрине, а психологически и сейчас доктринерствует по преимуществу; кто как-то приспособил свои старые воззрения к новым фактам. Мы — не имеющие определенной доктрины, идущие своими путями; мы, рожденные фактами, ими же воспитанные и пытающиеся без указки в фактах разобраться. Но! Не для того, чтобы приспособиться к ним (мы же не в Совдепии), а чтобы часть из них признать, часть преодолеть. В указанном повороте мы и непонятны критикам. Но мы не только непонятны, но и несоизмеримы с ними, как несоизмеримы наши эпохи*. Их критическая, с целью пересоздать Россию через революцию по некоторому плану. И наша — органическая, далекая от стремления как-либо опрограммить жизнь и с целью создать Россию на Ее, собственно российских, своих путях...

В статье «Мысли о марксизме» мною защищалось различение породы и «природы» индивидов. Нам всячески навязывают «по-родное» (родовое) происхождение, именуя «детьми». Разумеется, мы дети своих *родителей*. Но в смысле гражданских переживаний (идеология), обусловленных единственной и грозной и великой эпохой, наша *природа* — своеобразна. Попытки установить родство в этом направлении — ведут к недоразумениям и благоглупостям. «Им» — лучше их вовсе оставить. А нам — нам не надо сходить с своих путей. Пусть они разные. Волею Бога — эти пути исторические. Мы не в силу наших личных качеств, а Провидением поставлены на грани грядущей России. И с верой в нее и во имя Ее — будем же продолжать наш путь!

---

* Я говорю об *основных* течениях в эпохах; о целях как движущих силах.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

I. *Что такое национальная проблема?* Кратко говоря, под национальной проблемой в данном случае мы понимаем вопросы о формах общежития нескольких наций, заключенных в *единый государственный организм*. Единство государственного организма предопределяется целым рядом условий. Из них (идя снизу, от фундамента) назовем:

1) *Единство геополитической системы*, т.е. такое соотношение земельных условий, которое предопределяет зачатие и развитие политического целого. Геополитические факторы имеют, конечно, и внутригосударственное значение, но основное их значение — в вопросах внешней политики. Именно здесь проходит водораздел между данным сочетанием наций и всем остальным миром.

2) *Единство этнической системы*. Под единством этнической системы не следует понимать одинаковость этнического состава. Вопрос о единстве этнической системы — весьма сложный, весьма спорный и может быть разрешен не столько теоретическими выкладками, сколько фактическим положением дел. Дело в том, что у наций, живущих рядом, может быть больше или меньше точек соприкосновения; может быть больше или меньше взаимное понимание и взаимное тяготение или отталкивание. Очень важно наличие «кровного родства» между народами одной и той же этнической системы. И в этом отношении раскрытие исторически сложившихся сплетений приобретает огромную роль (пример — туранские элементы в русской стихии¹). Поэтому вопрос о единстве этнической системы в указанном смысле решается: а) фактическим сожительством; б) преобладанием тяготений над отталкиваниями; в) сознанием генетического родства, общности предков.

3) *Единство культурно-исторической системы*. Это единство еще более сложно, чем этническое, и с еще большим трудом поддается характеристике... Сначала скажем об «истории», потом — о «культуре». Если бытие в пространстве определяет геополитическую характеристику, то бытие во времени определяет характеристику историческую. Всем известно, что строение земной поверхности, а отсюда род занятий, навыки, вкусы и т. под. — образуют, так сказать, низшие элементы духовного «я». Моряки, горцы, степные номады и земледельцы — все это категории геополитические. Можно сказать, что природа формует человека.

Подобно формированию под влиянием природы, происходит формирование под влиянием исторических событий и исторических личностей. События и личности составляют, так сказать, «ландшафт истории». И психологическое, и педагогическое влияние этого ландшафта велико во всех смыслах и отношениях. За примерами ходить далеко не приходится. Крещение Руси и Св. Владимира — имеют одинаковое значение и для Великороссии, и для Украины, и для Белоруссии. Войны Петра, Екатерины, Александра I и кавказские войны связывают крепкими узами исторического единства основной «торс» России с окраинным казачьим населением. Переходя в XX век к недавно закончившимся войнам, мы видим, что они имели огромное значение для всех наций евразийской системы. Точно так же имеет общероссийское и для каждой нации в отдельности значение многолетнее отделение России от всего остального мира. Не будем входить в рассуждения о том, вольным или невольным было это отчуждение, которое отчасти продолжается и сейчас. Нужно подчеркнуть исторически связывающую равнозначность этого события для всех наций Евразии. И так, спайка *во временно-историческом смысле сводится к единству исторической судьбы*. — Теперь обратимся к культуре. Культура есть возделывание, преобразование. Грубо говоря, сфера культурного преобразующего процесса распадается на две части: материальную и духовную. Материальная часть состоит в возделывании природы и «приобретении» материальных ценностей, начиная от злаков и руд и кончая зданиями, дорогами, вооружением и т.д. Часть духовная вбирает в себя высшие потребности человеческого духа и направлена на преобразование самого человека... Нет надобности подробно рассматривать результаты общности усилий в деле преобразования материальной части. Ведь именно отсюда вырастает единство путей сообщения — транспорта; единство экономической системы, системы государственной обороны и т.д. Гораздо существеннее проанализировать духовную часть культуры.

Религия, философия, наука, литература, искусство — вот краткий перечень отраслей, в которых человек достигает высоких степеней духовного развития. Здесь он творец и делатель, стремящийся через творчество преобразовать свое внутреннее «я»... Было бы непосильной задачей очертить все то, что в совокупности составляет культурное единство данной системы наций. В пределах нашего рассмотрения это и не требуется. Мы ограничимся характеристикой основных, так сказать, тоносов культурного делания, которые ярче всего сказываются во взглядах на Бога, природу и человека. В зависимости от того, как смотрит данный духовный тип на Бога, природу и человека — отчетливо вырисовывается все его мировоззрение в целом. В сущности, все мировоззрения делятся на три основные группы. (Сознательно опускаем варианты.)

Первая — обожествление человека — в настоящем или будущем. «Гуманизм», позитивизм и материализм, связанные с атеизмом, составляют первую группу. Во вторую относятся все виды обожествления природы, т.е. пантеизм. Наконец, третья группа — это иерархическое религиозное приятие мира, где Бог, человек и природа занимают свое особое место. Преобладание религиозного начала, подчинение религиозно-духовному началу всех остальных областей мысли и остальных сторон жизни — является особенностью третьей группы мировоззрений.

Как уже было сказано выше, именно этими категориями сознания определяется основной тонус культурных устремлений. И если, несмотря на различие вероисповеданий данной совокупности наций, — для них всех преобладание религиозного момента имеется налицо, — то уже можно говорить о возможности культурного единства. Точно так же и атеизм может служить почвой для объединения (это явление особенно заметно в интернациональном движении). Исповедание Бога — ведет к признанию ценности человеческой личности и к подчиненному ценению природы. И наоборот — при обожествлении человека — в сущности обожествляется человечество — коллектив, а личность низводится на степень средства.

От основного тонаса зависит и наука, и искусство, и все вообще в духовной области. Корни самых мелких бытовых или психических особенностей находятся в указанном основном тонасе. Ибо отсюда вырастает представление о *цели* бытия человечества, нации, личности.

Теперь мы нащупали связь между культурой и историей. История (как прошлый процесс) есть нечто не поддающееся изменению и в то же время это — некоторая база для действия. Культурные достижения, осуществленные вчера, есть уже история. Но вся сила культуры — это будущее. Культура, т.е. преображение, — как задание, как цель — всегда «вперед». И если ход исторических событий и деяния исторических личностей образовали единство исторической судьбы, это единство заданий, единство целей предопределяет культурное единство данной системы наций. Такой целью или таким заданием в равной мере может, например, быть стремление поработить весь мир (идея миродержавия) или стремление возродить мир к новой жизни (идея мессианизма), или завалить его дешевыми резиновыми изделиями (воинствующий экономизм-империализм). Все это, с развиваемой здесь точки зрения, является заданием, а следовательно, будучи осуществляемым, становится культурой...²

Общность историческая и общность культурная составляют культурно-историческое единство, выяснить природу которого мы и стремимся.

Итак, геополитическое, этническое и культурно-историческое единство — это и есть те условия, которые образуют из нескольких наций единый государственный организм. И решение собственно национальной проблемы сводится к решению о формах бытия, о формах сосуществования нескольких наций в едином государственном организме.

II. *Как решался этот вопрос в Европе и России? Я нарочно говорю: как решался, а не как решается, ибо в настоящее время вопрос о национальном самоопределении во всем мире претерпевает изменения. И быть может, наступит время, когда евразийское решение послужит своего рода образцом для многих стран.*

Диалектизм, т.е. противопоставление и борьба, — лежит в основе европейского решения национальной проблемы; т.е. именно тот основной принцип, которым обуславливалась рознь между католичеством и протестантством и который в полной мере отразился на теории и практике борьбы наций, рас и классов. На формах общежития диалектический принцип отразился двояким образом: а именно 1) в отношении европейцев к европейцам и 2) в отношении европейцев к не-европейцам. В первом случае, т.е. в случае, когда решался вопрос о том, в каких формах жить нескольким различным европейским национальностям в одном государстве, его попросту, так сказать, снимали с «повестки дня». Я хочу сказать, что при определении границ административных округов вопрос об этническом составе населения игнорировался вовсе. В Германии, правда, это относится главным образом к полякам и вообще славянам. Но в Австрии, Франции и Англии — как правило — административные деления не совпадают с границами этнического состава. Во Франции в свое время распределение департаментов было произведено вопреки желаниям бретонцев, провансальцев и т.п. Общая европейская тенденция — уничтожить, зачеркнуть национальные меньшинства... Что касается не-европейцев, то тут сказалась другая сторона «диалектического» метода: не-европейцев (в колониях) выделяли в особый мир и держали в особом, близком к рабскому, состоянии.

Надо признать, что и Россия императорского периода находилась под сильным влиянием европейских тенденций. Между тем тенденции эти стоят в несогласии с общим духом страны и с той основной идеей — идеей соборности, которой определяется существо русской стихии.

III. *Принципы евразийского решения национальной проблемы.* При рассмотрении геополитических, этнических и культурно-исторических предусловий мы частично наметили уже путь развития евразийской концепции, как она нам предносится.

В России-Евразии имеются все три перечисленные нами выше условия, и потому мы воспринимаем Россию-Евразию как некоторый особый единый самодовлеющий мир. Геополитическое и этническое единство является темой ряда специальных статей в евразийских сборниках («Континент-океан», «Степь и оседлость», «Верхи и низы русской культуры», «Туранские элементы в русской культуре» и др.)³. Что же касается единства культурно-исторического, то все евразийство в целом и есть система идей, утверждающая наличность этого последнего единства.

Т<аким> о<бразом>, в нашем восприятии нет места вопросу о том, разъединимы ли части, составляющие единое тело России-Евразии, — *они неразъединимы*. Но в каких именно формах осуществится совместное существование нескольких наций в едином государственном организме — это предстоит выяснить.

Совместное существование нескольких наций строится нами на основе признания каждой отдельной нации — *отдельной личностью*⁴. Все, что направлено к выработке каждой отдельной национальностью своей самобытной культуры, не только допускается, но и всемерно поощряется. Государство должно озаботиться созданием таких благоприятных условий, при наличии которых процесс выявления и развития самобытных свойств отдельной нации — протекал бы безболезненно и спокойно. Первым условием становится принципиальное признание равноценности всех наций, входящих в состав евразийской системы*. «Познай самого себя» и «будь самим собой»⁵ — вот первое и необходимое...

В соответствии с принципиальной установкой выясняется вопрос об административных принципах. Административные границы должны совпадать с границами этнического распределения. Т.е. каждая отдельная нация должна представлять собою отдельную самоуправляющуюся единицу в составе великого целого.

«В основе каждой частнонациональной формы евразийства должны лежать: признание данной национальностью своей органической связи с миром России-Евразии; своего органического вхождения в единство; утверждение демотических красочно-своеобразных основ своего народного быта как отправной точки для дальнейшей культурной стройки; примыкание к древним историческим традициям национального прошлого, хотя бы в идеализированном виде, но в то же время без шовинистического превознесения, без ложной архаизации и с искренним стремлением постичь объективно роль своего народа в общем ходе развития евразийского мира; ...твердый религиозный упор, базирование

* Нужно всячески подчеркнуть, что принципиальное признание равноценности наций сочетается, в зависимости от реальных условий, с различием жизненных положений.

ПУБЛИЦИСТИКА

национальной культуры на данной религии; отвержение атеистически-материалистического духа европейской цивилизации, приятие элементов европеизма только в том их преломлении, которое подсказывается обще-евразийскими условиями»⁶.

Таковы общие принципиальные положения, на которых строится евразийское решение национальной проблемы.

Идея соборного со-существования личностей-наций — вот тот предельный устой, которым будет сильна Россия-Евразия.

14 марта 1926

ЛИГА НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА-МАТЕРИКИ

1) Как известно, взаимоотношения государств могут строиться или на принципе координации, или на принципе субординации. По мнению некоторых теоретиков, система координации несет в себе опасное зерно «анархизма» (напр<имер>, возможность повторения «великой» войны 1914–1918 гг.); система координации, по мнению этих теоретиков, изжита нашей планетой: почта, телеграф и другие средства сношений, а также постоянный живой и все увеличивающийся обмен благами соединяют все пункты земного шара; властно диктуют необходимые нормы *вселенского правопорядка*. Правопорядок же строится субординационно: есть управляющие, есть управляемые; есть высшая инстанция, которая законодательствует и толкует право, есть общая для всех участников хартия прав и обязанностей. Сторонники субординационной системы указывают на Лигу Наций¹ как на осуществляющееся «мировое правительство».

2) Исторически *Лиге Наций* предшествовало подобное же образование в лице Священного союза² (после победы над Наполеоном I), но разница между Священным союзом и Лигой Наций состоит в том, что, во-первых: участниками Священного союза были только европейские державы (и то не все); во-вторых, Священный союз стоял на точке зрения защиты и укрепления исключительно *монархической* государственности, тогда как Лига Наций стремится к насаждению государственности *демократической*.

Государства, вошедшие в Лигу Наций, сохраняют свой суверенитет и номинально пользуются равными правами. Положение о Лиге Наций предусматривает возможность для Лиги Наций поставить некоторые условия и государству, не состоящему членом Лиги (напр<имер> в случае конфликта члена Лиги с не-членом). Из чего можно заключить, что *невхождение* в Лигу рассматривается ею как явление временное и ненормальное. В принципе Лига Наций рассматривает себя как объединение *вселенское*.

3) Однако в настоящее время она отнюдь не является таковым.

Рассматривая историю возникновения Лиги Наций, узнаем, что побежденные державы первоначально не были участниками Лиги. Это обстоятельство дало основание Г. Ландау («Сумерки Европы») усмотреть в «мировом правительстве» — мировую диктатуру Антанты. Тот же ав-

тор подвергает критике принцип *равноправности* членов Лиги, говоря, что два представителя Англии никогда не могут считаться равными двум представителям Дании (в отношении «удельного веса»)³.

4) *Что же такое Лига Наций?* Наше мнение о Лиге Наций определяется следующими соображениями.

Действительно, связь между частями земного шара возросла и выражается в иных формах, чем это было, скажем, в XIX в. или даже перед 1914 годом. Существенными моментами происшедшего изменения надо считать: рассредоточение мировой мощи из Европы в другие части мира; возрастание самосознания у народов, находившихся вне «мирового» (читай: европейского) общения; активное культурное (главным образом) экономическое и военно-индустриальное творчество в среде так называемых «отсталых» материков и народов.

Все это, и еще «саморазгром», устроенный Европой в 1914–18 гг., подорвало значение большинства европейских держав и, во всяком случае, прекратило существование Европы как мирового гегемона. И потому в мировых масштабах созданная Европой Лига Наций* может рассматриваться как фикция — запоздавший пережиток минувшей славы.

Но наряду с фиктивной стороной дела необходимо оценить и реальное существо вещей: являясь фикцией «мирового правительства», Лига Наций включает в себе живой и жизнеспособный эмбрион будущего «координационно-субординационного» правительства Соединенных Штатов Европы и ныне уже служит главным образом европейским интересам.

5) Процессы, определившие умаление Европы (пункт 4), в соединении с идеей самоопределения народов содействовали энергетической дифференциации, пробежавшей по всему миру, подобно электрическому току. Особенно наглядную картину дифференциации представляет собою Европа. Но и в России, и в Азии, и на Ближнем Востоке — *везде в своих единственных, особых и неповторимых формах* — происходит тот же процесс. Дифференциация в Европе идет по признаку когда-то утраченной и вновь воссоздаваемой государственной самостоятельности (Польша, Чехословакия и т. д.). В Азии (Индия, Индо-Китай, Китай) дифференциация происходит под знаком расовым и отчасти религиозным. В России наметился целый ряд признаков, общая формулировка для которых могла бы быть таковой: при сохранении целостности государственного организма обеспечение возможности культурно-самобытного развития его частей и осуществление принципов автономии и федерации, поскольку оно связано с потребностями такого развития. Таким образом, в

* Проект президента Вильсона⁴ был переделан и искажен европейскими государственными деятелями.

отличие от Европы, здесь не углублен вопрос суверенитета, в отличие от Азии — не обострен экономический и расовый вопросы*.

Попутно с процессом дифференциации происходят процессы интеграции частей. Интеграция частей претерпевает изменения по такой (приблизительно) схеме: род — племя — земля — нация. К настоящему времени можно говорить о новой, высшей интеграции — об объединении наций в «государства-материки».

Объединение наций, происходящее на наших глазах, характеризуется двумя важнейшими основаниями: материальным и духовным. В основание материальное входят признаки: географические, хозяйственные (производство и потребление), финансовые (питание капиталами, валютное единообразие, таможенный союз) и транспортные. Основание духовное составляют признаки: расовой психики, культурного наследия, общности предстоящих исторических заданий; словом, то, что я определял в статье «Национальная проблема» («Евразийская хроника», вып. IV)⁵ как *единство исторической судьбы*.

В процессах образования государств-материки с новой убедительностью выступает правильность теоретических положений о культурно-исторических типах; в этих процессах намечается совпадение *месторазвития*⁶ и единства исторической судьбы; сочетание этих моментов и создает новые культурно-исторические типы.

Какие же объединения наций, или культурно-исторические типы, или, для краткости, *миры* находим мы в современности?

б) Практика жизни внесла глубокие коррективы в мышление и действия современных политиков. Еще так недавно президент С<оединенных> Ш<татов> В. Вильсон провозглашал «едиными устами» с европейскими политиками принципы «мира всего мира»⁷. Еще не потеряны памятью речи французских министров о необходимости разгромить Германию. — Сейчас же С<оединенные> Ш<таты>, вопреки идеалам В. Вильсона, изолируют себя от европейских держав и не входят в Лигу Наций. А представители Франции съезжаются с представителями Германии на конференции и договариваются об условиях совместной жизни.

Что все это вскрывает?

— Это вскрывает подлинную, онтологическую природу миропорядка, не совпадающую с поверхностными, феноменологическими явлениями мировой жизни.

Неудача В. Вильсона объясняется не тем, что случайное большинство конгресса отказалось утвердить Версальский договор⁸. Она объясняется тем, что идеи В. Вильсона находились в противоречии с основными

* Однако нужно заметить, что указываемое нами преобладание одних признаков не устраняет (в различной дозировке) наличия всех остальных.

законами развития Нового Света. Еще в XIX в. эти законы были формулированы одним из президентов С<оединенных> Ш<татов> в смысле невмешательства С<оединенных> Ш<татов> в европейские (в принципе вообще не американские) дела и недопустимости вмешательства посторонних держав в жизнь держав Нового Света (доктрина Монроэ)⁹. «Немыслимо отрицать, — говорил ст<арший> секр<етарь> Ольней в ноте 20 июля 1895 г., — что три тысячи морских миль и наличность океана делают и малоестественным и малоудобным политические связи между американскими и европейскими государствами». В то же время С<оединенные> Ш<таты> считают себя призванными быть верховным блюстителем свободы и независимости народов Америки¹⁰. Сопоставляя это призывание с явлениями панамериканизма¹¹ — мы ощущаем некоторую законченную органическую систему, систему, характерную для бытия *мира* (в установленном нами смысле слова)*.

Формулирование особого мира — Европы — заставило европейцев сойтись в Лозанне, Туари¹² и в Вене (на пан-европейский конгресс)¹³. В Европе процесс интеграции обуславливается всею историей романо-германского мира; но ускорение этого процесса и его обострение вызваны событиями последних лет: «мировое хозяйство разевропеизируется... сердце мирового хозяйства уже более не находится в Европе», — говорит автор исследования «Соединенные Штаты Европы» В. Войтинский. «Европа вступила в необычайно тяжелую фазу своего развития. Сохранение ею места в мировом хозяйстве — для нее вопрос жизни и смерти»¹⁴.

И как бы в ответ на трагический диагноз, приведенный нами, раздаются речи участников пан-европейского конгресса в Вене (1926 г.). Инстинкт самосохранения и законы формирования *мира* диктуют европейским державам политику, ведущую к осуществлению Соед<иненных> Штатов Европы...

В *нынешней* Лиге Наций нужно видеть, по преимуществу, эмбрион правительства этого пан-европейского союза.

Наряду с пан-европейским и пан-американским можно назвать намечающиеся или чаемые (теми или иными идеологами) миры: пан-азиатский и исламистский.

Лига Наций отвергла предложение Японии провозгласить принцип равенства рас¹⁵. Получается странное положение: абиссинцы, сиамцы, китайцы, японцы входят как суверенные государства равноправными членами в Лигу Наций; но они же не признаются равными в смысле расового своего происхождения. Это обстоятельство заставляет лишний

* *Нынешний* кризис панамериканизма есть явление внутреннее для Нового Света. Однако же не следует недооценивать психологические расхождения англосаксонского севера и латинского юга.

раз усумниться в том, что Лига Наций есть образование вселенское. Одним из ответов на это обстоятельство является идея образования пан-азиатского мира (Пан-азиатский конгресс 1926 г.)¹⁶.

Идея расовой борьбы, раскрывающаяся, между прочим, в концепции борьбы экономической и финансовой, порождает идею интегрирования пан-азиатского мира под руководством Японии...

Наконец, мир исламистский. Как бы ни относились к исламу нынешние правительства мусульманских стран, нельзя отрицать огромного влияния, которое оказывал и оказывает ислам в смысле «штамповки» человеческого материала. «Больной человек» — Турция — давно исчезла бы с лица земли, не пройди она школы ислама. Но Турция не только не исчезла; она одержала победу над «союзниками»¹⁷, она перешла к агрессивной политике в М<алой> Азии, на Кавказе, в С<еверной> Африке. Ангора (и Стамбул) играют в исламистском мире огромную роль, соответствующую роли Токио в пан-азиатском движении.

7) *Россия-Евразия как государство-материк* должна рассматриваться в двух планах, открывающих, т<ак> ск<азать>, два ее естества. Собственно Россия представляет собою единство геополитической, этнической и культурно-исторической систем. Об этом единстве говорилось в очерке «Национальная проблема» («Евр<азийская> хроника», вып. IV). Части, составляющие единое тело собственно России, плотно слиты, монолитны, неразъединимы.

Но есть и второй план, второе естество.

К России, как особому миру, тяготеют близлежащие страны, стремясь вовлечься в орбиту ее мощной интегрирующей силы. И в этом смысле можно говорить о конкуренции между пан-европейским, пан-азиатским и пан-евразийским мирами. Напр<имер>, прибалтийские государственные образования испытывают двойное давление: со стороны европейской системы и системы евразийской (России).

Конкуренция между Россией и пан-азиатским миром наблюдается и в Маньчжурии, Зап<адном> Китае, Тибете. Войдут ли перечисленные единицы в «Лигу Наций», пан-азиатскую или пан-евразийскую — сказать трудно.

Так же трудно судить о некоторых странах Балканского полуострова: примкнут ли Болгария, Сербия, Албания, Греция... к европейской «Лиге Наций», к Лиге Наций исламистской или евразийской — покажет будущее. Надо сказать, что трагедия балканских стран в том и состоит, что они лежат на путях скрещения взаимоборствующих течений¹⁸.

Итак, мысль настоящего очерка выражается в такой формуле: анализ современного положения не дает оснований признавать за Лигой Наций то значение, какое ей приписывается. Субординационная система, яко-

ПУБЛИЦИСТИКА

бы в ней выражающаяся, есть такая же фикция, как и единое мировое правительство. В смысле интеграции частей земного шара проделана некоторая эволюция, именно: место координированных государств занимают *объединения* государств, государства-материки, или «миры». Внутри каждого такого мира отношения строятся (или должны строиться) по принципу субординационному. Областью же преимущественного применения координационного принципа явится сфера соприкосновений «государств-материков».

В конце очерка необходимо обратить внимание на отсутствие величайшей мировой державы в наших схемах. Британская империя не упоминается в нашем перечислении «государств-материков».

Беликобританская империя — оригинальнейшее явление. В мировой истории трудно найти что-либо подобное истории развития ее могущества. И в будущих веках едва ли подобное повторится. Нужны были исключительные совпадения исключительных условий, чтобы вызвать ее к жизни: сильный флот, открытие новых материков, свободный мощный финансовый капитал — проложили путь британскому великодержавию.

Однако в новейшей стадии мирового развития перед ней встают неожиданные трудности. Отдельные части мира интегрируются в «государства-материки». Между тем не существует «особого мира», отмеченного существенным единством исторической судьбы, который отвечал бы Британской империи. Поэтому Британская империя не является «государством-материком».

ЕВРАЗИЙСТВО И ВКП (б)

Исключая состояние чистой святости, в каждом узле жизни в неразрывной связанности пребывают начала добра и зла. Попущением Божиим злое начало может временно возобладать, и тогда равнодушному к основной трагедии мира взору представляется картина дрящегося зла. Тогда рождается едкое и сухое презрение к представлению о человеке как образе и подобию Божиим на земле. Тогда приобретает широкое распространение упрощенно-мстительный и гнусный (ибо диаволический) взгляд, что *зло побеждается злом*. Вместо расчлененного, отбирающего подхода к событиям жизни, вместо различения добра и зла, вместо того, чтобы поставить своею целью умножение добра и преодоление зла — ослепленные упрощенно-мстительной жаждой *воздаяния* люди занимают (или пытаются заниматься) возвеличением и превознесением зла.

Евразийское учение, укорененное в религии, никаким образом не может разделить взгляд, что *зло побеждается злом* и что дрящимся преобладанием зла исключается присутствие добра.

Поэтому евразийцы и русскую революцию не рассматривают как какое-то сплошное зло, для уничтожения которого нужно начисто вытравить *все*, что произошло в России за годы революции. Нет, не истреблять *все* (да еще с помощью зла), но различать годное и негодное, умножать доброе, преодолевать злое, — таков наш общий подход, такова наша общая задача, цель.

В частности, движимые подобными же мыслями и чувствами, мы подходим к вопросу организации правящего отбора¹, которая должна исполниться в условиях СССР, в условиях диктатуры ВКП (б).

Об историческом происхождении и государственно-политическом призвании правящего отбора достаточно полно сказано в писаниях евразийских авторов. В настоящем очерке остановимся, по преимуществу, на духовных и психических обстоятельствах образования нового правящего отбора России.

Евразийцы считают, что место правящего отбора в системе государства формально и функционально совпадает с тем, какое занимает ВКП (б) в нынешнем СССР. Но будущий отбор, подобно исторически бывшим отборам Московского государства и Российской империи, явится не только аппаратом власти, но также сосредоточием государственной

воли, организатором национального самосознания. Он будет одновременно первым слугой и ответственным водителем государства и народов России-Евразии.

ВКП (б) должна или переродиться, или подвергнуться замещению другой партией потому, что ее воля и ее задачи не совпадают с волей и задачей выходящей из революции Новой России.

В случае, если ВКП (б) переродится и займет положение, соответствующее положению правящего отбора, противникам ВКП (б) «нечего будет делать». О возможностях и признаках такого перерождения много и основательно писал Н. Устрялов (см. его книгу «Под знаком революции»). Но из мыслей Устрялова (довольно верных в плане историсофском) не вытекают никакие нравственные и политические выводы, если не считать общего призыва к «не-деланию» в уповании, что «все образуется»². В устряловском национал-большевизме совершенно отсутствует воля к политическому действию. В этом отношении он противоположен эмигрантским «активистам»³, которые, не понимая, в чем состоит государственный смысл русской революции, все же пытаются воздействовать на ход событий и, что, вероятно, главное, «войти в историю». — Последние события в России и ВКП (б)⁴ опровергли устряловскую позицию «не-делания». Надо думать, что ближайшие этапы в судьбе ВКП (б), пойдет ли она по пути «военного коммунизма», или переворота в сторону преобразования в подлинно правящий отбор, — не будут носить характер политического и идеологического «постепенства». Скорее напротив: возможно ожидать самых коренных перемен. И вопрос лишь в том: чьи руки их произведут?

* * *

Как и всюду («в каждом узле жизни»), в составе ВКП (б) имеются разнообразные элементы, т.е. люди различных характеров и воззрений. Разделив их на два лагеря и значительно упростив проблему, можно сказать, что в составе ВКП (б) имеются «подданные зла» и «подданные добра».

Надо ли говорить, с кем мы и кто с нами?

Подобно тому, как П. Верховенский (в «Бесах»), проповедуя революционный нигилизм, утверждал, что тот, кто усомнился в бытии Божием, — «наш» и тот, кто оскуднел жить, тоже «наш» и т.д.⁵, — подобно этому мы говорим: тот, кто сознательно взял на себя крест «партбилета» во имя исторического и государственного самосохранения России, — *наш*; тот, кто воевал с Богом и людьми во исполнение «коммунистиче-

⁵ «Учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу... уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши... Прокурор, трепещущий на суде, что он недостаточно либерален, — наш, наш!»⁵

ского идеала» и разочаровался в этом идеале и ищет новых путей, отвергая старые заблуждения и раскаиваясь в них, — тоже *наш*... — Нечего и говорить, что «нашими» суть и будут все те, кто, с «партбилетом» или без него, никогда не отлучали себя от Церкви, вообще религии и человечности и всегда — с личиной или без личины — были служителями добра.

В конечной победе добра не должен сомневаться ни один «живой духом». Евразийство исходит из убеждения, что народы Евразии, давшие миру высочайшие образы подвижничества, любви и героического служения правде, — в основе и большинстве стоят на стороне добра. Вопрос в том, как, какими путями и средствами организовать и осуществить победу?!

И тут снова надо обратиться к понятию правящего отбора и к нынешнему (пусть искаженному) его выражению — ВКП (б).

Каждый исторический отбор воплощает в себе волю и сознание государственного целого.

Этот принцип государственного строительства и жизни является для Евразийства основным. Следовательно, для Евразийства проблема России совпадает с проблемой ВКП (б), поскольку ВКП (б) содержит в себе зерна будущего правящего отбора России-Евразии. Внимание и усилия Евразийства должны сосредоточиться на партии и вокруг партии.

Такая установка сводится к ставке на живую современную Россию, выдвинувшую свой актив в партию и ее вольных и невольных сотрудников. «Беспартийные» в госорганах, «спецы» в госпредприятиях, крепкие государству чины Армии, «попутчики» в литературе и т.д. — все эти разряды людей, несомненно, примкнут к организаторам победы над коммунизмом и преобразования ныне правящей группы в духе подлинного правящего отбора.

Стало избитым местом, что продление комдиктатуры объясняется раздробленностью антикоммунистических сил. Но выводы, делаемые из этого всеми разделяемого положения, различны. Большинство толкует о необходимости «объединения», не указывая того «во имя», которое могло бы это осуществить; или говорит «общие места» («Борьба за Россию», «Патриотическое объединение», «Союз государственных идей» и пр.)⁶. Меньшинство (Евразийство) настаивает на необходимости «отъединения» тех, кто действительно решился понять революцию, включиться в нее и победить в ней. Победить во имя той идеи, подданными которой они являются и которая — по их вере — созвучна Новой России.

Первая цель Евразийства состоит в том, чтобы выносить и исполнять идею-правительницу, обладающую силой отъединения и объединения «подданных добра» по обе стороны рубежа.

ПУБЛИЦИСТИКА

Условия диктатуры ВКП (б) исключают возможность легальной правовой борьбы. Поэтому до образования исторически оправданного правящего отбора главное усилие «подданных добра» должно быть направлено на раздробление и ликвидацию другого — противостоящего полюса «подданных зла» — всеми доступными средствами. В дальнейшем фактическим победителям предстоит трудная и благодарная задача государственного оформления правящего отбора.

Но тема организации правящего отбора выходит за пределы настоящего очерка.

К ПОЗНАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ

До последнего времени принято было считать, что во главе мирового развития стоит Европа, а во главе Европы — Франция, Англия, Германия и т.д. Считалось, что пути развития всего человечества одинаковы; и, например, разница между довоенными европейскими и азиатскими государствами объяснялась тем, что Европа обогнала Азию, а Азия, в своем развитии, отстала от Европы. Европейское сознание рассматривало устройство европейского государства как некоторый идеал, к достижению которого должны стремиться все остальные государства. Тех же, кто не желал идти по стопам европейского прогресса, принято было расценивать малокультурными и полудикими.

Внутри самой Европы опять-таки существовали различия. Одни нации, одни государства признавались культурными и способными на какое-то бесконечное совершенствование. Другие нации, другие государства в отношении культуры отодвигались на второстепенные и третьестепенные места. Их способности к прогрессу стояли под сомнением. Возникал даже вопрос: не лучше ли в интересах общечеловеческого прогресса учредить над той или иной нацией опеку и покровительство? Не следует ли более культурным народам взять на себя задачу переработки человеческого материала в духе истинного просвещения, т.е. — по тем временам — в духе романской или германской цивилизации?

Известно, что существование империи Габсбургов оправдывалось, между прочим, и тем, что стоявший во главе Австро-Венгрии передовой немецкий народ способствует подчиненным ему отсталым в культурном отношении славянским народам приобщиться к мировой культуре... На славян, населяющих Балканский полуостров, смотрели как на материал для колонизации более прогрессивными народами. И вопрос заключался лишь в том: между какими покровителями распределить сферы влияния?

Теперь со всеми этими фантазиями покончено. Высокое умственное и техническое развитие Америки и Японии доказывает, что возможна не только европейская культура; возможна какая-то иная и не менее высокая культурная работа, которая вносит свои драгоценности в общую сокровищницу человечества. С другой стороны, внутри самой Европы произошли самые коренные изменения. Спросим себя: в чем состоят наиболее замечательные перемены, отличающие нынешнее устройство

Европы от довоенного? — В том ли, что германский империализм разгромлен и задушен? Нет, мы видим, что Германия не считает себя побежденной. Германия находится накануне своего восстановления... Или разница в том, что победительница-Франция в союзе с Антантой определяет европейские и мировые судьбы? — Тоже нет! Положение Франции мало чем отличается от довоенного. А что касается Антанты, то последняя конференция в Гааге показала всю ее призрачность и условность...¹ Главнейшая перемена состоит в том, что в Европе образовались самостоятельные славянские государства: Чехословакия, Югославия и Польша, которые в совокупности представляют собою небывалую еще величину в концерте европейских держав. Болгария, эта молодая и жизнеспособная страна, имеет тесную связь с остальными славянскими странами. История как будто завершила какой-то цикл и вновь восстановила положение, подобное тому, какое было в эпоху Болгарского и Моравского Царства и вообще самостоятельности славянских государств прошлого времени. Однако можно указать и на известную разницу между тогдашним положением и современным. В те времена романо-германская Европа шла по линии восхождения, и восхождение это происходило, между прочим, за счет упадка славян. В то время, когда на Балканах господствовали турки, с лица Европы исчезали самостоятельные Чехия и Польша. А Россия — Россия находилась в духовном плену у Европы. Занимаясь духовным идолопоклонством перед Европой, Россия не заботилась о максимальном развитии своего собственного духа.

Лишь с середины XIX столетия Россия и Славянские государства начинают проявлять, каждое в своих масштабах, признаки воли к независимому существованию.

В середине XIX в. почти одновременно происходит ряд событий, исторические результаты которых мы наблюдаем сейчас. А именно: в России главная масса населения — крестьяне — освобождаются от крепостной зависимости. Балканская война 1877 г. заканчивается упрочением Сербии и образованием Болгарии. В середине этого же столетия Чехословакия вступает на путь культурной революции, которая завершается в 1918 г. созданием сильного и богатого государства. Разочаровавшись в восстании 1863 г., польское общество переходит от политики прямого действия к политике собирания национальных сил и применения к обстановке. В Австрии, Германии и России поляки вступают в сотрудничество с господствующими элементами. Благодаря чему к моменту провозглашения Речи Посполитой она располагает многочисленными кадрами опытных государственных деятелей, военачальников и т.д. Наконец, и русскую революцию, такую кровавую и нелогичную в своем развитии, можно рассматривать как попытку освободиться от влияния европей-

Константин Чхеидзе

ских образцов и вступить на путь самостоятельного государственного и культурного творчества. Не следует забывать, что находящиеся на поверхности взбаламученного русского моря коммунисты отнюдь НЕ представляют и НЕ выражают желания и стремления могучего талантливого народа. Рано или поздно коммунистический режим будет уничтожен и тогда откроется миру Новая Россия. Не старая и не коммунистическая, а именно Новая, духовно просветленная в муках очищения от прошлых и настоящих грехов; несущая миру новое слово о новой и лучшей жизни.

Из нашего обзора следует вывести то заключение, что славянские государства и Россия стоят на пороге новой эпохи. И вероятнее всего эту эпоху следует назвать славяно-русской. Это название отличит ее от предыдущей эпохи, когда в Европе неоспоримо царствовали элементы романские и германские.

ИЗ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Геополитика, наиболее молодая дисциплина в ряду других социологических дисциплин, занимается рассмотрением условий и форм жизни человеческих обществ. Точно так же, как *может быть* и, в действительности, *есть* морфология минерального и животного мира, так может быть и существует морфология политических образований. Все, что имеет форму и строение, может быть исследовано с морфологической стороны. И так как геополитические объекты обладают тем и другим, то и в области геополитической может быть применен морфологический метод.

Геополитика имеет дело с исключительно конкретным материалом; она занимается вопросами развития — вопросами жизни государственных образований в связи с естественными природными условиями их местонахождения. Иначе говоря — геополитика есть учение о жизни государственных образований в связи с их месторазвитием.

Русская научная мысль имеет предрасположение к проблемам геополитики. Она стала на геополитический путь в лице А.П. Щапова, Л.И. Мечникова, Д.И. Менделеева и Н.Я. Данилевского. Из современных русских ученых можно назвать А.Н. Фатеева и А.А. Крубера¹.

Основной темой сочинений А.П. Щапова² является выяснение влияний, оказываемых естественными условиями на интеллектуальное развитие народа. Щапов описывал природу и прослеживал, как данная природа влияет на интеллект данного народа. Следуя отчасти за иностранными писателями, он делает попытку установления форм зависимости между климатом, почвой, характером населения, его законами и духовным развитием. Главным предметом щаповских исследований был русский народ как субъект истории и русская территория как месторазвитие. Вот краткое резюме щаповских мыслей, повторяемое в ряде его произведений: «громкость пространства пахотных земель, лесов и неудобных местностей превышала землеустроительные силы народные... и... препятствовала умственному развитию... и... увеличению... общин»³.

¹ Сочинения А.П. Щапова, т. III: «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа»; т. II: «Историко-географическое распределение русского народонаселения» и др. Наша выписка взята из тома II-го, с. 232³.

Л.И. Мечников в своем оригинальном историческом труде «Цивилизация и великие исторические реки» дает замечательную гипотезу, сводящуюся — в общих чертах — к следующему.

Местом первоначального зарождения цивилизации нужно считать речные системы: дельта Нила (Египет), Тигр и Евфрат (Ассирио-Вавилония), Желтая и Голубая реки (Китай), Инд и Ганг (Индия).

Итак, в первой своей стадии цивилизация была, так сказать, *речную*. Впоследствии она переходит в *морскую* стадию. Именно в эту эпоху развивается могущество Карфагена, Рима. Бассейн Средиземного моря уже представляет собою в эту эпоху некоторое геополитическое единство.

Далее следует *океаническая* эпоха, океанический период развития цивилизации. Он знаменуется открытием двух Индий (Индия и Америка); в новую эпоху на исторической сцене появляются новые народы (испанцы, англичане). Океаническую эпоху Мечников называет всемирной. Мы живем именно в эту эпоху.

Теория Мечникова основывается на некотором универсальном принципе, который можно назвать *гидрополитическим*. В ее цельности, простоте и — в известной мере — правильности заключается ее преимущество сравнительно с расплывчатыми писаниями Щапова.

Однако то, что составляет оригинальность его учения, одновременно несет в себе и его недостатки. Мечниковский гидрополитический метод, очень плодотворный в районе Средиземного моря, очень правильный, поскольку исследование замыкается рамками речных систем, — весьма мало пригоден в более широких масштабах и не объясняет природы, напр<имер>, континентальных месторазвитий и континентальных цивилизаций (ср. степные культуры).

Россия, пока ее история не вышла из стадии, в значительной мере определявшейся Великим путем из Варяг в Греки, пока история России оставалась в районах «Суздаля» и «Москвы», — она допускала гидрополитическое исследование и давала при этом известные положительные результаты... Однако этот взгляд будет малопродуктивен, т<ак> к<ак> объясняет лишь одну и относительно России не столь значительную сторону явления. Можно даже сказать, что в приведенной выше выдержке из Щапова заключено больше геополитической правды (относительно России), чем в развитой сейчас схеме «по Мечникову».

Следующий из разбираемых авторов Д.Ив. Менделеев не только восполнил недостаток Мечникова, но и внес нечто самостоятельное в изучаемую нами область знания.

В книгах «К познанию России» и «Заветные мысли»⁴ он вполне отчетливо оперирует с понятием месторазвития и ставит его в связь не только с внутренними геополитическими условиями, но и внешними. Именно

ему принадлежит характеристика России как срединного мира, лежащего между молотом и наковальней, между Европой и Азией⁵.

В отношении собственно географическом Менделеев произвел некоторый «переворот в мышлении», который только теперь начинает проникать в сознание современников: Менделеев начертил новую карту местонахождения России на земном шаре⁶. На этой карте Россия не разбивается на Европейскую и Азиатскую части, но — вопреки установившейся и до сих пор (!) упорно сохраняющейся, несмотря на всю очевидную нелепость, традиции — изображается цельным геополитическим телом⁷. Если угодно, Менделеев также отчасти гидрополитик, в том смысле, что он положил в основу своего картографического изображения России мысль, что *она лежит на берегу Ледовитого океана*. Менделеев придавал громадное значение «территории» — месторазвитию, он говорил: «Земля навсегда останется первою основою народности и государственности»⁸. Отсюда понятны его усилия, затраченные на определение географического центра России, связанного в свою очередь с центром народонаселения⁹.

Определение центра России не являлось для Менделеева самодовлеющей задачей. Это определение было необходимо для постановки более широкой проблемы: как, куда, как быстро движется поток людей, живущих на пространствах России... А этот вопрос в свою очередь подчинен еще более важному: каковы вообще закономерности в росте и движении народонаселения?..

Заметим, что для Менделеева вся совокупность жизненных вопросов сводилась к одному главному и основному — к вопросу о народе. С одной стороны, он утверждал, что *народ* является главнейшим политическим и историческим двигателем; он говорит о влиянии «густоты населения на весь народный быт, даже на всю историю отдельных народов и всего человечества...» С другой стороны, Менделеев признавался: «Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой политики яснее, проще и осознательнее всего выражается в выработке условий для размножения человеческого»¹⁰.

Следовательно, наподобие мечниковского универсального гидрополитического метода, Менделеев предлагает свой *также универсальный метод — этнополитический*. Заслуга Менделеева в том, что он определил характер и, так сказать, «физиономию» — «ландшафт» российского месторазвития и показал закономерности в движении народонаселения. В частности, им показана тенденция «центра населенности» России двигаться от Запада к Востоку¹¹. Отсюда он заключал, что будущее России на Востоке.

⁵ Д. Менделеев. К познанию России, изд. Миловида, с. 14 и 24¹⁰.

Самым смелым, законченным и оригинальным из русских геополитических учений является учение Н.Я. Данилевского.

Н.Я. Данилевский, недавно забытый, а ныне возрожденный в русском сознании и повторенный в иностранном («Закат Европы», О. Шпенглер¹²), развивает учение, в котором приняты во внимание и естественные условия (как это делал еще Шапов), и общее строение и местонахождение (как это позже делали Мечников и Менделеев), и к этому присовокупляя *движение идей* в общей системе мировой истории. На основании широких аналогий и сопоставлений он строит в своей книге «Россия и Европа» теорию культурно-исторических типов — культурно-исторических субъектов истории.

Здесь уместно подчеркнуть важность последнего из указанных моментов. Человеческое познание есть также и *самопознание*. Субъект истории — величина живущая, познающая и самопознающая. Об этом говорит и Н.Я. Данилевский, и это обстоятельство вносит существенный элемент в наши понятия. Дело идет о возможности *оценить*, стремиться *исправить*, а следовательно, о поставлении *целей*. В этом именно месте в процесс стихийный, в процесс космический врывается новая над-природная сила — человеческой инициативы и человеческой целеустремленности.

Вводя понятие временности субъекта истории, Данилевский предлагает установить некоторую биоисторическую периодизацию, подобную той, какая имеется в области растительной и животной жизни. Он различает период зарождения, расцвета и умирания тех образований, которые названы нами субъектами истории*.

* * *

Итак, можно сказать, что геополитическое исследование ведется в двух основных направлениях и изучает два основных элемента:

1. Данное месторазвитие.
2. Данного субъекта истории.

Как было отмечено выше, человечество, занимающее поверхность земного шара, представляет собою объект геополитического исследования. Причем в этом случае месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории — все человечество.

---

* «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» («Россия и Европа», 4-е изд., 1889. С. 96). Ср. сказанное в начале статьи о *морфологии в геополитике*.

Исторически исследовательская мысль двигалась параллельно изучению субъектом истории — человечеством — своего месторазвития — земного шара.

Сначала изучались ближайшие и меньшие объекты, потом — отдаленные и большие. В пределе — дело идет об интегральном изучении и *освоении*, если угодно — *покорении* человечеством земного шара, его природы, его сил.

Можно попытаться изобразить последовательность геополитического исследования следующей схемой:

1. В качестве субъекта истории выступает группа людей, напр<имер>, племя. Для него может быть определяющим простое (в отличие от сложного, к которому перейдем позже) месторазвитие.

Племя, живущее на берегу моря или озера, непременно будет заниматься рыболовством. Племя, живущее в лесу, будет работать по дереву, начиная с обычной эксплуатации лесных богатств и кончая выжиганием угля и пр.

Степь — определяет и создает степняка. Горы — горца. Между горцами Сицилии, Корсики, Сиерры-Невады и Кавказа больше сходства, чем между горцами Кавказа и недалеко от них кочующими ногайцами или еще ближе живущими на плоскости русскими крестьянами... Вслед за А.Н. Фатеевым мы можем говорить о номадизации и аграризации человека природой¹³.

Современность дает замечательнейшие примеры воздействия месторазвития на занятия, психику и *даже социальный уклад* человеческих обществ. Мы можем наблюдать опыты превращения кочевников в земледельцев, моногамистов в полигамистов, ремесленников и торговцев — в сельскохозяйственных рабочих, а крестьян — в завязанных пролетариев. В Туркестане и Белуджистане живущие там народы «передельваются» из номадов в аграриев. В Крыму и в Палестине еврей-ремесленники, торговцы и рабочие становятся хлебопашцами; в Сибири, в тайге, те же евреи перерождаются в таежников-лесников... В СССР происходит массовый процесс пролетаризации крестьянства. Можно сказать, что мы живем в эпоху, когда человек особенно энергично взялся за «переделку» мира, да и самого себя. Поэтому-то вопросы геополитики приобретают особую актуальность и зовут к себе внимание исследователя и общества.

2. Пойдем дальше. Возьмем не одно племя, но совокупность племен, при оставлении в силе второго условия (простое месторазвитие). В данном случае примером может служить, напр<имер>, *моздокская степь* Терского края. Здесь при наличии простого, *равного для всех племен* месторазвития могли быть наблюдаемы следующие особенности¹⁴.

а. Осетинское селение. Весь социальный и бытовой уклады построены на началах родового быта. Примитивное земледелие, экстенсивная система, зачаточное знакомство с сельскохозяйственными орудиями производства, неорганизованный сбыт продуктов.

б. Казачья станица, скажем, Курская. Своеобразная система наделов, станичный земельный фонд, общность пастбищ, покосов. Население живет «дворами», станицей управляет атаман и станичный сбор (говорю о довоенном времени).

в. Немецкая колонка¹⁵, осевшая здесь не более нескольких десятков лет. Крайнее отграничение себя от внешнего мира, строгое соблюдение своего немецкого бытового уклада жизни; индивидуальное хозяйство при широко развитой системе общественной помощи и кредита. Плодопеременная система, обилие средств производства, организованный сбыт продуктов, совершенно особое — чужое и непонятное для окружающих — представление о семье и пр.

г. Русское, или — как в тех краях говорили — мужичье поселение. Здесь — остатки навыков земельной общины; отруба, выселки, хутора, индивидуальное хозяйство, аренда и пр. На одной улице живут богатей, содержащие нескольких батраков; на другой — несколько домов соединяются вместе на началах кооперации. Хаос земельных отношений предвоенной России в полной мере отражался на русских селениях, расположенных в степях на север от г. Моздока. Русский уклад жизни совершенно непохож ни на осетинский, ни на немецкий, ни на казачий.

д. Верстах в пятнадцати от ст. Курской лежит сел. Эдиссия, там живут армяне, осевшие здесь еще при Екатерине II. У армян смесь родового быта и прорастающего сквозь него нового быта — основанного на началах индивидуального хозяйства. В области управления: остатки прежних привилегий и новых уравнительных административных тенденций (снизу — самоуправление, «сверху» — урядник из Моздока).

е. На северо-восток от перечисленных селений, не более как в ста верстах начинаются кочевья ногайцев. Таким образом, если между географическими пунктами «немецкая колонка» — «ногайское кочевье» пролегают сто верст, то между формами хозяйства, имеющимися в первом и во втором случае, пролегает несколько сотен лет (ср. экономическую периодизацию некоторых европейских политико-экономистов, напр<имер>, Ф. Листа¹⁶).

ж. И там же, в этих степях, встречаются образцово поставленные латифундии — громадные экономии каких-нибудь Яковенок или Мамантова, в большинстве случаев сектантов, пришедших сюда из Таврии.

Добавим, что в настоящее время, по доходящим из СССР сведениям, на Сев<ерном> Кавказе проведена сплошная коллективизация¹⁷. Таким

образом, указанные здесь различия, *существовавшие, несмотря на единство месторазвития*, — по заданию — должны быть сравнены. Именно в этом пункте рельефно выступает значение человеческой инициативы и человеческого целеустремления, о котором было уже упомянуто. Дело идет о геополитической роли и геополитическом значении *власти*. Об этом скажем несколько ниже.

3. Перейдем к рассмотрению сложного субъекта истории, живущего в условиях сложного месторазвития. Возьмем то, что в русской истории называлось *землей*: Новгородская земля, Псковская земля. В Европе им соответствовали государственные образования типа государства-города Венеции или в более отдаленные времена — Афины и Спарта.

В каждом отдельном случае, при наличии сложного месторазвития, имеются особые условия, которые должны быть изучаемы всегда в *индивидуальном* порядке. Это требование становится понятным только теперь, когда несколько развеялись гипнозы того или иного цивилизаторского эгоцентризма.

Итак, возьмем государство-город. С точки зрения геополитической морфологии, это образование является как бы переходным от примитивного государства к тому, которое нам знакомо по современности.

Новгородская земля характеризуется наличием выхода к морю и громадных пространств, годных для земледелия, ското- и лесоводства. Отсюда два основных рода занятий жителей господина Великого Новгорода: с одной стороны — торговля и ремесла; с другой — земледелие, охота, пушное и кожевенное дело и другие занятия, связанные с землей и лесом. Смешанной системе хозяйства отвечает смешанная система управления. Отсюда — как раз на примере с Новгородом — ясны выгоды индивидуализирующего геополитического подхода: Новгород — не народоправство, как настаивают одни и опровергают другие историки; и это — не аристократическая республика с преобладанием «северных дождей» — Борецких¹⁸ или других. — Это есть *особая* форма, соответствующая *особым* же геополитическим условиям. И не надо смущаться, если формы Новгородского государственного устройства не входят в «рамки юридических начал», завещанных (добавим от себя) существенно иным месторазвитием. Наоборот, надобно вдохновляться богатством своеобразия различных частей нашей страны и искать соответствующего этому своеобразию определения.

Венеция тем именно и отличается от других схожих типов государств-городов, что в ней интересы торговли поглотили безусловно все остальные интересы. Поэтому здесь и утвердилась вполне определенная и своеобразная система управления — аристократическая республика дождей. Более всего Венеция походит на Карфаген, но в Карфагене было большое

религиозное и расовое разнообразие, тогда как Венеция в религиозном и расовом отношении представляла собою некоторое единство.

Мимоходом отметим, что современные попытки возродить государство-город (например, Батум, Данциг, Фиуме¹⁹ и пр.) обречены на неудачу. Наша эпоха отличается бытием многосоставных государственно-экономических образований, стремящихся поглотить все, поддающееся поглощению и попадающее на пути их экспансии. Можно считать, что государство-город — форма, окончательно отмершая.

4. Следующей формой будет такая, где субъектом истории является народ или совокупность народов, живущих в условиях сложного месторазвития.

Напомним все оговорки, сказанные относительно необходимости соблюдения индивидуального подхода. Они приобретают тем большее значение, чем больше особенностей в данном месторазвитии.

С общепринятой собственно политической точки зрения государство состоит из трех слагаемых: территории, населения и власти. Основное свойство государственной территории — непроницаемость; населения — состояние в едином политическом целом; власти — независимость, суверенитет.

Иной подход геополитический. Для него важнейший момент не непроницаемость — понятие юридическое, но *естественные, природные* особенности и богатства территории. Поэтому геополитик говорит не о территории, а о *месторазвитии* (в установленном выше смысле). Геополитик интересуется населением не с точки зрения его принадлежности к единому политическому целому (хотя, конечно, и это факт не безразличный), а с точки зрения *творческих способностей* населения. Основным критерием будет здесь соработа, сотрудничество, участие в единой *организации*.

«Прикладная география, — говорит пр. А. Фатеев, — может до некоторой степени оттачивать проницательность и способствовать предведению в общественной политике»^{*}.

Для геополитика первое и существеннее *формальных* моментов — моменты более прочного порядка, т.е. геополитические. В то время как политики включительно до 1910–1912 гг. говорили о единстве политической Австро-Венгерской системы (например, П.Б. Струве в «Патриотике»²⁰), геополитики могли предвидеть и предвидели эклектичность, агрегатность этой системы.

Геополитический взгляд на Чехию объясняет — почему не произошла ассимиляция чехов немцами. И наоборот — почему *произошла* ассимиляция немцами же поморских славян. Понятно также — почему,

^{*} «География и обществоведение». Прага, 1927. С. 91.

напр<имер>, Грузия или Армения сохранили себя в той или иной форме в течение тысячелетий и почему в С. А. С. Ш²¹. уже второе-третье поколение эмигрантов американизируется до неузнаваемости.

Громадная система равнин, именуемая российско-евразийским миром, как бы самой природой созданный колоссальный ассимиляционный котел. На пространствах России с замечательной наглядностью могут быть наблюдаемы два встречных процесса. С одной стороны, от центра к периферии идет поток русификации. С другой стороны, от периферии к центру — процесс «окраинизации», от слова — «окраина» (старое слово «украина» приобрело новое значение). Под окраинизацией я понимаю как возрождение национальных культур: татарской, узбекской, армянской, грузинской и др., так и восприятие единой общероссийской евразийской культурой отдельных периферийных элементов.

Эти два встречных процесса составляют особенность геополитического мира, к которому мы принадлежим.

5. Перейдем к рассмотрению последней из форм, которая может быть названа государством-материком или государством-миром*.

Зарождение этой геополитической формы относится к десятилетиям, предшествовавшим мировой войне, но обнаружение ее во всей конкретности происходит только теперь.

В государстве-материке мы встречаем чрезвычайно сложное строение как месторазвития, так и субъекта истории. Тенденция к образованию государства-материка замечается в Европе, с ее сложным месторазвитием, ограниченным на Западе, Юге и Севере морями, а на Востоке соприкасающимся с Россией-Евразией; в Америке, точнее говоря, в С. А. С. Ш. с их стремлением освоить Центральную Америку и Канаду. Россия-Евразия — как это показано и показывается евразийской теорией и... исторической практикой каждого дня — есть сложившееся государство-материк.

Геополитическое изучение государства-материка является одной из основных научных тем евразийства.

---

* См. «Теорию государства» *Н.Н. Алексева*, с. 27–28 и повсюду²².

РЕВОЛЮЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Сейчас уже и коммунистам ясно, что размах и глубина русского революционного процесса *далеко превзошли* ту систему мыслей и планов, которые называются марксизмом-ленинизмом. Пока был Ленин, коммунистич<еская> партия справлялась с очередными практическими задачами. И своим действиям давала то или иное практическое обоснование. А теперь — совершенно явно революция переросла коммунистическую доктрину; и эта доктрина уродует и искривляет развертывающийся исторический процесс.

Без всякого сомнения, единоборство между «доктриной» и «историей» закончится победой истории. Чтобы понять пути этой победы, чтобы знать — где та точка, к которой надо приложить «рычаг Архимеда», посмотрим: с чего коммунисты начинали революцию и к чему они пришли сейчас...

Основной тезис коммунистической веры гласит: идеология и политика определяются экономикой. Тому или иному порядку производственных отношений соответствует тот или иной порядок идей. В буржуазных государствах вся сила экономики сосредоточена в руках буржуазного класса; а раз так, то и политика, и искусство, и религия — словом, все проявления духовной жизни окрашены в цвета буржуазные, и цели такого государства будут опять-таки буржуазными целями.

Свою историческую деятельность коммунистическая партия начала с яркого опровержения собственной веры. Дело в том, что в старой России не было ни малейшего намека на то, чтобы экономическая мощь страны не то что сосредоточилась, но хотя бы стремилась сосредоточиться в руках рабочего класса — пролетариата. Вопреки собственным утверждениям, будучи экономически бессильными, коммунисты захватили власть и начали *политикой определять экономику*. Доктрина оказалась посрамленной, узкой и ложной; но это не явилось побудительной для коммунистов причиной отказаться от власти. Напротив, они в массе, т.е. громадное большинство партии, заботились о сохранении власти прежде всего и во что бы то ни стало. — Позже, после НЭП'а (который тоже блестяще подтвердил тезис, обратный научному материализму, т.е. что не экономика действует на политику, а наоборот, скорее политика на экономику и что, во всяком случае, между ними есть сложное взаимодействие) — по-

сле НЭП'а открывается борьба двух направлений в компартии: 1. Россия рассматривается как плацдарм для мировой революции с целью осуществления социализма-коммунизма во всем мире; 2. Россия рассматривается как социалистический остров, окруженный буржуазным морем; и этому острову, России, предстоит осуществить «социализм в одной стране». Обе точки зрения являлись, по существу, «политикой», т.е. ставили перед страной или ту, или эту задачу. И в обоих случаях экономика входила как бы составной частью в политику и определялась последней...

Победила вторая точка зрения: социализм в одной стране. И эта победа сразу определила отсечение группы крупнейших деятелей революции, таких деятелей, которые своей особой символизировали целое направление. С победой этого лозунга отпала интернациональная группа, в которую входили Раковский, Радек, отчасти Троцкий¹ и др. Вместе с тем власть становилась на путь принципиально оппортунистический, приспособленческий. Совершенно ясно, что только приспособлением к нуждам революции можно объяснить ссылку длинного ряда подлинно коммунистических деятелей. Они, не желавшие или не умевшие вовремя «слизнуть», оказались вне жизненного потока. И — погибли.

Но «не погибшие», сохраняя за собой власть, в сущности, тоже погибли — если не политически, то идейно и морально.

Мы, не разделяющие марксистских взглядов на природу власти, можем говорить и говорим о моральной и идейной гибели комвождей, которая безусловно и неизбежно повлечет за собой и политическую гибель.

Чем занимается сейчас верхушка властвующей партии? — Она хочет как-то примирить свои коммунистические лозунги с политикой приспособления. Она стремится быть одновременно и действенной государственной силой, и сектой фанатиков, обуянных злою волею причинять зло ради зла. Нельзя сейчас говорить о коммунизме как идеологии. Можно говорить о бюрократическом преподавании ряда заезженных, лишенных жара и смысла выражений, в которые никто не верит. Нельзя говорить о собственно коммунистической экономической пропаганде. Можно говорить о том насильственном привкусе экспериментирующего ненавистника, который вносят коммунисты в свои действия в области экономики. Порою предпринятые коммунистами реформы сами по себе не плохи. Однако способы проведения этих реформ способны внушить лютую ненависть и отвращение.

В области политической далеко не все, выдвинутое компартией, должно подвергаться осмеянию или изничтожению. Напротив, федеративная система, советская система, единая партия — все это бесспорные ценности. И тем не менее — также и в области политической коммунисты, именно в силу двуприродности своего бытия и своего положения (о кото-

рой мы говорили выше), *вынуждены* быть не политическими деятелями, а зверскими хирургами и даже коновалами от политики.

Но страна уже вышла из стадии беспамятства революционной горячки. Страна изнывает по органической планомерной работе, основанной не на компромиссе «злодея» и «доброего хозяина», не на сделке международного рвача — профессионального революционера — с отечественным карьеристом от пролетарской революции, но укорененной в незыблемую почву положительных установлений. Страна жаждет перейти к основательной стройке, не подвергающейся прихотям сегодняшнего политического горизонта. — И как раз в этой точке мы угадываем ту, которую должен искать современный политический Архимед.

Итак, не отступление, но дальнейшее движение вперед развернутым фронтом. Не снижение творческого порыва страны, но выход из приспособленческого болота коммунизма на новый подъем. Не компромисс между отживающим коммунизмом и пробивающими себе путь ростками новой жизни, а выявление самостоятельной, национальной и вселенской русской идеи — идеи России-Евразии как узла и начала новой мировой культуры.

ГЕРОИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

Воспитавшая нас предреволюционная культура, предреволюционная общественность навязала нашему сознанию ряд мыслей и оценок, связанных с понятиями «героическое» — «герой» — «геройство».

Волей-неволей при этих словах мы вспоминаем о «герое» и «толпе» и невольно же противопоставляем «личность» — «коллективу». Широко распространены понятия, что герой — это что-то очень высокое и благородное. Нечто, стоящее на недостижимом пьедестале. А толпа — это что-то низкое и лишенное героических черт.

В области политической такого рода мысли и оценки порождают мучительное, тревожное и, главное, бесплодное ожидание, что, вот, дескать, придет наконец герой русской революции; вот-вот появится русский Наполеон. И вот он-то — все объяснит, все поставит на свое место и таким образом «спасет» Россию.

Этот взгляд нужно преодолеть и преодолеть как можно основательнее — в самом корне. От ожидания «русского Наполеона» надобно отказаться.

Почему надо преодолеть? Для чего надо отказаться?

Потому и для того, чтобы *нам самим задать работу* по выяснению истинных нужд России; ее путей, успешность и правильность которых зависит не от выдуманного и ожидаемого «героя», а от нас самих.

Взгляд на «героическое» внушен нам европейской индивидуалистической литературой. У французов, например, развито любование «героическим», которое переходит в комедианство. У немцев — идея «сильной личности» переходит в учение о «сверхчеловеке», которому все доступно и все позволено.

Вместо того чтобы углубиться в понимание российских событий и сделать отсюда выводы в *первую голову для самих себя*, мы предоставляем «кому-то» забивать наши мозги теми взглядами, которые выгодны этим «кому-то»; и мы допускаем, чтобы «кто-то» говорил от нашего имени, обращаясь к современной России, к ее молодежи.

Неужели мы признаем «героем» и «наполеоном» того, кто приведет в нашу страну иноземные полки и таким образом «освободит» ее? — Неужели тот, кто повернет течение русской революции не вперед — к Новой России; а назад — и таким образом создаст реакцию — неужели этот человек будет в наших глазах «героем»?

Надобно помнить. — Страна наша ввергнута в столь сильное испытание, что она может из него выйти только путем *героическим*. Путем неслыханного — граничащего с чудом — самопожертвования; путем вознесения на такую духовно-религиозную высоту, которая одна способна оправдать кровь и жертвы революции. Оправдать *прошлое* и послужить устоем жизни будущим поколениям.

В современности героическое и состоит в величайшем самопожертвовании во имя идеала.

Таким идеалом может быть отнюдь не *личный* «наполеоновский» идеал. Напротив, идеал, к которому надо стремиться и который надо создавать, — должен быть *общий*, всенародный идеал. А призыв к самопожертвованию относится опять-таки не к какому-то «герою русской революции» — а к каждому из нас, к каждой отдельной личности, живущей в современности.

Наполеоны и сверхчеловеки нам не помогут и Россию из коммунизма не выведут. Только постоянное стремление к *живым силам страны*, только непрестанная работа и мысль — что же *там* происходит; как и куда идти, — только это сейчас нужно России и нам самим.

Россия без нас проживет. Но вот — проживем ли мы без России? Но жить вместе с Россией — это и значит идти по пути героическому. Это значит — всегда бороться *против* того и тех, что приносит ей зло; и за то и тех, кто приносит ей добро.

Самое первое и необходимое геройство, которое требует от нас Россия и история, — это работа над собой; это умение преодолеть себя во имя Новой России; и понять, что то, что нам иногда кажется странным, — может оказаться великим.

О ДВУХ ПОКОЛЕНИЯХ

Начиная с шестидесятых годов прошлого столетия, русская общественная, политическая и философская мысль непрерывно работает над проблемой революции. Чем ближе подходит роковой переворот русской истории, тем тревожнее ожидания, тем трагичнее прозрения в будущее. Наконец, гром грянул. Произошла поистине космическая буря. Пронесся, сияя черной молнией, буревестник Горького. Произошла «судорога», о которой так красноречиво говорил Шигалев в «Бесах»¹, которая знаменовала разрыв в непрерывности исторического процесса².

Между тем, что «до» революционного взрыва, и тем, что «после» него, — пролегает некоторый *геологический* период, который никак не соизмерим с человеческими, слишком человеческими подсчетами времени: «десять лет», «тринадцать лет» и пр. Как можно говорить о «десятилетиях», когда происходит перепластование эпох?³

Ни в Сов<етской> России, ни в эмиграции, ни «в Европе и Америке» — никто, кажется, не оспаривал грандиозности, катастрофичности русской революции. Пошлый голос «чекистского подцензурного», сказавший нечто о «все то же — но только хуже», — при всей его еле слышимости прозвучал явной фальшью и только подтвердил небывалую глубину и серьезность событий русской революции. Итак, «все согласны», что русская революция — это катастрофа, мощный взмах судьбоносных крыльев несущейся истории, такой взмах, который уносит вперед, вдаль, вниз и вверх — и оставляет за собой неизмеримые пространства⁴.

Таковы предпосылки.

А вот — современная русская действительность, распадающаяся (скажу это сразу) на два чрезвычайно не похожих друг на друга лагеря. — Как в СССР, так и в эмиграции очень легко различимы два лика эпохи. Один — обращен к прошлому, другой — к будущему, к «после» революции. И хотя революция не окончена, все-таки можно и необходимо говорить о наличии двух основных типов мышления, настроенности и, если так можно выразиться, перспективности. Одним перспектива открывается с задней площадки несущегося экспресса истории; другим — с паровоза... Об этом необходимо говорить именно во имя замирения российской стихии; во имя стабилизации — приведения революционной России к некоторому пореволюционному «статус-кво»⁵.

Психология «задней площадки» состоит (как это ни парадоксально), во-первых, в уверенности, что будущее России лежит в ее прошлом; во-вторых — что только представителям этого прошлого дано будет построить или определять будущее. Здесь мы наблюдаем почти клинический случай невосприимчивости к потоку времени и новым впечатлениям, осложненный идеефиксной привязанностью к собственным домыслам, относящимся к давнопрошедшему, докатаклизному времени⁶.

Во взятом нами разрезе становятся понятными непонятные с другой точки зрения такие, например, явления, как *неспособность* коммунистов к пересмотру своей явно отсталой и грубо человеконенавистнической программы; или призывы монахов из «Двуглавого орла»⁷ вернуться к временам земских начальников; или смешные выкрутасы «заграничных социалистов»⁸ представлять «русский социализм» во II Интернационале и т.д.

В самом деле — разве не равнозначны в своей злостной реакционности коммунисты, насильственно уташающие религиозный подъем страны, мешающие ей строить свою органическую *не-коммунистическую* жизнь, — и «монархисты старого толка», призывающие «вернуться назад», для того чтобы... начать все сначала и скатываться в 1917 год?!⁹

Но взятые сейчас примеры своей очевидностью «бьют в глаза». Приглядимся к менее ярким, но не менее реакционным (в смысле психологии «задней площадки») остальным группам — обломкам дореволюционного прошлого. — Идя от «правого фланга», после зубров «старого доброго производства», сталкиваемся с некоторым весьма «современным» течением «консервативного либерализма» или «либерального консерватизма». Речь идет о целой группе лиц и целом пучке направлений, охватывающих, так сказать, «левицу» Зарубежного Съезда; т.е. значит о «Возрождении», «России», «России и Славянстве»¹⁰ и примыкающих к ним. О чем они говорят, чему учат, куда зовут? В лучшем случае — к манифесту 17 октября 1905 года и «Основным законам» 1906 года¹¹. В худшем — к так называемой (называемой на языке революционеров русского прошлого) временам «столыпинской реакции»... Это — после геологической катастрофы, после «царства Антихриста», «Апокалипсиса наших дней»?..¹²

Еще «левее» — республиканцы-демократы, представители «оппозиции Его Величеству», российские европейцы и всесветные космополиты¹³. Самое глубокое их отличие от «консервативных либералов» состоит, по-видимому, в том, что они, республиканцы-демократы, во всех случаях против «царского корня» и интервенции. Тогда как «либеральные консерваторы» порою возвращаются мечтой к этому корню и время от времени потрясают воображение оружием воображаемой интервенции.

Во всем же остальном — это близнецы, скучная нескончаемая ссора которых уже не забавляет ни одного читателя «Последних новостей» и «Возрождения»¹⁴.

Где-то посередине между этими двумя «китами русской эмиграции» извилистой тропинкой пробегает политическая линия «Дней». «Дни» страшно боятся оторваться от эмиграции и так же боятся оторваться от «революции», которую они воспринимают как некоторую стихию, долженствующую закончиться апофеозом того великого человека, который руководит «Днями»¹⁵. Сказанное — не шутка: «Дни», при возможных своих достоинствах по части информационной, производят неотразимое впечатление чего-то крайне личного, устремленного на неодолимое желание во что бы то ни стало переиграть проигранную однажды историческую игру¹⁶.

Перечисленные группировки волею и прихотью исторической судьбы сыграли роль «Лепорелло» русской революции... Их участь — повышенная чувствительность к прошлому и поразительная нереактивность на настоящее; незрелость в будущее. Их мечта и страсть¹⁷ — переиграть игру. Совершенно не случайно поэтому символика «Сатирикона», изобразившего «гадание на картах» основным занятием представителей этих группировок¹⁸.

Но если «вождей» «Последних новостей», «Дней» и «Возрождения» можно называть «Лепореллами» русской революции, то как назвать российских социал-демократов и социал-революционеров? — обманутыми дон-Жуанами?! Да, в эмиграции имеется и эта разновидность предшествующей эпохи. Как водится, обманутые дон-Жуаны говорят «те же слова», обещают сделать «то же самое» — только «немного иначе» — и удивляются: почему не они, а кто-то другой (их же родные братья — социалисты-коммунисты) оказался в роли подлинного дон-Жуана¹⁹.

Пусть будет утешением им фраза, сказанная выше о коммунистах! — так же и коммунисты постепенно отходят в область прошлого. Оппортунистические злодеи, руководящие нынешним СССР, являются переходной ступенью к тому, что идет за ними; что реализуется и закрепится в пореволюционную эпоху.

Как в СССР, так и в эмиграции — зреет и растет Новая Россия, Россия завтрашнего дня. Очень трудно в газетном фельетоне изобразить сложнейший и вселяющий великие надежды процесс зарождения и развития Новой России. Но зарождение и развитие *есть*; это — уже неопровержимый факт, все полнее овладевающий действительностью, определяющий ее. Факт зарождения Новой России, оригинальной и сильной, духовно богатой и независимой, — производит впечатление радуги, обещающей конец бури и приближение нового Лета Господня²⁰.

Только в беглых чертах упомянем о многозначительном расщеплении коммунистической партии и особенно комсомола на «классовиков» и «государственников»; скажем о поистине ломоносовской жажде советского молодняка грызть гранит науки; о широко разветвленных организациях Христомола, о сектах, о тайных духовно-образовательных кружках...²¹ Настроения мессианства и великого призвания России все шире распространяются среди советской молодежи; те ее представители, которые не ушли «в карьеру» или «быт», — идут многообещающим путем духовного обогащения. Наконец, и комсомольцы-общественники, и молодые советские марксисты делают дело, которое непременно принесет плоды, хотя и не те, что ожидаются... Говоря так, имеем в виду стремление молодых умов проверить и распространить на все области жизни теорию материализма-марксизма. Ведь известно, что не противники дарвинизма «опровергли» значительную часть этой теории. Напротив, дарвинизм получил разработку и... опровержение во многих своих частях именно в среде дарвинистов, а не противников дарвинизма — отмахивавшихся от него руками и... мало что сделавших для его преодоления. Советскому марксизму угрожает судьба дарвинизма. Но очищенное таким образом духовное поле потребует новых зерен... да и не только потребует, но и требует уже; и даже дает ростки, невидимые только теми, кто не желает или боится их видеть.

Однако процесс раскрытия Новой России в пределах СССР может быть очерчен лишь в самых общих выражениях. Для темы настоящей статьи достаточно засвидетельствовать самый факт наметившегося преодоления марксизма, а тем самым — преодоления идолов предреволюционной и революционной эпох²².

Нам доступнее и знакомее явления того же порядка, происходящие в эмиграции. Начавшиеся не со вчерашнего дня попытки определить лицо «пореволюционной России», организовать «Второе Поколение», «Фронт Молодых»²³ и так далее — все это входит в некоторую общую закономерную тягу, сущность которой состоит в том, что новая эпоха ищет своих соответствующих выражений.

Именно с этой точки зрения надо подходить к уже существующим организациям идеологического и культурно-политического характера, как федоровцы или устряловцы (на Дальнем Востоке и в Европе), национал-максималисты, группа журнала «Утверждения»²⁴ и множество иных больших и малых группировок, ценных смелостью сказать свое слово во имя раскрытия духовного и политического содержания Новой России, поскольку она отражается в «Новой Эмиграции».

Да, речь именно идет о *новой* эмиграции, новой в отношении настроений и целей. И в этом смысл последних эмигрантских событий, вызвав-

ПУБЛИЦИСТИКА

ших разговоры о «первом» и «втором» поколениях и пр. Дело не в поколениях, но в эпохах. И если новая эмиграция в какой-то мере порывает с очерченной выше, так сказать, «официальной эмиграцией», то дело идет здесь не об «обиженных отцах» и «дерзких детях», но о размежевании двух эпох: *до* и *после*-революционной²⁵.

Отсюда ясно, что всхлипывания слабонервных людей о разрыве преемственности не имеют никакой цены. Современная молодежь, идущая «на выучку» к «дверям» официальной эмиграции, — уходит, в сущности, в прошлую «геологическую эпоху». Это печально, но — это так.

Однако, с другой стороны, смешны претензии тех, кто обрушивается на представителей новой эмиграции с обвинениями в отступничестве от русских традиций и каком-то нарочитом выходе из материнского лоно общей культуры.

Разве русская культура законсервирована в каком-либо определенном заграничном органе — все равно: со славянской вязью на первой странице или без оной?

И разве *первое* по возникновению* и наиболее широко разработанное учение *евразийцев* не представляет собою *сочетание величайшей революционности духа и мысли с прочной укорененностью в родную почву России-Евразии?*

Как раз Евразийство и кажется нам учением, которому суждено увязать прошлое с будущим и синтезировать «историческое с революционным».

В этом залог его победы.

---

* В нынешнем году исполняется десятилетие евразийского движения.

АНТИНОМИИ СОВРЕМЕННОСТИ

То, что человечество вступило в некоторый новый — ответственный и грандиозный — этап своего существования, стало уже «общим местом», неоспоримым фактом нашего сознания. Но далеко не всегда дается отчет в сущности происходящих перемен. Между тем эта сущность подобна бесчисленным корням могучего дерева, уходящим глубоко в почву — весьма вероятно, в ту таинственную область, которую принято именовать «под-сознанием».

Во всяком случае, наметившийся и явственно обнаруживаемый всеобщий кризис может быть наблюдаем в самых разнообразных областях.

В логике совершается переход от силлогизмов Аристотеля к новому расширению и раскрытию законов тождества и противоречия, так что нынешняя логика (в значительной части ведущая свое начало из диалектики Гегеля) скорее может быть названа мета-логикой. В математике после работ Лобачевского, А. Пуанкаре, Эйнштейна и др. произошло и происходит вступление в доселе недостижимые области четвертого и пятого измерений, что в свою очередь коренным образом меняет установленные было «законы» химии и физики (в частности, термодинамики). Современная биология, с одной стороны, преодолевает Ч. Дарвина учением о номогенезе (см.: Л.С. Берг. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. Петербург, 1922)¹ и одновременно врывается в область философии, разбивая механистические и окказионалистические представления, господствовавшие за последнее время в науке; а с другой (см. пр. С. Метальников «Проблема бессмертия». Берлин, 1924)² — устанавливает небывалые (для XIX века «ненаучные») новые принципы взаимозависимости «духа» и «материи», открывающие человечеству возвышенные и головокружительные перспективы («Современная биология, — пишет С. Метальников, — до сих пор мало уделяет внимания духовной деятельности организма, полагая, что это область философии и метафизики...») «Ученый стремится материалистическими процессами объяснить *все*, забывая, что в живом организме есть психическая деятельность, которая может влиять и *даже изменять* материальные процессы», стр. 174–175). Нынешние геополитические и социологические концепции настолько отдалены от «вчерашнего дня» официальной науки в этих сферах знания (к примеру — концепция П.Н. Савицкого, согласно которой «дух» на-

рода, вообще человеческого сообщества *избирает* подходящую для себя «географическую плоть», т.е. месторазвитие, см. его «Географические особенности России». Прага, 1927)³, что кажутся если не детскими, то во всяком случае наивными и, главное, бездоказательными. Наконец, и в царственной горнице человеческого ведения — в философии — идет процесс переоценки старых кумиров и их низвержения; и одновременно — создания новых ценностей, преимущество которых в том, что они основываются не на временном и «самом модном», но на вечном и истинном.

Поразительная и вдохновляющая картина! — и нет сомнения в том, что лучи нового сознания с непреодолимой силой прорвутся в область общественных отношений, по-иному (верим — по-лучшему) озарят самые трудные углы и закоулки политико-экономического строя и укажут путь к разрешению наиболее болезненно переживаемых проблем.

В чем главная трудность, испытываемая сознанием, когда оно стремится уяснить себе смысл происходящих событий? — В значительной части в том, что наше сознание, приученное школьной наукой мыслить *логически*, видит и со всей силой трагического принуждено бывает искать путей действия вне шаблонно-логического пути.

Раньше мы следовали такому ходу мысли:

А есть А.

А не есть не А.

Всякая вещь есть или А, или не А.

Теперь главная аксиома новой логики выражается так:

А есть А и не А.

Всякая вещь есть и А, и не А.

Всякая вещь есть Все» (цитирую по книге П.Д. Успенского⁴ «Tertium organum». Берлин, стр. 73 и 205, изд. «Парабола», 1931).

Раньше мы думали, что настоящее, подлинное государство (примерно — по образцу Франции, где Наполеон был «королем французов», или по образцу Германии — ср. хотя бы учение о государстве-нации Лоренца фон Штейна⁵) может быть *только* однопациональным государством. И в соответствии с этим происходили процессы онемечивания, обрусения и т.д. Теперь мы начинаем (понемногу!) рассматривать государственную жизнь по крайней мере в двух разрезах: собственно государственном и национальном.

Раньше мы думали, что существуют две величины: «капитал» и «труд» и что они находятся в непримиримом противоречии. Теперь мы учимся понимать, что может быть установлен иной порядок вещей; что «капи-

тал» (вообще собственность) может (и даже должен) занять в системе экономических отношений какое-то новое, подчиненное место. Точнее говоря, должен быть включен в общую систему с качеством социально-экономической *функции*. Классическая политическая экономия, с ее принципом «лессэ пассе лессэ фер»⁶, с недоговоренным предположением о предустановленной «гармонии» человеческих интересов — отходит в область «преданья старины глубокой». Жизнь замещает принцип «экономической свободы» принципом «регуляции экономики»; и принцип «свободной конкуренции» — своеобразным учением «философии общего дела», если угодно — экономической не-свободой, поскольку каждой общественной группе придается значение известной функции в *общей* системе отношений.

Раньше — в области политики — мы находились под гипнозом, так сказать, арифмократии: власти числа. Мы думали (вслед за Руссо, хотя в скобках сказать, Руссо признавался сам, что не вполне ясно понимает изобретенное им соотношение между волей большинства и общей волей)⁷, что количество и есть, в сущности, качество; что «воля народа» может быть высчитана посредством подсчета голосов, некоторого количества *ныне* живущего поколения. Теперь мы научились (или хотим научиться) принимать «в расчет» многие ушедшие поколения и многие грядущие; мы поняли (или пытаемся понять), что народ — органическое целое, непрерывное единство множества поколений, что его сознание и воля — не арифметика, но по крайней мере — «алгебра».

Итак, наше сознание не *логично* (в традиционном смысле этого слова), но, так сказать, *антиномично* (впоследствии постараюсь показать, что в философско-политическом смысле оно — *идеократично*). Наши методы мышления (а от них целиком зависят методы действия) силится сопрячь, соединить в некотором высшем единстве тождество и противоречие; мы рассматриваем дифференциацию не в отрыве от интеграции, но совместно с ней.

И благодаря этому, мы (надеемся!) в состоянии распознать основные магистрали современных событий, так неузнаваемо меняющих лик земли; и найти каждой из них соответствующее место с соответствующим назначением.

Без предпосылки антиномии — современность непонятна и... «нелогична». Поистине можно сказать (тому, кто не в силах ею овладеть): «тем хуже для фактов». Тем хуже, потому что эти факты не умещаются в принятые шаблоны.

Как согласовать принципы американского президента В. Вильсона, впоследствии повторенные и расширенные «Декларацией прав народа», провозглашенной русской революцией 2 ноября 1918 года⁸, — с несо-

мненно возрастающим этагизмом (огосударствлением экономической и общественной жизни)?! Как сочетать стремление народов к национальному самоопределению — с несомненно расширяющейся тенденцией тех же народов включиться в широкие государственные объединения? Как увязать и сопрячь беспрецедентное развитие техники, все более вытесняющей живую рабочую силу, с громадным ростом народонаселения? Как соединить волю широких масс участвовать в государственном управлении, т.е. несомненный жизненный здоровый демократизм, — с необходимостью создания своего рода «аристократии», т.е. такого отбора людей, по признаку годности, талантливости и общей одаренности, который один оказывается способным отстаивать *лицо* своего народа, способен охранить и — в меру возможного возвеличить — этот самый народ?

Сказать, что *эти* проблемы не существуют, значит прикрыться плащом лицемерия и опасно «шутить» или действовать по примеру страуса, прячущего свою голову в виду приближающейся угрозы.

Но если они существуют — где выход?

В статье «Система идеократического государства»⁹ я постараюсь наметить общие пути решения поставленных тут проблем (эти решения отчасти подсказываются самой жизнью, отчасти и теоретически разработаны рядом русских и иностранных философов и государствоведов). Сейчас ограничусь несколькими вводными фразами.

Необходимо исходить из основного и вечного: «Сомневаюсь!» — Сомневаюсь, что нынешняя культура — «высшая культура». Сомневаюсь, что нынешнее государство — единственно возможное государство. Сомневаюсь, что наша — «капиталистическая» — экономика самая лучшая экономика. Сомневаюсь, что наша наука — действительно, *научная* наука. Сомневаюсь, что то, что «сказал авторитет Х. Х. или З. З.», — действительно, авторитетно. Сомневаюсь, что «прав — Муссолини» и что «прав — Сталин» (впрочем, не сомневаюсь, что Сталин *не* прав!).

Необходима свобода суждения. Искренность, воля к правде и добру.

Июнь 1933

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОКРАТИИ

Жизнь как возможность соприсутствует всюду, везде, где есть Космос. Жизнь как осуществленность — является и осознается в различных формах организованного бытия. Неорганизованное (или *дезорганизованное*) бытие представляется сознанию как *небытие*. Поэтому — борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия. Иначе — организация бытия не что иное, как утверждение жизни во всем разнообразии ее форм.

«Зиждательное начало вселенной — Логос, — отражающееся от вещества, как свет, и изнутри зажигающее жизнь в веществе, образует в виде животных и растительных организмов определенные и устойчивые формы жизни, которые, восходя все к большему и большему совершенству, могут наконец послужить материалом и средою для настоящего воплощения всецелой и неделимой идеи» (В. Соловьев)¹. Высшей и конечной формой жизни является человечество, человек. Ибо «человек может бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы. Поэтому-то он и есть высшее существо природного мира и действительный конец мироздательного процесса». «Какое разумное основание можно придумать для создания новых, по существу более совершенных форм, когда есть уже форма, способная к бесконечному самоусовершенствованию, могущая вместить всю полноту абсолютного содержания?» «Никакие высшие роды существ на смену ему не нужны и невозможны. В пределах своей данной действительности человек есть только часть природы; но он постоянно и последовательно нарушает и эти пределы, в своих духовных порождениях — религии и науке, нравственности и художественности он обнаруживается как центр всеобщего сознания, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства» (В. Соловьев)².

Однажды возникнувшая мысль о человеке как центре (и при этом — организационном центре) вселенной — становится уже неотвратимой. Невозможно заставить человека расценивать себя ниже той своей цены, которую он познал. Да это и не нужно, ибо именно в этом пункте ярче и вдохновеннее, нежели в каком ином, он сознает свое Богосыновство и то, что этот мир дан ему в удел Божеством.

Замечательно, что в пору, когда возникло описываемое состояние человеческого сознания, произошли (и происходят) открытия в самых

разнообразных отраслях знания, подтверждающие его правомерность и одновременно способствующие исполнению человеком той мирообразующей роли, которой он предназначен изначально. Теория относительности, открытие четвертого и пятого измерений, электромагнитная и ионная теории, как и современная биология, — единогласно подтверждают неизблемость и подлинность основного положения: мир (действительный мир, Космос) — *пластичен*. Он поддается изменениям, его можно организовывать и переорганизовывать. Но если так — то возникает проблема *цели* или *идеала*, ориентируясь на который следует преобразовывать мир. Вместе с тем становится очевидным, что осуществление идеала требует *плана* осуществления. Точнее — нескольких планов, в их последовательности.

Наряду с осознанием своих *возможностей* человек отдает (или должен отдавать) себе отчет *в невозможностях*, в трудностях, которые стоят на пути к осуществлению намеченного идеала. Имея в своем представлении некоторую конечную мету (надо сказать, что, очевидно, в процессе приближения к ней откроются новые ее черты), человек должен соотноситься с «обстоятельствами места и времени». Следовательно, имеющиеся налицо средства и обстановка исторической действительности покажут и подскажут ему: что именно стоит на очереди «сейчас». На какую именно ступень в состоянии подняться (или желать подняться) может он *теперь* — в той фазе процесса развития человечества и Космоса, в котором он находится.

Несомненно лишь то, что наиболее яркой (и трагической) чертой современности является неотвратимость признания: человечество XIX и XX веков достигло такой степени *пробужденности*, которая обязывает его к сознательному участию в деле организации жизни мира, Космоса.

«Главной чертой современного христианского сознания (писал в предреволюционные годы пр. Тареев) является то, что в нем совершился переворот от признания себя *рабом* Божиим к признанию себя *Божьим сыном*»³. А это последнее признание и требует от него соучастия в обожении мира — являющегося, по свидетельству христианской историософии, предельным заданием человечества.

Существует несколько гипотез или теорий, пытающихся определить, в какой именно фазе своего развития находится сейчас человечество. Ценность каждой из них весьма относительна, как потому, что ни одна из них не учитывает (и не может по состоянию наших знаний учесть) *всех* действующих на жизнь человечества факторов; так и потому, что предмет этот (изучение жизни человечества в его совокупности) нов и мало разработан. Оставляя в стороне факторы метафизические, укажем по пункту первому (о многообразии факторов, воздействующих на жизнь

человечества) как на пример сложности этой проблемы на книгу русского ученого А.Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса» (1924 г.)⁴. А.Л. Чижевский идет от астрофизики к историометрии и устанавливает «принципы циклических колебаний общечеловеческой, коллективной и индивидуальной, военно-политической и творческой активности»; связь психических эпидемий с периодической деятельностью солнца и т.д. (ср. А. Остромиров. Вып. 4-й, Н.Ф. Федоров и современность, Харбин, 1933)⁵. По пункту второму необходимо вспомнить, что еще так недавно во всех университетах изучалась «Всемирная история», включавшая в себя историю Европы, отчасти Америки, отчасти России и оставлявшая в стороне историю так называемых «не-исторических народов» (очевидно, к ним относятся народы Азии, Африки и той части Америки и Австралии, которые не входили в кругозор европейской учености).

И тем не менее общность жизни всего человечества стала для современного сознания настолько ощутительным фактом, что для того, кто не хочет нарочито отвергаться от него, возникла потребность его осмыслить, а относящиеся к нему явления жизни — в меру возможного — организовать.

Впрочем, нынешняя геополитика располагает гипотезами хотя и относительной ценности, но все-таки могущими подвести наше сознание к вероятно-правильному представлению о той фазе развития, в которой находится человечество. Книга Л.И. Мечникова («Цивилизация и великие исторические реки») — одна из наиболее полезных в этом смысле. Л.И. Мечников устанавливает периодизацию в историческом движении человечества. Он указывает на первоначальные и наиболее значительные очаги культуры, совпадающие с основными сосредоточиями ранней эпохи человечества. Эти очаги расположены в речных бассейнах: Нила (Египет), Инда и Ганга (Индия), Тигра и Евфрата (Ассирия-Вавилония), Янг-Цзе (Китай). Таким образом, наиболее развитые древние культуры могут быть названы *речными* культурами. Они возникли спорадически и развивались при минимальном взаимном общении. В следующий исторический период, когда между этими очагами установились постоянные связи (не между всеми очагами, а между ближайшими, т.е. в Евроафрике — между Египтом и Ассирия-Вавилонией, а в Азии — между Индией и Китаем), наступает следующий период — *морской*, потому что сношения между очагами происходили посредством морского пространства. Наконец, в дальнейшем осуществляется новое расширение: уже между *всеми* первоначальными очагами культуры (и их ответвлениями — к ответвлениям египетско-вавилонской культуры, освоившей Малую Азию, Грецию, впоследствии Рим и Византию, надо отнести всю Европу, часть

России и Америки; к ответвлениям индийской — Иран, к ответвлениям китайской — Японию, Маньчжурию, Тибет и т.д.) зарождается и все ширится и углубляется взаимное ознакомление и влияние. И этот процесс совершается главным образом при посредстве океанов, почему и период этот называется Мечниковым океаническим. Человечество XVIII–XX веков живет в этом периоде.

Схема Мечникова имеет большие методологические достоинства, и с некоторыми прибавлениями ее можно принять в качестве ориентировочной. Прибавления же неизбежны, поскольку желательнее разобратся не только в истории развития и формах развития речных — морских — океанических очагов культуры, но и степных. Степные очаги культуры, главным образом Центральной Евразии и Юго-Западной части Доруралья, оказали громадное влияние на жизнь человечества, хотя они возникли и развились вне речных систем, подобных дельте Нила или водным артериям Тигра-Евфрата.

Океанический период истории, в котором, по определению Мечникова, находится современное человечество, действительно сблизил отдельные части человечества между собою. Но от сближения до слияния или объединения — пролегает громадная дистанция. Усовершенствование средств сообщения (железные дороги, пароходы, аэропланы, телеграф, радио, пресса и пр.) и связанная с ним некоторая стандартизация жизни оказывают несравненное и все растущее влияние на жизнь всех стран и государств. Нельзя преуменьшать, так сказать, интегрирующего значения этих факторов. Но его нельзя и преувеличивать. Существует известная законосообразная последовательность в расширении и усложнении тех форм культурно-государственной жизни, в которые облекается (в существе единое) человечество.

Каковы же эти формы?

Предельно упрощая и схематизируя, можно указать некоторый перечень типических форм культурно-государственного общежития. Прежде всего — семья, патриархальная или матриархальная, с ее разновидностями в виде рода или племени. Объединения родов или племен составляют народ, причем если это оседлый народ, то он обычно организовывается в виде государства-города (ср. города Греции или России, разумеется, в древности); если же кочевой — он принимает форму орды. Связанные общностью месторазвития, политических и духовных интересов, или тем, что можно назвать общностью (единством) исторической судьбы, — несколько городов могут организоваться в подобие той формы, которую сейчас принято определять государством. Чрезвычайно сложное сплетение религиозных, экономических, чисто территориальных и пр., и пр. — включительно до «случайных» влияний — как это было до сих

пор — определяет состав государства в трех основных его элементах: территории, населения и власти. Несомненно, как на это указывают многие социологи, громадную образующую, *организующую роль* в формировании государства всегда играл некоторый идеальный момент, момент долженствования. Когда сформировывалась новая пореволюционная Франция, она, отменяя исторические деления на провинции, постулировала создание единого французского народа. Аналогичная картина наблюдалась в середине минувшего столетия в бисмарковской Германии. Однако этот идеальный фактор долженствования зачастую замутнялся приводящими мотивами (экономическими, империалистическими и другими) и опирался на явно ложные, лживые основания.

До сих пор те или иные формы культурно-государственной организованной жизни создавались под влиянием многих факторов, начиная от неуловимых («метафизических», стихийных) и кончая фактором человеческого сознания: правильно или неправильно понятых и осуществленных «интересов». В связи с поворотом современного сознания человечества, а также новым пониманием призвания человека в мире — как и новыми данными науки (обо всем этом уже было говорено) совершается некоторый переворот, совпавший с новой фазой развития человечества и формированием новых, доселе невиданных форм организации человеческих общежитий.

Если при образовании государства-города определяющую роль играли «стихийные» факторы, если при образовании современного государства (говоря предположительно) факторы «стихийные» и проективно-сознательные играли одинаковую роль, то теперь, при образовании *государств-материки*, проективно-сознательные факторы *должны* играть роль основную и предуказательную. Из этого положения следует целый ряд выводов.

Раньше каждое новое расширение строилось на подавлении предшествующей низшей формы организации культурно-государственной жизни: племя стремилось к подавлению семейственных связей (как «сепаратистических»); государство-город или орда — к подавлению племенных; современное государство — к подавлению народных, или национальных. Нынешнее сознание не подавляет и не отменяет предшествующие «низшие формы», но включает их в некоторую высшую систему: интегрирует государственноподобные *нации* в наднациональное единство, базирующееся на единой государственности.

Раньше или совсем не требовалось «идеологическое» обоснование для включения низшей системы в высшую, или же выставлялись явно ложные и лживые обоснования; всех же не удовлетворенных создавшимся положением вещей «убеждали» голой силой. Современная техника

подавления, но также и *сопротивления* подавлению (помимо моральных мотивов) такова, что даже небольшое недовольное меньшинство в состоянии оказать настолько серьезное сопротивление, что с ним необходимо считаться. Вырастающие ныне государства-материки волей или неволей принуждены взвешивать на весах морали и благоразумия *добровольность* вступления «низшей» формы организации в высшую, равно желательную для всех, но осуществляемую лишь при наличии равно для всех приемлемых условий дальнейшего совместного существования.

На примере образования СССР до некоторой степени можно проследить реальную значимость развиваемых тут принципов. Так же и в Европе, на глазах современников, наметились (а частью — ср. Лига Наций⁷ — осуществились) основы будущего сформирования европейского государства-материки, или государства-мира. Аналогичный процесс наблюдается на обеих сторонах Тихого океана: в С.А.С.Ш., в особенности в отношениях С.А.С.Ш. и Канады, а также С.А.С.Ш. и некоторых Средне- и Южно-американских республик; и Японии (в Японии уже имеется партия Да-Тун, Великое Единство, ставящая своей целью образование единой Империи из равноправных составных частей — собственно Японии, Кореи и Маньчжурии⁸).

Общими для всех трех организовывающихся государств-миров чертами являются уже отмеченные выше: не подавление составных частей, но включение их; не господство сильнейшей «предшествующей» формы, но сотрудничество их; не стихийность образования возникающей высшей формы — но сознательное ее проектирование и последовательное осуществление проекта.

Если возразят: но ведь Среднеамериканские республики или отдельные части СССР, или та же Корея или Маньчжурия есть фикции! — необходимо ответить, что еще двадцать лет назад таких фикций не требовали ни практика организации мировой жизни, ни моральное сознание тех, кто ее строил. Напротив, на примере СССР мы видим, и порою очень явно, переход от фикций к подлинным явлениям жизни (это в особенности относится к Малороссии (Украине), Белоруссии, Грузии и др., некогда самостоятельным, союзным республикам, самое имя которых упоминалось лишь в большом титуле всероссийских императоров⁹).

Но благородное божественное свойство человеческого духа и сознания состоит в том, что оно не довольствуется настоящим, не удовлетворяется достигнутым и вечно устремляется к будущему, причем — высшему и более совершенному будущему. По-видимому, это свойство предопределено жаждой идеального всеединства человечества, о котором писал

В. Соловьев. И именно им надо объяснять реальность жизни католических церквей, реальность влияний многих международных объединений, все равно — социального или теософического, правового или художественного, но непременно духовно-гуманитарного характера. Реальность воздействия международных нефтяных или химических трестов — объединений — так же несомненна. Но их надо отнести не к положительным, а [к] отрицательным явлениям мировой жизни, ибо несомненно, их объединяющая роль ничтожна сравнительно с разъединяющей.

Между тем ясно, *чего* именно добивается человечество, принося неисчислимые жертвы на алтарь взыскуемого всеобщего объединения... Оно добивается упорядочения и замирения своей внутренней жизни для обращения своей энергии на исправление и усовершенствование внешней. Развитие человечества в этом направлении движется неравномерными скачками. В этом всеобщем движении, представляющем бесконечно-трагическую, но и божественно-возвышенную картину, мы видим передовые отряды бесстрашных (иногда неразумно бесстрашных) героев, от Икара до Блерио, и от неведомых алхимиков-халдеев до Менделеева и Эдисона¹⁰. Оглядываясь вспять, мы встречаем Кира Персидского и Александра Македонского и потом — длинный ряд их подражателей и сподвижников, реализаторов великой тоски человечества по объединению. Далеко не всегда формы этого объединения и методы его осуществления (ср. степных владык или святых из «Иисусова воинства»¹¹) приносили человечеству благо. — Тоска по нем не усыхает.

Вот почему и современное сознание *опережает* фазы развития и стремится предугадать последующую фазу ранее осуществления предыдущей и даже предыдущих (ибо ясно, что если Америка, Европа, Россия и отчасти Япония приближаются к современной форме организации государства-мира, то перед остальными странами света, особенно перед Китаем и Индией, — еще лежит длинный и трудный путь приближения к этой фазе).

История вплотную приблизила современников к проблеме организации прообраза грядущего объединения человечества. Раз осознав потребность, мы не можем и не вправе отвергаться задачи спроектирования такого прообраза. Считаясь с данными исторической действительности и требованиями духа, мы должны признать, что из фазы организации государств-миров (или материков) мы вступим в фазу организации этих государств-миров в некоторое высшее объединение — всемирное. Осознается (и осознана уже) необходимость предвосхищения путей истории. И поскольку это так — является потребность спланирования всемирного объединения. Исторические предпосылки к нему имеются, но совершенно очевидно — главный образующий фактор тут не конкретно данный,

ПУБЛИЦИСТИКА

но идеально *заданный*. Перед нами задача выдвинуть идею, которая есть в то же время план, *проект*.

Но что есть план? Какова его природа и сущность? — План есть некоторый идеальный фактор, обладающий тем свойством, что он сращивает в себе элементы прошлого с элементами настоящего и будущего, не — «реально», но предвосхитительно. План есть звено, сцепляющее прошлые поколения с живущими и имеющими прийти на смену. В этом его непреходящее идеальное значение.

Наша эпоха по своей пронизанности идеей-планом, поистине могущая быть названной эпохой идеократической, достаточно зрела, чтобы выдвинуть этот всемирно-объединительный план как благодарное признание трудов прошлых поколений и как святой завет грядущим.

ПРОБЛЕМА ИДЕОКРАТИИ

Со стороны формальной — монархия есть правление *одного*, аристократия — правление *немногих*, демократия — правление *многих*, в идеале правление, если не *всех*, то от имени всех и во имя всех. Эволюция образов правления состоит в расширении понятия носителей суверенитета. «Государство — это я» (королевский абсолютизм сменяется «буржуазной эпохой», в течение которой знаменитая фраза аббата Сизэйса («чем было третье сословие? — ничем; чем оно должно стать? — всем»)¹ отнюдь не была «пустым звуком»; в дальнейшем в управление государством вовлекаются все новые и новые массы (пролетариат, женщины, натурализованные иностранцы и т.д.). Со стороны внутренней: принцип монархии — династия, аристократии — происхождение, демократии — воля большинства, в которой видят общую волю населения данного суверенного государства.

Каждая форма государственного устройства имеет определенно выраженную тенденцию к расширению. Закон творения по своему образу и подобию действителен и в области режимов. Французские республиканцы клялись превратить весь мир в республику. Императорские орлы Наполеона всюду, где они побеждали, содействовали возникновению «узурпаторских» монархий. В конце концов восторжествовали «законные» государи, образовавшие Священный союз. Священный союз опять-таки задавался целью повсеместного насаждения и укрепления законного образа правления, т.е. династического принципа... Однако великая война и пронесшиеся вслед за ней революции (в России, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Испании и др. странах) принесли лавры демократии. Кульминационным пунктом расцвета демократии явились: Версальский мир и учреждение Лиги Наций. Поистине можно сказать, что торжественное признание демократического образа правления за истинный, справедливый и идеальный носило тогда характер такого события, которое определяет ход всемирной истории.

И вот в годы величайшей славы вдруг раздаются сначала тревожные и полные недоумения (даже страха), а потом все более уверенные голоса о кризисе демократии. К концу двадцатых годов сознание кризиса становится всеобщим: самые ярые защитники демократии как принципа и как нынешней парламентарной формы его выражения — не отрицают нали-

чия кризиса; в некоторых странах устраиваются даже анкеты с запросом: где и в чем выход из кризиса.

Но правильнее спросить — в чем существо кризиса демократий? История современного *светского* государства начинается там, где кончается история средневековой теократии. Правы те, кто утверждает, что *только сейчас* окончательно отмирают отдельные элементы средневековых воззрений и связанные с ними условности государственной жизни и житейского обихода. Первая серьезная брешь в броне целостного идеала средневекового государства была пробита, когда раздалось волшебное слово *свобода*. В те времена это относилось к вероисповеданию, но впоследствии взрывчатая сила свободы распространилась и на другие области жизни. В течение всего новейшего периода, начинаемого обычно с гуманизма, идет процесс расширения понятия свободы, причем в понятие это вкладывается *отрицательное* содержание. Стремления освободиться от «деспотизма в делах веры» дополняются и углубляются стремлением освободиться «от абсолютизма верховной власти»; далее обнаруживается воля к эмансипации «от экономического гнета», «от семейных и родственных уз», «от норм общественной нравственности», «от всякого рода условностей и предрассудков», в число которых каждый включает то или иное правило поведения соответственно своим воззрениям, вкусам и общему культурному уровню. В момент, когда отрицательная свобода достигла умопомрачительных пределов (напр<имер>, сексуальная свобода, конкретизировавшаяся в легализации педерастии; экономическая свобода, при которой оказалось возможным сжигать миллионы тонн зерна; свобода нравов, выразившаяся в публичном нюдизме и т.д.), — раздаются призывы к пересмотру всего строя современной жизни; пропагандируется переоценка всех ценностей, при которой начисто отрицается всякая свобода; из разных стран и по разным поводам высказывается мысль о необходимости *возврата* к средневековью или отмечается самочинная тяга разных сторон нынешней жизни к нему, к установлению «нового средневековья» (Н.А. Бердяев, О. Шпенглер, проф. Виппер и мн<огие> др<угие>)². Еще не остыл пафос превознесения свободы — и уже возникает сомнение в ее разумности и пользе. Нарождается пафос несвободы, и он грозит приобрести характер нового идола.

Все ли заслуживает осуждения в той (отрицательной) свободе, о которой говорилось выше? Возможно ли было без нее раскрепощение мысли, принесшее необыкновенный расцвет науки — этой гордости человечества? Отрицательная свобода, и только она, обусловила грандиозный рост положительных знаний и связанного с ним технического прогресса. Это же оружие сразило феодализм, крепостное право, закабаление женщины. Есть взгляд, что только отрицание средневековой оценки человека как вечного

раба Божия открыло путь к осознанию человеком своего богосыновства. На сцену выступают великие фигуры дерзателей и пророков типа Ницше, Вагнера, Эдисона, Достоевского, от которых начинается отрицание отрицания — законный плод предыдущей эпохи. Век отрицания, тесно связанный с явлением индивидуализма, дал бесконечную галерею *героев* в самом подлинном и глубоком смысле этого слова; яркой роковой чертой их является крайнее *одиночество*. Весь байронизм с его привлекательными и отталкивающими чертами вышел из недр отрицательного мироощущения.

Завоевания человечества, основанные на отрицательной свободе, показывают, что и в этот период действовал «разум истории». Но отрицательная свобода принесла людям великий, болезненно переживаемый ущерб. Век гуманизма, когда *отдельный* человек признавался «мерю всех вещей», отучил этого самого человека мыслить *общими* представлениями. По мере возрастания научных сведений происходила крайняя дифференциация отдельных областей знания и уродливая специализация в каждой данной области. Параллельно увеличению материального благосостояния общества наблюдалось т<ак> наз<ываемое> разделение труда, ведшее за собою (в силу социальных условий) сужение духовных запросов людей, их внутреннее разделение. В средние века между королем и крестьянином было больше точек взаимного понимания и общих интересов, чем в новое время между двумя обитателями небоскреба, из которых один занимает весь этаж, имеет автомобили, яхту, высшее образование, гарем в нескольких мировых столицах и т.д., а другой довольствуется половиной комнаты на 101 этаже, питается горохом и «газетой-копейкой», работает 12 часов в день и ждет счастья от лотерейного билета. Но взаимное непонимание этих двух людей в области жизненных удобств и удовольствий — вещь ничтожная сравнительно с тем хаосом полумыслей и смутным зародышем понятий, когда дело касается высших предметов. Нет никаких связей («связь» в смысле *religio*) между массами современников, как только оказываются они перед вопрошающим и грозным лицом вечных проблем. Фр. Ницше предсказывал, что будущие окончательно эмансипированные люди «будут мигать»³. Он упустил из виду другую возможность — они сумеют также взрывать, травить и уничтожать, упиваясь стихией разрушения.

Главный порок отрицательной свободы состоит в том, что она привела современное цивилизованное человечество к забвению *культуры общих представлений и понятий*. Обилию гениев-одиночек ни в какой степени не соответствует воля к гениальности у *народов*, вообще у *больших коллективов*. Скажем заранее и намного предваря изложение: секрет пусть временного, пусть отвратительного (для сознания тех или иных людей), однако бесспорного успеха коммунизма, фашизма и национал-социализма именно в том и состоит, что эти массовые движения будят у больших коллективов волю

к гениальности. Чтобы конкретизировать эту мысль примером, вспомним несравненные памятники средних веков — они высются, подобно мощному порыву бесчисленных воль, окаменевших в момент величайшего молитвенного восторга на площадях городов. Есть ли в недавней действительности что-либо соответствующее этим великанам? Разве что гигантские «братские могилы» 1914–1918 годов могут сравниться с ними по «количеству затраченной энергии». Потеря сознания, формулированного в тезисе средневековых реалистов: «*universalia sunt realia*»⁴, жестоко мстит за себя. Самое убедительное свидетельство нашего коллективного мирозерцательного бессилия заключается в чреватой потрясающими последствиями дисгармонии между непомерно и безгранично развившимся научно-техническим прогрессом и поразительно жалким, уродливо слабым духовно-моральным уровнем. Необыкновенно грустное чувство овладевает читателем, не совсем отказывающимся от человеколюбия, при знакомстве с достижениями в деле выработки ядовитых газов и разных динамитов. С точки зрения культуры общих представлений, современные народы напоминают детей или недорослей, в руки которых попали револьверы и адские машины. Директор парижской школы химии и физики проф. Ланжевен⁵ заявил, что *материального* спасения от газов и динамитов — нет. Есть надежда, что *пропаганда мира* спасет народы от взаимного истребления (это обращение к *слову*, к власти *духа* над материей — ведь «в начале было Слово»⁶, — чрезвычайно характерно для отмеченной здесь дисгармонии); известные ученые, утверждающие, что мир идет к гибели, через саморазрушение! Такого рода заявления констатируют бессилие аналитически воспитанной научной мысли овладеть ею же разбуженными стихиями природы. Но когда отступает анализ, синтез вступает в свои права. Он прежде всего стремится установить причинно-следственную связь, найти «концы и начала».

Аналитическое мышление развилось на почве отрицательной свободы и внутренне связанного с ней индуктивного метода^{*}.

Отрицание и анализ были двумя ногами кумира-прогресса — истинного божка недавнего времени. Нельзя оспаривать, что в области естественных и технических наук эти «ноги» способны были делать семимильные шаги. Человечество мчалось. — Куда? — «вперед!» — Что такое «вперед»? Но чтобы основательно задуматься над этим вопросом, переключающим мышление в «ненаучные» проблемы, понадобился 1914 год и все последующие...

Преобладание аналитического подхода предопределяло установки сознания в области общественных отношений. Вопреки материалистам,

* В споре реалистов с номиналистами победили последние: из номинализма исходило все протестанство; между индуктивным методом Бэкона, от которого ведет свое происхождение современная наука, и номинализмом — совершенно очевидное сродство.

не «бытие определяет сознание», но наши представления о форме и содержании социальной жизни являются проекциями сознания на живые процессы социального развития. Говоря шире — сознание, повинаясь логике мировоззрительных установок, как бы *отбирает* из явлений социальной жизни то, что с ними наиболее согласуется. И так как аналитическая установка требовала расчлененного, разделительного представления об общественном строе, то неудивителен успех *классовой* теории, которая, как на это показывает само название, «классифицировала» людей, подобно тому как энтомолог классифицирует жучков. Но энтомолог в своей работе руководствуется положительными и для всех очевидными признаками; тогда как и сам основатель классовой теории К. Маркс не мог дать точного определения «класса». Замечателен закономерный параллелизм явлений расчленения и распада, который присущ разным областям общественной жизни того периода. Сознание, приученное сосредоточиваться по разделительным моментам и не замечать объединительных, затрагивает семью, общество, нацию, государство, всюду действуя подобно скальпелю хирурга. Прикоснувшись к супружескому союзу («да будут двое в плоть едину»⁷), он подчеркнул *женскость* женщины и *мужескость* мужчины* — усиливаясь сугубым вниманием в сторону их противоположностей. А это повело к противопоставлению полов, которое сказалось в расшатывании семейных устоев, драмах, разводах и пр. Литература недавно минувшего, от Гюи де Мопассана до Арцыбашева, дает бесчисленное количество ярких образцов влияния аналитического мышления на семью. Вместе с тем это же мышление (вместе с другими факторами, как экономический) содействовало совершенно небывалому обострению «женского вопроса». Никакими «социальными причинами» невозможно объяснить ту нервозность, несправедливую обоюдную злость, неправды, которыми сопровождались «эмансипация», «суфражизм» и пр. Все это имеет корни не в «социальном» строе (вернее, не столько в социальном), сколько в психопатологическом — на почве аналитического раздражения половой иноприродности мужчины и женщины. Отголоски минувших боев отнюдь не являются редкостью и в наши дни. Однако это лишь отголоски.

Общественно-политическая жизнь аналитической эпохи представляет собою непрерывную борьбу «классов», возобновившуюся и в послевоенную эпоху, чем до крайности осложнен и без того тяжелый кризис демократизма. Можно даже сказать, что общественно-политическая

* Русское слово «половой», «пол», происходящее от половины, т.е. как бы нечто единое разделили на половины, прекрасно передает картину естественной дисгармонии *человеческой* природы. Вспомним, что первые слова Библии говорят о создании человека, а не мужа или жены. Так же французское *sex*, отсеченный — новая иллюстрация той же мысли о поле.

жизнь, как сердцевина государственного целого, является главным полем разыгрывающейся битвы. Причем соответственно расширению понятия носителей суверенитета увеличилось число активных социальных сил, вовлеченных в столкновение и борьбу. Если, говоря символически, раньше боевым полем был королевский или царский трон, впоследствии «общее собрание представителей правящего сословия», будь то дворяне или буржуазия, то теперь наступили времена, когда *все* сословия приняли деятельное участие в государственной жизни. Само по себе положительное и нужное явление это, благодаря все тому же аналитическому воззрению, сделалось источником многих бед. В этой борьбе общественных состояний выражается кризис государства во внешней форме.

Термин и понятие «класс», возникший первоначально в приложении к «рабочим» и капиталистам», впоследствии распространился и на другие слои общества. Появился «земледельческий класс», «класс торговцев», «класс интеллигентных служащих», «класс государственных служащих» и пр. В СССР, где классовая теория признана в качестве непогрешимого догмата, классово-разделительная инерция привела к сложному представлению о земледельцах, к различению в их среде «кулаков», «середняков», «бедняков». Рядом с этими тремя категориями вырастает новая: «батраки»... Соответствует ли это деление (в любой стране, не только в СССР) какой-либо общественной реальности или это *фикция* — неблагоприятное последствие аналитического мышления? Каждый из «классов», чем больше обособлялся от целого, к которому принадлежал, тем рьянее разрабатывал свою особую «идеологию», свой особый, по необходимости *малый*, недостаточный, ущербленный, *дробный* идеал⁸, который, однако, заявлял претензию на всеобщность признания, поскольку каждый из подобных размельченных «классиков», сформировываясь в политическую партию, выходил на государственную трибуну с агитацией в свою исключительную пользу. В области идей борьба «классиков» выливается в борьбу идеалов — к этому важнейшему гордиеву узлу современности придется еще не раз вернуться.

В национальном отношении в эпоху анализа сказалась тенденция к национальному самоопределению, послужившему, с одной стороны, большому культурному подъему отдельных народов, так что понятие *нация* заслонило даже в представлении современников понятие государства (почему и главный международный орган называется Лигой *Наций*, хотя объединяет *государства*), а с другой — повела к бесконечным тяжбам, грозящим закончиться далеко не по-добрососедски. Без сомнения, национальное самоопределение как таковое есть высокая ценность. Но эта ценность, реализуемая в условиях анализа и отрицания, значительно обесценена, ее умаляют чувства национальной обособленности, нацио-

нального самодовольства и — поразительно интенсивное желание ассимилировать другие, находящиеся поблизости народы. Было бы наивно и односторонне искать объяснения этим явлениям в «империализме», в мотивах хозяйственной экспансии и т.п. Такие мотивы существуют, но — без связи или без прямой связи с национальной проблемой. Ни о каком империализме или экономизме не может идти речь в спорах, какие велись, например, между грузинами, армянами, абхазцами, осетинами и некоторыми другими народами на Кавказе. Так же трудно найти экономику или империализм в пограничных словако-карпаторусских спорах и им подобных. Заметим, что собственно *народы*, трудящиеся слои населения, относятся к этим спорам совсем иначе, нежели возглавляющая их интеллигенция, воспитанная в отрицательно-аналитической атмосфере. Эти споры будут вестись, напрасно изнуря народности, поворачивая их внимание в ненадлежащую: не в должную (объединительную), а в недолжную (разъединительную) сторону, покуда не произойдет некоторый «поворот мирозерцательного винта» (выражение В.Н. Ильина)⁹.

* * *

Аналитический склад мышления разделил общество на «классы», расслоил его, а проекция эгоцентризма оформила это расслоение, придав ему организационные формы партий, при этом снабженных малыми — ущербленными — дробными идеалами. Но то, что эти идеалы ущербленные и дробные, знают не те, кто их выращивал и стремился реализовать в жизни, т.е. не люди анализа и отрицания, но те, кто подвергался (и подвергается) воздействию дробных идеалов, т.е. массы населения, весь человеческий массив политического целого. Каждая партия, вопреки своей «классовой природе», обращается ко *всему* населению с призывом поддержать ее, *выбрать* ее, довериться ей и — следовательно — признать ее общественный идеал за единственный и всеобщий. Ни одна из партий не прокламирует свою дробность, хотя для нужд агитации и варьирует воззвания применительно к каждой социальной среде. Однако жизнь и современное сознание отвергают систематические покушения «с негодными средствами» и требуют не дробного, а целостного идеала. Постепенно все начинают видеть вредность дробления, будь то социально-политического или идейного. Инстинкт народного самосохранения дает обратный рефлекс, направленный на *отрицание отрицания* и обнаруживающий волю к утверждению положительных начал государственного строительства, укрепленного сознанием единства целого. С другой стороны, ширится опасное отношение отдельных групп населения к представителям государства и к форме государственной жизни как таковой. Неудовлетворение народных чаяний, исканий, неясных стремлений (ис-

тинная задача политика всегда состояла в том, чтобы оформить неясные стремления народа и реализовать их в соответствии с потребностями времени и представлениями о должном) — сеет недоброжелательное отношение к представителям государства, создает почву для произрастания сомнений в нужности государства как формы общежития, как общего дела. Обманутые в своих ожиданиях люди (иногда чрезвычайно чуткие, искренние люди — революционерам нельзя отказать ни в темпераментности, ни в известной высоте намерений) приходят к выводу, что государственные деятели — «паразиты» и «дармоеды», а само государство — насилие, ничем не оправдываемое и бессмысленное.

Под давлением этих двух прессов (инстинктивный порыв к новому и критика старого) начинается сотрясение государства, вскрываются элементы его перерождения, обнаруживаются силы, реализующиеся в форме фашизма, гитлеризма, коммунизма. С точки зрения многопартийной, парламентарной, демократической системы — коммунизм, фашизм, национал-социализм и подобные течения есть противозаконное стремление какой-то *одной* партии стать «партией партий» и таким образом отменить все другие партии и заменить их одною собою. С точки зрения идейной — это есть попытка ликвидации drobных идеалов и воля заменить их каким-то одним — высшим — всеобщим идеалом.

Помимо открытой формы создания «партии партий» известны также и скрытые формы, когда заключаются негласные или гласные сговоры отдельных партий (эта задача облегчается тем, что все участники сговора — интеллигентные профессионалы от политики и воспитаны в одном духе); или же устанавливается скрытая форма диктатуры одного или нескольких политических деятелей — в обоих случаях цель и метод аналогичны: отталкиваются от конкуренции и борьбы «дробных идеалов» и стремятся к признанию какого-то одного, хотя и в неясном виде. Вопрос о том, какова дальнейшая судьба такого рода метаморфозы, весьма гадательный, и мы оставим политическую астрологию вне рассмотрения.

Преодоление анализа и отрицательной свободы, попытка ликвидации социального разделения и drobных идеалов, воля к концентрации государственных сил и исканию единого идеала — таковы главные линии, по которым направляется современная жизнь в поисках выхода из кризиса. В трактате «О государственном строе и форме правления» князь Н.С. Трубецкой пришел к выводу, что кризис демократии преодолевается и преодолется на путях создания *идеократии* (Евразийская хроника, VIII, 1928)¹⁰.

Являются ли итальянский фашизм, немецкий национал-социализм и русский коммунизм теми идеократиями, которые замиряют человечество

и поставят его на служение высшей идее? — Кн. Трубецкой отвечает на *этот* вопрос отрицательно. Нынешние идеократии есть *лже-идеократии*.

Итальянский фашизм и немецкий гитлеризм несут на себе печать расового начала, они пропитаны биологизмом (переходящим у крайних гакенкрейцеров в бестиализм). Тенденция к итальянизации и германизации всего населения не может иметь характера *общезначимой максимы*. Напротив, с точки зрения всемирно-исторической она имеет все признаки провинциализма. Недаром Б. Муссолини как-то сказал, что «итальянский фашизм отнюдь не является предметом экспорта». Но и со стороны идейной ни фашизм, ни гитлеризм не могут быть признаны истинной идеократией. Оба эти учения отступили от решения общих проблем, от творчества общих представлений, в которых нуждается современность, и, сами не справившись с этой задачей, передоверили ее разрешение католической церкви (в Италии — договором в феврале 1930 года¹¹, в Германии — июльским договором 1933 года¹²; попытка создания *новой* общегерманской церкви, предшествовавшая переговорам с Ватиканом, обнаружила никчемность и худосочность религиозной мысли гитлеризма). Можно спорить или соглашаться с тем положением, что сосредоточение фашистской Италии и гитлеровской Германии на внутренних задачах приносит этим странам благо. Бесспорным кажется констатирование, что, преодолевая (и то сомнительно в смысле долговечности) частные «эгоцентризмы» классов и партий внутри себя, фашизм и гитлеризм сами являются грандиозными «эгоцентризмами» во внешних отношениях: они не только не разрешили основную катастрофическую дисгармонию современности (между научно-техническим прогрессом и духовно-моральным уровнем), но еще усилили ее. Если дать волю обоим этим течениям, они взорвут себя и окружающих в максимально короткий срок. Сознание этой возможности тревожит искренних людей, заставляет иных из них искать спасение в отживающей парламентарно-многопартийной форме, — и тогда весь процесс искания начинается с «азов» и человеческая мысль мечется и бьется в поисках выхода.

Быть может, третья из попыток создания идеократии — коммунизм — ближе подошел к истинной идеократии? — Периодическая популярность коммунизма по обе стороны океана и многолетнее его властвование в России принуждают поставить эту проблему на обсуждение. Но тут исследователь наталкивается на ряд непреодолимых препятствий. Прежде всего нет возможности определить с теоретической стороны: что такое русский коммунизм? На протяжении лет мы видим непрерывную смену в самой гуще коммунистической среды. Объективное изучение находит ряд непримиримых противоречий в тех официально провозглашенных «догматах», которые известны под именем марксизма, диалектического

материализма, ленинизма, сталинизма. Жестокая борьба «механистов» и «диалектиков» внутри партии, демонстрирующая неустойчивость и неразработанность теоретической мысли русского коммунизма, в то же время указывает на интересный процесс *приспособления* теории к постоянно меняющейся жизненной обстановке. Поэтому, вне всякого сомнения, нынешний сталинизм — не есть *последнее* слово русской революции. Будут сказаны еще иные слова и произойдут иные дела. Важно наметить общий характер советской жизни, ориентируясь на идеократию. Там, как нигде, может быть, с полной обнаженностью сталкиваются элементы отрицательно-аналитического мышления (ведь коммунизм есть сгусток этого мышления, в чем и состоит его взрывчатая сила) старой эпохи с элементами нарождающейся, синтетической. Классовое разделение, приведшее к такой детализации и такому дроблению, которые в корне подрывают *всякую* общественную жизнь (крестьянин, обладатель лошади противопоставляется безлошадному), вызвало к жизни чрезвычайно широкое и объединяющее понятие *трудящегося*. Форма труда разделяет, но труд, как процесс, как солидарно-всечеловеческое одоление природы — объединяет. Насильственное возвышение дробного, классового идеала городского пролетариата (ранние коммунисты не скрывали, что они представители *рабочего* класса) над всеми остальными, противоестественный — в условиях пролетарской диктатуры — опять-таки насильственный союз с крестьянством — повели за собой *несколько* технических и организационных *революций* в сельском хозяйстве, производимых сверху актами власти. Яростная и ни с чем не сравнимая по обилию кровавых жертв война предопределила создание новых надклассовых общенародных идеологий, которым, по-видимому, суждено наследовать коммунизму. Свирепое подавление личного начала, с которого начал коммунизм; его бешеное отрицание личности как хозяйственного деятеля, как героического начала истории, как самоценности и в известном смысле самоцели — обернулось в СССР неслыханным рабствованием масс перед отдельной личностью, хотя это и находится в противоречии с общим мнением о том, что «халифы обычно бывают лишь на час». Надо вдуматься в сочетание: культа героев и насаждения коллективизма, чтобы понять глубочайшие противоречия, раздирающие Советскую Россию. Это страна, в которой с небывалой силой и остротой борются два мира: мир анализа, отрицания, разделения с миром единения и утверждения. Поэтому, невзирая на отчаянную действительность, Россия полна энергии и надежд — и вовсе не случайно то, что именно в русской мыслящей среде раздалось первое слово об идеократии.

Итак, коммунизм, фашизм и гитлеризм хотя и несут в себе отдельные зародыши, из которых могла бы развиться синтетическая форма будущего

государственного устройства — идеократии, — но они суть псевдоидеократии. Начальные шаги в направлении к выходу из кризиса оказываются ложными. Может ли это прекратить дальнейшее искание? — Ведь среди разногласия современности не редкость услышать призыв к полному отказу от науки, культуры, от цивилизации, от техники, призыв к возвращению к естественному состоянию. Помимо Толстого большого есть множество маленьких Толстых — и им необходимо вспомнить ту простую истину «фактического порядка», что вылупившийся из яйца птенец (будь то голубь или ястреб) не может быть водворен обратно в разбитую скорлупу. Тот, кто добровольно и сознательно не следует путям судьбы, оказывается (согласно старой латинской поговорке) влекомым судьбой. Если современные государственные идеалы из среды «передовых» или «отсталых» партий не в состоянии справиться с задачами, выросшими перед современностью, не в силах указать людям нечто столь высокое и вдохновляющее, что объединило бы их и повело к дальнейшему развитию, не способны овладеть стихиями природы, ворвавшись в жизнь посредством открытий в области техники, то значит ли это, что вообще в области идей нет ничего соравного требованиям современности?

Мы живем в эпоху «мировой революции». Это не фраза — это самое сильное бродило современной жизни. В отношении изучаемого вопроса мировая революция сказывается в том, что рамки нынешнего государства (в основном скопированного с довоенного) не удовлетворяют требованиям усложнившейся социальной проблематики, слишком узки для целесообразного ее разрешения. Зачатки инстинктивного объединения (трагически задавленные, но не окончательно уничтоженные катастрофой 14-го года) уже в старое время перешагивали через границы государств. Послевоенные события привели к тенденции объединения *материкового* масштаба. По ряду экономических, политических и психических признаков можно изобразить контуры по крайней мере «четырёх государств-материков»: Пан-Европа, Пан-Америка, Пан-Россика (иначе — Евразия, иначе — Советский Союз) и Пан-Азия. Явление *материкового* патриотизма (американского, европейского, «советского», азиатского) стало повседневным событием. Но имеется целая система *живых нитей*, образующая ткань *всемирного* объединения, хотя нельзя отрицать ажурность этой ткани, легкую возможность ее разрыва. Тем не менее всемирные политические, экономические, научные и пр. конгрессы, учреждение Лиги Наций, религиозные общины, художественные выставки, театр, спортивные состязания, а в особенности доступные массам транспорт, пресса, кинематограф, *радио* — все это обладает колоссальной силой воздействия, и, собственно говоря, мы не в состоянии учесть всю значительность последовательного и непрерывно-

го (ежедневного в радио, частого в кино) *воспитательного* воздействия этих факторов. Можно, без опасения ошибиться, констатировать факт нарастания общности психических переживаний во всем мире.

Техника (в частности, техника искусства) — далеко опередила философскую мысль. Но на эту кричащую дисгармонию уже многократно обращалось внимание. В момент, когда практика жизни подводит человечество во всех концах земли к проблеме единства, накануне осознания возможности и необходимости осмысления общих целей и общего дела всего людского рода, не видно духовных течений, которые были бы на высоте ставимых самой жизнью задач. — Та именно наука, которая развилась на почве анализа, отрицания и индукции, которая разбила целостный идеал средневековья, создала технику, а через нее трагический кризис нашего времени, — эта же наука (вместе с поэзией и философией) должна указать: что делать? — Спросим: куда растет научно-техническая мысль? Чего она хочет достигнуть? — Нельзя ли попытаться кратко сформулировать, что руководящей целью научно-технического прогресса является овладение *космическими* энергиями и, следовательно, овладение Космосом? Кропотливое исследование элементов веществ, из которых состоит мир, перерождается в грандиозный замысел овладения силами мира. Спектральный анализ, использование энергии морских волн, солнечных лучей, полеты в стратосферу, опыты радиопередачи в междупланетные пространства, искусственное дождевание, проекты оводнения Сахары и среднеазиатских пустынь — все это ввело и вводит нас в тесное общение с силами и жизнью Космоса. Недавний, ограниченный земными рамками рационализм преодолевается, и земля, наша «низменная» земля, осознается небесным телом. Она — принадлежит небу и неотделима от начинаемой нами постигаться Большой Жизни Вселенной. Через это восстанавливается родство человека с природой, но не для того, чтобы человека низвести к природе, а для того, чтобы природу поднять до человека. Знаменитой «дарвиновской обезьяне» противопоставляется «библейский прах», из которого был сотворен человек, — с материалистической точки зрения, в последней фазе своего развития, совпавшей со спиритуалистической, прах, т.е. совокупность атомов, *первое* и человека, и обезьяны. Материализм, монизм и эволюционизм привели к представлению о «самоодухотворяющейся материи», но это представление равносильно религиозному представлению о «материализующемся духе»¹³. Из недр генетической «научной» постановки проблем непосредственно рождается «ненаучная» телеологическая, целеустремительная, религиозная проблема — *назначения* человека и мира. Чувство родства с Космосом вызывает уверенность, что воля, ум и вдохновение человека способны организовать и преобразить Космос. Самое слово «космический» (одно-

го корня с «косметический») говорит об украшении, красоте. Обретая в себе желание единства и красоты, человек не находит ничего невероятного или невозможного в мысли о том, что *этот* мир может и должен быть прекрасным, *совершенным* и что сделать его таким, «усовершенствовать» природу он должен сам своим трудом. Осознание себя двигателем Космоса, его душой и волей, брезжащее в технических деяниях человека, уже давно имеет отзвук в поэзии (Уитмена, Верхарна, Брюсова). В меньшей степени оно имело место в философии, если не считать одного исключения. Говоря так, мы имеем в виду «Философию Общего Дела»¹⁴. Эта выработанная в конце прошлого века в России философская система была до сих пор под спудом и только теперь, когда совместное действие научно-технического прогресса и всеобщего кризиса поставило человечество лицом к лицу с проблемой жизненного устройства на новых началах, — она и ее автор, Н.Ф. Федоров¹⁵, начинают привлекать внимание.

Итак, мы приходим к тому выводу, что частные и временные проблемы современности тесно связаны с общими и вечными, и это указывает на существенно религиозный характер современных исканий. Проблема идеократии упирается в проблему *совершенной идеократии*.

Август 1933

ИДЕТ ЛИ МИР К ИДЕОКРАТИИ И ПЛАНОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ?

(ОТВЕТ НА АНКЕТУ)

Победа Французской революции (1789 г.) знаменовала разрушение королевского абсолютизма и наступление новой эры, эры свобод. Нельзя отрицать, что в области политической во Франции, а за ней и в других странах наступило политическое раскрепощение. Однако неоспоримым последствием принципов 1789 г. явилось *экономическое* закрепощение общества. Поэтому можно утверждать, что *политический* деспотизм XVIII столетия был сменен экономическим *деспотизмом* же XIX-го века. Сейчас уже очевидно для каждого, что «классическая» демократия есть, в сущности, буржуазное государство, а в буржуазном государстве безраздельно властвует бог-капитал. — Социальные течения XIX в., усиленные войнами и революциями нашего столетия, подготовили и частью осуществили новый порядок общественно-государственных отношений. Борьба капиталов: местного и международного, финансового и промышленного, крупного и мелкого — борьба между капиталом и трудом, выход на арену истории громадных — волящих и сознающих — человеческих масс... все это вместе с нарастанием порыва к *героическому*, столь характерному для современности, создали и создают предусловия для прихода какой-то новой формы.

Какой?

Мы, евразийцы, утверждаем, что (после экономического деспотизма капитала) наступает эра *миросозерцательного* деспотизма. Ведущие круги государств вербуются не по признаку происхождения (монархия) и не по признаку состоятельности (демократия), но по признаку идеологической принадлежности, миросозерцательной установки. Коммунизм, фашизм и гитлеризм во всех их разновидностях являются, т<ак> ск<азать>, *формой вчерне*; они — первоначальный грубый набросок той *идеократии*, которая имеет прийти и которая прийти должна. Эти «черновые формы» так относятся к будущей *законченной* форме идеократии, как «шайка разбойников» (бл. Августин) к «правовому государству» или как «рыцари больших дорог» к своим сыновьям и внукам, регулярно служившим королю, который воплощал в своей особе государство.

Нынешние идеократии являются, в сущности, лжеидеократиями. Почему? — потому что они еще не выработали своего *конечного идеала*. Монархия и ее образ правления имели свой конечный идеал в прообразе

Царствия Небесного и Небесного Царя. Два десятка веков усилий почти ничего не прибавили в этом отношении к тому, что сказано в Книге Царств¹. Также и демократия черпала свое вдохновение и обосновывала свой (конечный) идеал применительно к взглядам израильских пророков и авторов Четвероевангелия. То «новое средневековье»², о котором сейчас так много пишут и говорят, как раз и состоит в обращенности нашего сознания к *религиозным* темам, хотя это порой и делается отнюдь не в благоговейных словах и жестах. *Религио* — есть *связь*. Чего и с чем? — Всего и со всем: связь начал и концов, связь мертвых, живых и неродившихся, связь временного с вечным. Религиозный смысл нашей эпохи вовсе не в том (как думают иные наивные люди), что «люди стали чаще ходить в церковь». Но в том, что плуг истории поднял целину миллионов человеческих душ; души эти вопят и вопрошают, они ищут ответов на вопросы *как жить и зачем жить?*

Нынешние (лже-)идеократии дают *форму* нового общежития и, т^аким^о образом, отвечают на вопрос: «как?» Истинная идеократия потому и будет истинной, что она ответит на вопрос «зачем?», т.е. даст *содержание* жизни — что и составит *конечный идеал*.

Март 1934

ИДЕЯ-ПРОЕКТ

Понятие *идея* имеет несколько смыслов и содержаний. Платон понимал *идею* иначе, нежели средневековый магистр богословия; а в наше путаное (хаотическое и плодотворное!) время *идея*, идейный, идеологический, идеалистический, идеократический и т.д. получили столь разнообразное значение, что необходимо сразу устанавливать, какой именно смысл вкладывает автор в данное понятие.

Кажется несомненным, что наше сознание подвергнуто колоссальной притягивающей и зовущей к действию силе идеи. Поэтому для нас и наших современников наибольшее значение имеет *проективный* смысл, заключающийся в идее. Когда мы восклицаем: «Какая блестящая идея!» — не говорим ли мы в сущности: «Какой блестящий проект!»

«Идея славянского сближения» есть *проект* славянского сближения.

«Идея мирового владычества» (исходит ли она от религиозной корпорации или группы международных заговорщиков) — она есть проект мирового владычества — и т.д.

Таким образом, можно определить, что идея (в устанавливаемом здесь смысле) есть проект действительности, подлежащий осуществлению. В этом качестве он сам по себе является фактором общественно-политической жизни; и лишь сама эта *жизнь* может в конечном итоге обнаружить серьезность или вздорность того или иного проекта-идеи.

Когда идея-проект овладевает сознанием и ведет его по пути своей реализации, при этом можно и должно различать следующие обстоятельства: а) имеется ли соответствие между провозглашенной идеей и подлинными событиями действительности? — б) если это отношение налицо, что именно следует делать служителям данной идеи-проекта для скорейшего и наилучшего осуществления ее в жизни?

Эту тонкую и ответственную работу может произвести только человеческий интеллект, вооруженный интуицией, опытом и вдохновением. В зависимости от правильности оценки находится многое: историческая судьба данного народа или государства и прежде всего — личная судьба подданного идеи. Обычно *неудавшиеся* герои представляются нам в виде «рыцарей печального образа». Это отчасти о них выразился Арцыбашев: «Хотел, но не мог»¹.

Есть случаи, когда кто-либо, с совершенно серьезным видом, начинает проектировать вещи, уже реализованные в жизни. Это приближается к комедии. Но чаще иные случаи: отдельный человек или группа людей выдвигают проекты-идеи, опережающие их время, их современников. Здесь мы имеем дело с более или менее глубокой трагедией; Дж. Бруно закончил дни свои на костре; Н.Ф. Федоров был настолько неизвестен, что гг. Брокгауз и Ефрон не поместили его имя в энциклопедический словарь...

Истинный политик, т.е. человек, делающий общее дело, — тот, кто умеет различать творческие и целесообразные тенденции в окружающей его стихии, умеет овладеть ими, чтобы направить их к ближайшей или отдаленной мете — опять-таки творческой и целесообразной. Политика великих народов, государств и героев (из народов возьмем персов, из государств — Рим, из героев — Александра Македонского или Наполеона) всегда направлялась к единой и единственной цели: объединения всего человечества в (опять-таки!) творческий и целесообразно творящий союз. Нужды нет, что порою эти в основе согласные, а в исполнении противоположные тенденции завершаются гибелью целых царств! — человечество никогда не боялось смерти, потому что оно *знает* и сознает свое неистребимое бессмертие. Человечество обладает собственной памятью, не-конгениальной памяти индивида; и собственными мерами добра и пользы, несоизмеримыми с нашими дюймами и сантиметрами.

Однако из сказанного не надо делать вывода, что каждое объединение — добро, а каждое разъединение — зло! Наоборот. Очень часто временное разъединение оказывает величайшую услугу будущему совершеннейшему объединению. История С.А.С.Ш., история некоторых славянских народов дает много примеров как положительного, так и отрицательного значения объединительных и разъединительных тенденций.

Итак, истинный политик соображает все. Он видит обычно не одну, а много тенденций. В его сознании возникает не один, а множество идей-проектов. Истинный политик становится великим политиком и человеком тогда, когда, избрав одну, и при этом верную творческую и целесообразную идею-проект, он посвящает всю свою жизнь служению этой идее, осуществлению этого проекта. Конечно, он должен поступать мудро, осмотрительно, благоразумно и человечно...

...Значение идеи как проекта осознавалось всегда. Однако только теперь, в век грандиозного расцвета техники, в век планового хозяйства, Лиги Наций, пан-американизма, пан-европеизма и т.д. — только теперь, повторяю, раскрывается проективное содержание идеи. Вовремя и вразумительно провозглашенная идея на глазах современников превращается в событие — иной раз имеющее мировое значение. Допустимо относить-

ся с ненавистью или преклонением к Ленину, Муссолини, Гитлеру, Рузвельту и иным современным героям, но трудно отрицать значительность и своевременность говоримых ими слов.

В чем динамическая (иногда и демоническая!) сила слова? — в том, что оно взрывает в нас поток энергии и устремляет этот поток в определенном направлении. Слово обладает магической способностью соединять человеческие силы, укреплять их и умножать. Само собой разумеется, не всякое слово оказывает подобное действие, но лишь такое, которое содержит в себе идею-проект, чаемый современностью и уже созревший к принятию его как руководящего начала жизни.

Печальная эпоха, когда усилия людей направлены на преодоление старого зла, чтобы очистить место для наступающего добра, блага. Разрушать — задача вообще неблагодарная; цель — невозвышенная. Каждый разрушитель более или менее зверь, Герострат и садист. Напротив, *созидание* всегда возвышенно и благословенно. Любители парадоксов могут «поймать на слове», сказав: разрушить лобное место — хорошо, построить тюрьму — плохо. Да, все это верно; но речь идет об основных тенденциях эпохи...

Обилие выдвигаемых идей-проектов, составляющее характерную черту современности, дает повод думать, что все-таки творческая тенденция преобладает над разрушительной. Третье лицо индусской Троицы обладает разрушительно-творческой силой². Здесь — диалектика: через разрушение идет созидание и каждое (не-совершенное) созидание обречено гибели. Индусская религиозно-философская мысль в последней фазе своего развития уперлась в понятие Нирваны. Нирвана — не не-бытие. Это особое состояние бытия; это — ино-бытие, неведомое и недостижимое. *Совершенный* (идуший по стопам Будды) еще при жизни погружается в это состояние.

С точки зрения христианства идея личного погружения в нирваническое блаженство — узка и эгоистична. Мало того, эта идея, не нуждающаяся в образе Вседержителя-Творца, глубоко атеистична и неизбежно пессимистична. Куда ведет буддизм? — к отрицанию жизни. Весь мир не стоит того, чтобы в нем жить, творить, совершенствовать его.

Какая разница с христианством! — Евангелие — Благая Весть. О чем Благая Весть? — о вечной жизни, о возможности создания вечной и блаженной жизни; весть о Царствии Небесном, которое усилием берется³; о бессмертии и воскресении мертвых... «Радуйтесь!!!» — почти всегда начинает свои послания ап. Павел...

Идеи-проекты социализма, коммунизма, анархизма, все эти фаланстеры, долженствующие установить «рай на земле», являются бледными и ущербными копиями божественной христианской идеи обще-

го спасения, т.е. общей вечной блаженной жизни в Боге, совершенной и исполненной радости, о которой благовествует Евангелие... Каждая копия — немножко уродство. Но копия с божественного — приближение к сатанинству. Кто это сказал, что диавол — это Бог, но только наоборот?..⁴ Во всяком случае, копировальщики XIX и XX веков заменили *общее* спасение диктатурой меньшинства, взявшего на себя очевидно невыполнимую задачу, и общую *радость* — угрюмой суетой из-под палки и кнута.

Но нельзя не испытывать величайшие надежды и упования при изучении главной направленности и преобладающего состояния современных умов и сердец. Творческий — возвышающий и жертвенно-оправдывающий — смысл идеи-проекта приобретает все большее признание. Он ширится и вздымает энтузиазм. Рядом и поверх отдельных идей-проектов возвышается один-единственный и всеобъемлющий проект — Общего Дела. Общего, вселенского дела человечества, для всех равно необходимого, глубоко человеческого и христианского... Настроения, тесно связанные с приятием этого Проекта, лучше всего переданы следующими словами: «В нестерпимой жажде и желании зачался XX век. Чем-то неожиданно новым и вместе знакомым повеяло отовсюду, и все с изумлением спрашивали друг друга: что это? И никто не решает: как сказать и *что* начать... Как бы то ни было, но отыскан всемирный стяг! Оно будет поднято, это знамя, лежавшее в пыли, и на нем ясная подпись. Не все пусто. Не все равно. Не все еще было. Есть море, в котором еще можно утонуть, потому что его еще должно переплыть. Есть еще ветер, сметающий всякую смертельную усталость. Дело всеобщее, равно необходимое для всех людей до единого, пока существует всеобщий враг. Все его знают. Все от него терпят. Не настало ли время всем тронуться против него? — Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, всех верований, мнений, убеждений — соединитесь!.. Только в совместной дружной борьбе со всеобщим врагом, в непримиримом ежечасном бою, где не окажется лишней ни одна сила, не останется неиспользованным ни одно оружие, мы овладеем своим прирожденным правом — правом на бессмертие»⁵.

Рядом с *этой* борьбой, рядом с Проектом *этой* борьбы и победы (победы, составляющей главнейший завет христианства!) что значат безумные хороводы смятенного настоящего? Перед серьезными политиками современности возникает великое испытание и подвиг.

Апрель 1934

ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХОЗЯЙСТВА

1. *Соответствие между формой хозяйства и его социальным содержанием в связи с образом правления.* Оставляя вне обозрения формы хозяйствования у степняков-номадов, признаем, что аристократия основных народов Евразии (а также Европы и Азии) возникла на основе крупного землевладения. Наши исторические аристократии были продуктом определенного типа хозяйствования, а именно такого, которое характеризовалось безусловным преобладанием труда на земле над всеми другими видами труда. Таким образом, аристократия есть, в сущности, «землекратия», как в смысле общехозяйственном, так и в трудовом. Как только промышленность вышла из детского, кустарного состояния, как только народонаселение отдельных государств (самочинно или под влиянием правительств) расширило сферу применения труда «вне земли» (промыслы, мануфактура и т.д.) — тотчас возникло соперничество между руководителями хозяйства на земле (аристократия) и вне земли (буржуазия)*. Очередным этапом становления хозяйственных форм явилась борьба «города» и «деревни», борьба наступающего капитализма с неуспешно и косно сопротивляющейся аристократией. Догадливые вожди «горожан» отождествили свое дело с делом всенародным (делом демоса, народа) и выдвинули идею «демократии». В этой борьбе «города» и «деревни» победил город, одновременно заменив в области политического управления старую аристократию земли аристократией капитала и поставив «деревню» в служебное относительно себя положение. Для понимания дальнейшего необходимо учесть, что победа капиталистического города освобождала крестьян от власти земельных аристократов — во-первых, и во-вторых — косвенно содействовала будущей организации антикапиталистических сил самого «города». Эта победа от начала заключала в себе два противоречия: противоречие между «верхами» и «низми» победившего «города»; и противоречие между городом в целом и деревней в целом. Искусным противопоставлением городского пролетариата — деревне (и наоборот) вождям демократии удавалось до времени сохранять основы того строя, который именуется обычно капиталистическим.

---

* Последовательность в смене эпох в разных месторазвитиях была разною. Здесь мы отбираем типические формы трудопорядка, дающие перспективу дальнейшего развития хозяйства в Европе и Евразии.

Но вот наступает русская революция. В соответствии с возникшим на Западе замыслом «социалистической» революции она в своем острейшем выражении (диктатура пролетариата) является не чем иным, как победой городских «низов» над городскими «верхами» (рабочие победили капиталистов). Однако особенность победы русского пролетариата состояла (и состоит еще!) в том, что в ней поставлена проблема сочетания интересов городского пролетариата с интересами «земли» — крестьянства*.

Русская революция впервые ставит вопрос о сочетании труда на земле и вне земли, притом — об организованно-целесообразном их сочетании.

2. *План и его социальное содержание.* Совершенно ошибочно отождествлять плановое хозяйство с коммунистическим (или социалистическим) его содержанием. Говоря теоретически, всякое хозяйствование (на земле и вне земли, феодальное или капиталистическое) может быть (и действительно бывает) плановым. Момент планирования — чисто формальный. Особенности планового хозяйствования евразийского месторазвития заключаются в следующем:

а) *Историческая особенность* определяется традицией русского этатизма. Нынешним коммунистам приходится действовать в определенной исторической среде, воспитанной государственной инициативой в области хозяйства (Иван IV, Петр I, Александр II: освобождение крестьян, напр<имер>, диктовалось нуждами государственно-экономического целого).

б) *Психологическая особенность* состоит в той черте психики евразийских народов (и главным образом ведущего, русского народа), которую правильнее всего назвать идеократической. Чтобы жить и трудиться во всей полноте, несомненности и благословенности, каждый русский (и вообще евразиец) должен верить и знать — ради чего он трудится и живет. Момент целеположности, осмысленности и *оправданности* жизни и труда составляет самую интимную и *самую важную часть* в организации нашего *трудопорядка*. Предреволюционные государственные деятели выветрили эту возвышенную особенность из своих умов, за что их самих сдуло суровым ветром революции, которая хотя и развивалась безобразно-стихийно, однако из недр своих, в безумстве и святости, вдохновлялась религиозной идеей**.

3. *Индивидуализм, коллективизм, идеократия.* Старые политико-экономические доктрины, по общему правилу, выделяли хозяйственную деятельность государственного целого в отдельную область жизни; тре-

* Дело идет именно о постановке проблемы, а не ее разрешении. Коммунистические решения этой проблемы кровавы и неудовлетворительны. Потому-то евразийство и перерешает их.

** Слова о безумстве и святости относятся ко всем враждующим в революции сторонам.

бовали изолированного изучения и упорядочения ее в ее независимости от религии и морали. Кроме того, эти доктрины стояли на почве противопоставления личности — обществу, индивида — коллективу. Собственно говоря, обе эти черты могут быть сведены в одну: арелигиозность, т.е. могут быть сведены к принципиальному отказу от планирования Общего Дела, в котором соединены усилия веры и труда, воли и интеллекта, каждого в отдельности и всех вместе. Но эта-то анти-теологичность, ведущая к раздроблению целостности общества и отдельного индивида, как раз и явилась первой причиной распада «старого мира».

Государственно-частная система евразийства¹ исходит из идеократического мировоззрения. Что это значит? — Это значит, во-первых, что евразийство указывает на неизбывную взаимозависимость целого и частей; всей государственной жизни вообще и политико-экономической деятельности, в частности; во-вторых, евразийство развивает принципы сотрудничества коллектива и индивида; причем такие принципы, которые, в своем осуществлении, обеспечивают максимальный хозяйственный эффект и преуспевание все тому же Целому. Для нас нет и не может быть противоречия между усилиями всех и каждого. Наоборот, исходя из целеположной идеи (Высшего Общего Блага), мы отводим место любой составной части единой системы. В-третьих, мы наполняем план определенным (идеократическим) содержанием, применяясь к условиям времени и места.

4. *Идеократическое содержание плана хозяйства и реальные возможности его осуществления.* Мы уже сказали, что, быть может, главным грехом предреволюционной жизни был разрыв между идеей и хозяйством. Когда человек (не кровососущий клоп, а человек) перестает верить в высшую осмысленность своего труда на земле, он или перестает трудиться и предается отчаянию, или бунтует в поисках правильной веры. С точки зрения идеократической — в русской революции надо различать три стадии: стадию отрицательно-бунтарскую (гибель старого строя жизни); стадию победы коммунистической лже-идеи; наконец, стадию преобразования коммунистической лже-идеократии в истинную идеократию (совершенную, т.е. религиозно осмысленную). Мы находимся сейчас на подступах к третьей стадии, и само явление евразийства, с его учением о государственно-частной системе и идеократии, служит ярчайшим выражением наступления этой третьей стадии.

Имеются ли реальные признаки преобразования коммунистического трудопорядка, и если да, то в чем они состоят? Чтобы ответить на этот вопрос, надо спросить еще: был ли исторически реальный момент интегральной победы коммунизма? — Да, был. Был в эпоху т<ак> н<азываемого> «военного коммунизма» (1919–1921). Все, что было

после того, расценивается нами как постепенное, неуклонное, закономерное «переваривание» коммунистической лже-идеи евразийским месторазвитием (см. пункт 2). Интегральная победа коммунизма (1919–1921) завершила распад предреволюционной жизни; раз навсегда сломала и погребла противоречия между идеей и хозяйством; между частным (капитализмом, который преобладал) и общим (коллективизмом, т.е. государственным хозяйством, которое уподоблялось «танцующей звезде» в руках капитала, своего и чужого). В этом — положительное значение Октября. Но что же дальше? — дальше начинается трагедия борьбы коммунистической доктрины с особенностями месторазвития России-Евразии (как и обратно). НЭП 1922–[19]27 годов показал, что, с одной стороны, людской массив нашей страны (особенно в психо-экономическом отношении) еще не расстался с привычками и навыками дореволюционного времени (породившими революцию); а с другой — неискренность коммунистической власти и непонимание ею истинных задач и целей идеократического государства. Тем не менее со стороны *формальной* НЭП был правильной наметкой, направленной к разрешению проблемы построения государственно-частной системы хозяйства.

Сейчас (1933–[19]34) говорят о «нормализации» жизни в СССР, о признаках прихода «нового НЭПа»². Надо, конечно, отдавать себе полный отчет в условности и растяжимости этих терминов-понятий. Дело не в терминах, а в тенденциях, заключенных в реальностях нынешнего СССР. Тенденция же эти таковы, что раньше или позже, с той или иной мерой определительности — наступит время упорядочения жизни Союза; и упорядочение это в области хозяйства по-новому перестроит, развяжет и организует хозяйственные силы Страны. Весь этот процесс предвосхищен проективной евразийской мысли. Да, необходима «нормализация» (в смысле правильной увязки исторического с революционным); необходим и НЭП (в смысле нахождения правильных начал соразмерного участия общества и личности в идеократическом Общем Деле). Но Союз и его население лишь тогда приблизятся к искомому решению «проклятых вопросов» этих, когда осознают, что чаемый трудопорядок невозможен без веры, без высшей телеологии. А вопрос обретения веры упирается уже не в «экономику», а в человеческое сердце. От этого «не отвертишься»!

«Хлеба и веры»... «и ВЕРЫ, хотя бы ценою новых видов рабства, — будут скоро кричать все народы Европы», — писал К.Н. Леонтьев³. Писал — добавим от себя — прозорливо и вдохновенно. Но Европе и в этом отношении должна указать путь — *Евразия*.

О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ РОССИИ — СССР

Основное ядро Российской империи — Московская Русь — расширялось и обростало все новыми и новыми приобретениями в течение двух веков (XVIII–XIX). К концу XIX века Российская империя достигла естественных рубежей своего расширения. На Севере и Д<альнем> Востоке ее граница шла вдоль берегов Ледовитого и Тихого океанов. На юге — почти сплошная система гор Азии и Кавказа отделяла Россию от собственно азиатских образований (Китай, Индия, Иран, Турция). Западная граница, издавна неустойчивая, не открывала, однако, возможностей новых расширений.

Наступил момент, когда на смену внешнего роста должна была прийти пора внутреннего устроения.

Территория России, в отличие от Англии или Франции, — сплошная. Пути сообщения (реки, моря, транспорт) все развивались. Становилось очевидным, что для успешного сожительства столь разнообразных частей Империи, как, напр<имер>, Финляндия и Грузия, Бессарабия и Ойротия¹, Карелия, Туркестан и т.д., необходима продуманная система внутригосударственных отношений.

В конце XIX столетия Россия (в лице императора Николая II) делает попытку создания Международного Судилица (в Гааге), смысл которого сводился к обеспечению мира². Мир был необходим именно для переустройства многонационального государства на новых началах.

Несчастливая война с Японией как бы подтвердила нужность внутренних перемен. Но она же, вернее, сопровождавшая ее революция 1905 г. испугала власть. Страх — дурной советник. Правительство дореволюционной России, пытаясь одновременно реформировать страну и подавить революцию (бывшую символом реформ), сделало множество промахов, неизбежных в его положении. Крайняя противоречивость русской жизни в промежутке между двумя революциями объясняется тем, что власть стремилась (и то половинчато) осуществить реформы, отстранив «реформистов» (т.е. революционеров в широком смысле).

В России назревали сразу четыре революции: *политическая* — она состояла в стремлении части интеллигенции и буржуазии сменить дворянство и служилое сословие у кормила правления; *социальная* — сводившаяся к требованию улучшения положения рабочего класса и рабо-

чей интеллигенции (мессианизм этой группы, сыгравшей впоследствии решающую роль в 1917–18 гг., первоначально не имел широкого значения); *аграрная* — которая принимала порою очень резкие формы, но почти никогда не посягала на политические основы государства, и — *национальная*.

Под национальной революцией разумеются движения не-русских национальностей Империи защитить или развить свои черты, отличающие их как от русской нации, так и от других. В отдельных частях Империи формы национальной революции были различны. В то время, напр<имер>, как финны боролись у себя со шведским влиянием и получали поддержку русского правительства, — армяне массами шли в партию *дашнакцутюн*³, обиженные тем, что правительство распорядилось вернуть земли татарским бекам и ханам, ранее переданные армянам. (Беки были в Закавказье проводниками турецких влияний, тогда как армяне видели в России свою спасительницу.)

Можно положительно утверждать, что старая Россия пала ввиду отсутствия у ее правительства цельного взгляда на будущее страны и вытекающей из него единой и целесообразной программы действий. Вместо того чтобы противопоставить четырем отдельно развивающимся линиям революции продуманную систему и осуществлять ее ко всеобщему благу, правительство старалось частными мероприятиями увеличить несвязанность революционных течений между собой и, так сказать, бесплано-во удовлетворять отдельные требования жизни.

В области национальной (как, впрочем, и в других) получался разнобой и противоречивость. Так, напр<имер>, правительство усиленно боролось с культурным возрождением Украины, чем способствовало развитию украинского политического сепаратизма. Правительство уничтожило автокефальность Грузинской православной церкви (Грузия приняла христианство в 325 г.), вызвав взрыв негодования всего расположенного к России грузинского народа. И в то же время снисходительно относилось к пан-исламистским центрам (в Казани и Баку).

В результате получилось всеобщее недовольство, раздражение населения и объединение революционных струй в один поток. К началу мировой войны (и во время ее) все «недовольные» представители национальностей объединились в общем стремлении сбросить ненавистную власть. В Армении, Грузии, Туркестане, на Украине и в далекой Сибири бурлил революционный дух, захватывая и горожан, и сельчан, и интеллигентов, и рабочих, и даже государственных служащих, видевших, что участие национальностей в войне за общее отечество никак не отражается на чаемом ими расширении прав их народов. Почва для потрясений была готова. Однако от всеобщего недовольства до революции еще

далеко. Будь в России только один наболевший вопрос (национальный), революция не произошла бы. (По переписи 1897 г. русские составляли 43% населения Империи, а «иностранцы» — термин гр. М.М. Сперанского — 57%, т.е. большинство. Но это большинство было разбито территориально, культурно и исторически, так что одного его влияния на судьбы Империи было явно недостаточно.)

Революцию 1917 г., и именно *политическую*, произвели группы собственно русской интеллигенции и буржуазии. Правда, они опирались на параллельно текущие потоки революции социальной, аграрной и национальной. И таким образом, с первого своего шага были поддержаны массами. Все же для лучшего уяснения национальной проблематики прошлой и нынешней России не безразлично установить, что политическая революция предшествовала всем иным и что она была проведена в жизнь усилиями враждебных правительству верхов русского общества. Однако немедленно (и с огромной силой) политическая революция февраля 1917 г. осложнилась социальным моментом. Позднее присоединился тревожный и в достаточной степени анархический *аграрный* мотив. И лишь впоследствии (осень 1917 г.) стало очевидным, что революция двинула с места и инонациональные массы бушующей Империи.

Чрезвычайно существенно здесь же отметить одну черту, касающуюся вопроса участия национальностей в революции. В то время как в области политического, социального и аграрного действия перед вождями революции открывались в общем проторенные дороги и вожди имели в памяти готовые образцы (Франция, отчасти Англия и т.д.), — в области национальной они выступили новичками. За исключением «Декларации прав народов»⁴, о которой скажем позже, революция не произнесла ни одного конструктивно-разумного слова по национальному вопросу. В первые месяцы революции теория и практика тогдашнего Временного правительства в отношении иностранцев по своей запутанности и противоречивости мало чем отличалась от теории и практики «старого режима». Национальностям призывались к свободе и сознательности. Сознательность требовала жертв (во имя «победного конца» во внешней войне), т.е. временного отказа от свободы. Национальностям поняли это противоречие по-своему. Магометанские народы образовали свой центр «Шуро», представлявший 20–21 миллион последователей Ислама. Украинские сепаратисты немедленно занялись созданием особых войсковых частей, памятуя, что капрал тот, кто держит палку. На Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре и др.<угих> местах, заселенных магометанами, появились агенты Турции, и то, о чем они говорили, выслушивалось с одобрением. Те круги национальностей, которые никогда не примирились с включением их земель в состав Российской империи, почувствовали возможность изба-

виться от владычества русских и действовали в соответствии с этой возможностью. Трагизм «белых армий», опиравшихся по преимуществу на окраинное население Империи, состоял, между прочим, и в том, что они, «белые армии», призывали к воссозданию «великой, единой, неделимой России», мобилизуя на это дело тех, кому оно было наименее желательно (ср. историю Добровольческой армии, опиравшейся на Кавказ, Украину, Дон). Коммунисты использовали промахи своих противников в отношении национальностей в полной мере. И это — одно из обстоятельств, способствовавших их победе в Гражданской войне.

Авторы «Декларации прав народов России» (акт, изданный 2 ноября 1917 г.) обнаружили большую долю смелости и прозорливости. В свое время Французская революция (1789 г.) провозгласила права человека и гражданина. Русские революционеры это провозглашение повторили (в феврале — марте 1917 г.). Та часть общества, которая шла по собственно политической линии, была удовлетворена и восхищена. Но ни рабочие, ни крестьяне, ни «иностранцы» (в массе) не проявили по этому поводу каких-либо чувств. Их цели и настроения были другие.

Сущность «Декларации» сводится к следующим пунктам: 1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право народов на свободное самоопределение, вплоть до образования самостоятельного государства; 3. Отмена всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений; 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию.

Далее «Декларация» признавала, что Россия является свободным союзом свободных наций и что будущее всех народов зависит от их собственной воли.

Разумеется, это только «декларация». Однако ее моральное и конструктивное значение велико. Коммунисты, объявившие права народов, выбивали оружие из рук своих менее щедрых на обещания противников. В решающие моменты Гражданской войны (1918–1920) «Декларация» играла огромную роль, она давала национальностям известные надежды, никак не сравнимые с «неделимой Россией». Нынешний СССР оформлен договором 1922 г. и конституцией 6 июля⁵, т. [е.] формально — в создании обоих этих актов участвовали представители всех национальностей, населяющих Союз, на равных правах. В действительности, как в количественном, так и в качественном отношении русским принадлежит первенствующая, ведущая роль. По переписи 1897 г. русские составляли 43% населения Империи. В связи с выделением Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Бессарабии и других частей процентное соотношение изменилось. По переписи 1925 г. русские составляют уже 53% населения Союза (77791000 человек). Цифра эта сильно возрастет, если к русским отнести

украинцев и белорусов, т.е. совокупить три основные ветви славянорусского племени в одну (что вполне соответствует их культурно-историческому облику и что представляется естественным с «инородческой» точки зрения). Русские, украинцы и белорусы насчитывают 113725000 человек, т.е. 80% населения Союза. На остальные 20% приходится 190 народов, из коих перепись 1926 г. поименовывает около 100. При таком положении дел становится очевидным, что преобладание славяно-русских элементов над «инородческими» не подлежит сомнению.

Из национальностей, входящих в упомянутые 20%, назовем более крупные группы:

Тюрко-татары (татары, узбеки, киргизы, азербайджанцы)	до 21 милл.
Угро-финны (карелы, вотяки, мордва)	до 4 милл.
Монголы (буряты, калмыки)	до 1/2 милл.
Евреи (их было 5 миллионов, сейчас)	до 2 1/2 милл.
Армяне	до 1 1/2 милл.
Грузины	более 1 1/2 милл.
Немцы	менее 1 1/2 милл.

Существует мнение, что нынешнее административное деление России — СССР, соответствующее, в известной мере, национальному расселению, наносит ущерб единству России. Этому мнению должно противопоставить другое, высказываемое сепаратистами, которое утверждает, что искусственным дроблением национальностей, проводимым господствующим русским ядром, обеспечивается его власть над национальностями. Так, например, оказывается, что таджики отделены от родственных им узбеков. Кавказ, представляющий собою геополитическое целое, разделен на Северо-Кавказский край (входящий в РСФСР) и Закавказье, образовавшее ЗСФСР (Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика — она состоит из Азербайджана, Грузии и Армении). Далее — адыгейцы-черкесы отделены от родных братьев кабардинцев, а карачаевцы — от балкарцев.

Современное административное деление СССР считать окончательным нельзя. Известны намерения сочетать национальные особенности отдельных краев с геополитическими и экономическими. Наконец, и вопросы транспортной связи (как и обороны границ) оказывают и окажут еще значительное влияние. Однако в целом надо признать, что лежащий в основе «Декларации народов» конструктивный принцип сожителства национальностей оказался жизнеспособным. Он удовлетворяет двум главным началам, необходимым многонациональной России: началу объединения (федерации) и началу обособления (автономии).

Так же и вторую формулу, организующую культурную жизнь национальностей Союза и выдвинутую революцией, надо признать удачной. Она гласит, что культура национальностей СССР должна быть «национальной по форме» и «социалистической по существу»⁶. Разберемся в ней.

Трудно предположить, чтобы в современной России (т.е. в СССР или эмиграции) нашлись бы серьезные защитники полной русификации всего населения государства. Такая попытка привела бы к противоположным цели результатам, т.е. к крайнему усилению противорусских настроений среди национальностей. А такие тенденции бесконечно осложнили бы и без того трудную обстановку жизни нашего Отечества, как в смысле внутренних отношений, так (и в особенности) международных. С другой стороны, факт разделения всеми национальностями России — СССР ее исторической судьбы указывает, что их будущая жизнь, подобно настоящей, предполагает союз и сотрудничество их в общей государственной системе. Следовательно, не может быть речи об отмене, вытеснении или ликвидации «национальных форм» культуры различных групп населения Союза. В обозримый период истории национальные формы культуры сохранятся. Это отчетливо видится всеми, кто знаком с процессами возрождения национальных культур, происходящих в настоящее время в ряде национальностей (напр<имер>, в Грузии, Осетии, Башкирии и т.д.).

Но что значит второе требование, выраженное в словах «социалистическое по существу»? Заметим, что сам автор формулы (Сталин) не говорит: «коммунистическое по существу» или «пролетарское по существу». Речь идет о социализме — понятии крайне неопределенном и многообразном. Несколько лет назад, когда на высотах советской философии утвердился Деборин, а в литературе Переверзев⁷, под сущностью социализма понималось одно, а ныне понимается другое. На съезде писателей (Москва, VIII–IX, 1934) самые имена Деборина и Переверзева не упоминались. Мало того, съезд этот замечателен тем, что на нем оказались побитыми представители «диалектического материализма», а торжествующими — представители «социалистического реализма»... «Вы фетишисты и идолопоклонники, — сказал Бухарин противникам нового курса Политбюро, — если не понимаете, что жизнь идет вперед»⁸.

«Жизнь идет вперед» — вот правильный (хотя и неясный) ответ на вопрос, что значит, что культура, будучи национальной по форме, должна быть социалистической по существу...

Старый берег оставлен, а новый еще только грезится. Теперь уже очевидно и Бухариным, что коммунизм-марксизм принадлежит старому берегу. Жизнь идет вперед — и понадобились пластыри-наклейки «ленинизма», «сталинизма» и «социалистического реализма», чтобы спасти,

до времени, выхолощенную догму. Таким образом, слово о «социалистической сущности культуры» — не утверждение, но отговорка. На упомянутом съезде писателей было дано несколько разноречивых толкований «социалистического реализма», являющегося ныне основным содержанием культурной жизни советских народов. С точки зрения вопроса о национальностях России — СССР важно подчеркнуть, что общий дух установок социалистического реализма разделялся всеми представителями национальных литератур. Борьба происходила не между русскими и не-русскими, но между различными течениями, опять-таки общими всем литературам. Другой объединяющей для всех литератур чертой было стремление сочетать завещанную историей традицию с приобретенным и, так сказать, «отобранным» (в смысле качества) опытом революции. Русские призывали учиться у своих и иностранных классиков. «Националы» сообщали о сокровищах своих литератур (грузинской, золотой век которой относится к XII–XIII векам; армянской, узбекской и т.д.). Тогда же была установлена необходимость взаимных переводов с русского языка на национальные и обратно, обмена театральными постановками и других методов взаимного сношения и сроднения⁹. Тенденция эта, не чуждая близкому и даже давнему прошлому, приобретает грандиозное значение, будучи сознательно организованной. Именно здесь лежит путь к действительному искреннему братству народов России — СССР, воспитывающему чувства, далекие от «классовой ненависти» или вражды «угнетателей и угнетенных».

Но центральным пунктом для всей Страны и каждой ее национальности является будущее. Будущее обладает магической силой притяжения. В мире вообще и в области культуры, в частности, всегда борются два начала: иго мертвых (прошлое) и обетование нерожденным (будущее). Каждое поколение, даже вне зависимости от климата преходящих идей, какую является, между прочим, и «идея пролетарской революции», стремится оправдать свою жизнь перед лицом вечности, перед лицом жизни и смерти, главных законов бытия. Оправдание заключается в ответах на два вопроса: что сделано поколением в отношении предков и что — в отношении потомков? В связи труда поколений (связь = *religio*), в осмысленности и целенаправленности усилий и состоит Общее дело человеческих поколений.

Для наших современников, для всех национальностей, игом предков являлась столетняя мечта о революции. Революция осуществлена. Не нам судить: оправданы ли, осуждены ли поколения, добившиеся революции. Трагизм и радость нынешнего поколения русских, украинцев, грузин, татар и всех иных народов России — СССР заключается в «составлении завещания» тем, кто будет жить и трудиться на нашей земле, под нашим небом, в лучах нашего солнца.

Константин Чхеидзе

Конечно, эта тема лежит вне пределов настоящего очерка. Она намечается здесь для того, чтобы утвердить обстоятельство величайшей важности, которое имеет одинаковое значение для всех национальностей Союза: безмерные жертвы настоящим ради неясного еще будущего — приносятся в равной мере всеми народами и гражданами современной России. По мере сил напряжения — переживаемое время может (и должно быть) сравниваемо с первыми веками христианства. Мы вправе ожидать рождения *новой эпохи веры*¹⁰, может быть — новой религии.

И какова бы ни была эта новая религия, она будет выстрадана всеми народами нашей, посещенной Богом Родины. Следовательно, она будет их связью, духом и культурой на долгие времена.

С ДРУГОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (К характеристике русского народа)

«Левин (положительный герой толстовского романа «Анна Каренина») начал этой зимой сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва, и чтобы, следовательно, все положения науки о хозяйстве выводились не из одних данных почвы и климата, но из данных почвы, климата и известного неизменного характера рабочего» (стр. 216, т. 1)¹.

Потрясающая вещь! — Толстой, гениальный Лев — «великий писатель земли русской» — вкладывает в уста одного из любимых своих положительных (!) героев слова, которые, кажется, так же далеки от действительности, как 1934 год далек от 1904-го! И где, в какой стране, среди какого народа говорятся эти слова. — Ведь, кажется, нет ничего прихотливее, неожиданнее и противоречивее русского характера!

Что такое «русский характер»? — Вот вы приехали в деревню зимой. Вы видите медвежью спячку русского крестьянина. Вот вспоминаются почти анекдотические рассказы иностранцев о русской лени. «А там — во глубине России (невольнo декламируете вы) — там вековая тишина». — Но пусть ваш наезд в деревню произойдет в так называемую страдную пору, т.е. в период подлинного страдания крестьянина над землей — над косью, уборкой урожая, молотьбой и т.д. Вы поразитесь неправдоподобной энергией и выносливостью этих же самых «лежебоков».

Встать до зари, работать весь день в духоте палящего солнца, довольствоваться куском хлеба, луковицей и кружкой кваса — и при этом петь и улыбаться?

— О, — скажете вы, — на эти подвиги способен лишь русский народ! — Великий русский народ, — поправит вас кто-либо из многочисленных поклонников России.

В чем же дело? И где правда? Почему так противоположны суждения иностранцев о русских и русских о самих себе? — Разве не замечательно, например, то, что Россия, считавшаяся при императоре Николае I и Александре II оплотом мирового консерватизма, в другие времена (реформы Александра II, революция 1917 года) вдруг срывалась с привычных исторических путей и неслась, как «буревестник» Максима Горького, над волнами народного моря? — Что это такое?

...Россия — самая закостенелая, отсталая страна. «Поскребите русского — и вы откроете татарина»*, — скажет Ж.Ж. Руссо.

...Россия — самая передовая, самая революционная, самая способная к преобразению страна, — наверное, возразит наш современник Ромэн Роллан.

Неужели оба ошибаются? Или, может быть, оба правы?

Да, Л.Н. Толстой знал, что можно и следует учитывать характер работы как неизменную величину — даже в том случае, если эта величина внутри себя диалектична и переменчива. «Постоянство в непостоянстве» — вот ведь какова одна из возможных формулировок сущности русского характера.

В самом деле, русские геополитические условия заключают в себе крайности и противоречия. Пространство, занимаемое Россией, настолько огромно, что обладатель его — русский человек — невольно смиряется, обозревая его. Следовательно, русскому доступно необыкновенное сознание величия и одновременно глубокого смирения, переходящего порою в самоуничижение... Русская зима отличается крайней суровостью и продолжительностью. Необходима вековая привычка терпения, чтобы пережить такую зиму; в былые времена зима была тем ужаснее, что сопровождалась вынужденным бездельем... А русское лето — начинается буйной весной, потом разгорается, как костер, торопит, гонит человека, заставляет его напрягать все свои силы, зовет и увлекает его, чтобы потом уйти, заменившись долгой, холодной и скучной осенью. Никто в мире не способен к такому упорному, глухому терпению и как бы отчаянию, которое — в мгновение ока — может смениться восторженной надеждой и бешеной радостью, не знающей границ и меры, — никто, как русский!..

Бисмарк, когда был послом в Петрограде², тонко и метко определил русский характер: «Русские долго запрягают и быстро ездят».

В русской научной литературе существуют поразительные свидетельства, которые бросают яркий свет на прошлое и настоящее России. Свидетельства эти, принадлежащие вдумчивым, глубокомысленным авторам, помогают отчасти разобраться в той кажущейся противоречивости, которая и сейчас творится в России. В особенности заслуживает внимания малоизвестный, замолчанный автор многих исследований о психологических условиях умственного и социального развития русского народа Афанасий Прокофьевич Шапов (жил в II половине XIX в.)³. Его имя не встречается ни в «левой», ни в «правой» русской современной прессе — может быть, потому, что он слишком правдив, а правда, как говорят, «глаза колет».

---

* Татарин — символ дикости, невежества.

Чему же поучает А.П. Шапов? Он говорит: имеются два мотива социальной истории России и два главных свойства организации нервной системы русского человека в массе.

Это, во-первых, «общая посредственность, умеренность или медленность возбуждения его нервной восприимчивости» (и здесь причина в холодном северном климате, а также в прошлой истории) и, во-вторых, особая огромная предрасположенность «к наиболее живому восприятию впечатлений, наиболее напряженных и сильных», каковы, например: 1) впечатления совершенно новые, внезапные, неожиданные и поразительные, 2) впечатления, остро затрагивающие чисто эгоистические чувства и инстинкт животной жизни, господствующие наклонности и страсти (передаю мысли, главным образом, III-го тома полного собрания сочинений Шапова). «По нечувствительности или притупленности нервной организации русскому народу обыкновенно сначала надо было много веков выстрадать; надо было воспринять и прочувствовать все гнетущим образом раздражающие действия того или иного исторического зла, чтобы потом уже (но и то не путем размышления, а вследствие набоевшего долговременного чувства страдания или дождавшись какого-либо поразительного толчка) начать искоренять это зло, без всякой, однако же, многосложной думы, без глубоко продуманной организационной идеи и плана»⁴.

По смыслу этих слов русский народ целые века терпел «историческое зло» — «старый режим», а потом, за несколько месяцев, уничтожил самое воспоминание о нем (1917 год), действуя стихийно и без плана.

По теории Шапова, в русской истории сменяются два состояния: первое — продолжительное по времени — пассивное, второе — непродолжительное по времени — активное.

Небезразлично отметить, что Шапов настаивает на стихийности, неразумности второго состояния (состояния «толчка»); второе состояние не несет в себе «организационной идеи и плана».

Выходит, что русский народ в целом, находясь в первом состоянии, состоянии пассивного восприятия и долготерпения, является объектом воздействия, а во втором состоянии — активном — он, хотя и субъект действия, субъект истории, но неразумный, действующий стихийно...

Кто же в таком случае создавал великую державу, кто же является носителем организационной идеи и плана?

А.П. Шапов вполне определенно отвечает: носителем организационной идеи является Правительство. Он приводит показание Ю. Крижанича о роли власти в русской земле: «Казенная дума есть одна из наименее потребнейших промыслов для славянского народа. В иных землях и народах могло бы быть сие казенное думанье излишне, т.е. там, где людство

само по себе и от природы есть быстрого разума, домысливо, работливо, заботливо. А в сем русском преславном государстве... казенные думы никак не лишни, но всячески корыстны и потребны. Ибо нашего народа люди суть косного разума и неудобно сами, что выдумают, аще им ся не покажет. И здесь есть совершенно самовладство, повелением царским может на всей земле учиниться всякая поправа, — а в иных землях то не было бы возможно»⁵.

Однако Ю. Крижанич, по-видимому, осуждает «самовладство», предвидя от него недобрые начинания. Но ведь это справедливо далеко не всегда!

Концентрация власти, устремленной к просвещению и благосостоянию народа, не может и не должна расцениваться как зло. Та замечательная историческая черта русского народа, которую М.М. Сперанский (сотрудник имп. Александра I) назвал «послушной восприимчивостью к диктатуре правительства»⁶, может служить и к добру. Ведь именно А.С. Пушкин, символ русской культуры за рубежом и предмет восторга, изучения и поклонения молодежи СССР, сделал теперь запись: «У нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно» (том IV, стр. 326, примечание 2-ое)⁷.

А.П. Щапов предвидел приход новой «эпохи Петра Великого». Он сочувствовал революции, ждал и работал на нее (как и огромное большинство интеллигенции) и, кажется, боялся ее! Вместе с тем он заранее мог угадать, что русская революция не в состоянии будет вдруг и навсегда переделать геополитические условия жизни в России и характер русского населения. Он как бы знал, что за короткой, страстной вспышкой, когда наступает половодье и лед трещит, размывая берега, — наступит новая фаза стабилизации, что в дальнейшем последуют медленные, так сказать, молекулярные изменения; и что «организационная идея и план» будут не у народа, но у правительства. Нельзя отрицать, что современная Россия — СССР нуждается в комментариях, типа щаповских сочинений. По-видимому, «теория двух состояний», предложенная А.П. Щаповым, может быть применена [к] русской (советской) действительности.

Краткое по времени и сильное по потрясению «состояние толчка», т.е. высший пункт революции — миновал. Общие черты нового государства — сложились. Все, что будет происходить дальше, едва ли изменит нынешнее соотношение сил правительства и народа. Восстанавливается дореволюционная инерция русского государства. Но нет никаких сомнений в том, что если пореволюционное состояние России начинает приближаться к дореволюционному (состояние до толчка), то это значит, что

необходим какой-то синтез между революцией и традицией. Какой же? Об этом после.

Революция русская, совпавшая по времени с мировой* и сосредоточившая в своем неукротимом беге искания и противоречия «Теории и практики» современной жизни**, — эта революция перевернула и раздробила многие ходячие мнения о России и русском человеке¹⁰. Самый значительный урон потерпела так называемая «русская душа», l'âme russe, которая каким-то причудливым образом перекликалась с l'âme slave. Этими величинами сейчас не оперирует никто: ни иностранцы, ни сами русские.

В самом деле: под русской (или славянской) душой понималось нечто расплывчатое, безвольное, нечто насыщенное мистической мглой, женственно капризное, детски наивное, во всяком случае нечто первозданное и в то же время чрезвычайно тонкое и сложное.

То крыло русской интеллигентной литературы, которое уже давно обречено было на слом (Леонид Андреев, отчасти старые А. Белый и А. Блок...), все еще конвульсивно поддерживало псевдотрадицию «русской души», а грозная действительность наступила уже в лице партии Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, т.е. людей (в большинстве) не-русских, настроенных оптимистически и (в известном смысле) невероятно простых и не сложных.

Лозунги и декреты «Октября», его поэзия, его, если угодно, романтика ужасно далеки от комплекса «русскости», который до революции котирировался на бирже идей, отмеченный клеймом «Made in Russia». Именно поэтому было (и есть) столько разочарований в России, в ее призвании, в ее миссии, как со стороны своих, так и со стороны чужих.

Впрочем, отказ от принадлежности к России и русскому — явление не новое. Через весь XIX век, от философа Печорина к героям И.С. Тургенева и включительно до лакея Смердякова («Братья Карамазовы»), тянется вереница отступников от своей родины. «Мы думали, что ты такая, а ты совсем иная!» — говорят эти обманутые и обманувшиеся... «Угораздило меня родиться в России» — вздохнул вдруг А.С. Пушкин¹¹. «Россия есть величайшее недоразумение», — воскликнул Ф.М. Достоевский¹². А ведь оба они, Пушкин и Достоевский, — лучшие знатоки своего отечества, его любящие, создатели родной литературы.

* См.: «Мировая революция» Т. I и II. Т. I. Масарик, первый президент Чехословацкой республики⁹.

** «И в России моей — окровавленной, победной или пленной — бьется трепетное сердце вселенной». Сов<етский> поэт⁸.

Но вопрос о душе — трудный. С ним невозможно справиться на протяжении двух страничек — его тут невозможно даже наметить!

Россия оказалась «иной», не той, «как все думали», и во многих иных смыслах. Разве не установилось, например, мнение, будто Россия является страной преимущественно и чуть ли не односторонне земледельческой?! Даже весьма крупные русские экономисты до самого последнего времени с гневом отвергали мысль о том, что Россия может (и должна) производить и вывозить не только сельскохозяйственные продукты.

И напрасно такой замечательный ученый, как Д. Ив. Менделеев, настаивал на более внимательном самоизучении¹⁴: трафареты господствовали. Трафаретные взгляды застилали и туманили мозги до самой последней минуты, до тех пор, пока не раздалась на обгаренных кровью Гражданской войны полях победившая песнь:

Мы все взорвем, мы все разрушим,
Всю гниль с лица земли сотрем.
Мы солнце старое потушим,
Мы солнце новое зажжем!¹⁵

В действительности (слава Единому Богу!) никому не дано «все разрушить», а уж тем более «потушить» или «зажечь» солнце! — Из беспристрастного сопоставления гениальных книг Д.И. Менделеева («К познанию России» и «Заветные мысли») с нынешней советской экономической политикой видно, что день сегодняшний («День второй», по выражению Ильи Эренбурга¹⁶) вырастает из дня вчерашнего — дня первого; на наших глазах происходит сочетание традиции и революции — в этом смысл и значение переживаемой СССР эволюции. Вопрос лишь в том — какой именно традиции и какой революции: революции чего и в чем?

Д.Ив. Менделеев настаивал на необходимости планомерной (на языке Советов: плановой) индустриализации России. Он говорил, что ошибочно считать Россию страной земледельческого хозяйства, что ремесла и промысел (промышленность) искони присущи России и русскому человеку, что русский ум — трезвый и, можно сказать, конкретный, реальный, любящий расчет, порядок. Менделеев рассматривал отдельные области хозяйства (им лично много было сделано, например, для русской нефтепромышленности) и предугадывал дальнейшее развитие этой области в связи с другими, связанными с нею (земледелие — индустрия; «белый уголь» — электрификация и т.д.)¹⁷. В свое время Менделеева не оценили, а может быть, не поняли... или не хотели понять?!

¹⁴ Вся Петроградская школа, особенно проф. Туган-Барановский (1909–1916)¹³.

Правительство и общество, наука и печать рассматривали Россию как страну исключительно аграрную. И так как неблагополучие в положении страны было очевидно, то считалось необходимым лечить ее «аграрными методами» — земельными реформами. Безусловно признавалось, что фундаментом Империи является «мужик», т.е. деревня.

Как показала революция, как показала история «земельного кодекса РСФСР 1922 года»^{*} и беспрецедентная коллективизация конца двадцатых — начала тридцатых годов — русская деревня не есть ни исторически, ни экономически устойчивая величина, наоборот — это неустойчивая величина — русская деревня необычайно пластична!!! Оказалась невероятная вещь: основа русской государственности и русской экономической системы — деревня — есть уравнение с несколькими неизвестными; есть *икс* — дающий не одно, а два, три и еще больше решений, т.е. решений всего комплекса социально-экономических проблем России.

Нельзя отрицать, что «пластичность» русской деревни достигалась насилием, террором, агитацией и другими средствами воздействия. Книги советских авторов (Л. Леонов. «Барсуки»; Панферов. «Бруски»; М. Шолохов. «Поднятая целина») в сильных, правдивых красках изображают кровавую трагедию русского крестьянства, «пластичность» которой, мы говорили, достигалась убийственными методами. И все-таки: ведь крестьяне всегда составляли почти абсолютное большинство населения России. Ведь давно прочно установилось мнение, что в России крестьянство составляет 80–85 даже проц^{ентов}>!!! Что же это за крестьяне, позволяющие ничтожному меньшинству превращать себя в месиво, в тесто?!

Здесь возникают сомнения и вопросы. Здесь нельзя не вспомнить мысль Менделеева, что 1) чуть ли не каждый русский крестьянин является в то же время и ремесленником и торговцем, 2) что отнюдь не все крестьяне, занимающиеся земледелием, рассматривают это свое занятие как избранное и желанное, 3) что экстенсивность русского земледелия, уже десятки лет угрожавшая стране аграрным перенаселением, давным-давно требовала перехода к современной технике сельского хозяйства и к общей индустриализации России...¹⁸

Наконец, в виде заключения к этой части наших размышлений небезынтересно привести небольшую филологическую справку. В Польше, Чехии, Словакии, Сербии и других славянских странах, язык которых сродни русскому языку, имеются вполне определенные термины, обозначающие человека, работающего на земле: «rolnik» (от «rola»), «sedlak» (от слова «sedlo», «usedlost» — сидеть, т.е. человек, осевший на

^{*} Этот кодекс, составленный в эпоху раннего НЭПа, в основе воспроизводил «столыпинскую реформу». Совершенно не исключено, что в наметившейся сейчас перестройке коллективизированной советской деревни принципы «земельного кодекса» и, следовательно, «законы Столыпина» оживут вновь.

землю); «gazda» (что значит хозяин, от слова «gazdorati» — хозяйствовать) и т.д. А как называют себя русские земледельцы сами и как называют их другие? Крестьяне — от слова «христиане», это определение — не социально-экономическое, а вероисповедное; мужики — тут опять-таки подчеркивается не хозяйственный признак, а половой, от слова «муж», в противоположность слову «баба» (женщина).

В начале XIX в. при императоре Александре I пробовали было установить термин «хлебопашец», но он не удержался. Древняя Русь называла своих земледельцев смердами (чувствуется оскорбительная связь с глаголом «смердеть»), а современный СССР окрестил их колхозниками...

Странное дело: даже тысячелетняя рабыня чужих держав Карпатская Русь имеет свое обозначение человека, трудящегося на земле (газда), а великая, могущественная Россия не изобрела (или не удержала в народной памяти) соответствующего общепринятого наименования для якобы главного занятия своего якобы основного населения... Не принуждает ли это обстоятельство еще и еще однажды переспросить: полно! Верно ли, что Россия — страна земледельческая и что основное ее население — земледельцы?

Как русское прошлое, так и настоящее дают по крайней мере двусмысленный ответ на этот вопрос.

О Н.Ф. ФЕДОРОВЕ И ЕГО УЧЕНИИ

Сам Н.Ф. Федоров не выдавал своего учения за нечто новое. Он считал себя христианином, а свои мысли — как бы обширным комментарием к христианству в его отношении к современности.

В недалеком прошлом, при жизни Федорова, он лично влиял на такие умы, как Достоевский, Толстой, Вл. Соловьев. Достоевский признается в своем письме на имя Н.П. Петерсона, что он «прочел мысли Федорова, как свои собственные»¹. Недавно вышел труд проф. Комаровича о романе «Братья Карамазовы», где доказывается влияние «федоровских идей» на содержание этого замечательного произведения русского гения².

Л. Толстой может быть понят во всей полноте лишь с оглядкой на Федорова. Центральным пунктом психологии Толстого было отношение к смерти. Об этом лучше всего свидетельствуют его произведения, об этом же говорит и М. Горький в своей известной брошюре о Толстом³. Было время, когда два этих великих человека, Толстой и Федоров, дружили. Толстой по-видимому хотел пойти по пути Федорова, признать и науку, и религию — как вдохновения, направленные на преодоление смерти. Но — и в этом тайна Толстого — он отринул эти пути, он отверг и науку, и религию. Он поклонился смерти, говоря, что «ничего не имеет против этой курносости» и даже «любит ее»!⁴

Вл. Соловьев называл Федорова своим учителем и утешителем. В своих «Чтениях о Богочеловечестве» он, в сущности, руководствовался основными идеями Федорова, которые, как уже было отмечено, были строго христианскими идеями. Так же и в других трудах, как, напр<имер>, «Смысл любви», «Смысл искусства», опять-таки нетрудно заметить мотивы, почерпнутые из знакомства с Федоровым⁵.

«Совершенное искусство, — пишет Соловьев, — в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы?» По утверждению Соловьева, вполне сходного по духу с учением Федорова, «человек с его разумным сознанием должен быть не только целью природного процесса, но и средством для обратного, более глубокого и полного воздействия на природу со стороны идеального начала»⁶. «Природа, — пишет

он в другом месте, — в биологическом процессе стремится все более и более ограничить закон смерти... не должен ли человек в историческом процессе совершенно отменить этот закон?...»⁷

Но отмена смерти для ныне живущих — это не вся задача... «И вот («Смысл любви», стр. 49)* все живущие на земле исцелены, все свободны и бессмертны». Но чтобы быть счастливыми, они должны забыть «отцов», т.е. уже умерших. Миллиарды людей, подготовивших благополучие потомков, гниют в земле. Неужели эти потомки будут празднично наслаждаться своим счастьем? — Такое предположение отвергается Соловьевым как чудовищное. Он называет истинной любовью ту, которая «торжествует над смертью, не отделяет бессмертное от смертного, вечное от временного, а превращает смертное в бессмертное»⁸.

Это абсолютно подобно завету Федорова, учившего, что «нужно жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), но со всеми и для *всех*»⁹, живых и мертвых.

Федоров видел в христианстве религию бессмертия и вечной жизни. Задача христианина — преобразить себя, преобразить всю природу, обожествить весь мир. Не покорность буддиста, но вера, надежда и любовь — вот лучшие достоинства человека. Не пассивное отношение к миру, но активное, творческое. То, что встречается в произведениях Достоевского как предчувствие, у Толстого как отвержение, а у Соловьева как намеки, — выливается у Федорова в стройную законченную систему. В центре ее — образ Пресвятой Троицы, союза совершенных, бессмертных личностей, неслиянных, т.е. сохраняющих свою индивидуальность, и нераздельных, т.е. неотлучных друг от друга. Федоров по всей правде и со всей серьезностью считал, что человек должен исполнить требование Христа: «будьте совершенны, как совершен Отец Небесный»¹⁰. И христианское верование, что человек есть образ и подобие Божие, рассматривал как задачу, поставленную перед «сыном Божиим», т.е. человеком. Общество людей должно строиться по образу Пресв. Троицы: должно состоять из совершенных, бессмертных людей.

Удивительно, что некоторые христиане, гл^явным> о<бразом>, правда, из рафинированных интеллигентов, с ожесточением кидаются на Федорова, называя его сектантом и отщепенцем, а иногда упрекая его в материализме и других грехах. Есть ли что-нибудь противное христианству в изложенном учении? И много ли здесь материализма?

Федоров упрекал науку за то, что она отказывается говорить о конечных целях мирового процесса и отпадает от религии. В свою очередь неправы и те представители религии, которые анафематствуют науку, вместо того чтобы признать ее, принять ее, вступить с ней в сотруди-

* Издательство «Заря». Берлин, 1924 г.

ство ради достижения человечеством высших целей — всеобщего преображения, бессмертия, вечной жизни.

Огромное зло разделения на «ученых» и «неученых», отрыв первых от вторых вызвали в Федорове чувство глубокого осуждения. Он видел пропасть между «мозгами» и «руками» общества и призывал к преодолению ее. В общем деле всеобщего спасения (спасения от угрожающей всем смерти) он видел единственный правильный путь и разрешение мучительных проблем. Иными словами, он требовал цельности человеческого сознания и действия. Он предугадывал ту тоску по синтезу, которая характерна для наших дней. Всякого рода «измы» вроде коммунизма, социализма, кооператизма и т.д. только потому имеют успех, что они дают и веру, и дело.

С тех пор как христианство сделалось религией созерцательной (вопреки своему собственному духу, вопреки призыву Христа подражать ему в исцелении болезней, в воскрешении мертвых, в овладении природными стихиями и т.д.), — оно стало утрачивать магическое воздействие на массы, на сознание и акты людей. Разрыв между литургией и бытом — вот где, по мнению Федорова, надо искать корень всех зол. И для того чтобы человечество опомнилось, пришло в себя, нашло свой истинный путь в веках, оно должно стремиться к осуществлению литургии в жизни. Смысл литургии — пресуществление. Участники литургии — все. Ведь само слово литургия — значит Общее Делание¹¹.

Наше время отличается двумя особенностями: колоссальным развитием техники и удивительной беспомощностью человека перед лицом вызванных им сил. Мы переживаем всевозможные кризисы. Но основной кризис состоит именно в том, что мы расплывены, что нас не связывает никакая всеоправдывающая идея, способная осмыслить каждый человеческий труд; целесообразно направить общие людские усилия. Наше время — это время, когда люди уже осознали необходимость Общего Дела, но еще не нашли его.

Нет сомнения, что массовые увлечения всякого рода модными социальными учениями — недолговечны. Достаточно присмотреться к смене идеологии (и переменам внутри идеологии), происходящим, напр<имер>, в России, Германии, Италии и других пунктах земного шара, чтобы признать это. Но, с другой стороны, сами эти увлечения очень показательны. Они говорят, кричат и глаголют о воли масс к действию в широких масштабах. Они знаменуют созревание масс для новой «эпохи веры». Где же искать истинную веру?

Есть мнение, что и христианство переживает глубокий кризис. В самом деле, до сих пор христианство было по преимуществу религией земледельческих народов. Культ хлеба, вина, агнца лучше всего доказывает,

что это — так. Техническое разделение застало христианство или, вернее сказать, христиан неподготовленными для ответа на множество вопросов. Ведь нельзя же считать «ответами» проклятия, отпускаемые иными благочестивыми пастырями на голову авиаторов, или указание других пастырей, что техника — орудие дьявола!¹²

По мнению Федорова — нет ничего заслуживающего отвержения. Наоборот, чем больше новых изобретений, тем лучше. Чем полнее овладевает человек силами природы, тем совершеннее оправдывает свое назначение. А в пределе — человек должен достичь состояния, когда не останется ничего тайного, а все будет явным. Но — такое состояние будет благословенным лишь в том случае, если приобретенные знания будут обращены на дело любви и добра. Совершенная же любовь состоит в любви ко всем: живым и мертвым. Совершенное добро — в жизни: добро есть жизнь, зло есть смерть. Тут рисуются головокружительные перспективы. Тут чувствуется замысел нового, достойного нашего времени понимания вечных христианских истин. И именно здесь надо искать значение федоровской проповеди.

Борьба с природой во имя ее преображения; согласованный труд объединенного человечества во имя всеобщего обожествления — таковы предельные задачи, выдвигаемые Федоровым, и можно утверждать, что рядом с ними бледнеют и уступают все «измы» современности. Инстинктивное тяготение к Федорову наблюдается повсеместно. Задачей является насыщение и оправдание этого тяготения.

ИЗ ПИСЕМ

В.Ф. БУЛГАКОВУ

1 СЕНТЯБРЯ 1927

Глубокоуважаемый Валентин Федорович!

К сожалению, я не застал Вас в свой последний приезд. Не мог и сегодня говорить с Вами. А тем для беседы у меня две. Вы позволили написать Вам. И вот, приступаю... В кругу лиц, интересы которых распространяются и на область международных отношений религиозного, морального... и иного порядка, возникла и укрепилась мысль создать объединение для изучения взаимных отношений России и Америки (главным образом С.А.С.Ш.¹). Мысль эта возникла не случайно. Ведь тема — Россия и Америка — есть исключительно богатая по содержанию и важная по значению тема. После великой войны главные жизненные узлы мировой жизни сосредоточились в России и С.А.С.Ш. В С.А.С.Ш. жизнь бьет свободным и мощным ключом. В России она могла бы бить свободно и мощно, но мы этого не видим; мы в этом не участвуем, так как Россия находится во власти — во всяком случае — антирусской склоки... Однако то, что есть «сегодня», не может и не должно быть «завтра». И это все понимают. В частности, лучше всех понимают С.А.С.Ш. Отношение С.А.С.Ш. к России было и есть высоко моральное, умно-выжидательное. Там разбираются в обстановке, не увлекаются трескотней повседневности, смотрят широко. В нравственном, политическом и экономическом отношениях С.А.С.Ш. заинтересована в возрождении России. Не следует, конечно, впадать в крайности и сверх меры идеализировать С.А.С.Ш. Напротив, признавая объективную возможность и желательность участия американцев в восстановлении России, надо учитывать все — и добрые и, может быть, вредные — последствия их участия. Надо заранее знать: что у них от Добра, а что «от лукавого»... Несколько лиц, из них Вы знаете: профессора Циммермана, меня, может быть, А.Ф. Филонова² (остальных не называю, может быть, Вы их не знаете; они — достойные люди) — решили сосредоточить усилия своего внимания и знаний на перечисленных здесь вопросах. Вот я и прошу сказать: интересуется ли Вас, Валентин Федорович, это дело? Согласились бы Вы внести долю своего участия? Позволили ли Вы надеяться видеть Вас участником общества? Поделитесь ли Вы своими знаниями в области религиозных течений и религиозного быта американцев? — я убежден, что Вы знакомы с этими

сторонами жизни С.А.С.Ш. И при доброй воле могли бы сделать ряд (хотя бы маленький ряд) сообщений на темы, о которых пишу... Я очень, очень прошу извинить меня, если своим предложением хоть сколько-нибудь стесняю Вас...

Вторым делом, быть может, я еще более стесняю, утруждаю Вас. И это, наверное, так, ибо дело личное, мое. Оно вот какое. Порою я себя чувствую весьма болезненно и скверно. Главная причина — занятия в неудовлетворительной обстановке. От занятий отказаться не могу и не хочу: как же отказываться от смысла жизни? Следовательно, надо улучшать обстановку. У нас у всех она тяжелая. Но мое положение осложняется тем, что я южанин и у меня слабы легкие³. Чтобы улучшить жизнь, я ищу оплачиваемого труда. Будет ли это преподавание русского языка (сейчас в чешской прессе пропагандируется изучение русского языка) или сотрудничество в каких-либо изданиях; переводы с болгарского; исполнение литературных или научных работ — за все возьмусь с удовольствием. Может быть, у кого-либо из Ваших знакомых есть библиотека и ее надо привести в порядок? Или сверить или исправить рукописи? — Я возьмусь за любое доступное мне дело, которое бы принесло лишний десяток яиц или литров молока. — Я знаю, как трудно найти труд, подобный изображаемому мною. Но ведь возможна случайность. — Кто-либо ищет то, что я предлагаю, Вы об этом узнаете... — очень прошу Вас, милый и добрый сердцем Валентин Федорович, в таких случаях иметь меня в виду. — Итак, изложил два дела. Если они затрудняют Вас — а они наверное затрудняют в той или иной степени, — извините меня великодушно. Конечно, важнее Ваше участие в образываемом обществе.

Прошу позволить мне надеяться иметь в скором времени благоприятный от Вас ответ. Приветствую супругу Вашу, Таню⁴ и ее глазки.

Крепко и сердечно жму руку.

Преданный и готовый к услугам

Кн. Константин Чхеидзе.

1 сент<ября> 1927.

Říčany u Prahy
p. Skala, č. 369.
Кн. Čcheidze.

9 (22) ОКТЯБРЯ 1930

Глубокоуважаемый, милый и дорогой Валентин Федорович!

Читал Вашу брошюру⁵ запоем, не отрываясь. Она в высшей степени своевременна и нужна по тысячи причинам. Сочетание трех имен, волнующих весь мир, из коих два — русско-евразийские и одно азийское, неопровержимо доказывает, что узлы культур и сердца событий передвинулись на Восток! Обратите внимание на следующую последовательность: 1) Руссо — Наполеон, 2) Кант — Гете — Бисмарк, 3) Толстой, Достоевский, Ленин — и Ганди. Мир романский, мир германский, мир российский, или евразийский. Можно в рубрику 4) поместить Ганди и Р. Тагора, ибо Тагор достаточно велик... Но вернусь к Вам. Я и не знал, что Ленин написал такую яркую характеристику Толстого⁶. — Вообще, подобранный Вами материал исключительно интересен и выразителен.

Относительно Вашей фразы о «внутреннем крахе Ганди» (стр. 48)⁷ хочется сказать, что она несправедлива. Ваша брошюра ясно свидетельствует, что Ганди, к^ак идеолог и «методолог», *уже есть*, уже образовался; уже достиг уровня Толстого, Ленина (см. заглавие, и вообще — это доказывается Вами же!!!)

С другой стороны, Вы (на стр. 44) оставляете *открытым* вопрос о массовом употреблении гражданского неповиновения. «В разных случаях — разные решения», — говорите Вы. И говорите совершенно справедливо. Ибо мудрость не в том, чтобы быть логичным и последовательным до абсурда (быть «толстовцем» во что бы то ни стало — над чем подтруниваете и Вы), — а мудрость в том, чтобы соображать идею и обстоятельства, обстоятельства и идею.

И если случилось бы, что для освобождения Индии надо пожертвовать Ганди с его мировым именем — да здравствует Индия, и пусть «революционеров на свете *много*!» — зато ведь Индия-то *одна*.

В целом, Вы сделали мне большое одолжение и оказали внимание своим подарком. Я, надеюсь, не останусь в долгу и — когда Бог поможет — принесу Вам «от плодов своих».

Очень, очень благодарен Вам, дорогой Валентин Федорович!

Искренно жму руку и приветствую,
преданный

К. Чхеидзе.

Привет Вашей милой семье!

9/22–X.30

Střešovice, 407.

Константин Чхеидзе

23 СЕНТЯБРЯ 1935

Глубокоуважаемый Валентин Федорович,
Благодарю Вас и других устроителей Русского культурно-исторического музея за внимание и за приглашение присутствовать на открытии музея в Збраславе⁸. Чрезвычайно сожалею, что 28–29 с<его> сентября я занят, приехать на торжество не смогу. Вместе с тем пользуюсь настоящим случаем, чтобы исполнить высказанное Вами пожелание — иметь в музее «федоровские издания». Прошу принять таковые, по прилагаемому списку, а также прошу принять мои наилучшие приветствия и поздравления! — Вы и Ваши друзья начали и привели к благополучному состоянию полезное и важное дело. От всей души желаю успеха.

Преданный Вам,
Ваш К. Чхеидзе
Прага, Стрешовице, 519
23–IX–35.

Список изданий:

1. Н.Ф. Федоров. «Философия Общего Дела», выпуск 1, 2, 3.
  2. Смертобожничество, брошюра.
  3. Яков Кормчий. «Валаам».
  4. Г. Гежелинский. «Об искусстве».
  5. А. Горностаев. «Перед лицом смерти».
  6. А. Остромиров. «Н.Ф. Федоров и современность», выпуск 2, 3, 4.
  7. Н.А. Сетницкий. «СССР, Китай и Япония», 1933.
  8. Вселенское Дело» № 2⁹.
- Всего 12 (двенадцать).

29 марта 1936

Глубокоуважаемый и дорогой
Валентин Федорович!

Благодарю Вас за внимание. Анкету¹⁰ заполнил, посылаю. Что касается книг, то кое-что в Музей уже передал. Кое-что передам дополнительно.

Позвольте спросить: можно ли рассчитывать на организацию особого Федоровского отделения? Или хотя бы особой полки, угла, не знаю к<a>к назвать?

Если да — я постараюсь сделать все возможное для наполнения этого отдела содержанием.

ИЗ ПИСЕМ

Если в музее будет *евразийское* отделение, то и для него кое-что найдется (книги, рукописи, письма).

Желаю Вам и Вашей семье много здоровья, удачи, радости. Вы — один из немногих настоящих правильных людей. Крепко жму Вашу добрую деятельную руку.

Преданный

К. Чхендзе.

29/III-1936.

М<ожет> б<ыть>, следует послать анкету (если еще не послана) след<ующим> лицам:

- 1) Полк<овник> Н.А. Бигаев (адрес Р.С.У.)¹¹.
- 2) Полк<овник> Золотарев, пожилой воин, оч<ень> интересный человек, «живой архив» — Врно, на Pískách, č. 8, Kozacký Spolok¹².
- 3) Г. Ив. Рубанов, *Holice v Čechách, Hradecká, 510*¹³.

7 апреля 1936

Дорогой Валентин Федорович!

Когда я пишу: «Ваше письмо тронуло меня до чрезвычайности», — то пишу я не «слова», а подлинное выражение своих чувств. Спасибо Вам за доброе отношение. Сейчас оно мне особенно ценно и потому, что нахожусь на рубеже жизни (обручился с милой девушкой Маргаритой Ивановной Сикора¹⁴, доктор философии, знаток Балкан, замечательный филолог и — самое главное — редкостный человек, т<ак> ск<азать>, великого сердца)... и потому еще, что вообще моя жизнь сейчас проходит полосой испытаний.

Безусловно, нам надо сойтись ближе. Как это сделать? — оба мы (особенно я) должны вести трудную борьбу за «существование», которое как-никак является основой, исходя от которой достигается «бытие». Живем мы в разных концах города... С величайшей охотой соглашаюсь нести обязанности «Зава»: федоровским и евразийским отделениями Музея. Может быть, я не очень скоро попаду в Музей (т.е. в здание его), м<ожет> б<ыть>, моя «служба» общему делу будет не слишком удовлетворительная, но все-таки я исполнен доброй воли помочь Вам и Вашим коллегам в организации и ведении Музея.

На Пасху или после Пасхи увидимся непременно. К этому времени рассчитываю разобраться в залежах своих «архивов» и кое-что передать Вам.

Рукопись «Страны Прометея», к сожалению, не существует. Имеется машинопись в крайне неудовлетворительном состоянии. А оригинал послан был в Шанхай (там вышла книга по-русски)¹⁵ и там и остался.

Фотографию и прочие материалы приготовлю.

Засим обращаю к Вам следующую просьбу. Если у Вас выберется время, загляните, пожалуйста, ко мне. Я сейчас поселился с моей (как здесь говорят «*pastávající paní*»¹⁶) невестой и ее матерью. Мы обручены церковно, а брак — надеемся — воспоследует. Живем мы в романтической обстановке: старый «панский дом», почти замок, или «шатó», здесь когда-то лечился раненый русский генерал (эпоха Наполеона). Генерала звали Николаем Николаевичем, отсюда наименование «*villa Nikolajka*». М<ожет> б<ыть>, Вы слышали о ней. Мы надеемся видеть своих друзей у себя *по четвергам в 5 час. веч.* Ехать к нам надо так: № 6 до конца («*Na Santošce*»). Потом спросить виллу Николайка, в улице «*U Nikolajky*». Вилла стоит в парке (очень запущенном). Не увидеть ее нельзя.

Вот, на этом пока до свидания.

Повторяю (не для комплиментов):

я уважаю Вас к<а>к человека, современника, деятеля. О, к<а>к редко можно сказать такие слова в наши дни. И разве не жалко, что это — так?!

Крепко жму руку
Преданный К. Чхеидзе.

7.IV.1936.
Villa Nikolajka
ul. U Nikolajky, č.p. 174
Praha, Smíchov.

23 ИЮЛЯ 1936

Глубокоуважаемый и дорогой
Валентин Федорович!

Мargarита Ивановна и я приносим Вам искреннюю и большую благодарность за милое радушие, проявленное Вами в древнем и прекрасном збраславском замке¹⁷. Вы сделали и делаете большое и высокое дело. Мы оба получили много впечатлений и при этом только хороших! Если найдете уместным, передайте наше удивление и восхищение всем деятелям Музея. А что касается владельца замка¹⁸ — то поистине он выше похвал. Будучи человеком впечатлительным, я хотел было написать ему

письмо или подарить свою книгу с какой-либо громовой надписью. Но «отложил попечение». Опасаюсь, что такой жест излишен. Ведь он и сам сознает, что употребляет свои силы и средства на предметы, достойные подражания и вечного памятования о них.

Далее позвольте сказать несколько мыслей — пожеланий вслух. Я страшный педант и любитель классификаций. Мне представляется Ваш Музей в расширенном и еще более упорядоченном виде... Рисуются отделы, вмещающие памятники всей духовной жизни эмиграции... Скажем так:

I. *Наука в эмиграции*: научные издания Праги, Парижа, Белграда, Берлина (там их было много), Софии, Нью-Йорка и др. центров. Книги, сборники, отд. издания. Портреты авторов. Переводы этих вещей на иностранные языки. Сюда же подотделы — технические изобретения (Сикорский, Ломшаков, Попов, Кривошеин¹⁹ и др.). Сюда же — модели, коллекции, статистические и др. материалы.

II. *Искусство в эмиграции*: этот отдел у Вас представлен очень хорошо. Его можно было бы дополнить фотографиями постановок балетных, театральных, кинематографических. Ведь эти отрасли русского искусства — побеждают весь мир! Кино, балет, музыка... Партитуры, фотографии, м^{ожет} б^{ыть}, некоторые проекты декораций, либретто... Ведь тут намеки на грандиозное!.. Также и книги по искусству: а) *собственно литература (и переводы)*. Ведь если выложить и принарядить то, что сотворили Мережковский, Куприн, Бунин, Гребенщиков, Шмелев, Балмонт... и т.д., *И. Т.Д.*, то получится нечто колоссальное, гораздо большее, чем в свое время сделали эмиграции французская и польская... в) книги, журналы, предметы, имеющие отношение к искусству; зарисовки, фотомонтажи, отчеты и т.д. Для примера: комплект журнала «Перезвоны» (Рига)²⁰, отчет с фотографиями о юбилее Рёриха, Гребенщикова²¹; рекламы русских фильмов...

III. *Отдел, т^{ак} ск^{азать} спиритуалистический*: жизнь Церкви (причем без предпочтения: «евлоганцы», «антониевцы», «елевдиериевцы»²² и т.п.), работа ИМКИ, всякого рода духовные кружки — к^ак то же федоровство, союз христ^{ианской} (или правосл^{авной}) молодежи, жизнь старообрядцев и сектантов, сведения о библиотеках, музеях, отдельных исповедниках и т.д. Этот последний отдел был бы абсолютной и *единственной* в своем роде «новиной»^{22а}. Нельзя допустить, чтобы работа таких людей, к^ак о. Иоанн Шаховской, о. Киприан (Керн)²³ и др., канула в Лету.

<...>

Все, что смогу, передам (из БА выпусков) позже.

Мы с Маргаритой Ив<ановой> и ее матушкой почти куда не ходим. Будем рады видеть Вас у себя. В четверг всегда дома. Подаренный Вами камень красуется на пианино.

Нечего и говорить, дорогой Валентин Федорович, что Ваш отклик на легенду меня очень обрадовал и утешил. Если — Бог даст — все будет идти, как задумано, — надеюсь в свое время издать сборник кавказских легенд — по-чешски. А по-русски печатаю их в газете «Новая Искра»²⁴, Вильно.

Привет Вашей семье.

Марг<арита> Ив<ановна> кланяется.

Крепко жму руку

Ваш К. Чхеидзе.

23-VII-36.

25 декабря 1936

Дорогой

Валентин Федорович!

Поздравляю Вас и Вашу милую семью с праздниками и от всей души желаю всем вам много здоровья и радости в Новом году. Примите сердечные приветы от Маргариты!

Уже давно хочется мне сказать Вам — как хорошо бывает мне в Вашем присутствии. В Вас есть какой-то обаятельный и милый личный свет, и это добро.

Я вполне понимаю, почему Лев Николаевич разделял с Вами дорогу жизни.

В 50 лет Вы сохранили юношескую свежесть, отзывчивость на все возвышенное. Невольно вспоминается Гоголь: Вы исполняете его завет («и похоже ли это на правду? Может ли это стать с человеком? — все похоже на правду, все может стать с человеком»)... и далее Гоголь говорит: нужно брать с собою, в дорогу жизни, бесценные дары юности... — Помните это место? — в главе о Плюшкине).

Маргарите и мне было в высшей степени приятно, радостно побывать у вас в доме. Надеемся, и Вы когда-нибудь заглянете к нам.

Недавно был «на Николайке» г. Кирилл Христов²⁵. Он много рассказывал о влиянии русской литературы (Гоголь, Пушкин, Достоевский, Лермонтов, Толстой) на его духовное развитие. Опять с живым трепетом говорил о Л.Н. Толстом. Да ведь это и понятно: каждая строчка, выкованная рукой Льва, — осуществленное совершенство. Везде чувствуется кровь, плоть, даже *жилы* (жилы слов, фраз)... везде чудится

дыхание живого существа. Да, Вы счастливы, что лично знали Льва Николаевича...

Крепко жму руку,
искренно преданный
К. Чхеидзе.

25–XII–36.

2 ноября 1937

Дорогой Валентин Федорович!

Прежде всего — примите мои искреннейшие поздравления! Очень рад, что премия — и еще по такому важному, роковому вопросу — завоевана Вами²⁶. Завоевана, ибо и *мир* (через *i*) должен быть достигнут, как и Царствие Небесное, т.е. силой, хотя бы и силой творческого духа.

Вчера вечером размышлял о деятельности кружка по изучению современной русской литературы при Рус<ском> Своб<одном> Ун<иверситете>²⁷. Этот кружок собрался еще года три назад. Создали его Л.В. Копецкий²⁸ и я. Некоторое время он бездействовал, по причине занятости председателя — Копецкого. С этой осени, по соглашению между М.М. Новиковым²⁹, Копецким и мною — руководство занятиями кружка перешло ко мне. Я уже выступал с докладом: «Знатные люди СССР в изображении художественной литературы».

Наше понимание *современной* литературы достаточно широко. Приблизительно — весь XX век. А подчас возвращаемся и в XIX-ый. Ибо современно не то, что пишется сейчас, но то, что сейчас переживается.

У меня есть дерзкий умысел обратиться к Вам самую почтительную просьбу. Не согласились ли бы Вы выступить в нашем кружке с докладом, связанным с деятельностью и духовным наследством Л.Н. Толстого? Вы постоянно в курсе «толстовских дел», поэтому — как я себе представляю — при возможности и желании — могли бы поделиться с нами своими сведениями. Скажем, такая тема: «Толстой сегодня»³⁰. Вы могли бы прореферировать книгу Бунина³¹, привлечь сюда материалы из СССР (там, на мой взгляд, имеются ученики Толстого в отношении манеры художественного живописания, не говоря об учениках в духе). Наконец, сказать о нынешних изданиях Толстого и его близких в Европе и пр<очих> местах.

Среди слушателей у нас есть и чехи, знающие русский. В случае Вашего согласия читать доклад — произведу всеобщую мобилизацию. Соберется не менее 1½–2 десятков людей, а вернее больше. О дне и часе

Вашего доклада могли бы сговориться. Можно было бы устроить Ваш доклад в середине ноября или декабря — по Вашему желанию. Условия чтения в РСУн.³² — обычные, т.е. за часовой (приблизительно) доклад — 50 кч.

Мне было бы особо дорого Ваше участие в Круге.

...Говорили ли Вы с Мих<аилом> Мих<айловичем>³³ относительно той работы, что мы беседовали в CIA³⁴? Идею — привести в известность силы и «достижения» зарубежной литературы³⁵ — считаю полезной, важной, исторически очень благодарной. Боюсь только, что это дело не для одного (да еще такого слабого, как я), но для целого ряда работников.

Где и когда можем увидеться?

Маргарита и я кланяемся Вам и всем Вашим.

Будьте здоровы,

преданный К. Чхеидзе.

2. XI. 37.

31 января 1938

Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Федорович!

Сожалею, что мы не встретились на прошлой неделе в четверг. Принес с собою образцы записей о писателях³⁶. Однако надеюсь, что беды тут нет, ибо о форме этих записей мы — в общем — уже договорились. Я пишу так: фамилия, имя, сокращенное отчество, местопребывание, что издано данным автором за рубежом, год издания. — Это, т<ак> ск<азать>, идеал. Фактически же далеко не во всех случаях удастся выяснить все эти данные полностью. В настоящий момент мною закончена перепечатка на машинке буквы К. Рассчитываю к следующему четвергу, т.е. к 3-му февраля, закончить перепечатку всего алфавита. Около 20-ти имен представлю дополнительно (я был в библиотеке Земгора и в Архиве³⁷, но не все еще успел проработать). При встрече расскажу подробнее.

Теперь же позвольте просить Вас уделить внимание вот какому вопросу. Вероятно, придется предпослать нашему «Словарю» обширное объяснение. На мой взгляд, НЕ СТОИТ упоминать, что вся эта регистрация писателей задумана под впечатлением нападок коммунистов³⁸. Составление списка писателей-зарубежников, право, имеет «смысл в себе»³⁹. Далее, желательно было бы отметить трудности работы. Писатели разбросаны по всему земному шару⁴⁰. От начала эмиграции прошло почти 20 лет. Никто (за исключением сборников «Русская книга за рубежом», кот<орые> выходили года два-три в Берлине: 1921–23⁴¹) не регистрировал работу писателей в изгнании. Следовательно, нам, составителям

сборника, приходится «поднимать целину». Материальные и технические условия нашей работы достаточно неблагоприятны: средств мало, мы люди не обеспеченные, приходится урывать время от повседневной работы, чтобы заняться Словарем⁴².

Весьма и весьма отягчающим обстоятельством является также изумительное равнодушие самих «братьев-писателей» к их же «кровному» делу. Те законные 15%, о которых говорил проф. Иванцов⁴³, только они отозвались вовремя и (более-менее) удовлетворительно. Я разослал 20-ть анкет. Получил пока что 1 (один!) ответ. Да и то после вторичного напоминания.

В предисловии надо будет сказать, что мы не задаемся целью составить библиографию⁴⁴. Это даже и не *словарь* в обычном понимании этого слова. Правильнее всего назвать наш труд опытом регистрации или — лучше — *писательской переписи*⁴⁵. Ведь в сущности главная задача — собрать в одно место разбросанные сведения о писателях, дабы (прежде и раньше всего!) СПАСТИ ИХ ИМЕНА ОТ ЗАБВЕНИЯ. С точки зрения такого подхода оправданы будут и неполнота данных об отдельных авторах, и возможные ошибки.

В нашу перепись включены те русские писатели (или пишущие по-русски, ибо, скажем, Каррик, Санжа Балыков, Жаботинский⁴⁶ — пишут по-русски, не будучи русскими. Каррик пишет и по-норвежски, Балыков по-калмыцки, Жаботинский по-еврейски), которые находились или находятся вне России и выпустили здесь какой-либо труд. Поэтому мы включаем в наш список Мих. Булгакова, Ан. Каменского, Ал. Толстого⁴⁷ и пр.

Особое внимание уделено молодым авторам, т.е. тем, которые в отечестве не были известны или даже и не печатались вовсе. Речь, следовательно, идет не о молодых людях, а именно авторах. Но и собственно молодежь также пользуется нашим специальным интересом. — Тут вот еще какое дело: я считаю необходимым включать такие, напр<имер>, записи: «Иван Иванов, род. 1907. Участник литер<атурно>го объединения «Новый Арзамас» (Белград)». Нередко за такой строчкой скрывается целая трагедия, вроде как у Бориса Буткевича⁴⁸. Буткевич, несомненный талант, был бродягой и чернорабочим. Умер в нищете в Марселе. При жизни почти не печатался. Почему? — ясно почему: нет возможности. Существуют десятки авторов, поэтов и прозаиков, преимущественно из среды молодежи, которым просто некуда поместить свои произведения. Наши зарубежные журналы и газеты оккупированы твердым кадром пишущих. Там идет зверская борьба не за место под солнцем, а за место, за строчку на газетной бумаге. «Посторонним вход воспрещен» — вот их девиз, не составляющий никакого секрета. Даже и обвинять их не приходится: кушать-то ведь надо... Но обратная сторона сей медали та, что

молодежи некуда податься. Вот они и читают свои вирши или прозы друг другу, в «Арзамасах», и «Скитах», и «Цехах»⁴⁹.

Быть может, хорошо было бы присовокупить сюда еще два слова о том, что подобное отношение к молодым силам все-таки неблагоприятно. Надо бережнее относиться к собратьям по перу. Сейчас картина такова: несколько старых писателей издают множество произведений, а множество молодых сидят у моря в ожидании погоды. Необходимо создать погоду — вот задача. Эту погоду могут и должны создать все мы. Вдумайтесь в положение: наши молодые авторы подчас прибегают к такой уловке: отказывают себе во всем, чтобы скопить деньги и издать книжечку стихов на свой счет. Деньги идут в карман издателю-предпринимателю. Книжечка раздается друзьям. И — готово, круг замкнулся, все поглощено Летой... Почему так бывает? — потому, что наша читательская община спит, прозябает, не хочет слышать о новом... Так вот — одной из задач нашей писательской переписки (мне кажется) является воля обратить внимание эмиграции на своих молодых писателей, воля разбудить интерес к новым дарованиям. Ведь как часто приходится слышать доказательства, что эмиграция не умерла: «у нас столько-то газет, столько-то писателей, столько-то того и другого». А как живут эти «живые свидетели» неумирания эмиграции — мало кого занимает...

Недавно В.Е. Гущик⁵⁰ писал П.Н. Савицкому из Таллина, что там, в Таллине, существует правнук Пушкина, тоже Пушкин и тоже Александр, да еще Сергеевич⁵¹. Так вот сей юноша, 22 лет, работал в порту, голодая и холодая, в то время как наша дорогая эмигрантская кумушка тратила и тратит тысячи, десятки тысяч на пушкинские торжества. Мальчик схватил воспаление легких, грозит ему чахотка. — Могу взять для Вас (для включения в предисловие) выписку из письма Гущика.

...Однако я переступаю границы.

...Прошу Вас, дорогой Валентин Федорович, принять во внимание, что из выданных Вами 50 кр<он> аванса я купил бумагу (для черновиков и окончательного текста), разослал анкеты и произвел еще кое-какие расходы. Покорнейше прошу не отказать мне в просьбе выдать еще какую-либо сумму, крон 100 (сто) — скажем. Занятый нашей «переписью», я совсем забросил свою нормальную — газетно-журнальную — «выделечную» — работу. Фин<ансовая> помощь весьма и весьма желательна.

Примите сердечный привет от меня и Маргариты — Вам и Вашей семье.

Преданный К. Чхеидзе.

31.I.38.

12 ИЮНЯ 1938

Глубокоуважаемый и дорогой
Валентин Федорович!

В четверг 9.VI ждал Вас до 1½ дня — не беда, что не увиделись. Сегодня, 13-VI, занят от 12-ти час. Оставляю в канцелярии Р.С.У. вторую пачку карточек. В основном работа готова: приблизительно 580 писателей! Карточку Алданова (лежит сверху) заполню дополнительно (зайду в библиотеку, и Чирикова посмотрю!)

Спасибо за приглашение на 16-VI. Мы оба очень хотим посетить торжество — увидимся!

Несмотря на несовершенство своей работы, испытываю некоторое моральное удовлетворение. А Вас сердечно благодарю за доверие и за то, что Вы так терпеливы с Вашим всегда преданным

К. Чхеидзе.

12.VI.38.

21 августа 1938

Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Федорович! Вот уже полтора месяца, как я живу в карпаторусской столице⁵². Новая обстановка, новые люди, совсем иные (чем в Праге) условия жизни. Бывали ли Вы здесь? Среди здешних участников Р<усского> Св<ободного> Ун<иверситета> имеется воля к продолжению работы. Если воля эта осуществится, с осени начнутся лекции. Наверное, по примеру прошлых лет будут наезжать и пражские лекторы, так что перед Вами откроется возможность навестить Ужгород и другие города Карп<атской> Руси. Но — об этом еще будем говорить. Я хотел было написать М.М. Новикову письмо с изложением всего, что знаю о намерениях здешних участников РСУ. Но, обозрев материал, увидел, что пока, собственно, и писать нечего: ничего определенного! К началу сентября должны съехаться «особы», может быть, тогда все станет яснее. — Прошу Вас сообщить мне: удовлетворил ли Вас материал, переданный мною? В каком положении печатание «Словаря»? Я обратился к местным русским авторам с просьбой выслать заполненные анкеты — кто еще не выслал. Иные пообещали, иные только плечами пожали. Надобно отметить, что провинция по-разному влияет на людей. Часть наших милых компатриотов «ушла глубоко в быт». Меня даже удивляет иногда их неинтерес ко всему, что не связано непосредственно с «монетой». А вместе с тем — большинство устроено удовлетворительно... Прага, русская Прага, имеет много недостатков. Но

Константин Чхеидзе

одно ее достоинство несомненно: она все-таки живет, НЕ прозябает! Целые народы или группы общества живут значением и славой отдельных людей — пишет Эмерсон⁵³. Я доволен, что, живя в Праге, соприкасался с такими людьми и соработал с ними.

Крепко жму руку.

Ваш К. Чхеидзе.

21.VIII.38.

Е.С. ВЕБЕР-ХИРЬЯКОВОЙ

10 октября 1933

10-X-33

Глубокоуважаемая госпожа Хирьякова,

Я.М. и К.К. Висковатые¹ сообщили мне, что в разговоре с ними Вы проявили интерес к литературной жизни русской Праги и, в частности, к моей особе. От них же я узнал о Вашей большой любви к Ф.М. Достоевскому — и, при первой же возможности, постарался познакомить Вас с новым исследованием о духовной жизни Дост<оевско>го, послал Вам брошюру «Рай на земле»². Надеюсь, она достигла Вас. В этом письме хочу в коротких словах изобразить Вам, как живет и работает литературная русская Прага, поскольку знаю о ней. Разумеется, мои слова относятся лишь к настоящему времени; кроме того, я — человек, ничто человеческое (и субъективность подхода) мне не чуждо.

В Праге существует Союз русских писателей и журналистов, в нем числятся десятки людей (помнится, в 1931–[193]2 гг. список достигал 108 человек!). Этот Союз не имеет определенной физиономии — ни в смысле политическом, ни в смысле литературном. Политический признак — отрицательное отношение к коммунизму, обязательный для членов, явно недостаточен. Литературный признак — 7 лет работы в печати — говорит еще меньше. Тем не менее Союз существует, устраивает вечера и пр. К сожалению, вечера эти носят более-менее случайный характер. Того, что называется идейным *лицом* или направлением, у Союза нет. Его значение — профессионально-корпоративное, ну — еще вспомогательное. Когда есть средства — Союз оказывает поддержку нуждающимся. Средств для издания сочинений членов Союза — не имеется.

До смерти П.А. Кожевникова с грехом пополам держалось небольшое лит-объединение «Далиборка»³. Некогда Далиборка цвела. Но год от году, с разъездом таких писателей, как Крачковский, Маковский, Амфи-театров...⁴ жизнь и деятельность замирала, а со смертью руководителя — и вовсе замерла. В последние годы Далиборка занималась гл<авным> о<бразом> шлифовкой молодежи. Кое-что в этом направлении было сделано — и скажем ей спасибо.

Несколько лет назад образовался кружок молодых писателей, гл<авным> о<бразом> поэтов, назвавший себя Скитом Поэтов. Скит жив до сих пор. Руководит им А.Л. Бем, вероятно, известный Вам критик и исследователь Дост<оевско>го⁵. Раньше в Скиту было оч<ень> шумно. Велась работа — не слишком определенного характера, не слишком высокого уровня, однако кое-каких заслуг Скита в прошлом отрицать нельзя. Опять-таки разезд сил из Праги (Рафальский, Семенов, Туринцев⁶ и др.) значительно ослабил Скит. Старое ядро обросло новыми выдвиженцами от литературы, но новые слабее старых. Кроме того, за истекшие годы публика подросла. Объективно говоря — А.Л. Бем, при всем желании, не может дать больше того, что сам имеет. Не говорю, что он имеет мало. Но факт тот, что Скит (в своей писательской среде) не скрывает известного неудовлетворения собой и своим возглавлением⁷. Скажу тут же: неудовлетворение Скита рассматривается мною в широкой перспективе. Дело в том, что наша эмигрантская литература и критика постепенно перестают удовлетворять возросшие требования пишущей и читающей массы. Ощущается как бы голод по живому, уверенному, сильному и ясному голосу. Такому, который равнялся бы по глубине мысли лучшим русским критикам прошлого; который бы способен был сразиться с критикой марксистской, чтобы победить ее. Есть нужда в раскрытии большой идеи — такой, которая могла бы дать стержень критике и литературе. Ведь каждая эпоха имеет свою критику и свою литературу. Они живут совместно, хотя и развиваются диалектически... И поскольку А.Л. Бем не является автором таких мыслей и позывов, масштаб и суть которых я пробовал сейчас изложить, — постольку он и не может удовлетворить своих коллег по Скиту.

Далее надо упомянуть о попытках русской нац<иональной> молодежи (Новое Поколение, их газета «За Россию!»⁸) разобраться в нынешней литературе, гл<авным> о<бразом> советской. Стремление похвальное. Но тут два промаха. Один — в отсутствии руководства (нельзя и невозможно разобраться в явлениях литературы без серьезной подготовки). Другой — в специфически-политическом подходе к литературе, благодаря чему собственно художественная сторона или не затрогивается, или отвергается.

Для полноты картины упомяну еще о младороссах, которые одно время имели для своих сочленов нечто вроде курса для знакомства с сов<етской> литературой. Однако никаких ощутительных результатов из их усилий не проистекло.

Между тем нужда в изучении современной литературы велика. Прага — один из крупнейших очагов русского рассеяния. Тут есть много любителей литературы, много литераторов. В прошлом году, осенью,

мой приятель, др. философии Л.В. Копецкий, я и еще некоторые частные литературе люди, в том числе Висковатые, объединились в Лит<ературном> Кружке⁹, дела которого пошли скорее успешно. Мы собрали до 3-х десятков постоянных членов, среди них около трети квалифицированных литераторов. Остальные — любители русской словесности, преимущественно русские, но есть и чехи. В прошлом году поставили след<ующие доклады>:

1. Мой доклад: О современной русской литературе. Я напечатал его (литография) в сборнике статей¹⁰. Увы, не имею ни одного экземпляра, но если Вы интересуетесь — пожалуйста, обратитесь к Л.Н. Гомолицкому или пр. Кулаковскому¹¹ — у них есть.

2. А.Л. Бем — Маяковский — лирик.

3. П.Н. Савицкий — Географический ландшафт в современ<ной> литературе.

4. Я.М. Висковатая — Русские мотивы в совр<емной> польской поэзии.

5. Я.О. Калоускова — Русские символисты¹².

Доклады привлекали 30–40 слушателей, что по местным условиям довольно значительно. Обычно доклад тянулся час, потом часа два прения, бывшие на достаточной высоте. Иногда после докладов читались отрывки. Приглашали читать артиста Праж<ской> группы М<осковского> Х<удожественного> Т<еатра> П.Н. Алексева¹³ (или других лиц).

На наши собрания ходят участники Скита, некоторые бывш<ие> Далиборковцы, в будущем мы рассчитываем расширить свой круг деятельности и знакомств. Летом здесь гостил пр. Стрельский, из Америки, мы установили с ним дружескую связь¹⁴. Имеем связь с рядом чешских авторов. В последнее время в наш круг вошли кое-кто из поляков; весьма вероятно — привлечем слушателей из местных уч<ебных> заведений (разных наций, в том числе немецкой).

Др. Копецкий один из лучших пражских лингвистов. Он занимает кафедру рус<ского> языка в Высшем Коммерч<еском> Училище и еще читает в средних школах. Он умный и энергичный человек, с авторитетом и тактом. Правда, и у нас нет той большой идеи, того направления, о кот<ором> писал выше. Но пока что наша задача скорее информационная и отчасти организационная. Дальше — что Бог даст. Мы хотим учиться друг у друга и у жизни — матери всякой премудрости. В большинстве мы люди взрослые, идеологически определенные. Нас соединяет интерес и любовь к русской речи, к русской литературе.

Этим, собственно, мой обзор и может закончиться.

Гг. Висковатые говорили мне, что Ваша газета могла бы предоставить нам свои страницы для заметок о жизни и деятельности Кружка, при случае — для статей литературного характера. Если бы в самом деле «Молва» вошла бы с Лит<ературным> Кружком в подобного рода соглашение — мы были бы ей весьма и весьма благодарны. Пожалуйста, напишите мне: на что может рассчитывать Кружок в связи с этим обещанием? — Я же, со своей стороны, скажу, что было бы для нас желательным.

Во-первых — публикация сведений о Лит<ературном> Кружке и его работах. Т.е. мы посылали бы Вам отчеты о заседаниях, с надеждой, что они будут напечатаны.

Во-вторых, желательно было бы помещать прочитанные доклады, в полном или сокращенном виде; а также резюме прений.

В-третьих — если в действительности между «Молвой» и Кружком установится связь — хотелось бы время от времени помещать статьи наших авторов о литературе — в порядке полемическом или обычном — в зависимости от Вашего усмотрения.

Мне кажется, подобного рода проект, с одной стороны, придал [бы] разнообразие «Молве», с другой — в высокой степени развил и укрепил нашу здешнюю работу.

Замечу, что никакой политики в Кружке нет. В нашей среде можно встретить правых и левых, монархистов и республиканцев, евразийцев и младороссов — все это отпадает. Тем более что присутствие иностранцев обязывает. Самое же главное то, что ядро Кружка, т.е. Копецкий, Висковатые, я и др. искренно заинтересованы в том, чтобы достигалась основная цель — изучение литературы, оценка ее, критика ее.

Я знаю, что есть круги и люди, относящиеся к тем или иным участникам Кружка с предубеждением. В частности, моя особа порою вызывает, т<ак> ск<азать>, нарекания. Я люблю открытое забрало — пишу Вам со всей откровенностью и Вас прошу ответить мне с предельной прямоотой. Прошу Вас понимать эти мои слова не в том смысле, что я ожидаю получить афронт лично с Вашей стороны. Сие длиннейшее послание порука тому, что это не так! — Я имею в виду, что не исключено, что иные руководители «Молвы» не улыбнутся по поводу моего соприкосновения с газетой. Пишу «моего», ибо в Варшаве я более известен, чем другие мои коллеги, исключая Висковатых.

Очень прошу Вас извинить мои длинноты. Они — вынуждены предметом, о котором идет речь. Мне хотелось так изложить дело, чтобы все было ясно, чтобы Вы имели полную информацию из «первоисточника».

Благодарю Вас за внимание к моей книге¹⁵. Я писал ее три года назад — ее промахи мне сейчас видны. Единственно, что хотел бы возразить по поводу Вашей критики, — это о моем отношении к природе.

ИЗ ПИСЕМ

Я прикасаюсь к природе не для того, чтобы человека «опустить» до природного состояния, но для того, чтобы самую природу одушевить, очеловечить. В этом отношении я последовательный и систематический сторонник идей Федорова. Если этот пункт нашей беседы Вас интересует — обещаю Вам выслать мои работы (не литературные, но идеологические, лучше сказать — идеократические) на эту тему¹⁶.

Прошу принять мой искренний привет,
Ваш слуга

[К. Чхеидзе.]¹⁷

А.Н. ГОМОЛИЦКОМУ

16 июня 1933

16-6-33

Милостивый Государь, г. Лев Гомолицкий!

Вы — автор, и Вы знаете, какие чувства могли возбудить Ваши слова у автора «Страны Прометей»¹. Вероятно, тут не может идти речь о благодарности. Но я не могу отказать себе в желании сказать Вам о той великой радости, которую Вы подарили мне. Ваш отзыв не первый, появившийся в русской печати (два отзыва были в Шанхае, один в Харбине и один в Праге² — хотя в Праге два печатных органа периодических и несколько неперидических). Тем не менее я должен считать Ваш отзыв первым — по силе проникновения в вещь и по изобразительности ее свойств...

Быть может, Вам интересно будет узнать, что свою книгу я написал в 1930 году и тотчас продал право на печатание ее перевода на чешский язык издательству Квасничка и Гамплъ. В виду кризиса книга вышла только 1 февраля с<его> г<ода>³. Мои поиски русского издательства в Европе не увенчались успехом, как потому, что у меня нет ни имени, ни связей; так и потому еще, что я принадлежу к сторонникам евразийского течения. Но не к той части евразийского течения, которое в 1928/29 гг. занялась самоликвидацией этого «третьего максимализма русской революции» и сблизилась (идейно и персонально) с ВКП (б) — а к той части, которая по-прежнему стоит на религиозной основе, отталкивается от реакции и коммунизма и ведет органическую работу по сочетанию «исторического» с «революционным»⁴. — В 1932 году мне сообщили, что в Шанхае имеется издательство «Слово» и одним из его основателей является г. И.М. Алтадуков — по происхождению кабардинец. Я списался с ним, и таким образом моя книга увидела свет... Книга вышла в декабре 1932 года, была разслана всем эмигрантским газетам, но — как Вы наверняка заметили — вот уже полгода ни одна из них «не замечает» «Страну Прометей». Я не ищу причин этого молчания, потому что знаю их. Причины в том, что похвалить книгу — по мнению делающих погоду критиков — значит как-то и автора приподнять, а этого делать нельзя, ведь автор (страшно сказать!) евразиец. Выругать тоже нельзя, так как и брань может привлечь к книге внимание. Но вни-

мание к книге — в значительной части внимание к автору — а это-то и вредно! Вот почему (как мне кажется) «наша печать» предпочитает молчание. Дескать — никто ничего не услышит — и ладно, и на Шипке полное благополучие и благорастворение всяческих поддающихся благорастворению веществ.

Прошу Вас не удивляться моему многоречию. Оно объясняется всем изображенным выше.

Однако, ради Бога, не поймите меня так, что будто во мне говорит авторское «задетое» самолюбие. Нет. Мое авторское самолюбие удовлетворено в высшей мере. Увы — не русскими, но чешскими (отчасти немецкими) критиками. К настоящему времени (если подходить статистически) я располагаю почти двумя десятками отзывов столичных, за малым исключением, рецензий. Некоторые из них таковы, что чувство меры и скромности не позволяет мне их приводить. Добрая треть лучших чешских критиков отметила «Страну Прометея»⁵ — и, право, это больше чем достаточно для первой книги «начинающего» писателя.

Я очень надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за это письмо. Повторяю — оно пишется мною под непосредственным впечатлением от Вашей статьи. Рядом с Вашей статьей — заметка г. Подорожника показала мне не то что неожиданной, но написанной как будто в неожиданном тоне⁶. Не тот (представляется мне) взят нотный ключ! Г<осподин> Подорожник находится в Варшаве, а устроители Дня Русской Культуры и Русского Дома, так же как и я, — в Праге (в Париже я бывал и живал, но не подолгу). То неудовольствие, которое, несомненно, возникнет у лиц, задетых г. Подорожником, — едва ли ощутится этим последним. И едва ли же я избегну последствий сего неудовольствия... Правда, и то сказать: оно не будет первым. Но его (неудовольствия) острота, «перчистость», по-видимому, от этого не уменьшится.

Если это возможно — убедительно и настойчиво прошу Вас прислать мне несколько экземпляров «Молвы» от 11-го с<его> июня. В свою очередь — я обещаюсь исполнить какую-либо Вашу «литературно-газетно-книжную просьбу», связанную с Прагой. Говоря определеннее, мог бы прислать Вам то, что Вас интересует из евразийской литературы; а также — из так называемой «федоровской». Под федоровской литературой разумею писания самого Н.Ф. Федорова (Философия Общего Дела) и его сторонников и последователей: Горностаева, Сетницкого, Остромирова⁷. Мне чрезвычайно хотелось бы оказаться полезным для Вас.

Примите выражения моего искреннего уважения,
покорный Ваш слуга [К. Чхеидзе].

22 ИЮНЯ 1933

22-VI-33

Дорогой Лев Николаевич! Итак — знакомство состоялось⁸ — теперь будем ожидать личной встречи, чтобы его закрепить и обратить в дружбу. Вы приносите извинение в том, что пишете на редакционной бумаге. Я же должен принести повинную за привычку стучать на машинке. Со всем разучился писать чернилами (если не пишу на машинке — пишу карандашом — это все «последствия гражданской войны»!). Ваш рассказ о рецензии заставляет меня испытывать разнообразные чувства. Прежде всего — это замечательное свойство человеческого слова — вызывать детонацию переживаний и настроений. И ту именно детонацию, которая имела в виду! Вы отметили в своем отзыве те места книги, которые писались с немалым душевным трепетом. Что иное — если не очевидное «родство душ» — обнаруживает это? — И потом, вторичная апробация со стороны главного редактора⁹. Ведь, наверное, главный редактор — человек успокоенный — в том смысле, что уже привык к «сенсациям», «новинкам» и пр. Его мнение мне также очень дорого!.. Я перечитал заметку г. Подорожника¹⁰ и восстановил в памяти то, что писал Вам по поводу этой заметки. Кажется, тут небольшое недоразумение? — Я абсолютно не чувствую себя задетым!!!!¹¹ Напротив, мне чрезвычайно *лестно* (честное слово!) сознавать, что мое имя поставлено рядом с именами лучших русских художников. Кроме того — самый факт, что в Варшаве нашелся незаинтересованный человек, человек большой культуры, который *так* высказался, — меня ободряет и возбуждает во мне некую новую волну веры в людей. — Но есть другая сторона дела. — Я говорю о тех людях, которые были задеты г. Подорожником. Повторяю — *они* обижены, и — кажется — зело. Обижены они гл<авным> о<бразом> на «Молву». Но «изливают раздражение» на *причину* (как они полагают) заметки г. Подорожника, т.е. — на Вашего слугу... Скучно и утомительно рассказывать: как и почему установились достаточно неприязненные взаимоотношения между одной и другой частью русской колонии в Праге. Иной раз — эта неприязнь скрыта глубоко (или не очень глубоко) в сердцах и душах. Иногда — вырывается наружу, подобно Везувия или, лучше, грязевой сопке — более похоже... Таким образом, наверное, нашлись люди, уже создавшие какую-нибудь легенду, вроде того, что я просил кого-нибудь в Варшаве — написать вот такую вот заметку, и так далее. Повторяю — *скука*. Хочу резюмировать: не я обижен — о, нет! — я — польщен! — но обижены устроители Дня культуры (я к ним не принадлежу!) — и их обида (может быть, заслуженная, ими самими вызванная) — меня огорчает. Ведь и то сказать: каждый хочет жить и утверждаться в жизни.

Одни это делают так, другие иначе. Герострат подпалил храм. Добчинский, Бобчинский — дали взятку Хлестакову, чтобы он сказал в Питере, что-де в таком-то городе проживают такие-то люди... Одним словом — нельзя никому запрещать забавляться на свой лад. И если уж зашел об этом разговор, то главная драма между двумя поколениями эмиграции несомненно заключается в том, что младшее поколение — худо ли, хорошо ли — хочет идти с жизнью, вдумывается в проблематику революции, ищет выхода, опираясь на факты современности. А старшее — начисто отрицает то, что произошло в России с октября 1917 г. — не желает считаться с фактами¹². Не желает пересмотреть однажды взятую на веру догму. Я присутствовал при нескольких собраниях, где происходили битвы между двумя поколениями (даже и сам подчас бился). Но вспоминаю характерную сценку. В один городок под Прагой прибыли представители старшего поколения — агитировать не то в пользу «Возрождения», не то «России и Славянства»¹³. Собрали публику. Защищали такой тезис: желание молодежи оторваться от старших — есть желание сбросить с себя цепи истории, бремя традиций; в пределе — это желание обнаруживает рабскую психологию не-свободных людей... И если, добавляли они, сейчас в моде издеваться над старшим поколением, то не напоминает ли вам это глумление Хама?... и т.д. Потом стали возражать младшие (весь разговор велся довольно резко, публика не стеснялась). Их слова сводились к следующему: сейчас старики призывают идти за ними, натягивая на себя тогу хранителей традиции. Но ведь вы, сволочи, брешете (извините за пунктуальность передачи). Именно вы, наши «отцы», отказались от традиций, воспели революцию и произвели революцию, и как раз в момент, когда приход революции означал самоубийство России. А теперь Вы нам толкуете о традициях! Теперь вы заранее обвиняете нас в рабстве (психология!) и хамстве (сын Ноя), потому — что *ваш* путь — не наш путь. С таким подходом вы ничего не достигнете и т.д. А один из «молодежи» (молодежь относительная, лет 25–35) грозил воскресить обычай каких-то островитян, у которых считалось «милосердным» проломить череп вождю, проигравшему битву, — дабы он не мучился всю остальную жизнь. — Получается неожиданная картина. «Отцы» — бывшие революционеры — теперь консерваторы, трусы в области мысли. «Дети» — бывшие анти-революционеры — даже контр-революционеры — оказываются сразу: против отцов и против коммунистов, считая, что эти ягоды — одного поля... Уже значительно позже, в этом году (а описанный инцидент происходил лет 8 назад) — я тут выступал с докладом на тему: Империя, Революция, Возникающая Россия. И судя по той злобе, которую вызвал мой доклад у людей *промежуточного* положения (т.е. как раз <как> наз<ываемых> отцов), — можно сказать — попал в точку.

Ибо — *эти* люди (Струве, Миллюков, Керенский и К^о) в свое время шли с революцией (1905) — предали ее; пошли потом с реакцией, с падающей империей — чтобы потом предать и ее — во время войны, в руки коммунистов. Игрой злой судьбы эта же компания «возглавляла» белое движение — чтобы и его проиграть. И сейчас — эти же (!) люди *мешают* новым силам вступить в единоборство с коммунистами. Мешают чем? — клеветой, сплетней, доносом, нежеланием сознаться в ошибках, нежеланием прислушаться к зовам и требованиям жизни.

Ну, я увлекся.

«Молву» еще не получил — благодарю за внимание.

Посылаю кое-что из ЕА¹⁴ литературы, также из федоровской. Недавно я читал спор о смерти между г. Брантом и еще кем-то¹⁵. Спор интересный, но оба спорщика, так сказать, «не в курсе дела». Современная философская, научная и религиозная мысль гораздо сложнее, глубже и многообразнее подходит к этому важнейшему вопросу. Рекомендую Вам книги: Л. Берг «Номогенез», СПб., 1922, Успенский «Терциум органум», Берлин, 1931, о. П. Флоренский «Столп и утверждение истины», два издания — старое московское, новое (1931) берлинское. Далее А. Бергсон «Творческая эволюция», С. Метальников «Проблема бессмертия», 1924¹⁶, и, конечно Н.Ф. Федоров — еще в конце XIX века обогнавший всех их — необыкновенный, боговдохновенный, пречистый, глубочайший и гениальнейший всемирный и на все времена мыслитель. То, что я Вам вышлю, — пожалуйста, оставьте у себя. Об одном прошу: дайте движение посланным материалам. Движение какое? — в печати, в слове (лекции), наконец — дайте прочесть тем, кто достаточно уже видел, жил, страдал и искал — кто подготовлен к обдумыванию, к внутреннему переживанию подобного рода проблем.

Я печатаюсь у русских (исключительно ЕА издания) и чехов. Все мои литературные статьи (Ахматова, Киреевский, Хлебников, Маяковский) были напечатаны в оч^{чень} хорошем журнале «Розгледы» (Обзоры). Туда же принята статья о современной русской литературе¹⁷. Раньше печатался в «Годах», «Своих путях» и некоторых казачьих журналах¹⁸. Сейчас они не существуют. Время от времени помещаю статьи или рассказы в чешской прессе. В последнее время сблизился с младокатолическим журналом «Акце» — он издается в Брно. Там должны пойти: разбор книги Я. Паулика «Техника флирта» и философско-политическая статья «Антиномии современности»¹⁹. Не исключено, что если федоровцы возобновят издание сборника «Вселенское Дело» и если по техническим и иным условиям он будет печататься в Праге — буду его редактировать²⁰. В свое время редактировал «Евразию», но с № 4-го ушел — добился его ликвидации. С 1929 года состою членом редколлегии (вместе с

ИЗ ПИСЕМ

П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым и др.) всех евразийских изданий. Раньше их было достаточно, сейчас, когда «касса пуста» — их мало. На этих днях выйдет в Эстонии сборник «Новая Эпоха»²¹. Пришлю его Вам.

Сборник «На лит<ературные> темы»²² издал почти целиком на свой счет. Будет ли второе типографское издание? — вопрос... Сочинения Хлебникова прислать не могу. Если получу большие выдержки из этих сочинений, которые у меня взяло одно лицо и 1/2 года держит, — пришлю Вам... Я очень надеюсь, что судьба позволит мне посидеть, поработать над новой книгой о Кавказе²³. Но и тут вопрос, ибо я занят, как жернов или как механическая реклама — почти что перпетуум мобиле. И заработок у меня смешной — чтобы прожить, приходится и уроки давать, и лекции читать.

Итак, глаза Ваши утомлены и внимание отказывается слушать. Обещаю Вам в следующие разы быть менее болтливым. На сей раз — я изменил своему обыкновению писать кратко. Вы сами, дорогой Лев Николаевич, виноваты: вызывали меня на беседу своими вопросами, своим интересом к моей особе. И то сказать — 80% эмиграции не балуют меня вниманием. Меня это мало огорчает, но когда оказывается, что есть человек, отнесшийся ко мне так, как Вы, — я всегда готов принести ему все, что имею (хоть и имею-то мало).

Сердечно приветствую, жму руку, *Vаш* [К. Чхеидзе].

С. ПОГОРЕЦКОЙ

1 августа 1932

Глубокоуважаемая и милая София Антоновна!

Сейчас я нахожусь на Словенско, в дикой части Oravy¹. Здесь мое кавказское сердце находит утешение и мой азиатский дух — спокойствие, ибо все тут величественно и просто.

Целую Ваши всегда ко мне добрые руки.

Преданный К. Чхеидзе.

1-VIII 32.

28 июня 1934

28-VI-34

Дорогая София Антоновна, только сегодня имею возможность как следует ответить на Ваше милое и содержательное письмо от 22-VI². Конечно, очень досадно и больно, что мы так и не увиделись. Но тут виноваты обстоятельства!!! — что делать? — с глубоким сожалением должен сказать, что в ближайшее время к Вам не попаду... У меня есть важное дело в Горн<ых> Черношицах, это совсем близко от Праги, но я не имею возможности туда попасть, хотя ежедневно хочу это сделать... Спасибо Вам за милое приглашение — непременно воспользуюсь им, но не теперь, а позже, м<ожет> б<ыть>, осенью.

Очень радуюсь, что статьи для «Акце» показались Вам интересными³. Сегодня получил открытку от г. Бауше⁴, он пишет, что журнал выйдет на днях.

Н.В. З<арец>ий⁵ сейчас сильно занят: ухаживает за одной дамой; конечно, эта дама солидной комплекции. Видел его мимоходом на улице.

Статью о Руставели⁶ отложил на лето или осень. Последний номер «Розгледов» уже набран. А в течение июля–августа журнал не выходит.

Целую руку за добрые пожелания к моему дню Ангела!!!

На Словенско я поеду числа 10-го июля. Но прежде чем поехать, придется много поработать по евразийству, так как все начало июля будет посвящено евразийскому съезду, который соберется на сей раз в Праге⁷. Вы поверите мне, если я скажу, что с большим нетерпением ожидаю дня своего отъезда! И не потому только, что предстоит встреча с солнцеокой

Еленой⁸, но и потому, что мне страшно хочется побыть вдали от города и горожан... Очень надеюсь, что Вы не оставите меня своим вниманием и на Словенско...

Теперь о книге⁹. Я был бы счастлив, если бы Вы позволили мне выдать Вам доверенность на ведение дел с книгой. Знаю, что Вы и без меня сильно заняты. Но, ей-Богу, другого выхода не вижу. Дело вот в чем. У меня проклятая особенность характера. Я интересуюсь вещью, пока она делается. А когда сделана — мне она почти противна. Во всяком случае — надоедает все время о ней думать или из-за нее хлопотать. Я с трудом могу притронуться к уже написанным и исправленным страницам. Поэтому — всякие разговоры с фирмой «Вилимек» производят на меня удручающее впечатление. Не удивляйтесь, что я сказал г. Вавре¹⁰: «Делайте что хотите»... Не мог же я сказать ему: «Вся эта история с книгой мне надоела до черта, делайте как хотите, оставьте меня в покое и убирайтесь к дьяволу или его теще». И в самом деле — я согласен, чтобы они делали, как им кажется лучше, только чтоб не приставали, не лезли и не прилипали как пиявки. Вот и все... Вчера получил опять открытку от того же г. Вавры. Он пригласил меня для какого-то разговора. Пошел сегодня. Оказывается, им там (в фирме) не нравится название «Тен, енж се дива на Слунце»¹¹. Г<осподин> Вавра утверждает, что лучше назвать так: «Революция на Кавказе» — потому (говорит он), что в книге описана, собственно говоря, революция. Я ответил: «Просим!»¹² Но, видно, ему самому это новое название не очень нравится, и он попросил как можно скорее придумать другое... Чтобы это другое было «лакавым» и «займавым», «а бух взбудило зайем обещанства, протоже тенгле “Тен, енж се дива на Слунце” ниц не млуви, а так дале»...¹³ Я обещал подумать. Мало того. Я и на самом деле думал — и вот прихожу к выводу: прошу Вас взять на себя неприятный труд переговоров с фирмой. Если Вы считаете, что «Глядящий на Солнце» название неудачное — могу предложить (для чешского издания) еще такое:

1. Апокалипсис революционного Кавказа (Апокалипс револючнниго Кавказу)
2. Через революцию к Солнцу (Скрз революце к Слнцу)
3. Солнце вдохновляет или Вдохновение Солнцем.

Можно было бы и еще придумать, но, извините, и это мне уже надоедает. Я никогда не мог предположить, что существует столь мизерная фирма!!! Убежден, что если бы вышло сначала немецкое издание «Глядящего на Солнце», а потом местное, то никакой г. Вавра не стал бы проявлять столько энергии, направленной в помощь автору. Но — что, что, ЧТО ДЕЛАТЬ???????

Если решитесь приехать в Прагу, пожалуйста, сообщите об этом заранее, чтобы я мог своевременно распределить свои дни и часы. Очень, очень хочу повидаться с Вами. Постепенно мне становится *душно* здесь. Душно не в физическом смысле. Я никогда не рассчитывал на то, чтобы иметь, находясь в эмиграции, соответствующую духовную атмосферу. Всегда был готов к тому, чтобы переносить скуку и одиночество. Однако встречаются вещи, способные вывести из состояния равнодушия не только меня, но и камни. Поэтому-то я так ценю небольшой круг живых и возвышенных людей, и особенно Вас — милую и отзывчивую даму.

О книге «Она» мне уже давно говорил В.И. Немирович-Данченко¹⁴. Я очень рад слышать, что она принята к печати и что переводите ее Вы. Василий Иванович говорил мне, что считает эту свою вещь самой сильной и зрелой.

Надеюсь, мою экспресс получили вовремя. Если можете — сделайте что-нибудь для Федорова. Я написал ему, что обычно Вы переводите книги, уже принятые издателями. Но что не исключено, что Вы согласитесь на перевод его Эсмеральды¹⁵ и без такого принятия.

Был у г. Гампля, он обещал выслать Вам 300 крон¹⁶.

Также писал в Харбин о гонораре для Вас¹⁷. Пожалуйста, верьте тому, что (хотя и с опозданием) гонорар будет Вам выплачен.

Я.М. Висковатая собиралась писать Вам. Она считает Ваш перевод великолепным¹⁸.

Вот, кажется, ответил на все! и еще написал о своих горестях и радостях. Вчера закрыли федоровскую выставку в Музее. Она длилась месяц¹⁹.

Шлю Вам много сердечных приветов. Извините, что не сразу ответил. Жму и целую руку, всегда *Ваш* [К. Чхеидзе].

3 декабря 1934²⁰

3-XII-34

Дорогая София Антоновна!!! — как мне выразить свою великую благодарность за Ваше прекрасное внимание ко мне? за Вашу деликатность и доброту? — Меня волнуют самые хорошие чувства, ведь так редко случается в нашей жизни встретить настоящее человеческое сердце! — от всей души целую Вашу добрую руку и еще, и еще бесконечное число раз благодарю, благодарю! — Детские вещи постараюсь переслать как можно скорее²¹. Сестра и ее семья переживают тяжелые дни. Они мечтают вырваться из Лиона, там очень трудно живется им всем. Соня пишет, что

думает о Чехии как о родной стране. Если бы ее мужу удалось устроить здесь место, хотя бы на 1000 крон (он большой специалист, инженер-химик), они переехали бы сюда с огромной радостью. Также и с точки зрения воспитания детей здесь гораздо лучше. Ведь в Праге в скором времени будет построена русская гимназия, по примеру уже построенной французской. Наконец, и то имеет значение, чтобы мы все были вместе. Подумайте, дорогой друг, ведь наша семья разбита: мама и две замужние сестры живут на Кавказе, одна сестра в Туркестане, я в Праге, Соня в Лионе. Правда, в Лионе живет еще самая старшая сестра, с мужем и двумя взрослыми мальчиками, но как-то так случается, что семьи моих сестер (в Лионе) не очень близко сходятся. Вины ли мужа? — или имеет значение то, что старшая сестра уже более двадцати лет живет отдельно от всех остальных? — решить не могу. Одним словом, я болею душой по поводу несчастного положения Сониной семьи и днем и ночью измышляю способы помочь ей!..

Спасибо и за книгу Василия Ивановича²². Непременно прочту ее и напишу свое мнение. Издана она хорошо!

Теперь мне надо оправдаться в Ваших глазах относительно моего Палички²³. Начну с того, что Паличка — тип мимолетный и второстепенный. Его роль в книге небольшая. Клянусь Вам, дорогая София Антоновна, я не имею в душе намерения над кем-либо смеяться. Жизнь настолько глубокая и серьезная вещь, что ей-Богу, не до смеха! — однако в жизни людей, чехов или русских, все равно имеются разнообразные стороны. Если я берусь изображать пражскую жизнь, я должен постараться изобразить ее похожей на действительность. Как бы мне хотелось писать только о чудесах и красоте. Но где эти чудеса? где красота? — разве все красота? — увы! — это далеко не так... С моей стороны было бы непростительно, если бы я не заметил чудесную красоту Праги. Я ее заметил и в меру своего дарования изобразил. Мне кажется, что описание вечера на Карловом мосту — одно из удачных мест не только *этой* книги, но вообще из всего, что мною до сих пор написано. Далее Вагнер²⁴. Я, конечно, не знаю — удался ли мне Вагнер (о нем главная речь еще впереди!) Но задуман Вагнер как человек мирового значения. Неужели Вы не почувствовали этого? — Ведь Вагнер почти святой. Он более чем «сверхчеловек», он пророк XX века, явление исключительное! — и я вывожу его на фоне Праги, сыном своего народа, потомком ваших великих мастеров духа! — Вы этого как будто не замечаете, а мелочи юмористического свойства (у Палички) видите! Кто бы мне поверил, если бы *все* мои герои оказались бы замечательными людьми?! — Рядом с несколько чудаковатым Паличкой я описываю комедианта Сахарова, показываю напыщенную дуреху «баронессу»²⁵ — неужели все это не-живые люди?!. А Ярослав!²⁶ — раз-

ве она плоха? я, например, влюблен в Ярославу... Однако, говоря таким образом, я становлюсь в позицию самозащиты. Я не хочу этого делать. Книга, а не автор книги, должна говорить и защищать себя... По ходу действия необходимо, чтобы Паличка был таким, каков он есть. Я согласен изменить кое-какие места по Вашему указанию, но в целом он должен остаться Паличкой. Вы говорите, что гг. Ляцкий и Федоров²⁷ также изображали смешных провинциалов. Но изобразили ли они рядом таких, как Вагнер? Как Ярослава? — Я не читал этих авторов, сказать не могу: изображали ли? — Лично я, «делая» Паличку, действительно, оглядывался на одного автора. Но не Ляцкого или Федорова, а на Яна Неруду... Мне грустно думать, что если такой близкий и дорогой мне человек, разбирая книгу, ни слова не сказал о Вагнере и Ярославе, но подробно остановился на Паличке, то что же скажут другие?! Эта мысль огорчает меня ужасно... Вы спрашиваете: не спутал ли я имена Проспер и Проспиех. Но ведь если бы совершил бы подобную ошибку, меня следовало бы выгнать из литературы поганой метлой! — Имя играет у меня слишком заметную роль. Это было бы просто беспомощностью, бессилием, если бы я делал такие промахи!.. В том-то и дело, что имя Проспиех существует! — это самое современное имя. Оно взято не из святцев, а из тех жизненных идей, которые, увы, вдохновляют современность. А празднуется Проспиех 28 марта, по календарю, изданному «унией».

Прошу Вас вписать два слова в V-ю главу. Там в одном месте Чопэ говорит, что Вагнер научил его понимать сущность идеи Страшного Суда и воскресения мертвых. Надо вписать два слова:

*Киямат — гюню*²⁸.

Еще хочу сказать, что ведь самый отрицательный тип в книге — это я сам. Мне необходимо было дать тип неглупого, быть может, но все-таки ограниченного и несколько самодовольного современника. Достаточно самовлюбленного, любующегося своими знаниями (в конце концов небольшими), желчного, несправедливого и при этом склонного к защите расовой теории. Я не пожалел себя. Ведь мог бы поставить на это невыгодное место кого угодно. Но там, где возможно, я предпочитаю «обижать» самого себя, именно для того, чтобы не обидеть других...

Пожалуйста, заранее сообщите мне: когда, приблизительно, Вы думаете закончить 1-ую часть? — Я должен заранее собраться с временем, распределить дела и т.д.

О Глядящем²⁹ ничего не знаю. Вышла книга «Невольница тела» — издательство «Вилимек»³⁰. Надеюсь увидеть мадемуазель В., но не увидел. Предполагаю, что в ближайшее время книга наша не выйдет.

ИЗ ПИСЕМ

И это очень досадно, в скором будущем мне предстоит платить по векселю и еще другие долги. Прямо не знаю, что делать. Ну, ничего, как-нибудь надеюсь выбраться...

Статью о поколениях (Вы ничего не сказали о ней!) прошу Вас отправить непосредственно в Акце³¹.

На этом заканчиваю. Целую руку, благодарю от всего сердца,
неизменно Ваш [К. Чхеидзе].

ОТВЕТ НА ПИСЬМО Н.А. МАКШЕЕВА

Как всегда, письмо нашего общего «эстонского» друга Н. М<акшее>ва глубоко содержательно, компетентно и умно. Мне лично гораздо приятнее было бы сосредоточиться на той части мыслей М<акшее>ва, которая относится к САМОМУ ГЛАВНОМУ, к вопросу подлинного содержания провозглашаемой нами идеократии, к соотношению евразийской идеократии и «федоровской» концепции совершенной идеократии (тема, к которой я старался и стараюсь повернуть внимание друзей)¹. Убежден, что между М<акшее>вым и мною вполне достижимо быстрое и полное согласие в этом основном для нас всех и для всех народов Евразии пункте. Когда я писал свою статью для «Знамени России», и в особенности, когда писал заключительные строки этой статьи, я прежде всего и главным образом имел в виду Философию Общего Дела². И поэтому, когда по предложению П. Н. С.³ я приступаю сейчас к обмену мнениями по (сравнительно частному) национальному вопросу, я прошу иметь в виду всю совокупность поднятых е<вр>а<зийств>ом проблем и связную систему е<вр>а<зийских> ответов на них.

Письмо Н. М<акшее>ва, как всегда глубоко содержательное и продуманное, содержит в себе несколько положений, над которыми непременно надо задержаться. С наибольшим вниманием следует, мне кажется, подвергнуть обсуждению ту часть письма Н. М<акшеева>, где говорится о «федоровстве». В течение ряда лет некоторые из ЕА⁴ друзей, к числу коих отношу и себя, настойчиво утверждали неизбежность и необходимость со-развития и взаимного проникновения ЕА и Философии Общего Дела⁵. Такая необходимость в особенности ясна с точки зрения идеократической, возобладавшей в последнее время у нас. Ведь идеократический строй мысли и действия нуждается в концепции совершенной идеократии. При осмысливании же совершенной идеократии, в условиях духа, времени и места России-Евразии, обходить творения Н.Ф. Федорова *невозможно*.

Я начинаю свой ответ Н. М<акшее>ву с «федоровства» и идеократии не только потому, что признаю этот «участок» важнейшим. Начинаю свой ответ *так* потому, что призывом к общему исканию новой эпохи

веры для всех народов Евразии заканчивается моя статья в «Знамени России», послужившая поводом к настоящему обмену мнениями.

Летом этого года П. Н. С. и я приняли приглашение редакции «Знамени России» напечатать у них статьи. Моя статья, написанная в духе ЕА высказываний на тему «Национальности России — СССР», вызвала возражения со стороны Н. М<акшее>ва. Очень прошу всех заинтересованных друзей познакомиться с содержанием этой моей работы. Если она вызовет замечания, одобрение или неодобрение — также прошу высказать все это мне. Н. М<акшее>в написал о моей статье так:

«Интересное впечатление произвела статья К. А. Ч., с которой, конечно, нельзя согласиться. К сожалению, у меня нет в настоящее время этой статьи, но все-таки хочу поделиться мыслями, которые пришли мне в голову по поводу статьи К. А. Ч. и которые я тогда же записал у себя в тетради.

О чаяниях «нац<иональных> меньшинств» в России. Желают иметь свое собственное государство, куда не будет доступа русским (в политическом смысле), и пользоваться равноправием в управлении целого, т.е., конечно, хотя бы невольно в интересах своей национальности. Политика прибалтийских немцев в свое время. Получается «распад» государственной идеи и желание иметь сильное государственное целое в интересах защиты и величия. Получается недомыслие. Русскому народу отводят жалкую роль — а вместе с тем хотят, чтобы он был объединителем и доставал каштаны для других. *Государство или будет* объединено одной идеей, воплощенной в плоть и кровь, или распадется. И носителем этой идеи будет русский народ (т.е. те, кто признают себя русскими, а не нацменьшинствами!), т<ак> к<ак> он самый способный в этом отношении, ибо в нем меньше шовинизма, чем в самих защитниках нацменьшинств. Им бы власть, они бы показали! «Трагедия белых армий» в том, что они своей грудью защищали «национальные образования», не желавшие участвовать в общей борьбе (пока англичане выкачивали нефть), а когда под давлением «красных» белые переходили границу «новообразований», то их обезоруживали и предавали (и кровь их на предателях и детях их). Дружба Прибалтийских государств объясняется в большой мере опасностью. В других местах это соображение вряд ли бы удержало от резни. Почему русский народ оказался объединителем? Потому что он выказал себя наиболее способным к этой роли носителя идеи. В чем будет заключаться равноправие нацменьшинств? В том, что не будет «ни эллина, ни иудея»⁶, варвара и скифа, но всякий может быть в одинаковой мере носителем идеи, а следовательно, и участником общего дела, а не в утайке «сладких кусочков» с общего стола для домашнего употребления. Чайнания некоторых представителей нац<иональных> меньшинств — желание

удержать государств<енную> идею в состоянии перманентного распада. Будущее же сложится “по усмотрению делов”, т.е. реального соотношения сил центростремительных и центробежных... Желание напугать национальной “революцией”. Мы не так уж боимся революций!

Мне кажется, что с некоторого времени (60–70 лет назад) “русский народ” (подчеркиваю, что в это понятие включаются мною все сознающие себя носителями госуд<арственной> идеи) стал терять способность государственного сознания; это, конечно, заболевание в госуд<арственном> смысле, и “усмотрение делов” и “реальное соотношение сил центростремительных и центробежных” зависит от восстановления этого чувства. Нельзя требовать способности управлять от больного отсутствием воли. И еще по тому же самому вопросу. Стоит справедливо вспомнить историю Грузии до присоединения к России и в составе России, чтобы честно признаться, что Россия и русский народ был для нее не только не угнетателем, а освободителем (немало русской крови пролито за Грузию, и притом без всякого упования на грузинские “богатства”, и немало русских денег, собиравшихся по грошам с русского народа, жившего далеко не богато, истрачено на то, чтобы поднять благосостояние Кавказа). Но благодарность, увы, не является распространенной чертой в характере народов, хоть это и очень благородная черта сама по себе. Хорошо, что хоть русский народ обладает ей в большой степени».

В этих словах Н. М<акшее>ва масса материала, и не так-то легко в нем разобраться. Я хочу начать с того, что высказываю полное и совершенное недоумение по поводу того, что моя статья, помещенная в «Знамени России», вообще могла возбудить в М<акшее>ве подобного рода ассоциации. — Можно подумать, что я некий идеологический злоумышленник! — подумать только — *что* предполагается в моей статье: 1. что я стою на точке зрения «нац-меньшинств», 2. что я замышляю *распад* государственной идеи, 3. что русскому народу отвожу «жалкую роль», 4. что эти самые нац-меньшинства мечтают держать Страну в состоянии перманентного распада и т.д.

Пусть каждый перечтет мою статью о национальностях России — СССР и мысли М<акшее>ва. Я высказываю абсолютную уверенность в том, что в ЕА среде не найдется ни одного голоса «против» моих положений и «за» упреки М<акшее>ва. Тут очевидное недоразумение. Ибо — в своей статье я утверждал, что:

1. Российская империя собрана и организована русским народом.
2. Что Империя эта была и есть многосоставна в нац<иональном> отношении и что нельзя НЕ различать *особых* обстоятельств каждой нац<иональной> части, входящей в состав целого.

3. Что в различные времена нац<иональная> политика русского правительства бывала различна, и нередко она была самоубийственна.

4. Что «национальная революция» пришла *позже* других и была вызвана, с одной стороны, воспламенением политической, социальной и аграрной революций, с другой — тем, что *русский* народ (кстати, наиболее связанный с почти не имеющим для других частей империи значения еврейским населением) первый поднял знамя революции.

5. Что политика «белых армий» в отношении национальностей была неразумна. Тут остановлюсь. Н. М<акше>ев пишет, что белые армии грудью защищали «нац<иональные> образования», и почему-то берет слова «нац<иональные> образования» в скобки. Вероятно, Н. М. находится под влиянием местных обстоятельств. В самом деле, кажется, вокруг Латвии и Эстонии положение дел было близким к описываемому М<акшее>вым. Но что касается главного театра Гражданской войны, то ведь совершенно очевидно, что борьба против «красных» велась преимущественно силами тех «образований», которые взяты М<акшее>вым в скобки. Надобно просмотреть записки ген. Деникина и Врангеля⁷ и познакомиться с комментариями к ним, написанными казачьими и национальными деятелями. В моей статье этот пункт имеет значение, но совсем не то, какое ему приписывается М<акшее>вым.

6. Далее, я (в статье) говорю о великом мировом значении Декларации прав народов от 2–XI–1917 г.⁸ Кто из е<вр>а<зий>цев станет оспаривать значение этой Декларации? — Отрицать это — значит не только отойти от понимания одного из главных смыслов революции, но и просто от ЕА. Ведь каждый народ, откуда не исчерпалась его биологическая и духовная потенция или пока над ним не произвели насильственной операции, жаждет и чаёт донести имя свое до престола Судии, когда настанет последний день истории. Опрометчиво поступает тот, кто пренебрегает этим основным (хотя и не всегда осознанным) двигателем жизни народной личности.

7. Наконец, в заключение я рассмотрел нынешнее состояние «государственной идеи» СССР, т.е. состояние «диамата», указал на его эволюцию, указал на то, что социалистический реализм есть признак оздоровления духа страны, и высказал надежду, что наступит период новой эпохи веры для всех народов России. Высказал надежду, что будет найдена и высказана идея, которая будет воспринята народами Евразии.

Где тут почва для догадок, о которых мы читали в письме М<акшее>ва? М<акшее>в, по-видимому, далек от синтеза идеи и народа. По его мнению, тот, кто соглашается нести на себе или в себе государственную идею России, тот и русский. Значит ли это, что тот, кто не согласен нести эту идею, — не-русский? Если да, то как назвать те миллионы русских,

которые не согласны нести свою же идею? — М<акшее>в, правильно говорящий, что русские не боятся революций, хорошо знает, как много самых «стопроцентных русских», которые не подойдут под его определение. В прошлом, настоящем и, наверное, будущем русского народа были, есть и будут значительные слои населения, не подходящие под определение М<акшее>ва.

С другой стороны, можно быть патриотом Империи и не быть русским. Можно больше русских любить Россию и русский народ и не быть русским. Если это М<акшее>ву не ясно, пусть перечтет биографии Лэфорта, Барклая, Багратиона, Кукольника, Лорис-Меликова⁹ и мн<огих> др<угих>. Я беру первые попавшиеся имена.

Наконец, отождествление государственной идеи и русскости, требуемое М<акшее>вым, нерационально и неосуществимо так (и главным образом) потому, что ни поляки, ни грузины, ни армяне, ни кавказские горцы, ни узбеки, ни таджики, башкиры и т.д., и т.д. не согласятся отречься от имени своего народа, и где, собственно, основания для подобного рода чаяний со стороны русских? — Революция все-таки должна кое-чему нас научить. Неужели Н. М<акшее>в не знает, что неправильная нац<иональная> политика старой России принесла ей же беды? — Русификация — это не решение проблемы. По крайней мере, не е<вр>а<зийск>ое решение. Н. М<акшее>в говорит о благодарности и неблагодарности. Он применяет эти свои слова к Грузии. О Грузии скажу ниже. Но — во имя справедливости! — какую благодарность и за что должен испытывать узбек или башкир в отношении России? — Если мы хотим быть (хотя бы в мыслях) государственными людьми, а не сочинителями баллад, мы должны трезво обзреть прошлую историю Империи, проанализировать происшествия революции и, в согласии с десятилетним ЕА опытом, проложить пути в будущее. Говорить таким огульным образом о благодарности — это подчас трагично, подчас и возмутительно. Надо иметь мужество (и такое мужество имел покойный историк Покровский¹⁰) прямо смотреть в глаза правде. Ведь еще живы на Кавказе старики, которые помнят, как происходило завоевание Сев<ерного> Кавказа¹¹. Когда в 1920 г. на побережье Черного моря происходили трагедии (в особенности около Новороссийска)¹², некоторые горцы видели в этом кару Божию. За то, что несколько сот тысяч (не менее 500000, по иным источникам — 850000) черкесов были лишены своей отчизны. Некогда цветущий край был превращен в развалины, в пустыню. Итак, полмиллиона изгнанников, трагедия родины, иноземное нашествие и — требование благодарности? — Пусть каждый из нас поставит себя на минуту в положение черкеса. И пусть спросит себя: как называется чувство, вызываемое в его душе требованием благодарности со стороны порабитителя?

ЕА имеет то неопишное преимущество, что оно может строить свои принципы в соответствии с высшими понятиями человеческого духа. В наше безумное время многожды доказано, что «самое реальное» часто бывает самым беспочвенным. А «самое фантастическое» — самым актуальным. Это дает позыв к действию в соответствии с наивысшими и наисправедливейшими образами и идеями, которые нам доступны. Ни русофильская, ни русофобская демагогия нам не к лицу. Цель ЕА — обнаружение исторической и этической истины и приближение первой ко второй. Лучше нам вовсе не принимать участия в так называемой «политической жизни» и достичь высших степеней духовного прозрения и предугадания современникам и потомкам, нежели принимать участие в этой «политической» жизни с сознанием допущенной неправды.

Что касается лично меня, я согласен остаться с правдой и без «политической роли» и отрекаюсь от «политической» роли, если она соединена с условием кривить душой.

Каждый гражданин СССР должен продумать свое отношение к нерусским национальностям Страны. Н. М^{акшеев} совершенно прав, говоря, что реальное соотношение сил в Стране все время меняется. Но что из этого следует? Правы ли те, кто затаят вражду (все равно: вражду русских к нерусским или наоборот), — ЕА стремится к замирению также и в этой области. ЕА выдвигает идею над-национального государства на национальной основе¹³. ЕА призывает к ясности и договоренности во всех вопросах государственной важности. С этой точки зрения я, конечно, приветствую откровенность суждений М^{акшеева}. Прошу его просмотреть мою статью в «Знамени» и указать мне мои промахи конкретнее. Настоящий мой ответ является не столько возражением на возражение, сколько отзывом на мысли Н. М^{акшеева}. С удовольствием дополню свой отзыв, если это понадобится, а сейчас, как обещал выше, скажу несколько слов о Грузии.

Также и тут не следует, мне кажется, требовать от грузин какой-то особой благодарности в отношении русских. В качестве историка М^{акшеев} хорошо знает, что договор, заключенный между Россией и Грузией (при принятии последней покровительства от первой), был Россией нарушен¹⁴. Нарушен без всякой нужды, в обидной для грузин форме. В течение XIX в. в Грузии был ряд восстаний, направленных против тех, кто ее спасал. А именно:

1804 г. — восстание крестьян в Мтиулетии против притеснений администрации.

1809 г. — восстание в Ксанском ущелье против князей Эрстовых — проводников русского влияния.

1812 г. — восстание дворян и крестьян Кахетии.

1819 г. — заговор дворян и членов династии Багратидов.

1858 г. — восстание крестьян Микава и Тодуа в Мингрелии.

Как правило, эти восстания подавлялись жестоко, и память о расправах отнюдь не усиливала чувств благодарности, о которой говорит М<акшее>в.

Самое главное сокровище Грузии — ее Церковь, возникшая в 325 году, помогшая Грузии прожить свою почти двухтысячелетнюю историю, выдержавшая напор персов и турок, — была подорвана Синодом и превращена в Тифлисскую синодальную контору¹⁵. Что тут хорошего?

Боюсь, что мои слова навлекут на меня неудовольствие Н. М<акшее>ва и, м<ожет> б<ыть>, еще иных читателей ЕА тетрадей¹⁶. Но сказанное мною не более как историческая справка, которую можно прочесть в любой энциклопедии.

Повторяю: с революции начинается новая страница жизни Евразии, новая эпоха жизни и сожительства народов Евразии.

Революцию эту приняли все народы. Значение ее в том, что она освободила социальные *низы* народов, раскрепостила женщину, осмыслила труд, подвинула массы к исканию новых духовных ценностей.

Не следует отрываться от истории. Но обращаться к истории следует не для взаимных упреков, а для взаимных поучений. Это трудно? — но кто боится трудностей, тот не идеократ.

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
FP — Литературный архив Музея национальной письменности (Чешская Республика).
Фонд 142. Fedoroviana Pragensia (при ссылках после аббревиатуры указывается номер архивной коробки).
- Погорецкая* — Литературный архив Музея национальной письменности (Чешская Республика). Фонд 559. София Погорецкая (при ссылках после аббревиатуры указывается номер дела).
Чхеидзе — Литературный архив Музея национальной письменности (Чешская Республика). Фонд К.А. Чхеидзе (при ссылках после аббревиатуры указывается номер дела).
- Воспоминания* — *Чхеидзе К.А.* События, встречи, мысли // Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд К.А. Чхеидзе. 6/71.
Достоевский — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Издательство «Наука», 1972–1990.
Сетницкий — Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Соловьев 1924 — *Соловьев Вл.* Смысл любви. Жизненная драма Платона. Красота в природе. Смысл искусства. Берлин: Заря, 1924.
Толстой — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1964.
Федоров — *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1–4. М.: Прогресс, Традиция, 1995–1999; Дополнительный том — М.: Традиция, 2000 (римская цифра указывает том, арабская — страницу, дополнительный том обозначен как «Доп.»).
Философский контекст — *Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Хроника — Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике / Под общ. ред. Л. Белошевой: В 2 т. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000–2001.
Чхеидзе 2004 — *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004.
Чхеидзе 2010 — *Чхеидзе К.А.* Крылья над бездной: Роман-сказ; Кавказская проза. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
- Hagemeister* — *Hagemeister M. Nikolaj Fedorov.* Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verlag Otto Sagner, 1989.
Pro et contra — Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004; Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008.
Zirajici do slunce — *Zirajici do slunce.* Literárněvědný sborník o životě a díle gruzinského knížete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách / Sestavili V. Bystrov a J. Vacek. Praha: Bystrov a synové, 2002.

Настоящее издание представляет читателю малую прозу К.А. Чхеидзе 1920–1930-х гг., литературно-критические и публицистические статьи, некоторые письма. Хронологические рамки издания — период между двумя мировыми войнами. Наследие К.А. Чхеидзе первой половины 1940-х гг. и 1955–1974 гг. в книгу не включено.

При подготовке данного издания использованы материалы русской эмигрантской печати 1920–1930-х гг. в РГБ, научной библиотеке ГАРФ, Славянской библиотеке; материалы личного фонда К.А. Чхеидзе и фондов чешских эмигрантских учреждений и организаций в ГАРФ; личные фонды К.А. Чхеидзе и лиц из его окружения, а также материалы собрания *Fedoroviana Pragensia*, хранящиеся в Литературном архиве Музея национальной письменности (Чешская Республика); фрагмент евразийского архива П.Н. Савицкого из собрания Славянской библиотеки (Чешская Республика); материалы РГАЛИ.

В 1988 г. работавший с архивным собранием *Fedoroviana Pragensia* немецкий историк философии М. Хагемайстер привел в библиографии своей книги о Н.Ф. Федорове перечень отдельных публикаций и некоторых архивных текстов К.А. Чхеидзе (*Hagemeister*, 459, 479). В «Библиографии евразийства», составленной А.А. Трояновым и Р.И. Вильдановой, был дан неполный список его публикаций в евразийских изданиях (Начала: Религиозно-философский журнал. 1992. № 4. С. 111–112). В 2002 г. историком и библиографом, переводчиком воспоминаний К.А. Чхеидзе Й. Вацеком была напечатана библиография художественных произведений Чхеидзе на русском и чешском языках (в соавт. с В. Быстровым), а также библиография его статей на чешском языке в чешских изданиях и отзывов о писателе в чешской прессе (*Zirajici do slunce*, 93–120). В 2010 г. Й. Вацек выявил серию русских публикаций Чхеидзе в газете «Новая Искра» (1936–1937). Составителем данного издания был отыскан ряд неучтенных публикаций К.А. Чхеидзе в эмигрантских газетах, журналах и сборниках, выявлены новые архивные тексты, в частности машинопись повести «Моменты», отложившаяся в архиве журнала «Звено».

Печатаемые тексты сверены по автографам (в тех случаях, когда автографы сохранились) и прижизненным публикациям. Максимально сохранены особенности орфографии и пунктуации автора. Подстрочные примечания принадлежат К.А. Чхеидзе. Коньектуры составителя помещены в квадратных скобках, расшифровки сокращенных слов — в угловых. В комментариях отмечены как русские, так и чешские издания произведений. Чешские издания указываются по библиографии, сделанной Й. Вацеком.

Данное издание представляет лишь небольшую часть наследия К.А. Чхеидзе, разработка которого ведется составителем с 2001 г. За помощь в этой многолетней работе приношу сердечную благодарность дочери писателя М. Чхеидзе; Литературному архиву Музея национальной письменности и лично Н. Мацуровой, К. Билеку, И. Коубе; Славянской библиотеке и лично Й. Вацеку, Л. Бабке, М. Магидовой, А. Копршиновой, М. Дандовой; Славянскому институту Академии наук Чешской Республики и лично Л. Белошевой. Хочу поклониться светлой памяти М. Заградниковой (урожд. Брадовой), составившей первое описание архивного собрания *Fedoroviana Pragensia* и опись личного фонда Чхеидзе в Литературном архиве Музея национальной письменности. Особая благодарность Дому русского зарубежья им. А.И. Солженицына и лично В.А. Москвину и М.А. Васильевой за творческую поддержку и содействие в издании данной книги.

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

Художественное наследие К.А. Чхеидзе на русском языке к настоящему времени представлено со значительными лакунами. До сих пор не разысканы русские рукописи четырех романов, напечатанных полностью или частично в 1935–1970 гг. в переводе на чешский язык («Глядящий на солнце», «Навстречу буре», «Пророк в отечестве», «Невеста гор»). Неизвестно местонахождение русского подлинника и чешского перевода романов «Путник с Востока» (1941) и «Без гнезд» (1944–1945). Неизвестна судьба романа «Евразийцы», который Чхеидзе писал во второй половине 1920-х гг. и глава из которого была опубликована в газете «Свой путь» в 1931 г. Поиск в московских и чешских архивах пока не дал результата.

К настоящему времени на русском языке обнаружены лишь две крупные вещи: русское издание «Страны Прометея» (Шанхай, 1932) и русская машинопись романа-сказа «Крылья над бездной» (1941–1942). В 2004 г. М. и В. Котляровы разыскали экземпляр шанхайского издания «Страны Прометея» и на его основе подготовили переиздание: *Чхеидзе 2004*. Опубликован и роман «Крылья над бездной»: полностью — на русском языке (*Чхеидзе 2010*), отдельные главы — на чешском языке (*Zirajici do slunce*, 226–255; пер. В. Быстрова).

Малая проза К.А. Чхеидзе (повести, рассказы, очерки, образцы микропрозы) рассеяна по русской эмигрантской (1924–1936) и чешской (1929–1944, 1957–1959) периодике. Многие публикации на русском языке Чхеидзе давал под псевдонимами. Некоторые произведения сохранились и по-русски, и по-чешски, однако у значительного числа чешских текстов утрачены русские оригиналы или местонахождение их неизвестно. На чешском языке вышло два сборника кавказских легенд и сказок, обработанных К.А. Чхеидзе: «Орлиная скала» (*Orlí skála*. Praha, 1958) и «Волшебный перстень» (*Čarovný prsten*. Praha, 1968). На русском языке известно только 6 из этих текстов.

В настоящем издании помещены все разысканные к настоящему моменту образцы малой прозы Чхеидзе на русском языке за исключением легенд и сказок, пять из которых опубликованы: *Чхеидзе 2010*, 238–265.

ПОВЕСТЬ О ДИНЕ

Впервые: Своими путями. 1926. № 12–13. Июнь–июль. С. 21–24. Подпись: «Кн. К. Чхеидзе».

Прототипом главного героя «Повести о Дине» является деятель Белого движения на Кавказе, создатель и глава отряда «Свободная Кабарда» Заурбек Даутоков-Серебряков (1886–1919). В основу сюжета рассказа, по признанию самого К.А. Чхеидзе, положены взаимоотношения Заурбека с его верным конем (*Воспоминания*, 299).

¹ Из перечисленных К.А. Чхеидзе произведений известны опубликованные в журналах «Своими путями» и «Годы» рассказы «Повесть о Дине» и «Вавочка» (их в своем перечне автор именует «двумя повестями», по всей видимости, употребляя слово «повесть» в смысле «повествование»). Остальные произведения — «ряд эскизов и два-три небольших рассказа» — не разысканы, возможно, они существовали только в проекте.

² К.А. Чхеидзе контаминирует здесь военный путь Заурбека и его младшего брата Хасан-бия. Заурбек по окончании в 1912 г. Оренбургского военного училища служил в Сунженско-Владикавказском полку Терского казачьего войска в Персии, где в это время шла гражданская война; в Первую мировую войну находился на Турецком фронте. Его младший брат Хасан-бий, служивший в Кабардинском конном полку, участвовал в боях на

КОММЕНТАРИИ

Австрийском фронте, где и погиб в январе 1915 г. После этого Заурбек подал рапорт о переводе его в Кабардинский конный полк. Рапорт был удовлетворен, но Заурбека отправили не на фронт, а в тыл, начальником учебной команды Дикой дивизии. На фронт он снова попал летом 1917 г., командиром 3-й сотни Кабардинского конного полка, участвовал в боях на Румынском фронте (см.: *Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде*. Нальчик, 2008. С. 17–25.)

³ Эпизод с попыткой революционных властей реквизировать оружие и коня Заурбека описан К.А. Чхеидзе в книге «Страна Прометея» (*Чхеидзе 2004*, 195–199) и мемуарах «Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» (С. 47–48). В мемуарах красочно описан тайный отъезд Заурбека, будущего создателя повстанческого отряда и революционной партии «Свободная Кабарда», из Нальчика: «На рассвете июля двадцать четвертого дня, имея на себе 270 патронов, вооруженный кинжалом, отцовской шашкой, нагайкой, маузером и карабином, с пикой в руках, на которой трепетал бело-голубой значок, Заурбек выехал из Нальчика. Он двинулся навстречу солнцу, на восток, к Тереку. Около р. Шалушка его осветило солнце. Он остановился и еще раз осмотрел подступы к Нальчику — сердцу Кабарды. В его сердце жила надежда» (*Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде*. С. 58).

⁴ П* — станция Прохладная. Здесь находился полевой штаб Терского восстания. Дневниковая запись Батыр-Бека, по всей вероятности, относится к тому времени, когда отряд Заурбека после боя под станицей Зольской отошел в Прохладную «для отдыха, обучения и пополнения сил» (Там же. С. 66).

⁵ Бой, о котором идет речь, произошел 23 августа 1919 г. во время боевых действий в районе Царицына (*Воспоминания*, 299).

⁶ См. примеч. 1 к рассказу «На кургане».

⁷ Заурбек Даутоков-Серебряков, прототип главного героя рассказа, погиб в боях под г. Царицын 27 августа 1919 г., через 3 дня после гибели Дины (см.: *Воспоминания*, 302). Гибель Заурбека описана в книге К. Чхеидзе «Страна Прометея» (*Чхеидзе 2004*, 239–241).

ВАВОЧКА

Впервые: Годы. 1926. № 3 (25). С. 3–6. Подпись: «Кн. Чхеидзе».

Как и в «Повести о Дине», К.А. Чхеидзе воспроизводит в образе главного героя черты Заурбека Даутокова-Серебрякова, использует в повествовании ряд эпизодов его биографии. Центральная линия рассказа связана с эпизодом, произошедшим во время Турецкой кампании. Вот как описывает его Чхеидзе в мемуарах «Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде»:

«Заурбек <...> выходил победителем из всех положений, получал знаки отличия, дважды представлялся к георгиевскому кресту, однако представление не проходило. Правильно или нет, но то, что представление к кресту не проходило, объясняли враждой и завистью начальника дивизии генерала Ч. Здесь надо сказать, что насколько ближайшее начальство благоволило к сотнику Серебрякову, почти настолько же в штабе его не любили. Сам он терпеть не мог штабных, в штабах не служил, не упускал случая «наступить штабным на ногу». Вражда и зависть ген. Ч. вытекали из ревности. Оба они — генерал и сотник — искали расположения у сестры милосердия Вавочки. Сестра Вавочка, очень красивая и капризная светская барышня, предпочитала общество Заурбека. Справедливо ли это объяснение вполне или отчасти — сказать затрудняюсь» (*Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде*. С. 19). К.А. Чхеидзе трансформирует реальную историю, подчиняя ее правде художественного вымысла.

КОММЕНТАРИИ

Что касается начальной сцены рассказа, то она представляет собой парафраз эпизода из жизни самого Чхеидзе (см.: «На обратном пути»).

¹ Приводя дневниковые записи Батыр-Бека о своей семье, К.А. Чхеидзе фактически описывает семью Серебряковых: отец, Асланбек Серебряков (христианское имя — Никифор), служил в Терском войске. Трое его сыновей: старший — Хаджи-Мурат, средний — Заурбек и младший — Хасан-Бий — стали офицерами. Хаджи-Мурат Серебряков участвовал в составе экспедиционного отряда, посланного Россией в 1912 г. на помощь персидскому шаху в разгар гражданской войны в Персии, и одним из мотивов, побудивших Заурбека проситься на «персидский фронт», было то, что там уже воевал его брат. Младший брат, Хасан-Бий, окончил Владикавказский кадетский корпус и Елизаветградское училище, в составе Кабардинского полка воевал на Австрийском фронте (погиб 15 января 1915 г.). См.: Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. С. 11–12, 17–18, 21.

² Прекрасно, не правда ли? (фр.)

³ Знаете ли (фр.).

⁴ Этот военный эпизод, за который Заурбек получил орден Св. Анны 4-й степени, описан К.А. Чхеидзе в мемуарах «Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде» (С. 20).

⁵ *Выцукать* — от «цукать»: резко, рывком дергать поводья лошади; здесь имеется в виду переносное значение данного глагола: грубо издеваться над кем-либо.

⁶ Данный эпизод — художественное переложение реального случая, происшедшего в семье отца Заурбека Асланбека Серебрякова (см.: Чхеидзе 2004, 148–150).

⁷ Чудовище (фр.).

⁸ Но это ужасно! (фр.).

⁹ Мой герой (фр.).

АСЛАН-БЕК ШИРИПОВ

Впервые: Кавказский горец. 1925. № 2–3. С. 59–65. Подпись: «Конст. Ал.»

Асланбек Джамалдинович *Шерипов* (1897–1919) — чеченец, один из активных участников борьбы за советскую власть на Северном Кавказе. В феврале 1918 г. в качестве делегата от Чечни принимал участие во II Съезде народов Терка, был избран членом Терского Народного совета, затем комиссаром по делам национальностей Терской Республики. Был командующим Чеченской Красной армией, одним из руководителей 100-дневной обороны Грозного от белогвардейских войск. После захвата Северного Кавказа войсками А.И. Деникина создал повстанческий отряд. Погиб 11 сентября 1919 г.

К.А. Чхеидзе, знавший Асланбека Шерипова по Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу, посвятил ему ряд страниц своих воспоминаний. Объясняя причины, по которым гордый и независимый юноша примкнул к большевикам, он подчеркивал, что Шериповым двигала совсем не марксистско-ленинская идеология: «Он считал революцию необходимой и неизбежной и думал, что она может привести к двум результатам: или к распадению империи, следовательно, к освобождению кавказских народов от русского гнета; или к полной перестройке государства на основе самоопределения народов с последующей их свободной конфедерацией» (*Воспоминания*, 48).

В очерке об Асланбеке Шерипове К.А. Чхеидзе пишет его фамилию как «Ширипов». В наст. изд. это написание сохранено.

КОММЕНТАРИИ

¹ Здесь и далее К.А. Чхеидзе цитирует рассказ Асланбека Шерипова «Абрек Геха (Из чеченских народных сказаний)», напечатанный в первом номере журнала «Кавказский горец» (1924. № 1. С. 34–36). В своем очерке он проводит параллели между героем этого рассказа, отважным абреком, «не боявшимся смерти и не знавшим страха», одиноко и гордо несшим свою «долю дикого зверя и героя» и одновременно тосковавшим по человеческому теплу, и самим Асланбеком.

² Шерипов А. Абрек Геха // Кавказский горец. 1924. № 1. С. 36. К.А. Чхеидзе цитирует финальные строки рассказа, кончающегося смертью героя в схватке с правительственными войсками. Приведем более развернутый фрагмент финала:

«И излил Геха в последней страстной мольбе Аллаху весь пыл души и приготовился к последней абреческой игре — к веселой игре со смертью.

И игра началась, веселая, радостная, последняя игра абрека.

Ободренный женщиной, которая удесятирила его силы, Геха с безграничной отвагой поражает врагов... Напрасно разъяряются черные вороны... Геха купается в густом темном море огня и свинца. Смерть кажется Гехе огненным свинцовым крылом вражеских пуль. Геха радуется ее прикосновению и, потешив вдоволь сердце борьбой и кровью трусливых врагов, сам кидается в объятия смерти...

И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ведь победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе, на верную смерть без раздумья бросает душу и тело свое...» (Там же. С. 35–36).

³ Павел Иванович *Новгородцев* (1866–1924) — философ и правовед. К.А. Чхеидзе цитирует введение к его книге «Об общественном идеале» (см.: *Новгородцев П.И. Об общественном идеале*. М., 1991. С. 21).

⁴ Шерипов А. Абрек Геха С. 34.

⁵ В 1918 г. во Владикавказе вышел сборник «Из чеченских песен», содержащий образцы чеченской народной поэзии в обработке Асланбека Шерипова. Над этим сборником витает гордый, романтический дух молодого Максима Горького, автора «Буревестника».

⁶ Речь идет о кадетах Муссе Дударове и Дударе Добриеве (см.: *Материалы по истории Петровского полтавского кадетского корпуса*. Полтава, 1912. С. 9, 10).

⁷ В своих воспоминаниях К.А. Чхеидзе так комментирует обстоятельства гибели Асланбека Шерипова: «Как мне говорили чеченцы, Аслан-Бек действительно был убит в бою, но не противниками, а одним из “своих”, по мотивам кровной мести. Во время гражданской войны политические мотивы прихотливо переплетались с личными, житейскими, иногда играла роль и “священная месть”. В некоторых случаях какой-либо чеченский или ингушский род становился на “белую” или “красную” сторону потому, что их противники находились на противоположной стороне. Иногда “мстители” притворно выражали примирение и становились на ту же сторону, где были их противники. Но становились для того, чтобы в удобный момент с ними расправиться. Так, по-видимому, было и с Шериповым» (*Воспоминания*, 48а).

⁸ Цитата из рассказа Асланбека Шерипова «Абрек Геха» (С. 34).

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Печатается по: *Погорецкая, 79/63*. Оригинал — авторизованная машинопись.

Печатаемый текст представляет собой одну из глав первой книги К.А. Чхеидзе «Страна Прометей». Глава была опущена как в русском издании «Страны Прометей» (Шанхай, 1932; перизд.: *Чхеидзе 2004*), так и в чешском переводе («*Země Prometheova*»). Прага, 1932). Судя по содержанию, в композиции книги она должна была следовать после главы

КОММЕНТАРИИ

«На реке Кара-су». По всей вероятности, Чхеидзе решил снять главу еще по ходу работы над «Страной Прометея»: в архиве С. Погорелкой вместе с русским текстом хранятся листы перевода, перечеркнутые простым карандашом. Причиной этого могло быть нежелание предавать публичности резкую инвективу в адрес Германии, вызванную гибелью двоюродного брата, а также присутствующий в главе «самоповтор»: встреча автора и Абдуллы с «москвичами» и сцена с орлом в трансформированном виде уже были введены Чхеидзе в рассказ «Вавочка».

¹ Горная речка в Балкарии, в переводе буквально: «Черная вода». Глава «На обратном пути» должна была завершать рассказ о поездке Чхеидзе в Балкарию, которую он совершил летом 1916 г.

² Феликс Константинович Чхеидзе (1890-е–1916) — двоюродный брат К.А. Чхеидзе по отцу, офицер. В воспоминаниях К.А. Чхеидзе описывает духовный кризис, пережитый им после гибели брата (*Воспоминания*, 77–78).

³ Константин Константинович Романов (1858–1915) — великий князь, поэт, драматург, переводчик, писавший под псевд.: К. Р. Отдал много сил организации военного образования в России, с 1900 г. был главным начальником, с 1910 г. — генерал-инспектором военно-учебных заведений.

⁴ «Германия превыше всего» (*нем.*). Начальные строки «Песни о Германии» немецкого поэта Г. фон Фаллерслебена, ставшей в 1871 г. государственным гимном объединенной Германии.

⁵ Абдулла — один из героев первой части книги «Страна Прометея», старшина аула, проводник, прекрасно знавший горы.

⁶ В идейном и творческом наследии Л. Толстого тема магометанства звучит в художественном творчестве («Кавказский пленник»), публицистике, переписке. Писатель общался и переписывался с мусульманами, неоднократно высказывался об исламе, ценя его учительный пафос, идеал единобожия, твердые нравственные основания религии. 15 марта 1909 г. писал Е.Е. Векиловой, спрашивавшей совета, как ей реагировать на желание сыновей принять ислам: «Что касается до самого предпочтения магометанства православию <...> я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. <...> Для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и он предпочтет магометанство» (*Толстой*. 79, 118).

⁷ Неточная цитата из беседы Христа с самарянкой (Ин 4:21, 23).

⁸ Имеется в виду договор между Италией и Ватиканом, заключенный 11 февраля 1929 г., согласно которому римский папа признавался исключительным главой Ватиканского государства, а католицизму был придан в Италии статус «единственной государственной религии».

⁹ Перевод фразы «Евхаристического канона», входящего в чин литургии. Фраза повторяет слова Христа, сказанные ученикам на Тайной вечери (Мк 14:22).

НА КУРГАНЕ

Впервые: Путь казачества. 1927. 31 октября. № 16–17. С. 109–110. Подпись: «Констан» (в подписи печатка: К.А. Чхеидзе подписывался псевдонимом «Констал»).

¹ Лава — способ построения казачьей сотни, предназначенный для атаки противника в конном рассыпном строю.

КОММЕНТАРИИ

² *Пачками!* — Группами, партиями, следующими одна за другой. Разговорное выражение.

³ *«Злая роса»* (1903) — повесть Анастасии Вербицкой. Отд. изд.: *Вербицкая А. Злая Роса*. М., 1904.

МОМЕНТЫ из жизни Николая Зарина

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 482.

Авторизованная машинопись повести «Моменты» сохранилась в архиве журнала «Звено». Текст датирован 1927 г. и подписан «Констал». На последнем листе рукой К.А. Чхеидзе вписан его пражский адрес:

«Řičany u Prahy (Č.S.R.) u p. Ant. Scala, č. 369.
Kp. Konst. Al. Čheidze».

В ноябре 1927 г. Чхеидзе опубликовал входящую в повесть главу «После смерти» в журнале «Казачий сполох» (№ 12. С. 19–22. Подпись: «Констал»). Разночтения этой публикации с архивным текстом приведены в комментариях ниже.

¹ Николай Зарин мечтал спасти царскую семью, расстрелянную в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге в подвале дома Ипатьева.

² Эпизод, описанный героем, реален. Он относится ко времени учебы К.А. Чхеидзе в Петровском полтавском кадетском корпусе. Кадетом, спорившим с воспитателем, был Василий Новиков (см.: *Воспоминания*, 52–53).

³ Сильвия Эстелла *Панхерст* (1882–1960) — общественная деятельница, публицистка, одна из лидеров движения суфражисток, выступавших за предоставление женщинам избирательных прав, против дискриминации женщин; защитница идей пацифизма.

⁴ Герой контаминирует строки 43 псалма (Пс. 43:24–26, 10–16).

⁵ «*Мир мирови твоему*» — слова из священнической молитвы, входящей в чинопоследование Всенощного бдения.

⁶ Собеседник главного героя излагает евразийскую концепцию государств-материков (см. подробнее статьи К. Чхеидзе «Лига Наций и государства-материки» и «Из области русской геополитики»).

⁷ Речь идет о книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920), давшей толчок возникновению евразийства. Критикуя европоцентризм современной цивилизации, Трубецкий отказывался признавать за европейской культурой универсальное, общечеловеческое значение, подчеркивая, что она воплощает в себе не культуру мира как таковую, а локальную и ограниченную культуру романо-германской этно-антропологической общности. Называя европейский «космополитизм» «общеромано-германским шовинизмом», он подчеркивал, что в его основе лежит «эгоцентризм», заставляющий личность, группу личностей, народ, племя, расу «бессознательно» считать себя «центром Вселенной» (*Трубецкий Н.С. Европа и человечество // Трубецкий Н.С. Наследие Чингисхана*. М., 2000. С. 35).

⁸ Евр. 2:14.

⁹ Свобода (*англ.*).

¹⁰ Пс. 141:7. Данная фраза входит в текст чинопоследования Великой вечерни.

¹¹ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837).

¹² 1 Кор. 15:36.

КОММЕНТАРИИ

¹³ В журнальной публикации главы «После смерти» фигурирует только письмо из России. Упоминание о втором письме — от Голосова, персонажа главы «На пути», в публикации в «Казачьем сполохе» снято.

¹⁴ Отсылка к учительному слову старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» «об иноке русском и о возможном значении его»: «...от сих кротких и жадущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли русской!»; «Те же смиренные и кроткие постники и молчальники восстанут и пойдут на великое дело» (*Достоевский*. 14, 284, 285).

¹⁵ В журнальной публикации главы «После смерти» вместо фрагмента, в котором приводятся слова Голосова, следует такой текст:

«В ушах еще звучала “Вечная Память” и перед глазами мерещили лопаты, гребущие землю... — “но купно совершаем торжественное торжество” — сами собою пришли и непрестанно повторялись слова Владыки. “Что за торжество? — смерть — торжество?”...»

На подоконнике, освещенный солнцем, стоял в простой глиняной вазе цветок. Между засохшими бугорками земли еле виднелся старый отмеревший стебель. Забытый хозяйкой или прежним — до нас — квартирантом, этот стебель являл печальный конец... “Новая же возвещается,” — безучастно или, может быть, с иронией сказал я: “выбросить его вон”. И наклонился к цветку, и увидел, что на другой его стороне, полускрытый корявым мертвецом, из тех же засохших бугорков земли поднимается робкий и нежно-зеленый листок.

— Все равно — и он пойдет туда же — мелькнула необоримая мысль. Протянул руку» (Казачий сполох. 1927. № 12. С. 21).

¹⁶ Пс. 134:1.

¹⁷ Пс. 134:21.

¹⁸ В журнальной публикации главы далее следует финальный текст:

«Земля совершала свой бег в небесных просторах. Тьма и Свет обступали ее. На смену холодной умерщвляющей Тьме — приходило воскресения Солнце. И все, что ни делалось на земле, делалось через эту смену волнением темных и светлых волн.

А на грани, над гранью Света и Тьмы, возвышалась немеркнущая Голгофа: Тьма и Свет подвластны Ему, ибо Он есть истинный Живот и Путь» (Казачий сполох. 1927. № 12. С. 21–22). Этот же текст был окончанием повести «Моменты». В машинописи повести, посланной в редакцию «Звена», данный фрагмент был зачеркнут Чхеидзе, вероятно, из-за чрезмерной выпренности.

ЛЕМНОССКИЕ ВСТРЕЧИ

Впервые: Путь казачества. 1927. 15 ноября. № 18. С. 14–17. Подпись: «Констал».

Действие рассказа происходит в военном лагере на о. Лемнос, где с декабря 1920 г., после Белого исхода из Крыма, были размещены преимущественно казачьи части Белой армии, семьи казаков и некоторые беженцы. В «Воспоминаниях» К.А. Чхеидзе свидетельствовал, что, когда в начале января 1921 г. он прибыл на Лемнос в качестве коменданта военного госпиталя, там находилось около 25 тысяч человек (*Воспоминания*, 344). Мемуарист так описывал лемносский быт:

«Донские и терские казаки занимали одну сторону бухты, кубанские (и так называемые “беженцы”, они жили отдельно от “армии”) другую. Палатки донцов и терцев стояли на склоне хребта, палатки кубанцев на равнине. Первое и главное в жизни — вода и огонь. На территории лагеря протекал маловодный родник, он иссякал в начале весны. На берегу работала водоочистительная станция, от нее шла сеть водопроводных труб, в большинстве случаев проложенных на поверхности земли. Пить эту перерабо-

КОММЕНТАРИИ

танную морскую воду летом была мука: тепловатая, с неприятным привкусом. Французы и англичане — когда они здесь были до конца войны — получали какие-то таблетки, улучшающие вкус воды; в их распоряжении имелся искусственный лед. Разумеется, о подобного рода роскоши русские на Лемносе не могли и мечтать. В основном люди страдали (и умирали) от заболеваний органов пищеварения. С огнем положение было еще хуже: если исключить фиговые и другие плодовые деревья в миниатюрных греческих садах, на много верст вокруг росло лишь несколько тополей на берегу родника. Французы, гарантировавшие врангелевским войскам (в конце концов, русским, союзническим войскам) снабжение, выдавали минимальное количество дров, нередко сырых, и угля. А питание? — кусок хлеба, перловая (“пердловая”, говорили казаки) крупа, мясные консервы (“консервы”) многолетней давности, детская порция маргарина и муравьиная порция сахарного песка. В общем, около 1500 калорий, в два раза ниже “нормы”. Чтобы сварить пищу, главное вскипятить воду (“чай”), казаки собирали сухие колючие растения; их было достаточно на горном хребте. Воду кипятили в банках от консервов, в бидонах, кое у кого имелись котелки.

Некоторые казаки заметили, что греки, перед приливом, ходят по берегу, останавливаются возле камней, что-то там делают. А после отлива идут с дубинками и мешками и возвращаются с добычей: с молодыми осьминогами. Греки лили на камни масло, лакомую приманку для морских чудищ, которые присасывались щупальцами к камням, вовремя не уходили в пучину и так становились пищей для людей. Казаки еще до прихода греков убивали осьминогов, тащили в лагерь, варили. Ели многие, нравилось не всем. Но все равно “*тицца*” (донцы ставят ударение на последнем слоге. Гаврилов у них Гаврилóв). Несколько заблудившихся баранов тоже попало в котел: “голод не тетка”. Однако случаев мародерства было очень мало.

Не подлежит сомнению, что союзники, при желании, могли бы вполне обеспечить тех полтора-два тысяч человек, которые оказались у них на иждивении. Ведь еще недавно они держали под ружьем миллионные армии — интендантские склады далеко не были исчерпаны. Но вместо того чтобы “кормить дармоедов”, они предпочли проводить политику их постепенной “ликвидации”, расщедоточения. Как можно скорее избавиться от “арабов, сделавших свое дело”. О том, что эти “арабы” были кровными братьями тех, кто, стараясь облегчить положение союзников, прежде всего Франции, сложили свои головы в Мазурских лесах, на Карпатах и других фронтах, вспоминать им не хотелось» (*Воспоминания*, 348–350). По свидетельству Чхеидзе, в казачьей среде сильны были настроения обиды на «проклятых союзников», создавших невыносимые условия для жизни солдат (Там же. С. 345).

¹ Во время Первой мировой войны Лемнос являлся морской базой союзников — отсюда могилы английских военных, в том числе авиаторов (на Лемносе был построен аэродром).

² *Кемаль* — Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) — турецкий реформатор, политик, государственный деятель, первый президент Турецкой республики. После поражения Турции, воевавшей в период Первой мировой войны на стороне Германии, и частичной оккупации ее территорий войсками Антанты возглавил движение сопротивления. В период греко-турецкой войны 1919–1922 гг., развязанной по инициативе держав-победительниц, стремившихся к расчленению Турции, был главнокомандующим турецких войск. В конце 1920–1921 гг. на Лемносе циркулировали слухи о том, что Кемаль-паша охотно принимает в свою армию казаков. Слухи подогревались газетными сообщениями о победах Кемалья, в которых мелькали фразы о том, что бегущих греков якобы преследовали конные казаки.

³ *Тютюн* — табак (*тюрк*).

КОММЕНТАРИИ

⁴ *Эк-мек* — круглый хлеб, выпекаемый в Турции.

⁵ В воспоминаниях К.А. Чхеидзе проясняет этот слух: «Бывшие в Галлиполи офицеры (уже когда они были студентами в Праге) говорили мне “по секрету”, что в критические декабрьские дни двадцатого года, под влиянием приблизительно таких же “условий” (имеются в виду невыносимые бытовые условия, в которых жили офицеры и солдаты Белой армии в военных лагерях. — А. Г.), возникла мысль совершить внезапный набег на Константинополь, разгромить “дорогих, доблестных союзников”, захватить этот важнейший политико-стратегический центр и разослать “ультимативные требования” в Париж, Лондон и Вашингтон. План, разумеется, фантастический, но ведь и возник он на почве кровного оскорбления лучших чувств к “союзникам”, разочарования в их благородстве» (*Воспоминания*, 345).

⁶ Имеется в виду Версальский мирный договор, выработанный Парижской мирной конференцией 1919–1920 гг. Договор, подписанный 28 июня 1919 г., завершил Первую мировую войну.

⁷ Согласно Версальскому договору, левый берег Рейна и 50-километровая полоса на правом берегу демилитаризовались, а ряд территорий этой зоны находился под оккупацией союзных войск.

⁸ На Парижской мирной конференции развернулся ожесточенный спор между союзниками о границах Польши, восстанавливавшей свою государственность. Франция стремилась к передаче Польше всей территории Верхней Силезии, однако в конечном итоге эта территория была разделена между Германией и Польшей.

⁹ См. примеч. 2.

¹⁰ Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг., вызванная подъемом национально-освободительного движения сербского и болгарского народов.

¹¹ Речь идет о записке графа Ф.В. Ростопчина о перспективах внешней политики России, поданной 2 октября 1800 г. императору Павлу I. Развернутая цитата о том, что «России с прочими державами не должно иметь иных связей кроме торговых», равно как и замечание Павла I на полях этого текста: «Святая истина!» были поставлены эпиграфом к главе 16 книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в которой подчеркивалась неизбежность противостояния европейского и русского мира.

СНИМКИ И ДУМЫ

Впервые: Годы. 1926. № 23. С. 8–13; № 24. С. 12–16. Подпись: «Кн. Чхеидзе».

В основу очерка положены записи К.А. Чхеидзе, сделанные им в болгарский период жизни. В Болгарии бывший князь провел чернорабочим полтора года, с весны 1922-го по август 1923 г. Записи охватывают последние месяцы пребывания в Болгарии: июнь — июль 1923 г.

Текст очерка сопровождался следующим примечанием редакции: «Печатаемая ниже воспроизводимый столь яркий и столь трагический в простоте своей человеческий документ, редакция обращается со следующей убедительной просьбой к читателям: если печатаемые “снимки” всколыхнут воспоминания тех из читателей, кому “снимки” знакомы в натуре, то пусть эти воспоминания будут записаны теперь же. Страницы журнала всегда будут охотно предоставлены для них» (Годы. 1926. № 23. С. 8).

¹ 9 июня 1923 г. в Болгария произошел военный переворот, в результате которого было свергнуто левое правительство А. Стамболийского (см. примеч. 6). *Военная Лига* — тайный военный союз, в который входили монархисты, противники политики А. Стамболий-

КОММЕНТАРИИ

ского (оформился в 1920 г.). «Блокари» — представители болгарского правоцентристского блока «Народный стовор» (образован весной 1922 г.), возглавляемого А. Цанковым, который в результате переворота стал премьер-министром нового правительства. *Земледельцы-дружбаши* — представители Болгарского земледельческого народного союза, лидером которого был А. Стамболийский.

² *Кафене* — кафе (болг.).

³ *Надница* — поденная плата (болг.). Здесь в значении: день поденщика.

⁴ Имеется в виду подпоручик Григорий Иванович Миронов, один из героев пьесы Л.Н. Андреева «Дни нашей жизни» (1908). Точно звучание его фразы: «Вот скажите мне, коллеги, предложу я вам один очень важный вопрос для существования человека: есть Бог или нет? У нас в полку говорят...» (Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 15 т. Т. VII. СПб., 1909. С. 223).

⁵ Фраза из романа И.С. Тургенева «Рудин» (1856): *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5. М., 1980. С. 322.

⁶ Александр Стойменов *Стамболийский* (1879–1923) — болгарский политический и государственный деятель, один из лидеров Болгарского земледельческого народного союза, считавший, что будущее Болгарии лежит в «аграрном» пути развития и превращении крестьянства в основную социальную, экономическую и политическую силу страны. В 1919–1920 и 1920–1923 гг. — глава правительства Болгарии, провел ряд реформ, в том числе аграрную. А. Стамболийский был убит в своем родном селе 14 июня 1923 г. на шестой день после военного переворота, в результате которого пало его правительство.

⁷ *Петрушевский И.П.* Фрина: Записки замужней женщины. Берлин, 1921. С. 29.

⁸ По всей вероятности, письмо пришло от сестры Чхеидзе Софии, которая вместе с мужем жила в это время в Брно.

⁹ Отсылка к эпизоду из романа И.С. Тургенева «Накануне» (1860). Скульптор Шубин в разговоре с Берсеневым восклицает: «Харлампий Луцких, первая московская, а по другим великороссийская воронка — объявил, что из меня проку не будет. Мне, по его словам, бутылка ничего не говорит» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 6. М., 1981. С. 242).

¹⁰ Чхеидзе приводит с некоторыми неточностями стихотворение Сергея Кречетова (1878–1936) «Алкоголь» (*Кречетов С.* Летучий голландец: Вторая книга стихов. М., 1910. С. 85).

¹¹ Позднее в воспоминаниях К.А. Чхеидзе расскажет о том, как искали забвенья в вине лемносские «сидельцы» «Переход от свободной жизни, с неудержимой игрой страстей на жизнь и на смерть, к положению “интернированных”, то есть полупленных, был слишком резок. Сознание своего поражения и неизвестность, что будет завтра, угнетало и отравляло. Может быть никогда и нигде, ни при какой другой обстановке, стихотворение <...> “Гимн алкоголю” не производило столь покоряющее впечатление, как в те трудные месяцы на Лемносе» (*Воспоминания*, 357).

¹² С этой записки начинается та часть очерка, которая была опубликована в № 24 журнала «Годы». Редакция, как и в № 23, сделала к ней примечание: «Печатаю окончание дневника кн. К.А. Чхеидзе, редакция еще раз обращается к читателям с убедительной просьбой о присылке подобного рода человеческих документов» (Годы. 1926. № 24. С. 12).

¹³ Там далеко (болг.).

¹⁴ Виктор Михайлович *Чернов* (1876–1952) — один из лидеров партии правых эсеров, в 1918 г. — председатель Учредительного собрания, распущенного большевиками. Последнее заседание 6 (19) января было закрыто по требованию караула.

¹⁵ Речь идет о представителях эмигрантской среды, разделявших пафос движения смелых, эмигрантского течения, идеологи которого, выпустившие в 1921 г. в Праге

КОММЕНТАРИИ

сборник «Смена веков», выступали за поворот лицом к СССР и соучастие всех сословий и интеллигенции в деле возрождения страны, строительства «Великой России».

¹⁶ Костя! Зачем ты убежал из России? (болг.)

¹⁷ Имеется в виду Первая балканская война (9 октября 1912 — 30 мая 1913), в которой союз Балканских государств (Болгарии, Греции, Сербии, Черногории) выступил против Османской империи.

¹⁸ Полицейский (болг.).

¹⁹ Александр Савицкий (конец 1880-х — 1909) — легендарный разбойник, шайка которого в 1908–1909 гг. действовала в Черниговской и Могилевской губерниях. В 1905 г. увлекся революционными идеями, сотрудничал с подпольными организациями. Деньги от грабежей передавал в кассу эсеров-максималистов, заставлял помещиков раздавать крестьянам семенной хлеб и деньги. Убит в 1909 г. Александр Савицкий стал литературным прототипом героя романа Л.Н. Андреева «Сашка Жегулев» (1911).

²⁰ Тихон (Белавин) (1865–1925) — Патриарх Московский и всея Руси, избран в 1917 г. Всероссийским поместным собором, восстановившим патриаршество.

²¹ Источник цитаты не установлен.

²² Финал очерка отсылает к знаменитому высказыванию Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20).

ИЗ БОЛГАРСКОГО ДНЕВНИКА

Впервые: Новая Искра. 1937. № 44. 1 марта. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

¹ Серж — Сергей Тригубенко, однокашник Чхеидзе по Тверскому кавалерийскому училищу, офицер. Чхеидзе вновь встретился с ним на о. Лемнос. В воспоминаниях писатель рассказывает, как весной 1922 г. «в очередной понедельник, базарный день в Казанлыке», друзья пришли на базар в то место, где «собирались поденщики, предлагавшие купить их самих», и нанялись на работу (*Воспоминания*, 378).

² Мой дорогой друг (фр.).

³ Чтобы стать лучше, я должен страдать. Да здравствует труд! (фр.).

⁴ Знаешь! (фр.)

⁵ Ну, хорошо — пойдём! (фр.).

⁶ Но, мой друг! Чтобы стать лучше... (фр.).

КАК ЖИВУТ И РАБОТАЮТ...

Впервые: Годы. 1928. № 6 (28). С. 8–13. Подпись: «Констал».

Очерк был опубликован в завершающем номере журнала «Годы». Редакция журнала предварила материалы номера программной статьёй. В ней подчеркивалось значение журнала, вокруг которого на протяжении семи лет (журнал выходил с 1921 г. под названиями «Студент», «Студенческие годы» и «Годы») «группировалась в одну семью русская молодая интеллигенция, различно верующая, разное о благе родины мыслящая», и сообщалось о том, что последний номер специально посвящен «русскому зарубежному студенчеству» (От редакции // Годы. 1928. № 6 (28). С. 3). Очерк Чхеидзе, описывавшего «как живут и работают» русские студенты в Болгарии, был помещен в журнале вместе со статьями Н.А. Антипова «Пражское житье» и Н.В. Быстрова «Лицо поколения». Н.А. Антипов передавал атмосферу жизни русского студенчества, рассказывал об общежитиях «Худобинец» и «Свободарна», а

КОММЕНТАРИИ

также о деятельности «Русского очага» (Там же. С. 6–8). Н.В. Быстров рисовал лицо молодого поколения эмиграции, «детей», проходивших свои «университеты» на фронтах Первой мировой и Гражданской войны. Будущий идеолог «Второго поколения» подчеркивал, что, в отличие от «отцов», дети не склонны к «идейности» и отвлеченным теориям; они хотят создать нынешнюю, реальную жизнь, давая в ней место и хлебу, и вере; у них сильна воля, чувство и разум взаимно поддерживают и служат друг другу; в них жива любовь к России, но нет «мессианических» настроений; они не испытывают интереса к философии истории и выдвигают на первый план нравственное делание личности (Там же. С. 18–20).

Очерк «Как живут и работают...» сопровождался серией фотографий «трудов и дней» русских студентов в Болгарии (см. вклейку) и был построен как развернутый литературно-публицистический комментарий к ним. Составляя «исповедания веры» студентов-рабочих, Чхеидзе использовал свои болгарские наблюдения.

¹ Фрагмент церковной молитвы, основанный на словах 64 псалма: «Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече» (Пс. 64:6). Сущих в море далече — находящихся далеко в море (*церковнослав.*).

² Там, в России (*болг.*). Переиначенное начало стихотворения Христо Ботева «Хаджи Димитр» (1873): «Жив е той, жив е! Там, на Балкана» («Жив еще жив он. Там, на Балканах...»).

³ Ничего (*болг.*).

⁴ Мои комплементы (*франц.*).

⁵ Цитата из «Марша корниловцев» (1918; музыка капитана Игнатъева, слова прапорщика Корниловского полка А.П. Кривошеева).

⁶ *Галицийская битва* — одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между русскими и австро-венгерскими войсками. Длилось с 5 (18) августа по 8 (21) сентября 1914 г. Завершилось победой русских войск, занявших Галицию и часть австрийской Польши. *Разгром конницы Жлобы* — стратегическая операция армии П.Н. Врангеля в Крыму 16–22 июня 1920 г. Конная группа, во главе которой стоял военачальник Дмитрий Петрович Жлоба (1887–1938), была одной из ведущих наступательных сил армии И.П. Уборевича, и красное командование ставило перед ней задачу прорыва белого фронта. Однако в ходе операции конница была окружена и разгромлена.

ГОЛЫЕ ЛЮДИ

Впервые: Москва. 1930. № 8 (18). С. 4–11. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

В повести отразились некоторые реалии болгарской жизни писателя. Как рассказано в воспоминаниях, в Болгарии он жил и работал вместе с бывшим «одноклассником по Полтавскому корпусу, некогда богатым помещиком Лабинским». Николай Лабинский, его жена Анна и К.А. Чхеидзе наняли в г. Казанлыке пустующий дом. Летом Чхеидзе «бродил по стране, меняя работы и профессии, зимой возвращался на базу» (*Воспоминания*, 379). Автор богато расцвечивает биографическую канву узорами художественного вымысла, создавая образы своих современников, волею судеб заброшенных в изгнание и стремящихся выжить на чужой земле.

¹ В качестве эпиграфа к повести К.А. Чхеидзе дает ссылку на картину русского художника-передвижника Николая Александровича Ярошенко (1846–1898) «Всюду жизнь» (1888). На картине изображены заключенные арестантского вагона: старик-крестьянин, рабочий, солдат и молодая мать с младенцем на руках. Из-за решетки они

КОММЕНТАРИИ

кормят голубей. Их лица светлы, исполнены глубокого чувства. Художественный образ, созданный Н.А. Ярошенко, рифмуется с картиной эмигрантского быта, нарисованной в повести К.А. Чхеидзе.

² О «заклятье», лежавшем со времен войны 1877–1878 гг. на доме, в котором жили Чхеидзе и чета Лабинских, сказано в воспоминаниях (Там же. С. 379).

³ Реальный случай: по воспоминаниям Чхеидзе, случайную рану топором нанес себе однажды Лабинский, когда в канун Рождества он в Казанлыке вместе с Чхеидзе пилил и колот дрова на дворе у богатого болгарина (Там же. С. 389).

⁴ Ах, мать его! (болг.).

⁵ Русский (болг.).

⁶ Табачная торговля Али-Бей Папаз-Оглы (болг.).

⁷ *Саман* — необожженный кирпич-сырец. Делался из глины, в которую добавлялась резаная солома, мякина и др.

СПОСОБ

Впервые: Москва. 1931. № 12 (22). С. 6–8. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

¹ Цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1829–1839).

² «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» (1902) — вторая часть трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист».

³ Начало русской поговорки «Вроде Володи, на манер Кузьмь».

В ТРАМВАЕ

Впервые: Чешско-русская будущность. 1929. № 4. С. 12–13. Подпись: «К. Чхеидзе».

¹ *Хотьковы Сады* — первый общественный парк в Праге, основанный в 1833 г.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Впервые: Свой путь. 1931. № 2 (июль—август 1931). С. 2–3. Подпись: «Константин Шергилло».

В краткой справке о своей биографии и литературной деятельности, написанной для Союза русских писателей и журналистов и посланной Н.И. Астрову 28 апреля 1931 г., Чхеидзе сообщал, что написал книгу «Страна Прометей», а также «несколько глав романа “Евразийцы”» (РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 3). Судя по содержанию и подзаголовку, фрагмент «Голубые глаза» представляет собой главу из романа.

Чхеидзе запечатлел в образе главного героя Саввы некоторые черты идейного и духовного облика П.Н. Савицкого (говорящей является переключка имени героя и фамилии прототипа). Восхищенное отношение к руководителю и идеологу Пражской евразийской группы Чхеидзе сохранил на всю жизнь. В мемуарах он так характеризовал своего старшего друга: «Петр Николаевич Савицкий был духовным человеком в полном смысле этого слова. На вид истощенный, худой, слабого сложения (почему и не был принят на военную службу), он обладал необыкновенной силой духа. Дух, возвышенный и целеустремленный, был источником его буквально неиссякаемой энергии. В набожности Петра Николае-

вича было нечто от экзальтации, однако набожность была его естественным состоянием, состоянием непоколебимой веры в Высшие, непостижимые силы. Он обладал знаниями, которых хватило бы на полдюжины заурядных ученых, каких немало в университетах» (*Воспоминания*, 437–438).

¹ Имеется в виду тот эпизод романа «Бесы», в котором Петр Степанович Верховенский раскрывает перед Ставрогиним замысел устроения «смуты» в русской земле. Опираясь на психологию русского человека, верящего в царя и правду, он хочет пустить в народ легенду об «Иване Царевиче», который «новую правду несет и “скрывается”» (*Достоевский*. 10, 325, 326). Роль Ивана Царевича Верховенский прочит Ставрогину.

² Идея «евразийского царя» отчасти пародирует надежды монархических кругов эмиграции на реставрацию самодержавной власти. Но при этом в соответствии с положением евразийской доктрины о роли «туранского» элемента в становлении русской государственности и культуры герой-рассказчик рисует образ новой династии, восходящей к Чингисхану, основателю Монгольской империи. В книге «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (Берлин, 1925), Н.С. Трубецкой утверждал: «В исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» и «является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» (*Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана*. М., 2000. С. 225, 230). Смысл этого «исторического дела» Н.С. Трубецкой видел в объединении Евразии, государственном, духовном, культурном строительстве евразийского мира.

³ Прямая отсылка к идеям П.Н. Савицкого. В программной статье «Идея-правительница», напечатанной в третьей книге «Евразийского временника», П.Н. Савицкий подчеркивал, что в основании исторического бытия нации всегда лежит определенная «историческая идея», государственное правление «есть та или иная форма осуществленного идеалоправства». А значит, борьба с коммунизмом должна идти не по линии насильственного, материального сопротивления, а прежде всего в духовной, идеалотворческой сфере: «Для тех, кто мыслит Россию как мир новый, как мир, строяемый на основе напряженного православно-духовного творчества и широчайшего культурно-национального и государственно-созидающего размаха, — для тех единственно возможным подданством является в настоящую минуту подданство идеи. Ранее и перее того, чем поставить над собой правителей, лиц и учреждения, мы должны провозгласить и поставить Идею-Правительницу» (*Евразийский временник*. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 10, 17).

⁴ «Бюро» — под этим названием в романе «Евразийцы» фигурирует «Трест». «Трест», «Монархическая организация центральной России» (МОЦР), ставившая своей целью свержение большевизма, в работу которой в 1923–1927 гг. были втянуты различные круги русской эмиграции, от монархистов (великий князь Николай Николаевич; председатель Русского общевоинского союза генерал А.П. Кутепов) до эсеров (Б. Савинков), являлся хорошо организованной провокацией ГПУ, призванной дискредитировать и расколоть эмиграцию. Первые контакты евразийцев с «Трестом» состоялись в 1923 г. В 1925 г. был создан так называемый «Совет семи», в который, помимо главных идеологов евразийства Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого, П.Н. Малевского-Малевича и П.С. Арапова (в конечном итоге завербованного ГПУ), входили агент ГПУ А.А. Ланговой (под фамилией «Денисов»), выступавший в качестве лидера евразийцев на территории СССР, и резидент «Треста» в Польше Ю.А. Артамонов. Сотрудничество с «Трестом» имело целью распространение евразийского влияния на эту организацию, а при ее посредстве — на те круги внутри Советской России, которые чувствовали уозость марксизма, создание евразийского движения в СССР. При содействии «Треста» был организован ряд

поездок в Советскую Россию П.С. Арапова и П.Н. Савицкого. Никакого евразийского движения в СССР создать не удалось, но тем не менее в Ленинграде и Москве возникли небольшие кружки лиц, преимущественно в среде студенчества, интересовавшихся евразийством: их члены изучали евразийскую литературу, писали статьи и записки, которые затем переправлялись евразийским лидерам зарубежья. Разоблачение «Треста», инициированное ОГПУ, состоялось весной 1927 г. 14 апреля начались аресты лиц, имевших прямое или косвенное отношение к «Тресту». Через неделю в газете «Правда» появилось сообщение о ликвидации в Москве «монархической группы», руководителем которой «являлся находящийся в Париже бывший генерал белых армий, монархист-“николаевец” Кутепов». «Документы, попавшие в руки следствия, — говорилось в сообщении, — указывают на большую заинтересованность иностранных разведок в поддержке «попыток создания антисоветской организации внутри СССР» (Ликвидация контрреволюционной шпионской группы // Правда. 1927. 21 апреля. № 90). 17 мая 1927 в № 109 рижской газеты «Сегодня» было опубликовано письмо активного члена «Треста» чекиста Э.О. Опперпута, в котором он разоблачал МОЦР как «легенду», «мнимую антисоветскую организацию», созданную и контролируемую ОГПУ, и, в частности, указывал на то, что под именем евразийца «Денисова» действовал агент ОГПУ Ланговой. См. подробнее: *Панченко М.Ю.* Политическая история евразийского движения 1926–29 гг. Фракционная борьба и кламарский раскол. Дис. канд. ист. н. СПб., 2006.

⁵ По всей вероятности, прототипами этих героев стали члены евразийской организации, отправленные на территорию СССР для создания евразийских групп внутри страны. Так, в 1925 г. в СССР был отправлен евразиец Г.Н. Мукалов (арестован и расстрелян в 1927 г.), а в начале 1927 г. — бывший белый офицер В.И. Аничков, который должен был стать помощником А.А. Лангового, однако был арестован ОГПУ и 9 июня 1927 г. расстрелян (см.: *Панченко М.Ю.* Политическая история евразийского движения 1926–29 гг. С. 72–73, 114–116, 125–126).

⁶ Речь идет о книге Н.П. Толля «Скифы и гунны: из истории кочевого мира» (Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928). В приложении к книге Толля (С. 83–106) была напечатана статья П.Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения».

⁷ Под «Бепутом», по всей вероятности, имеется в виду Э.О. Опперпут, который после перехода советско-финской границы в апреле 1927 г. выступил с разоблачением «Треста» как провокации ОГПУ (см. примеч. 4).

⁸ В период существования «Треста» А.П. Кутеповым был предпринят ряд акций по засылке на территорию СССР представителей боевой организации для агитационной и диверсионной деятельности. Что касается евразийцев, то они, негативно относясь к диверсиям и террористическим актам, тем не менее также были готовы отправлять членов евразийской организации в СССР для связи со сторонниками евразийской идеи и для расширения ее влияния. Идея работы в СССР не чужда была и П.Н. Савицкому, прототипу Саввы, который в главе из романа представлен последовательным противником «посылки людей туда». Как следует из материалов следственного дела Савицкого, он прямо содействовал отправке в СССР В.И. Аничкова и даже после разоблачения «Треста» поддержал предложение П.С. Арапова и П.Н. Малевского-Малевица восстановить связь с теми евразийцами в СССР, которым удалось избежать арестов, и продолжить агитационную работу внутри страны (См.: *Панченко М.Ю.* Политическая история евразийского движения 1926–29 гг. С. 114, 122, 148). По всей вероятности, К.А. Чхеидзе, подчеркивая бескомпромиссность Саввы, его негативное отношение к затее с «Бюро», стремился обелить П.Н. Савицкого, признанного лидера правого евразийства после кламарского раскола движения.

⁹ См. примеч. 24 к сборнику «На литературные темы».

КОММЕНТАРИИ

ВЕЧЕР (Пражский этюд)

Впервые: Россия и славянство. 1929. 4 мая. № 23. С. 3. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

Этюд, открывший серию пражских зарисовок К.А. Чхеидзе, позднее был напечатан в переводе на чешский язык: *Večer na Karlově mostě // Venkov*. 1937. № 115, příl. S. 1.

¹ Имеется в виду Карлов мост, знаменитый арочный готический мост через реку Влтаву, памятник средневековой архитектуры. Достопримечательностью моста являются 30 статуй и скульптур, большинство из которых выполнено в стиле барокко.

НА УЛИЦАХ ПРАГИ (Зарисовки)

Впервые: Россия и славянство. 1929. 25 мая. № 26. С. 7. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

На чешском языке зарисовки, входившие в подборку «На улицах Праги», были опубликованы: *Nová síla*. 1929. № 28–30. S. 165–166; 1930. № 7–8. S. 47.

¹ Христом Богом прошу, не мучай меня! (*чеш.*).

² Правильно: *zelepinový trh* — овощной рынок (*чеш.*).

³ Овощи — две кроны двадцать. Полкило мяса — восемь крон. А что еще? О, Господи! (*чеш.*).

⁴ Чиженька, чиженька,
Малая пташечка,
Видишь ли, чиженька,
Как сеем мак? (*чеш.*).

⁵ Деревенских (*чеш.*), от *venkov* — деревня.

ОРАВА

Печатается по: *Чхеидзе*. 103/71.

Рукописный автограф очерка выполнен простым карандашом. На первом листе — красной ручкой помета сотрудника, обрабатывавшего архив Чхеидзе: «На конверте штемпель — 11.VI.38».

Орава — область в Словакии, главной достопримечательностью которой является Оравский град, замок, построенный в середине XIII в. на 112-метровом скалистом утесе над рекой Оравой. В 1930-е гг. Чхеидзе бывал в Ораве почти каждое лето и сердечно любил этот край.

¹ *Кралованы* — железнодорожная станция в Словакии в одноименной горной области.

² Имеется в виду гора Вельки Хоч (Большой Хоч, высота 1611 м) в Словакии. С горы открывается величественная панорама Оравы.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

В настоящем разделе представлены русские тексты статей К.А. Чхеидзе на литературные темы. Часть из них была напечатана в русской эмигрантской периодике, часть — и в русских, и в чешских изданиях, некоторые статьи изначально были предназначены для чешского читателя, чем определяется их специфика.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

Впервые: *Чхеидзе К.А.* На литературные темы. Прага, 1932.

Сборник «На литературные темы» был издан К.А. Чхеидзе в Праге в конце 1932 г. типографическим способом и на собственные средства. Основу сборника составили 3 статьи о литературе Советской России: «О современной русской литературе», «Велимир Хлебников», «Комментарий к Маяковскому», а также статья о книге чешского писателя Я.Я. Паулика «Техника флирта».

¹ «*Мира Твоего не приемлю*» — так обозначает Чхеидзе мировоззренческую позицию, заявленную Иваном Карамазовым, героем романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в споре с братом Алешей. Точная цитата: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, Им созданного, не принимаю» (*Достоевский*. 14, 214). «*Мы все взорвем...*» — цитата из стихотворения П. Арского «Песня динамита» (*Арский П.* Песни борьбы. Пб., 1919. С. 5).

² Первая цитата — из рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека», вошедшего в апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. (*Достоевский*. 25, 112), вторая — из стихотворения П. Арского «Песня динамита».

³ Цитата из статьи-некролога В.В. Маяковского «В.В. Хлебников» (1922). См.: Красная новь. 1922. Кн. 4. С. 304.

⁴ Первоначально К.А. Чхеидзе намеревался поместить в сборнике «На литературные темы» только статьи, посвященные русской литературе, поэтому в предисловии он не упоминает статью о книге Я.Я. Паулика «Техника флирта», включенную в сборник позднее.

⁵ Печатается по: *Чхеидзе К.А.* На литературные темы. С. 3–19. Доклад «О современной русской литературе» был прочитан Чхеидзе на открытии Кружка по изучению современной русской литературы 20 декабря 1932 г. (см.: Дневник. Информационный орган русской колонии в ЧСР. 1932. 16 декабря. № 45). План доклада Чхеидзе изложил в письме к Н.А. Сетницкому от 7 декабря 1932 г. (*Сетницкий*, 395–396). Чешский перевод статьи: *O soudobé ruské literatuře // Rozhledy po literatuře a umění*. 1933. № 15. S. 105–106; № 16–17. S. 115–116.

Мысль о литературе как идеалотворчестве, тезис о проективности художественного образа, положенные Чхеидзе в основу доклада, восходят к книге Н.А. Сетницкого «О конечном идеале» (Харбин, 1932) и брошюре А.К. Горского и Н.А. Сетницкого «Заметки об искусстве» (Харбин, 1933, под псевд.: Г. Г. Жежелинский; *Сетницкий*, 231–250). Оба эти издания были присланы ему Н.А. Сетницким в 1932 г. и встретили восторженный отклик (письма Чхеидзе от 17 июня, 7 декабря 1932 // *FP*. I.3.27; *Сетницкий*, 394, 577).

Идеи, заявленные в докладе «О современной русской литературе», Чхеидзе развивал и в других статьях (*Idea-obraz // Akce kulturní, sociální, politická*. 1934. № 7–8. S. 64–65; «Борьба между образами и за образ» — см. в наст. изд.).

⁶ Цитаты из рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» (*Достоевский*. 25, 118–119).

⁷ Там же. С. 112.

КОММЕНТАРИИ

⁸ Все цитаты данного абзаца взяты из «Исповеди» (1879–1882) Л.Н. Толстого (*Толстой*. 23, 12, 13, 27).

⁹ Цитата из статьи В.С. Соловьева «Общий смысл искусства» (1890) (*Соловьев 1924*, 149).

¹⁰ Обе цитаты — из статьи «Общий смысл искусства» (*Соловьев 1924*, 159, 161).

¹¹ Цитата из статьи «Общий смысл искусства» (*Соловьев 1924*, 162).

¹² Статья С.Н. Булгакова «Загадочный мыслитель», впервые опубликованная в «Московском еженедельнике» в 1908 г. и затем вошедшая в его сборник «Два града», была посвящена личности и идеям Н.Ф. Федорова. Касаясь истории идейно-творческих взаимоотношений Федорова и Соловьева, Булгаков отметил линии близости двух мыслителей, указав, что в «основной идее соловьевской эстетики — о конечных задачах искусства» он узнал «выраженную на языке эстетики федоровскую идею “регуляции природы” с “долгом воскрешения” в качестве нравственного центра» (*Булгаков С.Н.* Два града. Исследования о природе общественных идеалов: В 2 т. Т. 2. М., 1911. С. 274).

¹³ К.А. Чхеидзе имеет в виду следующее место из статьи В.С. Соловьева «Общий смысл искусства»: «...когда благодаря успехам прикладных наук мы победим, как думают иные оптимисты, не только пространство и время, но и самую смерть...» (*Соловьев 1924*, 150).

¹⁴ Обе микроцитаты — из стихотворения А.А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

¹⁵ Речь идет о романе писателя Сергея Ивановича *Фонвизина* (1860–1935) «В смутные дни» (1911), действие которого протекает в преддверие и в период первой русской революции 1905 г.: С.И. Фонвизин рисует шаткость духовно-нравственных устоев в русском обществе, брожение в деревне, ненависть к помещикам, выливающуюся в поджоги, насилие и убийства; демонстрирует попытки эсеров посеять смуту в крестьянской среде. В романе показано крушение иллюзий помещика Николая Мухранова, исполненного либеральных идей и веры в нравственную сущность русского народа. Отдельная сюжетная линия — любовь Марины, дочери Мухранова, к «сверхчеловеку» Артемию Хорвату, сильному, циничному самцу, знающему только себя, ее жертва и гибель, так и не оцененные эгоистом Хорватом.

¹⁶ Цитата из стихотворения комсомольского поэта, одного из основателей литературной группы «Молодая гвардия» Александра Жарова «В наши годы» (1926).

¹⁷ *Смертобожничество* — термин, предложенный философами А.К. Горским и Н.А. Сетницким в работе «Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Ч. 1. Борьба словом» (Харбин, 1926; *Сетницкий*, 53–126). Чхеидзе познакомился с печатным текстом работы в 1931–1932 гг. при содействии Сетницкого, выславшего ему экземпляр. В письме Сетницкому от 3 апреля 1933 г. он сообщал: «На меня “Смертобожничество” произвело громадное впечатление» (*Сетницкий*, 398). В указанной работе Горский и Сетницкий раскрывали смертобожнические тенденции в истории христианства — Чхеидзе ищет их и в литературе.

¹⁸ «Откровение в грозе и буре» (1907) — название сочинения писателя-шлиссельбуржца Николая Александровича *Морозова* (1854–1946), представляющего собой оригинальное толкование на Апокалипсис.

¹⁹ «В части с недоумением прочел “Санина”. Он почему-то в каждой части имелся. Очевидно, душеспасителен» (*Маяковский В.В.* Я сам // *Маяковский В.В.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.; Л. 1928. С. 15).

²⁰ В 1912 г. в сборнике «Пощечина общественному вкусу» Хлебников поместил текст «Взор на 1917 год», представлявший собой перечень годов разрушения великих империй. В последней строчке перечня значилось: «Некто 1917» (Пощечина общественному вкусу. М., 1912. С. 112).

²¹ Цитата из стихотворения А. Белого «Родине» (1917).

²² Юрий Николаевич *Либединский* (1898–1959) — писатель, один из основателей группы «Октябрь», сотрудник журналов «На посту» и «На литературном посту», занимал руководящие посты в ВАПП и РАПП. Автор повестей «Неделя» (1922), «Комиссары» (1925), романов «Поворот» (1927) и «Рождение героя» (1930).

²³ Повесть писателя, члена группы «Перевал» Сергея Ивановича *Малашкова* (1888–1988) «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (М., 1927), выдержавшая семь изданий и вызвавшая бурную дискуссию в критике, описывала судьбу деревенской девушки, комсомолки Тани Аристарховой, которая приезжает в Москву с целью получить образование, но, попав в столичную молодежную среду, исповедующую свободу любви, постепенно подвергается растлению, становится участницей «афинских ночей», прибегает к сигаретам и наркотикам.

²⁴ В трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) основным признаком, «выделяющим настоящее искусство от поддельного», Л.Н. Толстой называл «заразительность искусства»: человек «заражается тем состоянием души, в котором находится автор», и поскольку не он один, но и другие воспринимающие испытывают то же душевное состояние, тем самым уничтожается барьер между ним и другими, личность освобождается от одиночества (*Толстой*. 30, 148, 149).

²⁵ Речь идет о романе писательницы Анны Александровны *Караваевой* (1893–1979) «Лесозавод» (Харьков, 1928), посвященном теме взаимодействия города и деревни в новом социалистическом строительстве, и романе Михаила Леонидовича *Слонимского* (1897–1972), члена группы «Серрапионовы братья», «Фома Клешнев» (М.; Л., 1931; переиздан в рус. зарубежье: Berlin., 1931), поднимающем тему «интеллигенция и революция».

²⁶ Николай *Огнев* (наст. имя и фам.: Михаил Григорьевич Розанов; 1888–1938) — писатель, автор трилогии «Дневник Кости Рябцева» (1926), «Исход Никпетожа» (1928), «Три измерения» (1929).

²⁷ См. об этом: *Hagemeister*, 241–457; *Семенова С.Г., Гачева А.Г.* Философ будущего века (личность, учение, судьба идей) // *Pro et contra*. 1, 42–90; *Гачева А.Г.* Философия общего дела Н.Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // *Философский контекст*, 320–374.

²⁸ *Андреевский С.А.* Книга о смерти: В 2 т. Т. 1. Ревель; Берлин, б/г. С. 221. Сергей Андреевич *Андреевский* (1847–1918) — поэт, литературный критик, юрист.

²⁹ В названии и в тексте статьи имя «Велимир» писалось как «Велемир». Чешский перевод: Rozhledy po literatuře a umění. 1932. № 10–11. S. 83–84.

³⁰ Данная запись относится не к 23, а к 24 октября 1915 г. Источник цитаты: Неизданный Хлебников. Вып. 11. М., 1929. С. 18.

³¹ *Татьяна Вечорка* — псевд. Татьяны Владимировны *Толстой* (1892–1965), поэтессы, переводчицы, прозаика. Цитата, приведенная Чхеидзе: *Вечорка Т.* Воспоминания о Хлебникове // Записная книжка Велимира Хлебникова. М., 1925. С. 27.

³² Собрание произведений Велимира Хлебникова / Под общ. ред. *Ю. Тынянова и Н. Степанова*: В 5 т. Л., 1928–1933.

³³ *Степанов Н.* Творчество Велимира Хлебникова // Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. 1. Л., 1928. С. 33.

³⁴ Там же. С. 34.

³⁵ *Вечорка Т.* Воспоминания о Хлебникове. С. 22.

³⁶ Владимир Николаевич *Тукалевский* (1881–1936) — журналист, историк литературы, библиограф, литературный критик. С 1923 г. жил в Праге, заведовал русским отделом Славянской библиотеки.

³⁷ *Вечорка Т.* Воспоминания о Хлебникове. С. 22.

³⁸ См.: *Козлов Д.* Новое о Велемире Хлебникове // Красная новь. 1927. № 8. С. 177.

КОММЕНТАРИИ

³⁹ Эпизод приведен в воспоминаниях Татьяны Вечорки со слов самого Хлебникова: *Вечорка Т.* Воспоминания о Хлебникове. С. 24.

⁴⁰ Излагая биографию В. Хлебникова, Чхеидзе опирается на «Биографические сведения» о поэте, помещенные в 1-м томе «Собрания произведений Велимира Хлебникова» (С. 7–16).

⁴¹ Биографические сведения // Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. 1. С. 11.

⁴² Цитаты из письма В. Хлебникова Н.И. Кульбину (1916) // Там же. С. 12, 13.

⁴³ См. примеч. 20.

⁴⁴ «Собрание произведений Велимира Хлебникова» (см. примеч. 32) выходило в свет в 1928–1933 гг. В 1930 г. вышел четвертый том данного издания, содержащий прозу и драматические произведения поэта.

⁴⁵ Собрание произведений Велимира Хлебникова. Т. 4. Проза и драматические произведения. Л., 1930. С. 37–39.

⁴⁶ *Шкловский В.* Предисловие // *Петровский Д.* Повесть о Хлебникове. М., 1926. С. 4. Источником цитаты послужила статья Н. Степанова «Творчество Велимира Хлебникова» (Там же. Т. 1. С. 37).

⁴⁷ *Степанов Н.* Творчество Велимира Хлебникова. С. 53.

⁴⁸ Это высказывание В. Хлебникова приведено в воспоминаниях Д. Козлова: *Козлов Д.* Новое о Велемире Хлебникове. С. 179.

⁴⁹ *Степанов Н.* Творчество Велимира Хлебникова. С. 42.

⁵⁰ Цитата из статьи В. Хлебникова «Свояси» (Неизданный Хлебников. Вып. VI. Заветание Хлебникова. М., 1928. С. 8).

⁵¹ *Козлов Д.* Новое о Велемире Хлебникове. С. 184.

⁵² Эта и предыдущая цитаты — из статьи «Свояси» (Неизданный Хлебников. С. 9).

⁵³ Цитата из статьи В. Хлебникова «Художники мира!» (1919). VI выпуск серии «Неизданный Хлебников» в количестве 100 экземпляров вышел в свет в 1928 г. Поскольку сборник не поступал в продажу, а вручался или рассылался «Группой друзей Хлебникова» писателям, поэтам, критикам, можно предположить, что Чхеидзе ознакомился с ним через Р.О. Якобсона, в свое время «подготавливавшего к печати “Все написанное Х-лебниковым”» (*Крученых А.* Предисловие // Неизданный Хлебников. Вып. VI. С. 2).

⁵⁴ Отсылка к отрывку «Любхо», являющемуся ярким образцом словотворчества раннего Хлебникова.

⁵⁵ Цитата из предисловия В. Каменского к «Творениям» Хлебникова, изданным в 1914 г. Источник цитаты: *Степанов Н.* Творчество Велимира Хлебникова. С. 35–36.

⁵⁶ Цитата из черновых записей Хлебникова. Чхеидзе приводит ее по статье Н. Степанова «Творчество Велимира Хлебникова» (С. 60), где имеются неточности прочтения текста. Новую расшифровку фрагмента дал В.П. Григорьев: *Григорьев В.П.* Будетлянин. М., 2000. С. 116–117. В новой расшифровке вместо «Новое созвучие» — «Косое созвучие», вместо «Цели — созвучия» — «Целинные созвучия» и др.

⁵⁷ Чешский перевод статьи: *Rozhledy po literatuře a umění.* 1933. № 8–9. S. 57–58. В архиве историка литературы, маяковеда С.А. Трегуба хранится машинопись данной статьи, представляющая собой обратный перевод с чешской публикации, сделанный Вл. Трениным (РГАЛИ. Ф. 2872. Оп. 1. Ед. хр. 746).

⁵⁸ Цитаты из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» (1915). «*Предтеча революции*» — стяжение фразы: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год / А я у вас — его предтеча».

⁵⁹ Все вышеприведенные цитаты — из статьи Н.В. Устрялова «Религия революции (Владимир Маяковский)» (помимо публикации в декабрьском номере харбинского жур-

нала «Окно» за 1920 г. статья была напечатана в сборнике статей Устрялова «Под знаком революции» (Харбин, 1925. С. 280–292)).

⁶⁰ Точное название статьи «О поколении, растратившем своих поэтов». Статья Р.О. Якобсона была напечатана в сборнике «Смерть Владимира Маяковского» (Берлин, 1931). Далее при цитатах Чхеидзе приводит страницы этого издания.

⁶¹ *Емельян Ярославский* (наст. имя и фам.: Миней Израилевич Губельман; 1878–1943) — партийный деятель, публицист, председатель Союза воинствующих безбожников, член редколлегии журнала «Безбожник», один из идеологов антирелигиозной кампании в СССР.

⁶² Цитата из «вступления в поэму» «Во весь голос» (1930).

⁶³ Слова Кириллова, одного из героев романа «Бесы» (*Достоевский*. 10, 94).

⁶⁴ Речь идет об издании: Избранный Маяковский. Берлин; Москва: Накануне, 1923.

⁶⁵ *Достоевский*. 10, 470.

⁶⁶ Цитата из «Мистерии-буфф» (1918, 2-я редакция — 1921).

⁶⁷ *Устрялов Н.В.* Религия революции (Владимир Маяковский) // Устрялов Н.В. Под знаком революции. С. 282.

⁶⁸ Там же. С. 288.

⁶⁹ Цитируемое письмо было ответом Ф.М. Достоевского на присланное учеником Н.Ф. Федорова Николаем Павловичем *Петерсоном* (1844–1919) изложение идей философа всеобщего дела. Выражая горячий интерес к личности и идеям мыслителя («их я прочел как бы за свои»), Достоевский сообщал, что познакомил с присланным текстом В.С. Соловьева и имел с ним двухчасовую беседу о его содержании (*Достоевский*. 30(1), 14). В журнале «Русский архив» письмо впервые было опубликовано полностью, ранее с небольшими купюрами оно было напечатано в газете «Дон» с предисловием Н.Ф. Федорова (1897. 20 июля. № 80). См. подробнее: *Федоров. Доп.*, 40–41.

⁷⁰ Цитату из вступления в поэму «Во весь голос» Чхеидзе дает по изданию: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. IX. М.; Л., 1931. С. 116.

⁷¹ Речь идет об издании: *Маяковский В.В.* Вещи этого года (до 1 августа 1923 г.). Берлин: Накануне, 1924.

⁷² Иона Пантелеймонович *Брихничев* (1879–1968) — священник, поэт, публицист, лидер движения «голгофских христиан». Издатель религиозно-философского еженедельника «Встань, спящий!» (1906). В 1907 г. за политическую деятельность был лишен сана. В 1906–1907 гг. сблизился с членами Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева В.Ф. Эрном, В.П. Свенцицким и архимандритом Михаилом (Семеновым), с 1908 г. — с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. С октября 1910 г. обосновался в Москве, был инициатором и организатором газеты «Новая земля», при которой издавал религиозно-философскую библиотечку, журнала «Новое вино». В 1913 г. был выслан из Москвы, жил в Одессе, где в 1914 г. вместе с А.К. Горским выпустил сборник «Вселенское Дело», посвященный памяти Н.Ф. Федорова. Автор стихотворных сборников «Капля крови» (Вып. 1. М., 1912), «Осанна» (Одесса, 1914), «Пути живые» (М., 1916), «Литургия целому» (М., 1917), книги проповедей «Огненный сеятель» (М., 1913), брошюры «Что такое голгофское христианство?» (М., 1912). После революции остался в СССР. С мая 1922 г. работал секретарем Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол). Став членом Союза воинствующих безбожников, вошел в редколлегия журнала «Безбожник». Сведения об Ионе Брихничеве и его «перерождении убеждений» Чхеидзе получил от Н.А. Сетницкого (письма от 22 декабря 1931 г., 31 мая 1932 г. (*Сетницкий*, 385; *FR*. I.3.37)). Александр Иванович *Введенский* (1888–1946) — церковный деятель. Еще в дореволюционные годы выступал за преодоление косности официального православия. Участвовал в разработке литургической, канонической и приходской реформ. В 1922 г. стал одним из лидеров обновленчества. После раскола обновленческой «Живой церкви»

возглавил «Союз общин древлеапостольской церкви». Проповедовал идеи христианско-социализма, подчеркивал, что церковь не должна уходить от мира, напротив, активно действовать в нем, спасая и преображая реальность. Призывал духовенство овладевать научными и философскими знаниями (сам Введенский был энциклопедически образованным человеком и имел 8 дипломов), выступал за союз веры, науки и искусства в деле христианского служения. Опираясь на идеи Бергсона, полагал в основу мира «творческий импульс», вершинной точкой всемирной эволюции считал явление Богочеловека Иисуса Христа, в котором соединены Божественное и человеческое, бесконечное и конечное.

⁷³ Точная формулировка: «Бездна призывает бездну» — это выражение, восходящее к 41 псалму («Бездна бездну призывает голосом водопадов твоих» — Пс. 41:8), избрано Н.С. Лесковым в качестве заглавия второй части антинигилистического романа «На ножах» (1870–1871). В «романной хронике» «Соборяне» (1872) оно звучит в споре героев «на рауте» в доме исправника.

⁷⁴ О сборнике «Вселенское Дело», выпущенном И.П. Брехничевым и А.К. Горским в Одессе в 1914 г., Чхеидзе сообщил Н.А. Сетницкий в письме от 22 декабря 1931 г. (*Сетницкий*, 385). Судя по дальнейшему изложению, Чхеидзе в Праге удалось познакомиться со сборником, большая часть тиража которого погибла после начала Первой мировой войны. Подробнее об истории создания сборника см.: *Hagemester*, 230–239; *Pro et contra*. II, 1074–1077.

⁷⁵ Любовь Никитична *Столица* (1884–1934) — поэтесса, драматург. Помимо сборника «Вселенское Дело», где были напечатаны фрагменты циклов «Страстные песни» и «Добрый пастырь», принимала участие в издававшемся *И.П. Брехничевым* (см. примеч. 72) журнале «Новое вино» (М., 1912–1913. Вып. 1–3). После революции эмигрировала в Софию. *Горностаев А.* — литературный псевдоним Александра Константиновича *Горского* (1886–1943), философа, эстетика, поэта, творчески развивавшего идеи Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева.

⁷⁶ От редакции // Вселенское Дело. Вып. 1. Одесса, 1914. С. IX.

⁷⁷ Цитата из поэмы «Пятый Интернационал» (1922).

⁷⁸ Чхеидзе цитирует ответ В.Я. Брюсова на анкету, которую редакторы сборника в 1913 г. разослали ряду деятелей русской культуры с целью выяснить их отношение к проблеме смерти и бессмертия. Ответ был выполнен в форме письма и озаглавлен «О смерти, воскресении и воскрешении» (Вселенское Дело. Вып. 1. С. 49–50; републиковано: *Pro et contra*. II, 287–289). Об отношении В.Я. Брюсова к идеям Н.Ф. Федорова см.: *Семенова С.Г.* Философ будущего века — Николай Федоров. М., 2004. С. 519–523; *Pro et contra*. I, 42–43, 979.

⁷⁹ Отсылка к статье И.М. Луценко «Пределы жизни (Холод и его влияние на жизнь)» (Вселенское Дело. Вып. 1. С. 99–104), в которой излагались опыты Порфирия Ивановича *Бахметьева* (1860–1913) — русского физика и биолога, исследовавшего влияние переохлаждения на организм человека, впервые вызвавшего экспериментально анабиоз у насекомых, рыб, летучих мышей с последующим восстановлением их нормальной жизнедеятельности. Цитата, приведенная Чхеидзе, принадлежит не П.И. Бахметьеву, а И.М. Луценко. В сборнике «Вселенское Дело» была помещена и статья самого П.И. Бахметьева «Седалище души (анабиоз)» (С. 59–85).

⁸⁰ Рауль *Пикте* (1846–1929) — швейцарский физик, занимавшийся экспериментами и исследованиями в области физики низких температур. В статье И.М. Луценко рассказывалось об опытах Р. Пикте, связанных с изучением влияния холода на организм высших животных и человека, в частности, об экспериментах ученого над собой (в 1894 г. он, закутанный в шубу, проводил в холодильнике с температурой –110° от 8 до 11 минут). См.: Вселенское Дело. Вып. 1. С. 101–104. Комментируя эксперименты П. Бахметьева и Р. Пикте, И.М. Луценко писал, что они «расширяют наши познания о жизни, раздвигают ее пределы, открывают нам новые горизонты для ее проявления, а также ее сохранения и продления» (С. 104).

КОММЕНТАРИИ

⁸¹ Цитаты из диалога Ставрогина и Кириллова в романе «Бесы» (*Достоевский*. 10, 188).

⁸² 28 декабря 1932 г. Н.А. Сетницкий, получив от К.А. Чхеидзе статью «Комментарий к Маяковскому», писал своему пражскому корреспонденту: «Статью о Маяковском я прочел. Конечно, для утверждения о том, что он читал “Вселенское Дело”, оснований нет, но что он его видел и мог видеть, то это очень вероятно (это могло быть у Брюсова и других). Но кроме того он знал о всех этих делах и более непосредственно с 1921 года от бр<ать>ев Шманкевичей, которые общались с А.К. Горн<остаевым>. Помнится, однако, что они отмечали, что по поводу разговоров на федоровские темы он гаерствовал довольно безобразно. Но, конечно, это не обозначает того, что он ничего не усвоил из него» (FP. I.3.37).

⁸³ Ярослав Ян Паулик (1895–1945) — чешский поэт, писатель, мыслитель, переводчик, редактор журналов «Проспект» (1930–1931), «Дебаты Авентина» (1932–1934), «Новости литературы» (1938–1941). Полное название книги Я. Паулика, рецензируемой Чхеидзе: «Technika flirtu neboli umění nedokonale milovati: Essaye a prosy». Praha, 1932; издательство «Квасничка и Гамплъ» («Техника флирта, или Несовершенное искусство любить: Эссе и проза»). Книга включала 15 ироничных эссе о флирте и любви, мужчине и женщине, о проникновении технических достижений современной цивилизации (граммофон, джаз) в повседневную жизнь людей. Цитируя книгу Паулика, Чхеидзе дает собственный перевод приводимых им фрагментов. За помощь в подготовке данного комментария приношу благодарность Й. Вацеку.

⁸⁴ Сборник своих статей, посвященных чешской литературе, К.А. Чхеидзе выпустить не удалось.

⁸⁵ Лев Семенович Фридланд (1888–1960) — советский врач-венеролог, писатель, популяризатор медицины. Автор нашумевшей книги «За закрытой дверью. Записки врача-венеролога» (М., 1927).

⁸⁶ Горгий (ок. 483 до н.э. — 375 до н.э.) — древнегреческий философ-софист. В сочинении «О несуществующем, или О природе» выдвинул три взаимосвязанных тезиса: «ничто не существует», «если [что-либо] и существует, то оно непознаваемо для человека», а если и познаваемо, то не может быть передано и объяснено другому (Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 318–319).

⁸⁷ Ничего нет (*лат.*).

⁸⁸ «Природа ненавидит разум». Эту фразу О. Уайльд в диалоге об искусстве «Упадок искусства лжи» вкладывает в уста Вивиана, защитника идеи автономности искусства, которое «никогда не выражает ничего, кроме себя самого» (*Wilde O. The Decay of Lying*, 1889. Электронную публикацию диалога «Упадок искусства лжи» в пер. А. Махлиной см.: www.lib.spnet.ru/koi.pl/WILDE/esse_upadok.txt).

⁸⁹ *Snad* — вероятно, возможно (*чеш.*).

ПУШКИН

Впервые: Новая Искра. 1937. 19 февраля. № 34. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Статья написана в год 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина, широко отмечавшегося как в Советской России, так и в эмиграции. Концепция творчества Пушкина, представленная Чхеидзе, во многом опирается на идеи «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского (*Достоевский*. 26, 136–149).

¹ Источник цитаты не установлен.

² Из стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).

³ Цитата из книги Павла Никитича *Сакулина* (1868–1930), литературоведа, представителя культурно-исторической школы, активно разрабатывавшего социологический метод исследования литературы, «Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей» (Ч. 2. М., 1929. С. 572).

⁴ Чхеидзе отсылает к работе Альфреда Людвиговича *Бема* (1886–1945), литературоведа, руководителя семинария по изучению творчества Ф.М. Достоевского при Русском народном университете в Праге, «Мировое значение Пушкина» (Прага, 1936).

⁵ См.: *Достоевский*. 26, 140–143.

⁶ Отсылка к статье Н.В. Гоголя «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 369–409).

О КАЧЕСТВАХ КАРАМАЗОВСКОЙ ДУШИ

Впервые: Казачий сполох. 1925. № 6–7. С. 44–47; подпись: «К. Чхеидзе».

В воспоминаниях, перечисляя те фигуры русской литературы, которые имели особое значение для его внутреннего становления, К.А. Чхеидзе признавался: «Очень многое в моем сознании определил Достоевский»; «“Братья Карамазовы”, “Записки из Мертвого дома”, “Преступление и наказание”, “Бесы” потрясли мою душу до самых ее корней. Роман “Бесы” я прочитал за свою жизнь не менее 20-ти раз, “Братьев Карамазовых” больше десяти раз» (*Воспоминания*, 38, 46).

В 1925 г., когда была написана статья «О качествах Карамазовской души», в Праге в районе Ржичаны по инициативе Союза русских студентов в СССР была открыта Библиотека имени Ф.М. Достоевского, а при ней — литературный кружок по изучению Достоевского, членом которого стал Чхеидзе. На заседании 13 мая, посвященном открытию библиотеки, он сделал доклад «О Достоевском», прозвучавший после докладов В.В. Зеньковского «Достоевский как художник» и П.Н. Савицкого «Россия и Европа в произведениях Ф.М. Достоевского» (Библиотека имени Ф.М. Достоевского // Годы. 1925. № 3 (20). С. 29). Время от времени Чхеидзе посещал и семинарий по Достоевскому А.Л. Бема. Так, 11 декабря 1929 г. он присутствовал на докладе Р.В. Плетнева «Из истории русского утопизма (Н.Ф. Федоров и Ф.М. Достоевский)» (краткий конспект доклада приведен в письме Сетницкому от 19 марта 1933 г. // *ФР*. I.3.27).

В программных статьях Чхеидзе «О современной русской литературе» и «Борьба между образами и за образ» фигура Достоевского воплощает в себе полноту идеалотворческих устремлений отечественной классики, ставится в параллель с фигурами Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, искавших совершенного строя жизни, преображения мира и человека.

В письме Н.А. Сетницкому от 10 декабря 1931 г., говоря о своем увлечении идеями Н.Ф. Федорова, К.А. Чхеидзе так комментировал статью «О качествах Карамазовской души»: «Посылаю Вам свою старую — поистине детскую — статью о братьях Карамазовых. Она только потому интересна, что в ней есть элемент предчувствия “федоровства” в Достоевском. Писал эту статейку самостоятельно (т.е. не считаясь с традицией) — по “внушению сердца”» (*Сетницкий*, 383).

¹ Представление о том, что роман «Братья Карамазовы» не завершен и Достоевский собирался писать его продолжение, где герои действовали бы уже «в теперешний текущий момент», базировалось как на прямом указании самого писателя в начале романа (*Достоевский*. 14, 6), так и на свидетельствах современников. Так, А.С. Суворин в статье «Недельные очерки и картинки. О покойном», напечатанной после смерти Достоевского, подчеркивал намерение писателя сделать из Алеши Карамазова «русского социалиста»

КОММЕНТАРИИ

(Новое время. 1881. 1 февраля, № 1771). А в 1923 г. был издан его дневник, в котором Суворин оставил свидетельство о своей беседе с Достоевским 20 февраля 1880 г., во время которой Достоевский очертил замысел второго романа о Карамазовых, «где героем будет Алеша»: он должен пройти «через монастырь» и «сделаться революционером» (*Суворин А.С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 16*). Сторонником именно такой версии продолжения «Братьев Карамазовых» был литературовед Л.П. Гроссман.

² Говоря так, К.А. Чхеидзе оставляет без внимания «земляную» карамазовскую силу, которая действует в каждом из братьев, в том числе и в праведнике Алеше (недаром говорит ему Дмитрий: «И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит» (*Достоевский. 14, 100*)). В 1928 г. В.Л. Комарович в работе «Отцеубийство и учение Н.Ф. Федорова о “телесном воскрешении”», вошедшей в немецкое издание подготовительных материалов к роману «Братья Карамазовы», указывает, опираясь на идеи «Смысла любви» В.С. Соловьева и «положительного целомудрия» Н.Ф. Федорова, пути преображения этой «необделанной», страстной силы, «слепого влечения пола», в силу светлую и творческую (*Komarowitsch W. Der Vatermord und Fjodoroffs Lehre von der «Fleischlichen Auferstehung» // Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. München, 1928. S. 42–44*).

³ Резко отрицательная характеристика Ивана Карамазова, утверждение, что Иван сознательно выбирает зло, ненавидит жизнь, ненавидит брата Алешу, является упрощением образа. Чхеидзе идет здесь не столько от текста романа, сколько от личных, априорных убеждений.

⁴ Мф 5:8.

⁵ Все цитаты абзаца — из покаянной молитвы преп. Ефрема Сирина, читаемой во время Великого поста.

ДЕНОНОЩЬ

Впервые: Годы. 1926. № 4 (26). С. 31–33. Подпись: «Констал».

¹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Когда я прозрел впервые» (1909).

² Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «За городом в полях весною воздух дышит...» (1901).

³ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Разгораются тайные знаки» (1902).

⁴ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Попугай» (1909).

⁵ Цитата из стихотворения А.А. Блока «На темном пороге тайком...» (1902).

⁶ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Кругом далекая равнина...» (1901).

⁷ Цитаты из стихотворения А.А. Блока «О, я хочу безумно жить...» (1914).

⁸ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Разгораются тайные знаки...»

⁹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «За городом в полях весною воздух дышит...»

¹⁰ Цитата из того же стихотворения.

¹¹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Просыпаюсь я — и в поле туманно...» (1903).

¹² Цитата из стихотворения А.А. Блока «Ночь как ночь — и улица пустынна...» (1908).

¹³ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Когда, вступая в мир огромный...» (1909).

¹⁴ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Безмолвный призрак в терему...», входящего в мини-цикл «Religio» (1902).

¹⁵ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» (1899).

¹⁶ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Пройдет зима — увидишь ты...» (1901).

¹⁷ Цитаты из стихотворения А.А. Блока «Усталый от дневных блужданий...» (1898).

КОММЕНТАРИИ

- ¹⁸ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).
- ¹⁹ Стихотворение А.А. Блока «Увижу я, как будет погигать...» (1900), процитированное Чхеидзе, входит в цикл «Ante lucem» («До света»).
- ²⁰ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Как тяжело ходить среди людей...» (1910).
- ²¹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «В голодной и больной неволе...» (1909).
- ²² Цитата из стихотворения А.А. Блока «Верю в Солнце Завета...» (1902).
- ²³ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Ты святая, но я Тебе не верю...» (1902).
- ²⁴ Poleмический выпад против утверждения П.П. Сувчинского, высказанного в предисловии к зарубежному изданию поэмы А.А. Блока «Двенадцать»: «Образ Христа “в белом венчике из роз” неубедительный, тусклый, чужой, случайный и безответственный, даже недопустимо безответственный, кощунственный...» (*Сувчинский П.П.* [Предисловие] // *Блок А.А.* Двенадцать. София, 1920. С. 6).
- ²⁵ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Вечереющий сумрак, поверь...» (1901).
- ²⁶ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Как растет тревога к ночи!..» (1913).
- ²⁷ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Как свершилось, как случилось?...» (1912).
- ²⁸ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Мой бедный, мой далекий друг!..» (1912).
- ²⁹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «В сыром ночном тумане...» (1912).
- ³⁰ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...» (1903).
- ³¹ Цитата из стихотворного цикла А.А. Блока «Молитвы» (1904).
- ³² Цитата из стихотворения А.А. Блока «Голос из хора» (1910–1914).
- ³³ Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Я ухо приложил к земле...» (1907).
- ³⁴ Цитата из стихотворения А.А. Блока «В огне и холоде тревог» (1910–1914).
- ³⁵ Имеется в виду пессимистическая оценка России и ее путей в истории, данная в первом философическом письме П.Я. Чаадаева: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. <...> Мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обречем себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб» (*Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. Т. I. М., 1991. С. 326).
- ³⁶ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Одиночество» (1909).
- ³⁷ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Я надел разноцветные перья...» (1902).
- ³⁸ Неточная цитата из стихотворного цикла А.А. Блока «Молитвы».
- ³⁹ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Дали слепы, дни безгневны...» (1904).
- ⁴⁰ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Озера» (1908).
- ⁴¹ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Старина» (1908).
- ⁴² Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Театр» (до 16 апреля 1910).
- ⁴³ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Разгораятся тайные знаки...».
- ⁴⁴ «*Визу зори вдали...*» — цитата из стихотворения А.А. Блока «Верю в Солнце Завета...». «*Полному веры безмерной / К утру возможно дойти*» — цитата из стихотворения А.А. Блока «Медленно, тяжело и верно...» (1900).
- ⁴⁵ Цитата из стихотворения Н.С. Гумилева «Молитва» (до 1910).
- ⁴⁶ Цитата из стихотворения А.А. Блока «Когда мы встретились с тобой...» (1910–1914).
- ⁴⁷ Цитата из стихотворения А.А. Блока «О, я хочу безумно жить...»
- ⁴⁸ Отсылка к поэме С.А. Есенина «Преображение» (1917).

МИХ<АИЛ> ШОЛОХОВ. «ТИХИЙ ДОН»

Впервые: Казачий сполох. 1929. № 18. С. 28–30; № 19–20. С. 34–36. Подпись: «К. Чхеидзе».

¹ Цитата из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1858).

² Литературный критик и переводчик Юрий Исаевич *Айхенвальд* (1872–1928) развивал представление об искусстве как вдохновенном «творчестве жизни», не отражающем, но опережающем время, о личности художника, более значимой для понимания произведения, чем «историко-культурные факторы», и о задаче критика, смысл работы которого состоит в выявлении глубинного смысла произведения, сокровенной идеи творца. Чтобы справиться с этой задачей, критик прежде всего должен быть внимательным и умным читателем. «В сущности, понятия *критик* и *читатель* внутренне синонимичны. Критик — первый, лучший из читателей; для него более, чем для кого бы то ни было, написаны и предназначены страницы поэта» (*Айхенвальд Ю.* Вступление // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Вып. 1. М. 1914. С. XXV).

³ См. примеч. 24 к сборнику «На литературные темы».

⁴ Георгий Дмитриевич *Гребеников* (1882–1964) — писатель, публицист. Был близко знаком с Н.К. Рерихом, по совету которого в 1924 г. переехал в США, основав в штате Коннектикут духовный и культурный центр «Чураевка». К.А. Чхеидзе отсылает к его книге «Гонец. Письма с Помпеярага». Книга открывается образом Гонца, который мчит другу послание «через все препятствия» и должен вернуться «с новой окрыляющею вестью». Автор исполнен чаяния «Светлого Града», говорит о необходимости утвердить в человеческих сердцах «Радость Бытия»: «Радость Бытия — это такая магическая движущая сила, что если бы люди могли как можно чаще прибегать к этому источнику, — вся жизнь преобразилась бы на наших глазах». Он подчеркивает, что как личность, так и народ должны иметь перед собой «Закон высокого порядка», воспитывать себя и идти к совершенству (*Гребеников Г.* Гонец. Письма с Помпеярага. Southbury, 1928. С. 5, 6, 12, 85).

⁵ Чхеидзе дает обширную цитату из главы «Две утренних тропы (Продолжение письма к учительнице Н.И.)»: Там же. С. 137–141. В нескольких местах он переводит цитирование в пересказ.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Впервые: Новая Искра. 1936. 12 августа. № 146. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Статья написана в год смерти А.М. Горького, скончавшегося 18 июня 1936 г. На чешском языке в расширенном виде была напечатана в октябре 1936 г. в литературно-художественном журнале «Элан»: *Elán*. 1936. № 1. S. 6–7.

Внимание К.А. Чхеидзе к творчеству А.М. Горького возрастает в начале 1930-х гг. под влиянием эпистолярного общения с Н.А. Сетницким, подчеркивавшим интерес писателя к идеям Н.Ф. Федорова. В мае 1935 г. Сетницкий отправил в Прагу для отделения *Fedogoviana Pragensia* свой харбинский архив, в котором содержались два письма А.М. Горького (хранятся: *FP. I.3.27*).

¹ Позднее в воспоминаниях Чхеидзе привел диалог, развернувшийся между ним и его земляком Сабэ Кибиновым, с которым они вместе работали в Болгарии на постройке школы:

«В полной тишине Сабэ и я лежали у костра, наблюдая за золотистым диском луны. Какой безмятежный абсолютный отдых. Гражданская война отгремела, мы оба не искалечены, молодцы, работоспособны, обеспечены всем необходимым. Над нами никакого начальства — “бай-майстор” не в счет. Мы вольны, как птицы. Мы ни к кому не принад-

КОММЕНТАРИИ

лежим и никому, в сущности, не нужны. Мы — босяки Максима Горького. Мы во власти судьбы или Бога, наш единственный закон — совесть (если она есть).

— Ты читал Горького, Сабэ?

— Читал, когда мне не было еще двадцати лет. Потом бросил.

— Разонравился? Разве он плохой писатель?

— Писатель не плохой, но человек паршивый. Поэтому и перестал читать.

— Как это ты знаешь, что паршивый? Знаком с ним?

— Не знаком. Однажды читал его рассказ, как он был на Кавказе. Там он себя называет, но все равно он всегда себя описывает. Так он пишет, что его герой одолжил какому-то спутнику-кавказцу бурку, а тот ему не вернул — попросту говоря, украл. Позже во владикавказской газете “Терек” этот самый спутник написал, что, наоборот, это он одолжил герою Горького бурку, а тот ее не вернул. Грязная история. Терпеть не могу грязи.

— Ну, брат, такие вещи надо проверять. Может быть, кому-нибудь понадобилось опочить Горького и все это выдумка.

— Не знаю, может быть. Но черт с ним, есть писатели лучше.

...Бессспорно, есть писатели “лучше”. Но ведь для некоторых, для многих — он “наилучший” писатель. Горький — писатель, отразивший эпоху, и один из тех, кто ее создал. Он — певец свободы, идеолог свободно развивающейся личности, отдельные его мотивы перекликаются с грозной поэмой Ницше о сверхчеловеке, не признающем никакого насилия. В социальном плане три автора из разных стран и различных темпераментов сотворили тип интеллигентного бродяги, претендующего на руководство массами. На Севере — Кнут Гамсун (люди созданного им типа впоследствии сыграли известную роль при гитлеровской оккупации), на Юге — д’Аннунцио, предшественник фашистов по устремлениям и действиям (авантюра с захватом Фиуме-Виеси), в России — Горький, вооруживший своими идеями борцов за освобождение пролетариата» (*Воспоминания*. С. 384–385).

² Чхеидзе имеет в виду романы известного политического деятеля, террориста, одного из ведущих деятелей партии эсеров Бориса Викторовича *Савинкова* (псевд.: В. Ропшин; 1879–1925) «Конь бледный» (1909) и «Конь вороной» (1923). В романах, имеющих автобиографическую основу, насыщенных евангельскими образами и цитатами из «Откровения Иоанна Богослова», Савинков рисует образы молодых террористов, готовых во имя свободы и справедливости на подвиг и жертву. Они искренно веруют во Христа, говорят о братской любви и при этом идут на убийство; проливая кровь, страдают и чувствуют грех. Так, Ваня, один из героев, пишет из тюрьмы после убийства губернатора: «Я верю: не мечом, а любовью спасется мир, как любовью он и устроится. Но я не знал в себе силы жить во имя любви и я понял, что могу и должен во имя ее умереть» (*Ропшин В. Конь бледный*. СПб.; М., 1912. С. 90).

³ *Горький М.* Воспоминания о Толстом. Берлин, 1921. С. 46–48, 51.

⁴ Чхеидзе цитирует доклад А.М. Горького в рамках Первого Всесоюзного съезда советских писателей, прозвучавший на заседании 17 августа 1934 г., по стенограмме, опубликованной в газете «Правда» (О советской литературе. Доклад А.М. Горького // *Правда*. 1934. 19 августа. № 228). Ср.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 6, 8.

ЧЕЛОВЕК И БЫТ В ПОДСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Впервые: *Знамя России*. 1937. № 6–7 (84–95). С. 6–11. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

¹ Роман писательницы, драматурга Александры Ивановны *Воиновой* (1885–?) «Самоцветы» вышел в издательстве «Земля и Фабрика» в 1930 г. «Самоцветы», созданные в

жанре производственного романа, ставили вопрос о принципах и формах нового строительства, о возможности или невозможности участия в нем «спецов», людей непролетарского происхождения, о судьбах оставшихся в стране представителей дворянского сословия, любящих Россию, но не находящих в ней применения собственным силам. Герой-повествователь, инженер Окрешков, в образе которого проступают черты подпольного человека Достоевского, стремится вписаться в советскую действительность любыми способами. Он интригует за спиной своего начальника Хряпина, вовлекая в изощренную игру сослуживцев и родственников, дабы войти в доверие к Хряпину и тем самым избежать «чистки». В конечном итоге интрига оборачивается катастрофой: гибнет молодая супруга Хряпина из «бывших», которую Окрешков намеренно свел с начальником-коммунистом.

В СССР роман, сразу после выхода в свет выпущенный и в Берлине, в конце концов оказался в числе запрещенных книг, поводом к чему послужило нелицеприятное описание нравов треста «Цветные камни», в котором работают Хряпин и Окрешков, а также обрисованные с явной симпатией фигуры сенатора Николая Константиновича Еланина и первой жены Хряпина Надежды Васильевны. Цитаты, приводимые Чхеидзе: *Воинова А.И. Самоцветы*. М.; Л., 1930. С. 95, 198, 185.

К.А. Чхеидзе с интересом отнесся к роману А.И. Воиновой. 17 января 1933 г. он участвовал в дискуссии «О “Самоцветах” Воиновой», состоявшейся в Русском народном университете (*Хроника*. II, 167).

² Неточная цитата из заметки В.И. Ленина «О пролетарской культуре», написанной 8 октября 1920 г. в связи с проходившим 5–12 октября в Москве Первым Всероссийским съездом Пролеткульта. Ленин предлагал «провести от имени Цека и в коллегии Наркомпроса и на съезде Пролеткульта» резолюцию, осуждающую стремление Пролеткульта к строительству «своей особой культуры», подчеркивая необходимость для пролетарских организаций действовать «под общим руководством Советской власти» и осуществлять «свои задачи как часть задач пролетарской диктатуры». При этом Ленин утверждал, что марксизм, будучи «идеологией революционного пролетариата», «отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры», и, выступая за «развитие действительно пролетарской культуры», нужно это учитывать (*Ленин В.И. Сочинения*. Т. 25. М.; Л., 1928. С. 409–410).

³ Цитата из «Песни динамита» П.С. Арского (см. примеч. 1 к сборнику «На литературные темы»). По духу и пафосу эти строки близки строкам Интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим / До основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим».

⁴ Имеется в виду постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» (напечатано: *Правда*. 1932. 24 апреля. № 114). В постановлении говорилось о ликвидации Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей и Российской ассоциации пролетарских писателей, об объединении «писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей».

⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Лозунг «учебы у классиков» был выдвинут еще во второй половине 1920-х гг. идеологами и критиками журнала «На литературном посту», бывшего литературным органом РАПП. В переосмысленном виде был провозглашен секретарем ЦК ВКП (б) А.А. Ждановым в программной речи на Первом Съезде писателей. Говоря о методе социалистического реализма как главном методе советской литературы, Жданов подчеркивал, что эта литература должна отобрать «все лучшее, что создано» в области искусства слова «всеми предшествующими эпохами», широко применяя разнообразные «жанры, стили, формы и приемы литературного творчества» (Первый Всесоюзный съезд

советских писателей. 1934. Стенографический отчет. С. 5). *Призыв к изучению фольклора*, создавшего «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев», содержался в докладе М. Горького (С. 8). В соответствии с программными установками съезда в 1930-е гг. развернулась широкая кампания по изучению, собиранию и пропаганде фольклора народов СССР, изданию русских и зарубежных классиков (Пушкина, Толстого, Бальзака и др.), учеба у которых вменялась в обязанность творцам новой литературы.

⁶ Речь идет об истории запрещения оперы-фарса «Богатыри», поставленной в 1936 г. Московским камерным театром. Либретто оперы на музыку А.П. Бородина (1867), написанное драматургом В.А. Крыловым, было сатирически переработано Демьяном Бедным. Постановка вызвала резкое недовольство В.М. Молотова и И.В. Сталина. Демьян Бедный и режиссер спектакля А.Я. Таиров были обвинены в создании политически вредного спектакля, искажающего историческое прошлое России и клеветнического на русский народ. Постановлением Всесоюзного комитета по делам искусств от 13 ноября 1936 г. спектакль был запрещен.

⁷ *Бруно Ясенский* (наст. имя и фам.: Виктор Яковлевич Зисман, 1901–1938) — польский и русский поэт, писатель, драматург. В 1925 г. эмигрировал в Париж. С 1929 г. жил в СССР, писал на русском языке. Роман «Человек меняет кожу» (1932–1933), созданный по следам поездки в Таджикистан, описывал судьбу американского инженера Кларка, приехавшего в СССР и работающего на одной из знаменитых строек первой пятилетки — постройке плотины через реку Вахш в Таджикистане. В начале романа Кларк предстает как человек, который не верит в социализм, считает «богатство единственным стимулом человеческой изобретательности и энергии». Но как спортсмену ему нравится «страна, затеявшая небывалый эксперимент и отстаивавшая его наперекор всему миру», и он хочет принять участие в этом историческом состязании. По ходу развития сюжета Кларк переживает идейный переворот, а в конце романа спасает построенную плотину от налета басмачей, стремящихся открыть шлюзы и затопить долину. Цитата, приведенная Чхеидзе: *Бруно Ясенский. Человек меняет кожу: В 2 кн. Кн. 1. М., 1933. С. 29.*

⁸ *Воинова А.И. Самоцветы. С. 146.*

⁹ Там же. С. 182, 69.

¹⁰ *Панферов Ф.И. Бруски. Кн. 3. Твердой поступью. М., 1933. С. 50–51.* Цитата дана в сокращении.

¹¹ Там же. С. 294–295.

¹² В повести Ю. Либединского «Комиссары» (1925), действие которой протекает вскоре после окончания Гражданской войны, рисуется процесс постепенного омещания военных комиссаров в условиях мирной жизни. Они впадают в «скуку», сосредоточиваются на личных проблемах, подчиняются влиянию «обволакивающей среды». См.: *Либединский Ю. Комиссары. Л., 1926.*

¹³ *Пильняк Б.А. Красное дерево. Берлин, 1929. С. 36, 61.*

¹⁴ *Панферов Ф. Бруски. Кн. 3. Твердой поступью. С. 294–295.*

¹⁵ *Воинова А.И. Самоцветы. С. 30, 117.*

¹⁶ Роман Ю. Либединского «Рождение героя» (Л., 1930) рассказывает о судьбе старого коммуниста Степана Шорохова. Потеряв жену-соратницу Наташу, он сходится с молодой свояченицей Любой, ухаживающей за его детьми. Либединский описывает любовные переживания Шорохова, его влечение и одновременно отталкивание от Любы, которая любит его слишком земно, слишком «мещански». На другом романном полюсе — фигуры детей Шорохова, младшего Вальки и старшего Бориса, который учится брать на себя ответственность за других и стремится создать колонию для детей, терпящих насилие в семье, страдающих от невнимания и непонимания взрослых.

¹⁷ Борис Леонтьевич *Горбатов* (1908–1954) — писатель, публицист. Роман «Мое поколение» (1933) описывал судьбы сверстников писателя в годы революции, Гражданской

КОММЕНТАРИИ

войны, первых лет мирного строительства, их вступление в жизнь, участие в комсомольской организации, мечты о будущем.

¹⁸ *Воинова А.И.* Самоцветы. С. 117.

¹⁹ *Огнев Н.* Начало жизни: Литературная композиция. М., 1933. С. 104.

²⁰ *Воинова А.И.* Самоцветы. С. 146. Цитата дана в сокращенном виде.

²¹ *Сейфуллина Л.* Перегной. М., 1925. С. 18.

²² *Замойский П.* Поворот. М., 1933. С. 44–45. Петр Иванович *Замойский* (1896–1958) — писатель, ответственный секретарь Всероссийского общества крестьянских писателей.

²³ *Воинова А.И.* Самоцветы. С. 54.

²⁴ *Панферов Ф.* Бруски. Кн. 3. Твердой поступью. С. 318, 319.

²⁵ *Шолохов М.* Поднятая целина. Т. II. Париж, 1933. С. 166. Рабочего-двадцатипятилетия Давыдова, согласно сюжету романа, избили не после упомянутой Чхеидзе операции со скотом, а после того, как он распорядился по записке Райполеводсоюза выдать Ярскому колхозу пшеницу из закромов колхоза Гремячий лог.

²⁶ *Замойский П.* Поворот. С. 203.

²⁷ *Шолохов М.* Поднятая целина. Т. I. Париж, 1932. С. 178–179.

БОРЬБА МЕЖДУ ОБРАЗАМИ И ЗА ОБРАЗ

Впервые: Поток Евразии. Таллинн, 1938. С. 48–70. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Развитая в статье Чхеидзе мысль об истории искусства как истории «борьбы за образ», о проявлении в литературе исканий Совершенного образа, восходит к эстетико-философским идеям А.К. Горского и Н.А. Сетницкого, развитым в брошюре «Заметки об искусстве» (Харбин, 1933), книге Н.А. Сетницкого «О конечном идеале» (Харбин, 1932) и 3-м выпуске работы А.К. Горского «Н.Ф. Федоров и современность» (Харбин, 1932). См. подробнее: *Сетницкий*, 40–46, 185–188, 231–250; *Pro et contra*. I, 607–610.

¹ Речь идет об исторической трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: Ч. 1. «Смерть богов» («Юлиан Отступник», 1895), Ч. 2. «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи», 1889–1900), Ч. 3. «Антихрист» («Петр и Алексей», 1905).

² *Достоевский*. 10, 470.

³ Имеется в виду высказывание Дмитрия Карамазова о тяжбе в душе человека «идеала Мадонны» с «идеалом содомским», его мысль о двуприродности красоты, которая есть «не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (*Достоевский*. 14, 100).

⁴ Отсылка к знаменитому определению человека в оде Г.Р. Державина «Бог» (1784).

⁵ *Диархия* (от греч. δι — «два» и ἀρχων — «властитель, правитель») — равенство статуса двух главенствующих лиц в государстве. Чхеидзе имеет в виду симфонию духовной и светской власти, сложившуюся в Московской Руси после избрания на царство в 1613 г. Михаила Федоровича Романова, отец которого, патриарх Филарет, с 1619 г. был фактическим соправителем государства.

⁶ Отсылка к «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского (*Достоевский*. 26, 140–143).

⁷ Фраза «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» долгое время приписывалась Достоевскому, однако ее автором был французский писатель и историк литературы Эжен де Вогюз, который привел ее в статье о Достоевском в журнале «Revue de deux mondes» (1885. № 1) и книге «Le roman russe» (1886; «Русский роман»). Авторство уточнено С.А. Рейснером, С.Г. Бочаровым и Ю.В. Манном (см.: *Рейснер С.* «Все мы вышли из гоголевской

“Шинели”» // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 184–187; Бочаров С., Манн Ю. «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» // Там же. № 6. С. 183–186.

⁸ Сергей Николаевич *Терпигорев* (1841–1895) — писатель, публицист. Широкою известность получил его прозаический цикл «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», печатавшийся в 1880 г. в журнале «Отечественные записки», в котором была дана картина пореформенной жизни русского дворянства, показана его неприспособленность к новым, капиталистическим формам жизни.

⁹ Чхеидзе отсылает ко второй и третьей главам «Дневника писателя» за июль — август 1877 г., содержащим разбор восьмой части романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и, в частности, высказываний Левина о славянах (*Достоевский*. 25, 193–223).

¹⁰ Мысль о красоте, спасающей мир, выражена у Ф.М. Достоевского в романе «Идиот». Чхеидзе, подобно Н.А. Бердяеву, С.Н. Булгакову, В.В. Зеньковскому и др., использует эту формулу не в авторском варианте («Мир спасет красота»), а в версии В.С. Соловьева («Красота спасет мир»). Подробнее см.: *Новикова Е.* «Мир спасет красота» Ф.М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX в. // *Достоевский и XX век*. Т. 1. М., 2007. С. 97–124.

¹¹ «Духоносная личность прекрасна — и прекрасна дважды. Она прекрасна объективно, как предмет созерцания для окружающих; она прекрасна субъективно, как средоточие нового, очищенного сознания окружающего. Во святом открыта нам для созерцания прекрасная перводанная тварь; для созерцания святого обнажается от своего растрепания перводанная тварь: церковность есть красота новой жизни в Безусловной Красоте — в Духе Святом» (*Свяц. Павел Флоренский*. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 321).

¹² Цитата из очерка «Чехов и Горький», помещенного в одном сборнике со статьей «Грядущий хам» и другими статьями Д.С. Мережковского. *Мережковский Д.С.* Грядущий хам. Чехов и Горький. СПб., 1906. С. 101.

¹³ Закавыченный текст представляет собой не цитаты, а близкое к тексту изложение различных высказываний из повести И.А. Бунина «Деревня» (1910): «Проклятая страна, где восемь месяцев метели, а четыре дожди», «Эх, и нищета же кругом!», «А пяти лет не проходит без голода», «Пашут целую тысячу лет, да что я — больше! — а пахать путем — то есть ни одна душа не умеет!»

¹⁴ Иннокентий Николаевич *Жуков* (1875–1948) — скульптор-самоучка, педагог, деятель скаутского движения. Создал более 1000 скульптур, многие из которых представляли собой экспрессивные аллегории и маски-символы.

¹⁵ См. примеч. 3 к статье «Максим Горький».

¹⁶ Об умерщвляющей капле, «наиболее роскошно выработанной золотой русской литературой», о том, что «Россию убила литература» и главными «разложителями» России были люди, водившие тесную дружбу с пером, Розанов пишет в главке «Приказ № 1» (*Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. Вып. 6–7. Сергиев Посад, 1918. С. 102).

¹⁷ См. примеч. 5 к статье «Человек и быт в подсоветской литературе».

¹⁸ Цитата из стихотворения А. Белого «Родине».

¹⁹ См. примеч. 66 к сборнику «На литературные темы».

²⁰ Лозунг «социального заказа» был выдвинут в 1927–1928 гг. теоретиками ЛЕФа О.М. Бриком, Н. Чужаком, С.М. Третьяковым. В своей оценке этого лозунга Чхеидзе следует Н.А. Бердяеву, который не отрицал его, подобно оппонентам левовцев А.В. Луначарскому, А. Лежневу, В.П. Полонскому, но стремился религиозно осмыслить, указывая на то, что всякий подлинный художник всегда связан неким высшим заданием, другое дело — каково это задание и кто и зачем призывает поэта к священной жертве: «Социальный заказ нужно понимать не как внешний заказ общества и еще менее государства, а как заказ соборного духа» (*Бердяев Н.А.* О русских классиках. М., 1993. С. 328).

²¹ *Воинова А.И.* Восток и Запад. Кн. 1. М., 1933.

КОММЕНТАРИИ

²² *Виж-Северский* (наст. имя и фам.: Владимир Иванович *Жибуртович*, 1912–?) — прозаик. В 1936 г. эмигрировал из СССР в Польшу, где в том же году напечатал в Варшаве повесть «На каторгу» и рассказ «Вьюга». В 1937 г. в Праге выпустил повесть «Лилловые маки: Из жизни советских студентов». См. о нем: *Волковський Н.* Русские литераторы в Польше // *Сегодня*. 1937. № 8. 8 января.

²³ См. примеч. 4 к статье «Максим Горький».

²⁴ *Горбатов Б.* Мое поколение. Л., 1934. С. 87.

²⁵ *Гладков Ф.* Энергия. М., 1933. С. 327.

ПУБЛИЦИСТИКА

В настоящем разделе печатаются избранные публицистические статьи К.А. Чхеидзе 1924–1936 гг. Большинство из них было опубликовано в эмигрантских сборниках, газетах, журналах, в том числе в евразийских изданиях. Некоторые появились и в переводе на чешский язык, а отдельные статьи («Антиномии современности», «Идея-проект») печатались только по-чешски.

КАЗАЧЬЕМУ СПОЛОХУ

Впервые: Казачий сполох. 1924. 1 октября. № 1. С. 21–22. Подпись: «К»; 1 декабря. № 2–3. С. 12–16. Подпись: «Конст. Ал.».

Журнал «Казачий сполох» издавался в Праге в 1924–1930 гг. как орган образованной в декабре 1923 г. Общеказачьей студенческой станицы в Чехословакии. Инициаторами создания станицы были учившиеся в Праге казаки-офицеры В.Д. Белый (однокашник Чхеидзе по Русскому юридическому факультету, писатель и журналист), М.Т. Гребенников и М.Е. Скобцов; первые двое вместе с начинающим писателем и журналистом Н.В. Вазаговым, студентом Русского юридического факультета, вошли в редколлегия журнала. Создатели нового объединения утверждали, что не стремятся отгораживаться от русских студенческих организаций «стеною “национальной самостоятельности”», что также ставят своей целью работу «по воссозданию России, по возрождению родных краев», однако подлинное возрождение страны и ее «могущество в будущем» станет возможным только тогда, когда «местная жизнь» в ней не будет подавлена, а получит широкие возможности для развития (*Правление. Общеказачья студенческая станица в Чехословакии // Казачий сполох*. 1924. № 1. С. 1, 2). Говоря об исторической роли казачества, они отказывались от традиционного взгляда на казаков как на «верных служак» против врагов внешних и внутренних», но подчеркивали значение социального опыта казачества для утверждения «принципа народоправства как единственного справедливого и закономерного образа правления»: «Казачье движение расширяло область человеческого труда, мысли и чувства. И возрастающее с каждым годом движение человеческой личности переносилось и на народную личность» (*Белый В.* Наши задачи // Там же. С. 2).

Статья Чхеидзе, хорошо знавшего двух членов редколлегии «Казачьего сполоха», В.Д. Белого и Н.В. Вазагова, написана как братское напутствие журналу и новому объединению и одновременно как своеобразное исповедание веры эмигрантской молодежи, прошедшей через мировую войну, революцию и ищущей новых созидательных ориентиров развития. Центральное место в ней занимает осмысление разницы между старшим и младшим поколением эмиграции. В этой статье Чхеидзе включается в полемику об «отцах» и «детях» эмиграции, развернувшуюся на страницах русской зарубежной печати в середине 1920-х гг.

КОММЕНТАРИИ

¹ «Революционная Россия» — печатный орган партии эсеров. Выходил с 1920 по 1931 г. В № 33–34 (январь — февраль 1924) под рубрикой «По вопросам программы и тактики» печаталась Программа партии социалистов-революционеров, утвержденная 30 декабря 1905 г. на первом партийном съезде, и было начато печатание серии статей одного из основателей и ведущих идеологов партии В.М. Чернова «Проект новой партийной программы», посвященной разработке плана и стратегии действия в главных областях социальной жизни: «государственно-правовой, культурной и хозяйственно-экономической» (С. 12).

² *De profundis* — Из глубины (*лат.*). Начальные строки 129 псалма: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи!» (Пс. 129:1).

³ Отсылка к четвертой части «Былого и дум» А.И. Герцена (глава «Наши», посвященная описанию круга западников): «Наши теоретические несогласия <...> вносили более жизненный интерес, потребность деятельного обмена, держали ум бодрее, двигали вперед; мы росли в этом трении друг об друга, и в самом деле были сильнее тою composite артели, которую так превосходно определил Прудон в механическом труде» (*Герцен А.И. Былое и думы. Первое полное издание: В 5 т. Т. II. Берлин, 1921. С. 253*).

⁴ Лозунг партии эсеров «В борьбе обрешь ты право свое!» стоял на титульном листе журнала «Революционная Россия».

⁵ К.А. Чхеидзе цитирует статью Н. Кузьмина «Нужна ясность», помещенную в указанном номере «Известий» в рубрике «Оборона СССР. Жизнь Красной армии». Кузьмин приветствовал «за классовую выдержанность» постановление ЦИК и СНК от 14 марта 1924 г., согласно которому лица, использующие наемный труд или живущие на нетрудовые доходы, не имели права поступить в Красную армию. Первая цитата принадлежит самому Кузьмину, вторая (определение диктатуры пролетариата) В.И. Ленину, слова которого приводит Кузьмин.

МЫСЛИ О МАРКСИЗМЕ

Впервые: Своими путями. 1925. № 5 (март–апрель). С. 34–36. Подпись: «Кн. Чхеидзе».

¹ Цитату из сочинения Мартина Лютера «De servo arbitrio» («О рабстве воли») К.А. Чхеидзе приводит по книге философа Африкана Александровича *Спира* (1837–1890) «Основы морали и религии» (Н.У, б/г. С. 107–108).

² *Христианская Лига* — по всей вероятности, имеется в виду Христианский союз молодых людей (УМКА), созданный в 1844 г. англичанином Д. Вильямсом с небольшой группой единомышленников. Вскоре группы УМКА возникли в ряде английских городов, в США и Канаде. В 1855 г. на Первой всемирной конференции УМКА были приняты основные положения движения: его члены, почитая Христа «своим Богом и Спасителем», стремятся быть Его деятельными учениками и распространять Его заветы и Его Царство среди молодежи. В России с 1900 г. в духе идей УМКА действовало христианское общество «Маяк». В 1923 г. в Чехословакии на съезде христианской молодежи в Пшерове было создано Русское студенческое христианское движение, развернувшее активную работу в среде эмиграции. *Военная Лига* — см. примеч. 1 к очерку «Снимки и думы».

³ В 1537 г. св. Игнатий Лойола (1491–1556), выдающийся испанский церковный деятель и проповедник, объединил нескольких своих сподвижников в «Иисусову дружину», братство Христовых воинов во имя борьбы за чистоту христианства, а в 1540 г. создал «Общество Иисуса», после его смерти получившее название ордена иезуитов.

⁴ Ин 13:34.

КОММЕНТАРИИ

ОТ «НИНІЯ» К «НИЧЕГОКУ»

Впервые: Своими путями. 1925. № 8–9 (август–октябрь). С. 34–36. Подпись: «Кн. Чхеидзе».

Журнал «Своими путями» позиционировал себя как орган молодого эмигрантского поколения, тех, кто сражался на фронтах Гражданской войны, жертвовал своей жизнью за Россию, но еще не высказал своего слова, своего видения будущего России и эмиграции, своего «нового, послевоенного и послереволюционного мироощущения». Создатели журнала называли себя «демократами и патриотами», «строителями жизни» «вместе с молодым поколением России» и подчеркивали, что к этому строительству они хотят идти не старыми, опробованными старшим поколением эмиграции, но новыми, «своими путями» ([От редакции] // Своими путями. 1924. № 1–2. С. 1).

Статья Чхеидзе явилась полемическим откликом на статью В.Р. Ховина «О своем пути», опубликованную в № 5 журнала «Своими путями» за 1925 г. (С. 31–33) в рамках полемики об «отцах» и «детях» русской эмиграции. Виктор Романович *Ховин* (1891–1944) — критик, журналист, издатель. В 1910-е гг. сотрудничал в изданиях русских футуристов. В 1913–1916 гг. был редактором журнала «Очарованный странник», на страницах которого печатались И. Северянин, В. Хлебников В. Шершеневич и др. В 1924 г. эмигрировал из Советской России. Жил сначала в Риге, затем в Париже, где в 1926 г. открыл издательство «Очарованный странник», выпускал книжные серии «Библиотека поэта» и «Беллетристы современной России».

Статья В. Ховина «О своем пути» была заявлена как «литературная исповедь» человека, стоящего на распутье, не принадлежащего ни к отцам, ни к детям. Ховин описывал свою литературную молодость, свое увлечение футуризмом, который он трактовал как «факт символический». Футуризм был гениален «по своей выразительности, по воплощению в себе души эпохи и предчувствию наступающего» (Своими путями. 1925. № 5. С. 31). Футуризм — бунт против старой эстетики, морали, этики, против современной общечеловечности и религии. «Над всем, что сделано, ставлю Nihil» — эта строка Маяковского подводила черту под старыми путями жизни и искусства.

Но вот предсказание футуристов исполнилось, и революция осуществила свою «разрушительную программу». Пришло ли ей на смену подлинное созидание? И что остается тем, в ком дали свои ростки зерна скепсиса и отрицания? «Очень своевременно и удачно где-то выскочили “ничегоки”. Это уже не прежнее: “над тем, что *сделано*, ставлю Nihil”. А и в настоящем — Ничего и в будущем тоже. Одно сплошное Ничто, которое заволокло все горизонты. Я тоже “ничегок” по-своему и моя “история” не только моя, но и многих» (Там же. С. 32).

Впрочем, были попытки противопоставить торжествующему nihil действительность, конкретность и полезность искусства. На этом пути заявили о себе «полуничегоки» в лице И. Эренбурга, издававшего журнал «Вещь», «Лефы» с их «овеществлением искусства», и, наконец, производственники. «К жизни живой и да здравствует благоустройство ее!» (Там же. С. 32). Этот ответ не удовлетворил скептика Ховина. Увы, и вырвавшись из СССР, где бдительная цензура оставляла мало места для духовных исканий, в эмиграцию, автор не нашел ничего, что смогло бы побороть его нигилизм. Он был поражен обилием лозунгов, доктрин, «спасительных пристаней, в которых нашли приют себе утлые ладьи былых мировоззрений, наспех приспособленные к требованиям революционного опыта» (Там же. С. 31). «Посрамленному жизнью идеализму отцов» здесь противостоит «торжествующий эмпиризм детей». «Но этот “эмпиризм” слишком смахивает «на искусство-вещь Эренбурга. Раньше были все такие слова и обязательно с больших букв: Красота, Поэзия, Идея, Справедливость и пр., а теперь новые пошлы и тоже, вероятно на днях, с больших букв

КОММЕНТАРИИ

начнут писаться: “благоустройство родины”, “постройка мостов” и т.д.» (Там же. С. 32). Для Ховина это те же отвлеченности, только в меньшем масштабе. Да, на смену радателям о счастье человечества ныне «приходят новые люди. Вооруженные кирками и лопатами, ассенизационные бочки за ними». Но автору не верится, что они действительно «навоз вывезут и мостовые исправят» (Там же. С. 33). А если исправят, то останется главный вопрос «во имя чего?» Статья заканчивается риторическими вопрошаниями:

«Благоустроен дом мой, и радио есть в нем, и вокруг сады раскинуты, но отчего же так скучен дом мой?

И откуда тоска эта?...» (Там же).

¹ В № 5 журнала «Своими путями» за 1925 г. статья В. Ховина предшествовала статье К. Чхеидзе «Мысли о марксизме». На обороте обложки под содержанием журнала в заметке «От Редакции», в частности, говорилось: «Статьи Кн. Чхеидзе и В. Ховина помещены в дискуссионном порядке. В одном из ближайших номеров будут помещены ответы на затронутые авторами вопросы». Эти «ответы», в том числе и из уст самого Чхеидзе, прозвучали в № 8–9, который был посвящен «современному положению эмиграции», ее духовному облику, ее устремлениям.

² Здесь и далее цитаты из статьи В. Ховина.

³ Чхеидзе ссылается на издание: *Соловьев В.С. Оправдание добра*. СПб., 1897.

⁴ Чхеидзе имеет в виду свою статью «Казачьему сполуху» (см. в наст. изд. выше).

⁵ Евгений Леопольдович *Недзельский* (1894–1961) — поэт, переводчик, публицист, историк литературы, член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, литературного кружка «Далиборка». Чхеидзе ссылается на его статью «Очарование» (Своими путями. 1925. № 5. С. 22–25), ставшую очередным высказыванием писателя в споре об отцах и детях эмиграции. Молодому поколению эмиграции, писал Недзельский, чужда «эквилибристика общих понятий». Оно готово сократить идеал «от “счастья человечества” до “счастья человека” всегда индивидуального и всегда в известных условиях». Это поколение, прошедшее через кровь и смерть, не стремится к эвдемонизму, оно «принимает страдание, ибо оно научило нас находить радость в круговороте дней, часов и минут» (Там же. С. 25). Статья заканчивалась той самой строчкой, которую приводит Чхеидзе в своей статье: «Так утверждаем мы, вернувшееся случайно из походов на смерть третье сословие, стоящее между отцами и детьми и дважды обреченные пережить свою проклятую и благословенную Молодость» (Там же).

⁶ «На путях» (Берлин, 1922) — второй после «Исхода к Востоку» программный сборник евразийцев.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Впервые: Евразийская хроника. Вып. 4. Париж, 1926. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

¹ К.А. Чхеидзе здесь отталкивается от идей Н.С. Трубецкого, поместившего в Кн. 4 «Евразийского временника» (Берлин, 1925. С. 351–377) статью «О туранском элементе в русской культуре», в которой говорилось о необходимости изучения исторического соседства и взаимодействия русского народа с «племенами, которые принято объединять под именем туранских или урало-алтайских» (финны, тюрки, монголы и маньчжуры). Н.С. Трубецкой давал характеристику туранского психотипа, оказавшего существенное влияние на русский национальный характер и проявившего себя в русской истории: ясность, простота, устойчивость, равновесие, отсутствие разлада между мыслью и делом, слияние поступков и быта «в одно монолитное нераздельное целое» (Там же. С. 351, 369).

КОММЕНТАРИИ

Характерно, что если Н.С. Трубецкой, призывая к изучению «туранских» влияний, выдвигает на первый план консервативный элемент, «бытовое исповедничество», обрядовость духа и веры, то Чхеидзе ставит во главу угла прежде всего высшие религиозные цели и призыв к учету «туранского» элемента понимает как призыв к уважительному и любовному отношению к народам Евразии, которые должны быть объединены в единое соборное целое, где не умалена ни одна, даже самая малая национальная единица.

² К этому месту сделано следующее примечание редакции «Евразийской хроники»: «Даем место этому определению как личной концепции автора» (Евразийская хроника. Вып. 4. С. 26).

³ Чхеидзе перечисляет статьи ведущих идеологов евразийства П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого, посвященные сочетанию европейского и азиатского факторов в историческом бытии России-Евразии: *Савицкий П.Н. Континент-Океан (Россия к Востоку)*. Кн. 1. София, 1921. С. 103–125; *Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях*. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 341–356; *Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку*. С. 86–103; *Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре* (см. примеч. 1).

⁴ Чхеидзе опирается на концепцию нации как соборной, симфонической личности, выдвинутую Л.П. Карсавиным и ставшую неотъемлемой частью историософской доктрины евразийства: см.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 12–13.

⁵ Эти два афоризма приведены в статье Н.С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме» (Исход к Востоку. С. 71–85). С их помощью философ выражал долг и задачу каждого, большого и малого, народа земли, основу их будущего взаимодействия на основе равенства и взаимного уважения: «Борьба с собственным эгоцентризмом возможна лишь при самопознании. Истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире, покажет ему, что он — не центр вселенной, не пуп земли. Но это же самопознание приведет его и к постижению природы людей (или народов) вообще. <...> От постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов. Ибо тот, кто самого себя не познал, не может, не умеет быть самим собой» (Там же. С. 72–73).

⁶ Источник данной формулировки не установлен.

ЛИГА НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА-МАТЕРИКИ

Впервые: Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 32–35. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

¹ *Лига Наций* — международная организация, основанная в 1919–1920 гг. и ставившая своей целью, согласно уставу, «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Проект устава Лиги Наций был разработан комиссией, созданной на Парижской мирной конференции 1919 г., и включен в Версальский мирный договор, завершивший Первую мировую войну. Учредителями Лиги Наций стали государства, воевавшие на стороне Антанты, всего в Лигу Наций вошло 44 государства; Германия и 13 нейтральных государств в Лигу Наций не вошли. Представители США первоначально подписали проект Устава Лиги Наций, однако затем Конгресс США воспротивился вступлению страны в Лигу Наций (из-за доминирования в ней Великобритании и Франции) и не ратифицировал Версальский мирный договор.

² Акт *Священного союза* монархов был заключен 14 (26) сентября 1815 г. в Париже по инициативе Александра I (первоначально между русским и австрийским императорами и прусским королем; затем к нему присоединились и другие государства). Помимо

конкретной историко-политической задачи ограждения монархического строя Европы от революционных движений, Священный союз, по мысли Александра I, призван был ввести в мировую политику религиозные, нравственные ориентиры, организовав взаимоотношения государств на началах христианской любви, бескорыстного братского служения, ибо все они «члены единого народа христианского» (см.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 14 т. Т. IV, Ч. I. Трактаты с Австриею 1815–1849. СПб., 1878. С. 4–6).

³ Георгий Адольфович *Ландау* (1877–1941) — политический деятель, мыслитель, публицист. К.А. Чхеидзе ссылается на его книгу «Сумерки Европы», в которой, вслед за О. Шпенглером, Ландау ставит вопрос об «упадке новоевропейской культуры». В отделе «Разрушительная идейность» философ выступает как против «военно-пацифистского максимализма» большевиков, так и против «бесчеловечно-гуманитарного максимализма» Антанты, который был ею «задуман, провозглашен, освящен и внедрен в сознание современности во имя своих интересов и своей победы». Под видом борьбы с Германией за будущий «вечный мир» Антанты, по убеждению Ландау, собирала народы, заставляя их работать на свои цели. В отделе «Идеи мира» Ландау разворачивает критику Версальского договора, Лиги Наций, подчеркивая, что последняя не осуществила и не может осуществить «вселенское единство народов», ибо ведущую ноту в ней задают «державы-победительницы», имеющие свои корыстные цели (*Ландау Г.* Сумерки Европы. Берлин, 1923. С. 7, 44, 45, 48, 55, 142–150).

⁴ 8 января 1918 г. президент США Томас Вудро *Вильсон* (1856–1924) выдвинул программу, которую полагал основой заключения мира между Антантой и США, с одной стороны, и австро-германской коалицией — с другой. Программа содержала 14 пунктов, предусматривавших создание Лиги Наций, ограничение вооружений, разрешение колониальных претензий государств мирным путем, свободу морей и равенство условий международной торговли и т.д. Хотя программа Вильсона, предполагавшая заключение мира на условиях равноправия, самоопределения народов и др., легла в основу Версальского договора, фактически этот договор имел целью передел мира в пользу держав-победительниц.

⁵ Статью К.А. Чхеидзе «Национальная проблема» см. в наст. изд. выше.

⁶ *Месторазвитие* — одно из ключевых понятий евразийской доктрины: совокупность природных, географических и климатических факторов, влияющих на склад национального характера, на культуру народа, общественную и государственную жизнь. Введено П.Н. Савицким.

⁷ «*Мир всего мира*» — выражение из молитвенного прошения Великой ектеньи: «О мире всего мира, о благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помолимся».

⁸ См. примеч. 1.

⁹ *Доктрина Монро* — провозглашенный в 1823 г. в период президентства Джеймса *Монро* (1758–1831) тезис о том, что обе части американского континента должны быть закрыты для дальнейшей колонизации и сфера экономического влияния на них Европы должна быть ограничена. В «сниженном» виде получил форму лозунга «Америка для американцев!»

¹⁰ Чхеидзе цитирует ноту государственного секретаря США Р. Олни, направленную 20 июля 1895 г. в адрес правительства Великобритании в связи с конфликтом между Англией и Венесуэлой по вопросу о границе между Венесуэлой и Британской Гвианой. Целью декларации, по форме защищавшей малые американские государства, было стремление США вытеснить европейские державы с континента, дабы установить там собственное господство.

¹¹ В 1889 г. по инициативе США была созвана 1-я Панамериканская конференция и создан Панамериканский союз, провозгласивший идею духовной и культурной общности и единства народов американского континента.

КОММЕНТАРИИ

¹² Речь идет о Лозаннской конференции (20 ноября 1922 — 24 июля 1923), международной конференции (созвана по инициативе Великобритании, Франции и Италии для разработки мирного договора с Турцией и урегулирования вопроса о черноморских проливах) и секретном совещании в Туаре между министрами иностранных дел Германии и Франции Г. Штреземаном и А. Брианом 17 сентября 1926 г., во время которого обсуждались взаимоотношения между Францией и Германией и пути урегулирования территориальных и финансовых споров.

¹³ В 1922 г. австрийский граф Рихард Куденхове-Калерги, стремясь повернуть общественное мнение Европы к необходимости консолидации, прекращения внутренних распрей и перехода на пути сотрудничества населяющих ее государств, выдвинул идею Пан-Европы. В 1923 г. он выпустил в Вене книгу «Пан-Европа», настаивая на том, что Европа должна быть объединена политически, экономически, культурно, так чтобы тесные связи между государствами препятствовали развязыванию военных конфликтов. Проект предполагал преодоление экономического эгоизма национальных государств, создание общего рынка, свободной торговли, объединение на основе христианских ценностей, достижений науки и искусства. Куденхове-Калерги предложил ввести европейский флаг, европейский гимн, европейскую валюту, европейский банк, европейский паспорт и Европейскую академию, местом которой предлагал сделать Прагу. После публикации своей книги Р. Куденхове-Калерги основал панъевропейское движение, и в 1926 г. в Вене состоялся *Первый панъевропейский конгресс*, в котором участвовали 2000 представителей 24 народов Европы.

¹⁴ Чхеидзе цитирует книгу политического деятеля, экономиста, прозаика Владимира Савельевича *Войтинского* (1885–1960) «Соединенные штаты Европы», в которой защищались идеи панъевропеизма. Книга вышла в Берлине в 1926 г. на немецком языке: *Vojtinsky V. Die Vereinigten Staaten von Europa. Berlin, 1926.*

¹⁵ На Парижской конференции 1919 г. в процессе выработки устава Лиги Наций японская делегация предложила внести в 21-ю статью устава, утверждавшую равноправие религий, тезис о равенстве рас. Выходя с этой инициативой, Япония руководствовалась не идеями равноправия, а стремлением к отмене ограничений против иммиграции японцев, которые были введены в Англии и США. Предложение было отвергнуто.

¹⁶ Речь идет о Всеазиатском народном конгрессе, проходившем в Японии в г. Нагасаки 1–3 августа 1926 г. Целью конгресса было соединение народов Азии. Подробнее см.: *Pan-Asianism: A Documentary History. Vol. 2. 1920-Present. Lanham, 2011.*

¹⁷ Имеется в виду победа Турции в греко-турецкой войне 1919–1921 гг., развязанной державами Антанты.

¹⁸ К этому месту редакция «Евразийской хроники» сделала следующее примечание: «Нужно заметить, что различные “миры”, намечаемые автором, обладают в качестве “государств-материки” различной степенью реальности: если Россия-Евразия или Соединенные Штаты уже и сейчас существуют как государства-материки, то такое же бытие пан-азиатского или исламистского “мира” относится к области идей, а не к сфере фактов. Возможно, например, что на путях дальнейшего развития сама Турция войдет в орбиту Евразийского мира» (Евразийская хроника. Вып. 8. С. 35).

ЕВРАЗИЙСТВО И ВКП (Б)

Впервые: Евразийский сборник. Кн. 6. Прага, 1929. С. 38–40. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

¹ *Правящий отбор* — одно из стержневых понятий евразийской доктрины, сформулированное в статье Н.С. Трубецкого «О государственном строе и форме правления» (Евразийская хроника. Вып. 8. С. 3–9). Правящий отбор, или слой — это «совокупность людей,

КОММЕНТАРИИ

фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого». Существовавшие в истории принципы отбора правящего слоя (аристократический и демократический), по мысли Трубецкого, уступают место «идеократическому» типу отбора, при котором правящий слой формируется «из людей, объединенных общим мирозерцанием» (Там же. С. 4, 7).

² В сборнике «Под знаком революции» (Харбин, 1925), включавшем статьи главного идеолога сменовеховцев философа, публициста Николая Васильевича *Устрялова* (1890–1938), проводилась мысль о постепенном перерождении большевизма, который, в силу исторических и политических обстоятельств, оказывается вынужден менять тактику действия и постепенно из силы разрушительной превращается в силу, восстанавливающую и укрепляющую государство. Соответственно Устрялов призывал интеллигенцию внутри страны к соучастию в строительстве Новой России, а эмиграцию — к отказу от «дурной воинственности».

³ «Активизм» — понятие, зародившееся в среде русской эмиграции 1920-х гг. применительно к тем течениям и группам, которые ставили своей задачей активную борьбу с большевизмом и шире — с советской властью. Активизм был свойственен как представителям старшего поколения эмиграции, кадетам, эсерам, монархистам, так и националистически настроенной эмигрантской молодежи, младороссам, выдвигавшим идею новой национальной революции, русским скаутам, сокольским организациям и др.

⁴ Имеется в виду развернувшаяся в 1927–1929 гг. в ВКП (б) борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией и так называемым «правым уклоном» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский). Открытое противостояние сначала Л.Д. Троцкого (см. примеч. 1 к статье «Революция на переломе»), Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, а потом Н.И. Бухарина политике ЦК, сопровождавшееся выступлениями в прессе и на партийных заседаниях, расценивалось евразийцами как симптом кризиса идеологии власти, начало процесса перерождения коммунистического «правящего отбора», а партийные меры против уклонистов (исключение из партии, осуждение, снятие с руководящих постов), развертывавшиеся в стране чистки в партийных и государственных учреждениях, репрессии против научно-технической интеллигенции (так называемое «Шахтинское дело» 1928 г.) — как симптом «нервозности» правящей верхушки, стремящейся отстоять свои колеблющиеся позиции.

⁵ *Достоевский*. 10, 324.

⁶ К.А. Чхеидзе перечисляет различные эмигрантские группы и их лозунги. «*Борьба за Россию*» — группа, созданная историком С.П. Мельгуновым, ядро которой составили члены редколлегии одноименного еженедельника, выходившего в Париже в 1926–1931 гг. и тайно распространявшегося в Советской России. Занимая резко отрицательную позицию по отношению к большевизму, Мельгунов настаивал на необходимости создания единого антикоммунистического фронта. «*Патриотическое объединение*» — Русское зарубежное патриотическое объединение. Возникло в 1926 г. как правое монархическое объединение, провозгласившее своим главой великого князя Николая Николаевича.

К ПОЗНАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ

Впервые: Русско-чешская будущность. 1929. № 2. С. 8–9. Подпись: «Кн. К.А. Чхеидзе».

Двуязычный русско-чешский журнал «Русско-чешская будущность» («Česko-ruská budoucnost»), в котором появилась статья «К познанию современности», издавался в 1929–1930 гг. русско-чешским неполитическим обществом «Мир». Журнал ставил своей задачей укрепление русско-чешских духовных и культурных связей, «взаимное сближение,

КОММЕНТАРИИ

единение и сотрудничество» чехов и русских (Наш журнал // Русско-чешская будущность. 1930. № 1(7). С. 1), подчеркивая значение этого сотрудничества для судеб славянского мира. «Мы предполагаем и надеемся, — говорилось в программной статье первого номера, — что совместная деятельность русского народа и чешского в будущем может произвести настоящие чудеса на поле человеческого знания и стремления к лучшей жизни. <...> Пусть русская мысль оплодотворит чешскую, а чешская — русскую; и пусть так, во взаимной работе основывается русско-чешская будущность» (*Д-р А.А. К-т. Русско-чешская будущность // Там же. 1929. № 1. С. 9–10*).

К.А. Чхеидзе был членом общества «Мир» и одним из редакторов журнала; в № 3 за 1929 г. его портрет был помещен среди портретов деятелей общества (С. 8).

¹ На Гаагской международной конференции по репарациям (1929–1930), первая сессия которой проходила с 6 по 31 августа 1929 г., развернулся ожесточенный спор между Великобританией и ее бывшими союзниками по Антанте — Францией, Италией, Бельгией и Японией — вокруг вопроса о распределении репарационных платежей Германии.

ИЗ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Впервые: Тридцатые годы. (Утверждение евразийцев. Кн. 7). Париж, 1931. С. 105–114. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

¹ Афанасий Прокофьевич *Щапов* (1831–1876) — историк и философ. Окончил Казанскую духовную академию, защитив диссертацию на тему «Русский раскол старообрядства», преподавал в академии и Казанском университете. Истории старообрядчества посвятил работу «Земство и раскол» (1859–1862), в которой обосновывал роль гражданского элемента в старообрядчестве. Занимался проблемой синтеза в народном мировоззрении христианских и языческих верований. В центр своих исторических построений ставил народ, который, по убеждению Щапова, вырабатывает свои органические нормы общезнания. В поздний период жизни пришел к необходимости изучения природных факторов, влияющих на историю народа, становление его духовно-культурного облика. Подчеркивал два главных свойства «нервной организации» русского человека: с одной стороны, медленность возбуждения и реакции, вызванная холодным северным климатом, с другой, напротив, кратковременная сильная возбудимость и нервная восприимчивость; демонстрировал влияние этих свойств на историческую и социальную жизнь. Лев Ильич *Мечников* (1845–1888) — русский географ, антрополог, социолог, журналист. С 1883 г. занимал кафедру географии и статистики в Лозаннском университете. В последние годы жизни занимался исследованием географических факторов возникновения и развития цивилизации, плодом которого стала книга «La civilisation et les grandes fleuves historiques» («Цивилизация и великие исторические реки», рус. пер.: СПб., 1898). Дмитрий Иванович *Менделеев* (1834–1907) — выдающийся ученый-химик, социальный мыслитель, родоначальник россиеведения. В основу будущего общественного развития полагал промышленный строй, при котором будут преодолены социальные антагонизмы, будет обеспечен высокий уровень развития материального производства и культуры. Подчеркивал значение для исторического прогресса национального и культурного разнообразия народов земли и одновременно — их взаимодействия и сотрудничества. Выдвигал роль России, которая, по его мысли, должна «сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и неподсильственным европейским индивидуализмом и азиатской покорною, даже отсталую и приниженною, но все же твердою государственно-социальною сплоченностью» (*Менде-*

леев Д.И. К познанию России. СПб., 1907. С. 146). Николай Яковлевич *Данилевский* (1822–1885)— естествоиспытатель, философ, автор книги «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (СПб., 1871), в котором выдвинул теорию культурно-исторических типов, по аналогии распространявшую на область исторического развития концепцию замкнутых типов биологического развития Ж. Кювье. Всего Данилевский выделял 11 культурно-исторических типов, каждый из которых проходит стадии начального формирования, расцвета и неизбежного заката: египетский, китайский, ассиро-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический, или арабийский, романо-германский, или европейский. Подчеркивал кризис и упадок романо-германского культурно-исторического типа и необходимость его смены новым, восточнославянским культурно-историческим типом, который воплощен в России, призванной собрать вокруг себя славянские народы. Аркадий Николаевич *Фатеев* (1872–1952) — правовед, историк. В 1900–1919 гг. преподавал в Харьковском университете. С 1922 г. жил и работал в Праге. В качестве профессора Русского юридического факультета читал лекционный курс и вел семинар по общей теории права, активным участником которого был К.А. Чхеидзе. Преподавал в Русском институте сельскохозяйственной кооперации и Русском народном университете. Вел семинар по геополитике. В 1934–1938 гг. был председателем Русского исторического общества. Занимался проблемами экономики, права, социологии, социальной географии, истории. Автор книг «Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства (Идея политического индивида)» (В 2 ч. Харьков, 1904–1907), «История общих учений о праве и государстве» (Харьков, 1909), «География и обществоведение (о методе и форме прикладной географии)» (Прага, 1927). Александр Александрович *Крубер* (1871–1941) — российский физико-географ, один из крупнейших русских исследователей карста. С 1919 г. заведовал кафедрой географии Московского университета, в 1923–1927 гг. был директором Научно-исследовательского института географии МГУ. Автор труда «Общее землеведение» (Вып. 1–3, М., 1917–1922), курса «Антропологеография» (Вып. 1–2, М., 1913–1914), описывавшего влияние географических условий на историческую, хозяйственную, культурную деятельность человека, роль ландшафта в формировании облика городов, создания путей сообщения и др.

² К.А. Чхеидзе занимался наследием А.П. Шапова еще в период учебы на Русском юридическом факультете. В семинаре проф. М.В. Шахматова и А.В. Флоровского по истории русского права он прочел реферат «Теория двух состояний А.П. Шапова» (Личное дело К.А. Чхеидзе // ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1037. Л. 59; Отчет о состоянии и деятельности русского юридического факультета в Праге за 1927/1928 учебный год. Прага, 1928. С. 20). Реферат стал основой статьи Чхеидзе «“Теория двух состояний” А.П. Шапова (К познанию русских исторических течений)», напечатанной 15 декабря 1928 г. в газете «Евразия». Статья содержала разбор концепции русского ученого и мыслителя со значительным количеством цитат. Чхеидзе определял метод Шапова как геополитический, указывал на значение его гипотезы о смене двух состояний в историческом бытии русского народа (пассивного, носящего продолжительный характер, и краткого, но бурного периода активности, состояния стихийности, толчка) для понимания идущих в эмиграции «споров о линиях подъема и упадка в русской революции, о смене революционных фаз» (Евразия. 1928. 15 декабря. № 4. С. 6).

³ Работы А.П. Шапова К.А. Чхеидзе цитирует по следующему изданию: Сочинения А.П. Шапова: В 3 т. Т. 2. СПб., 1906, Т. 3. СПб., 1908.

⁴ *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. СПб., 1904. В этой книге ученый излагал свои взгляды на проблему народного благосостояния, значение сельского хозяйства и промышленности, касался проблем народонаселения и внешней торговли, стремясь наметить проект социально-экономического преобразования России. *Менделеев Д.И.* К познанию России

КОММЕНТАРИИ

(С приложением карты России). СПб., 1907; книга представляла собой, по признанию автора, как бы «новую главу» его «Заветных мыслей» (Вступление // Указ. соч. С. 3) и предлагала новую интерпретацию «карты России».

⁵ «Страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальной Азии, должностующая так или иначе их помирить» (Менделеев Д.И. К познанию России. С. 3).

⁶ Карта была приложена к книге Д.И. Менделеева «К познанию России» и прокомментирована в отдельном параграфе.

⁷ Примечательно, что, стирая на своей карте границу между Европой и Азией, Д.И. Менделеев отнюдь не стремился подчеркнуть «азиатскую» составляющую социально-исторической и духовной судьбы России. Более того, он протестовал против противопоставления России Европе, утверждал, что ныне Россия «во всех отношениях страна преимущественно европейская и только в малой или побочной степени азиатская». Знаковое отсутствие границы между Европой и Азией на предложенной им карте России было нацелено на то, чтобы подчеркнуть «первенствующее значение Европейской России», не умаляя при этом и ценности Азии, ибо, по мысли ученого, «вся европейская (средиземноморская) образованность (особенно же государственное сложение) вышла из ее колыбели» (Там же. С. 145–146).

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Определению центра России Менделеев в книге «К познанию России» посвятил специальную главу (Там же. С. 124–135).

¹⁰ Установить издание Миловидова не удалось, но указанные Чхеидзе страницы совпадают со страницами шестого издания книги «К познанию России» (СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907).

¹¹ Менделеев Д.И. К познанию России. С. 132.

¹² Немецкий философ и теоретик культуры Освальд Шпенглер (1880–1936) в книге «Закат Европы» (В 2 т., 1918–1922; рус. пер.: Т. 1. М.; Пг., 1923) выдвинул в противовес теории единой общечеловеческой культуры концепцию полифонии культур, каждая из которых представляет собой замкнутый саморазвивающийся организм: он рождается, проходит этапы детства и юности, расцвета и зрелости, наконец, клонится к закату, неизбежно вырождаясь в цивилизацию с ее индустрией и техникой, городским типом существования, деградацией искусства, господством интеллекта и рассудка во всех сферах жизни. Всего Шпенглер выделял восемь типов культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская), культура майя.

¹³ К.А. Чхеидзе отсылает к книге А.Н. Фатеева «География и обществоведение (о методе и форме прикладной географии)» (Прага, 1927).

¹⁴ Здесь и ниже Чхеидзе основывается на собственных наблюдениях «моздокской степи», сделанных в пору жизни в Моздоке, его родном городе.

¹⁵ Т.е. колония.

¹⁶ Фридрих Лист (1789–1846) — немецкий экономист и публицист. Создатель теории протекционизма, согласно которой каждая страна проходит в своей истории пять периодов: дикий, пастушеский, земледельческий, земледельческо-промышленный и земледельческо-промышленно-торговый. Наилучшим из них, по мнению Листа, является пятый, и для того чтобы привести к этой стадии земледельческие бедные страны, необходимо стимулировать в них развитие промышленности, а для этого вводить покровительственные таможенные пошлины, ставя внутренних производителей и иностранцев в одинаковые условия работы.

¹⁷ В январе 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», согласно которому коллективизация на Северном Кавказе должна была завершиться к осени 1930 г. или к весне

1931 г. После выхода постановления началась форсированная кампания по созданию коллективных хозяйств в регионе.

¹⁸ *Борецкие* — новгородская боярская семья. Вдова посадника Исаака Борецкого Марфа Борецкая (прозванная Посадницей) и ее сын посадник Дмитрий в 1471 г. возглавили антимосковскую оппозицию новгородских бояр, вели переговоры с великим князем литовским Казимиром IV о переходе Новгородской республики в подданство Великого княжества Литовского.

¹⁹ В 1920 г. согласно Версальскому договору был образован вольный город *Данциг*, не принадлежавший ни Германии, ни Польше, но находившийся под протекторатом Лиги Наций. В 1939 г. после вторжения фашистских войск в Польшу Данциг объявил себя частью Германии. Город *Фиуме* (ныне — хорватский город Риека), принадлежавший до Первой мировой войны Австро-Венгрии, по окончании войны стал предметом споров между Италией и Государством сербов, хорватов и словенцев. Согласно Рапвальскому договору 1920 г. область Фиуме была объявлена «свободным государством», однако в 1924 г. отошла к Италии.

²⁰ Имеются в виду «Размышления на политические темы» Петра Бернгардовича *Струве* (1870–1944), входящие в его сборник статей «*Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм» (СПб., 1911). Тезис о прочности политической и социальной системы Австрии философ и публицист высказывал в полемике с М.О. Меньшиковым (Указ. соч. С. 214–215).

²¹ Здесь и далее С.А.С.Ш. — Северо-американские соединенные штаты.

²² Николай Николаевич *Алексеев* (1879–1964) — философ, правовед. Один из создателей евразийского учения о государстве. Углубляя концепцию идеократии, ввел понятие эйдократии, подчеркивал, что в совершенном государстве правящий отбор должен быть не столько идеократическим (идеократий может быть столько, сколько существует различных мирозерцаний), сколько эйдократическим. Ибо «эйдос в отличие от психологически окрашенного слова “идея” не есть одно из возможных многочисленных понятий о существующем, но необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира» (*Алексеев Н.Н.* О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2000. С. 592). К.А. Чхендзе ссылается на главу «Понятие государства и элементы государства» книги Н.Н. Алексеева «Теория государства. Теоретическое государствоведение. Государственное устройство. Государственный идеал» (Прага, 1931). Рассматривая «территориальные типы государств», Алексеев выделял четыре типа государств с точки зрения их величины: волость, представляющая собой «часть земли <...> населенную несколькими родами или семейными общинами», «земля» («политическое образование, возникшее в результате соединения значительного количества волостей и поселений под одной общей властью»), «царство» (к этому типу ближе всего стоят «национальные государства Нового времени» до эпохи колонизации, а также древнеболгарское, Московское, Хазарское царство) и, наконец, «государство-мир». «Это самое большое из всех возможных политических объединений. Больше него может быть только одно — совокупное человечество, объединенное в мировое государство» (*Алексеев Н.Н.* Теория государства. С. 27). «Государство-мир», подчеркивал Алексеев, имеет в качестве территориальной основы ту или иную «часть света» и стремится «заполнить» ее собою. Среди современных государств-миров Алексеев называл Британскую империю, Францию с ее колониями, Соединенные штаты и Китай, а в истории видел проявление этого государственного типа в императорском Риме, державе Александра Македонского, Персидском царстве, Ассиро-Вавилонском царстве, в империи Чингисхана и, наконец, в Российской империи (Там же. С. 27–28).

РЕВОЛЮЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Впервые: Свой путь. 1931. № 1. Июнь. С. 1. Подпись: «Констал».

Газета «Свой путь» выходила в Эстонии в г. Кохтла-Ярве в 1931–1932 гг. (всего вышло 7 номеров). Газета была органом эстонской евразийской группы и ставила своей главной задачей распространение евразийских идей. Ее редактором был глава группы инженер-экономист В.А. Пейль, вступивший в евразийское движение во время учебы в Праге. К.А. Чхеидзе активно поддерживал работу эстонских евразийцев, фактически являлся их идейным и духовным наставником. Он регулярно переписывался как с самим Пейлем, так и с членами группы С.И. Чуевым, И.С. Снетковым, А.К. Прейнвальцем, посылал им евразийскую литературу и издания по Н.Ф. Федорову, давал советы, отвечал на вопросы — как практического, так и теоретического свойства, писал о религиозно-философских основаниях евразийских идей.

В.А. Пейль в своих письмах Чхеидзе неоднократно просил присылать статьи евразийских авторов, подчеркивая, что для газеты катастрофически не хватает материала, что члены эстонской группы — «народ не хитрый в публицистике. Есть шахтеры, но нет литераторов» (В.А. Пейль — К.А. Чхеидзе, 8 октября 1931 // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 59. Л. 11). Чхеидзе неизменно откликался на эти просьбы. Он присылал для газеты собственные статьи, печатавшиеся под различными псевдонимами, статьи других авторов, в том числе П.Н. Савицкого. Помимо печатаемых в наст. изд. трех статей, в газете «Свой путь» были опубликованы следующие статьи К.А. Чхеидзе: «Еще о компартии, пятилетке и дэмпинге» (1931. № 3. Подпись: «К. А. Ч.»); «Коллективизация в СССР» (1931. № 4. Подпись: «Констал»); «Письмо комсомольцу» (1931. № 3–5; текст был написан Чхеидзе и переслан И.С. Снеткову, в письме В.А. Пейлю Чхеидзе просил перечесть письмо и напечатать его «под фамилией К. Шергило», однако в конечном итоге письмо было напечатано под криптонимом «И. С.», возможно, потому, что И.С. Снетков внес в него свои дополнения); «Задачи молодежи» (1931. № 7).

¹ Чхеидзе называет главных идеологов так называемой «левой оппозиции», разгромленной на XV съезде ВКП (б) в 1927 г. Христиан Георгиевич *Раковский* (Кръстьо Станчев, 1873–1941) — болгарин, деятель революционного движения, после Октябрьской революции жил и работал в СССР, в 1919–1923 гг. председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины, с 1923 г. полпред в Великобритании, в 1925–1927 гг. — полпред во Франции. Карл Бернгардович *Радек* (наст. фам.: Собельсон, 1885–1939) — деятель международного социал-демократического движения, в 1919–1924 гг. член ЦК РКП (б), в 1920–1924 гг. член Исполкома Коминтерна, был одним из идеологов плана вооруженного восстания в Германии в 1923 г., в ходе которого должен был быть осуществлен захват власти коммунистами. Проект, о котором Радек докладывал 23 августа 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б), был негативно оценен И. Сталиным и не поддержан. Лев Давыдович *Троцкий* (наст. фам.: Бронштейн, 1879–1940) — партийный и государственный деятель СССР, деятель международного рабочего и коммунистического движения, теоретик марксизма, один из организаторов Октябрьской революции. Идеолог и сторонник перманентной революции, подчеркивавший, что революция в Европе должна последовать вслед за русской революцией, утверждая и укрепляя ее позиции.

ГЕРОИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

Впервые: Свой путь. 1931. № 2. Июль–август. С. 1. Подпись: «К. А. Ч.»

КОММЕНТАРИИ

О ДВУХ ПОКОЛЕНИЯХ

Впервые: Второе поколение. 1931. 13 июня. № 11. С. 2 (в сокращении). Подпись: «К.А. Чхеидзе». Полная публикация: Свой путь. 1931. № 2. Июль–август. Подпись: «Констал».

В статье «О двух поколениях» К.А. Чхеидзе стремится дать оценку спектра идейных течений русского зарубежья, на новом витке поставить вопрос об «отцах» и «детях» эмиграции (см. статьи «Казачьему сполоху», «От “nihil”я к “ничегоку”»). Первая публикация статьи состоялась в газете «Второе поколение» (см. примеч. 23). К.А. Чхеидзе был хорошо знаком с ее редактором Н.В. Быстровым и членами редакции В.Д. Белым, А.А. Воеводиныным и др. Не примыкая к новому объединению, он поместил в газете «Второе поколение» две статьи («О двух поколениях» и «Теория и практика советского государства» (1931. 30 мая. № 9)) и фрагмент «Молитва Заурбека» из книги «Страна Прометей» (1931. 20 июня. № 12), участвовал в заседаниях клуба. Выступал на диспуте «Задачи газеты “Второго поколения”», который был устроен 19 мая 1931 г., приветствуя стремление «второпокolenцев» в катастрофичную, взрывчатую эпоху сказать свое «новое слово», наметить пути движения в будущее: Задачи газеты второго поколения (собрание-диспут) // Второе поколение. 1931. 23 мая. № 8. С. 3.

В газете «Второе поколение» статья «О двух поколениях» была помещена в сокращении. Без дополнительных разысканий трудно сказать, были ли эти сокращения, в ряде случаев касавшиеся острых моментов статьи, сделаны редакцией или самим Чхеидзе, решившим несколько притушить резкий пафос своей статьи из дипломатических соображений.

В полном виде, но под псевдонимом, статья была опубликована в газете «Свой путь». В наст. изд. печатается по тексту этой публикации. Далее в комментариях приведены варианты полной и сокращенной версий.

¹ В романе «Бесы» мысль Шигалева о «судороге», которую время от времени нужно пускать по земле, высказывает Петр Верховенский: «Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно» (*Достоевский*. 10, 323).

² Этот абзац отсутствует в сокращенной версии.

³ Это предложение отсутствует в сокращенной версии.

⁴ Это предложение отсутствует в сокращенной версии.

⁵ В сокращенной версии: «к некоторому пореволюционному статусу».

⁶ В сокращенной версии: «к давнопрошедшему периоду».

⁷ В сокращенной версии: «призывы с другой стороны». *«Двуглавый орел»* — центральный периодический орган монархической мысли, издавался с 1920 по 1922 г. в Берлине, с 1926 по 1931 г. в Париже (всего вышло 42 номера). Журнал освещал деятельность монархических организаций русского зарубежья, печатал программные статьи и документы правых монархистов.

⁸ В сокращенной версии статьи: «смешные попытки кого-то». Под «заграничными социалистами» Чхеидзе имеет в виду Заграничную делегацию РСДРП, созданную в 1921 г. частью меньшевистских деятелей, оказавшихся в эмиграции (Л. Мартов, Р. Абрамович, Б. Николаевский и др.).

⁹ Этот абзац отсутствует в сокращенной версии.

¹⁰ *Зарубежный Съезд* — съезд, организованный консервативным лагерем русской эмиграции в целях консолидации идейных сил русского зарубежья. Проходил в Париже с 4 по 11 апреля 1926 г. Помимо правых и центристских течений на съезд были приглашены и левые партии, однако последние, как и некоторые умеренные партии и союзы, отказались

от участия в работе съезда. «Левым» крылом съезда Чхеидзе называет представителей либерального консерватизма, главным идеологом которых был П.Б. Струве, а печатными органами — газеты «Возрождение» (1925–1940 гг., гл. ред. — П.Б. Струве), «Россия» (1927–1928, гл. ред. — П.Б. Струве), «Россия и славянство» (1928–1934, ред. — К.И. Зайцев, один из основных сотрудников — П.Б. Струве).

¹¹ 17 октября 1905 г. императором Николаем II был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», в котором были провозглашены гражданские свободы (свобода совести, слова, собраний, союзов), говорилось о необходимости привлечь к выборам в Государственную думу те слои населения, которые были лишены избирательных прав (прежде всего рабочие и городская интеллигенция), Дума признавалась законодательным органом. 23 апреля 1906 г. императором были утверждены Основные Государственные Законы, в которых подчеркивалась незыблемость самодержавной власти и одновременно указывалось, что император осуществляет законодательную власть «в единении» с Государственным советом и Государственной думой.

¹² В сокращенной версии: «Идя от “правого фланга”, после зубров “старого доброго производства”, сталкиваемся с течением, зовущим в сущности к 17 октября 1905 года и “основным законам” 1907 года».

¹³ Речь идет о Республиканско-демократической группе партии Народной Свободы, объединявшей левых кадетов, главным идеологом которых был П.Н. Милуков. Идеи П.Н. Милукова составили идеологическую платформу редактируемой им газеты «Последние новости» (1921–1940). Газета провозгласила демократическую политическую программу, подчеркивая, что будущая Россия должна представлять собой демократическую республику с федеративным устройством и широкой опорой на крестьянство; отмежевывалась от реставраторских и монархических тенденций, проводила курс на последовательный отказ от интервенции, призывала опираться на творческие силы внутри самой России. «Последние новости» вели многолетнюю идеологическую полемику с газетой «Возрождение».

¹⁴ Текст со слов: «Самое главное...» и до конца абзаца в сокращенной версии статьи отсутствует.

¹⁵ Данное предложение в сокращенной версии статьи отсутствует. «Дни» — газета (1922–1928, Берлин, Париж) и журнал (1928–1933, Париж), орган партии правых эсеров. Основателем газеты и главным редактором журнала был А.Ф. Керенский, бывший глава Временного правительства.

¹⁶ Текст со слов «устремленного на неодолимое желание...» и до конца абзаца отсутствует в сокращенной версии.

¹⁷ Выражение «и страсть» в сокращенной версии отсутствует.

¹⁸ Данная фраза в сокращенной версии отсутствует. Имеется в виду карикатура «Садик русской эмиграции» (худ. А. Шарый), помещенная в журнале «Сатирикон» (1931. 11 апреля. № 2. С. 4). На карикатуре один из представителей старшего поколения эмиграции изображен строящим картонный домик.

²⁰ Данное предложение в сокращенной версии отсутствует.

²¹ В 1920-е гг. в Советской России широко развернулась деятельность евангельских христиан-баптистов, создававших сети молодежных кружков, которые ставили своей целью противодействие безбожью, умственное и нравственное воспитание подростков и молодежи. ВКП (б), озабоченная борьбой с православной церковью, не препятствовала работе сектантов, а подчас даже поддерживала ее. Наиболее широкое объединение, известное под именем Христомола («христианской молодежи»), насчитывало к 1928 г. 2 миллиона членов.

²² Этот абзац в сокращенной версии отсутствует.

КОММЕНТАРИИ

²³ «Второе поколение» — молодые представители пражской эмиграции, объединившиеся осенью 1930 г. в клуб «Второе поколение». Инициатором создания клуба и главным идеологом «Второго поколения» был выпускник Русского юридического факультета в Праге, публицист, общественный деятель Н.В. Быстров. Еще в 1920-е гг. он выступал в печати в дискуссии об «отцах» и «детях» русской эмиграции, рисуя мировоззренческий и духовный облик нового поколения (см. преамбулу примеч. к очерку «Как живут и работают...»). В 1931 г. Н.В. Быстров предпринял издание газеты «Второе поколение» (выходила с апреля по 20 июня 1931 г., вышло 12 номеров). Газета стала идейным рупором группы, имевшей своей целью объединение эмигрантской молодежи не на политических (в отличие от зараженных партийностью представителей старшего поколения), а на патриотических и духовно-нравственных основаниях. «Второпоколенцы» стремились «найти формы, в которых каждый эмигрант, без героической жертвенности для политики, мог просто ежедневно исполнять свой национальный и нравственный долг борьбы с коммунизмом в меру сил, средств и времени, которыми он располагает», делали ставку не на форсированный политический «активизм», а на «длительную и терпеливую работу» (Быстров Н.В. Реорганизация борьбы // Второе поколение. 1931. № 2. 11 апреля. С. 1). Работа Клуба с разной степенью интенсивности шла на протяжении 1930-х гг. В ее рамках проходили диспуты, заслушивались доклады, организовывались встречи и собеседования представителей различных пореволюционных течений и группировок (см.: Хроника. II, 39, 48, 55, 69, 74, 76–77, 355, 360–361). Фронт Молодых — имеется в виду Национальный союз русской молодежи за рубежом, возникший в 1930 г. (в 1931 г. изменил название на Национальный союз нового поколения, в 1936-м — на Национально-трудовой союз нового поколения). 11 июня 1931 г. представители союза принимали участие в собрании членов политических группировок в Клубе «Второе поколение» (Хроника. II, 76). Концепция союза была основана на идее «национально-трудового солидаризма», сочетала в себе требование сильной централизованной власти с декларацией личных свобод, равенства всех перед законом, отмены классовых и сословных привилегий.

²⁴ Перечень объединений в сокращенной версии отсутствует. Под *федоровцами* на Дальнем Востоке имеется в виду Н.А. Сетницкий, с которым Чхеидзе состоял в регулярной переписке; под *устряловцами* — живший в Харбине Н.В. Устрялов и сменовеховцы в Европе; под *национал-максималистами* — Ю.А. Ширинский-Шихматов и его сторонники, искавшие преодоления большевизма на путях синтеза идеи социальной справедливости с началом христианской правды; под *группой журнала «Утверждения»* — того же Ширинского-Шихматова, авторов и членов редколлегии журнала, выдвинувшего лозунг объединения пореволюционных течений, которые едины в своем чаянии «третьего» (не капиталистического и не коммунистического) пути для грядущей России, и призвавшего их к широкому диалогу в целях «оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической идеи в ее проекции на современность» (Утверждения. 1931. № 1. С. 7).

²⁵ На этой фразе сокращенная версия статьи завершается.

АНТИНОМИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Печатается по: FP. I.3.27.

Статья была написана К.А. Чхеидзе для католического журнала «Акце» (*Čcheidze K.A. Antinomie naší doby // Akce kulturní, sociální, politická. 1933. № 6. S. 85–86.*)

Русский текст статьи (в машинописи) был послан Чхеидзе Н.А. Сетницкому в письме от 9 июня 1933 г. (FP. I.3.27). 10 сентября 1933 г. Чхеидзе предлагал своему харбинско-

му корреспонденту использовать статью «Антиномии современности» вместе со статьей «К проблеме идеократии» для сборника «Вселенское Дело» (ФР. I.3.27), однако ни та, ни другая статья в сборник не попала: Сетницкий решил остановиться на третьей статье Чхеидзе — «Проблема идеократии».

¹ Лев Семенович *Берг* (1876–1950) — физико-географ и биолог, автор фундаментальных работ по географии, ихтиологии, теории эволюции. В книге «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (Пб., 1922) противопоставил эволюционной концепции Ч. Дарвина концепцию эволюции, осуществляющейся на основе внутренних закономерностей, присущих живому. «Автономический ортогенез» осуществляется, по утверждению Берга, вне зависимости от условий окружающей среды и имеет направленный характер, устремляясь в сторону совершенствования организации, усложнения физиологии и морфологии живых существ.

² Сергей Иванович *Метальников* (1870–1946) — биолог, основоположник психонейроиммунологии, занимался проблемами старения (обосновал тезис о бессмертии клетки). В 1920 г. эмигрировал во Францию, возглавлял лабораторию в Институте Пастера в Париже. В книге «Проблема бессмертия и омоложения в современной биологии» (Берлин, 1924) С.И. Метальников на основе целого ряда научных данных приходил к выводу о том, что смерть в природе не изначальна, возникла на определенном этапе эволюции и, являя собой «огромное индивидуальное зло», должна быть преодолена человечеством. С.И. Метальников предлагал создать «специальное исследовательское учреждение» — «институт экспериментального исследования старости и смерти», в котором эта задача решалась бы «коллективной работой многих ученых» (Указ. соч. С. 136, 170).

³ Петр Николаевич *Савицкий* (1895–1968) — экономист, географ, социолог, один из основателей и идеологов евразийства. Председатель ЦК евразийской организации и глава Пражской евразийской группы. В целом ряде работ (статьи в евразийских сборниках, отдельные издания: «Россия — особый географический мир» (Прага, 1927), «Географические особенности России» (Прага, 1927), «Месторазвитие русской промышленности» (Берлин, 1932) и др.) дал обстоятельный очерк географического пространства Евразии, определяющего особенности ее экономического склада: наличие трех равнин, единая степная полоса, пронизывающая Евразию с запада на восток, ограниченность с севера — тундрой, а с юга — горной грядой привели к необычайной пространственной целостности, что повлекло за собой — при наличии естественных богатств — и стремление к экономической самодостаточности.

⁴ Петр Демьянович *Успенский* (1878–1947) — философ-мистик и психолог. Чхеидзе отсылает к его книге «Терциум органум. Ключ к загадкам мира» (первое издание: СПб., 1911), в которой Успенский исследовал проблему четвертого измерения и намечал пути перехода к новому пониманию бытия и человека, основанному на слиянии личности с миром, «ощущении живой и сознательной вселенной», к новой синтетической логике, основанной на идее «единства всего». Цитаты, приводимые Чхеидзе, содержатся в напечатанной в книге «Таблице четырех стадий психической эволюции».

⁵ *Лоренц фон Штейн* (1815–1890) — немецкий философ, правовед, историк, экономист, создатель учения о социальном государстве, согласно которому национальное государство «должно способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо <...> в конечном слове развитие одного выступает условием развития другого» (Цит. по: *Милецкий В.П.* Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб., 1997. С. 82).

⁶ «Предоставьте делать, предоставьте идти» (*фр.*).

КОММЕНТАРИИ

⁷ Одним из фундаментальных понятий теории общественного договора Жан-Жака Руссо является понятие общей воли как единства волеизъявлений личностей, народа. Когда люди вступают в договорные отношения, связь между ними образует некое «условное коллективное Целое», имеющее «свое общее я», свою волю (Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161). Руссо, несмотря на расхожую интерпретацию его идей, не сводил общую волю к простой совокупности волеизъявлений индивидуума, а понимал под ней новое качество, рождающееся из единства многих волей.

⁸ *Принципы Вильсона* — см. примеч. 4 к статье «Лига Наций и государства-материки». *Декларация прав народов России* была провозглашена 2 (15) ноября 1917 г. и утверждала равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отменяла национальные и национально-религиозные привилегии и различия, подчеркивала принцип свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих пространства России.

⁹ Эта статья К.А. Чхеидзе неизвестна.

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОКРАТИИ

Впервые: Новая эпоха: Идеократия. Политика-Экономика. Обзоры. Нарва, 1933. С. 15–22. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Сборник «Новая эпоха», в котором печаталась статья Чхеидзе «К проблеме идеократии», был издан в Эстонии евразийской группой под руководством В.А. Пейля и представлял позицию евразийцев по основным идеологическим, политическим, экономическим проблемам эпохи. Первоначально сборник задумывался старшими евразийцами как своего рода второй «Исход к Востоку», но только составленный и изданный самостоятельно молодыми евразийцами с периферии (Эстония, Литва, Польша); идея, по всей видимости, принадлежала Чхеидзе (см. его письма писательнице, публицистке С.Д. Бохан, члену литовской евразийской группы, от 22 сентября, 28 октября 1932 г. и В.А. Пейлю от 28 сентября 1932 г. // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 15, 59). Однако из-за малого количества «пишущих авторов»-евразийцев в лимитрофах к сотрудничеству в сборнике были привлечены и представители основного евразийского ядра в Западной Европе (П.Н. Савицкий, К.А. Чхеидзе, П.Н. Малевский-Малевич). Анонимно участвовал в сборнике даже Н.С. Трубецкой (статья «Мысли об автаркии» за подписью «Н. С. Т.»), вернувшийся в евразийское движение в начале 1930-х гг.

В статье «К проблеме идеократии», основываясь на идеях русской религиозной философии, К.А. Чхеидзе формулирует идеал активного христианства: соучастие всецелого человечества «в обожении мира», находит подтверждение этой идеи в современных научных данных, с высшей, религиозно-проективной точки зрения рассматривает социальное строительство и проблему идеократии, одну из стержневых в учении евразийцев.

¹ Цитата из статьи В.С. Соловьева «Красота в природе» (Соловьев 1924, 128).

² Цитата из трактата В.С. Соловьева «Смысл любви» (1892–1894) (Соловьев 1924, 11, 12).

³ Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) — богослов, философ, профессор кафедры нравственного богословия Московской духовной академии (1902–1918). Автор фундаментального труда «Основы христианства» (М., 1908–1910). Развивал представление о «христианской философии», которая есть плод «верующего ума», как о «высшей форме нравственного учения о христианстве», подчеркивал, что только на ее почве возможно свободное христианское творчество (Тареев М.М. Христианская философия. М., 1917. С. 13, 21). Полагал, что русская религиозная философия «есть наш национальный вклад

КОММЕНТАРИИ

в сокровищницу религиозной идеологии» и «основной фактор нашего национального возрождения» (Там же. С. 54). Мысль о связи веры в Богосыновство Иисуса Христа и признания богосыновства человека, которую в своей статье приводит Чхеидзе, была для М.М. Тареева ключевой. По убеждению философа, «религиозное значение нашего времени» состоит в том, что «Отец Небесный становится не только Отцом всех народов, но и Отцом всего мира», «Отцом Истории» (*Тареев М.М. Основы христианства. Т. IV. Христианская свобода. Сергиев Посад, 1908. С. 195*). Сознывая себя сыном Божиим, человек «чувствует себя в центре всего мира — Бог действует не через природу на него, но через него на природу», человек становится «продолжателем дела Христа», «видит свое призвание в том, чтобы сделать что-нибудь Божие для всех людей, принести себя им в жертву» (Там же. С. 383; ср.: Там же. С. 392).

⁴ Александр Леонидович *Чижевский* (1897–1964) — выдающийся ученый, родоначальник гелио- и космобиологии, мыслитель, поэт, художник. К.А. Чхеидзе отсылает к его книге «Физические факторы исторического процесса» (М., 1924), в которой ученый в популярном виде излагал выводы своей докторской диссертации «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», устанавливавшей причинно-следственную зависимость между природными, историческими катаклизмами (эпидемии, землетрясения, войны, революции и т.д.) и колебаниями солнечной активности.

⁵ Изложение идей Чижевского Чхеидзе дает по четвертому выпуску работы А.К. Горского «Николай Федорович Федоров и современность» (*Остромиров А. Николай Федорович Федоров и современность. Очерки. Вып. 4. Острые мирового кризиса. Харбин, 1933. С. 44–46*). Приведенная Чхеидзе цитата находится на с. 44.

⁶ См. примеч. 1 к статье «Из области русской геополитики».

⁷ См. примеч. 1 к статье «Лига Наций и государства-материки».

⁸ *Да-Тун* — «Великое единение», «Великое равенство»; одно из основных понятий конфуцианства. Утопическое общество «великого единения» описано в трактате «Ли цзи» (V–II в. до н.э.). Понятие «Да-Тун» приобрело популярность в социально-философской мысли Китая и Японии начиная со второй половины XIX в.

⁹ В так называемом большом царском титуле перечислялись земли, вошедшие на протяжении истории в состав Государства Российского. Каждая новоприсоединенная территория вписывалась в титул. Государь именовался «всяя Великия и Малыя и Белья России самодержцем», царем «Московским, Киевским, Владимирским, Новгородским, царем Казанским, царем Астраханским, царем Сибирским» и т.д. При Александре II в титул была внесена Армянская область, а Александр III уже именуется царем Грузинским и царем Туркестанским.

¹⁰ Луи *Блерио* (1872–1936) — французский инженер, один из пионеров авиации. В 1900 г. начал строительство планеров, с 1906 г. — самолетов. В 1909 г. совершил перелет через Ла-Манш. Томас Алва *Эдисон* (1847–1931) — американский изобретатель, усовершенствовал конструкцию телефона, создал фонограф, был автором проекта первой в мире электростанции.

¹¹ Имеется в виду орден иезуитов, моральная доктрина которого называлась «приспособительной», что давало возможность «к вящей славе Божией», в зависимости от обстоятельств и требований дела, преступать нравственные нормы.

ПРОБЛЕМА ИДЕОКРАТИИ

Впервые: Вселенское Дело. Вып. 2. [Харбин], 1934. С. 44–60. Подпись: «К. Чхеидзе».

Статья была написана Чхеидзе для второго выпуска сборника «Вселенское Дело», посвященного памяти Н.Ф. Федорова. О содержании сборника и истории его создания см.:

Hagemeister, 436–443; *Pro et contra*. II, 290–402, 1079–1081; см. также переписку Сетницкого и Чхеидзе: *Сетницкий*, 397–443.

Название статьи — «Проблема идеократии» — было дано Н.А. Сетницким (см. его письмо К.А. Чхеидзе от 23 января 1934 // *FP*. I.3.37). При публикации статьи Сетницкий сделал в ней сокращения, выпустив кусок, где с опорой на идеи П.А. Флоренского Чхеидзе писал о гносеологических основаниях проблемы идеократии. «Это не потому, чтобы я не был несогласен с Вашими построениями, — объяснял Сетницкий мотивы сделанных сокращений, — а потому что архитектоника Вашей статьи тяжеловата. Я думаю, что как глава книги она удачна, но как статья перегружена (о том, что это “глава”, говорит и конец, в сущности обещающий продолжение» (Там же). В письме от 29 марта 1934 г. Чхеидзе выражал сожаление, что статья была сокращена, подчеркивая, что «в выпущенных страничках содержится наиболее (если не интересная, то) значительная часть», и советуя последователям Н.Ф. Федорова «обратить внимание на гносеологию» (*Сетницкий*, 434).

¹ Выражение Эмманюэля Жозефа *Сийеса* (1748–1836), аббата, деятеля Великой французской революции, автора брошюры «Что такое третье сословие?» (1789; рус. пер. — 1906), в которой была дана критика феодального абсолютизма, а в качестве основной политической силы выдвигалась буржуазия.

² О выражении «новое средневековье» и его употреблении у Н.А. Бердяева см. примеч. 2 к статье «Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству?» Идея «нового средневековья» возникла у Н.А. Бердяева под влиянием осмысления книги О. Шпенглера «Закат Европы», в которой тот отказался от привычной концепции последовательной смены эпох: «Древний мир — Средневековье — Новое время», выдвинув на передний план идею противоборства цивилизации и культуры. Тезис о «возврате к средневековью», трактуемый как процесс «восстановления», «возрождения культуры», высказывал и Р. Виппер (*Vinper R. Круговорот истории*. М.; Берлин, 1923. С. 8).

³ Имеется в виду пассаж из первой речи Заратустры, героя книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1892), в котором он рисует будущее «мещанское» человечество, заклинившееся в своей ограниченной природе, не стремящееся восходить: «“Счастье найдено нами” — говорят последние люди, и моргают» (*Ницше Ф. Так говорил Заратустра*. Книга для всех и ни для кого. СПб., 1911. С. 10).

⁴ «*Universalia sunt realia*» — формула средневекового реализма, настаивавшего на действительном и независимом от сознания существовании общих понятий.

⁵ Имеется в виду Поль *Ланжевен* (1872–1946), французский физик и общественный деятель, с 1925 г. — директор Школы индустриальной физики и химии, преобразованной им годом спустя в высшее учебное заведение.

⁶ Ин 1:1.

⁷ Быт. 2:24.

⁸ Понятие *дробного идеала* К.А. Чхеидзе заимствует у Н.А. Сетницкого, который ввел его в своей книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932), где дробным и ущербным идеалам, несовершенным то по цели, то по средствам своего воплощения, противопоставлялся идеал целостно-религиозный, освящающий творческую активность человека не только в пределах социума, но — в природе и космосе.

⁹ Владимир Николаевич *Ильин* (1891–1974) — философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор. С 1925 по 1941 г. — преподаватель Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже. В 1920-е гг. принимал участие в евразийском движении, разрабатывая религиозно-философские основания евразийской доктрины. В период кламарского раскола был на стороне «правых» евразийцев, являлся одним из авторов брошюры «Газета “Евразия” не есть евразийский орган» (Париж, 1929).

КОММЕНТАРИИ

В 1930-е гг. порвал с евразийством. Источник цитаты, приведенной К.А. Чхеидзе, не установлен, возможно, это было устное высказывание.

¹⁰ Концепция «идеократии», выдвинутая филологом, философом, одним из ведущих идеологов евразийства Николаем Сергеевичем *Трубецким* (1890–1938), была основана на представлении о том, что в основе каждой культуры лежит присущая ей органически идея, которая и формирует ее особый, непохожий на других облик, влияя также на становление общественных и государственных институтов. Большой частью это влияние идеи на культуру народа не является осознанным, будучи же переведена в область сознания, она образует особую систему власти — идеократию, в которой находящийся у власти «правящий слой» спаян единством мировоззрения, а государственное строительство всецело руководится верховной идеей. Фашизм и коммунизм Н.С. Трубецкой называл «ложными» идеократиями, полагая, что подлинную основу идеократии может дать лишь евразийство.

¹¹ Имеется в виду подписание так называемых Латеранских соглашений между Королевством Италии и Ватиканом. Соглашения закрепляли за Ватиканом статус суверенного государства, расширяли права церкви в Италии. Соглашения были подписаны 11 февраля 1929 г. (а не 1930 г., как указано у Чхеидзе) кардиналом Пьером Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини, обеспечившим себе в результате этого соглашения необходимую поддержку главы католической церкви.

¹² Конкордат между Ватиканом и Третьим рейхом был заключен 20 июля 1933 г. Заключая конкордат, Гитлер успокаивал католическое население Германии и одновременно получал поддержку Ватикана. Что касается надежд римского престола на свое влияние в Германии, то они не сбылись: напротив, в результате конкордата церковь вскоре стала беззащитной перед лицом нацистского государства.

¹³ Представление об эволюционном процессе, имеющем целестремительный, восходящий характер, ведущем к возрастанию духа в лоне материи, было развито французскими философами и учеными А. Бергсоном и П. Тейяром де Шарденом. Такой взгляд перекидывал мост между научной и религиозной картинами мира, преодолевал оппозицию материализма и идеализма через понятие *материологизма*, где неразрывно соединены Логос, ведущий бытие к совершенству, и материя, просветляемая его преобладающим действием.

¹⁴ Фраза вставлена Н.А. Сетницким. 23 января 1934 г. он писал своему пражскому корреспонденту: «Вся статья заостряется в указание на выход, вернее на место, где намечены пути выхода из современных тупиков (Фил<ософия> Общ<его> Дела), но в Вашем ходе мысли путь к этой цели оказывается очень длинным, отсюда разбивается внимание по ряду русел: “аналитика” индивидуалистическая, националистическая, классовая, и в последний момент “намеки” на новые возможности оказывается не слишком мотивирован. — Я позволил себе намек раскрыть, упомянув прямо о Н. Ф. Ф<едорове> и Ф<илософии> Общ<его> Д<ела>. — Надеюсь Вы не посетуете на меня за эти редакторские замашки» (ФР. I.3.27).

¹⁵ Имя Н.Ф. Федорова вставлено Н.А. Сетницким.

ИДЕТ ЛИ МИР К ИДЕОКРАТИИ И ПЛАНОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ?

(ОТВЕТ НА АНКЕТУ)

Впервые: Евразийские тетради. 1934. № 2–3. С. 26–28. Подпись: «К. Чхеидзе».

В № 2–3 «Евразийских тетрадей» были опубликованы ответы участников евразийского движения на вопрос редакции: «Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству?»

КОММЕНТАРИИ

Среди ответивших на анкету были П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой (последний под инициалами: «Н. С. Т.»), члены Пражской евразийской группы А.П. Антипов, С. Баксанов, молодые евразийцы из Эстонии: В.А. Пейль, А.К. Прейнвальц, Н.А. Макшеев и др.

¹ Имеется в виду образ совершенного правителя, ходящего путем Господним, воплощенный в 3 книге Царств в образе царя Соломона, строителя Иерусалимского храма (3 Цар. 2:12–10:29).

² «Новое средневековье» — выражение Н.А. Бердяева из его книги «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (Берлин, 1924), в которой он выражал мысль об изживании духовных начал Новой истории, о современной эпохе как об эпохе кардинальной смены оснований сознания и культуры, подобной времени перехода от Античного мира к Средним векам.

ИДЕЯ-ПРОЕКТ

Печатается по: FP. I.3.27

На чешском языке статья была напечатана в журнале «Акце»: Akce kulturní, sociální, politická. 1934. № 5–6. S. 47–48.

Понятие «идея-проект» сформулировано Чхеидзе под влиянием философии Н.Ф. Федорова, стремившегося к преодолению разрыва между сущим и должным, между действительностью и идеалом. Проект, включающий в себя понятие действия, волю к осуществлению блага, создает основу для воплощения в мире идеального образа, преобразования бытия в благобытие. «Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна» (Федоров. I, 296).

¹ Цитата из романа М.П. Арцыбашева «У последней черты» (1910–1911). Художник Михайлов в порыве болезненного вдохновения пишет картину о самоубийце, и его бывшая возлюбленная Нелли при одном лишь взгляде на нее понимает «все, даже то, что Михайлов только хотел, но не мог выразить своей картиной» (Арцыбашев М. У последней черты: В 2 ч. Ч. 2. Рига, 1931. С. 390).

² Речь идет о божестве Вишну, третьем божестве Тримурти, индийской троицы, выражающей три различных проявления верховного божества. Если первый бог Брахма является творческим началом, второй Шива — разрушительным, то Вишну воплощает в себе вечно обновляющееся начало природы.

³ «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11:12).

⁴ Имеется в виду христианское представление о дьяволе как «обезьяне Бога»: не обладая творческой силой Господа, он способен лишь на подражание, на искажение Божьего творения. Выражалось многими отцами Церкви, в частности бл. Августином и свт. Василием Великим.

⁵ Чхеидзе цитирует воззвание «От редакции», открывавшее первый выпуск сборника «Вселенское Дело» (Вселенское Дело. Вып. 1. Одесса, 1914. С. VIII). Источником цитаты могли послужить как эта книга, так и второй выпуск «Вселенского Дела», где фрагменты воззвания были приведены в статье Н.А. Сетницкого «“Вселенское Дело” в прошлом» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 109–110).

ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХОЗЯЙСТВА

Впервые: Евразийская хроника. 1935. № 11. С. 51–56. Подпись: «К.А. Чхеидзе». Корректирный оттиск статьи К.А. Чхеидзе выслан Н.А. Сетницкому (см. письмо от 8 декабря 1934 // ФР. I.3.27).

¹ Понятие государственно-частной системы хозяйства, легшее в основу социально-экономической программы евразийства, было сформулировано в книге Н.Н. Алексеева «Собственность и социализм» (Париж, 1928). Подчеркивая, что задача «народоводительства» является одной из главных задач государства и оно не может относиться индифферентно к нравственности и религии, образованию и науке, внешней политике и медицине и, наконец, к экономике, Н.Н. Алексеев выдвигал государственно-частную систему хозяйства, предполагающую органическое сочетание государственной стратегии и частной инициативы, планирования и свободы хозяйственного самоопределения личности. Как подчеркивалось в программном документе евразийства 1930-х гг. «Декларация. Формулировка. Тезисы» (Прага, 1932), государственно-частная система представляет собой не компромисс между капитализмом и социализмом, но творческий синтез тех продуктивных черт, которые есть в обеих противоборствующих системах. Она «вытекает из общего утверждения Евразийством соборной личности народа как органического синтеза целого и частного, общего дела и личной автономии» (Указ. соч. С. 19).

² На XVII съезде ВКП (б) (26 января — 10 февраля 1934) были подведены итоги первой пятилетки, зафиксирован подъем экономики в СССР, прежде всего в индустриальной области, рост научно-технической мысли, достижения в области образования (осуществлен переход к всеобщему обязательному начальному обучению, широко развернулось внешкольное образование) и др. Во вступительной речи В.М. Молотова на открытии съезда и в отчетном докладе И.В. Сталина, выступлениях делегатов съезда, газетных сообщениях неоднократно повторялись утверждения о росте уровня благосостояния трудящихся (Правда. 1934. 27–30 января. № 26–29). Выдвинув задачу повышения материального уровня рабочих и крестьян, съезд установил снижение розничных цен, увеличил цифру народного дохода, выдвинул задачу внедрения хозрасчета во всех звеньях народного хозяйства, укрепления рубля и т.д. В докладе И.В. Сталина ставилась задача наладить «развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства». «Необходимо, — подчеркивал вожь, — чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок безостановочно циркулировали товары от мест производства к потребителю» (Правда. 1934. 28 января. № 27). Вероятно, именно в этом смысле Чхеидзе говорит о «новом НЭПе», поскольку утвержденная съездом задача углубления индустриализации и полного завершения коллективизации в деревне указывала на невозможность возвращения к политике НЭПа, построенной на развитии частно-хозяйственной инициативы.

³ Цитата из статьи К.Н. Леонтьева «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888). Источником цитаты могли послужить для К.А. Чхеидзе книги Н.В. Устрялова «Германский национал-социализм» (Харбин, 1933), в которой фраза Леонтьева была поставлена эпиграфом к заключению (С. 78), и «Наше время» (Харбин, 1934), где она использовалась в качестве эпиграфа к статье «Хлеб и вера» (С. 143).

О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ РОССИИ — СССР

Впервые: Знамя России. 1935. № 6 (70). С. 19–21. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Статья была опубликована в номере, выпущенном ко «Дню русской культуры» и посвященном теме «Современная Россия». Давая анонс номера, редакция сообщала, что он «должен явиться отображением тех новостей и особенностей, которые в русскую и российскую жизнь внесены революцией» (Знамя России. 1935. № 5(69). С. 1). Помимо статьи Чхеидзе в номере были напечатаны следующие статьи: Г.П. Федотов. «Русская духовная культура и революция», В.А. Кузнецов. «Русская православная церковь», М.М. Новиков. «Наука в современной России», В.В. Саханев. «К характеристике советской литературы», И.И. Лапшин. «Современная русская музыка», Н.А. Еленев. «Свидетельства современной русской архитектуры», С.И. Гессен. «Советская школа», П.Н. Савицкий. «Природные богатства России (Изучение в годы первой и второй пятилетки)», Н.В. Быстров. «Русские национальные меньшинства».

¹ *Ойротия* — нынешняя Горно-Алтайская автономная область.

² 12 (24) августа 1898 г. Россия обратилась к мировым державам с нотой, содержащей предложение созвать конференцию по вопросу о разоружении. Инициатива была поддержана. Конференция мира прошла в Гааге 6 (18) мая – 17 (29) июля 1899 г., объединив представителей 109 стран Европы, Азии и Америки. Хотя главная цель конференции — ограничение вооружений — не была достигнута, на конференции был создан Гаагский международный суд для мирного разрешения споров и конфликтов держав.

³ *Дашнакцутюн* — армянская национальная партия, созданная в 1890 г. в Тифлисе и добивавшаяся освобождения западной части Армении от турецкого владычества.

⁴ См. примеч. 8 к статье «Антиномии современности».

⁵ Имеется в виду Договор и декларация об образовании СССР, принятые 30 декабря 1922 г. на декабрьском съезде представителей республик (съезд был назван I съездом Советов СССР), и Конституция СССР, принятая второй сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г.

⁶ Формулировка «Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура» прозвучала в докладе И.В. Сталина на XVI съезде ВКП (б) 27 июня 1930 г. (раздел доклада «Об уклонах в области национального вопроса») и была положена в основу национальной культурной политики 1930-х гг.

⁷ Абрам Моисеевич *Деборин* (1881–1963) — философ. Директор Института философии (1924–1931), ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» (1926–1930). Утверждал диалектический метод как универсальный метод описания природных и исторических явлений. Был одним из главных участников дискуссии 1920-х гг. по вопросу о соотношении материалистической философии и естествознания. В 1930–1931 гг. Деборин и его сторонники подверглись нападкам. Постановление ЦК «О журнале “Под знаменем марксизма”» (от 25 января 1931) обвиняло их в отрыве философии «от задач строительства социализма в СССР» (Правда. 1931. 26 января. № 26). Валериан Федорович *Переверзев* (1882–1968) — литературовед, сторонник социологического метода в исследовании литературы. Испытал влияние эстетической системы Г.В. Плеханова. Подчеркивал обусловленность творчества писателя социальной и классовой средой. В центр искусства ставил понятие «социального характера», указывал на необходимость изучения «идеологии образа», которая вместе с самим образом является «объективной сущностью» художественного произведения. В 1928 г. вышел сборник статей В.Ф. Переверзева и его последователей (Г.Н. Поспелов, У.Р. Фохт, В.Г. Совсун, И.М. Беспалов, А.И. Зонин и др.) «Литературоведение», послуживший поводом к дискуссии 1929–1930 гг. о «переверзев-

ской школе», итогом которой стала резолюция президиума Коммунистической академии (1930), обвинявшая концепцию Переверзева и его сторонников в меньшевизме.

⁸ К.А. Чхеидзе цитирует ответ Н.И. Бухарина на критику его доклада «о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», сделанного на Съезде писателей (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. С. 576).

⁹ 3–5 заседания Первого Всесоюзного съезда советских писателей были посвящены литературе народов СССР. На заседаниях прозвучали доклады М.Г. Торшелидзе о грузинской литературе, Д.А. Симоняна об армянской литературе, М. Алекберли об азербайджанской литературе, Р. Маджиди о литературе Узбекской ССР, О. Таш-Назарова о литературе Туркменской ССР, Г.А. Лахути о литературе Таджикской ССР и др. Шестое заседание было посвящено прениям по этим докладам. Вопрос о путях развития советской драматургии и развитии драматургии народов СССР поднимался на 16–18 заседаниях (см.: Там же. С. 50–169, 375–463).

¹⁰ Мысль о переходе от «эпохи науки» к «эпохе веры», обращающей человека к «основным, конечным проблемам существования», была заявлена еще в первом сборнике евразийцев «Исход к Востоку» (Вступление // Исход к Востоку. С. VI–VII) и затем не раз повторялась в статьях и декларациях идеологов движения. К.А. Чхеидзе стремится наполнить образ «эпохи веры» активно-христианским содержанием. По признанию, сделанному им в ответе на письмо Н.А. Макшеева (см. в наст. изд.), создавая статью «О национальностях России — СССР», он вдохновлялся идеями «Философии общего дела». Лейтмотивом по статье Чхеидзе проходит федоровский вопрос: «Для чего нужно собрание?» (Федоров. II, 13), в чем смысл исторического бытия России-Евразии, объединявшей под своей эгидой на протяжении веков земли и народы.

С ДРУГОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (К характеристике русского народа)

Впервые: Новая Искра. 1936. № 28. 2 мая; № 77. 23 июня. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

Газета «Новая Искра. Орган русской независимой мысли» выходила в 1936–1937 гг. в Литве в г. Вильно под ред. Д.Д. Бохана, писателя, поэта, публициста, председателя литературно-художественной секции Виленского русского общества. Поскольку Д.Д. Бохан был членом литовской евразийской группы, в газете периодически появлялись статьи евразийских авторов: П.Н. Савицкого, Я.А. Бромберга, А.П. Антипова, печатались статьи и кавказские легенды К.А. Чхеидзе. Кроме того, в газете публиковались литовские и эстонские евразийцы: сам Д.Д. Бохан, его дочь, филолог, публицист С.Д. Бохан, писатель и публицист В.Е. Гушик.

¹ Цитата приведена по изданию: Толстой Л.Н. Анна Каренина. Т. 1. Берлин: Товарищество И.П. Ладыжникова, 1919.

² Будущий канцлер Германии Отто Бисмарк (1815–1898) в 1859–1861 гг. был послом Пруссии в России.

³ См. примеч. 1, 2 к статье «Из области русской геополитики».

⁴ Все цитаты данного абзаца и близкий к тексту пересказ относятся к статье А.П. Щапова «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа» (Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1908. С. 1, 19–20).

⁵ Цитата из той же статьи А.П. Щапова (Там же. С. 37–38).

⁶ Неточная цитата из письма М.М. Сперанского Э. Дюмону (1804), содержащего следующую характеристику России: «Это именно та страна, которая, может быть, всего спо-

КОММЕНТАРИИ

собнее принять хорошее законодательство, именно потому, что в ней меньше приходится рассеивать ложных понятий, меньше приходится бороться против рутины и больше можно встретить послушной восприимчивости к благотворным действиям умного и рассудительного правительства» (Цит. по: *Таганцев Н.С. Русское уголовное право (Общая часть)* Ч. 1. СПб., 1902. С. 207).

⁷ По какому изданию сочинений А.С. Пушкина приведена цитата, не установлено.

⁸ К.А. Чхеидзе отсылает к двухтомному изданию воспоминаний Томаша Гаррига *Масарика (1850–1937)*, чешского философа и политического деятеля, первого президента Чехословацкой Республики: *Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания: В 2 т. Прага, 1926–1927.*

⁹ Цитата из стихотворения Анны Радловой «Под знаком Стрельца, огненной медью...» (1920).

¹⁰ Текст, начинающийся с этой фразы, помещен в № 77 газеты «Новая Искра» и имеет название «С иной точки зрения». Возможно, трансформация заглавия связана с долгим промежутком между выходом первой и второй части.

¹¹ «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!» (из письма А.С. Пушкина жене от 18 мая 1836 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 583).

¹² «К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда», — слова Степана Трофимовича Верховенского из романа «Бесы» (*Достоевский*. 10, 33).

¹³ Михаил Иванович *Туган-Барановский (1865–1919)* — экономист и социолог, представитель «этического социализма».

¹⁴ См. примеч. 1 к статье «Из области русской геополитики».

¹⁵ См. примеч. 1 к сборнику «На литературные темы».

¹⁶ «*День второй*» (1933) — название романа Ильи Эренбурга, написанного под впечатлением поездок по стране и посещения знаменитых строек первых пятилеток.

¹⁷ *Менделеев Д.И. Заветные мысли.* СПб., 1903–1904. С. 324–332, 339–340, 412 и др.

¹⁸ Там же. С. 181–183, 197–199.

О Н.Ф. ФЕДОРОВЕ И ЕГО УЧЕНИИ

Впервые: Новая Искра. 1936. № 141, 142. 26, 27 августа. Подпись: «К.А. Чхеидзе».

¹ Неточная цитата из письма Ф.М. Достоевского ученику Федорова Н.П. Петерсону от 24 марта 1878 г., явившегося откликом на присланное последним изложение идей философа «всеобщего дела» (*Достоевский*. 30 (I), 14).

² Речь идет о работе литературоведа Василия Леонидовича *Комаровича (1894–1942)*, посвященной воздействию идей Н.Ф. Федорова на роман «Братья Карамазовы» и опубликованной на немецком языке в 1928 г.: *Der Vatermord und Fjodoroffs Lehre von der "Fleischlichen Auferstehung" // F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. München. 1928. S. 3–58.* Это исследование В.Л. Комаровича неоднократно упоминается в переписке Н.А. Сетницкого и К.А. Чхеидзе.

³ См. статью К.А. Чхеидзе «Максим Горький» и примеч. 3 к ней.

⁴ В своей оценке взаимоотношений Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого Чхеидзе следует А.К. Горскому, автору брошюры «Перед лицом смерти: Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров» (Харбин, 1928; подпись: «А.К. Горностаев»).

⁵ В конце 1870-х гг., в период создания «Чтений о Богочеловечестве», Соловьев и Федоров еще не были знакомы, и сходство их идей было сугубо типологическим. В 1880-е — 1890-е гг. уже можно говорить о влиянии. Чхеидзе указывает те направления мысли Со-

КОММЕНТАРИИ

ловьева и те его статьи, в которых воздействие философии Федорова особенно ощутимо: «Общий смысл искусства» (1890) и «Смысл любви» (1892–1894). Влияние идей Федорова на творчество Соловьева отмечал еще С.Н. Булгаков в статье «Загадочный мыслитель» (*Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 2. С. 260–277*).

⁶ Цитата из работы В.С. Соловьева «Общий смысл искусства» (1890). К.А. Чхеидзе цитирует по изданию: *Соловьев 1924*, 162, 151.

⁷ Цитата из трактата В.С. Соловьева «Смысл любви» (*Соловьев 1924*, 31).

⁸ Вольный пересказ и цитата из трактата «Смысл любви» (*Соловьев 1924*, 49).

⁹ *Федоров. I*, 110.

¹⁰ Мф 5:48.

¹¹ К.А. Чхеидзе перелагает идею внехрамовой литургии, одну из центральных в философии Федорова. Храмовая литургия, на которой совершается таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы и причастие верующих Божественной природе Спасителя, выделась мыслителю прообразом и преддверием будущего всеобщего дела (литургия в переводе с греч. означает «общее дело») пресуществления праха умерших в живые плоть и кровь, умиротворения слепых стихийных сил вне и внутри человека, преобразования мира, совершаемого синергическим действием соборных сил рода людского и Божией благодати. Религиозно-философская мысль русского зарубежья использовала федоровское понятие внехрамовой литургии, придавая ему прежде всего социальный смысл, призывая к созданию совершенного христианского общества, целостной религиозной культуры. Чхеидзе придает идее внехрамовой литургии и социальный, и онтологический смысл.

¹² Здесь К.А. Чхеидзе близок В.Н. Ильину, который не раз поднимал проблему «техника и христианство» в своих статьях, подчеркивая, что «отмахивание, отрешивание и прочие варианты политики страуса» менее всего способны ее разрешить, а необходимо сделать так, чтобы «прогресс техники» перестал быть «роком», а стал «объектом просвещения и вдохновения» (*Ильин В.Н. Техника и христианство // Новый Град. 1933. № 7. С. 64*). В связи с этим заданием Ильин обращался к наследию Федорова, подчеркивая перспективность тех решений, которые давал философ всеобщего дела: «“Философия Общего Дела” идет двумя руслами: техническим и литургическим. Причем так, что техника руководится литургическим заданием, а литургия осуществляется технически» (*Ильин В.Н. О религиозном и философском мировоззрении Н.Ф. Федорова // Евразийский сборник. Кн. 6. Прага, 1929. С. 21*).

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Эпистолярное наследие К.А. Чхеидзе объемно. В настоящее время в архивах России, Чехии и Словакии выявлено более 500 его писем и более 1600 писем к нему. К.А. Чхеидзе переписывался с писателями (Г.Д. Гребенщиковым, Л.Н. Гомолицким и др.), филологами и историками (Л.В. Копецким, В.Ф. Булгаковым, А.Н. Фатеевым, Я.М. Висковатой и др.), философами и публицистами (Вс.Н. Ивановым, Г.П. Полковниковым, В.В. Вагнером, В.А. Куликовым), церковными деятелями (митр. Антонием (Храповицким), о. Иоанном Шаховским), идеологами пореволюционных течений (Н.В. Устряловым, Ю.А. Ширинским-Шихматовым, П.С. Боранецким и др.). Важным архивным источником к истории евразийства конца 1920–1930-х гг. является его переписка с членами евразийских организаций: письма из Кламара осени 1928 г., переписка с П.Н. Савицким, Н.А. Перфильевым, Г.В. Вернадским, П.Н. Малевским-Малевичем, с эстонскими и литовскими евразийцами.

КОММЕНТАРИИ

Особый интерес представляет обширная переписка с философом Н.А. Сетницким, затрагивающая целый спектр философских, литературных, общественно-политических тем, содержащая ряд ценных сведений по истории пражской и харбинской эмиграции первой половины 1930-х гг., а затем с его дочерью О.Н. Сетницкой, ярко рисующая духовный и творческий облик К.А. Чхеидзе в зрелости.

На протяжении своей жизни в Чехословакии К.А. Чхеидзе переписывался с целым рядом деятелей чешской культуры: писателями И. Бауше, В. Прокупеком, В. Каплицким, историком и филологом А. Веселы, переводчицей С. Погорецкой, переводчиком и библиографом Й. Вацеком, словацким поэтом и переводчиком М. Гацеком и др. Письма Чхеидзе, написанные как по-русски, так и по-чешски, представляют существенный интерес для изучения русско-чешских культурных связей.

Первая публикация фрагментов переписки К.А. Чхеидзе на чешском языке была сделана В. Быстровым и Й. Вацеком: *Zirajici do slunce*, 138–199. На русском языке А.Г. Гачевой частично опубликована переписка К.А. Чхеидзе с Н.А. Сетницким (*Сетницкий*, 382–450), К.А. Чхеидзе с П.С. Боранецким (*Диаспора*. Вып. VII. М., 2005. С. 437–487). Во второй книге антологии «Н.Ф. Федоров: pro et contra» помещены фрагменты переписки с Н.В. Устряловым, В.А. Куликовым, Ю.А. Ширинским-Шихматовым, П.Н. Малевским-Малевичем, Л.Н. Гомолицким, членами литовской и эстонской евразийских групп (*Pro et contra*. II, 683–684, 703–721, 726–762, 796–797, публ. и коммент. А.Г. Гачевой).

В настоящем издании публикуются некоторые письма К.А. Чхеидзе, связанные с литературной жизнью русской эмиграции первой волны. Также помещен ответ писателя на письмо евразийца Н.А. Макшеева по поводу его статьи «О национальностях России — СССР».

В.Ф. БУЛГАКОВУ

Валентин Федорович *Булгаков* (1886–1966) — писатель, мемуарист, деятель культуры, бывший секретарь Л.Н. Толстого, автор знаменитой книги «У Л.Н. Толстого в последний год его жизни» (М., 1911). С 1923 г. жил в Праге. В 1924–1927 гг. был председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Создатель Русского культурно-исторического музея (1935). В 1930-е гг. работал над «Словарем русских зарубежных писателей». В 1948 г. вернулся в СССР, был хранителем Дома-музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

В личном фонде В.Ф. Булгакова в РГАЛИ и в документах Русского культурно-исторического музея в ГАРФ хранятся письма К.А. Чхеидзе В.Ф. Булгакову за 1927–1941 гг. (16 писем в РГАЛИ, более 12 писем в ГАРФ). Сохранилось 3 ответных письма В.Ф. Булгакова К.А. Чхеидзе: РР. I.3.37 (1 письмо с приложением 2 дневниковых записей); Литературный архив Музея национальной письменности. Фонд В.Ф. Булгакова. 123/48 (2 письма). В настоящем издании помещено 11 писем К.А. Чхеидзе В.Ф. Булгакову. Тексты печатаются по: РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1211. Л. 1–2, 7–11, 18–19, 21–21 об., 24–24 об., 27 об.; ГАРФ. Ф. 6784. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 211, 357–358; К. 1. Ед. хр. 7. Л. 25–25 об.; К. 1. Ед. хр. 9. Л. 88–90, 299–300.

¹ См. примеч. 21 к статье «Из области русской геополитики».

² Михаил Артурович *Циммерман* (1885–1935) — правовед, один из основателей Русского юридического факультета, профессор, занимался проблемами международного права. С 1929 г. преподавал в университете в Брно. К.А. Чхеидзе высоко ценил его докторскую диссертацию «Вмешательство и признание в международном праве» (Прага, 1926).

Александр Федорович *Филонов* — экономист, общественный деятель, лектор Русского народного университета в Праге.

³ Как следует из прошения об отсрочке в сдаче государственных экзаменов, поданного К.А. Чхеидзе декану Русского юридического факультета А.А. Вилкову 15 октября 1927 г., ему во время учебы на факультете «пришлось дважды прерывать занятия и восстанавливать силы в санатории для туберкулезных больных» (Личное дело К.А. Чхеидзе // ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 1037. Л. 52). Осенью 1927 г. он чувствовал себя особенно плохо, медицинская комиссия факультета констатировала «неудовлетворительное» состояние его здоровья (Там же).

⁴ *Таня* — дочь В.Ф. Булгакова.

⁵ Речь идет о брошюре В.Ф. Булгакова «Толстой, Ленин, Ганди» (Прага, 1930), подаренной автором К.А. Чхеидзе. Брошюра представляла собой текст публичной лекции В.Ф. Булгакова, с которой он выступал в ряде городов Германии и в Чехословакии. Осмысля современную эпоху, В.Ф. Булгаков называл ее «эпохой мировых катаклизмов» и одновременно — «рождения новых идей», взывая к новым путям человечества. Среди духовных вождей эпохи, выдвигающих такие пути, Булгаков называл Л. Толстого, В. Ленина и М.К. Ганди, и далее сопоставлял их воззрения, стремясь извлечь урок для себя и своих современников. В Толстом он подчеркивал идею духовного совершенствования и внимание к каждому человеку, понимание священности человеческой жизни, в Ленине — активность, резкий социальный протест. Одновременно он выступал против толстовской позиции «неделания», призывая к активности личности, и критиковал насильственные методы Ленина и большевиков, упрекая их в пренебрежении личностью и ее духовной свободой, и в качестве своеобразного «третьего» пути выдвигал опыт Ганди, борца за освобождение Индии, который творчески перерабатывает идеи Толстого и предлагает «путь открытого сопротивления беззаконию и несправедливости силою *веры*, силою *любви* и силою самопожертвования». Силу учения Ганди он видел в принципе соответствия цели и средств, в сочетании активности и любви, но при этом подчеркивал, что идея мирного сопротивления будет действительна только тогда, когда будет осуществляться людьми, нравственно выросшими до нее. В финале брошюры Булгаков провозглашал принцип «Не убий», утверждая, что «человечество уже выросло до того, чтобы при решении своих споров обходиться без убийства» и казни и считать человеческую жизнь святой и неприкосновенной (*Булгаков В.Ф. Толстой, Ленин, Ганди. С. 5, 6, 33, 38, 50*).

⁶ В своей брошюре В.Ф. Булгаков проводил развернутую цитату из статьи В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) (Там же. С. 17–18).

⁷ Чхеидзе имеет в виду утверждение В.Ф. Булгакова о том, что Ганди, патриот Индии, не всегда бывает последователен и иногда допускает высказывания, которые могут быть поняты как косвенное его согласие с идеей насилия, если индийский народ сам захочет насильственным путем свергнуть иноземную власть (Там же. С. 46–48). Подобный компромисс для Булгакова неприемлем: если Ганди примет его, то это, по утверждению автора брошюры, будет «внутренним крахом» индийского лидера (Там же. С. 48).

⁸ 29 сентября 1935 г. в здании Зbrasлавского замка близ Праги состоялось открытие Русского культурно-исторического музея, посвященного жизни, творчеству, быту русской эмиграции. Инициатива создания музея принадлежала В.Ф. Булгакову, который был избран его директором. При музее были созданы художественное, архитектурное, научно-литературное отделения, а также отделение русской старины и библиотека. Позднее были открыты пушкинский и театральные отделы.

⁹ К.А. Чхеидзе передал для Русского культурно-исторического музея следующие книги и брошюры, выпущенные Н.А. Сетницким в 1926–1935 гг. в Харбине: Н.Ф. Федоров. Философия общего дела. Вып. 1–3. Харбин, 1928–1930; Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Ч. 1. Борьба

словом. Харбин, 1926 (брошюра была выпущена анонимно, авторами являлись А.К. Горский А.К. и Н.А. Сетницкий); *Яков Кормчий* [Н.А. Сетницкий]. Валаам: Поэмы. Шанхай, 1931; *Гезелинский Г.Г.* [А.К. Горский, Н.А. Сетницкий.] Заметки об искусстве. Харбин, 1933; *Горностаев А.* [А.К. Горский.] Перед лицом смерти: Лев Толстой и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1928; *Остромиров А.* [А.К. Горский.] Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 1–3. Харбин, 1928–1932; *Сетницкий Н.А.* СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции. Харбин, 1933; Вселенское Дело. Вып. 2. [Харбин], 1934.

¹⁰ В 1936 г. по инициативе В.Ф. Булгакова, задумавшего создание Биографического словаря деятелей русской культуры, Русский культурно-исторический музей разослал 1000 анкет представителям русской эмиграции. Одна из анкет была послана К.А. Чхеидзе.

¹¹ Николай Александрович *Бигаев* (1874–1951) — русский полковник, представитель Русского общевойскового союза в Чехословакии, преподаватель Русского свободного университета (РСУ) в Праге.

¹² По всей вероятности, отец И.И. Золотарева, военного и общественного деятеля, публициста, председателя русско-чешского, затем славянского общества «Мир».

¹³ Глеб Иванович *Рубанов* (1899–1942) — выпускник Русского юридического факультета, писатель, журналист, член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

¹⁴ *Маргарита Ивановна Сикора* (Sykora Margarethe, Sýkorová Markéta, в замуж. Scheidzeová; 1906–1988) — славист, этнограф. Преподаватель Немецкого университета в Праге. Печаталась в журнале «Slavische Rundschau» (за подписью Margarethe Sykora). Регулярно посещала Болгарию и Югославию, записывала местный фольклор. С 1936 г. — супруга К.А. Чхеидзе. После ареста К.А. Чхеидзе в 1945 г. была выселена из Праги, лишена возможности работать по специальности. За сообщение сведений о М. Сикоровой приниожу благодарность М. Чхеидзе.

¹⁵ Речь идет об издании: *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Шанхай, 1932. Судьба машинописи книги, о которой упоминает Чхеидзе, неизвестна.

¹⁶ Будущей женой (чеш.). К. Чхеидзе и М. Сикорова обвенчались 29 апреля 1936 г.

¹⁷ Письмо написано по следам посещения К. Чхеидзе и М. Сикоровой Русского культурно-исторического музея. Музей располагался в средневековом замке XIII в. в Збраславе под Прагой (в настоящее время — в черте города). Замок, перестроенный в начале XX в., с 1910 г. принадлежал крупному предпринимателю и землевладельцу Цирилу Бартонь-Добенину (1863–1953). В мае 1934 г. премьер-министр Чехословакии К. Крамарж обратился к Ц. Бартонь-Добенину с просьбой предоставить место в замке для Русского культурно-исторического музея. Ц. Бартонь-Добенин предоставил не только необходимые помещения, но и субсидию для музея. За сообщение данных сведений приниожу благодарность Й. Вацеку.

¹⁸ Речь идет о Ц. Бартонь-Добенине (см. примеч. 17).

¹⁹ Игорь Иванович *Сикорский* (1889–1972) — русский авиаконструктор. В 1919 г. эмигрировал в США, где в 1923 г. создал компанию Сикорский аэроинженеринг (Sikorsky Aero Engineering Corporation), вошедшую в 1928 г. в состав корпорации Юнайтед Эйркрафт (United Aircraft Corporation). Алексей Степанович *Ламшаков* (1870–1960) — русский инженер, общественный деятель, с 1921 г. председатель Союза русских академических организаций за границей. Николай Евграфович *Попов* (1878–1929) — русский воздухоплаватель и летчик, совершивший знаменитый полет к Леринским островам на авиационных соревнованиях в Канне в 1910 г. Григорий Григорьевич *Кривошеин* (1868–1987) — русский инженер, известный мостостроитель, профессор Чешского высшего технического училища.

²⁰ «*Перезвоны*» — литературно-художественный иллюстрированный журнал. Выходил в Риге в 1925–1929 гг. Среди постоянных сотрудников журнала были М. Добужинский,

нарисовавший символическую обложку издания (дерево с колоколами на ветвях, которое растет из чужой почвы, на фоне сорока сороков московских церквей), С. Виноградов, Н. Богданов-Бельский.

²¹ Юбилей 25-летней деятельности Г.Д. Гребенщикова отмечался в 1931 г. 30 декабря 1931 г. в Праге состоялся литературный вечер, организованный Обществом сибиряков и Союзом русских писателей и журналистов, посвященный этому событию (*Хроника*. II, 95). 60-летие Н.К. Рериха отмечалось в 1934 г.

²² *Евлогианцы* — церковные деятели и миряне, принадлежавшие к автономному митрополичьему округу с центром в Париже, главой которого был митрополит Евлогий (Георгиевский), в 1931 г. перешедший под юрисдикцию Константинопольского патриархата. Странниками митр. Евлогия были преподаватели и студенты Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, историки и философы эмиграции Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.В. Карташев, Г.П. Федотов и др. *Антониевцы* — сторонники митр. Антония Храповицкого, церковная политика которого отличалась резко консервативным характером. Расхождение позиций митр. Евлогия (Георгиевского) и митр. Антония (Храповицкого) обозначилось на Всеаглическом соборе в Сремских Карловцах (Сербия, 1921). Окончательный разрыв произошел в 1926 г. Кого имеет в виду К.А. Чхеидзе под «*елевдиериевцами*», не установлено.

^{22a} *Новина* (повіна) — новость (чеш.). Чхеидзе употребляет это слово в смысле «новаторство».

²³ *Иоанн (Шаховской)* (1902–1989) — церковный деятель, поэт, писатель, философ, богослов, литературный критик. *Киприан (Керн)* (1899–1910) — церковный и общественный деятель, богослов, философ, историк церкви.

²⁴ В газете «Новая Искра» в 1936 г. К.А. Чхеидзе напечатал 4 сказки и легенды: «Кто всех сильнее?», «Сказание об Амиране», «Орлиная скала», «Судьба» (№ 68, 72–74, 96, 97).

²⁵ Кирилл *Христов* (1875–1944) — болгарский поэт, прозаик, драматург. С 1923 г., после фашистского переворота в Софии, жил в Праге.

²⁶ В 1937 г. за сочинение на тему «Как достичь всеобщего разоружения» В.Ф. Булгаков получил Континентальную премию общества «Новая история в США».

²⁷ О деятельности кружка см. вступит. статью.

²⁸ Леонтий Васильевич *Копецкий* (1894–1976) — филолог-языковед, славист, один из основателей Пражского лингвистического кружка. Участник Первой мировой войны и Белого движения. В Праге с 1923 г. Окончил философский факультет Карлова университета, в 1926 г. получил степень доктора философии. Преподавал в Высшей коммерческой школе, после Второй мировой войны — в Карловом университете. Был составителем чешско-русских словарей и учебников, занимался лексикографией, лексикологией, синтаксисом. К.А. Чхеидзе и Л.В. Копецкого связывала многолетняя дружба. Чхеидзе был крестным отцом дочери Копецкого Лидии.

²⁹ Михаил Михайлович *Новиков* (1876–1965) — русский зоолог, профессор. В Чехословакии — с 1923 г. Председатель Совета Русского народного университета в Праге, затем его ректор (1923–1939), председатель Русского научно-исследовательского объединения при университете (1933–1939), председатель Музейной комиссии Русского культурно-исторического музея в Праге (с 1934), член ряда русских и иностранных научных обществ.

³⁰ В.Ф. Булгаков принял предложение К.А. Чхеидзе. Доклад «Толстой — сегодня» состоялся в Кружке по изучению современной русской литературы 16 декабря 1937 г. (*Хроника*. II, 454).

³¹ Речь идет о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (Париж, 1937).

³² *Русский свободный университет* — так с 1933 г. назывался Русский народный университет в Праге, открытый в 1923 г.

³³ Речь идет о М.М. Новикове.

³⁴ CIA — Cooperative Information Agents (Кооперативное информационное агентство в Чехословакии).

³⁵ Имеется в виду предложение В.Ф. Булгакова К.А. Чхеидзе участвовать в работе над Словарем русских зарубежных писателей. Начало работе над словарем было положено Союзом русских писателей и журналистов в Польше. В 1936 г. секретарь Союза Л.Н. Гомолицкий, занимавшийся этой работой, переслал В.Ф. Булгакову свои материалы (см. письмо Л.Н. Гомолицкого В.Ф. Булгакову от 24 мая 1936 г. // ГАРФ. Ф. 6784. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 397), и В.Ф. Булгаков продолжил эту работу. В конце 1937 г. он привлек к ней К.А. Чхеидзе, причем Константин Александрович должен был стать составителем словаря, а В.Ф. Булгаков — научным редактором. Среди документов Русского культурно-исторического музея в ГАРФ имеется целый ряд писем К.А. Чхеидзе В.Ф. Булгакову, касающихся этой работы. Полгода К.А. Чхеидзе занимался словарем, но затем по семейным обстоятельствам в мае 1938 г. вместе с женой покинул Прагу и уехал в Ужгород, где предполагал остаться на продолжительный срок. Все подготовленные материалы он передал В.Ф. Булгакову, который при редактировании обнаружил в них целый ряд погрешностей, возникших от того, что Чхеидзе не имел опыта библиографической работы. В результате В.Ф. Булгаков уже самостоятельно продолжил работу над словарем, причем, по согласованию с музейной комиссией Русского свободного университета в Праге, принял на себя функции не только редактора, но и составителя (В.Ф. Булгаков — К.А. Чхеидзе. 6 марта 1940 // Литературный архив Музей национальной письменности. Фонд В.Ф. Булгакова. 123/48). В «Предисловии составителя словаря», датированном 5 апреля 1940 г., Булгаков отметил работу К.А. Чхеидзе: «Первые шаги в работе облегчены были для меня сотрудничеством с К.А. Чхеидзе, систематизировавшим материалы, полученные из Варшавы, и пополнившим их некоторыми новыми данными» (*Булгаков В.Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. XXVIII.*)

³⁶ См. примеч. 35.

³⁷ Речь идет о Библиотеке Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (основана в 1921 г.) и Русском заграничном историческом архиве в Праге (открыт в 1923 г.).

³⁸ В основу работы над словарем зарубежных писателей легли писательские анкеты, сбор которых был инициирован Союзом русских писателей и журналистов в Польше и лично секретарем Союза Л.Н. Гомолицким, по его собственному признанию, «в ответ на советский номер *Wiadomości Literackich*, где Радек и другие советские журналисты утверждали, что никакой эмигрантской литературы нет (в прямом смысле — отсутствия писателей)» (Цит. по: *Ванечкова Г. От редактора // Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. XVII*). К этому месту письма Чхеидзе В.Ф. Булгаков делает приписку: «М<ожет> б<ыть>, как *мысль Варшавы* и с пояснением» (ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 88). В «Предисловии составителя словаря», указывая на Л.Н. Гомолицкого как автора идеи, В.Ф. Булгаков умолчал о «нападках» советской прессы.

³⁹ Слова «Смысл в себе» подчеркнуты В.Ф. Булгаковым и сбоку написано: «Да!» (Там же. Л. 88 об.).

⁴⁰ Приписка В.Ф. Булгакова: «Да!» (Там же).

⁴¹ Речь идет о ежемесячном критико-библиографическом журнале «Русская книга» (1921) и его преемнике журнале «Новая русская книга» (1922–1923), издававшихся в Берлине проф. А.С. Ященко.

⁴² Приписка В.Ф. Булгакова: «Да! Но... м<ожет> б<ыть>, будем собир<ать>. Престиж Музея» (ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 88 об.).

⁴³ Дмитрий Николаевич *Иванцов* (1886–1973) — экономист, статистик, в 1920-е гг. преподавал на Русском юридическом факультете, секретарь Учебной коллегии Русского свободного университета, член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

⁴⁴ Приписка В.Ф. Булгакова: «Да!» (ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 88 об.).

⁴⁵ Приписка В.Ф. Булгакова: «Да!» (Там же. Л. 89).

⁴⁶ Приводим сведения об этих писателях, как они даны в «Словаре русских зарубежных писателей». Владимир Евгеньевич *Жаботинский* (1880–1940) — публицист, беллетрист, сотрудник газеты «Последние новости». Валерий Вильямович *Каррик* (1869–?) — британский подданный, родился в Петербурге. Журналист, карикатурист, детский писатель. «С 1909 г. выпускал сказки-картинки. Подготовил ряд изданий этих сказок в Норвегии, Швеции, Англии, Голландии, США. В 1932–1934 г. выступал в разных странах с докладами о русских сказках». Сотрудник газеты «Руль», «Журнала содружества» и др. «Балыков Санджи Басанович (Братислава) родился в 1895 году в Донской области. Бывший народный учитель, офицер Донского корпуса армии ген. Врангеля. Автор многочисленных повестей и рассказов о жизни русских калмыков, опубликованных в журналах «Казакия», «Казачий сполох», а также в изданиях на калмыцком языке» (Словарь русских зарубежных писателей. С. 13, 53, 67).

⁴⁷ В окончательной редакции словаря М.А. Булгаков исключен, но включены писатели Анатолий Павлович *Каменский* (1876–1941) и Алексей Николаевич *Толстой* (1882–1945): Словарь русских зарубежных писателей. С. 65, 145.

⁴⁸ «Буткевич Борис Васильевич. Псевд. “Борис Бета”. Скончался в 1931 г. в Марселе, где вел жизнь бродяги, работая грузчиком в порту, кочегаром, носильщиком при холодильниках мяса и т.п. До того проживал в Харбине и Шанхае. Беллетрист, поэт» (Там же. С. 25).

⁴⁹ «Арзамас», «Новый Арзамас» — поэтический кружок в Белграде (1928–1931). «Скит», «Скит поэтов» — литературное объединение молодых поэтов и прозаиков в Праге, возглавлявшееся А.Л. Бемом. «Цех поэтов» — литературное объединение в Берлине (1922–1923) и Париже (1923–1926), основателями и лидерами которого были Г.В. Иванов и Г.В. Адамович.

⁵⁰ Владимир Ефимович *Гуцик* (1892–1947) — русский поэт, писатель, журналист, член евразийского движения. Жил в Эстонии.

⁵¹ Речь идет о внучатом племяннике А.С. Пушкина Александре Александровиче Пушкине. См.: *Пономарева Г.* «Молодой Александр Сергеевич» // Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту, 2000. С. 344–354.

⁵² С весны 1938 г. К.А. Чхеидзе и его супруга Маркета временно жили в Ужгороде, который с 1919 г. был центром так называемой Подкарпатской Руси в составе Чехословакии.

⁵³ Ральф Уолдо *Эмерсон* (1803–1882) — американский философ и поэт. Источник цитаты не установлен.

Е.С. ВЕБЕР-ХИРЬЯКОВОЙ

Печатается по: ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–2.

Евгения Семеновна *Вебер-Хирьякова* (1893, по другим сведениям 1895–1939) — журналист, критик, прозаик, переводчик, член редколлегии и один из ведущих авторов газеты «Молва» (1932–1934).

¹ Янина Михайловна *Висковатая* (1895–1970) — историк литературы, прозаик, публицист. Жена К.К. Висковатого. Константин Константинович *Висковатый* (1889–1953) — славист, историк литературы, переводчик. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. С декабря 1924 г. жил в Праге. Окончил Карлов университет, занимался сравнительным славяноведением, переводил польскую, сербскую, хорватскую поэзию на русский язык. К.А. Чхеидзе долгие годы был дружен с семьей Висковатых.

² Речь идет об издании: *Горностаев А.* [А.К. Горский]. Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1929.

³ Петр Алексеевич *Кожневников* (1871–1933) — писатель, один из основателей и председатель литературного кружка «Далиборка» (1924–1933). Кружок «Далиборка» получил свое название от кафе в Праге, где первоначально собирались его члены. Основной задачей кружка было установление литературного общения между писателями, живущими в Праге, представителями разных поколений. В кружке устраивались чтения произведений, литературные доклады. Кружок был организатором публичных литературных вечеров и выставок. К.А. Чхеидзе также был членом кружка «Далиборка».

⁴ К.А. Чхеидзе перечисляет основателей «Далиборки»: Дмитрий Николаевич *Крачковский* (1882–1947) — писатель, прозаик. С конца 1920-х гг. жил во Франции. Сергей Константинович *Маковский* (1877–1962) — поэт, искусствовед, литературный критик, издатель. Владимир Александрович *Амфитеатров-Кадашев* (1888–1942) — публицист, прозаик, поэт, критик, переводчик.

⁵ Подробнее о литературном объединении «Скит поэтов», возглавлявшемся литературоведом, критиком, публицистом Альфредом Людвиговичем Бемом (1886–1945) см.: *Белошевская Л.* Пражское литературное содружество «Скит» // «Скит». Прага. 1922–1940: Антология. Биографии. Документы. М., 2006. С. 5–76.

⁶ К.А. Чхеидзе перечисляет членов «Скита»: Сергей Милич *Рафальский* (1896–1981) — поэт, бывший «душой» «Скита»; в 1930 г. уехал в Париж; Борис Константинович *Семенов* (1894–1942) — поэт, прозаик, публицист; в 1927 г. уехал в Эстонию; Александр Александрович *Турицнев* (1896–1984) — поэт; в 1927 г. уехал из Праги, поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже.

⁷ По мнению Л. Белошевской, данная Чхеидзе оценка «Скита» «вписывается в контекст взаимоотношений между евразийцами (Чхеидзе) и “Крестьянской Россией” (Бем, правда, был уже накануне выхода из партии), иллюстрируя скорее политические нравы эмигрантской Праги» (*Белошевская Л.* Пражское литературное содружество «Скит»... С. 24).

⁸ Газета «За Россию» (1932–1940) выходила в Софии как орган Национального союза русской молодежи (см. примеч. 23 к статье «О двух поколениях»).

⁹ См. примеч. 27, 28 к письмам В.Ф. Булгакову.

¹⁰ См. преамбулу и примеч. 5 к сборнику «На литературные темы».

¹¹ Сергей Юлианович *Кулаковский* (1892–1949) — историк литературы, автор книг «Современные польские поэты» (Прага, 1929), «Пятьдесят лет русской литературы» (*Pięćdziesiąt lat literatury rosyjskiej. 1884–1934*). Warszawa, 1939).

¹² Доклад А.Л. Бема «О Маяковском» состоялся 24 января, доклад П.Н. Савицкого «Географический ландшафт в новой русской литературе» — 28 февраля, доклад Я.М. Висковатой «Русские отзвуки в современной польской литературе» — 20 марта, доклад Я. КалOUSKОВОЙ «Русские символисты» — 16 мая 1933 г. (*Хроника*. II, 169, 177, 184, 201).

¹³ Павел Николаевич *Алексеев* (1890–?) — выпускник Русского юридического факультета, актер Русской драматической группы в Праге. На открытии Кружка по изучению современной русской литературы 20 декабря 1932 г. читал отрывки из произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Блока, Н.С. Тихонова, В. Хлебникова, В.В. Маяковского (*Хроника*. II, 162).

¹⁴ Ср. письмо К.А. Чхеидзе Н.А. Сетницкому от 9 июня 1933 г.: «Сошелся я тут с одним русским американцем, Никандром Стрельским. Он преподает рус<ский> язык в высшей женской школе. Осенью возвращается к себе. Н. Ф. Ф. его увлек. Обещал записать свои мысли на этот предмет. В будущем стоворились переписываться и т.д.» (ФР. I.3.27).

¹⁵ Речь идет о книге К.А. Чхеидзе «Страна Прометей» (см. примеч. 1 к письму Л.Н. Голицкому).

¹⁶ Чхеидзе имеет в виду свои статьи, написанные в 1932–1933 г.: «Антиномии современности», «К проблеме идеократии» (см. в наст. изд.), «Николай Федорович Федоров»

КОММЕНТАРИИ

(прислана Н.А. Сетницкому в письме от 20 августа 1932 г., опубликована в переводе на чешский язык: *Rozhledy po literatuře a umění*. 1932. № 12. S. 91).

¹⁷ Это письмо, как и письма Чхеидзе Л.Н. Гомолицкому и С. Погорецкой, печатается по машинописной копии. Чхеидзе имел обыкновение писать свои письма на пишущей машинке, а затем от руки проставлять подпись на первом экземпляре, предназначенном для отправки адресату. При этом он оставлял у себя второй экземпляр, в котором подпись отсутствует.

Л.Н. ГОМОЛИЦКОМУ

Печатается по: ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 5–8.

Лев Николаевич *Гомолицкий* (1903–1988) — поэт, прозаик, литературный критик, художник-график, член редакции и сотрудник газеты «Молва». С 1931 по 1945 г. жил в Варшаве, время от времени приезжал в Прагу, участвуя в заседаниях «Скита поэтов». Переписка между К.А. Чхеидзе и Л.Н. Гомолицким завязалась в июне 1933 г., когда К.А. Чхеидзе отправил Гомолицкому письмо с благодарностью за развернутую рецензию на книгу «Страна Прометей» в газете «Молва», и продолжалась до начала февраля 1934 г. В архиве К.А. Чхеидзе в ГАРФ хранятся 2 письма К.А. Чхеидзе Л.Н. Гомолицкому и 6 писем Л.Н. Гомолицкого К.А. Чхеидзе (Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 23).

¹ 11 июня 1933 г. в № 132 газеты «Молва» была опубликована большая рецензия Л.Н. Гомолицкого на книгу К.А. Чхеидзе «Страна Прометей». Рецензент высоко оценил содержательные и художественные достоинства книги.

²Отзывы о книге «Страна Прометей», вышедшие в Шанхае и Харбине, не разысканы. В Праге отзыв за подписью «Сав.» появился в газете «Единство» (1933. 1 марта. № 5). Автор отзыва, по всей вероятности был писатель, журналист С.Я. Савинов. Он отмечал художественное мастерство К.А. Чхеидзе, яркость «типов и эпизодов», вдохновенность повествования, открывающего «мало знакомый и благоухающий мир прекрасного Кавказа».

³ Имеется в виду чешское издание книги «Страна Прометей»: *Čcheidze K. Země Prometheova*. Praha: Kvasnička a Hampel, 1932.

⁴ Чхеидзе противопоставляет «левое» евразийство периода издания в Клараме газеты «Евразия» (1928–1929) и деятельность «правых» евразийцев, средоточием которых была Пражская евразийская группа.

⁵ Перечень рецензий чешских авторов на издание «Страны Прометей» на чешском языке помещен в библиографии, составленной Й. Вацеком: *Zřajici do slunce*, 117.

⁶ 13 июня 1933 г. в № 133 газеты «Молва» была опубликована заметка «После Дня русской культуры» за подписью «Подорожник». Отталкиваясь от празднования Дня русской культуры, состоявшегося в разных эмигрантских центрах 8 июня, автор подчеркивал «казенный» характер эмигрантских мероприятий и сетовал на то, что критики эмиграции уделяют мало внимания молодым писателям. В качестве примера Подорожник приводил книгу К.А. Чхеидзе. «Насколько известно, молодой писатель не чужд так называемого “евразийства”, цветочка довольно ядовитого, которого скромный Подорожник, откровенно говоря, побаивается. Но дело не в политике и не в евразийстве. Дело в том, что русский эмигрант написал талантливую и достойную внимания книгу», но издать ее в Праге, «где столько средств было истрачено на образование эмигрантов, на поддержку русских профессоров», он не мог. «Но неужели европейской эмиграции не стыдно, что молодую зарубежную литературу поддержал Шанхай?»

⁷ Перечень «федоровской» литературы см. в примеч. 9 к письмам В.Ф. Булгакову.

⁸ После того как К.А. Чхеидзе обратился к Л.Н. Гомолицкому с письмом от 16 июня 1933 г., он получил от Л.Н. Гомолицкого ответное письмо (от 19 июня 1933 г.), в котором тот выражал сердечный интерес к литературному творчеству Чхеидзе, сообщал, что писал о его книге «не по долгу службы, не казенно, а искренне», выражал надежду на «более близкое знакомство», просил прислать «наиболее характерное для Н. Ф.<едорова> и из евразийской литературы», а также написать ему «о литературной жизни в Праге». Кроме того, он задавал Чхеидзе ряд вопросов о том, где он печатается, работает ли серьезно «над углублением своего оригинального дарования», давал высокую оценку его статьи о В. Хлебникове и спрашивал, можно ли было бы получить «хоть на короткий срок» сочинения поэта (ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 9–12).

⁹ Рассказывая Чхеидзе историю написания и публикации рецензии на «Страну Прометей», Л.Н. Гомолицкий сообщал, что, когда он принес главному редактору «Молвы» эту объемную рецензию, тот потребовал доказательств, что молодой автор заслуживает того, чтобы ему было выделено столько места в газете. «Единственным доказательством моим, — писал Гомолицкий, — была сама книга. И я вернул ее редактору и стал ждать ответа. Ответом была чистая, нигде не тронутая редакторским карандашом авторская корректура» (Там же. Л. 10).

¹⁰ См. примеч. 6.

¹¹ В своем письме Л.Н. Гомолицкий заверял своего пражского корреспондента, что ничего обидного в заметке Подорожника, который пенял устроителям Дня русской культуры за невнимание к молодым писателям, приводя в качестве примера К.А. Чхеидзе, нет, а в «плоскости завоевания литературного имени — есть доля и польза» (Там же).

¹² Точка зрения К.А. Чхеидзе в споре об «отцах» и «детях» эмиграции, наиболее интенсивно протекавшем в печати и на публичных собраниях в 1924–1925 гг., а во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. периодически оживавшем на страницах газет и журналов, в кружках и клубах, выражена в его статьях «Казачьему сполоху», «От “nihil’я” к “ничегому”», «О двух поколениях» (см. в наст. изд.).

¹³ Газеты «Возрождение» и «Россия и славянство» ассоциировались у молодой эмиграции с именем одного из главных представителей поколения «отцов» — философа, публициста П.Б. Струве, который неоднократно выступал как с отдельными докладами, так и в прениях на заседаниях различных семинаров, обществ, кружков, посвященных проблеме «отцов» и «детей» эмиграции, духовным исканиям и «настроениям русской молодежи в эмиграции» (*Хроника* I, 130, 173 и др.).

¹⁴ ЕА — евразийство, евразийский.

¹⁵ 20 апреля 1933 г. в № 90 газеты «Молва» была напечатана статья члена редколлегии, поэта и журналиста Владимира Владимировича Бранда (?–1942) «О бунте созидателем», в которой он высказывался против пессимистических настроений в литературе эмиграции, подчеркивая, что «произведения, воспевающие покорность, созерцание, неделание, смерть», рождают в душах русских изгнанников тоску и уныние, в то время как им, жаждающим освобождения своей страны от ига большевизма, нужны вера, энергия, оптимизм. «Каждый живой человек, — подчеркивал Бранд, — должен создавать жизнь, а не петь смерть». 7 мая на статью Бранда откликнулся поэт и публицист Соломон Барт (ок. 1885–1941). Он указал на спрямленность и неубедительность формулы: смерть как зло и жизнь как добро, — и подчеркнул этическую ценность смерти, ставящей человека «лицом к лицу с вечностью, с Богом, с религией». «Она, смерть, указывает ему его место в мироздании, подчеркивает сочетающиеся в нем взлеты в безмерное с тяготением к бренному, к падению...» (*Барт* С. Социальный заказ и тема о смерти // *Молва*. 1933. 7 мая. № 104). В. Бранд ответил на возражения С. Барта новой статьей, в которой подчеркивал силу влияния искусства на жизнь и недопустимость употребления этой силы «не для созидания жизни, а для разрушения, не для того, чтобы человека возбудить для подвига, а для того, чтобы

отнять у него волю к действию, волю к жизни» (*Бранд В. Еще о смерти* (Ответ С. Барту) // Молва. 1933. 16 мая. № 111).

¹⁶ См. примеч. 1, 2, 4 к статье «Антиномии современности». Книга П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914) была фототипическим способом издана в Берлине не в 1931, а в 1929 г. Книга французского философа Анри Бергсона (1859–1941) «Творческая эволюция» (1907; рус. пер.: СПб., 1913) обосновывала представление о жизни как о мощном «восходящем потоке», движении, которым управляет «ожизненный порыв», неразрывный со способностью и «потребностью творчества» (*Бергсон А. Творческая эволюция*. СПб., 1998. С. 248, 250).

¹⁷ О статьях К.А. Чхеидзе о В. Хлебникове, В. Маяковском, современной русской литературе и их публикации в журнале «Обозрения литературы и искусства» см. примеч. 5, 29, 57 к сборнику «На литературные темы».

¹⁸ Рассказы, статьи, очерки К.А. Чхеидзе в журналах «Годы» и «Своими путями», а также казачьих журналах «Казачий сполох» и «Путь казачества» включены в наст. изд.

¹⁹ См. преамбулу примечаний к статье «Антиномии современности». Рецензия на книгу Я.Я. Паулика (см. примеч. 83 к сборнику «На литературные темы») в журнале «Акце» опубликована не была.

²⁰ Проект издания второго выпуска сборника «Вселенское Дело», посвященного теме «Н.Ф. Федоров и современность», в Праге обсуждался в переписке Н.А. Сетницкого и К.А. Чхеидзе 1933 г. (*Сетницкий*, 401–408). В конечном итоге сборник вышел в Харбине в 1934 г.

²¹ См. преамбулу примеч. к статье К.А. Чхеидзе «К проблеме идеократии».

²² См. преамбулу примеч. к сборнику «На литературные темы».

²³ Имеется в виду замысел романа «Глядящий на Солнце».

С. ПОГОРЕЦКОЙ

Печатается по: *Погорецкая, 73/63; Чхеидзе, 65/71*.

София *Погорецкая* (1877–1963) — чешская писательница и переводчица, активно переводившая русскую классику, а также произведения писателей-эмигрантов. К.А. Чхеидзе познакомился с ней через посредство писательницы А. Тесковой. С. Погорецкая стала переводчицей всех романов К.А. Чхеидзе, сказок, статей, очерков, интервью. Их сотрудничество и дружба длились 35 лет. «Дорогая моя сестра из чешского народа» — так назвал Чхеидзе С. Погорецкую, подчеркнув: «...эта энергичная, всесторонне образованная женщина в значительной мере сделала меня литератором» (*Воспоминания*, 451–452).

Обширная переписка К.А. Чхеидзе и С. Погорецкой хранится в Литературном архиве Музея национальной письменности. Основной массив писем К.А. Чхеидзе относится к 1940–1963 гг., письма 1930-х гг. практически полностью утрачены (сохранилось лишь семь машинописных копий писем 1933–1934 гг. и ряд коротких открыток).

В наст. изд. печатается три письма К.А. Чхеидзе С. Погорецкой.

¹ См. преамбулу примеч. к очерку «Орава». Письмо написано на открытке с видом Оравского замка.

² Письмо С. Погорецкой К. Чхеидзе от 22 июня 1934 г. хранится в архиве писателя.

³ В № 5–6 журнала «Акце» («Акце kulturní, sociální, politická») в переводе Софии Погорецкой вышли статья К.А. Чхеидзе «Идея-проект» и рецензия на книгу Я.М. Аугуста «Какие майские ночи» (Прага, 1932). Свой краткий отзыв о статье и рецензии переводчица дала в письме К.А. Чхеидзе.

⁴ Иво (Иван) *Бауше* (1886–1959) — чешский поэт. С Иво Бауше К.А. Чхеидзе связывала многолетняя дружба.

⁵ Николай Васильевич *Зарецкий* (1876–1959) — русский художник-график, иллюстратор, коллекционер. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

⁶ Речь идет о статье К.А. Чхеидзе «Шота Руставели и его поэма “Витязь в тигровой шкуре”». Была опубликована на чешском языке в журнале «Обозрения литературы и искусства» (*Rozhledy po literatuře a umění*. 1934. № 14–15. S. 99–101).

⁷ 7–10 июля 1934 г. в Праге состоялось совещание членов Президиума ЦК евразийской организации с членами Пражской евразийской группы (первоначально евразийцы планировали созвать съезд, однако осуществить этот план не удалось и съезд был заменен совещанием). На совещании обсуждалось наличное состояние евразийской организации, отношение евразийцев к пореволюционным течениям эмиграции и идейно близким деятелям русского зарубежья, стратегия действий на будущее.

⁸ Речь идет о женщине, сыгравшей огромную роль в жизни Чхеидзе. Ее звали Еленой Андреевной (сам Чхеидзе прикровенно называл ее «Пани»), она жила на Северном Кавказе в пос. Долинский, была певицей; в эмиграции обосновалась в Варшаве, дала концерты, основала свою вокальную школу. Роман с Чхеидзе начался еще в период Гражданской войны и возобновился в Чехословакии во второй половине 1920-х гг. По свидетельству Чхеидзе, в летнее время он и Пани «несколько раз проводили месяц-полтора на Ораве» (*Воспоминания*, 424).

⁹ Речь идет о романе К.А. Чхеидзе «Глядящий на Солнце». Роман был переведен С. Погорецкой и вышел в свет в 1935 г. в издательстве «Vilimek»: *Čcheidze K. Zírající do slunce*. Praha, 1935.

¹⁰ Ярослав Раймунд Вавра (1902–1990) — писатель, журналист, редактор издательства «Вилимек».

¹¹ «Тот, который смотрит на солнце» (*чеш.*).

¹² «Пожалуйста!» (*чеш.*).

¹³ «“Занимательным” и “интересным” и возбудило интерес публики, так как это “Глядящий на Солнце” ничего не говорит, и так далее» (*чеш.*).

¹⁴ Речь идет о романе прозаика, поэта, публициста Василия Ивановича *Немировича-Данченко* (1844–1936) «Она: роман моего друга». В 1934 г. С. Погорецкая перевела роман, и он был издан в Праге (*Nemirovič-Dančenko V.I. Ona: roman o dvou častech*. Praha, 1934). 13 сентября 1934 г. В.И. Немирович-Данченко писал С. Погорецкой: «Не могу удержаться, чтобы еще раз не поблагодарить Вас ото всей души за Ваш чудесный перевод моего романа “Она”. Со всех сторон слышу о нем восторженные отзывы (о переводе), даже такие требовательные ценители, как профессора, называют его художественным» (*Погорецкая*, коробка 7). По-русски роман вышел после смерти писателя: *Немирович-Данченко В.И. Она: роман моего друга*. Таллин, 1938.

¹⁵ Речь идет о романе писателя, поэта, журналиста Василия Георгиевича *Федорова* (1895–1959) «Прекрасная Эсмеральда» (Ужгород, 1933).

¹⁶ Ярослав *Гампл* (1900–1960) — чешский издатель. К.А. Чхеидзе обращался к нему с ходатайством о гонораре для С. Погорецкой за перевод брошюры А.К. Горского «Перед лицом смерти: Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров» (Харбин, 1928). Чешский перевод брошюры вышел в издательстве «Квасничка и Гампл» в 1933 г.: *Gornostaev A. Před tváří smrti*. Praha, 1933.

¹⁷ Вопрос о гонораре для С. Погорецкой поднимался в письмах К.А. Чхеидзе Н.А. Сетницкому от 28 апреля и 22 июня 1934 (FP I.3.27).

¹⁸ В архиве С. Погорецкой сохранились 2 письма Я.М. Висковатой (см. примеч. 1 к письму Е.С. Вебер-Хирьяковой) от 1 и 26 мая 1935 г. с высокой оценкой как самого романа К.А. Чхеидзе «Глядящий на Солнце», так и перевода, сделанного С. Погорецкой (*Погорецкая*, коробка 11).

КОММЕНТАРИИ

¹⁹ Выставка памяти Н.Ф. Федорова была устроена Национальным музеем в Праге по инициативе и при непосредственном участии К.А. Чхеидзе (работала с 26 мая по 23 июня 1934 г.).

²⁰ Ответ на письмо С. Погорецкой от 30 ноября 1934 (*Чхеидзе*. Коробка 1).

²¹ В письме С. Погорецкая писала: «Шлю тоже несколько вещей для Ваших племянниц. Примите их, пожалуйста, как от сестры» (Там же).

²² С. Погорецкая прислала К. Чхеидзе чешское издание романа В.И. Немировича-Данченко «Она» (см. примеч. 14).

²³ Следующий далее текст посвящен роману К.А. Чхеидзе «Пророк в отечестве» (см. о нем вступит. статью). В своем письме С. Погорецкая, переведившая этот роман, упрекнула Чхеидзе в шаблонном изображении «мелкого чешского буржуа» (*Чхеидзе*. Коробка 1).

²⁴ *Вагнер* — главный герой романа «Пророк в отечестве»: музыкант, мыслитель, визионер, в облике которого скрестились черты философа общего дела Н.Ф. Федорова и друга К.А. Чхеидзе философа Вацлава Вагнера.

²⁵ *Сахаров* — персонаж романа «Пророк в отечестве», владелец русско-французского ресторана «Flamme bleau, или Голубое пламя». *Баронесса* — гардеробщица в этом ресторане.

²⁶ *Ярослава* — центральная героиня романа.

²⁷ Евгений Александрович *Ляцкий* (1868–1942) — историк литературы, этнограф, издатель. Речь идет о его романе «Тундра»: *Ляцкий Е.* Тундра: Роман из беженской жизни. Ч. 1. Прага, 1925. *Федоров* — см. примеч. 15.

²⁸ *Киямат* — гюню — воскрешение — рождение (*араб.*).

²⁹ Речь идет о чешском переводе романа К.А. Чхеидзе «Глядящий на Солнце». С. Погорецкая и сам автор ждали выхода романа в издательстве «Vilimek».

³⁰ Речь идет об издании: *Scheinflug K. Nevolnictví těla*. Praha, 1934. Точный перевод: «Рабство тела». Автор, чешский писатель Карел Шейнпflug, описывает нравственное и физическое рабство, в котором оказывается женщина, жертва мужского эгоизма. За помощь в подготовке данного комментария приношу сердечную благодарность Й. Вацeku.

³¹ Речь идет о статье К.А. Чхеидзе «О смене поколений» (*Akce kulturní, sociální, politická*. 1934. № 11–12. S. 94–95).

ОТВЕТ НА ПИСЬМО Н.А. МАКШЕЕВА

Печатается по: ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 2–5.

Николай Александрович *Макшеев* — член эстонской евразийской группы (с 1934 г.).

Развернутое письмо К.А. Чхеидзе является ответом на письмо Н.А. Макшеева членам Пражской евразийской группы, в котором была дана критика статьи К.А. Чхеидзе «О национальностях России — СССР», опубликованной в № 6 за 1935 г. газеты «Знамя России» (текст статьи см. в наст. изд.).

Фрагмент письма Н.А. Макшеева и ответ К.А. Чхеидзе были опубликованы в 6-м выпуске «Евразийских тетрадей» (О национальном вопросе // Евразийские тетради. Вып. 6. Прага, 1936. С. 18–24). Начало ответа, со слов «Как всегда письмо нашего общего “эстонского” друга» до слов «интересное впечатление произвела статья К.А. Чхеидзе», в публикации отсутствует. В наст. изд. текст печатается по архивной машинописи.

¹ Проблема создания совершенной идеократии на основе синтеза евразийства и идей Н.Ф. Федорова красной нитью проходит через все печатные и публичные выступления Чхеидзе в евразийских кругах, а также в его переписке с евразийцами. Подробнее см.: *Pro*

et contra. II, 693–721. Эстонские евразийцы, к которым примыкал Н.А. Макшеев, под влиянием К.А. Чхеидзе активно интересовались Федоровым. В 1935 г. они даже выступили с проектом издания федоровского сборника. Н.А. Макшеев написал об этом в Прагу. Пражская евразийская группа в начале января 1936 г. посвятила обсуждению проекта отдельное заседание, по итогам которого было принято решение специальный сборник не издавать, но предложить членам эстонской группы, сохранив в сборнике статьи по Федорову, включить и материалы пражан «на другие, нефедоровские, темы» (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 468. Л. 94; см. подробнее: *Pro et contra*. II, 1170–1172).

² Имеется в виду статья К.А. Чхеидзе «О национальностях России — СССР». О «федоровских» акцентах этой статьи см. примеч. 10 к ней.

³ П.Н. Савицкий.

⁴ См. примеч. 14 к письмам Л.Н. Гомолицкому.

⁵ См. примеч. 1. Подробнее о внимании евразийцев к идеям Н.Ф. Федорова см.: *Hagemeister*, 418–435; *Философский контекст*, 329–346.

⁶ Гал. 3:28.

⁷ «Очерки русской смуты» генерала Антона Ивановича *Деникина* (1872–1947), главнокомандующего Добровольческой армией, с 26 декабря 1918 г. по 22 марта 1920 г. главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, в 5 томах, посвященные революции и Гражданской войне, вышли в свет в Париже и Берлине в 1921–1926 гг. Записки генерала Петра Николаевича *Врангеля* (1878–1928), командующего Добровольческой армией, возглавившего Вооруженные силы Юга России 22 марта 1920 г., были опубликованы в V и VI книгах сборника «Белое дело» в 1928 г. Оба деятеля Белого движения посвятили многие страницы воспоминаний Гражданской войне на Кавказе и в Крыму.

⁸ См. примеч. 8 к статье «Антиномии современности».

⁹ Франц Яковлевич *Лефор* (1656–1699) — государственный и военный деятель, адмирал, сподвижник Петра I, по национальности швейцарец. Михаил Богданович *Барклай-де-Толли* (1761–1818) — русский полководец, генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 г., происходил из шотландского рода. Петр Иванович *Багратион* (1765–1821) — российский полководец, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., происходил из грузинского аристократического рода Багратионов. Нестор Васильевич *Кукольник* (1809–1868) — писатель, поэт, драматург, создатель историко-патриотических пьес, был сыном русина и польки. Михаил Тариелович *Лорис-Меликов* (1825–1888) — государственный и военный деятель, в 1880–1881 г. — министр внутренних дел; происходил из армянского рода.

¹⁰ Михаил Николаевич *Покровский* (1886–1932) — историк, политический деятель, с мая 1918 г. — заместитель наркома просвещения РСФСР, руководитель Коммунистической академии, Общества историков-марксистов, Центрархива, редактор исторических журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов». К.А. Чхеидзе отсылает к его статье «Завоевание Кавказа», в которой была дана характеристика Кавказской войны (см. примеч. 11), жестких действий генералов А.П. Ермолова и А.И. Барятинского, негативного отношения горцев к действиям царского правительства, «добровольного» переселения почти 400000 черкесов в Турцию, восстаний, вспыхивавших на чеченских землях, вошедших в состав Российской империи, и т.д. (*Покровский М.Н. Завоевание Кавказа // Покровский М.Н. Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии: Сб. статей. М., 1923. С. 179–229.*)

¹¹ Северный Кавказ был присоединен к Российской империи в результате Кавказской войны 1817–1864 гг.

¹² Речь идет о разгроме Вооруженных сил Юга России под командованием А.И. Деникина и эвакуации армии и беженцев из Новороссийска в марте 1920 г. Паника во время эвакуации унесла жизни нескольких сот человек. В городе свирепствовали болезни, военные

КОММЕНТАРИИ

и гражданские умирали от тифа. Десятки тысяч казаков и калмыков, отступавших к Новороссийску, попали в плен. Многие офицеры Белой армии, оставшиеся в Новороссийске, покончили с собой, другие были казнены большевиками.

¹³ В программной декларации, утвержденной на Первом съезде Евразийской организации 1931 г. (Брюссель), подчеркивалось, что «Евразийское Государство» гарантирует «национальностям России-Евразии» «возможность действительно свободного культурного развития, подлинного самоуправления и сотрудничества» с другими национальностями. А раздел «Национальности», входивший в изложение базисных положений евразийской доктрины, начинался с определения: «Национальности России-Евразии в своей совокупности образуют единый над-национальный союз», причем «геополитическая неразъединимость» входящих в него национальностей сочетается с признанием «принципиального равенства каждой отдельной национальности», ее «права на действительно свободное духовное и культурное развитие <...> и на действительно самоуправление в рамках общегосударственного целого» (Евразийство. Декларация. Формулировка, Тезисы. Прага, 1932. С. 4, 23–24).

¹⁴ Имеется в виду так называемый Георгиевский трактат, договор между Россией и грузинским царством Картли-Кахети, заключенный в 1783 г. Согласно договору, Грузия признавала покровительство России, принимала обязательство военной службы, отказывалась от независимой внешней политики. При этом Екатерина II подтверждала сохранность владений грузинского царя Ираклия II и его потомков и предоставила Грузии полную автономию. Договор был нарушен в царствование Александра I, который в 1801 г. высочайшим указом упразднил грузинскую монархию и государственность, уничтожил автокефалию Грузинской православной церкви.

¹⁵ См. примеч. 14.

¹⁶ См. преамбулу примеч. к «Ответу на письмо Н.А. Макшеева».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. 494
Августин, бл. 271, 377, 502
Адамович Г.В. 513
Айхенвальд Ю.И. 254, 475
Аксаков С.Т. 208
Ала-Мурад 60
Алданов М.А. (наст. фам.: Ландау) 209, 421
Алекберли М. 505
Александр I, рос. имп. 315, 398, 402, 485, 486, 521
Александр II, рос. имп. 384, 395, 499
Александр III, рос. имп. 499
Александр Македонский 17, 362, 380, 492
Алексеев Н.Н. 15, 17, 20, 21, 341, 425, 433, 492, 503
Алексеев П.Н. 425, 514
Алексей Петрович, царевич 479
Алгадуков И.М. 428
Амфитеатров А.В. 284
Амфитеатров-Кадашев В.А. 28, 423, 514
Андреев Л.Н. 149, 204, 227, 261, 284, 399, 458, 459
Андреевский С.А. 211, 467
Аничков В.И. 463
Антипов А.П. 502, 505
Антипов Н.А. 28, 459
Антоний (Храповицкий), митр. 507, 511
Арапов П.С. 462, 463
Аристотель 352
Арский П.С. (наст. фам.: Афанасьев) 465, 477
Артамонов Ю.А. 462
Архимед 342, 344
Арцыбашев М.П. 204, 208, 227, 284, 379, 502
Асеев Н.Н. 217
Астров Н.И. 461
Ататюрк М.К. 122, 125, 146, 456
Аугуста Я.М. 517
Ахматова А.А. 6, 432
Бабель И.Э. 206, 279, 287
Бабка Л. 448
Багратион П.И. 444, 520
Байрон Д.Г. 32, 43, 57, 236
Баксанов С. 502
Балыков С.Б. 419, 513
Бальзак О., де 20, 478
Бальмонт К.Д. 415
Барклай-де-Толли М.Б. 444, 520
Барт С. 516, 517
Бартонь-Добенин Ц. 510
Барятинский А.И. 520
Бауше И. 434, 508, 517
Бахметьев П.И. 228, 470
Бедный Д. (наст. имя и фам.: Ефим Алексеевич Придворов) 266, 478
Бекович-Черкасский Т.Ж. 13
Бекович-Черкасский Э.А. 40
Белопешская Л.Н. 28, 447, 448, 514
Белый А. (наст. имя и фам.: Борис Николаевич Бугаев) 51, 203, 205, 227, 286, 399, 467, 480
Белый В.Д. 51, 481, 494
Бем А.Л. 28, 51, 236, 424, 425, 472, 513, 514
Берг Л.С. 352, 432, 497
Бергсон А. 432, 470, 501, 517
Бердяев Н.А. 22, 26, 53, 365, 480, 500, 502, 511
Берковский Ю.Р. 16
Беспалов И.М. 504
Бигаев Н.А. 40, 413, 510
Билек К. 448
Бисмарк О. 396, 411, 505

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Блерио Л. 362, 499
 Блок А.А. 51, 203, 205, 227, 244–247, 250, 286, 399, 466, 473, 474, 514
 Бобрищев-Пушкин А.В. 22
 Богданов-Бельский Н. 511
 Боранецкий П.С. 22, 23, 507, 508
 Борецкая М. 492
 Борецкий Д. 492
 Борецкий И. 492
 Борис Годунов, рус. царь 235
 Бородин А.П. 478
 Ботев Х. 460
 Бохан Д.Д. 46, 505
 Бохан С.Д. 498, 505
 Бочаров С.Г. 479, 480
 Брадова М. см. Заградникова М.
 Бранд (Брант) В.В. 432, 516, 517
 Бржезина О. 51
 Бриан А. 487
 Брик О.М. 480
 Брихничев И.П. 227, 469, 470
 Брокгауз Ф.А. 380
 Бромберг Я.А. 505
 Бруно Д. 380
 Брюсов В.Я. 227, 228, 376, 470, 471
 Буало Н. 236
 Будда 307, 381
 Булгаков В.Ф. 51, 52, 409, 411–418, 421, 507, 508–515
 Булгаков М.А. 419, 513
 Булгаков С.Н. 15, 22, 25, 202, 466, 480, 507
 Булгакова Т.В. (Таня) 410, 509
 Бунин И.А. 53, 209, 227, 261, 284, 415, 417, 480, 511
 Бурлюк Д.Д. 210, 211
 Бурлюки 213
 Буткевич Б.В. 53, 419, 513
 Бухарин Н.И. 392, 488, 505
 Быстров В.Н. 29, 58, 447–449, 508
 Быстров Н.В. 31, 459, 460, 494, 496, 504
 Бэкон Ф. 218, 367
- Вавра Я.Р. 435, 518
 Вагнер В.В. 49, 507, 519
 Вагнер Р. 366
- Вазагов Н.В. 481
 Ванечкова Г. 512
 Варшавский В.С. 23
 Василий Великий, свт. 502
 Васильева М.А. 448
 Вацек Й. 6, 29, 44, 447, 448, 471, 508, 510, 515, 519
 Введенский А.И. 227, 469, 470
 Вебер-Хирьякова Е.С. 423, 513, 518
 Векилова Е.Е. 453
 Вербицкая А. 454
 Верн Ж. 218
 Вернадский В.И. 27
 Вернадский Г.В. 15, 17, 507
 Верхарн Э. 376
 Веселы А. 508
 Веселый А. (наст. имя и фам.: Николай Иванович Кочуров) 206, 286, 287
 Вечорка Т. см. Толстая Т.В.
 Виж-Северский (наст. имя и фам.: Владимир Иванович Жибуртович) 289, 481
 Вилков А.А. 19, 509
 Вильданова Р.И. 448
 Вильсон Т.В. 321, 322, 354, 486, 498
 Вильямс Д. 482
 Виноградов С. 511
 Виппер Р. 365, 500
 Висковатая Я.М. 51, 423, 425, 426, 436, 507, 513, 514, 518
 Висковатый К.К. 423, 425, 426, 513
 Владимир I Святославич, вел. кн. 315
 Вогюэ Э., де 479
 Воеводин А.А. 51, 494
 Воинова А.И. 265, 289, 476–480
 Войтехович А. (Арсений) 9
 Войтинский В.С. 323, 487
 Волковыский Н. 481
 Вольф Й. 63
 Врангель П.Н. 14, 443, 460, 513, 520
- Гамплъ Я. 428, 436, 471, 515, 518
 Гамсун К. 15, 476
 Ганди М.К. 411, 509
 Гаспарри П. 501
 Гацек М. 508

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Гачева А.Г. 6, 24, 64, 447, 467, 508
 Гежелинский Г.Г. см. Сетницкий Н.А.
 Герострат 381, 431
 Герцен А.И. 297, 482
 Гессен С.И. 504
 Гете И.В. 57, 236, 411
 Гиппиус З.Н. 469
 Гитлер А. (наст. фам.: Шикльгрубер) 53, 381, 501
 Гладков Ф.В. 209, 257, 288–290, 481
 Гоголь Н.В. 47, 208, 237, 281, 289, 416, 472
 Гомолицкий Л.Н. 45, 52, 425, 428, 430, 433, 507, 508, 512, 515, 516, 520
 Гончаров И.А. 208, 282
 Горбатов Б.Л. 15, 268, 289, 290, 478, 481
 Горгий 231, 471
 Горностаев А. см. Горский А.К.
 Горский А.К. (псевд.: А. Горностаев, А. Остромиров) 16, 227, 358, 412, 429, 465, 466, 469, 470, 479, 506, 510, 513, 518
 Горький М. (наст. имя и фам.: Алексей Максимович Пешков) 6, 10, 15, 227, 253, 261–264, 283, 284, 289, 347, 395, 403, 452, 475, 476, 478, 480, 481, 506
 Гребенников М.Т. 481
 Гребенщиков Г.Д. 209, 259, 415, 475, 507, 511
 Грибоедов А.С. 281
 Григорьев В.П. 468
 Гроссман Л.П. 473
 Губельман М.И. 469
 Гумилев Н.С. 204, 205, 244, 245, 248–250, 473, 474
 Гушик В.Е. 420, 505
 Гюго В. 20
- Давыдов Д.В. 11
 Дандова М. 448
 Данилевский Н.Я. 333, 336, 457, 490, 503
 Д'Аннунцио Г. 476
 Дарвин Ч. 352, 497
 Даутоков-Серебряков З. 12, 13, 35, 43, 44, 48, 449–451, 494
 Деборин А.М. 392, 504
 Деникин А.И. 443, 451, 520
- Державин Г.Р. 479
 Добриев Д. 85, 452
 Добужинский М.В. 510
 Достоевский Ф.М. 6, 10, 23, 32, 37, 38, 47, 54, 63, 84, 200–202, 205, 208, 210, 221–224, 226, 228, 236, 237–243, 276, 281–284, 366, 399, 403, 404, 411, 416, 423, 424, 447, 455, 462, 465, 469, 471–473, 479, 480, 488, 494, 506, 513, 514
 Дударов (Дудоров) М. 85, 452
 Дюмон Э. 505
- Евлогий (Георгиевский), митр. 511
 Екатерина I, рос. имп. 7
 Екатерина II, рос. имп. 235, 236, 315, 338, 521
 Елена Андреевна, Елена, возлюбленная Чхеидзе 435, 518
 Еленев Н.А. 504
 Ергушов П.Г. 51
 Ермолов А.П. 520
 Есенин С.А. 205, 250, 253, 286, 474
 Ефрем Сирин 242, 473
 Ефрон И.А. 380
- Жаботинский В.Е. 419, 513
 Жаров А.А. 466
 Жданов А.А. 477
 Жлоба Д.П. 160, 460
 Жуков И.Н. 284, 480
 Жуковский В.А. 237
- Заградникова М. (урожд. Брадова) 448
 Зайцев К.И. 495
 Замойский П.И. (наст. фам.: Зевалкин) 269, 270, 479
 Замятин Е.И. 286
 Зарецкий Н.В. 434, 518
 Зеньковский В.В. 472, 480
 Зиновьев Г.Е. 488
 Золотарев, полк. 413
 Золотарев И.И. 510
 Зонин А.И. 504
- Иван IV Грозный, рус. царь 384

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Иванов Вс.В. 205, 279, 287
 Иванов Вс.Н. 507
 Иванов Вяч.И. 211
 Иванов Г.В. 513
 Иванов И. 419
 Иванцов Д.Н. 512
 Игнатий Лойола, св. 306, 482
 Игнатъев, капитан 460
 Иисус Христос 8, 90, 118, 119, 150, 212, 223, 227, 247, 275, 286, 307, 404, 405, 453, 459, 461, 464, 470, 476, 478, 482, 499
 Ильин В.Н. 21, 26, 370, 500, 507
 Иоанн (Шаховской), архиеп. 415, 507, 511
 Иоанн Богослов, ап. 476
 Иоанн Дамаскин, св. 475
 Иоанн Креститель (библ.) 502
 Иракий II, грузинский царь 521
- Казимир IV Ягеллончик, вел. кн. литовский 492
 Казнина О.А. 24, 447
 Калоускова Я.О. 51, 425, 514
 Кальдерон де ла Барка П. 229
 Каменев Л.Б. 488
 Каменский А.П. 419, 513
 Каменский В.В. 213, 218, 468, 513
 Кант И. 210, 411
 Каплицкий В. 59–63, 508
 Караваева А.А. 209, 467
 Караджов С. 149
 Карл XII, швед. король 235
 Каррик В.В. 419, 513
 Карсавин Л.П. 19, 40, 485
 Карташев А.В. 511
 Керенский А.Ф. 142, 184, 432, 495
 Кибиров С. 475, 476
 Кизеветтер А.А. 15
 Киприан (Керн), архим. 415, 511
 Кир II Великий 362
 Киреевский И.В. 432
 Ключников Ю.В. 22
 Кнап Й. 64
 Кожевников П.А. 28, 423, 514
 Козлов Д. 212, 467, 468
 Комарович В.Л. 403, 473, 506
- Копецкая Л.Л. 511
 Копецкий Л.В. 21, 51, 417, 425, 426, 507, 511
 Копршилова А. 448
 Кормчий Я. см. Сетницкий Н.А.
 Короленко В. 11
 Котляров В.Н. 447, 449
 Котлярова М.А. 447, 449
 Коуба И. 448
 Кочубей В.Л. 235
 Крамарж К. 510
 Крамской И.Н. 212
 Крачковский Д.Н. 423, 514
 Кречетов С. 458
 Кривошеев А.П. 460
 Кривошеин Г.Г. 415, 510
 Крижанич Ю. 397, 398
 Круббер А.А. 333, 490
 Крученных А.Е. 213, 468
 Крылов В.А. 478
 Куденхове-Калерги Р. 487
 Кузмин М.А. 211
 Кузьмин Н. 482
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. (мать Мария) 53
 Кузнецов В.А. 504
 Кукольник Н.В. 444, 520
 Кулаковский С.Ю. 425, 513
 Куликов В.А. 507
 Кульбин Н.И. 468
 Куприн А.И. 204, 227, 261, 284, 312, 415
 Кутепов А.П. 462, 463
 Кювье Ж. 490
- Лабинская А. 460
 Лабинский Н. 460, 461
 Ладыжников И.П. 505
 Ланговой А.А. 462, 463
 Ландау Г.А. 320, 486
 Ланжевен П. 367, 500
 Лапшин И.И. 15, 504
 Лахути Г.А. 505
 Лежнев А. (наст. имя и фам.: Захар Абрамович Горелик) 480
 Ленин В.И. (наст. фам.: Ульянов) 114, 265, 267, 285, 298, 342, 381, 398, 411, 477, 482, 509

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Леонардо да Винчи 217, 461, 479
Леонов Л.М. 206, 208, 253, 287, 288, 401
Леонтьев К.Н. 387, 503
Лермонтов М.Ю. 7, 9, 11, 43, 57, 208, 277,
281, 416, 454, 461
Лесков Н.С. 208, 227, 283, 470
Лефорт Ф.Я. 444, 520
Либединский Ю.Н. 206, 267, 268, 288, 467,
478
Лист Ф. 338, 491
Лобачевский Н.И. 352
Ломшаков А.С. 415, 510
Лондон Д. 15
Лорис-Меликов М.Т. 444, 520
Лосский Н.О. 15
Лукьянов С.С. 22
Луначарский А.В. 480
Луценко И.М. 470
Люгер М. 303, 482
Ляцкий Е.А. 438, 519
- Магидова М. 8, 448
Магомет 90, 205
Маджиди Р. 505
Мазепа И.С. 235
Макаров В.Г. 6, 58
Маковский С.К. 423, 514
Махшеев Н.А. 27, 440–446, 502, 505, 508,
519–521
Малашкин С.И. 207, 467, 508
Малевский-Малевиц П.Н. 462, 463, 498,
507
Мальсагов О.А. 60
Мандельштам О.Э. 211
Манн Ю.В. 479, 480
Марков И.И. 19
Маркс К. 21, 301, 303–307, 368, 399
Мартенс Ф. 486
Мартов Л. 494
Масарик Т.Г. 15, 399, 506
Махлина А. 471
Мацурова Н. 448
Маяковский В.В. 6, 50, 51, 200, 204, 205,
213, 215, 217, 220–228, 286, 425, 432,
465, 466, 468, 471, 514, 517
- Мельгунов С.П. 488
Менделеев Д.И. 333–336, 362, 400, 401,
489–491, 506
Меньшиков М.О. 492
Мережковский Д.С. 177, 206, 209, 227, 275,
283, 415, 461, 469, 479, 480
Метальников С.И. 352, 432, 497
Мечников Л.И. 333, 334, 336, 358, 359, 489
Микеланджело Буонаротти 289–290
Милецкий В.П. 497
Милловид, издатель 335, 491
Миллюков П.Н. 31, 184, 432, 494, 495
Михаил Федорович, рус. царь 479
Михаил (Семенов), архим. 469
Молотов В.М. (наст. фам.: Скрыбин) 478,
503
Монро (Монроэ) Д. 323, 486
Мопассан Г., де 368
Морозов Н.А. 466
Москвин В.А. 448
Мочульский К.В. 53
Мукалов Г.Н. 463
Муссолини Б. 355, 372, 381, 501
- Набоков В.В. 64
Наполеон Бонапарт 20, 281, 320, 345, 353,
380, 411, 414
Недзельский Е.Л. 51, 310–311, 484
Некрасов Н.А. 237
Немирович-Данченко В.И. 28, 53, 436, 437,
518, 519
Неруда Я. 438
Низами Гянджеви 57
Николаевский Б. 494
Николай I, рос. имп. 395
Николай II, рос. имп. 11, 387, 495
Николай Николаевич (Романов), вел. кн.
462, 488
Ницше Ф. 366, 476, 500
Новгородцев П.И. 15, 82, 452
Новиков В. 454
Новиков М.М. 417, 418, 421, 504, 511
Новикова Е. 480
Новотный М. 44, 63
Ной (библ.) 431

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Огнев Н. (наст. имя и фам.: Михаил Григорьевич Розанов) 209, 268, 269, 467, 479
Олеша Ю.К. 209
Олни (Олней) Р. 323, 486
Опперпут Э.О. 463
Остромиров А. см. Горский А.К.
Остроумов П.П. 19
- Павел, ап. 381
Павел I, рос. имп. 457
Павленко П.А. 289
Панферов Ф.И. 209, 267, 270, 289, 401, 478, 479
Панхерст С.Э. 106, 454
Панченко М.Ю. 463
Пастер Л. 497
Пастернак Б.Л. 6, 217
Паулик Я.Я. 229, 231, 233, 432, 465, 471, 517
Пейль В.А. 493, 498, 502
Переверзев В.Ф. 392, 504, 505
Перфильев Н.А. 507
Петерсон Н.П. 224, 403, 469, 506
Петр I Великий, рос. имп. 10, 199, 235, 281, 315, 384, 398, 479, 520
Петровский Д. 468
Петрушевский И.П. 136, 458
Пикте Р. 228, 470
Пильняк Б.А. (наст. фам.: Вогау) 205, 207, 267, 278, 279, 286–288, 478
Платон 379, 447
Плеханов Г.В. 504
Плудек А. 61
Погорецкая С. 5, 15, 49, 54, 59, 434, 436, 437, 447, 452, 453, 508, 515, 517, 518, 519
Подорожник 429, 430, 515, 516
Покровский М.Н. 444, 520
Полковников Г.П. 507
Полонский В.П. 480
Попов Н.Е. 415, 510
Поспелов Г.Н. 504
Постников С.П. 28
Потехин Ю.Н. 22
Плетнев Р.В. 472
- Прейнвальц А.К. 493, 502
Прокупек В. 508
Прудон П.Ж. 482
Пуанкаре А. 352
Пушкин А.А. 420, 513
Пушкин А.С. 6, 9, 57, 208, 215, 226, 235–237, 281, 289, 398, 399, 416, 420, 471, 472, 478, 506
- Радек К.Б. (наст. фам.: Собельсон) 343, 493, 512
Радлова А. 506
Райты О. и У. 267, 268
Раковский Х.Г. (Кръстьо Станчев) 343, 493
Рафальский С.М. 424, 514
Рейснер С.А. 479
Ремизов А.М. 209
Репников А.В. 58
Рерих (Рёрих) Н.К. 415, 475, 511
Розанов В.В. 284, 480
Романов К.К. 88, 453
Романов П.С. 207
Ропшин В. см. Савинков Б.В.
Ростопчин Ф.В. 457
Рубанов Г.И. 413, 510
Рузвельт Т. 381
Руми 57
Руссо Ж-Ж. 233, 354, 396, 411, 498
Руставели Ш. 434, 518
Рыков А.И. 488
- Саади 57
Савинков Б.В. (псевд.: В. Ропшин) 262, 462, 476
Савинов С.Я. 515
Савицкий А. 149, 459
Савицкий П.Н. 15, 17, 19–21, 51, 58, 352, 420, 425, 433, 440, 441, 448, 461–463, 472, 485, 486, 493, 497, 498, 502, 504, 505, 507, 514, 520
Сакулин П.Н. 236, 472
Салтыков-Щедрин М.Е. 282
Саханев В.В. 504
Свенцицкий В.П. 469
Светлов М.А. 206

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Святополк-Мирский Д.П. 19, 20, 50
Северянин И. (наст. имя и фам.: Игорь Васильевич Лотарев) 483
Сейфуллина Л.Н. 268, 269, 479
Селищев А.М. 222
Семенов Б.К. 424, 514
Семенова С.Г. 24, 447, 467, 470
Серафимович А.С. (наст. фам.: Попов) 287
Серебряков А. 451
Серебряков Х. 449, 451
Серебряков Х.-М. 451
Сергий Четвериков, прот. 10
Сетницкая О.Н. 16, 28, 46, 54–56, 59, 60, 62, 63, 508
Сетницкий Н.А. (псевд.: Г.Г. Гежелинский, Я. Кормчий) 16, 24, 49, 63, 412, 429, 447, 465, 466, 469–472, 475, 479, 496, 497, 500–503, 506, 508–510, 514, 515, 517, 518
Сийес Э.Ж., Сийэс 364, 500
Сикорова-Чхеидзе М. (Сикорова М., Сикора Маргарита Ивановна) 58, 413, 414, 416, 420, 510, 513
Сикорский И.И. 415, 510
Симонян Д.А. 505
Скобцов М.Е. 481
Слонимский М.Л. 209, 467
Снетков И.С. 493
Совсун В.Г. 504
Сократ 231
Солженицын А.И. 8, 63
Соловьев В.С. 23, 26, 47, 200, 202, 204, 210, 223, 224, 356, 362, 403, 404, 447, 466, 469, 470, 472, 473, 480, 484, 498, 503, 506, 507
Сологуб Ф. (наст. имя и фам.: Федор Кузьмич Тетерников) 284
Соломон (библ.) 232, 502
Соня, сестра Чхеидзе 138, 436, 437, 458
Спекторский Е.В. 19
Сперанский М.М. 389, 398, 505
Спир А.А. 303, 482
Стамболийский А. 136, 150, 170, 457–458
Сталин И.В. (наст. фам.: Джугашвили) 58, 355, 392, 399, 478, 493, 503, 504
Степанов Н.Л. 211, 215, 217–218, 467, 468
Степун Ф.А. 22, 31
Столица Л.Н. 227, 470
Столыпин П.А. 401
Стрельский Н. 514
Струве П.Б. 15, 31, 340, 432, 492, 495, 516
Суворов А.В. 156
Суворин А.С. 472, 473, 491
Сувчинский П.П. 17, 19, 20, 24, 247, 462, 474
Таганцев Н.С. 506
Тагор Р. 411
Таиров А.Я. 478
Тареев М.М. 357, 498, 499
Таш-Назаров О. 505
Твен М. 15
Тейяр де Шарден П. 501
Терпигорев С.Н. 282, 480
Тескова А. 517
Тихон (Белавин), патр. 119, 459
Тихонов Н.С. 206, 287, 514
Толль Н.П. 463
Толстая Т.В. (псевд.: Т. Вечорка) 211, 212, 467, 468
Толстой А.К. 475
Толстой А.Н. 209, 287, 419, 513
Толстой Л.Н. 6, 10, 11, 28, 54, 90, 126, 188, 200–202, 204, 208–210, 215, 258, 262–264, 280–284, 374, 395, 396, 403, 404, 411, 416, 417, 447, 453, 466, 467, 475, 476, 478, 480, 505, 506, 508–511, 514, 518
Томский М.П. 488
Торошелидзе М.Г. 505
Трегуб С.А. 468
Тренин В.В. 468
Третьяков С.М. 480
Тригубенко С. 459
Троцкий Л.Д. (наст. фам.: Бронштейн) 150, 343, 488, 493
Троянов А.А. 448
Трубецкой Н.С. 17, 21, 371, 372, 454, 462, 484, 485, 487, 498, 501, 502
Туган-Барановский М.И. 400, 506

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Тукалевский В.Н. 212, 467
 Тургенев И.С. 28, 208, 236, 237, 282, 399, 458
 Туринцев А.А. 424, 514
 Тынянов Ю.Н. 209, 211, 215, 467
- Уайльд О. 233, 471
 Уборевич И.П. 460
 Уитмен У. 217, 376
 Умов Н.А. 26
 Усачев А.В. 21
 Успенский П.Д. 353, 432, 497
 Устрялов Н.В. 22, 23, 220, 223, 327, 468, 469, 488, 496, 503, 507, 508
 Уэллс Г. 218
- Фадеев А.А. 206, 257, 287
 Фаллерслебен Г., фон 453
 Фатеев А.Н. 16, 19, 333, 337, 340, 490, 491, 507
 Федин К.А. 15
 Федоров В.Г. 436, 438, 518, 519
 Федоров Н.Ф. 6, 23–26, 34, 47–49, 63, 202, 210, 221, 227, 228, 358, 376, 380, 403–406, 412, 427, 429, 432, 447, 448, 466, 467, 469, 470, 472, 473, 475, 479, 493, 499, 500–503, 505–510, 513, 514, 517–520
 Федотов Г.П. 22, 26, 53, 504, 511
 Филарет, патр. (в миру – Федор Никитич Романов) 479
 Филонов А.Ф. 409, 509
 Философов Д.В. 45, 46
 Флобер Г. 20
 Флоренский П.А. 26, 283, 432, 480, 500, 517
 Флоровский А.В. 490
 Флоровский Г.В. 15, 17
 Фома Кемпийский 223
 Фонвизин С.И., Фон-Визин 203, 204, 284, 466
 Фохт У.Р. 504
 Фрейд З. 204, 232
 Фридланд (Фридланд) Л.С. 229, 471
 Фурманов Д.А. 206, 287
- Хагемайстер М. см. Hagemeister M.
 Хафиз (наст. имя: Шамседдин Мохаммед) 57
 Хлебников В.В. 6, 50, 200, 204, 206, 211–220, 432, 433, 465–468, 483, 514, 516, 517
 Ховин В.Р. 308–312, 483, 484
 Христов К. 416, 511
- Цаликов А.Т. 39, 40
 Цанков А. 458
 Цветаева М.И. 28, 210
 Циммерман М.А. 19, 409, 508
- Чаадаев П.Я. 474
 Чахотин С.С. 22
 Чернов В.М. 142, 458, 482
 Черны В. 61
 Чернышевский Н.Г. 208
 Чехов А.П. 208, 244, 283, 480
 Чижевский А.Л. 358, 499
 Чингисхан 184, 454, 462, 492
 Чириков Е.Н. 28, 421
 Чуев С.И. 493
 Чужак Н. (наст. имя и фам.: Николай Федорович Насимович) 480
 Чхеидзе А. (Александр) 7, 59
 Чхеидзе А. (Анна) 7
 Чхеидзе К.А. (псевд.: Константин Шергилло, К. А. Ч., Констал) 5–64, 407, 410, 411, 413, 414, 416–418, 420–422, 427, 429, 433, 434, 436, 439, 441, 447–455, 457–461, 464–473, 475–477, 479–491, 493–520
 Чхеидзе М. 58, 59, 448, 510
 Чхеидзе С.К. 9
 Чхеидзе Ф.К. 453
- Шахматов М.В. 16, 490
 Шаламов В.Т. 63
 Шамиль 33, 82
 Шаповалов А.А. 51
 Шаршун С.И. 45
 Шарый А. 495
 Шейнпflug К. 519

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Шекспир У. 43, 236
Шерипов (Ширипов) А.Д. 10, 31–33, 81–86, 451, 452
Шершеневич В. 483
Ширинский-Шихматов Ю.А. 23, 496, 507, 508
Шкловский В.Б. 217, 468
Шманкевичи Б.И. и В.И. 471
Шмелев И.С. 415
Шолохов М.А. 251–260, 270, 271, 287, 279, 401, 479
Шпенглер О. 486, 491, 500
Штейн Л., фон 353, 497
Штреземан Г. 487

Щапов А.П. 17, 333, 334, 336, 396–398, 489, 490, 505

Эдисон Т.А. 362, 499
Эйнштейн А. 60, 228, 352
Эмерсон Р.У. 422, 513
Энгельс Ф. 399
Эразм Роттердамский 303
Эренбург И.Г. 400, 483, 506
Эристовы, грузинские князья 445
Эрн В.Ф. 469
Эфрон С.Я. 19, 20

Яacobson P.O. 221, 223, 226, 228, 468, 469
Ярославский Е. (наст. имя и фам.: Миней Израилевич Губельман) 221, 469
Ярошенко Н.А. 162, 460, 461
Ясенский Б. (наст. имя и фам.: Виктор Яковлевич Зисман) 266, 270, 289, 478
Ященко А.С. 512

Bystrov V. см. Быстров В.Н.
Čcheidze K.A. см. Чхеидзе К.А.
Dostojewski. F.M. см. Достоевский Ф.М.
Gornostaev A. см. Горский А.К.
Hagemeister M. 6, 447, 448, 467, 500, 520
Hampf см. Гампль Я.

Komarowitsch W. см. Комарович В.Л.
Nemirovič-Dančenko V.I. см. Немирович-Данченко В.И.
Sagner O. 447
Scheinflug K. см. Шейнпflug К.
Vacek J. см. Вацек Й.
Vojtinsky V. см. Войтинский В.С.

Wilde O. см. Уайльд О.

СОДЕРЖАНИЕ

Анастасия Гачева. Путник с Востока на чешской земле 5

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

Повесть о Дине	67
Вавочка (Вторая повесть, из записей Батыр-Бека Кабардейшауо извлеченная)	73
Аслан-Бек Ширипов	81
На обратном пути (опущенная глава из книги «Страна Прометей»)	87
На кургане	94
Моменты из жизни Николая Зарина	98
Лемносские встречи	121
Снимки и думы	129
Из болгарского дневника	152
Как живут и работают..	155
Голые люди	162
Способ	176
В трамвае	180
Голубые глаза (глава из романа)	183
Вечер (Пражский этюд)	190
На улицах Праги (Зарисовки)	191
Орава	195

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

На литературные темы	199
О современной русской литературе	200
Велимир Хлебников	211
Комментарий к Маяковскому	220
Жизнь — «игра» и жизнь — «факт» в книге Я.Я. Паулика («Техника флирта». Прага, 1932)	229
Пушкин	235
О качествах карамазовской души	238
Денонощ.	244

Мих<аил> Шолохов. «Тихий Дон»	251
Максим Горький	261
Человек и быт в подсоветской литературе	265
Борьба между образами и за образ	273

ПУБЛИЦИСТИКА

Казачьему сполоху	293
Мысли о марксизме	301
От «nihi'l'я» к «ничегоку»	308
Национальная проблема	314
Лига Наций и государства-материки	320
Евразийство и ВКП (б)	326
К познанию современности	330
Из области русской геополитики	333
Революция на переломе	342
Героическое в современности	345
О двух поколениях	347
Антиномии современности	352
К проблеме идеократии	356
Проблема идеократии	364
Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству? (Ответ на анкету)	377
Идея-проект	379
Идеократическое содержание хозяйства	383
О национальностях России — СССР	387
С другой точки зрения (К характеристике русского народа)	395
О Н.Ф. Федорове и его учении	403

ИЗ ПИСЕМ

В.Ф. Булгакову	409
Е.С. Вебер-Хирьяковой	423
Л.Н. Гомолицкому	428
С. Погорецкой	434
Ответ на письмо Н.А. Макшеева	440
Комментарии	447
Список сокращений	447
Указатель имен	522

В оформлении переплета использованы:

К.А. Чхеидзе. Орава. 1930-е годы.
Фотография М. Сикоровой-Чхеидзе.
Личный архив М. Чхеидзе

Генеральная карта Кавказской области и земель горских народов. 1825

На форзаце:

Верхняя Балкария. 2011.
Фотография М. Чхеидзе

На нахзаце:

Прага. Вид из окон Литературного архива
Музея национальной письменности. 2010.
Фотография М. Чхеидзе

На фронтисписе:

К.А. Чхеидзе. 1930-е годы.
Личный архив М. Чхеидзе

Литературно-художественное издание

Чхеидзе Константин Александрович

Путник с Востока

*Проза, литературно-критические статьи,
публицистика, письма*

Составитель: *Гачева Анастасия Георгиевна*

Редактор *М.А. Васильева*

Корректор *И.Р. Любавина*

Компьютерная верстка *П.А. Сандомирский*

Подписано в печать 12.12.2011.

Формат 60х90/16. Тираж 1000 экз.

ООО «Книжница»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, оф. 64

Тел.: (495) 629-04-82.

ЗАО «Издательство «Русский путь»»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp_net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский_путь.рф

Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-903081-14-1

9 785903 081141 >

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141292, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДЛАГАЕТ

В.Б. Кудрявцев

Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья (1918–1941): Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. / РАН; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ч. 1. — М.: Русский путь, 2011.

Справочник преследует актуальную цель: дать обновленную и по возможности расширенную информацию об основном массиве периодических и неперіодических коллективных изданий русского зарубежья 1918–1941 гг. Основу пособия составили сведения об изданиях, имеющихся в собраниях специализированных или базовых российских книгохранилищ (РГБ, РНБ, НБ ГАРФ, Библиотека РАН, РГАЛИ, ГПИБ, ДРЗ, ГОПБ, ИНИОН, Библиотека ИРЛИ, Дом-музей Марины Цветаевой, ВГБИЛ и др.). Подготовительные работы были ориентированы, прежде всего, на визуальное освидетельствование изданий. Первая часть справочника включает 2693 словарные позиции, которые в том или ином объеме содержат информацию об изданиях, легших в основу предварительного словника. Впервые в отечественной практике описание экстеріоріки предпринято по расширенной схеме: библиографическая часть, вступительные или программные материалы издания, перечень авторов публикаций, каталоги библиотек (место хранения издания), указатели содержания, литература, архивы (наполненность словарных справок зависит от объема исходной информации). В рамках заявленной темы справочник также включает сведения о многих зарубежных русских книгах, журналах, газетах межвоенного времени из числа тех, которые отсутствуют в фондах отечественных библиотек.

Издание предназначено для самого широкого круга специалистов: библиографов, историков русского зарубежья, филологов, историков религии, военных историков, историков казачества, книговедов, журналистов, востоковедов, историков права, педагогов, архивистов, искусствоведов, кино- и театроведов, библиотечных работников, антикваров, прочих. Диапазон пользователей этого пособия также чрезвычайно широк: от научных работников до студенческой аудитории, от серьезных знатоков русского зарубежья до любителей отечественной истории.

Переключка через «железный занавес»: Письма Е. Герцык, В. Гриневич, Л. Бердяевой / [публ., сост., вступ. ст. и коммент. Т.Н. Жуковской; подгот. текста М.А. Котенко]. — М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь, 2011.

«...Одной из самых замечательных женщин начала XX века, утонченно-культурной, проникнутой веяниями ренессансной эпохи» назвал Евгению Казимировну Герцык Николай Бердяев. Сестра поэтессы Аделаиды Герцык, прекрасный переводчик, литератор и мемуарист (ее воспоминания издавались парижским издательством YMCA-Press в 1973 г.), уникально образованная, она составляла «ренессансную эпоху» — Серебряный век. Круг ее друзей и духовных союзников завиден — Н. Бердяев, Вяч. Иванов, М. Цветаева, С. Парнок, Л. Шестов, М. Волошин... И среди них Вера Степановна Гриневич — поборник новой системы школьного воспитания и образования в России, страстный сторонник «реконструкции» Православия, сближения его с другими конфессиями, с наукой. Ее письма к Н. Бердяеву — это отражение напряженной работы духа, нескончаемых раздумий над смыслом сущего, смятение от своего бессилия проникнуть и познать суть волнующих ее вопросов.

Письма через «железный занавес» Евгении Герцык обращены к Вере Гриневич, которая, покинув в известное время свою родину, обосновалась сначала в Болгарии, затем во Франции и снова в Болгарии. К сожалению, об эмигрантской судьбе этой незаурядной женщины известно немного. Но даже те письма, которые представлены в книге (к В.Г. Черткову, М.Л. Толстой, Л.Ю. и Н.А. Бердяевым), дают представление о внутреннем мире Гриневич, о ее тонкой связи с сестрами Герцык, которая в нашей литературе уже получила название «сестринства».

Посмотреть подробную информацию
о книгах и заказать их вы можете
на сайте издательства «РУССКИЙ ПУТЬ»: www.rp-net.ru или русский-путь.рф.
Приобрести книги можно также
в книжном магазине «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. Таганская (кольцевая)), тел. (495) 915-11-45
и в других книжных магазинах г. Москвы

Отдел продаж издательства «Русский путь»:
(495) 915-10-05

